НАСЛЕДИЕ ИРАНА

РИЧАРД ФРАЙ

НАСЛЕДИЕ ИРАНА * РИЧАРД ФРАЙ

Ричард Нельсон Фрай — профессор Гарвардского университета (США), директор Азиатского института при Ширазском университете (Иран), специалист в области истории и филологии древнего и средневекового Ирана и Средней Азии. Р. Н. Фрай родился в 1920 г. в г. Бирмингам (США). После окончания Гарвардского университета (1946 г.) занимался в течение двух лет древнеиранскими и среднеиранскими языками под руководством проф. В. Б. Хеннинга (Школа восточных исследований при Лондонском университете).

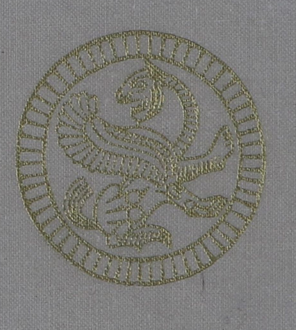
Р. Н. Фрай — автор книг «Заметки о ранних монетных чеканах Средней Азии», «История Бухары» (перевод текста и комментарии), «Иран», «Средневековая Бухара»; его перу принадлежит также более 100 статей, опубликованных в востоковедных и исторических журналах и сборниках.

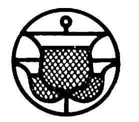
Книга Р. Н. Фрая «Наследие Ирана» выдержала несколько английских изданий и переведена на немецкий, итальянский, испанский, датский и персидский языки.

РИЧАРД ФРАЙ

НАСЛЕДИЕ ИРАНА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР. ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

КУЛЬТУРА НАРОДОВ ВОСТОКА

материалы и исследования

Издательство «Наука»

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

РИЧАРД ФРАЙ

НАСЛЕДИЕ ИРАНА

Главная редакция восточной литературы
Москва 1972

Richard FRYE

THE HERITAGE OF PERSIA

Cleveland and New York, 1963

Перевод с английского *В. А. Лившица* и *Е. В. Зеймаля*
под редакцией и с предисловием *М. А. Дандамаева*

Редакционная коллегия:

А. Н. Болдырев, И. С. Брагинский, Б. Г. Гафуров, А. Е. Глускина, О. К. Дрейер, И. М. Дьяконов, А. Н. Кононов, А. Д. Литман, В. Г. Луконин, Ю. А. Петросян (председатель), *Б. Б. Пиотровский, А. М. Пятигорский, В. М. Солнцев, О. Л. Фишман* (отв. секретарь), *Е. П. Челышев.*

Ричард Фрай

Ф82 Наследие Ирана, М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1971.

468 стр. с илл. (серия «Культура народов Востока»).

Исследование известного американского ученого, посвященное истории и культуре Ирана с VIII в. до н. э. и до X в. н. э. Автор подчеркивает преемственность традиций в развитии культуры иранских народов.

1-6-3

2-БЗ-72-71

37И + 9

МОИМ ДРУЗЬЯМ —
АФГАНЦАМ, БЕЛУДЖАМ, ИРАНЦАМ,
КУРДАМ, ОСЕТИНАМ, ТАДЖИКАМ

ОТ РЕДАКТОРА

Предлагаемая вниманию советских читателей книга американского ученого профессора Р. Н. Фрая посвящена истории и культуре мидийцев, персов, парфян и других иранских народов, начиная с возникновения Мидийского государства в VIII в. до н. э. и до X в. н. э., когда после принятия ислама персами и появления новоперсидской литературы на арабской графике заканчивается, по мнению автора, древний период истории Ирана. Р. Н. Фрай полагает, что иранская цивилизация сыграла не меньшую роль в развитии мусульманской культуры, чем греческая цивилизация в развитии христианства и его культуры. При этом автор многократно подчеркивает идею постоянства, исторической преемственности и целостности культуры, государственных традиций и институтов Ирана на всем протяжении истории этой страны.

Как правило, Р. Н. Фрай проявляет большую осторожность в интерпретации источников и воздерживается от категорических суждений в тех случаях, когда данные источников не позволяют делать определенных выводов. Естественно, что в большой работе, охватывающей почти двухтысячелетний период истории народов Иранского нагорья, трудно было избежать отдельных спорных положений; последние были рассмотрены подробно в рецензии на английское издание книги Р. Н. Фрая [1], и потому здесь можно ограничиться критикой лишь некоторых выводов общего характера.

Остановимся прежде всего на вопросе общественной структуры государств древнего Ирана. Автор отмечает, что западные ученые Парфянское государство обычно считают феодальным, царьков и даже сатрапов называют вассалами великого царя, хотя, по его мнению, эти термины могут быть ошибочными, когда их употребляют по отношению к древним обществам. Но вместе с тем сам автор без достаточных на то оснований неоднократно называет государства древнего Востока феодальными и в древнем Иране находит развитые феодальные отношения. По мнению Р. Н. Фрая, при Ахеменидах, как и при Сасанидах, царь считался собственником всей земли. Одна часть ее была реальной государственной собственностью (рудники, леса и царские имения), а другая, бóльшая, была занята на условиях феодального владения местными правителями и племенами (подчинявшимися царю царей лишь номинально), а также крупными и мелкими землевладельцами. Ахемениды, создавая в завоеванных странах военные колонии и раздавая земельные наделы своим гражданским и военным чиновникам, содействовали развитию феодализма.

Следует, однако, отметить, что до сих пор среди огромного количества документов не обнаружено ни одного, который свидетельствовал бы о существовании верховной собственности царя на землю. Напротив, имеются многочисленные свидетельства о свободной продаже, закладе, дарении и других

---

[1] См. ВДИ, 1965, № 3, стр. 192—202 (рецензия М. А. Дандамаева и Г. А. Кошеленко).

способах отчуждения земли. Конечно, царю принадлежали в завоеванных странах большие массивы земли; он раздавал земельные наделы персидской знати и военным колонистам, но во всех этих случаях царь не распоряжался землей покоренных народов произвольно, а отбирал в свое распоряжение земельные владения, принадлежавшие прежним правителям и близкой к ним знати, — обычно в тех случаях, когда они добровольно не подчинялись персам. Нельзя также согласиться с мнением автора о том, что раздача царем земельных наделов своим чиновникам и приближенным способствовала развитию феодализма, ибо наличие элементов иерархической структуры отнюдь не обязательно ведет к возникновению феодализма.

Утверждение Р. Н. Фрая, что на Востоке, в том числе и в Иране, экономическая база общества оставалась удивительно постоянной, так что почти для любого политического и социального процесса позднего времени можно найти прецеденты в более ранние периоды истории Ближнего Востока, находится в явном противоречии с данными многих тысяч документов ахеменидского времени, свидетельствующих о больших социальных сдвигах и в особенности о коренных переменах в земельных отношениях в VI—IV вв. до н. э.

Многие страницы книги посвящены вопросу о рабах и рабском труде в древних государствах Ирана. Автор высоко оценивает работы советских историков древнего Востока, однако считает, что некоторые выводы советских исследователей о классовой структуре и рабстве на древнем Востоке недостаточно аргументированы. В частности, это, по мнению Р. Н. Фрая, относится к попыткам найти массовые движения рабов на древнем Востоке.

Взгляды автора в этом вопросе в значительной мере опираются на книгу И. Мендельсона о рабстве на древнем Ближнем Востоке [2] и могут быть охарактеризованы следующим образом.

Рабство на Востоке, в том числе и в древних иранских обществах, коренным образом отличалось от рабства в Римской империи, так как основой сельского хозяйства в течение всей истории Востока были свободные земледельцы и арендаторы, в ремесле также доминировал труд свободных. Само рабство первоначально было результатом обнищания, рабы были той же расы и языка, что и их хозяева, и переход от рабского состояния к свободному и обратно не был труден, так как человек мог продать себя или членов своей семьи в рабство, чтобы добыть денег или расплатиться за долги. Раб мог быть усыновлен, отпущен на свободу или мог выкупиться. Поэтому между рабом и свободным не было резкой грани. Раб на Востоке никогда не был закованным в цепи волочильщиком камня, работавшим под ударами бича. Далее автор, ссылаясь на исследование Ф. Альтхейма и Р. Штиль [3], пишет, что рабы, работавшие в царском хозяйстве в Персеполе (*курташ*), оплачивались лучше, чем свободные работники, поскольку последние выполняли временные повинности и их гибель не могла нанести ущерба царю, так как погибшие заменялись новыми подданными.

---

[2] I. Mendelsohn, Slavery in the Ancient Near East, New York, 1949.

[3] F. Altheim und R. Stiehl, Die aramäische Sprache unter den Achaimeniden, Frankfurt am Main, [1961], стр. 173.

Как нам кажется, Р. Н. Фрай прав, когда он считает, что на древнем Востоке производство было основано главным образом на труде свободных земледельцев и ремесленников, рабов по сравнению со свободными было во много раз меньше, и поэтому на Востоке не было массовых выступлений рабов. Но ряд приведенных выше высказываний Р. Н. Фрая находится в противоречии с данными источников. Прежде всего, нельзя согласиться с мнением, что между рабом и свободным не было резкой грани и что переход из одного состояния в другое не вызывал трудностей. Самозаклад и тем более самопродажа свободных в рабство уже в ахеменидское время, не говоря о более поздних периодах, были, судя по документам, крайне редким явлением. Чрезвычайно редки и документы об усыновлении рабов свободными или актах манумиссии. Рабы наряду со скотом являлись основным видом движимого имущества, и различие между рабами и свободными имело принципиальный характер — при продаже раба продавец нес ответственность за то, что проданное лицо не являлось свободным человеком.

Трудно согласиться также с мнением о «гуманности» восточного рабства. Как показывают документы ахеменидского времени, рабы часто совершали побеги от своих хозяев, их ловили, клеймили как скот, заключали в кандалы, а наиболее непокорных рабов держали в специальных работных домах, где был установлен тюремный режим. Неверно также утверждение, что рабы в царском хозяйстве в Персеполе получали более высокую плату, чем свободные работники. Это мнение аргументировалось следующим образом. Согласно документу № 36 из Персепольской сокровищницы[4], партия виноделов, состоящая из 55 человек (12 мужчин, 18 мальчиков, 14 женщин и 11 девочек), получила в качестве половины месячной платы за время от 9 декабря 467 г. до н. э. до 7 января 466 г. 7 карша и 7 сиклей серебра. По мнению Альтхейма и Штиль, которое разделяет Р. Н. Фрай, это были свободные люди, так как они в тексте документа термином *курташ* не названы. Однако не было замечено, что в другом документе (№ 52) все эти 55 виноделов выступают в точно такой же поло-возрастной градации, но здесь они названы *курташ* и получают в качестве половины месячной платы (в период от 6 мая до 3 июня 466 г.) значительно бо́льшую сумму, а именно 14 карша серебра. Такое различие в оплате этих работников объясняется, по-видимому, тем, что в зимние месяцы они по условиям своей работы трудились гораздо меньше, чем в весенние, а вовсе не тем, что в первом случае они были свободными людьми, а во втором — рабами.

Нельзя также согласиться с оценкой автором некоторых исторических событий. Так, Р. Н. Фрай полагает, что дружественное отношение греков к местной культуре народов Востока после завоеваний Александра Македонского поразительно напоминает пример британской политики в Индии. Он считает также, что «история могла бы быть другой», если бы Артаксеркс III не был отравлен около 338 г. до н. э. или если бы в 335 г. до н. э. царем стал не Дарий III, а другой, более одаренный человек. Столь же субъективен автор

---

[4] G. G. Cameron, Persepolis Treasury Tablets, Chicago, 1948, стр. 141.

и в своем утверждении, что «если бы Ездигерд III имел время, он смог бы спасти Иран от арабов».

Однако, несмотря на отдельные неточности и спорные утверждения, книга Р. Н. Фрая показывает глубокое знание истории и культуры Ирана. Она содержит большое количество тонких наблюдений и хорошо аргументированных выводов и написана доступным для широкого читателя языком. Автор опирается на основательное знание источников и обширной новейшей литературы, в том числе и советской. Поэтому его труд несомненно принесет пользу как многочисленным специалистам по Ирану и соседним странам, так и широкому читателю.

При переводе книги по сравнению с ее английским изданием по просьбе автора внесены небольшие изменения. Наиболее важные исследования, опубликованные после выхода настоящей книги на английском языке, учтены переводчиками [5] и редактором в примечаниях, которые даны в квадратных скобках. Дополнения сделаны также к библиографическому обзору [6].

М. А. Дандамаев

---

[5] Главы I—IV переведены В. А. Лившицем, главы V—VII — В. А. Лившицем и Е. В. Зеймалем.

[6] Эти дополнения отмечены звездочками.

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ПЕРЕВОДУ

За 25 лет, прошедших после второй мировой войны, наши знания по истории Ирана и народов, говорящих на иранских языках, значительно расширились. В предвоенные годы лишь немногие исследователи знали, что в Средней Азии уже в древности существовали высокоразвитые цивилизации и культуры, созданные согдийцами, хорезмийцами, бактрийцами и другими иранскими народами. Нередко высказывалось мнение о том, что среднеазиатское искусство было лишь ответвлением сасанидского, провинциальным подражанием образцам, создававшимся в Ктесифоне, Рее и Исфахане. Французский востоковед П. Пельо предложил пользоваться термином «Внешний Иран» (*l'Iran extérieur*), а его коллега Р. Груссе настаивал на том, что культура иранских народов Средней Азии была чем-то бо́льшим, нежели сасанидским провинциальным искусством. Однако открытия, сделанные уже много лет назад в Восточном Туркестане, казались Груссе недостаточными, чтобы резко изменить традиционное представление о Средней Азии как о восточной и северной периферии Иранского плато. Находки в Восточном Туркестане в начале нынешнего столетия открыли для науки памятники на трех неизвестных ранее иранских языках — согдийском, парфянском и хотано-сакском, но значение их выяснялось лишь постепенно, в ходе их расшифровки и исследования. В полной мере важность этих памятников обнаружилась только позднее, когда их удалось сопоставить с новыми находками, которые по праву могут быть названы «недостающими звеньями» цепи, связывающей культуры Ирана и Восточного Туркестана. Среди этих звеньев важное место занимает открытие и исследование памятников еще двух иранских языков — хорезмийского и бактрийского (называемого также кушано-бактрийским), существенно пополнивших наши представления о среднеиранских языках. Грандиозные по масштабам работы советских археологов в Узбекистане, Туркмении и Таджикистане открыли новые школы изобразительного искусства, новые, неизвестные ранее факты истории культуры и идеологии, позволили сформулировать новые точки зрения относительно распространения буддизма и других религий на территориях Средней и Центральной Азии. Замечательные стенные росписи и другие памятники искусства, обнаруженные советскими археологами, монеты, надписи и документы, памятники материальной культуры открыли науке новый, неизвестный ранее мир. Интенсивные работы советских

археологических экспедиций позволили лучше понять и значение сравнительно небольших по объему, но весьма ценных по результатам раскопок, которые ведутся в Афганистане французскими археологами, в течение многих лет терпеливо изучающими превосходные памятники буддийского гандхарского искусства. Показательно, что открытые в Афганистане памятники искусства и культуры Южной Бактрии перестали быть загадочными лишь после того, как их удалось связать с находками, сделанными на территории Северной Бактрии — нынешнего Таджикистана — советскими археологами.

Новая картина прошлого Средней Азии, представшая перед глазами исследователей, внушительна и сложна. Работы советских ученых позволили выявить наличие нескольких культурных ареалов, сходных между собой в некоторых отношениях, но во многом различающихся. Хорезм, страна в низовьях Амударьи, имел особый язык, специфические особенности изобразительного искусства и свою систему летосчисления, причем последняя существовала так долго, что — для древнего мира — она может быть сопоставлена с селевкидской эрой. Согдийские города-государства в долине Зеравшана, прежде всего Бухара и Самарканд, равно как и согдийские городские поселения на востоке, в Ферганской долине и в других районах, пользовались согдийским языком, довольно единообразным в своей письменной форме, хотя и членившимся на диалекты. Монументальные стенные росписи Варахши, Афрасиаба и особенно Пенджикента демонстрируют локальные варианты общей художественной традиции. Раскопки городов Хорезма и Согда свидетельствуют, по-видимому, о преобладании здесь маздеистских культов, тогда как для Северной Бактрии характерно господство буддизма и буддийской иконографии. Греческий алфавит, приспособленный для фиксации бактрийского языка, стойко удерживался на территории Бактрии, хотя из Индии вместе с буддизмом сюда проникали индийские языки и письменности. Терракоты, которые археологи в большом количестве находят во всех областях Средней Азии, свидетельствуют о разнообразии вкусов и художественных стилей и служат одной из примечательных особенностей многоликого среднеазиатского мира искусства.

В те годы, когда советские ученые открыли для науки картину жизни иранских народов древней Средней Азии, на территории Иранского плато в результате раскопок были добыты материалы, позволившие в новом свете представить историю проникновения и расселения на плато первых иранских племен, а также процессы создания империй мидян и Ахеменидов. Публикация эламских табличек из Персеполя и новых фрагментов
 древнеперсидских надписей, а также археологические находки в

Персеполе и в других местах во многом изменили прежние представления. Открытие и публикация среднеперсидских надписей определили поиски новых путей изучения сасанидской культуры и перехода к исламу.

В предлагаемой вниманию читателей книге я старался изложить различные точки зрения и различные подходы к изучению некоторых проблем истории древнего Ирана; в тех случаях, когда я отдавал предпочтение определенной гипотезе или теории, я, как правило, руководствовался критерием простоты — я писал об этом в предисловии к английскому изданию, но должен повторить это и здесь. Я полагаю, что историк должен следовать примеру естественных наук и стремиться к таким заключениям, которые способны наиболее простым образом объяснить факты. Руководствуясь данным принципом при исследовании, например, истории зороастризма, я пытался проследить развитие этой религии от Зороастра, предполагаемого ее основателя, до современных парсов Бомбея. История зороастризма не может быть представлена в виде прямой непрерывной линии, но тем не менее я думаю, что многие явления, ставящие в тупик ученых, которые стараются объяснить кажущиеся противоречия в текстах Авесты, следует истолковывать как отклонения от основного, преемственного пути развития этой религии. Такой подход оказывается более плодотворным, чем попытки создания весьма сложной картины, в которой нашлось бы место для любого непонятного авестийского слова или представления, не укладывающегося в рамки ортодоксального зороастризма. При исследовании истории религии полезно различать две стороны веры: *ортодоксию,* строгое следование догматам, и *ортопраксию,* соблюдение установленного ритуала и обрядности; в разные периоды доминировала либо первая, либо вторая. Сходным образом при изучении языковой ситуации, складывавшейся в древнем Иране, следует считаться с возможностью сосуществования в одно и то же время и в одном и том же ареале четырех языковых форм: 1) «официального» письменного языка; 2) «официального» разговорного языка; 3) языка религии; 4) диалектов. Так, в древнем Исфахане во времена Ксеркса «официальным» письменным языком был, очевидно, арамейский, «официальным» разговорным — древнеперсидский язык (или один из древнеперсидских говоров), языком религии — авестийский (скорее, младоавестийский, чем диалект Гат?), а в кругу семьи или в пределах определенного селения употреблялся местный диалект. Такого рода соображения полезны при подходе и к другим явлениям древней истории.

Отмечу некоторые частные проблемы. Традиционная дата Зороастра — «258 лет до Александра», отраженная в среднепер-

сидских текстах и в парсийской традиции и принимаемая многими исследователями, не может считаться достаточно достоверной, так как общая продолжительность правлений царей, начиная с Виштаспы (Гуштаспа) и до Александра, как они представлены в «Шах-наме» Фирдоуси, превышает 258 лет. Вопрос о дате Зороастра до сих пор продолжает оставаться спорным.

Работы последних лет позволяют более уверенно, чем когда-либо, утверждать, что именно Дарий I ввел в употребление древнеперсидскую клинопись — об этом, как кажется, свидетельствуют наблюдения археологов: древнеперсидский текст знаменитой Бехистунской надписи Дария I был добавлен позднее к аккадской и эламской (наиболее ранней) версиям.

Я хотел бы также подчеркнуть справедливость мнения о том, что распространение персидского языка в Средней Азии и вытеснение им согдийского и бактрийского языков было связано более всего с арабским завоеванием. Только после этого иранские народы Средней Азии оказались объединенными — впервые после Александра Великого — с родственными народами Иранского нагорья. Более подробную трактовку проблем такого рода читатель найдет в соответствующих разделах этой книги.

Для русского перевода я внес в текст ряд изменений. Переводчики и редактор в некоторых случаях сочли необходимым дополнить библиографические ссылки; я должен выразить им свою искреннюю признательность. Ответственность за все ошибки и недостатки, которые не удалось исправить, остается, конечно, на мне. Надеюсь, что русский перевод моей книги вызовет у читателей интерес к сложной истории иранских народов.

Ричард Н. Фрай

10 мая 1969 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемую читателям книгу, если пользоваться современной русской терминологией, можно отнести к числу научно-популярных. Это означает, что она рассчитана на ученых и широкий круг читателей, а изложение всех затронутых в ней проблем основывается на новейших научных достижениях. Карты, библиография и иллюстрации делают книгу доступной как для учебной аудитории, так и для читателей, желающих познакомиться с историей Ирана в домусульманский период и с теми проблемами, которые возникают в ходе ее исследования. Автор надеется, что в этой книге ему удалось показать поразительную преемственность в культурном развитии Ирана — начиная со времени заселения иранцами нагорья и до полной победы ислама в стране в X в. н. э. Даже в более поздние периоды (вплоть до наших дней), которые известны гораздо лучше, чем ранняя история Персии, мы ощущаем стойкость древних традиций.

Я старался отразить разные точки зрения на проблемы, рассматриваемые в книге, стремясь сохранить объективность при изложении теорий, которые я не разделяю. Я не боялся повторять старые, но хорошо обоснованные концепции, даже если они выглядят несколько примитивными по сравнению с новыми, остроумными и блестящими построениями, кажущееся правдоподобие которых не подкреплено фактами. При выборе между несколькими теориями я склонялся к наименее сложной. Этот критерий оправдан тем, что самая простая гипотеза, как и в естественных науках, часто лучше всего способна объяснить факты. Хотя человеческие поступки нередко противоречивы и сложны, однако стремление к простоте, как мне кажется, следует считать в большинстве случаев надежным ориентиром для исследователя.

В этой книге выдвинуты некоторые новые взгляды на доисламскую историю Ирана. К их числу относится и положение о том, что история зороастризма может быть лучше понята, если рассматривать ее как прививку к религиозным верованиям большинства иранцев учения, разделявшегося меньшинством — последователями пророка Зороастра, а не как приспособление примитивных древних верований к пророческому учению Гат. Историки старались понять, каким образом последователи Зороастра могли принять «Младшую Авесту» с ее прославлением хаомы и обрядов, против которых боролся пророк. Скорее сто-

ит задуматься над тем, каким образом большинство, которое следовало за жрецами, певшими древние гимны богам «Младшей Авесты», могло включить учение Зороастра в свои верования.

Другое положение, отличающееся от общепринятых,— отнесение истории Ирана вплоть до X в. н. э. к древнему периоду. Мне представляется, что те «персидские националисты» времен Аббасидского халифата, которые прославляли в своих сочинениях традиции древнего Ирана, пытались не уничтожить ислам, а утвердить его на более широкой, международной основе, превратить его в нечто большее, чем религия арабов с культурой и цивилизацией, базирующейся на традициях бедуинов. С моей точки зрения, первые писавшие по-персидски арабским письмом были подлинным авангардом мусульманства; они оказали огромную услугу исламу, обогатив его неарабской литературой и культурой. При таком подходе, я думаю, легче понять многие частные проблемы, которые вряд ли можно решить, если, согласно традиционной точке зрения, считать, что персидский «ренессанс» возник как реакция на арабскую религию, как превознесение древних иранских традиций в ущерб исламу.

В этой книге мне пришлось затронуть и некоторые частные вопросы. Возможно, их не следовало касаться вовсе, но я прошу читателя снисходительно отнестись к стремлению автора придерживаться традиционного изложения предмета; это относится, в частности, к этимологизированию слов, при котором нельзя ограничиваться простыми утверждениями типа «это так» или «я думаю, что это так». К сожалению, не всегда можно было привести полный научный аппарат, в том числе — ссылки на источники.

Несколько слов по поводу транскрипции, предмета бесконечных споров в востоковедении. Специалисты не нуждаются в точной транслитерации лексики восточных языков, приводимой в этой книге, так как они не хуже автора знают, что́ имеется в виду. Диакритические знаки и — в угоду научной точности — видоизменение имен, хорошо известных широкому читателю, могут скорее повредить, чем принести пользу, а простота и в этом случае не умаляет научной значимости изложения. Поэтому я прошу специалистов извинить автора за то, что знаки долготы отсутствуют над гласными в некоторых словах; в других случаях я был вынужден привести более точную транслитерацию.

В заключение я хочу поблагодарить тех, кто помогал мне в работе над книгой, и прежде всего Марка Яна Дрездена из Пенсильванского университета, который прочел всю рукопись и сделал ценные замечания. Само собой разумеется, что ни он,

ни кто-либо другой, кроме меня, не несет ответственности за ошибки. Дитц Отто Эдзард из Мюнхенского университета прочел немецкий перевод первой части книги и уберег меня от некоторых погрешностей в разделах, касающихся Месопотамии. Другие лица упомянуты в примечаниях, всем им я приношу искреннюю благодарность. Я весьма признателен сотрудникам издательства Уайденфельда и Никольсона, фотографу Тегеранского музея М. Ростами, а также всем другим, кто помогал мне в подготовке иллюстраций.

Я надеюсь, что эта книга окажется интересной и полезной для многих читателей.

Кембридж, Массачусетс *Ричард Н. Фрай*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СТРАНА КОНТРАСТОВ

Введение к вопросам общим и специальным

Каждый, кто путешествовал по Персии, не мог не отметить двух особенностей ее ландшафта: горы и пустыни. Населенные центры, как правило, располагаются в небольших, порой плодородных речных долинах, тогда как обширные просторы остаются безлюдными. Плато, занимающее бóльшую часть страны, почти на всем своем протяжении сухое и каменистое — так было в древности, таким оно выглядит и в наши дни. Подобно тому, как аравийская пустыня наложила отпечаток на арабов, так и на жизнь персов оказали сильное влияние особенности ландшафта их страны. Люди современной цивилизации, защищенные от капризов стихий и даже от простого соприкосновения с окружающей природой, мы склонны забывать о той, иногда решающей роли, которую играла природа в судьбах людей, в большей степени зависевших от климата и почвы, чем в наши дни.

В то время как одни недостаточно четко представляют себе влияние окружающей среды на жизнь людей, другие склонны переоценивать значение географического фактора в истории народа, что в равной степени может привести к неверным выводам. Роль наследственности в жизни индивидуума, его воспитание в семье, его привязанность к определенному роду, племени, народу, переплетение различных традиций — все это в большой степени осложняет изучение истории. Если бы мы были в состоянии дать рациональное объяснение «комплексу этнической общности», как выразились бы социологи, то, очевидно, мы хоть частично смогли бы объяснить, почему отдельные люди и целые народы ведут себя так, а не иначе. К сожалению, многие «комплексы общности» принадлежат к числу явлений иррациональных и плохо поддаются классификации и анализу. Однако процесс развития науки сопровождается постоянными попытками заново классифицировать и постичь то, что часто является иррациональным. Мне кажется, что именно так обстоит дело с нашим пониманием истории, в том числе и истории Персии. Хотя мы пытаемся понять прошлое, выискивая параллели и прослеживая преемственность различных институтов и верований на территории этой страны на протяжении столетий, некоторые обобщения, к которым мы придем, несомненно станут предметом дискуссии. Тем не менее обобщения необходимы, и ясно, что они повлекут за собой массу предположений и догадок, ибо

древняя история Персии полна нерешенных проблем и неясностей. Следует здесь отметить, что хотя автор и не разделяет целиком мнения, согласно которому персы получили представление об истории и научились писать исторические сочинения только с приходом арабов и ислама, однако малочисленность письменных источников делает изучение древней истории Персии задачей чрезвычайно трудной, особенно в сравнении с историей древней Греции или Рима.

Как это ни парадоксально, но можно усматривать и некоторое преимущество (впрочем, весьма относительное) в этой скудости источников по истории Персии, ибо любой атом информации о прошлом Персии приобретает более важное значение, чем, к примеру, какой-либо предмет материальной культуры, надпись или отдельное слово для истории античного мира, гораздо более богатого и неизмеримо лучше освещенного письменными памятниками. Труды археологов, историков искусства, эпиграфистов и нумизматов должны быть учтены в полной мере при реконструкции древнейшей истории персов — специальное исследование памятников искусства, отдельных слов в надписи или редкой монеты может оказать неоценимую помощь в решении более общих исторических проблем. Именно по той же причине не следует забывать, что новые письменные источники или новое городище, раскопанное археологами, способны существенным образом изменить наши представления о древней истории Персии. Иногда это может огорчить, но все же радостно думать, что возможности изучения прошлого — не только для нас, но и для последующих поколений — столь же безграничны, как и возможности ученых, работающих в области естественных наук.

Слово «Персия» мы унаследовали от греков, которые, разумеется, прекрасно знали, что Персия это провинция ахеменидской империи и что персы жили в стране арийцев. «Арья», название, которое первоначально означало что-то вроде «знатный» или «господин», по всей вероятности, было общим наименованием народа, говорившего на одном из индоевропейских языков или диалектов восточной группы. Арийские племена в конце второго и начале первого тысячелетия до нашей эры расселились в областях между Гангом и Евфратом. Как в Индии, так и на западе арии сознавали свои отличия от местного оседлого населения, которое они покорили. Для тех, кто ушел в Индию, родная страна арийцев лежала к северо-западу от индийского субконтинента. Для тех, кто прибыл в Месопотамию, страна арийцев находилась на востоке, но представление об этой стране

продолжало жить у пришельцев и было перенесено на занятые ими территории. Древние авторы знали, что персы и мидяне были арийцами, и в письменных источниках термин «арья» прилагался к обоим народам[1]. В обширной ахеменидской империи термин (древнеиранский) **aryānām xšaϑram* «страна (*или* царство) ариев», очевидно, не был общеупотребительным, так как это название нигде не засвидетельствовано. Позднее, после падения державы Ахеменидов, в греческих источниках наблюдается смешение и отождествление 'Арья' с Арея — названием важной провинции на востоке ахеменидской державы, *Haraiva* древнеперсидских надписей, *'Areia* и ** Aria* у Геродота и других авторов[2]. С экспансией парфян термин **Aria*, или *Ariane* греческих источников, распространился, по-видимому, так широко, что превратился в конечном счете в «Большую Арию»[3], термин, эквивалентный наименованию «царство ариев» — Ērānšahr (Эраншахр), как называли свою обширную родину Сасаниды. Таким образом, употребление слова «Иран» в наши дни в качестве названия страны является продолжением древнего наименования.

Чтобы избежать путаницы, я хочу предложить для доисламского периода следующие обозначения. «Большой Иран» включает всю территорию, на которой в историческое время говорили на иранских языках и культуру которой можно считать преимущественно иранской. Некоторые районы Средней Азии, Северо-Западной Индии, Закавказья и Месопотамии, равно как и нагорье, включающее территории современных государств Ирана и Афганистана, относятся к «Большому Ирану» (понятие, имеющее только историко-культурное значение). Для того чтобы отличать ядро, центральную часть — собственно Иран (современные Афганистан и Персия) от периферийных областей, мне кажется удобным пользоваться для последних французским термином *l'Iran extérieur* («внешний Иран»). Несомненно, что здесь трудно провести сколько-нибудь точную границу, ибо главный наш критерий — культурный ареал, а не

---

[1] Геродот, VII, 62; Моисей Хоренский (I, 29) употребляет наименования *arik* «ариец» и *mar-, med-* для обозначения мидян.

[2] Только как этническое название это слово засвидетельствовано у Геродота (III, 93; VII, 66) и Арриана (VII, 6, 3), однако мы можем реконструировать **Aria* в качестве обозначения области современного Герата. Вавилонская форма *a-ri-e-mu* является, возможно, источником греческого **Aria* или *Areia* (арам. *'ryk* может значить «арья» или «ариец»).

[3] Область Герата, именуемого *ḥlyw (harēw)* в среднеперсидских текстах, унаследовала свое название от древности. Это наименование, с точки зрения истории языка, нельзя смешивать с *Arya*, хотя в парфянский период могли существовать исторические причины, приведшие к тому, что греки отождествили *Arya* с областью, которую они называли **Aria*.

политическая карта. Так, Сасаниды были уверены, что столица их империи, Ктесифон, около современного Багдада, находится в Эраншахре. В то же время некоторые области на побережье Индийского океана, входящие в состав современной Персии, в сасанидский период не считались частью Ирана. Хотя в этой книге речь пойдет прежде всего о собственно Иране, мы не могли исключить из рассмотрения и те районы, где преобладала иранская культура, в особенности Среднюю Азию и Северо-Западную Индию,— они должны занять важное место в нашем изложении. Слово «Персия» условимся употреблять для обозначения современного государства или соответствующей территории в древности; для ахеменидской провинции и нынешней области на юго-западе Ирана будем пользоваться греческим названием *Persis* (Персида) или арабизованным *Fārs* (Фарс).

Точно определить хронологические координаты нашего изложения так же трудно, как и географические рамки. Основная часть книги посвящена Ахеменидам, парфянским Аршакидам и Сасанидам — периоду от VI в. до н. э. до VI в. н. э. Однако для того чтобы правильно понять эпоху Ахеменидов, необходимо исследовать историю их предшественников — мидян, и даже народов, выступивших на историческую арену еще раньше. Не выходят за рамки нашей работы и вопросы этногенеза, заставляющие углубиться в очень отдаленные эпохи. Объяснения требует верхний предел изложения, избранный нами,— десятый век н. э.

Распространение ислама имело, несомненно, огромное значение не только для Ирана, но и для всего Ближнего Востока. История этой части земного шара может быть разделена на два периода — доисламский и мусульманский. С влиянием ислама на страны, лежащие между Средиземным морем и рекой Инд, не могут сравниться ни завоевания Александра Великого, результатом которых был эллинизм III—II вв. до н. э., ни проникновение культуры Запада в наши дни. Однако не следует считать арабское завоевание VII в. концом древнеиранского периода. До тех пор, пока ислам оставался всего лишь религией арабов, Иран не был покорен исламом. Только в десятом веке, когда мы находим новоперсидскую литературу, пользующуюся арабским письмом, которая, пожалуй, больше чем все другое способствовала проникновению древних иранских традиций в культуру ислама, можно говорить о начале новой эры, ибо новоперсидская литература не только персидская, но, что более поразительно, также и мусульманская. Начиная с этого времени Иран прочно становится мусульманским, и все восстания или сепаратистские движения, возникавшие в халифате, которые удобства ради неправильно определяют как проявление «иран-

ского национализма», проходили под флагом ислама. Династии мелких властителей в Иране были в известном смысле скорее рьяными поборниками ислама, чем персидскими патриотами, врагами мусульманства, как их нередко характеризуют. Освободив ислам от ограничений, налагавшихся на него привязанностью только к арабскому языку и к бедуинским традициям арабов, персы действительно много сделали для того, чтобы превратить ислам в мировую религию, и, таким образом, способствовали его сохранению и распространению. Именно поэтому кажется оправданным относить к истории древнего Ирана период вплоть до десятого века н. э., когда начинается история мусульманского Ирана. Такая периодизация не противоречит истории арабов в Иране в седьмом — десятом веках нашей эры, что является совершенно особой темой.

Сформулированная точка зрения расходится с мнением одного знаменитого современного перса, согласно которому для арабов история начинается с ислама, а для персов с приходом ислама она кончается. Хотя и принято считать, что многие обобщения такого рода несут в себе крупицу истины, данное мнение, мне кажется, порождено скорее национализмом XX века, нежели детальным анализом фактического материала; если говорить об историографии, то именно X век — это время больших перемен для Ирана.

Можно было бы привести веские доводы в пользу того, что до ислама у иранцев не существовало хронологической истории, какую мы знаем у греков или у мусульманских авторов. Но здесь не место затрагивать более широкие проблемы, разбирать различия и перемены в системах взглядов на мир (*Weltanschauung*) у разных народов. Часть ученых предполагает коренные различия между «циклической» теорией исторического процесса у индоевропейских народов и «линейной» теорией у народов семитических. Другие исследователи подчеркивают крупные перемены, происходившие в представлениях данного общества, особенно в его понимании исторических процессов, о которых здесь пойдет речь. Таковы, например, последствия столкновения веры в мессию, или спасителя, со старой традицией, опиравшейся на откровение (Ближний Восток) или на логическое умозаключение (у греков). Ведь, как учит христианство, появлением мессии могла либо начинаться, либо завершаться история для данного общества. Нельзя считать эти вопросы маловажными и неинтересными; они связаны с исследованием истории и историографии домусульманского Ирана настолько, что мы их не можем обходить. Более того, они относятся к числу тех основных положений, на которых зиждется наше построение истории древнего Ирана. Следует все время

учитывать, что самый подход к истории на древнем Востоке существенно отличался от нашего. То, что мы воспринимаем как легенды и мифы, составляло часть религиозных воззрений и трактовалось как действительно «реальное», достоверное, в совершенно ином значении, чем для нас. Не нужно забывать, что сколь бы близкими и похожими на нынешние ни казались нам иные века и общества, оценка событий и подход к истории у древних заметно отличались от наших.

Многие народы Востока, в том числе иранцы и индийцы, гораздо больше интересовались религией, чем историей, об этом свидетельствуют сохранившиеся письменные памятники древнего Ирана и Индии. Я думаю, что религия не имеет отношения к «истине», ни к универсальной «логической» истине типа «дважды два — четыре», ни даже к «природной» истине, как, к примеру, физическая, поддающаяся наблюдению характеристика книги, которую вы держите в руках. Религия — это скорее акт убеждения или веры группы людей на протяжении определенного исторического периода, и поэтому религия гораздо труднее поддается анализу или даже изучению, чем установленные человеком «истины». Это следует учитывать при изучении текстов и иных источников по истории Ирана и Индии.

Можно ли доверять этим источникам вообще и что они собой представляют? Характер и ценность наших источников меняются со временем, как и наши методы их интерпретации. Мне кажется, например, что, по мере того как появляются новые письменные памятники, они не только сообщают нам новые факты, но и заставляют заново оценить значение памятников материальной культуры, искусства и архитектуры, раскопанных археологами. Письменные источники служат как бы каркасом, на котором монтируется все остальное. С появлением письменных памятников теряет свое прежнее исключительное значение керамика, служившая для дописьменной эпохи основным источником сведений о волнах нашествий новых народов. Точно так же и реконструкции, добытые методами сравнительной филологии, могут утратить по крайней мере часть своей предполагаемой культурной и историко-социальной ценности, когда с открытием новых текстов обнаруживаются непредвиденные изменения в семантике отдельных слов. Так меняется относительная ценность наших источников. Увеличение количества письменных памятников, естественно, не только снижает значение археологических материалов, но и способствует дальнейшей дифференциации таких дисциплин, как история искусства, архитектуры и нумизматика. Методы работы историка должны изменяться вместе с эволюцией орудий исследования. Монета, увековечившая победу Карла Великого над саксами, имеет, несомненно,

гораздо бо́льшее значение, чем монета, отчеканенная в Пруссии в честь победы в войне 1870 года. Историк Карла Великого не может игнорировать данные нумизматики, тогда как историк франко-прусской войны отнюдь не обязательно должен знать о их существовании. Историк доисламского Ирана вынужден использовать любую, даже самую незначительную информацию, пусть даже отдаленно связанную с предметом его исследования. Существует, однако, опасность переоценить роль отдельного слова в какой-нибудь древней надписи, придать ему реально не существовавшее значение: *argumentum ex silentio* в данной области — прием крайне нежелательный.

Основными источниками для нашего изложения служат в первую очередь тексты на различных иранских языках. Для древнейшего периода это надписи ахеменидских царей, прежде всего Дария I и Ксеркса, составленные на древнеперсидском, эламском и аккадском языках, а также священная книга Авеста. Для парфянского времени у нас есть только немногие краткие надписи, а также более поздние тексты на парфянском языке, написанные уже спустя много времени после падения Парфянского царства и связанные главным образом с манихейством. Первые сасанидские правители оставили царские надписи, некоторые из них составлены на трех языках — сасанидском среднеперсидском, парфянском и греческом. В нашем распоряжении имеется также довольно обширная (в подавляющей части — религиозная) литература зороастрийцев, написанная на среднеперсидском языке, именуемом обычно пехлеви или книжный пехлеви. Большинство памятников этой литературы было составлено уже после арабского завоевания Персии, а наиболее ранние из дошедших до нас рукописей этих сочинений относятся к еще более позднему времени. Тексты на согдийском, хорезмийском и хотано-сакском языках, найденные в Центральной и Средней Азии (не говоря уже о фрагментах парфянских и среднеперсидских письменных памятников, обнаруженных там же), открыли новые пути для изучения иранской культуры и цивилизации. Наконец, у нас есть сочинения, написанные на языках новоперсидском и арабском (среди авторов последних также немало персов), которые содержат ценные сведения о доисламском Иране.

Наиболее важные иноязычные источники — античные, преимущественно на греческом языке и сравнительно немногочисленные латинские. Геродот, Ксенофонт и историки Александра Македонского (прежде всего Арриан) служат весьма ценными источниками для ахеменидской эпохи; географы Птолемей и Страбон и историк Помпей Трог (дошел до нас в эпитоме Юстина) особенно важны для истории Парфии. Для эпохи Са-

санидов следует особо отметить латинское сочинение Аммиана Марцеллина; большое значение для этого времени имеют также труды армянских и сирийских авторов. Сравнительно невелика роль прочих иноземных источников — китайских, индийских, египетских, палестинских — в освещении истории домусульманского Ирана; они содержат очень мало новых, по сравнению с другими источниками, сведений. Таковы, в самом кратком перечислении, наши основные источники, дополняемые данными археологии и родственных дисциплин. С их помощью нужно попытаться восстановить историю двух тысячелетий и заполнить пробелы, часто гораздо более значительные, чем периоды, освещенные вспышками света письменных памятников. У нас нет даже сетки, хотя бы фрагментарной, с крупными ячейками, в которых можно было бы разместить имеющиеся данные; в нашем распоряжении только атомы информации, и мы должны расположить их в определенном порядке.

Географический фон

В центре Иранского нагорья располагаются безлюдные солончаковые пустыни — Деште Кевир и Деште Лут. Они служат барьером между востоком и западом, не раз заставлявшим свернуть с пути многочисленные группы мигрирующих народов и направиться либо на восток, в страну Индии, либо на запад, к Месопотамии. Вдоль северной границы пустыни Деште Кевир пролегал торговый путь, начинавшийся на равнинах Месопотамии, там, где у древнего Ктесифона (нынешнего Багдада) сближаются реки Тигр и Евфрат. Отсюда дорога шла к Иранскому плато, через современные Керманшах, Хамадан, Тегеран, затем по северному краю Деште Кевир, ответвляясь у Герата на северо-восток, к Мерву, Бухаре и Самарканду и далее в Китай, или поворачивала на юг, к Сеистану, на восток, к Кандахару и через горы вела к равнинам долины Инда. Эти трассы были не только путями торговли, почитавшимися издревле, но и дорогами нашествий. Другие пути вели из Тегерана или Хамадана на север, в Азербайджан и Армению, к берегам Черного и Каспийского морей, или на юг, в Исфахан и в провинцию Фарс. Но главным путем для истории был путь «восток — запад», описанный выше; отдельные его участки известны как Великий хорасанский путь, «Шелковый путь» в Китай, а также под другими названиями.

В горах, вдали от дорог, люди часто спасались от нашествий разбойничьих орд или от проходящих воинских отрядов. На востоке суровые хребты Гиндукуша служили идеальным

убежищем для племен и народов, не желавших подчиниться господству жителей равнин или спасавшихся от религиозных и политических преследований. Большое разнообразие языков и диалектов в обширной горной области современного Восточного Афганистана и Северо-Западного Пакистана достаточно ясно показывает, что предки современных кафиров и других индоиранских горцев распространялись далеко на запад от районов, где они живут в настоящее время. В этом суровом краю контакты устанавливались всегда с большим трудом, поэтому не удивительно, что у обитавших здесь народов черты различий всегда были более заметны, чем признаки, их объединяющие. Горы в те времена были, очевидно, более лесистыми, чем сейчас, но и в наши дни дерево остается здесь основным материалом для строителя, а также для скульптора или резчика. Этот край никогда не слыл богатым, но уже на заре истории мы узнаем о рубинах и ляпис-лазури, добываемых в копях Бадахшана.

К югу от горных убежищ, в нескольких районах, в том числе в сравнительно изолированной долине современного Келата, живут брахуи, народ, говорящий на одном из дравидийских языков и являющийся, по всей вероятности, потомком доарийского населения Восточного Ирана. Несомненно, что иранские племена белуджей, которые дали свое имя обширной области, протянувшейся от реки Инд до Персидского залива, от Индийского океана до персидских городов Керман и Бам и далее на север, до афганских городов Фарах и Кандахар, распространились на этой территории не ранее XI в. н. э. Но почему вообще они пришли сюда — вопрос, который вправе задать всякий, кто побывал в этих районах, ибо сухая, знойная и пустынная равнина, предстающая перед взором путешественника сегодня, вряд ли была иной в древности. В те времена, как и сейчас, здесь приходилось сооружать жилища глубоко в земле, чтобы укрыться летом от нестерпимой жары. Почва была такой же каменистой и бесплодной, как и в наши дни, так что надо было рыть глубокие колодцы и подземные каналы для орошения полей, а финиковая пальма была и остается поныне основой существования. К этим районам могли приспособиться только кочевники или те, кто выбрал для себя полукочевой образ жизни, но вряд ли здесь могли поселиться оседлые племена.

Другая, менее обширная «область убежища» лежала в Восточной Персии. В раннеисламское время она известна под именем Кухистан, сейчас это район афгано-персидской границы. Здесь нет таких высоких гор, как в районах, лежащих далее к востоку, земля не столь бесплодна, как на юге, а климат более умеренный.

Внушительные горы Эльбурса, увенчанные вершиной Демавенд (5670 *м*), отделяют Иранское плато от узкой полосы Каспийского побережья, лежащей ниже уровня моря. Контраст между плато и прибрежной низменностью очень разителен: все побережье — сплошные джунгли, настоящий рай для тигров. Малярия, рис и экзотические растения тропиков с давних времен делали побережье совсем особым миром, отличным от раскаленного плато. Горы и тропические низменности образовали своего рода заповедник, где сохранялись старые традиции и обычаи, не затронутые переменами, происходившими за хребтами Эльбурса. Для жителей плато горы и джунгли представлялись всегда чужой, запретной страной, населенной демонами и диковинными зверями.

Районы Кавказского хребта занимают, пожалуй, первое место в мире по разнообразию языков и этнических групп. Это не котел, как считают некоторые, а убежище *par excellence,* где небольшие этнические группы смогли сохраниться на протяжении тысячелетий истории. Потомки средневековых алан, скифского иранского народа, и по сей день живут на Северном Кавказе — это осетины. Иранские культурные традиции были сильны в среде армян, грузин и других народов Кавказа, многие районы не раз попадали под власть персидских завоевателей, так что и о них приходится упоминать в этом обзоре.

Наконец, имеются горные убежища в Западном Иране, где сейчас живут в горах Загроса курды, луры и другие народы. Уже на заре истории эта суровая страна, граничащая с плодородными равнинами Тигра и Евфрата, служила источником беспокойства для жителей Месопотамии. Кочевники и горцы, спускавшиеся с востока, нередко грабили и разрушали богатые города Междуречья.

Можно, таким образом, заключить, что равнины были бурлящими котлами, в которых сталкивались и переплавлялись самые разные народы, тогда как в труднодоступных горных районах, в относительной изоляции от основных арен истории, могли сохраниться древние религиозные верования (или ереси), старые традиции и обычаи. Эти особенности делают изучение Ирана занятием весьма увлекательным и вместе с тем позволяют лучше понять его историю.

На территории плато неполивное земледелие в наши дни представлено только на северо-западе, в Иранском Азербайджане; сходным, по-видимому, было положение и в древности. Во всех остальных районах необходима ирригация; чтобы спасти драгоценную воду от раскаленного солнца или провести ее без потерь сквозь пористую почву, была изобретена замечательная система подземных каналов. В Западном

Иране их именуют *qanat*, в Восточном — *kariz;* оросительные каналы известны в Иране уже в глубокой древности (о существовании большого числа таких каналов в Мидии упоминает Полибий[4]). Подземные каналы существовали, несомненно, и в других странах — в Аравии, Северной Африке, возможно, даже в Южной Америке (до Колумба), но наибольшее распространение они получили в Персии, где и сейчас есть каналы, которые тянутся на несколько миль от источника. Строительство и поддержание такой оросительной сети было настоящим подвигом инженеров древности, потребовавшим весьма опытных специалистов и для сооружения каналов, и для их эксплуатации.

Из всего сказанного можно сделать вывод о том, что ландшафт страны в историческое время не претерпел значительных изменений и что факторы, определяющие способ и образ жизни населения плато в наши дни, в основном действовали и в древности. Иран — страна контрастов. В небольших горных долинах можно встретить яблони и персиковые деревья, а неподалеку, в оазисах центральных пустынь, растут финиковые пальмы и цитрусовые. Глиняная стена может отделять унылые голые пески и камни от прекрасного благоухающего сада. И та же глиняная стена может отделять угрюмого, исхлестанного всеми ветрами погонщика верблюдов от изнеженного и обходительного хозяина этого райского уголка.

Народы уходят, народы остаются

Что представляет собой народ Ирана в наши дни и каким он был в прошлом? Люди различаются прежде всего по языку. Человека учат с помощью языка, и с помощью языка он может выразить себя. Если вспомнить, что при раскопках Мохенджо-Даро, очень древнего города доарийского времени в долине нижнего Инда, были обнаружены черепа брахи-, мезо- и долихоцефалов, живших примерно 5 тыс. лет назад, то вряд ли окажутся состоятельными все попытки дифференцировать расы на территории Ирана, по крайней мере в историческое время. Мы отнюдь не хотим перечеркнуть результаты работы антропологов, но применительно к нашим задачам для Ирана вполне достаточно пользоваться основными определениями рас — монголоиды, негроиды и кавказоиды, последние с несколькими подразделениями. Монголоидные и негроидные народы появились в Иране в основном уже в исламское время: первые — тюрки и монголы, вторые — главным образом рабы, доставлявшиеся из Аф-

[4] Полибий, История, X, 28.

рики через Аравию. Наличие негритосов в прибрежных районах Южной Персии может, по-видимому, указывать на существование некогда аборигенов, связанных с негритосами Африки, Ост-Индии или Полинезии. В целом население Ирана можно отнести к кавказской расе; здесь представлены все три ее подгруппы — северная, альпийская и средиземноморская, с преобладанием альпийской, или «круглоголовой», которая, в свою очередь, делится на арменоидов и ираноидов (последние выделяются некоторыми антропологами в иранскую или скифскую субрасу). Неоднократно археологи и антропологи предпринимали попытки связать ту или иную расовую группу с миграцией определенного народа, но к первому тысячелетию до н. э. (а возможно, и гораздо раньше) все эти народы в расовом отношении были уже смешанными. Учитывая это, нам придется обратиться к рассмотрению языковых групп, а также различных хозяйственных укладов пастушеских и земледельческих племен и народов.

При исследовании истории древнего Ирана оказывается весьма полезным провести сравнение с жизнью страны в раннеисламский период, предшествующий нашествиям тюрок. Для этого периода мы располагаем значительным количеством источников, которые могут помочь восстановить и облик доисламского Ирана. Эти источники позволяют заключить, что области Ирана, населенные кочевниками в сравнительно недалеком прошлом, были заняты кочевниками и в древности. Правда, в некоторых районах городского и оседлого населения, по-видимому, раньше было гораздо больше, чем сейчас, но можно наблюдать и обратное, так что в целом это не нарушает общего вывода, сделанного нами. В древности, как и в настоящее время, существовали районы с настолько высоким уровнем оседлости, что их следовало бы назвать «центрами политической власти», в которых могли возникать более или менее независимые государства. Тот факт, что они существовали и в древности, свидетельствует о силе традиций, устойчивом характере влияния географической среды, а также других условий, из совокупности которых складывается определенное единство.

Начнем с юго-запада. Здесь раскинулась равнина Хузистана, где в древности господствовали эламиты. Хотя, строго говоря, Хузистан является продолжением, выходом на восток Месопотамской равнины, но, с точки зрения исторических событий, поскольку Хузистан действительно образовывал выход на восток и давал возможность легко попадать на плато, он был тесно связан с нагорьем. Эти связи восходят еще к «доисторическим» временам, когда эламиты проникли в провинцию Фарс. Река Карун с ее притоками позволяла заниматься земледелием, и

потому Хузистан очень рано стал центром цивилизации и районом формирования государства.

Жители Фарса, Персиды античных авторов, страны равнин и долин, в основном идущих в направлении с северо-запада на юго-восток, могли угрожать соседним областям, как это не раз бывало, когда они объединялись под властью воинственных правителей. Этим правителям приходилось, конечно, прилагать немало усилий, чтобы добиться единовластия в Фарсе, но зато, став полновластными хозяевами области, они получали возможность распоряжаться мощными людскими ресурсами и богатствами плодородных земель и пастбищ. Естественно, что со времен Ахеменидов Фарс оставался в памяти народа «сердцем Персии».

Однако по географическим условиям настоящим сердцем Персии является область современных городов Хамадана — Тегерана — Исфахана, соответствующая примерно древней Мидии. Эти города лежат внутри чаши плато, так что связи между ними осуществляются легче, чем в других местах. Стратегически, соответственно, этот район был всегда наиболее открыт для завоевателей, и, кроме того, через Мидию проходил торговый путь «восток — запад». Жизнь земледельцев на внутренних склонах гор Загроса или Эльбурса не очень сложна; широкие равнины, спускающиеся к соленым пустыням в центре чаши плато, служили превосходными пастбищами для лошадей и скота. Но этот район не имел такого единства традиций, как Фарс, и в значительно меньшей степени, чем Фарс, мог стать базой для возникновения централизованного государственного объединения, распространявшего свою власть на соседние области.

Область вокруг озера Урмия, центр Иранского Азербайджана, располагала, по-видимому, наиболее благоприятными условиями для жизни на плато. Плотность населения здесь всегда была бóльшей, чем в других районах, жители этой области уже с древности играли важную роль в жизни страны. Но Азербайджан лежал на торговых путях, проходивших через Кавказ, по его территории шел и путь «восток — запад», который вел к Черному морю. По этим дорогам двигались армии, по ним шли и переселяющиеся племена, что препятствовало установлению политического единства. В древности, как и сейчас, эта область, как мы увидим ниже, не была полностью «иранской» землей.

Обширную восточную провинцию, известную в мусульманское время под именем Хорасан, лучше всего разделить на три области — центральную со столицей Гератом на реке Герируд, восточную, или Бактрию, с главным городом Балхом (современный Мазар-и Шариф), и западную, протянувшуюся от Каспий-

ских Ворот (к востоку от современного Тегерана) на восток, до Мешхеда, нынешней столицы провинции Хорасан. Эта огромная территория, «земля востока», как гласит ее имя, была всегда открыта для нашествий из Средней Азии. Бактрия, или, как называют ее сейчас афганцы, Туркестанская равнина, черпала свое богатство с земель, орошаемых Оксом (Амударья), и была основным культурным центром обширного района, опоясанного горными хребтами на севере, востоке и юге. Через горные перевалы шли из Бактрии торговые пути — на юг, в Индию, на восток, в Китай, и на север, в Среднюю Азию; через Бактрию эти торговые пути шли и на запад, в сторону собственно Персии. Важный стратегический узел, Бактрия была в то же время богатым краем, и ее людскими ресурсами нередко пользовались основатели новых государств.

Герат, лежащий в плодородной долине Герируда, еще в большей степени был стыком дорог, ведущих во все стороны света. С известным правом Герат можно назвать самым крайним восточным пределом распространения иранцев, ибо в древности к востоку от Герата, за суровыми хребтами Гиндукуша, на территории современных районов Кабула, Газни и Кандахара жили народы, которых правильнее всего именовать индоиранцами, хотя иранский элемент у них и был преобладающим.

Западный Хорасан с несколькими столицами, от Гекатомпила на западе до Нишапура на востоке, был как бы большой проезжей дорогой и потому не мог сохранить традиций единства, как это было в Фарсе. Он и в самом деле служил мостом, соединявшим Восточный Иран с Западным. Именно через этот мост проходили народы, чаще всего двигавшиеся на запад. Не было никаких мощных факторов, ни географических, ни исторических, которые бы властно диктовали необходимость объединения для населения этой части Хорасана, и, поскольку кочевники проходили через эту область для того, чтобы основать свои империи на западе, правителями Хорасана наиболее часто становились выходцы из Западного Ирана.

Следует упомянуть и другие населенные центры, хотя они и не играли столь значительной роли в истории страны, как отмеченные выше. В Средней Азии оазисы Мерва, Бухары, Самарканда и Ферганская долина были весьма важными торговыми и стратегическими пунктами на «Шелковом пути» в Китай. На юге Сеистан, область, лежащая вокруг озера Хамун и по реке Гильменд, давал возможность оседлому населению обрабатывать плодородную равнину, отдаленную от гор. Далее к востоку, в предгорных районах верховьев Гильменда и его притоков, на территории современной Кандахарской провинции, древней Харахувати (или Арахосии, как называли ее

греки), земля также была достаточно плодородной, чтобы прокормить многочисленное оседлое население.

Наконец, жители низменности, лежащей на южном побережье Каспийского моря, благодаря обособленности от плато сохранили некоторое единство традиций. Несмотря на столкновения и нашествия, обе стороны, джунгли и плато, оставались как бы изолированными мирами.

Из сказанного выше можно заключить, что основная черта оседлой жизни в Иране — ее оазисный характер и относительно слабая связь с окружающим миром. На протяжении всей истории персы жили в домах, окруженных высокими стенами, и стремились сохранить замкнутый мир своих семей. Это же стремление можно проследить и в масштабе племени, даже целой области (или географического региона). Индивидуализм персов, порой яростно защищаемый, и отсутствие единства в стране, столь разнообразной по своим ландшафтам, весьма характерны для истории страны на протяжении веков. Так, представляется вероятным, что неудача попытки покойного Реза-шаха перевести на оседлый образ жизни иранских кочевников может скорее всего объясняться тем, что Реза-шах оказался не в состоянии справиться с духом рода или племени, еще живым у кочевого населения — иначе племена не смогли бы сохраниться. Стороннему наблюдателю может показаться, что оседлый народ с его сильной привязанностью к семейным институтам недалеко ушел в этом отнсшении от сородичей, для которых главное — сознание принадлежности к своему племени. Не является ли это важной причиной падения эфемерных восточных государств, основанных могущественными вождями, которые сумели добиться беспредельной преданности от своих подданных, но наследники которых оказались неспособными укрепить эти связи? Не все племена Ирана — кочевые, часть их перешла к оседлости, но чувство принадлежности к племени сохранялось и после изменения их образа жизни.

Оазисы Ирана отделены друг от друга большими необжитыми пространствами. Некоторые участки этих земель могли бы возделать и оросить крестьяне, но бóльшая их часть слишком засушлива, а воды в этих районах так мало, что земледелие невозможно. Здесь могут жить лишь кочевники, переходя с места на место и меняя, в зависимости от времени года, пастбища для своих стад. Через всю историю Ирана, как можно судить уже по самым ранним письменным источникам, проходит конфликт между кочевой степью и оседлостью. Эта проблема остается актуальной и для современной Персии, так было и 3 тыс. лет назад, когда существовали в основном те же обширные области пастушеского скотоводства, что и сейчас. Горы южного

Загроса вновь и вновь пересекают племена бахтиаров и луров. Курды, живущие к северу от них и сохранившие племенную организацию, перешли в большинстве к оседлости, тогда как на юге кочевники-тюрки — кашкайцы, афшары и другие,— по-видимому, лишь сменили ираноязычные кочевые племена. Далее к югу и на восток, до реки Инд, обитают племена белуджей, в основном кочевые, пришедшие на эти территории с северо-запада после XI в. н. э. и вытеснившие племена брахуи или других кочевников неарийского происхождения. Районы современной афгано-пакистанской границы в древности были заняты, вероятно, в основном теми же кочевыми племенами, которых мы сегодня находим среди кочевников-патанов, носителей афганских диалектов *пашто́* и *пахто́*. Однако две тысячи лет назад индо-иранское население, ныне сохранившееся только высоко в горах, в современном Нуристане, Читрале, Свате и еще в нескольких местностях, должно было занимать и территории к югу от реки Кабул и к западу от Бамиана.

Степи Средней Азии всегда служили приютом для кочевников, сначала для скифов-иранцев, позднее для тюркских племен, так что оседлое население Хорасана постоянно находилось под угрозой опустошительных набегов всадников с севера. Если задуматься над тем, почему тюрки, пройдя через весь Иран на пути из Средней Азии в Анатолию, не смогли превратить Хорасан в тюркскую область, то приходится предположить, что оазисы Хорасана, населенные персами, закрыли свои ворота и, защищенные толстыми стенами, вынудили кочевников следовать на запад. Оседлые сельские поселения и городская жизнь в Иране не могли возникнуть недавно, они должны были существовать с глубокой древности. Но несомненно и то, что сами иранцы были некогда кочевниками, пришедшими на плато, где ранее жил оседло другой народ.

Этнографы утверждают, что пастушеское скотоводство является сравнительно высокоразвитой формой хозяйства, возникающей позже, чем оседлое земледельческое общество, которое, в свою очередь, пришло на смену этапу охотничьих племен. Если принять эту схему, то следует предположить, что предки индийцев и иранцев перешли к пастушескому скотоводству после того, как они познакомились с земледелием на территории своей прародины. По мере продвижения на юг они подчиняли оседлое население, у которого они вновь учились обрабатывать землю, но уже гораздо более совершенными методами. На индийском субконтиненте и на Иранском плато пришельцы были ассимилированы местным населением, но передали завоеванным народам свои языки и обычаи. Традиции мигрирующего пастушеского народа надолго сохранились на его новой родине,

в среде, сходной, вероятно, с той, в которой очутились перешедшие к оседлости арабы, с их ностальгией и печальными воспоминаниями о жизни бедуинов в пустыне, «настоящих арабов». Об этом полезно помнить, когда читаешь древние иранские или индийские религиозные тексты,— их содержание навеяно жизнью раннего пастушеского общества, а не культурой оседлого населения. Но о пастухах-скотоводах мы узнаём впервые от оседлых народов, поскольку только у них были необходимые стабильность, время и желание вести записи событий и религиозных гимнов, передававшихся из уст в уста кочевниками. Фиксируя эти гимны и песни воинских отрядов, писцы из среды оседлого населения обычно видоизменяли их, подгоняя под определенные литературные каноны. Поэтому до нас дошли своего рода интерпретации оригиналов. На протяжении тысячелетий степь и оседлость сосуществовали в Иране, плохо зная и понимая друг друга.

Наш анализ древнейшей истории Ирана должен быть в известной мере обусловлен этими общими положениями; нас подстерегает порой опасность, опираясь на малочисленные и отрывочные сведения, прийти к ошибочным выводам. Но без догадок и гипотез обойтись нельзя, если, руководствуясь критериями общего характера, попытаться упорядочить большинство имеющихся фактов, сохраняя при этом предельную простоту изложения. Так поступают естествоиспытатели. Попытаемся и мы следовать этим правилам, реконструируя наследие Ирана.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ИРАНСКИЕ ТРАДИЦИИ

Общеарийский фон

Представим себе, что все свидетельства существования Рима — сочинения его историков, латинский язык, археологические памятники, упоминания в текстах на позднейших языках — все это исчезло, а единственным источником для реконструкции латинского языка остается семья, именуемая романскими языками, известными только в их современных формах. Смог бы кто-либо в этом случае доказать, что первоначальной родиной романских языков была небольшая область на западе центральной Италии? В какой мере праязык, реконструированный по данным румынского, французского, итальянского, испанского и португальского, был бы похож на латинский? Трудности восстановления предполагаемого индоевропейского языка-основы еще более значительны, чем в случае, выдуманном нами. Но именно с ними и приходится иметь дело лингвистам. Правила фонетических изменений многократно были сформулированы, уточнены и расчленены до такой же степени, как это имеет место в естественных науках, и если, в соответствии с английской поговоркой, доказательство существования пудинга состоит в том, что его можно съесть, то в индоевропейском сравнительном языкознании мы имеем систему, которая и в самом деле способна функционировать благодаря своим общим предпосылкам и специальным методам. Не раз открытие не известных ранее языков (подобно индоевропейскому хеттскому) бросало вызов этой науке, но она неизменно успешно справлялась с интерпретацией фактов, казавшихся поначалу отклонениями от постулируемых типов, и, таким образом, доказывала надежность применяемых методов. Благодаря этим успехам другие дисциплины, такие, как история искусства или сравнительное изучение религий, обращаются к индоевропейскому языкознанию как к возможному наставнику в разработке методов исследования. Успехи сравнительного языкознания можно сопоставить с постепенным и неуклонным (вспомним о некоторых тенденциях XIX в.) современным прогрессом естественных наук в постижении окружающего нас мира.

Итак, основой для изучения дописьменной истории Ирана должно служить сравнительное языкознание вместе с другими гуманитарными науками, учитывающими рекомендации, которые следуют из изучения истории языка. Чтобы представить себе отца семьи языков (арийской, или индоиранской), прихо-

дится не только обращаться к известным нам прямым его потомкам (древнеиндийский, авестийский и древнеперсидский), но и интересоваться его племянниками (праславянский, прагерманский и т. д.) ради того, чтобы узнать, как выглядел их общий дедушка (индоевропейский праязык), что, в свою очередь, помогает нам в восстановлении облика всех детей и внуков. Несомненно, что мы имеем право предположить такое соотношение родства, но следует при этом учитывать, что определение отцовства — дело не простое и часто вызывает споры. Доказывалось даже, что можно обойтись и без реконструкции общеарийского языка, установив отношение авестийского, древнеперсидского и древнеиндийского языков к общеиндоевропейскому. Но такого рода проблемы лежат за рамками данной книги.

Индоевропейский праязык, искусственно воссозданный языковедами,— не более чем сумма общих черт, присущих его потомкам — детям и внукам. Его можно расценивать как инструмент, позволяющий наиболее адекватно объяснить расхождения, проявляющиеся во всех языках индоевропейской семьи. Родство в этой семье (и степень родства между разными языками) выявляется из сопоставления современных живых и древних письменных языков, имеющих общие особенности в лексике и грамматике. Иными словами, включение языков в состав семьи и их взаиморасположение определяются соответствием известным «законам» морфологического и фонетического развития. Фонетические изменения являются ведущими для классификации языков. Некоторые языки, разумеется, претерпели бо́льшие изменения в своем фонетическом составе или грамматическом строе (или какой-то их области), нежели другие, что затрудняет установление четких границ внутри семьи с точки зрения типов языкового развития. Нужно помнить, что «фонетические законы и законы исторической морфологии сами по себе не в силах объяснить какое-либо явление; они лишь формулируют постоянные условия, которые определяют процессы языкового развития» [1]. Несмотря на многие предостережения относительно возможных границ применения методов сравнительного языкознания, несмотря на гипотетический характер индоевропейского праязыка, на котором говорил неизвестный народ, причем для него постулируется социальное, религиозное, равно как и языковое, единообразие,— несмотря на все это, мы, *faute de mieux,* должны возводить здание, основываясь на индоевропейской теории. Прежде чем перейти к характеристике цивилизации индоевропейцев, особенно их религии, необходимо сказать не-

[1] A. Meillet, Linguistique historique et linguistique générale, Paris, 1921, стр. 15.

сколько слов относительно диалектного членения индоевропейского праязыка.

При изучении диалектов любого современного языка легко заметить, что область распространения какого-либо фонетического изменения, специфического для диалектной лексики слова или определенной синтаксической конструкции, обычно не совпадает с ареалами других фонетических изменений и т. д. Если попытаться наложить друг на друга изоглоссы, характеризующие области распространения этих явлений в диалектах данного языка, то картина будет чрезвычайно сложной. Если применить этот же метод к индоевропейским языкам, чтобы установить их отношение к праязыку, то результаты будут еще менее ясными. Так, греческий, армянский и индоиранский объединяются наличием некоторых общих черт, например аугмента в ряде форм прошедшего времени, и противостоят по этому признаку другим индоевропейским языкам. Славянский, балтийский и албанский сохраняют изначальное *е*, которое в индоиранском отразилось как *а*. Имеется довольно много соответствий такого рода между различными группами индоевропейской семьи. Можно поэтому провести множество изоглосс, и они будут пересекаться бесконечное число раз. Не следует, однако, отчаиваться и прекращать дальнейшие попытки уточнения классификации индоевропейских языков. Известные уже факты позволили набросать схему диалектного членения внутри праиндоевропейского языка в период, предшествовавший расселению его носителей. Быть может, здесь следует избегать слова «диалект» и говорить лишь об определенных тенденциях к инновациям или изменениям, действовавших в пределах данной группы и отличных от тенденций развития, свойственных другой группе. Вряд ли можно утверждать, что уже праязык делился на диалекты *centum* и *satem*, выделяемые на основе фонетических «законов» изменения индоевропейских палатальных и велярных согласных. Эта проблема выходит за рамки нашего изложения, однако чисто лингвистические процессы формирования таких общностей, как балто-славянская или индоиранская, в основном выяснены. Прежде чем обратиться к индоиранцам, следует, однако, рассмотреть некоторые вопросы, касающиеся характера общества и религии индоевропейцев еще до их расселения.

Некоторые ученые, отправляясь от реконструированного праязыка, пытались восстановить облик материальной культуры, семьи, общества и даже религиозных верований индоевропейцев. Представление об общности языка, естественно, приводит к представлению об общности социальной и религиозной. О материальной культуре индоевропейцев написано так много, что вряд ли мы вправе здесь заниматься рассмотрением сложных

и запутанных проблем, связанных с этим предметом. Можно предполагать, что индоевропейцы до их расселения были на пороге века металлов — об этом свидетельствует индоевропейское **aios* «металл», восстанавливаемое, хотя и с не вполне ясным значением, по таким отражениям, как латинское *aes* «бронза, медь», санскритское *áyas* «железо» (позднейшее значение) и др.[2]. Вероятно, что индоевропейцы одомашнили лошадь (индоевроп. **ekuos*) и что им было известно земледелие (индоевроп. корень **ar* «пахать»)[3]. Но дальше этих наблюдений мы не вправе идти.

Еще труднее восстановить социальную организацию индоевропейцев. Они, по-видимому, были знакомы с лесами, как и со степью. Можно искать параллели среди современных народов с примитивной цивилизацией, среди кочевников, представителей других языковых семей, однако следует быть очень осторожным в интерпретации явлений, внешне сходных, ибо это лишь параллели, не более. Так, например, может показаться весьма плодотворным сравнение алтайских (тюрко-монгольских) народов с индоевропейцами, поскольку первые пришли в степи из лесов Сибири, стали кочевниками и, как и индоевропейцы, вторглись на Ближний Восток. Но хотя алтайские народы расселились в сравнительно позднее время, о первых этапах развития алтайского общества данных далеко не достаточно, так что параллели проводить трудно. Судя по тому, что мы знаем об индоиранцах, дорийцах в Греции и о вторжении индоевропейцев в другие районы, можно предположить, что они были весьма воинственными. Подобно тюркам и большинству мигрирующих народов, они имели, по-видимому, крепкую, хорошо слаженную организацию, но из этого нельзя делать других выводов. Их семья скорее всего была патриархальной; основной ячейкой общества служила, вероятно, большая семья, «большой дом» (индоевр. **ueik*, **uoikos*). Сравнение литовского *vészpats* «господин», санскритского *viśpáti* «глава рода» с латинским *vicus* «деревня» дает не очень много для суждения об индоевропейском обществе. Можно предполагать, что это общество было тесно связано с религией, к которой нам и следует теперь обратиться.

Религия древних индоевропейцев привлекает к себе в последнее время пристальное внимание ученых, споры в этой области не затихают. Теория Макса Мюллера и его школы, согласно которой за мифами и религией индоевропейцев скрываются

---

[2] J. Pokorny, Indogermanisches etymologisches Wörterbuch, Bern, 1951, стр. 15.

[3] Там же, стр. 62.

небесные явления, ныне отвергается, хотя многие из идей этой школы, в несколько измененной форме, продолжают иметь распространение. Краткие замечания А. Мейе, предостерегавшего от опасности использования весьма неясных намеков, ведущих к фантастическим построениям, показали ограниченный характер выводов, которых можно достичь методами сравнительной филологии; эти замечания и сейчас остаются классическим примером рационального подхода к проблеме[4]. В индоевропейском для обозначения бога или божества употреблялось слово **deiwos,* первоначально связанное, вероятно, с представлением о светлом, сияющем небесном божестве. Мы не можем здесь входить в рассмотрение вопроса об «отце неба», латинском Юпитере, *dyáuṣ pitā́* в санскрите, а также о словах со значением «день» (лат. *dies* и т. д.). Достаточно сказать, что индоевропейцы обожествляли небо, солнце и многие другие космические и природные явления, причем божества, по-видимому, обозначались так же, как и сами явления, так что соответствующие слова имели два значения, общее и специальное. Так, в древнеславянском бог Перун был божеством грома, для обозначения грома как явления природы выступало слово того же корня, представленное, например, в современном польском в форме *piorun;* еще более показателен литовский, где *Perkunas* — «божество грома», *perkunas* — «гром». Но индоевропейцы обожествляли, вероятно, и некоторые социальные представления — на это указывает индоиранское *mitra* «договор» и *Mitra* «бог договора» (толкование, выдвинутое А. Мейе и поддержанное П. Тиме и другими). Можно, таким образом, сказать, что бог для индоевропейцев был феноменом, природным или социальным, равно как и магической силой, связанной с его наименованием. Мы не находим общеиндоевропейских слов для обозначения культа, жреца и жертвоприношения, что может указывать на существование особого культа у каждого индоевропейского племени или группы. Возможно, что сходным развитием религиозных представлений следует объяснять положение друидов у кельтов и брахманов в Индии, равно как и религиозную терминологию индоиранцев и италокельтов, но все это относится к числу общих и неясных гипотез, которые не могут подвести нас к пониманию особенностей религии древнейших индоевропейцев[5]. Мейе очень хорошо сказал об этом, заметив, что история религий в большей мере, чем любая другая история, нуждается

---

[4] A. Meillet, La religion indo-européenne (в кн.: «Linguistique historique et linguistique générale»), стр. 323—334. Выводы, излагаемые ниже, вытекают из основных положений Мейе, большинство которых я разделяю.

[5] J. Vendryes, Correspondence entre l'indo-iranien et l'italo-celtique,— MSLP, t. XX, 1918, стр. 272.

в текстах, написанных на языке изучаемого народа,— отсутствие таких памятников прежде всего затрудняет исследование религии индоевропейцев [6].

Новые перспективы для поисков и дискуссий в области индоевропейского фольклора и религии были открыты школой Жоржа Дюмезиля. Основное положение Дюмезиля можно в наиболее общем виде определить как новый подход к старым религиям. Главное внимание следует уделять идеологии и духу религий древности, а не их ритуалу и внешней форме. Согласно Дюмезилю, идеология религии обнаруживается в теологии, мифологии, священном писании и жреческой организации. Если индоевропейцы до расселения объединялись общностью языка, то они должны были иметь и общую идеологию.

Дюмезиль обнаружил, что для древней Индии, Ирана, да и для других областей была характерна «идеология» трехчленного деления общества, параллельная трехчленной классификации богов. Дальнейшие исследования привели его к заключению о том, что эта идеология лежит в основе религиозных верований всех индоевропейских дочерних народов и представлена только у них. Внутри трехчленного деления обнаруживается и дихотомия, которая также должна быть отнесена к основным концепциям идеологии индоевропейцев. Три члена идеологической системы могут быть охарактеризованы как наделенные и космическими, и социальными «функциями». Господствующим является первый член — представление о верховной власти, которое выступает в двух аспектах, юридическом и магическом (дихотомия внутри тройного деления). У арийцев, позднее у индийцев, Митра и Варуна символизируют соответственно юридический и магический аспекты первой функции, область деятельности жрецов. Вторая функция — дух войны и насилие — поле действий воинов и бога Индры, тогда как третья функция — плодородие и изобилие — находится в ведении производителей, земледельцев. Таковы, коротко, основные положения теории Дюмезиля, если не касаться многочисленных ответвлений от нее и частных выводов, следующих из приведенных выше положений [7].

Можно приветствовать оживление интереса к изучению религии индоевропейцев, которое в какой-то степени возникло как результат споров вокруг теории Дюмезиля. Можно испытывать признательность к этому исследователю за его настойчивые попытки усмотреть какой-то порядок или систему в представле-

---

[6] A. Meillet, La religion indo-européenne, стр. 323.

[7] Наиболее четкое изложение теории Дюмезиля можно найти в книге: G. Dumézil, L'idéologie tripartie des Indo-Européens, Bruxelles. 1958.

ниях, ранее определявшихся очень мало говорящими общими понятиями — такими, как «примитивные верования» или «почитание природы». Влияние теории Дюмезиля проявилось и в вызванных ею исследованиях по сравнительной фольклористике и мифологии, в том числе весьма важных и интересных[8]. В иранистике взглядам Дюмезиля последовал ряд ученых, стремившихся пролить новый свет на различные аспекты зороастрийской религии[9]. Противники Дюмезиля критикуют его построения и методы, особенно нападая на широкое понимание его тезиса о том, что «дихотомия в трехчленном делении» пронизывает все стороны общества, религии и культуры дочерних индоевропейских народов. Если быть последовательным, замечают оппоненты, то пришлось бы объяснять политические воззрения, искусство и, конечно, все религиозные верования христианских народов с помощью представления о троице, столь характерного для христианства. Необходимо подчеркнуть, что в письменных или иных источниках не существует прямых доказательств справедливости теории Дюмезиля; есть лишь его умозаключения. Но, как это бывает при обращении в новую веру, страстность одерживает верх; Дюмезилю удалось убедить ряд ученых в том, что «индоевропейское трехчленное деление является сегодня фактом, отрицать который так же нелепо, как, например, не принимать соответствия между латинским *rex*, санскритским *rājan* и ирландским *rí*»[10]. Другие исследователи предпочитают пока не соглашаться с этим, как не соглашались они с И. Хертелем, который в свое время пытался найти огонь в основе всех верований арийцев[11]. Предостережение Мейе, о котором нам пришлось вспомнить выше, и сейчас может быть лучшим путеводителем в лабиринте трудных и даже запутанных проблем, и, напомнив еще раз о нем, мы можем расстаться с древнейшими индоевропейцами.

---

[8] См., например: S. Wikander, Germanische und Indo-Iranische Eschatologie,— «Kairos, Zeitschrift für Religionswissenschaft», Bd 2, 1960, стр. 83; его же, Från Bråvalla till Kurukshetra,— «Arkiv för Nordisk Filologi», Bd 75, 1960, стр. 183; A. V. Ström, Das indogermanische Erbe in den Urzeit- und Endzeitschilderungen des Edda-Liedes Voluspa,— «Akten des X. Internationalen Kongresses für die Geschichte der Religionen», Marburg, 1961.

[9] Например, M. Molé, La structure du premier chapitre du Vidēvdāt,— JA, t. CCXXXIX, fasc. 3, 1951, стр. 283—298; J. Duchesne-Guillemin, The Western response to Zoroaster, Oxford, 1958 [см. также: M. Molé, Culte, mythe et cosmologie dans l'Iran ancien, Paris, 1963 (Annales du Musée Guimet. Bibliothèque d'études, t. LXIX)].

[10] G. Redard, «Kratylos», vol. I, 1956, стр. 144.

[11] J. Hertel, Die Methode der arischen Forschung, Indo-Iranische Quellen und Forschungen, Beiheft zu Heft VI, Leipzig, 1926.

Гораздо больше ясности в вопросах, связанных с индоиранцами, или арийцами. Не вызывает сомнений ближайшее родство индийских и иранских языков, видимо более тесное, чем любых двух других индоевропейских семей. Индоиранская общность восстанавливается не только на основе сходства словаря и грамматики; общее происхождение имеют и многие религиозные и социальные представления. Не следует забывать, что оба народа употребляли слово «арья» как самоназвание. Мы можем реконструировать общеарийский язык и вывести из него, хотя все еще гипотетически, праиндийский и праиранский. От праиндийского происходит язык Вед и другие древние индийские диалекты; к праиранскому восходит язык Авесты (представленный двумя диалектами — Гат и «Младшей Авесты»), а также древнеперсидский, засвидетельствованный в надписях ахеменидских царей. Если отвлечься от археологических материалов, которые можно отнести к ариям, то единственные известные фактические свидетельства о них содержатся в клинописных источниках. Впервые мы узнаем об ариях на Ближнем Востоке.

Очевидно, что арийцы проникли на территорию месопотамского культурного ареала из горных районов, лежащих к востоку. Неясно, пришли ли они на Иранское плато с севера, через Кавказ, или из Средней Азии,— они могли двигаться обоими путями, но более вероятен последний. По клинописным источникам можно заключить, что отряды арийцев впервые появились в Месопотамии в период больших передвижений народов, наступивший в XVII в. до н. э., после смерти Хаммурапи. К этому времени относится и экспансия хурритов — народа, лингвистические и этнические связи которого остаются во многом неясными; несомненно лишь, что они не были индоевропейцами[12]. Хурриты основали сильную державу, называвшуюся Митанни, и именно в среде Митанни встречается наибольшее количество арийских имен собственных и других слов[13]. Многие имена правителей Митанни, засвидетельствованные в письмах из Эль-Амарны и в хеттских документах, могут быть истолкованы как арийские, хотя их этимологии по большей части остаются неясными, поскольку существует возможность нескольких чтений или интерпретаций. В знаменитом договоре, кото-

---

[12] [В настоящее время нет сомнений в том, что хурритский язык находился в очень близком родстве с урартским, см.: И. М. Дьяконов, Языки древней Передней Азии, М., 1967, стр. 113 и сл.]

[13] В хеттских и ассирийских источниках наблюдается смешение наименований, поскольку «хурритский», «Митанни» и другие названия часто употребляются в одних и тех же значениях. См.: P. Thieme, The «Aryan» gods of the Mitanni treaties,— JAOS, vol. 80, 1960, стр. 301—317.

рый заключили хеттский правитель Суппилулиума и Маттиваза, царь Митанни, около 1370 г. до н. э., упомянуты арийские боги Митра, Варуна, Индра и божества-близнецы Насатья. Таким образом, в царстве Митанни боги арийцев почитались так же, как и месопотамские божества, что должно указывать на наличие арийского элемента, по-видимому, только в среде правителей. Сомнений в идентификации имен богов, выступающих в этом договоре, нет, но значение и интерпретация имен остаются предметом дискуссий. Помимо имен собственных лиц и богов были обнаружены и арийские имена нарицательные, относящиеся к объездке лошадей, запряженных в колесницы, а также числительные. Эти слова засвидетельствованы в тексте из хеттского города Богазкёя в Анатолии; он был составлен Киккули, «объездчиком лошадей из страны Митанни». Большинство интересующих нас терминов выглядят по форме более индийскими, чем иранскими, или даже скорее арийскими; два слова были поначалу истолкованы как возможные т о л ь к о для индийского — это *aika* «один» (в сочетании *aika-u̯artanna* «один поворот» или «один круг») и *Varuṇa* — название божества (*Ú-ru-u̯a-na-*) [14]. Первое, как я полагаю, является в действительности арийской формой числительного «один» [15], близкой по семантике к другому арийскому слову — **aiva* «тот же, такой же; как раз тот» (инд. *eva*); оно было унаследовано частью иранцев, представлено в языках древнеперсидском и авестийском в значении «единица, один» и сохраняется и сегодня в памирских

[14] M. M a y r h o f e r, Zu den arischen Sprachresten in Vorderasien,— «Die Sprache», t. 5, 1959, стр. 77—95. Для числительного «один» соответствующие формы должны выглядеть так: арийск. **aika,* праиран. **aika*, инд. *eka*. Другой тип образования основы я вижу в авестийском и в древнеперсидском: арийск. **aiva,* отражающее индоевр. **oiu̯o;* для древнеперс. помимо засвидетельствованного в надписях *aiva-* предполагают еще и форму с суффиксом *-ka-*. Однако постулируемый переход **aiva-ka->* среднеперс. *ēvak*>новоперс. *yak* нуждается в объяснении. Следует, быть может, предпочесть более прямое отражение **aika->yak,* подобно тому как авест. *aēxa-* «лед» соответствует новоперс. *yax*. Много споров вызвало истолкование *Varuṇa;* по-видимому, и праиранская, и арийская формы должны восходить к корню **var-*, так что реконструируемое для авест. **vouruna-* было бы образованием, параллельным *vouru-*<праиран. **varu-* «широкий, обширный». См.: E. P. H a m p, Varuṇa and the suffix *-una,*—IIJ, vol. IV, 1960, стр. 64, а также: P. T h i e m e, The «Aryan» gods, стр. 301. [См. также: M. M a y r h o f e r, Die Indo-Arier im alten Vorderasien, Wiesbaden, 1966 (подробная библиография); A. K a m m e n h u b e r, Die Arier im Vorderen Orient, Heidelberg, 1968.]

[15] Можно, конечно, предположить, что распределение **oiqo* и **oiu̯o* по индоевропейским диалектам было несколько иным, так что в одних и тех же диалектах существовали обе формы. Мы следуем здесь за «индоевропейско→арийской» гипотезой К. Бругмана, хотя она нуждается в пересмотре. [Ср.: J. G o n d a, Reflections on the numerals «One» and «Two» in ancient Indo-European languages, Utrecht, 1953.]

диалектах и в пашто. Таким образом, *aika-* и *Varuṇa* могут рассматриваться как реальные арийские, возможно диалектные, формы, характерные для данного периода, и мы вправе заключить, что они отражают скорее речь отрядов арийских воинов, нежели индийцев (индоариев). Эти отряды, предшественники более поздней, главной волны движения арийцев, в середине второго тысячелетия до н. э. основали несколько государств на Ближнем Востоке. Вероятно, что другие отряды в этот же период наводнили Индию. Предположения такого рода базируются на признании «арийской» гипотезы, которая, как уже отмечалось, не раз подвергалась критике.

Ранние арийские пришельцы были ассимилированы местным населением Западного Ирана и Месопотамии, так что только позднее, после прибытия сюда иранцев, можно говорить об «иранизации» страны, носящей их имя. Керамика и другие предметы, обнаруживаемые археологами, мало помогают при реконструкции картины вторжения иранцев, так как весьма трудно (если вообще возможно) доказать, что данный слой раскапываемых поселений на плато связан именно с приходом иранцев и что данные предметы характеризуют их материальную культуру. В качестве основных источников для этого периода мы должны пользоваться Авестой и Ведами соседней Индии. По ним, с помощью аналогий и умозаключений, можно восстановить (хотя порой весьма приближенно) некоторые характерные черты жизни древних иранцев[16]. Для решения этой задачи, особенно для установления критериев оценки имеющихся данных, полезно привлечь общую историю религии и этнографию.

Но прежде чем перейти к иранцам, непосредственно интересующим нас, нелишне сделать несколько замечаний относительно арийцев — не разделившихся еще гипотетических индоиранцев. Естественно предположить, что арийцы вели кочевой образ жизни или, точнее, что они были скотоводами, которые имели представление и о земледелии. Забота о скоте, несомненно, определяла все их действия, ибо скот был в такой же мере основой существования для арийцев, как верблюд для арабов. В Гатах и в Ведах скот — важнейший источник питания и в то же время главное мерило богатства; большое место он занимает и в религиозных представлениях. Арийцы были знакомы с металлами, но применяли их очень редко. Конь и боевая колесница, как свидетельствуют Веды, играли важную роль в военном деле. Земледелие было известно индоиранцам еще в пе-

[16] Нас будут интересовать здесь прежде всего данные по истории культуры, которые можно извлечь из источников, а не филологические тонкости толкования текстов или чисто лингвистические проблемы исследования лексики, морфологии или синтаксиса.

риод, предшествовавший их отделению от других индоевропейцев; злаковые и иные возделываемые растения входили в состав их пищевых ресурсов[17]. Важнейшей ячейкой социальной организации, как это обычно для пастухов-кочевников, был клан (ср. авест. *zantu* «племя», санскр. *jánaḥ* «род. племя» и *jantú* «творение», лат. *genus*). Более крупные единицы, такие, как народ, нация или раса, вряд ли имели какое-либо практическое значение, хотя представления о них и могли существовать в зародыше. Пастушеские и кочевые народы и сейчас, как и в прошлом, на протяжении всей истории, характеризуются отсутствием четко выделившихся сословий или каст; образ их жизни плохо совместим со строгой специализацией, а потому нельзя считать доказанным деление арийцев (внутри клана?) на три группы — ведающих религиозными делами, большую группу воинов и наиболее многочисленную группу скотоводов, включающую в себя, по существу, весь простой народ. И в этом случае могли существовать представления о возможности такого деления, однако практическое влияние их на структуру общества остается неизвестным[18].

Религия арийцев также является предметом споров. Если предположить, что индоевропейцы первоначально обожествляли силы природы, то арийцы, очевидно, находились уже на пороге перемен, приведших к тому, что старые природные божества типа **dyāuš*[19] отступили перед более персонифицированными богами, такими, как ведический Индра. Считается общепризнанным, что религия арийцев, если ее вообще можно реконструировать по довольно поздним текстам, лучше всего отражена в Ведах. В Индии и в более позднее время мы находим некоторых «арийцев», которые не следовали ведической религии; есть основания полагать, что и до разделения на индийцев и иранцев существовали различные арийские верования[20]. Можно заметить попутно, что старая языческая религия существовала у шведов в XI в. бок о бок с христианством,

---

[17] Об этом свидетельствуют санскр. *kṛṣi-* «обработка земли», авест. *karšū-*, а также родственные им слова. Выше мы говорили о том, что арийцы были индоевропейцами, которые стали кочевниками, а затем, обретя новую родину, превратились в оседлых пастухов-земледельцев. Можно предполагать и иной путь: арийцы отделились от индоевропейцев в период, когда индоевропейцы только начали знакомиться с земледелием. Такое предположение позволяет объяснить различия между земледельческой терминологией индоиранских и других индоевропейских языков.

[18] См.: R. N. Frye, Georges Dumézil and the translators of the Avesta,— «Numen», vol. VII, fasc. 2—3, 1960, стр. 161—171.

[19] J. Pokorny, Indogermanisches etymologisches Wörterbuch, стр. 184.

[20] W. Rau, Statt und Gesellschaft im alten Indien, Wiesbaden, 1957, стр. 17.

причем рациональное объяснение отсутствия конфликтов между ними заключается в том, что христианство было нетерпимым в делах веры, но снисходительным к иным традициям и обрядам, тогда как язычники не исключали из своих рядов исповедующего христианство, если только он продолжал исполнять языческие обряды[21]. Внешними проявлениями религии арийцев, доступными наблюдению, были культ, брачные запреты (табу), обряды очищения и т. п. Поклонялись силам природы, причем, вероятно, существовали различные формы поклонения: часть арийцев придерживалась генотеизма (представление о существовании одного бога, не сопровождаемое утверждением о том, что он — единственный бог), тогда как другие были политеистами. Но постепенно эти формы верований отходили у арийцев в прошлое, изменились и космологические, и этические представления. Персонификацию божеств, зачатки которой существовали еще у древнейших индоевропейцев, можно рассматривать как небесное отражение условий жизни и земных устремлений арийцев. Здесь позволительно высказать несколько соображений.

Некоторые боги, особенно те, которые известны как Адитья (*Ādityāḥ*) в Ведах, могут быть поняты как олицетворения понятий, выраженных в их названиях. Бог Митра, как мы уже видели, является персонификацией *mitra* «договора», Арьяман олицетворяет *aryaman* «радушие, гостеприимство», Варуна — *varuṇa* «правдивая речь, клятва»; всё это абстрактные представления, превращенные в конкретные божества, гении-хранители этих представлений, столь важных для функционирования вселенной[22]. Далеко позади остались примитивные верования в силы природы; теперь мы оказываемся в кругу идей, связанных с психологией человека, с поистине непреодолимым вниманием к человеку, его поступкам, его отношениям к другим людям и к самому себе. Мы вправе предположить, что некоторые общеиндоевропейские эсхатологические представления и мифы, призванные объяснить их, были переработаны или развиты в период, когда арии осели среди народов Индии и Западного Ирана, обладавших более высокой цивилизацией. Проблемы происхождения мифов, таких, как миф о всемирном потопе, и возникновения индоевропейских эпических сказаний принадлежат к числу сложных и запутанных, и рассмотрение их завело бы нас слишком далеко. Мы должны, однако, за-

---

[21] H. Ljungberg, Hur Kristendom kom till Sverige, Stockholm, 1946, стр. 27.

[22] P. Thieme, Mitra and Aryaman, New Haven, 1957 (Transactions of the Connecticut Academy of Arts and Sciences, 41), стр. 59, 61.

глянуть в тексты, происходящие с территории Индии, чтобы лучше представить себе религию арийцев.

Гимны Ригведы сопровождали прежде всего жертвоприношения, их обращали к богам при совершении обряда. Гимны исполнялись во время обряда жертвоприношения, или, точнее, в определенные моменты чтения совершались известные священнодействия. Одна из основных причин трудностей в понимании этих гимнов заключается в том, что исполнение их предполагало знание древней мифологии каждым, кто принимал участие в совершении обрядов. Нет никаких данных, которые бы указывали на существование идолов или изображений богов; основная роль в обрядах принадлежала скорее магической силе слова. Нельзя также установить наличие какой-либо иерархии в пантеоне Вед, хотя некоторые боги более заметны, чем другие, или кажутся по текстам более важными. Возможно, что часть арийцев считала определенного бога верховным божеством или даже единственным подлинно сущим. Нельзя забывать, что гимны были записаны лишь позднее брахманами с целью прославить касту брахманов или их воинственных покровителей и что в письменных текстах гимнов действительная обстановка времен создания Ригведы могла предстать в идеализированном виде.

Центральное место в пантеоне Ригведы занимает бог Индра, которого можно охарактеризовать как апофеоз мужа-арийца. Некоторые гимны наполнены экстатическими прославлениями Индры; перевод дает лишь отдаленное представление об этом потоке восхвалений, звучащих гораздо более мощно на языке и в метрике оригинала. Вот, для примера, Ригведа 10. 153, 2—5: [23]

> Ты, Индра, рожденный от мощи, силы и жизнеспособности. Ты бык ты воистину бык.
> Ты, Индра, поразивший Вритру. Ты раздвинул небо. Ты поддержал небесный свод своей силой.
> Ты, Индра, несешь в руках своих великолепное сверкающее (?) оружие, оттачивая его своей силой.
> Ты, Индра, сильнее всех творений. Ты простерся над всеми царствами.

Индра выступает в качестве покровителя военных отрядов арийцев, ведущего их к победе. Если Индра — герой Ригведы,

---

[23] Я следую в основном переводу: K. F. Geldner, Der Rig-Veda aus dem Sanskrit ins Deutsche übersetzt und mit einem laufenden Kommentar versehen, III, Cambridge, Massachusetts, 1951 (Harvard Oriental Series, vol. 35), стр. 384; текст по изданию: Die Hymnen des Rigveda, hrsg. von Th. Aufrecht, T. II, Bonn, 1877, стр. 445. Перевод третьей строки, предложенный Гельднером, несколько «сверхпоэтичен»: «den gleichgewillten (Gegenstand des) Preises, die Keule».

то употребление напитка *soma,* олицетворения божества Сома, составляет главный ритуал гимнов. Многие строфы Ригведы посвящены приготовлению этого напитка и описанию его качеств. Мы не знаем точно, какое именно растение шло на приготовление напитка, приводившего в состояние опьянения арийцев (его, быть может, следует сравнить с амброзией богов), но несомненно, что *soma* индийских текстов, *haoma* Авесты, играл важную роль в ритуале как древних иранцев, так и индийцев.

Арийцы, направившиеся в Индию, на великие равнины Индийского субконтинента, застали там многочисленное оседлое население, жившее в городах, родственников строителей таких городов, как Мохенджо-Даро и Хараппа. Хотя эти враги арийцев изображаются в ведических гимнах как существа злые, не подлежит сомнению, что завоеватели научились очень многому у покоренных *dasyu,* которых они позднее презирали. Система каст оформилась лишь много позднее, однако мы вправе предполагать, что уже в глубокой древности, еще до вторжения арийцев, Индия была весьма пестрой по этническому составу. Иначе обстояло дело в Иране. Подлинные центры оседлой жизни располагались к западу, в Месопотамии, а на территории плато население было сравнительно немногочисленным. Отряды арийцев в Индии не только сражались с туземным неарийским населением, но и враждовали между собой. Так было, вероятно, и у арийцев, пришедших в Иран, и это должно было привести к смешению различных народов. Подводя итог сказанному, мы можем предполагать, что как среди иранцев, так и у индийцев имели место отклонения от «нормального» арийского общества, причем в бóльшей мере у первых.

Народности горных районов Гиндукуша и Западных Гималаев, представленные в наши дни носителями дардских и кафирских диалектов, нередко выделяются учеными в самостоятельную, третью группу арийцев, параллельную иранцам и индийцам; правильнее, пожалуй, включать их в состав индийской группы. Наши сведения об этих труднодоступных районах остаются очень скудными, и предстоит еще большая работа, прежде чем удастся создать классификацию всех языков и диалектов данного ареала, соответствующую реальным фактам. Совершенно ясно, что исследования в этой области будут иметь огромное значение для любой попытки реконструкции доистории индоиранцев. В горном убежище, о котором идет речь, представлен и неиндоевропейский язык — бурушаски, на котором говорят в горных долинах рек Хунза и Вершикум. Возможно, что это последний остаток языков, занимавший в древности, до появления на арене истории арийцев, обширную территорию.
 Попытки установить связи бурушаски с кавказскими языками

или с языками пиренейских басков весьма интересны, но недоказательны [24].

Можно набросать примерно следующую схему расселения арийцев в период около VII в. до н. э., когда мидяне и персы прибыли в области их окончательного оседания. В Азербайджане и в Западном Иране мидяне и другие пришельцы-иранцы находились в окружении оседлого большинства, носителей неиндоевропейских языков. Это были урарты, маннеи, хурриты и иные народы, связанные, возможно, с палеокавказской или «яфетической» группой, представленной в настоящее время на Кавказе. Неподалеку от иранцев располагались и другие индоевропейцы, прежде всего передовые отряды армян, передвинувшиеся с запада, но, вероятно, также и немногочисленные группы, сохранившиеся со времен более ранних вторжений арийцев. На юге персы и другие иранские переселенцы обнаружили страну, населенную эламитами и родственными им неиндоевропейцами. Далее к востоку жили, по-видимому, дравидийские народы — в Мекране, Сеистане и Синде, потомками их являются современные брахуи [25]. Наконец, в горах Гиндукуша находились остатки народов, отступивших сюда под натиском ранних арийских завоевателей Индии. На протяжении столетий эти неиндоевропейцы оттеснялись все дальше и дальше в горные долины — иранцами с запада, индийцами с юга и востока, так что последняя их группа, ныне представленная носителями языка бурушаски, оказалась передвинутой в высокогорные и труднодоступные долины Хунзы. Такова была общая картина в период, когда на сцене появился Зороастр.

Зороастр и его проповедь

Жизнь и деятельность Заратуштры, или Зороастра, как именовали его греки, и в наши дни продолжает вызывать споры среди ученых. Приходится признать, что после стольких лет исследований мы все еще не знаем, когда и где он жил, как не знаем и многого, касающегося его учения. Можно попытаться выстроить в ряд свидетельства источников и заключить, что с его именем связана деятельность нескольких лиц или что его нельзя отнести к определенному периоду. Действительно, заслуживающих доверия сведений о пророке и времени его жизни почти нет. Попробуем изложить известные факты, причем по-

[24] H. Berger, Die Burušaski-Lehnwörter in der Zigeunersprache,— IIJ, vol. III, № 1, 1959, стр. 17—43. См. также: H. Berger, Mittelmeerische Kulturpflanzennamen aus dem Burušaski,— MSS, 1956, Bd 9, стр. 4—33.

[25] Я не разделяю гипотезы о том, что брахуи являются дравидийской группой, переселившейся из Деккана в Мекран в историческое время.

4 Ричард Фрай

стараемся прежде всего привести наиболее достоверные данные с тем, чтобы иметь право сделать некоторые, хотя бы предварительные, выводы.

Почти несомненно, что Заратуштра не является плодом фантазии, а что он действительно существовал. Доводы о том, что его выдумали для того, чтобы было кого противопоставить пророкам других религий, или что Авеста является позднейшей подделкой, совершенно неосновательны, и нам достаточно придерживаться исторических фактов, чтобы отвергнуть эти доводы. Имя, которое носил пророк, также внушает доверие — такое имя вполне могло существовать в древности в одной из областей Ирана. Имя Заратуштра (*Zaraϑuštra*) разъясняется лучше всего как «[тот, кто] ведет верблюдов», хотя предлагались и другие этимологии. Из Авесты мы узнаём о его принадлежности к роду Спитамы *(Spitama)* и о тесно связанной с ним семье Хайчатаспы *(Haēčataspa)*, о его дочери и его друзьях; более поздние среднеперсидские комментарии приводят даже имена его отца и матери. Однако все это не помогает нам восстановить *историю* жизни Зороастра, особенно время и место его деятельности. Мы должны обратиться прежде всего к Гатам — предположительно речам самого пророка — и к более поздним источникам, привлечь также соображения общего характера и таким образом попытаться найти для Зороастра место в истории и на карте.

У нас нет данных, которые позволили бы точно установить даты жизни Зороастра; можно лишь заключить, что он, скорее всего, жил в период, предшествовавший образованию ахеменидской державы. Если попытаться более точно определить эти даты, то следует обратиться к свидетельствам Гат, греческих авторов и к позднейшей зороастрийской традиции, представленной в двух видах — в пехлевийских книгах и в мусульманских сочинениях. Мы должны постараться согласовать эти источники между собой или, по крайней мере, дать оценку данным, содержащимся в них.

Не подлежит сомнению, что Гаты, «строфы» или «поэмы», прежде чем быть записанными, в течение многих веков сохранялись в памяти. Семнадцать поэм, образующие пять групп и известные под общим названием «Гаты», объединяются сходством метрики и архаичностью диалекта. В языке Гат и «Младшей Авесты» обнаружены некоторые особенности, указывающие на сохранение архаичных черт, в том числе даже и таких, которые утрачены ведическим санскритом[26]. Однако из этого вовсе

[26] Так, например, арийский дифтонг *ai* сохранился в авестийском, тогда как в ведическом санскрите он превратился в *e*. См.: A. Meillet, Sur le

не вытекает, что Гаты старше, чем Ригведа. Достаточно вспомнить, что в кругу алтайских языков современный монгольский во многих отношениях «более архаичен», чем древнетюркский, и что арабский находится в таком же положении сравнительно с древнееврейским.

Греческие авторы мало радуют нас своими сообщениями о Зороастре. Ксанф Лидянин, старейший источник в данной области (V в. до н. э.), относит деятельность Зороастра за 600 (или 6 тыс.) лет до Ксеркса, а сведения других греческих авторов еще более фантастичны[27]. Из античных источников можно лишь заключить, что Зороастр жил в глубокой древности, сколько-нибудь точные даты вывести по ним невозможно. Совершенно ясно, что классические авторы не располагали надежной информацией о жизни Зороастра, однако мы должны попытаться объяснить, почему у них не было такой информации. Некоторые источники, отодвигающие Зороастра на несколько тысяч лет, отражают иранское мифическое летосчисление, основанное на определенной эсхатологической доктрине — представлении о мировой эре[28]. Являются ли эти или другие, явно фантастические, даты жизни Зороастра у греческих авторов результатом того, что персы сознательно вводили их в заблуждение, или же Зороастр был так отдален временем и пространством от западного мира, что о нем знали только легенды? Если персы сообщали грекам заведомо ложные данные, то как могло случиться, что к античным авторам не просочилось никаких сведений, которые бы соответствовали действительному положению дел, и зачем было персам обманывать греков? При ответе на первый вопрос нужно учитывать, что персы вряд ли могли скрыть от греков правильную информацию, и если они пытались так поступать, то это едва ли следует объяснять одним лишь упрямством или желанием освятить имя Зороастра седой древностью. Какой же вывод надлежит тогда сделать из греческих источников? Можно, видимо, полагать, что греки действительно получили информацию от персов, которые сами не знали точных дат Зороастра. Если отправляться от

---

texte de l'Avesta,—JA, 1920, стр. 187—203, а также MSLP, t. XVIII, 1913, стр. 377.

[27] Хорошую сводку данных античных источников см. в кн.: A. V. W. Jackson, Zoroaster, the Prophet of Ancient Iran, New York, 1899, стр. 152—157. См. также: C. Clemen, Die griechischen und lateinischen Nachrichten über die persische Religion, Giessen, 1920 (Religionsgeschichtliche Versuche und Vorarbeiten, Bd 17). [Ср.: E. Benveniste, The Persian Religion according to the chief Greek Texts, Paris, 1929.]

[28] Такое объяснение содержится во многих современных трудах, см., например: H. S. Nyberg, Die Religionen des alten Iran, Leipzig, 1938 (Mitteilungen der vorderasiatische-ägyptischen Gesellschaft, Bd 43), стр. 28.

4*

греческих авторов, то 1000 г. до н. э. может показаться несколько более вероятной датой, чем 600 г. до н. э., но это всего лишь предположение. Необходимо поэтому обратиться к иранским источникам — зороастрийской традиции.

При датировке событий на древнем Ближнем Востоке до Ахеменидов основываются главным образом на списках фараонов Египта. Все, что лежит за пределами культурных ареалов иероглифики и клинописи, вряд ли поддается датировке. Отсюда следует, что древние иранцы, не имевшие своей литературной традиции, могли бы сохранить точные даты Зороастра только в том случае, если бы у них были, подобно евреям, списки генеалогий. Но, по всей вероятности, таких списков не существовало. Мы вправе предположить, что древние иранцы, уже вскоре после смерти Зороастра, не могли вместить его в рамки действительной хронологии, по крайней мере связать его с событиями, происходившими в Месопотамии или даже в Западном Иране. Однако поздняя зороастрийская традиция, которой следуют такие мусульманские авторы, как ал-Бируни, сообщает точную дату Зороастра — 258 лет до Александра Великого[29]. Многие исследователи отвергали эту дату, тогда как другие считали ее достоверной[30]. Недавно была сделана весьма внушительная попытка доказать точность этой даты, исходя из вполне логичного предположения о том, что последователи Зороастра вели счет лет, отправляясь от какого-то важного события в жизни пророка. Когда прошло 258 лет эры Зороастра, разразилось страшное бедствие — смерть Дария III, последнего Ахеменида, и переход царской власти к Александру Великому. Это произошло в 330 г. до н. э., и таким образом мы получаем 588 г. до н. э. (258 + 330) в качестве первого года эры, принятой последователями Зороастра[31]. Полезно заметить, что дата Будды вычислена примерно таким же образом — здесь использованы сведения традиции о событиях жизни Будды, происходивших за столько-то лет до царствования Ашоки. В действительности же это только поздняя традиция, выкладки которой основываются скорее на заранее постулированной дате Будды, а не Ашоки. Не следует забывать, что 588 г. до н. э., который может соответствовать дате обращения царя Виштаспы в веру Зороастра (в это время, по преданию, пророку было 42 года), получен с помощью целого ряда допущений, которые можно и оспаривать.

---

[29] Источники у A. V. W. Jackson, Zoroaster, стр. 157.

[30] Дату 258 г. Нюберг (H. S. Nyberg, Die Religionen, стр. 33—34) считает апокалиптической, тогда как Херцфельд рассматривает ее как достоверную (E. Herzfeld, Zoroaster and his World, I, Princeton, 1947, гл. 1).

[31] W. B. Henning, Zoroaster: Politician or Witch-Doctor?, Oxford, 1951, стр. 41.

Согласно той же традиции, пророк умер в возрасте 77 лет, так что если задаться целью отыскать исторические даты Зороастра, основанные на приемлемых допущениях и на поздней зороастрийской традиции, то 628—551 гг. до н. э.— лучшее решение, которое можно получить при таких условиях. Можно предпочесть и менее определенную дату — восьмой или седьмой век, без попыток дальнейших уточнений. Сама зороастрийская традиция исходит из предположения, что сперва у зороастрийцев существовала твердая «эра» — отсчет годов от времени пророка, но Александр поразил их настолько, что, сменив точку отсчета, зороастрийцы даже время жизни пророка стали определять по формуле «за столько-то лет до Александра». Но, к сожалению, мы не располагаем свидетельствами, которые не были бы связаны с зороастрийской традицией и облегчили бы поиски более точных дат для Зороастра [32].

Да и само число 258 выглядит странно, его вряд ли можно считать апокалиптическим или приспособить к какой-либо эсхатологической системе. Негативная датировка — «столько-то лет до Александра» — предполагает существование у последователей Зороастра некоего летосчисления, начинавшегося с какого-то события в жизни пророка. Насколько известно, первой системой летосчисления с фиксированным начальным годом, получившей широкое распространение, была селевкидская эра. И в этом смысле последователи Зороастра должны были намного опередить свою эпоху, если они приняли «эру Зороастра», ведя счет годам от обращения пророком Виштаспы,— события, возможные отголоски которого сохранились в пехлевийском сочинении «Бундахишн» [33], где упоминается об эре «принятия религии» (*padīriftan i dēn*). «Бундахишн» был написан более чем через 1200 лет после Александра, но сам факт, что малодостоверное царствование Виштаспы в этом сочинении изображается как продолжавшееся в течение 90 лет после «принятия веры», равно как и число 258, говорят в пользу существования «эры Зороастра». Как бы то ни было, мы все еще здесь бродим в потемках.

Вопрос о родине Зороастра также вызвал оживленные споры, и многое в нем остается до сих пор невыясненным. Большинство исследователей ныне согласны в том, что пророк жил и выступил со своим учением в Восточном Иране. Зороастрийская традиция помещает пророка в Азербайджан, но географический

---

[32] Ср.: O. Klima, The Date of Zoroaster,— AO, t. 27, 1959, стр. 558. В этой работе (стр. 564) Клима предлагает датировать жизнь Зороастра 784—707 гг. до н. э.

[33] The Bûndahishn, ed. by the Late Edward Tahmuras Dinshaji Anklesaria with an introduction by B. T. Anklesaria, Bombay, 1908, стр. 240, стк. 1.

горизонт Авесты ограничен Восточным Ираном, так что позднейшее перенесение его деятельности на территорию Западного Ирана должно объясняться политическими условиями. Справедливо, что *мифическую* географию Авесты и *мифическую* прародину зороастризма, *Airyāna Vaējah,* можно приспособить к территории Азербайджана, как и к любой другой области Ирана, однако географической картины Авесты недостаточно. Зато есть основания считать, что легенды и предания о деятельности Зороастра (но не о его рождении), относящие ее к востоку, выглядят более соответствующими действительности, нежели привязывающие пророка к областям Западного Ирана. Так, например, весьма древним и широко распространенным является предание о том, что в Кишмаре, на территории Хорасана, был посажен кипарис в память об обращении Виштаспы в зороастризм. Другие предания относят рождение пророка к Раге, средневековому Рею (близ Тегерана), и сообщают о *хиджре* Зороастра на восток, где его учение принял Виштаспа. Непонятно, однако, каковы были причины, заставившие Зороастра бежать на восток, если он действительно жил на западе, тогда как бегство на запад кажется более оправданным: Восточный Иран неоднократно подвергался вторжениям из Средней Азии и в течение длительных периодов выходил из-под власти иранцев. Существует зороастрийская традиция о том, что пророк был убит в Бактрии, но ряд преданий относит его деятельность к другим районам на востоке. Можно полагать, что он действовал в округе Герата, охватывая на юг области до Сеистана, на восток — до Бактрии (Балха) и на север — до Мерва.

Лингвистические данные также говорят в пользу отнесения пророка к Восточному Ирану. Исторически оправдано, что Авеста, с ее мифологией и чертами героического эпоса, примешивающимися к общим восточноиранским сказаниям (они будут рассмотрены чуть позже), оказалась составленной на языке, который был близок к языку первоначальной территории обитания арийцев. Эта прародина могла располагаться в Средней Азии или даже южнее, в районе Герата. Индийцы, когда они продвинулись с этой прародины в различные районы субконтинента, сохранили, несмотря на происшедшие в их диалектах изменения, ведические гимны на древнем языке преданий; так же и иранцы, распространившиеся по нагорью, сохранили гимны Митре и другим арийским богам. Я полагаю, что персы, мидяне и другие иранские племена, двигаясь к областям их позднейшего обитания, пели гимны богам, сходные не только по содержанию, но и по языку, являвшемуся языком их древней прародины — страны *Airyāna Vaējah*. Племена, пришедшие в Западный
 Иран, распространили свои наречия среди местного населения —

эламитов, хурритов и др.; в результате их диалекты стали утрачивать формы грамматического рода и началось раскалывание, расхождение этих языков. Но до того как это произошло, на Востоке появился пророк, проповедовавший на языке Гат,— архаическом, консервативном наречии, возможно на диалекте области Герата. Речь Гат звучала более торжественно и авторитетно, чем другое авестийское наречие, употреблявшееся в других районах жрецами в их восхвалениях Митры, Ардвисуры и других божеств. Позднее, когда учение Зороастра распространилось по всему Ирану, другие жрецы просто присоединили свои гимны на гатском диалекте к прежним общеиранским, составленным на авестийском (младоавестийском) языке. Это случилось, по-видимому, при Ахеменидах, и нам придется еще ниже сказать об этом.

Возвращаясь к двум языкам или, точнее, диалектам — гатскому и авестийскому (диалект Гат и диалект «Младшей Авесты»), можно полагать, что они лучше всего привязываются к области, расположенной между центральными пустынями и горами Афганистана. Поскольку Младшая Авеста связана с восточноиранской эпической традицией, мы вправе утверждать, что и с точки зрения содержания, и по языку обе части Авесты указывают на Восточный Иран. Это не значит, конечно, что гимны Младшей Авесты пели или декламировали только в Восточном Иране. Более того, некоторые части Младшей Авесты, особенно «Вендидат» (или «Видевдат»), «закон против дэвов», вполне могли быть созданы в Западном Иране магами, которые, по всей вероятности, были жрецами и у мидян, а позднее у всех западных иранцев. Если это так, то маги могли знать авестийский язык до Зороастра. В ритуале и в обрядах маги должны были испытывать влияние аборигенов Западного Ирана и древних культур Месопотамии, тогда как жрецы на востоке, *zaotar* (как именует их Авеста), сохраняли в бóльшей чистоте культовую практику арийцев. Но мы отдалились от самого Зороастра. Прежде чем перейти к исторической или, точнее, эпической атмосфере Восточного Ирана во времена пророка, следует остановиться на его жизни и учении.

Мы уже говорили, что Зороастр не был окружен вакуумом: мы знаем из Авесты и из позднейшей зороастрийской традиции о его семье, его друзьях и врагах [34]. Более того, как мы увидим ниже, предание поместило пророка среди легендарных доисторических царей Восточного Ирана, последовательное описание которых для этого дописьменного периода содержится в народных сказаниях. Многое из этой картины может быть впол-

[34] A. V. W. Jackson, Zoroaster, стр. 19—22.

не историчным, но что именно и в какой степени — мы не знаем. Время Зороастра кажется наделенным характерными чертами эпохи, когда боги как бы сходили с небес на землю; заканчивался период мифов, начинался героический век Ирана, век эпоса.

Мы не будет останавливаться на семье и родственниках Зороастра, ограничившись замечанием, что их имена в целом вполне уместны и органичны для древнего Восточного Ирана. Родственные связи предков пророка с царскими династиями крайне сомнительны, и я их совершенно не признаю.

Зороастр, вероятно, был жрецом древнеарийской религии, ибо в Гатах (Ясна 33,6) он называет себя *zaotar* (инд. *hotar*). Поскольку он употребляет это древнее слово, не вкладывая в него отрицательного смысла, можно предполагать, что он сохранял в новой религии старый институт арийских «жрецов». Он сохранил и древнюю поэтическую форму: метрика Гат сходна с метрикой Вед. Он развил арийское понятие Арты — «Правды» (вест. *aša,* инд. *ṛta*) и применял многие религиозные термины в тех же значениях, что и в Ведах. Но Зороастр сделал большее: он был пророком и выступил с проповедью нового вероучения, которое не приняли его соплеменники[35]. Мы можем найти в Гатах упоминания об этом, а также о *хиджре* пророка, скитаниях на чужбине (Ясна 51, 12) и, наконец, о радушном приеме его у Кави Виштаспы и успехе его проповеди. Таким образом, Зороастр был пророком, нашедшим признание не в своем отечестве, а за его пределами. Чем же отличалось его учение от прежних верований и обычаев?

Разница между Гатами и Ригведой сказывается уже в характере отношений между поклоняющимся (в Гатах это сам Зороастр) и божеством. Прежде всего поражает фамильярный тон Гат, особенно в Ясне 44, которая начинается стихом: «Я спрашиваю тебя, скажи мне правду, о Ахура [Мазда]». Верховное божество выступает в качестве собеседника пророка, и это было введено Зороастром. Не обойдены в Гатах и последователи пророка, так что можно составить представление о возможной социальной базе его проповеди. Тот, кто видит в последователях Зороастра мирных пастухов со стадами скота, а их врагами считает страшных кочевников, угоняющих и убивающих скот, тот, вероятно, находит в словах пророка больше, чем в них содержится. На первом плане в его учении стоят дуализм, деление на Добро и Зло, и великое значение человека, который дол-

---

[35] [О социальных мотивах учения Зороастра см.: В. И. Абаев, Скифский быт и реформа Зороастра,— АО, t. 24, 1956, стр. 23—56; ср. также: G. G. Cameron, Zoroaster the Herdsman,— IIJ, vol. X, 1968, стр. 261—281.].

жен выбирать между этими двумя началами. Остается неясным, являлся ли дуализм Зороастра протестом против существовавшего монотеизма, но большинство согласно с тем, что Зороастр — это первый настоящий пророк, с высокими этическими идеалами и убеждающими мыслями. Какими идеалами затронул Зороастр сердца своих современников? Изучение Гат привело последнего по времени их переводчика к таким заключениям [36]:

«[Зороастр] воспринял веру в Ахур от своих предшественников. Очевидно, он видоизменил эти верования, а возможно, даже создал имя Ахура Мазда и предложил считать Ахур воплощениями качеств Ахура Мазды. Но такими теологическими вопросами вряд ли удалось бы вовлечь целый народ в религиозное движение. Привилегированное положение, созданное для Арты (*aša*), прославлявшейся и противниками пророка, не было новшеством, равно как и почитание коровы, которое уже Зороастр приписывал Фрияне, мифическому предку Кави Виштаспы. Возможно, что даже дуализм в основных своих чертах был разработан предшественниками Зороастра. В чем же заключалась та отличная от прежних идея, которой Зороастр затмил всех поклонявшихся корове магов и брахманов и которая сделала его одним из величайших религиозных реформаторов? Она заключалась в представлении о вплотную приблизившемся начале последнего этапа существования мира, когда Добро и Зло будут отделены друг от друга,— это представление Зороастр дал человечеству. Она заключалась, далее, в учении о том, что каждый индивидуум может участвовать в уничтожении Зла и в установлении царства Добра, перед которым одинаково равны все преданные пастушеской жизни, и таким образом восстановить на земле рай с молочными реками».

Проповедь Зороастра произвела столь сильное впечатление на его последователей, что они сохранили в памяти слова пророка и передавали их из поколения в поколение. Существовали, очевидно, прозаические толкования трудных стихов Зороастра, подобные комментариям к проповедям Будды, но, к сожалению, эти толкования Гат не сохранились, что сильно затрудняет наше понимание речей пророка. Однако силу и глубину поэтического чувства, пронизывающего их, можно ощутить даже в переводе. Вот, например, Ясна 44, 3—4:

Об этом я спрашиваю тебя, о Господин, скажи мне правду:
Кто является творцом, первым отцом Праведности?
Кто начертал пути солнца и звезд?

---

[36] H. Humbach, Die Gathas des Zarathustra, Bd I, Heidelberg, 1959, стр. 74.

Кто он, благодаря которому луна то увеличивается, то уменьшается?
Все это и еще многое хочу я знать, о Мудрый.

Об этом я спрашиваю тебя, о Владыка, скажи мне правду:
Кто удерживает землю внизу и небо
от падения? Кто [создал] воды и растения?
Кто впрягает [двух] боевых коней в тучи и ветер?
Кто, о Мудрый, является творцом Благой Мысли?

Сказания Востока

Персы — народ с эпической традицией, которая, несомненно, имеет большую древность. Много проблем встает в связи с попытками возвести корни сказаний новоперсидской «Шах-наме», «Книги царей», ко временам парфян, Ахеменидов или арийцев, а проследить изменения и выделить слои, отложившиеся в течение столетий, чрезвычайно трудно или попросту невозможно. Можно, однако, сделать некоторые общие заключения, которые помогут уяснить роль и значение эпоса в доисламском Иране.

Мифология тесно связана с зарождением эпической литературы, ибо сфера первой — действия богов, а второй — героические свершения людей. Подобно тому как позднейшие барды сплетали в единый эпос сказания разных времен, мало обращая внимания на хронологию, так и древние жрецы пели гимны богам, и они же, или их младшие коллеги, слагали о богах легенды. Подобно тому как в японской мифологии потомки богини солнца спустились на землю и стали править ею, в Египте и в других странах правителям приписывалось божественное происхождение. Можно предполагать, что арийцы до их расселения имели мифы, но не знали еще эпоса. Новые контакты, возникшие после разделения индийцев и иранцев, у первых — с народами субконтинента, у вторых — с народами Западного Ирана и Месопотамии, должны были существенно изменить взгляды вчерашних арийцев, оказавшихся теперь в более оседлом, более безопасном окружении. Новая ситуация, вызвавшая изменения в мировоззрении пришельцев, «приземлившая» его и усилившая в нем элементы прагматизма, не способствовала развитию эпоса, который обычно связан с героической жизнью. Но в одной области, на территории родины арийцев, условия продолжали оставаться благоприятными для развития эпической традиции. Я полагаю, что в Восточном Иране и в Средней Азии сложилась более подходящая ситуация для расцвета эпоса, чем в любой другой области, занятой иранцами. Почти несомненно, что древние иранцы, где бы они ни расселялись, всюду имели общую мифологию, ибо у них даже были общие с индийцами мифы и имена мифических героев (такие,

как иран. *Yima* и инд. *Yama,* первый земной царь или царь мертвых; иран. *Θraētaona,* инд. *Traitaná,* и др.). Весьма возможно, как доказывают некоторые исследователи, что общеиндоевропейская эсхатология породила сходные сказочные сюжеты и темы в позднейшем устном творчестве на языках дочерних народов, однако немногие из этих языков имеют эпическую традицию. Одним из них является персидский, а «Шах-наме» остается популярной и сегодня. Зарождение эпической традиции в Иране совпадает по времени с выступлением пророка Зороастра, событием, которое, несомненно, оказало влияние на дальнейшие судьбы эпоса. Если бы не было Зороастра, эпос мог бы развиваться так же, как в Индии или у германских народов, или он мог бы умереть в период правления в Иране греков или, позднее, арабов. Если бы Зороастр появился во времена Христа и был бы столь же настойчив, он мог бы уничтожить старую мифологию и эпос вместе с ней. Но все это «если», и можно полагать, что Зороастр появился как раз вовремя и в нужном месте, и это почти обеспечило его включение в развивающийся эпос. Ибо иранский эпос, отраженный в «Шах-наме» и в остальных вариантах эпических циклов, находится, по меньшей мере, в соответствии с зороастрийской религией или же, что наиболее вероятно, подвергся эффективной «зороастризации».

Многое уже написано о районах происхождения локальных эпических традиций или о различных мотивах в общеиранской традиции эпоса. Исследования привели к выводу о том, что в иранском эпосе можно проследить наличие двух традиций, однако имеются некоторые расхождения в классификации или наименовании этих традиций. Один из исследователей назвал их мифической традицией и традицией восточноиранских правителей, или соответственно «религиозной» и «национальной» традициями[37]. Другой говорит о традициях «зороастрийского» и «кочевого» эпоса[38]. Главная проблема, по моему мнению, заключается в разных путях исторического развития эпоса в Восточном и в Западном Иране и его разрастании в результате наслоений местных эпических циклов. Я выдвигал уже ранее тезис, согласно которому все иранцы имели общую мифологию, но не единый эпос — по крайней мере, до тех пор, пока власть парфян с востока не распространилась на весь Иран. У нас нет данных, свидетельствующих о том, что сказания о восточных

---

[37] A. Christensen, Die Iranier,— «Handbuch der Altertumswissenschaft», hrsg. von. W. Otto, 3. Abt., 1. Teil, III. Bd: Kulturgeschichte des alten Orients, 3. Abschn., 1. Lief., München, 1933, стр. 217; его же, Les Kayanides, København, 1932, стр. 69.

[38] I. Gershevitch, Iranian literature,— «Literatures of the East», ed. by E. B. Ceadel, London, 1953, стр. 56.

правителях, *kavi*, распевались или декламировались в Западном Иране при Ахеменидах. По-видимому, существовали местные «эпосы» о предках правителей той или иной области; но включение Зороастра в один из таких эпических циклов, повествующих о *kavi* Восточного Ирана, способствовало, вероятно, тому, что именно этот цикл в дальнейшем стал основой для старейших частей эпоса на всей территории Ирана. Сказания о восточных *kavi* могли быть более волнующими, более героическими, чем все другие локальные эпические циклы, и это обусловило их популярность — для эпоса прежде всего важны подвиги героев, религия в нем на втором плане.

Есть основания считать, что иранский эпос представлял в основном восточный цикл сказаний, «легендарную» древнюю историю Восточного Ирана с пророком Зороастром, включенным как часть этой истории. В Западном Иране могли существовать предания, подобные тем, которые были в восточных областях в период Ахеменидов, такие, как сказание о любви Зариадра и Одатиды, сохраненное в изложении грека Хареса Митиленского; однако это ни в коей мере не доказывает заимствования эпических мотивов западом с востока. Вообще говоря, за исключением тех случаев, когда имена собственные эпических героев ясно говорят о заимствовании, возможность общего наследия или параллельного развития эпических сюжетов должна учитываться в полной мере. Недавно одним исследователем было убедительно показано, что цикл сказаний о Каянидах вообще не был известен во многих областях Ирана до тех пор, пока Аршакиды не распространили эти сказания, а Сасаниды собрали их и записали[39]. Разумеется, очень трудно проследить во времени изменения в содержании сказаний и учесть влияние на них источников; так, гипотезы А. Кристенсена, старающегося привязать сеистанский цикл сказаний о Рустаме к феодальным владетелям из рода Сурена, а сказания о Годарзе к роду Карена и отнести возникновение этих циклов к парфянскому времени, весьма соблазнительны, но не могут считаться доказанными[40]. В любом случае, однако, можно утверждать, что восточноиранский цикл героических сказаний о Каянидах является основным источником для более позднего эпоса всего Ирана. Поскольку Зороастр был связан с кругом Каянидов, зороастрийские лидеры восприняли этот цикл как часть своего фольклора или древней истории. Выделение первоначальных религиозных эпических циклов и циклов «национальных», или светских, имеет некоторые основания, однако позднее эти циклы так переплe-

[39] M. Boyce, Zariadres and Zarēr,— BSOAS, vol. XVIII, pt 3, 1955, стр. 474.

[40] A. Christensen, Les Kayanides, стр. 138.

лись между собой, что в наши дни один из деятелей зороастрийской церкви охарактеризовал «Шах-наме» как гражданскую и одновременно религиозную историю зороастризма. Конечно, не только жрецы поддерживали эпическую традицию. Иранские барды и менестрели развлекали правителей и знать, исполняя эпические сказания и сохраняя их на протяжении веков. Для исследователя истории литературного процесса религия играет незначительную роль в эпосе; для историка религии, напротив, сказки кажутся маловажными. О том, что эпос существовал и вне сферы распространения зороастризма, свидетельствует самостоятельный скифский цикл, представленный в современной его форме сказаниями иранцев осетин на Северном Кавказе. Предки осетин не были, очевидно, затронуты зороастризмом[41], об этом можно судить по осетинской культовой терминологии, в которой, в частности, в отличие от других иранских языков отсутствует слово, соответствующее древнеиранскому *daiva-* «дэв, демон, злой дух». Осетинские сказания о Нартах должны рассматриваться как эпос; существовали, несомненно, и другие, не дошедшие до нас циклы, свободные от влияния зороастризма. Нам придется еще вернуться к проблемам иранского эпоса ниже, в связи с Парфией и Сасанидами, однако уже сейчас следует выяснить, какие исторические данные мы в состоянии извлечь из сказаний о Каянидах и других героях древнего Ирана.

Источниками для изучения и восстановления иранского эпоса служат Авеста, пехлевийские книги и сочинения на новоперсидском и арабском языках. Последние наиболее обширны по объему, но основываются на пехлевийской традиции. Авеста, в отличие от позднейших источников, не дает подробной, развернутой хронологии событий. Систематизированная запись легендарной истории Ирана была осуществлена при Сасанидах, когда реальная история оказалась уже забытой. Эта легендарная история и стала для Сасанидов подлинной древней историей Ирана. Мы не будем здесь касаться тяжб, которые вели между собой «историческая» и «религиозная» традиции, и признаков, разъединяющих их, поскольку с нашей задачей реконструкции истории древнего Ирана непосредственно связано лишь то, что сами персы считали своей древней историей. В развитом эпосе — в «светской» традиции, как она представлена у Фирдоуси и других поздних авторов,— первая династия, правившая миром, носит имя Пешдадидов (*Pēšdādīyān*). Эта династия была

[41] [См. об этом подробно: В. И. Абаев, Скифский быт, стр. 23 и сл.; В. И. Абаев, Дохристианская религия алан, М., 1960 (XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР); E. Benveniste, Études sur la langue ossète, Paris, 1959 (Collection linguistique publiée par la Société de linguistique de Paris, LX), стр. 138 и сл.]

основана мифическим царем Хошангом (*Haošyaŋha* в Авесте) и закончилась правлением также легендарного царя, носящего имя Узав[42]. Члены этой династии, имена которых приведены в Авесте (без указания последовательности правлений и порядка наследования), выступают как полумифические, полуэпические персонажи, совмещающие в себе черты богов и героев. Древние мифы в эпосе преподнесены как история, однако в династии Пешдадидов нет ничего исторического, так что можно только строить предположения относительно происхождения и значения их имен. Здесь нет еще и подлинной хронологии, есть лишь мифический или космологический распорядок, основывающийся на представлении о тысячелетних мировых циклах или зороастрийской эсхатологии.

В соответствии с этим представлением, существование мира делится на три периода по 3000 лет каждый. Первый период — золотой век правления Ахура Мазды. Затем наступают 3 тыс. лет войны со Злом, тревожное время. В конце этого периода появляется Зороастр, вливающий новые силы в ряды сражающихся с войском Зла и, таким образом, склоняющий чашу весов в пользу Ахура Мазды. Кончается третий период, и тогда, через 9 тыс. лет после сотворения мира, наступает его обновление[43].

До сих пор не решен вопрос о том, можно ли прямо выводить концепцию о тысячелетних циклах из арийского представления, согласно которому существование мира, от его творения до уничтожения, продолжается 12 тыс. лет. Существовали, вероятно, и другие представления о времени, отделяющем создание мира от конца его, но мы не можем здесь входить в рассмотрение этих запутанных проблем.

Следующая династия в эпосе ничем не отличается от Пешдадидов, кроме того, что все ее представители носят титул *kavi*, а последний из относящихся к ней царей — Кави Виштаспа, покровитель Зороастра. Упоминание Кави Виштаспы в списке царей определяет историческое место всей этой династии. Слово *kavi* встречается в Индии, означая жреца-кудесника, сведущего в магии, или лицо, посвященное в таинства, а также мудреца и поэта. На иранской почве это слово прилагается в Авесте к восьми членам рассматриваемой династии, которые перечислены в таком порядке: Кавата, Апиваху, Усадан, Аршан, Пиши-

[42] Согласно «Шах-наме» Фирдоуси, Хошанг был внуком Гайомарта, первочеловека (и первого царя). Узав или Зав, *Uzava* в Авесте, по данным «Бундахишна», был отцом Кавата. Генеалогии спутаны и ненадежны.

[43] См.: J. Duchesne-Guillemin, Le commencement et la fin du mond selon les mazdéens,— «Akten des X. Internationalen Kongresses für die Geschichte der Religionen», Marburg, 1961.

нах, Бияршан, Сияваршан и Хаусравах — все с титулом Кави перед именами[44]. Далее следует Кави Виштаспа, упоминаемый не среди других, а выделенный особо. Показательно также, что во всех наших источниках Виштаспа — последний правитель, носящий этот титул. Одновременно с Виштаспой существовали и другие *kavi*, противники Зороастра, и поскольку они упоминаются рядом с *karapan*, «бормочущими» (как называют других жрецов, также врагов пророка), есть основания считать, что *kavi* выполняли и жреческие функции. Они были, по-видимому, своеобразными «жрецами-царями» Восточного Ирана, поддерживающими старые арийские культы и обряды. Можно пойти дальше и предположить, что определенная семья *kavi* усилилась настолько, что установила свое господство над окружающими «жрецами-царями». Прямых свидетельств об этом нет, но эпическая традиция сообщает о существовании обширной и сильной державы или государства. Следует проверить, нет ли других сведений о державе *kavi* в Восточном Иране в доахеменидское время.

Судя по географическим условиям Средней Азии и Восточного Ирана, вряд ли можно надеяться найти здесь централизованную державу — скорее мы вправе думать о конфедерации оазисов-государств и племен, если вообще существовало какое-то объединение. Однако по мере того как растут наши сведения о прошлом этой части земного шара, предположение о существовании здесь в древности обширного государства кажется все менее невероятным. Еще сравнительно недавно Восточный Иран и Средняя Азия в древности представлялась нам страной, почти лишенной городов и населенной в основном кочевниками. Работы советских археологов в Средней Азии изменили эти представления. Раскопки, проведенные на территории больших оазисов Мерва, Бухары, Хорезма и в других районах, вскрыли существование больших оросительных каналов и значительных по размерам поселений, относящихся к первой половине I тысячелетия до н. э. Памятники материальной культуры, открытые здесь, быть может, уступают происходящим с территории Западного Ирана, однако они указывают на развитой желез-

[44] Происхождение титула *kavi* остается неясным. Возможно, что у арийцев он обозначал вождя племени, который выполнял религиозные обряды, произнося соответствующие гимны богам (см.: K. Barr, Avesta, Et Udvalg af Zarathustriske Terster, oversaat og forklaret, København, 1954, стр. 206). В книжном среднеперсидском (пехлеви) мы находим форму *kay*<**kavya*, авест. *kavay*, отсюда и название Каяниды.

Имена восьми *kavi* в пехлеви имеют следующий вид: Kai Kavad, Kai Apiveh, Kai Kaus, Kai Ariš, Kai Pišin, Kai Vyarš, Kai Siyavuš, Kai Xusrav. Согласно пехлевийской традиции, Каус, Ариш, Пишин и Виярш были братьями, что заставляет сомневаться в историчности всей династии.

ный век, и среди них мы находим великолепную расписную керамику [45]. Уровень строительной техники в раскопанных поселениях еще не вполне ясен, но открытие стен и фортификаций свидетельствует о далеко зашедшем развитии оседлой жизни и может намекать на существование царств или довольно значительных государств. В то же время большое число находок предметов конской сбруи должно указывать на роль кочевников, которые, по-видимому, служили главной военной опорой для государства или государств древнего Восточного Ирана. Археология, таким образом, подкрепляет картину общества, как она предстает в Авесте, в том числе соседство кочевников и оседлого населения, часто враждующих друг с другом.

Сведения античных источников дают основания предполагать существование в Восточном Иране в доахеменидский период одного из трех возможных государств — распространение Мидийской державы на восток, Бактрийское царство или Хорезмийское царство. О империи мидян речь пойдет в следующей главе; здесь достаточно отметить, что, если исключить весьма неясные сообщения Ктесия о распространении власти Ассирии вплоть до Бактрии и о проникновении влияния Мидии далеко на восток [46], у нас нет достоверных сведений об экспансии мидян в Хорасан. Представление Ктесия о Зороастре как бактрийском царе не лишено интереса, но чтение имени *Zoroaster* здесь сомнительно [47]. Восточные иранцы могли находиться в рядах мидийской армии на правах союзников, однако нельзя доказать, что Мидия контролировала Восточный Иран. Многие исследователи разделяли мнение о существовании независимого Бактрийского царства в Восточном Иране в период, когда мидяне образовали свою державу на западе. Археологию и здесь можно призвать на помощь, чтобы подкрепить гипотезу о доахеменидском государстве в Бактрии, о котором сообщает Ктесий,— на бактрийских равнинах открыты остатки больших ирригационных сооружений и городов, подразумевающих наличие центральной власти [48].

Проблема Хорезмийского царства, или «Большого Хорезма», была впервые выдвинута И. Марквартом, исследовавшим рас-

---

[45] См. сводку и анализ данных об ирригации и доахеменидской политической структуре в кн.: В. М. Массон, Древнеземледельческая культура Маргианы, М.—Л., 1959 (МИА, № 73), стр. 122—135.

[46] Ctesiae Fragmenta, ed. C. Müller, Paris, 1828, стр. 14; Диодор, II, 2, 5.

[47] [См. также: И. В. Пьянков, Ктесий о Зороастре,— «Материальная культура Таджикистана», вып. I, Душанбе, 1968, стр. 55—68.]

[48] См.: М. М. Дьяконов, Сложение классового общества в Северной Бактрии,— СА, 1954, т. XIX, стр. 129.

сказ Геродота (III, 117) об использовании вод реки Акес[49]. Итоги этих изысканий были подытожены В. Б. Хеннингом[50]:

«Согласно этому рассказу, который Геродот заимствовал, видимо, у Гекатея, в древности хорезмийцы владели долиной реки Акес, т. е. Геридруда и его продолжения — современного Теджена. В зависимости от них находились гиркании, парфяне, саранги Сеистана и таманаи Арахосии. Хорезмийцами были заняты также Мерв и Герат, так как Гекатей, в одном из дошедших до нас фрагментов его труда, помещает хорезмийцев к востоку от парфян.

Таким образом, мы можем считать вполне определенно, что в Восточном Иране существовало государство, сложившееся вокруг Мерва и Герата и современное Мидийской державе. Это государство возглавлялось хорезмийцами и было уничтожено Киром, лишившим хорезмийцев их южных областей, после чего они постепенно передвинулись в свои северные владения на реке Окс».

Далее В. Б. Хеннинг приходит к выводу, что относительно быстрое и легкое завоевание Киром Великим Восточного Ирана предполагает существование обширного государства или группы государств, поскольку иначе завоевание потребовало бы гораздо бóльшего времени. Но если оперировать такими аргументами, то можно выдвинуть гипотезу и о том, что отсутствие восстаний против Ахеменидов в Восточном Иране (исключая первый год Дария I, когда восстания были повсеместными)[51] должно объясняться предшествующим владычеством Мидии или какой-либо другой западной державы, заложившим основу для гегемонии Ахеменидов на востоке. В то же время трудно поверить, что Кир положил конец Хорезмийскому государству, которым правил Виштаспа, покровитель Зороастра,— слишком многое здесь остается недоказанным, а реальных свидетельств нет вовсе. Мы можем лишь предполагать, что в Восточном Иране до Ахеменидов существовало по крайней мере два государства, или, скорее, две конфедерации, с центрами в Бактрии и Герате. Мидийская империя имела, вероятно, контакты с одной из них или с обеими и оказывала некоторое влияние (на одну из них или на обе), хотя прямых доказательств этому нет[52].

---

[49] J. Markwart, Wehrot und Arang. Untersuchungen zur mythischen und geschichtlichen Landes-Kunde von Ostiran, Leiden, 1938, стр. 8.

[50] W. B. Henning, Zoroaster, стр. 42.

[51] [Ср.: В. В. Струве, Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии, Л., 1968, стр. 24—40.]

[52] На связи Мидии с Восточным Ираном или ее влияние в этих областях указывает версия сказания о Зариадре и Одатиде, которую мы находим у Афинея, см.: F. Jacoby, Die Fragmente der griechischen Historiker, Berlin, 1926, II B, 125, fragm. 5, стр. 660—661. Согласно этому рассказу, два брата

Кави Виштаспу и Зороастра можно отнести к территории Гератской конфедерации, но еще д о т о г о, как создалось это объединение (если оно действительно существовало), причем они отнюдь не обязательно должны были иметь дело с Киром. Предположение Маркварта о том, что Бактрия возвысилась на востоке только при Ахеменидах, после падения Хорезмийского государства, кажется заманчивым, однако и в этом случае свидетельств источников нет.

Таким образом, наши сведения по истории Восточного Ирана в доахеменидское время весьма скудны, а реконструкции — гипотетичны. Эпические сказания не могут служить надежным историческим источником для этого периода, но они воссоздают некоторые черты облика героического века, не нуждавшегося в письменной истории. Мы должны теперь обратиться к излюбленной теме эпоса — борьбе между Ираном и Тураном.

Иран и Туран

Войнам между Ираном и Тураном отведено много места в иранском эпосе, и несомненно, что их антагонизм служил наглядной иллюстрацией к зороастрийским представлениям о борьбе добра и зла. Противоречия между степью и оседлостью, светом и тьмой, между *ašavan*, последователем Зороастра, и *drəgvant*, приверженцем Ахримана, — все это объединилось в борьбе Ирана и Турана. В эпических сказаниях «Шах-наме» эта борьба предстает как не знающая перерывов традиция, от столкновений арийцев и неарийцев в период арийских завоеваний и вплоть до времени Фирдоуси, когда тюрки хлынули на Ближний Восток. Не лишено вероятности, что после победы ислама тюрки были действительно отождествлены с более ранними турами (*tūr*), поскольку в наименовании *Turk* можно видеть форму множественного числа *tur-k*, где *tur* — обозначение какого-то тотема пратюрков Центральной Азии. Тогда тюркское *Tur-k* было бы равно по значению иранскому *Tur-ān*, по форме также множественное число. Как ни мало у нас данных о истории слова «Туран», мы должны все же заняться им.

Название «Тур» несколько раз засвидетельствовано в Авесте

правят Ираном — Гистасп в Мидии и Зарнадр в Восточном Иране, вплоть до реки Яксарт (Сырдарья). О контактах Мидии с востоком в доахеменидское время могут свидетельствовать и формы названий Бактрии *(Bāxtriš)* и Дрангианы *(Zranka)* в древнеперсидских надписях — они, скорее, мидийские, чем персидские (*z* вместо *d*; *tr* вместо *ç*). Наконец, мидийские институты, заимствованные персами, показывают, что Мидийская держава была не рыхлой конфедерацией, а обширной империей.

в форме *Tūra*. Самое раннее упоминание народа *Tūra* (но не области) мы встречаем в Гатах, в Ясна 46, 12, где названы потомки Фрияна Тура. В 13-м Яште (Фравардин Яшт, 143) упомянуты *Airya*, последователи Зороастра, а рядом народы *Tūra, Sairima, Saini* и *Daha*. Первые три имени (*Airya, Sairima, Tūra*) в сасанидское время, если не раньше, были истолкованы как обозначения потомков трех братьев — Эреджа, Салма и Туджа, иранских соответствий для Сима, Хама и Яфета Библии. Мы можем предположительно отождествить эти народы с арийцами (или собственно иранцами), сарматами Южной России и туранцами. О *Saini* ничего не известно, а *Daha*, соответствующее, очевидно, *Dāsá* Ригведы, можно идентифицировать с дахами (*Dahae*) античных авторов — кочевниками, обитавшими на территории современной Туркмении, к востоку от Каспийского моря. Народ Тура, туры, о которых говорится в эпосе, получил свое название, по-видимому, от какого-то иранского кочевого племени или группы племен Средней Азии — это название в эпосе стало применяться ко всем восточноиранским кочевникам. Возможно также, что Тур, известное как название небольшой области в Хорезме в сасанидский период, отражает древнее наименование племени или рода. Маркварт предполагал, что народ Тура тождествен массагетам, кочевому племени, игравшему важную роль в древности (греческие авторы помещали его к востоку от Каспийского моря), но и это не более чем гипотеза [53]. Область Туран в современном Белуджистане и *twgrn* в парфянской версии большой надписи Шапура I, датируемой 260 г. н. э., могут отражать движение Тура на юг. Большинство ученых отрицает наличие какой-либо связи между этими названиями, однако не лишено вероятности, что такая связь действительно существует. Весьма показательно, что имеется непрерывная, идущая от древности традиция о вражде иранцев и неиранцев в восточной части страны и в Средней Азии, соответствующая религиозному представлению о столкновении Добра и Зла. Хотя слово *Tūra* в век Авесты обозначало, скорее всего, иранцев [54], однако воспоминания о борьбе с аборигенами сыграли свою роль в сложении эпоса. Позднее, конечно, главными врагами Ирана стали тюрки.

О силе влияния иранского эпоса можно судить по тюркам, которые восприняли его не только как историю Ирана, но и как свою собственную древнюю историю. В самом раннем из дошедших до нас тюркских словарей Алп Ер Тонга, предок-эпоним

[53] J. Marquart, Ērānšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i, Berlin, 1901 (AKGWG, N. F., Bd III, № 2), стр. 157.

[54] [См. об этом: В. И. Абаев, Скифский быт, стр. 23 и сл.]

или герой тюрок Средней Азии, отождествлен с Афрасиябом, главным «туранским» врагом Ирана в иранском эпосе[55]. Тонга должен быть, по-видимому, идентифицирован с тотемом волка, столь характерным для тюрок; Афрасияб несколько раз упоминается в Авесте в форме Франграсьян (*Frangrasyan*). Там он выглядит полумифическим персонажем, злым духом, спущенным на землю, или драконом, не пускающим воду (в Иран), — характеристика, по которой можно судить о значении воды в жизни страны. В авестийском Яште 5, 41, Франграсьян просит богиню Ардвисуру Анахиту даровать ему **hvarnah-* «державную славу» (Ирана), но тщетно. Далее он предстает как главный супротивник зороастрийцев, то есть иранцев. Эпический цикл, связанный с борьбой против Афрасияба, был столь популярен у тюрок, что в XI в. н. э. мы видим в Средней Азии династию Караханидов, которые именовали себя «родом Афрасияба» и известны под этим именем в мусульманских источниках.

Выше мы упомянули **hvarnah-*, представление традиционное и символическое для персов на протяжении всей их долгой истории. Семантика этого слова претерпела серьезную эволюцию — по-видимому, от первоначального значения «желанная вещь» до «добрая судьба, счастье». В среднеперсидском *xvarrah* (пишется идеограмма *GDH*) имеет особое значение: «царская слава, царское величество»[56]. Слово *xvarənah*—авестийское отражение древнеиран. **hvarnah-*, не имеет, насколько известно, соответствий в индийских языках, но, очевидно, инд. *ksatra* со значением «харизма власти» содержит сходное с *xvarənah* представление. Иранское *xšaϑra*, этимологически соответствующее *kṣatra*, с точки зрения семантики стоит ближе к инд. *rāj*, хотя *xšaϑra* имеет и специфически зороастрийское значение — имя одного из Амеша Спентов, атрибутов или персонификаций Ахура Мазды. Итак, **hvarnah-, xvarrah/farn* «державная слава Ирана» стала для персидского народа символом, своего рода мистическим знаком — по-видимому, уже со времени Зороастра и до наших дней. Он призван был также символизировать стабильность шаханшахского правления в Персии.

Возвращаясь к народам Восточного Ирана, следует заметить, что сведения Авесты не могут быть использованы в качестве основы, а лишь для подтверждения данных других источ-

---

[55] Махмӯд ал-Кāшг̣арӣ, Китāб дӣвāн луг̣āт ат-турк, III, Стамбул, 1335/1917, стр. 110.

[56] Ср.: H. W. Bailey, Zoroastrian Problems in the Ninth-century Books, Oxford, 1943, стр. 1—78. Форма **hvarnah-* — реконструированная древнеиран., авест. *xvarənah* (**xvarnah*). Соответствующее древнетюркское или даже общеалтайское представление о харизме царской власти отражено в позднейшем тюркском слове *qut*.

ников. Картина расселения иранских племен, которую мы застаем при Ахеменидах, должна была сложиться в период, непосредственно предшествующий восшествию на престол Дария I. В своих надписях великий царь перечисляет провинции подвластной ему империи, и именно по этим перечням, а также по данным Геродота, мы можем попытаться восстановить карту Восточного Ирана в период, когда ахеменидские цари начали свои обширные завоевания.

Восточные иранцы делились на много племен или «народов», по именам которых назывались и области, населенные ими. Так, Согдиана (греческая форма) называлась по имени согдийцев, а Парс, Персида греков, получил, видимо, свое название от народа Парса. В Средней Азии, за пределами оазисов, жили кочевники, называвшиеся персами общим именем *Saka* — саки [57]. Они отличались от своих оседлых соседей, согдийцев, хорезмийцев и других, прежде всего по образу жизни, а не по этносу или языку. Когда персы, а за ними и греки стали знать о Средней Азии больше, особенно после того как ахеменидская империя укрепилась, они начали различать отдельные сакские племена или группы племен. Этимология названия *Saka* остается неясной. Г. Бэйли предложил толковать его как «мужчина, муж», от корня *sak-* «быть сильным, искусным», засвидетельствованного в Ригведе как эпитет к слову «муж» [58]. Многие исследователи принимали для *Saka* значение «собака», рассматривая его как тотем племени, аналогично названию тюркизованного монгольского племени ногай, которое в монгольском означает «собака» [59]. Греки называли саков скифами. Это наименование было перенесено с «западных скифов», кочевников, которые в VIII в. до н. э. пришли с востока, вторглись в Переднюю Азию и наводнили Южную Россию; слово «скиф» известно Библии в форме *ашкуза* (в традиционном, ошибочном написании — ашкеназ, *'šknz*). Трудно, конечно, восстановить точно для раннего

---

[57] Геродот, VII, 64, и Плиний, Естественная история, VI, 50.

[58] См.: H. W. Bailey, Languages of the Sakas,— «Handbuch der Orientalistic», hrsg. von B. Spuler, 1. Abt., Bd. IV: Iranistik, 1. Abschn.: Linguistik, Leiden — Köln, 1958, стр. 133. Бэйли сопоставляет здесь *Daha* с *Alemanni* как примеры употребления слова «муж(и)» в качестве племенного названия.

[59] Ван Виндекенс (A. J. van Windekens, Les noms des Saces et des Scythes,— «Beiträge zur Namenforschung», 1, 1949, стр. 98—102) пытается связать *saka*<иран. **svaka-* со словом «скиф», возводя оба названия к индоевроп. корню **(s)keu-* «бодрствовать, наблюдать». Эта гипотеза подверглась критике со стороны Жимерени (O. Szemérenyi, Iranica,—ZDMG, Bd 101, 1951, стр. 212), который весьма неубедительно производит *saka* от иран. корня **sak-* «идти, течь, бежать». Более приемлемым кажется его объяснение названия «скиф» как иран. **skuϑa* «лучник», от индоевроп. корня **skeud-* «метать, стрелять».

доахеменидского периода этническую карту обширной территории, протянувшейся от южнорусских равнин до пределов Китая, но есть основания полагать, что саки (скифы) казались оседлым народам Ближнего Востока единым, нерасчлененным целым, подобно тому как позднее различные тюркские народы именовались просто «тюрками».

Походы Кира и особенно Дария позволили Западу лучше познакомиться с народами северных степей. Кочевники, как мы увидим ниже, вторглись в Иран, вероятно, через Кавказ, в период владычества Мидии; часть их осталась в Иране и не была поглощена оседлым населением. Так, ортокорибантии у Геродота (III, 92), входившие в состав сатрапии Мидии (десятая сатрапия ахеменидской державы), могут быть отождествлены с «острошапочными саками» — греческое их название содержит *orthos* + *korys* «вертикально стоящий шлем» и неясный элемент *bant-* или *pant-* (сравни греч. *kyrbasia*). В ахеменидских надписях различаются три группы саков: саки *paradraya* «которые за морем» — этих саков следует, скорее всего, искать в Южной России, а не в районе Аральского моря, куда помещают их некоторые советские ученые; саки *tigraxauda* «с острыми шапками (*или* шлемами)»; саки *haumavarga* «почитающие хаому (?)». Последние, именуемые греческими авторами амюргиями (*Amyrgioi*), жили в восточной части Средней Азии, предположительно от Ферганы до Восточного Туркестана[60]. Значение *haumavarga/Amyrgioi* не вполне ясно, но производные от этого названия пытаются обнаружить в некоторых современных памирских языках[61]. Отождествление этой группы саков с сакарауками, вторгшимися в Бактрию во II в. до н. э., представляется весьма возможным, поскольку сакарауки пришли из тех районов, где в свое время обитали амюргии. Однако лингвистических доказательств тождества этих названий, вопреки утверждениям Маркварта[62], нет.

Саки *tigraxauda* изображены на рельефах и печатях; один из их вождей, носящий имя Скунха, представлен на рельефе, высеченном по приказу Дария на Бехистунской скале. Этих са-

---

[60] [Ср.: E. Herzfeld, The Persian Empire. Studies in geography and ethnography of the Ancient Near East, Wiesbaden, 1968, стр. 290—292, 327 329; В. В. Струве, Этюды по истории, стр. 51—66; М. А. Дандамаев, Поход Дария против скифского племени тиграхауда,— КСИНА, 61, 1963, стр. 175—187; И. В. Пьянков, К вопросу о маршруте похода Кира II на массагетов,— ВДИ, 1964, № 3, стр. 115—130; B. A. Litvinskij, Sakā haumavargā,— «Beiträge zur alten Geschichte und deren Nachleben. Festschrift für Franz Altheim», Bd I, Berlin, 1969, стр. 115—126.]

[61] H. W. Bailey, Languages of the Saka, стр. 132.

[62] J. Markwart, Das erste Kapitel der Gaϑa uštavati (Yasna 43), Roma, 1930 («Orientalia», № 50), стр. 43.

ков следует, скорее всего, локализовать в Западном Туркестане, предположительно к востоку от Аральского моря, хотя область их распространения могла простираться до Каспия. Трудно определить, идентичны ли они «сакам равнин», которые упоминаются в одной египетской надписи, и можно ли отождествить саков *haumavarga* с «саками болот» (или «самых отдаленных пределов»), о которых говорится в этой же надписи[63]. Еще больше неясностей в сообщении Геродота (I, 201) о том, что Кир погиб в битве с массагетами, которые ранее вытеснили «скифов» в Европу (IV, 11). Поскольку массагеты занимали часть той же территории, кажется возможным включать их в состав «строшапочных» саков, хотя *tigraxauda* является, несомненно, персидским описательным наименованием. Имя «массагеты» (*Massagetai*) остается этимологически неясным, тем более что оно известно лишь из античных источников и не представлено ни разу в письменных памятниках на иранских языках. Попытки толковать это название как «рыбоеды» или в этом роде (ср. авест. *masya* «рыба»), либо как «великие саки» или «великие геты» кажутся малоубедительными[64]. Некоторые группы кочевников могли вторгаться в области, находившиеся в поле зрения Китая, так что можно было бы ожидать упоминаний о них в китайских источниках. Однако китайцы стали проявлять интерес к Западному Туркестану только с I в. н. э., но и для этого периода идентификация китайских наименований или передач иноязычных названий является весьма трудным делом.

Из оседлых народов наиболее тесно связанными с саками были хорезмийцы и согдийцы. Хорезм во времена ислама отождествлялся с Хивой и районом дельты Амударьи, к югу от Аральского моря, однако существуют некоторые сомнения относительно того, находились ли хорезмийцы в этой области в древности, в период, предшествовавший созданию империи Ахеменидов, и даже во время, когда Дарий составлял свои надписи. Выше нам пришлось уже привести сообщение Геродота, восходящее, по всей вероятности, к Гекатею и подтверждаемое одной фразой у Арриана, историка походов Александра Великого. Из этого сообщения можно заключить, что хорезмийцы жили к югу от пустыни Каракум и были соседями парфян и других народов, занимая районы около современного города

---

[63] G. Posener, La première domination perse en Égypte, Cairo, 1936, стр. 185. Воины с «остроконечными шлемами» в авестийском Яште 9, 30 не могут быть уверенно отождествлены именно с саками, так как согдийцы, судя по древнетюркским надписям, также носили «остроконечные шапки» (надпись Тонъюкука, стк. 46).

[64] J. Marquart, Untersuchungen zur Geschichte von Eran, II. II, Leipzig, 1905 («Philologus», Supplementband, X, H. I), стр. 78.

Кучана в Персии и Ашхабада в Туркмении. Археологические исследования С. П. Толстова убедительно показывают, что область Хивы в этот период была обитаемой, но у нас нет свидетельств письменных источников о характере ее населения. Хорезмийцы должны были передвинуться на север в ахеменидское время, поскольку Александр Великий застал их на нижнем Оксе. В это время они входили, по-видимому, в состав той же конфедерации, что и массагеты и другие племена[65].

Этимология названия Хорезм до сих пор точно не установлена; попытки истолковать его как «солнечная земля», «хорошая земля» и иные предлагавшиеся объяснения не могут быть признаны удовлетворительными[66]. Открытие памятников хорезмийского языка средневекового периода и исследования В. Б. Хеннинга в этой области принадлежат к числу крупнейших достижений иранистики в последние годы. Несомненно, что в результате широких археологических работ, которые продолжают вести в Хорезме советские ученые, мы узнаем много нового об этом народе и его культуре.

Благодаря находкам письменных памятников на согдийском языке, согдийцы известны в настоящее время гораздо лучше, чем их соседи[67]. Этот народ обитал в оазисах Бухары, Самарканда и, по-видимому, занимал часть плодородной Ферганской долины и других прилегающих районов. Можно полагать, что не только в первые века нашей эры и позднее, но уже и в древности согдийцы славились как предприимчивые купцы и вели оживленную торговлю. С завоеваниями Александра Великого можно связать начало диаспоры согдийцев на востоке, вплоть до Китая. Согдийцы были близкородственны бактрийцам, что проявлялось в обычаях и культуре, а также и в языке. Страбон (XV, 724) сообщает, что у большинства восточных иранцев языки почти одинаковы, и это сообщение находит подтверждение в *Шицзи*, «Исторических записках», составленных в правление династии Хань, в I в. до н. э.[68].

Старейшая форма названия страны засвидетельствована в древнеперсидских надписях — *Suguda*, она отражает, вероятно,

---

[65] Страбон, XI, 513; анализ этого сообщения см.: W. W. Tarn, The Greeks in Bactria and India, Cambridge, 1951, стр. 479, 540.

[66] См.: R. Kent, Old Persian, New Haven, 1950, стр. 177. С. П. Толстов (По следам древнехорезмийской цивилизации, М.—Л., 1948, стр. 87) сопоставляет это название с хурритами древней Месопотамии, что вряд ли оправданно. [Ср.: E. Herzfeld, The Persian Empire, стр. 325—326.]

[67] [Ср.: E. Herzfeld, The Persian Empire, стр. 322—323.]

[68] Перевод главы 123 см.: J. de Groot, Chinesische Urkunden zur Geschichte Asiens, Bd 2, Berlin, 1926, стр. 35 и сл.; F. Hirth, The story of Chang K'ien, China's pioneer in Western Asia,— JAOS, vol. 37, 1917, стр. 89 и сл.

произношение *Sugda* или *Suγda*, позднее *Sugd, Suγd*. В китайском и в тибетском мы находим формы этого названия с *-l-* (вместо *-gd-*), что может отражать диалектные варианты в самом согдийском. Нужно, однако, заметить, что переход *d*>*l* свойствен многим восточноиранским языкам. Некоторые важные соответствия, которые обнаруживаются между согдийским, языком восточной группы, и древнеперсидским, языком западноиранским, могут указывать на контакты носителей этих языков в период, предшествовавший миграции персов на юго-запад[69]. В Авесте *Suγδa* выступает в качестве прилагательного, определяющего слово *gava* «поселение» (сравни позднейший мифический титул *gōpat šāh* в пехлевийских текстах)[70].

Для суждения об уровне общественного развития и материальной культуре древних согдийцев и других оседлых восточноиранских народов весьма существенны результаты работ советских археологов, показавших, что VII в. до н. э. был периодом создания крупных ирригационных систем, которые в древности, как и сейчас, служили источником жизни и благополучия народов Средней Азии[71]. Ирригацию и земледелие в целом восхваляет Авеста, а археологические данные свидетельствуют о сравнительно высоком уровне организации общества, которое сооружало плотины и оросительные каналы. Столицей Согда был Самарканд — нам придется еще говорить об этом городе.

Помимо согдийцев *per se*, в Средней Азии жили и другие народы и племена. Название Фергана иногда возводят к парикаииям[72], о которых Геродот (III, 92; VII, 68 и 86) говорит как о кочевниках, обитающих в Персии[73], однако обозначение Ферганы в китайских источниках — *Давань*, а также другие наименования этой области заставляют задуматься над тем, всегда ли за названиями стран или областей скрываются названия пле-

---

[69] W. B. Henning, Mitteliranisch,— «Handbuch der Orientalistik», 1. Abt., Bd IV: Iranistik, 1. Abschn.: Linguistik, Leiden — Köln, 1958, стр. 108.

[70] I. Gershevitch, The Avestan Hymn to Mithra, Cambridge, 1959, стр. 176; H. W. Bailey, Iranian Studies,— BSOS, vol. VI, 1932, стр. 951.

[71] М. М. Дьяконов, Древняя Бактрия,— «По следам древних культур», М., 1954, стр. 328; «История Узбекской ССР», т. I, Ташкент, 1955, стр. 37.

[72] «История Узбекской ССР», т. I, стр. 39; E. Herzfeld, Zoroaster and his world, II, стр. 449.

[73] [Геродот (или его источник) помещает париканиев в X сатрапию (Мидия) и в XVII сатрапию (соответствует Гедросии и Мака ахеменидских надписей, территория современных Мекрана и Белуджистана). О городе Парикана в Персии говорит Гекатей (о значении термина «Персия» у Гекатея см.: L. Pearson, Early Ionian historians, Oxford, 1939, стр. 78). Ср.: И. М. Дьяконов, История Мидии, М.—Л., 1956, стр. 338, прим. 4, 349, 360.]

мен[74]. Изучая топонимику, можно проследить передвижения племен. Так, например, город Амуль на Оксе носит то же имя, что и город в Табаристане, на южном берегу Каспийского моря, причем в обоих случаях оно связано, вероятно, с племенем мардов или амардов, которое источники отмечают и в других районах Ирана. Достаточно указать, что племена двигались в основном с востока на запад, и поэтому не следует удивляться, что названия, засвидетельствованные для Персии, можно обнаружить и в Средней Азии.

Оазис Мерва лежал на перекрестке торговых путей, которые с древнейших времен служили и путями миграций. Толкование названия оазиса как «луг» представляет известные трудности, однако это было бы весьма подходящим обозначением области, лежащей на равнине, в которую устремляется из ущелий современный Герируд. Мерв был военным центром персов на их северо-восточной границе во времена сасанидской державы, это значение он сохранял и в период арабского завоевания Средней Азии, при Омейядском халифате. В 682 г., когда арабы вошли в Мерв, в городе существовали колонии согдийцев, хорезмийцев и других народов. Так должно было быть и в древности. При Кире Мерв (древнеперс. *Margu-*) составлял, конечно, часть Гератской сатрапии; Дарий включил его в состав Бактрии.

Бактрия (древнеперс. *Bāxtri-*, иранская, но не персидская форма названия) [75] была плодородной страной, занимавшей территорию современного Афганского Туркестана, к югу от реки Амударьи, древнего Окса. Главный город носил то же имя, что и область в целом. Оно может происходить, как предположил Маркварт[76], от названия реки *Bactrus* (Плиний, VI, 48, 52). Столица Бактрии, подобно Мерву, имела важное стратегическое значение — она господствовала над путями, шедшими на юг — в Индию, через Гиндукуш, на восток — в Китай и на север — в Согдиану. Бактрия была при Ахеменидах важнейшей сатрапией всего Восточного Ирана; позднее, после Александра, она стала центром греков, основавших здесь царство и отправлявшихся отсюда завоевывать Северо-Западную Индию. Бактрийцы говорили на восточноиранском наречии, весьма близком, вероятно, к согдийскому, но многократные вторжения на территорию плодородной и богатой равнины между Оксом и горными хреб-

---

[74] J. Markwart, Die Sogdiana des Ptolemaios,— «Orientalia», vol. 15, 1946, стр. 295.

[75] [Собственно персидская форма — **Bāxçi-* — засвидетельствована в эламской передаче *ba-ak-ši-iš*, ср. ниже, прим. 40 к главе 3.]

[76] J. Markwart, A Catalogue of the Provincial Capitals of Erānšahr (Pahlavi text, version and commentary), ed. by G. Messina, Roma, 1931 (Analecta Orientalia, 3), стр. 34.

тами изменили состав населения, так что мы почти ничего не знаем о языке бактрийцев в древности. Горы Бадахшана были, по-видимому, единственным источником лазурита (ляпис-лазури) для древнего мира. Если это так, то бактрийцы должны были очень рано установить связи с Ближним Востоком,— предметы из лазурита в Египте и в Месопотамии обнаружены в погребениях, относящихся к III и II тысячелетиям до н. э. Мы уже упоминали о возможных контактах между мидянами и бактрийцами. Когда Дарий пришел к власти, сатрапия Бактрия осталась верной ему, в то время как большинство других сатрапий было охвачено восстаниями.

Горцы Гиндукуша в рассматриваемый период испытывали, по-видимому, сильное влияние и со стороны Индии, с юга и востока, и со стороны Ирана, с севера и запада, что не могло не сказаться на их этническом облике и языках. Эта горная область, включавшая территорию современных долин Панджшира — Горбанда и Кабула, в надписях Дария известна как сатрапия Саттагидия (древнеперс. *θatagu-*), при Александре Великом она именовалась Паропанисады (*Paropanisadai*). Последнее отражает **uparisaina-,* древнеиранское название Гиндукуша, тогда как Саттагидия является, скорее всего, наименованием, данным этой области персами при Ахеменидах[77]. Можно предположительно отождествить Саттагидию или, по крайней мере, часть ее с Ишката (*Iškata*) — областью, упоминаемой в Михр-Яште[78]. В этой области обитал народ паруты (*Paruta*), о котором сообщает и Геродот (III, 91). Где-то на востоке от него жили дадики и пактии (Геродот, III, 91; VII, 67). Первых идентифицируют с современными носителями дардских языков, вторых — с патанами, тогда как паруты («горцы»?) или апаруты (*Aparytai*) связываются с современными афридиями — афганскими племенами Северо-Западного Пакистана. Все эти отождествления не более, чем гипотезы, до сих пор не доказанные,

---

[77] J. Marquart, Untersuchungen, H. II, стр. 73, 177, где отмечено, что в 6-м параграфе Бехистунской надписи в вавилонской и эламской версиях представлены слова, восходящие к древнеперсидскому **para-uparisaina* «[область] перед *Uparisaina*» (то есть к югу от Гиндукуша). Херцфельд повторил уже высказывавшееся ранее предположение о том, что Саттагидия происходит от индийского *Sapta Sindhava* и соответствует территории Пенджаба (E. Herzfeld, AMI, Bd I, Berlin, 1929, стр. 99). Эта гипотеза кажется весьма сомнительной. В *Hindu-* древнеперсидских надписей, если следовать Херцфельду, надо видеть название области, соответствующей современному Синду в нижнем течении Инда. Возможно, что в состав владений Дария I входили земли и современного Пенджаба, и Синда; во всяком случае, для персов название *Hindu-* «Индия» обозначало прежде всего страну по реке Инд. [Ср.: E. Herzfeld, The Persian Empire, стр. 341—344, 346—347.]

[78] I. Gershevitch, The Avestan hymn, стр. 174—175.

хотя некоторые из них и могут оказаться правильными. Многие ученые протестовали против сближения пактиев Геродота с патанами, точнее паштунами/пахтунами — афганцами, носителями языка пашто/пахто; Г. Моргенстьерне предложил выводить *paštō* из *Parswana* или *Parsa*[79]. Широкое распространение названия *Parsa* представляет еще одну проблему, которую нам придется затронуть.

Впервые «Парса» предстает в ассирийских клинописных источниках IX в. до н. э. в форме «Парсуа» как название области, точное местонахождение которой определить трудно, возможно к северу от современного Керманшаха в Западной Персии. Жители Парсуа упоминаются несколько раз в ассирийских анналах в качестве врагов, покоренных армией Ассирии. Около 640 г. до н. э. мы находим Кира I, о котором говорится, что он *šar parsuwaš*, «правитель Парсы», помещаемой уже на юге, у границ Элама, в современном Луристане. Парса и Парсуа, по всей вероятности, представляют варианты одного и того же названия, но является ли Парса иранским словом или же это доиранский топоним, от которого получили свое наименование персы и которое они перенесли на юг в качестве этнического обозначения? К последнему предположению склонялся Э. Херцфельд, возводивший ассир. *parsua* к слову *paraxše*, известному для III тысячелетия до н. э.[80]. Это, однако, всего лишь гипотеза, доказать которую невозможно. Весьма заманчивым кажется объяснение, выдвинутое И. М. Дьяконовым. Он полагает, что в Парса, Парсуа и Парсава (*Parϑava*, **Parsava*) представлены три формы древнеиран. **parsava* «ребро, бок, край», восходящего к индоевр. **perk-* «ребро, грудь», откуда и авест. *pr̥su* (*pərəsu-*) «бок», осет. *fars* «сторона, край». Все три области находились на окраинах Мидии: на южной — Парса (Персида), на восточной — Парсава (Парфия), на западной — Парсуа; их названия означают примерно одно и то же — «край, окраина, украйна», и нет необходимости предполагать, что слово «Парса» было перенесено персами с севера на юг[81]. Весьма вероятно, что наименования персов и парфян представляют диалектные варианты одной и той же формы (*ϑ* и *s*) и что мы имеем дело с первоначальным обозначением одного народа, поскольку *parsua* ассирийских источников может являться передачей иран. **parsava*. Дальнейшие

---

[79] G. Morgenstierne, Afghān,— «The Encyclopaedia of Islam», New ed., vol. I, Leiden — London, 1960, стр. 216—221.

[80] E. Herzfeld, Zoroaster and his World, II, стр. 728.

[81] И. М. Дьяконов, История Мидии, стр. 69. [Ср.: Э. А. Грантовский, Древнеиранское этническое название **Parsava* — *Pārsa*,— «КСИНА», XXX, 1961, стр. 3—19.]

выкладки приводят к заключению, что древнеперсидское название области Парса — *Pārsa* — в действительности является мидийским словом и что собственно древнеперсидская форма должна была звучать **Pārϑa*, тогда как Парфия, которая по-мидийски (и по-парфянски) должна была именоваться **Parsava*, носила название *Parϑava*, представляющее древнеперсидскую форму. Эти выводы весьма остроумны, однако они переоценивают роль мидийского обозначения области или народа и семантического развития «ребро > сторона > окраина, пограничная местность». Кажется более вероятным, что «Парса» было этническим именем, названием ираноязычного народа, который продвинулся на территорию провинции Фарс и дал ей свое имя, причем какая-то часть этого народа дошла до границ Месопотамии, а часть осталась в Восточном Иране. Если принять эту гипотезу, то становится понятным не только замечание ал-Бируни относительно тесного родства хорезмийцев и персов, но и наличие древнеперсидско-согдийских изоглосс, о которых упоминалось выше. Эта гипотеза может помочь найти объяснение и для таких этнических наименований, как пактии Геродота и пасианы — кочевники, вторгшиеся во II в. до н. э. в Бактрию с севера. Название пасианы (*Pasiani* античных источников) уже было отождествлено с *Pārsa*, «персами». Эти «персы» входили вместе с хорезмийцами в состав массагетской конфедерации, они остались кочевниками и не ушли на юг, как сделали их братья-персы несколькими столетиями раньше[82]. Хотя гипотеза о существовании «персов» в Восточном Иране помогает уяснить некоторые проблемы, однако при нынешнем уровне наших знаний мы вряд ли в состоянии восстановить в деталях раннюю историю этих народов.

Предлагались и другие этимологии *parsa*, помимо указанных выше, в частности и такие, как «народ боевых топоров», на основании сопоставления с инд. *paraśú-*, сопоставления весьма сомнительного, поскольку название топора в арийских языках, по всей вероятности, происходит из шумерского[83]. Толкование Парсава ~ Парса ~ пашто как «земля, почва» (санскр. *pṛthvī-*) представляется неправдоподобным.

Возвращаясь к Саттагидии, следует отметить, что она, конечно, причиняла Ахеменидам, как и современным ученым, много беспокойства, хотя и иным образом. Область Гандхары, современные районы Пешавара и Джалалабада, могла частично совпадать с Саттагидией (особенно в долинах), но так как Гандха-

[82] W. Tarn, The Greeks, стр. 294.

[83] W. Eilers, Der Name Demawend, I,— AO, t. 22, 1954, стр. 357; II,— AO, t. 24, 1956, стр. 188. Остается неясным, имело ли аккад. *Pilakku* значение «топор».

ра несомненно тяготела к Индии, мы вправе исключить ее из нашего рассмотрения, ограниченного древним Восточным Ираном.

Арахосия (древнеперс. *harahuvati,* соответствует санскр. *sarasvati* «богатая реками»), страна с весьма точным названием, лежала в пределах современного Южного Афганистана, по долинам верхнего Гильменда (авест. *Haētumant* «обильный плотинами, мостами») и его притоков[84]. Здесь жили таманаи. Это этническое наименование мы находим только у Геродота (III, 93, 117), но возможно, что с ним следует сблизить, внеся надлежащее исправление в чтение, Анауон — название области, соответствующей современной провинции Фарах в Афганистане и упомянутой у Исидора Хараксского в его «Парфянских стациях» (16: *Anauon*). Имя народа, населявшего Арахосию, исчезло почти бесследно — оно сохранилось разве что в названии города Чаман, к востоку от современного Кандахара. Однако едва ли можно сомневаться в том, что жители ее уже в глубокой древности были оседлыми земледельцами и сумели освоить плодородные земли этой области, во многом сходной со своим северным соседом — Бактрией. Подобно Бактрии, Арахосия является центром, откуда Ахемениды распространяли свою власть на окрестные племена, на юг и на восток. Во времена бурных событий, последовавших за смертью Камбиса, сатрап Арахосии сохранял верность Дарию, выдержал натиск мятежников, двинувшихся против него с запада, и помог утвердиться власти нового царя.

Нижнее течение реки Гильменд и район озера Хамун были заняты зрангами — древнеперс. *Z(a)ra(n)ka* (с местным *z-* вместо *d-*, ожидаемого для собственно древнеперсидской формы). Это название неоднократно и, я думаю, безуспешно пытались объяснить как «морская земля». Оно сохранилось и после утверждения здесь ислама в форме Заранг, как именовалась столица провинции. Озеру Хамун отводилось много места в зороастрийской традиции; согласно преданию, оно было родиной эпического героя Рустама. По географическому своему положению и с точки зрения исторических событий территория вокруг озера была более связана с Арахосией и верхним Гильмендом, чем с провинцией Фарс и вообще с западом. Вторжение сакских племен во II—I вв. до н. э. несомненно изменило этнический облик населения этой области. Название пришельцев было перенесено и на страну и сохранилось до настоящего времени — Сеистан, ранее Сакастан, «страна саков». В доахеменидское время, как и сейчас, контакты степи и оседлости здесь были весьма тес-

---

[84] [Ср.: E. Herzfeld, The Persian Empire, стр. 332—334.]

ными, и кочевники со всех сторон окружали озеро, громадное зимой и почти полностью пересыхающее поздним летом.

К югу от Арахосии и Сеистана лежала первоначально неарийская земля. В этой сатрапии, именуемой Мака в надписях Дария, обитали, согласно Геродоту (III, 93; VII, 68), мики (*Mykoi*, древнеперс. *Maka*), утии (древнеперс. *Yautiyā*) и парикании. Первые дали свое имя современному Мекрану («берег Мака»), а название последних сохранилось в средневековом имени города Парихан, Бариз арабских географов[85]. Ятии, или ютии (утии Геродота), были, возможно, предками джутов, кочевников Кермана в исламское время, которых не следует смешивать с зутт — цыганами[86]. На территорию обширной области, лежащей между рекой Инд на востоке, Персидским заливом на западе, Индийским океаном на юге, центральными пустынями и полупустынями (к югу от реки Гильменд и Сеистана) на севере, иранцы проникали очень медленно, так что и при Ахеменидах она была еще неиранской по этносу, хотя часть ее находилась под властью ахеменидских царей. Чтобы завершить обзор Восточного Ирана, мы должны обратиться к Парфии и Герату.

В период, когда Дарий взошел на трон, Парфия (древнеперс. *Parϑava)* занимала территорию современной персидской провинции Хорасан, включая и Гирканию, в юго-восточном углу побережья Каспийского моря. Мы упоминали уже о том, что в названии Партава (Парфия) отразилась, возможно, та же основа, что и в Парса (с учетом диалектных различий). Вторжение в Парфию, вскоре после Александра Великого, кочевников-парнов изменило этнический, а возможно, также и лингвистический облик населения, хотя парфянский язык надписей и документов позднейшего времени в основном остается тем же языком Партавы, восприняв лишь некоторые элементы лексики парнов. Согласно Страбону (XI, 508, 515), парны принадлежали к дахской племенной конфедерации. Дахи упоминаются в древнеперсидской надписи Ксеркса (*Daha*, у Страбона — *Daa*), их имя отражено и в более позднем названии Дахистан — об-

---

[85] В. Эйлерс (в статье: W. F. Leemans, Trade relations of Babylonia.— «Journal of the economic and social history of the Orient», vol. 3, 1950, стр. 29) предложил для Мекрана этимологию *Mak-kirān* «берег Мака», а *Maka* объяснил как иранизованную форму древнего местного топонима **Makan*, шумерское *Má-gan*. Это толкование (насколько мне известно, лучшее, чем все предлагавшиеся ранее) все же не устраняет некоторых неясностей, поскольку реконструируемое **Maka-karāna* должно значить скорее «край (*или* «граница») *Maka*», а не «побережье *Maka*». Смущает и различие между аккад. *Ma-ak* и древнеперс. *Maka*, а также аккад. *Ma-ka-na* для *Magan*. О Баризе см.: E. Herzfeld, Zoroaster and his World, II, стр. 734.

[86] J. Markwart, A Catalogue, стр. 77.

ласть, лежащая прямо на восток и юго-восток от Каспийского моря. Античные авторы говорят о родстве парфян со скифами; речь может идти о парнах и других кочевниках, которые правили в Парфии, восприняв язык и имя оседлого населения области[87]. Парны, в прошлом номады, познакомившись с оседлой культурой, стали, возможно, более консервативными в отношении языка и обычаев, чем другие иранцы. Может быть, этим следует объяснять архаичные формы парфянских написаний некоторых слов, напоминающие древнеперсидскую орфографию. Высказывалось предположение, что этноним парны или апарны (*Parni, Aparni*) связан со словом *apar* «верхний, наверху» и значит, соответственно, что-то вроде «горцы», однако эта гипотеза не очень убедительна[88]. В Парфянском царстве, в век восточного рыцарства, ожили и получили некоторые парфянские черты старинные сказания о правителях и героях Восточного Ирана. Парфянский язык стал называться *pahlavānīk* — слово, которое имело и значение «героический», а имя самих парфян, *pahlavān*, стало значить «герой» и пережило многие столетия.

О Герате (древнеперс. *Haraiva*) уже говорилось выше как о сердце Восточного Ирана. Область носила то же название, что и река, причем первоначально оно, по-видимому, прилагалось к реке. Я думаю, что именно на территории Герата произошло главное разделение арийцев — часть ушла в Индию, другие двинулись на запад. Греческие авторы, начиная уже с Геродота, смешивали название реки и области с термином «арий», ариец. Они пытались, видимо, проводить различие между ними, применяя обозначения *Areioi* «ареи» и *Arioi* «арийцы», однако вариантные чтения указывают на путаницу[89]. Страбон (XI, 515) называет реку *Arios,* Птолемей (VI, 17, 2) — *Areias;* область именуется, соответственно, *Aria* и *Areia.* Толкование названия реки как «текущая» (санскр. *sárati* «он течет») кажется приемлемым. Возможно, что «персы востока» были сконцентрированы именно в области Герата или же жители ее считали себя «арийцами» в первую очередь, основываясь на значении их земли в иранской (и зороастрийской) традиции. Как бы то ни было, после завоеваний Александра мы сталкиваемся с любопытным превращением, впервые, видимо, у Эратосфена (Страбон, XV, 723), названия Ария в Ариану, а затем с перенесением пред-

---

[87] Ср.: E. Benveniste, L'Ērān-vēž et l'origine légendaire des Iraniens,— BSOS, vol. VII, 1934, стр. 274.

[88] W. Eilers, Der Name, I, стр. 373.

[89] [Ср.: E. Herzfeld, The Persian Empire, стр. 330—331; М. А. Дандамаев, Клинописные данные об ариях,— «История, археология и этнография Средней Азии», М., 1968, стр. 86—93.]

ставления об области Ариана (*Ariane*) на весь Восточный Иран, от центральных пустынь до реки Инд, исключая, правда, Бактрию и северные земли. Ариана превратилась уже в «царство ариев», *Aryānšahr,* в котором в то время, когда жил и писал Эратосфен (около 220 г. до н. э.), правили уже не Селевкиды, а парфяне, и Ариана в таком понимании термина совпадала по существу с Парфянским царством.

Существовали, конечно, области и племена, которых мы не коснулись в нашем обзоре Восточного Ирана, однако и так ясно, насколько сложна и запутанна карта этой страны в древности и насколько велико было действительное значение этой «родины иранцев», что, к сожалению, не всегда осознают исследователи истории Персии.

Структура общества

Нам предстоит теперь рассмотреть основные черты структуры древнеиранского общества, как они отразились в Авесте, древнеперсидских надписях и в скупых сообщениях античных источников. Многие ученые пытались делать два среза общественной организации — «вертикальный» и «горизонтальный». Под первым понимается место индивидуума в составе основных структурных единиц, таких, как семья, род, племя, тогда как «горизонтальное» деление устанавливает его место в сословном обществе, определяемое его занятиями или происхождением,— речь идет о таких социальных группах, как ремесленники, мелкая знать и т. п. Естественно, что последнее деление существует только в оседлом, цивилизованном обществе, поскольку кочевники в походе вряд ли могут иметь такого рода «классовую структуру». С возвышением Ахеменидов мы оказываемся на пороге становления «горизонтальной» организации общества, по крайней мере за пределами Мидии.

Мы не будем здесь касаться вопроса о широком распространении матриархата у индоевропейцев или арийцев. Его следов нельзя обнаружить у иранцев VII—VI вв. до н. э., хотя античные источники не обошли молчанием предания об амазонках и о высоком положении женщины на древнейшем Востоке. Основной единицей иранского общества был патриархальный род, в котором важная роль отводилась родству по мужской линии, тогда как другие единицы — семья, гораздо меньшая, чем род, и более многочисленное племя — имели второстепенное значение. «Вертикальную» структуру общества иранцев можно представить следующим образом (в приводимой

схеме не все соответствия, конечно, являются абсолютными; так, иранское *xšaϑra* вряд ли имеет значение «народ»):

	Терминология Авесты	Древнеперсидские термины	Дарий I (в качестве примера)
1) семья	*nmāna-*	*taumā-*	= сын Виштаспы
2) род	*vis-*	*viϑ-*	= Ахеменид
3) племя	*zantu-*	**dantu-*	= Пасаргады
4) область или страна	*dahyu-*	*dahyu-*	= Парса
5) этнос, народ	*xšaϑra-*	*xšaça-*	= Арья

(В Восточном Иране «область» и «народ», вероятно, слились в составе конфедерации племен во главе с *kavi)*.

Дальнейшая идентификация первых трех авестийских терминов с социальными обозначениями, выступающими в Гатах, была предложена Э. Бенвенистом и исправлена П. Тиме, который вместо простого отождествления *nmāna* Авесты и *xvaētu* Гат и т. д. полагает, что в *nmāna* «доме» жила *xvaētu* «семья», *vis* «поселение», было занято *varəzāna* «родом» (Гаты), а *zantu*, «территория племени», представлялась как область *airyaman* «гостеприимства» (термин Гат), то есть «тех, кто связан гостеприимством»[90]. Выводы Тиме весьма важны и интересны с точки зрения отражения структуры общественного устройства в сфере религии. В то же время они ясно указывают на преемственность традиции, восходящей к арийским временам. Пункты 4-й и 5-й приведенной выше схемы должны подразумевать отношение к власти или правителям, какие-то различия между членом общества и его «народными вождями». Иранцы, осевшие на территории их новой родины, не могли не испытать, особенно в Западном Иране, влияния новых представлений о власти над оседлым народом, новых традиций и новой символики. Род уступал свое прежнее значение; на первый план выдвигались, с одной стороны, семья, а с другой, как и следовало ожидать, племя или народность.

Мы не находим еще здесь «кастовой системы», характерной для позднейшей Индии, или «сословной системы» сасанидского Ирана, но рабы, слуги и знать существовали и в рассматриваемое время. Наличие «горизонтальной» организации общества в период, предшествовавший оседанию пришельцев, можно предположить путем умозаключений. Как представляется, взрослый перс, возглавляющий небольшую семью и способный носить оружие, именовался по-древнеперсидски **maryaka-* или *marīka*. Это слово засвидетельствовано в надписи на гробнице Дария в Накш-и Рустаме и толкуется обычно как «слуга», поскольку в

[90] P. Thieme, Mitra and Aryaman, стр. 80.

аккадской версии этой надписи ему соответствует слово с таким значением. Однако, если привлечь данные других индоевропейских языков, а также проследить соответствия в более поздних иранских языках, то значение древнеперс. **maryaka* окажется иным, и употребление аккадского слова «слуга» в данном контексте придется объяснять как результат позднейшего переосмысления. Первоначально **maryaka* обозначало, по-видимому, воина, древнюю опору клана; он мог называться «слугой» вождя лишь в той мере, в какой военачальники ахеменидского царя именовались его «рабами». Хотя вторичное значение «раб» или «слуга» представлено в некоторых современных памирских языках, я продолжаю считать перевод древнеперс. **maryaka* как «слуга» неправильным. Слуги и рабы имели иные обозначения.

Слуги могут быть разделены на две группы — домашние слуги и рабы-иноземцы. Последние именовались, по всей вероятности, древнеперсидским термином **gr̥da,* засвидетельствованным в эламских табличках из Персеполя в форме *kur-taš* и в арамейском *grd.* Это слово, от индоевроп. корня **gherdh-* «окружать, огораживать», в первую очередь обозначало, по-видимому, военнопленных или рабов, которые были пригнаны на работы. Из эламских персепольских табличек можно заключить, что *kur-taš* было общим наименованием «работника», уточняемым с помощью специальных обозначений профессии или ремесла. Арамейские папирусы из Египта и таблички персепольской сокровищницы показывают также, что работники египетских поместий, принадлежавших ахеменидским принцам, равно как и те, кто возводил постройки в Персеполе, не были персами и, видимо, не были свободными[91]. Подавляющее большинство их со-

[91] См.: I. Gershevitch, [рец. на:] G. G. Cameron, Persepolis treasury tablets, Chicago, 1948,— AM, NS, vol. II, pt 1, 1951, стр. 141—142 (с замечаниями Г. Бэйли и В. Б. Хеннинга) и G. R. Driver, Aramaic documents of the fifth century B. C., Oxford, 1957, стр. 63. [Ср.: В. О. Тюрин, Социальное положение *kur-taš* по документам из «Сокровищницы» Персеполя,— ВДИ, 1951, стр. 21—30; G. G. Cameron, Persepolis treasury tablets old and new,— JNES, vol. XVII, 1958, стр. 161—176; G. G. Cameron, New tablets from the Persepolis treasury,— JNES, vol. XXIV, 1965, стр. 167—192; И. М. Дьяконов, Рабовладельческие имения персидских вельмож,— ВДИ, 1959, № 4, стр. 70—92; W. Hinz, Zu den Persepolis-Täfelchen,— ZDMG, Bd 110, 1961, стр. 236—251; M. A. Dandamayev, Foreign Slaves on the Achaemenid Kings and their Nobles,— «Труды двадцать пятого Международного конгресса востоковедов», т. II, М., 1963, стр. 147—154; J. Harmatta, Das Problem der Kontinuität im frühhellenistischen Ägypten,— AAASH, t. XI, 1963, стр. 199—213. Богатый материал о функциях и социальном положении *курташ* содержится в недавно изданных документах из крепостной стены Персеполя, см.: R. T. Hallock, Persepolis Fortification Tablets, Chicago, 1969.]

О древнеперсидском **maryaka* см.: H. W. Bailey, A Problem of the Indo-Iranian Vocabulary,— RO, t. XXI, 1957, стр. 66.

ставляли иноземные рабы, хотя нельзя исключить возможность участия свободных в «барщинных» работах, *corvée,* особенно в качестве специалистов или надсмотрщиков. Таким образом, в большинстве случаев под **gr̥da* следует понимать иноземных рабов, тогда как домашняя челядь, слуги, а в другом контексте (например, тохар. *mānne,* согласно толкованию Бэйли), возможно, и рабы(-иранцы) обозначались древнеперсидским термином *māniya.* Древнеперс. **gr̥da* и *māniya* не были просто синонимами, они различались по оттенкам значения. Эта гипотеза кажется приложимой к Ирану вообще, хотя я полагаю, что в раннеахеменидский период **gr̥da* обозначало первоначально рабов в царских поместьях (или в поместьях, принадлежащих высшей знати), а затем это название было распространено на работников разных категорий, тогда как *māniya* осталось в употреблении только в пределах собственно Ирана. Раб в древнем мире (а на востоке и позднее) отнюдь не всегда, конечно, служил только говорящим орудием труда, скованным цепью и волочившим под бичом надсмотрщика камни или воду. Многие рабы были искусными ремесленниками, некоторые получали хорошее образование или даже занимали ответственные должности. Вопрос о рабстве внутри иранских племен остается темным, но, по-видимому, оно существовало в какой-то форме. Вряд ли можно отважиться на предположение о том, что эти древние группы рабов или слуг явились зародышем четвертого сословия позднейшего сасанидского общества, ремесленников и торговцев. Следует, скорее, полагать, что контакты с ассиро-вавилонским миром привели к необходимости пересмотреть представление об «идеальном» обществе иранцев. Эта проблема вновь возвращает нас к Дюмезилю.

Источники свидетельствуют совершенно точно, что «идеальное» общество при Сасанидах представлялось как система четырех сословий — жрецов, воинов, писцов и чиновников, и, наконец, ремесленников и крестьян. Намеки на существование четырехчленного деления общества можно найти и в Авесте, но для времени создания Авесты вряд ли можно говорить о сословии чиновников или писцов, известном для периода Ахеменидов и позднее. В Авесте крестьяне *(vāstryōšān,* как именуются они в книжном пехлеви) отделены от ремесленников (*hutuxšān*), так что в результате также можно насчитать четыре сословия. По мнению Дюмезиля, авестийское четырехчленное деление общества развилось из трехчленного, характерного для индоевропейцев и арийцев. Дюмезиль, возможно, прав, однако доказать это трудно, и можно усомниться в том, насколько действенным было вообще любое деление общества на протяжении

 ранней истории Ирана. Существовало ли в действительности

общество, рисуемое Авестой, или это было только идеальное представление о нем, тенденция к осуществлению такого общественного устройства? Тотчас возникает и другой вопрос: укладывались ли рабы и слуги в эту схему деления общества? Нетрудно обнаружить определенные различия между отдельными группами любого древнего общества, однако только в Индии мы находим четкое деление на касты. Для Ирана можно предположить, что представление о делении общества входило в зороастрийское религиозное учение и рассматривалось как идеальное, причем рабы не укладывались в схему этого идеального общества. Идеалы социальной организации должны были измениться, когда иранцы пришли в тесное соприкосновение с культурой Месопотамии, где оседлое население в течение веков выработало определенные нормы общественного устройства. В этих условиях кажется маловероятным, что в период Ахеменидов могла действовать еще какая-то концепция деления на социальные группы, восходящая ко времени индоевропейской общности. Мы должны вновь обратиться к иранскому обществу при Ахеменидах. В Восточном Иране пастушеское, племенное устройство арийцев могло сохраниться и в ахеменидское время, тогда как в Западном Иране пастушеские нравы завоевателей должны были очень быстро претерпеть изменения. Однако в любом случае нельзя предполагать, что четкая общественная организация древнейших индоевропейцев, которую рисует Дюмезиль, сохранилась в неизменном виде. Иранцам-кочевникам, а именно так мы вправе называть пастухов, переселившихся на Иранское плато, было бы очень нелегко следовать принципам организации оседлого общества, с его удобным делением на четкие сословия или касты. Не лишено вероятности, что позднейшие зороастрийцы возвратились к индоевропейским традиционным представлениям об обществе седой древности, которые в течение столетий игнорировались иранцами, однако такое предположение вызывает новые вопросы, остающиеся без ответа.

После этого краткого обзора Восточного Ирана мы можем перейти к западу, где мы оказываемся в иной обстановке, с многочисленными и различными по характеру источниками, данные которых дополняют и проверяют друг друга. Короче говоря, здесь мы имеем дело с историей.

ИРАН И ЗАПАД

Наследие веков

За плечами египтян и вавилонян была многовековая история, когда персы впервые появились на арене Ближнего Востока. Освященные временем институты и обычаи успели уже глубоко укорениться и были подкреплены авторитетом религии. Достаточно указать, например, что народы Месопотамии задолго до Хаммурапи имели своды законов. Египетская культура и цивилизация продолжали существовать и после того, как канула в вечность великая эпоха богов-фараонов Египта. Централизованные империи и мелкие владения возникали и гибли, и кажется, что почти для каждого политического события или общественного явления более позднего времени можно найти прецедент в ранней истории Ближнего Востока.

Египет и особенно Месопотамия оказали большое влияние на соседние народы, и в первую очередь на народы, населявшие Иранское плато. Формуляры документов и клятвенных свидетельств, ордалии и многое другое, засвидетельствованное у хеттов Анатолии, было заимствовано из Месопотамии. Вавилонская клинопись играла роль *lingua franca,* она служила орудием дипломатии и международной торговли и была приспособлена ко многим несемитским языкам и даже целым языковым семьям, таким, как урартская и хеттская.

К тому же, как мы видели, с середины второго тысячелетия до н. э. на Ближнем Востоке появились индоевропейцы с их конями и боевыми колесницами, хотя поначалу они не были столь многочисленны, чтобы навязать свой язык и обычаи местному оседлому населению. В XVII столетии до н. э. они, однако, приняли участие в экспансии хурритов, которая захватила северную часть «Плодородного Серпа», протянувшегося от Месопотамии до Средиземного моря, и сыграли важную роль в создании многих мелких «хурритских» княжеств. Следует отметить, что хурриты принесли на Ближний Восток новых богов, таких, как Тешуп и другие, которые были присоединены к старым местным божествам. Мы уже говорили об арийских богах. Им поклонялась часть правящей верхушки, но они, по-видимому, не стали широко популярными, и мы позднее узнаем о некоторых из них снова только после появления иранцев.

Примерно с 1500 до 1150 г. до н. э. Вавилонией правили касситы — народ, пришедший с Иранского нагорья. Судя по именам богов и правителей, касситы также должны были иметь

контакты с индоевропейцами. Но касситы растворились среди местного населения Вавилонии, подобно тому, как это произошло с хурритами Митанни в Северной Месопотамии и в Сирии. Около 1150 г. до н. э., после того как эламитами была занята большая часть Южной Месопотамии, касситы исчезают, уступая власть местной вавилонской династии[1], и мы оказываемся свидетелями своеобразного вавилонского возрождения.

Быть может, самыми значительными событиями на Ближнем Востоке на рубеже II—I тысячелетий и в течение последующих нескольких веков следует считать этническую экспансию арамеев и политическую экспансию Ассирии. Ассирийцы и задолго до того демонстрировали свою силу и могущество, так что уже по многочисленным надписям Тиглатпаласара I, правившего около 1100 г. до н. э., во времена среднеассирийского царства, можно судить о начальном этапе жестокой практики ассирийских царей, сделавшей их имена ненавистными не только для их современников, но и на протяжении веков истории. Новый этап ассирийской экспансии открыл Ададнерари II, правивший около 900 г. до н. э. Он начал с завоеваний небольших арамейских государств в Северной Сирии и массовыми убийствами, террором и насильственными переселениями посеял страх перед Ассирией. Мы не будем здесь излагать подробности завоевательных походов ассирийских царей, многие из которых упоминаются в Библии,— наш рассказ был бы слишком страшным и в то же время однообразным. Ашшурнасирпал (883—859) оставил сообщение о том, как он приказал содрать кожу с восставших и повесить ее на городских стенах. Салманасар (858—824) воевал против царства Урарту, лежавшего на севере, а также в Сирии, повсюду сея смерть и разрушения. Захваченные богатства и рабы стекались в Ассирию, превратившуюся в централизованную бюрократическую державу, обладавшую мощной армией. Одним из самых могущественных ассирийских царей был Тиглатпаласар III (745—724). Он покорил арамейское государство с центром в Дамаске, подчинил северный Израиль и послал войска в глубь Ирана, к горе Бикни, отождествляемой с вершиной Демавенд близ Тегерана. Ассирийская держава породила целую династию способных администраторов, которые одновременно были солдатами и завоевателями. Наивысшего могущества Ассирия достигла при Саргоне II (721—705), который был военачальником царя Салманасара V, а затем восстал и захватил трон. В период его правления была захвачена столица Урарту — Тушпа (по-види-

---

[1] [См. о касситах: J. A. Brinkman, A Political History of Post-Kassite Babylonia, Roma, 1968, стр. 247—259].

мому, у озера Ван), а страна опустошена и разграблена, так что она никогда уже не смогла оправиться. Вся Сирия и Палестина оказались под властью Ассирии, а Вавилон стал ассирийской провинцией. При Синаххерибе Вавилон восстал и подвергся разрушению, а при Асархаддоне (680—669) был завоеван Египет. Ашшурбанапал, последний великий царь Ассирии, захватил Сузы и сокрушил мощь Элама, но сразу же после его смерти Ассирия начинает клониться к упадку. В 612 году, памятном в мировой истории, столица Ассирии Ниневия пала под ударами мидян и вавилонян, иногда называемых халдеями.

Наименование халдеи (калду) можно прилагать к арамееязычным кочевникам, поселившимся в южной Вавилонии и основавшим здесь в период экспансии Ассирии на север небольшие княжества. Начиная с XII в. до н. э. кочевники-арамеи проникали в области, лежащие на периферии «Плодородного Серпа», и, укрепившись в них, образовывали мелкие государства, важнейшим из которых в Сирии, очевидно, был район Дамаска[2]. В Ветхом Завете мы читаем о борьбе Давида и Соломона с арамеями. В Месопотамии ассирийские анналы упоминают Аруму и Калду, из чего можно заключить, что арамеи осели и здесь, точно так же как и на другой стороне Сирийской пустыни. Их проникновение в районы «Плодородного Серпа» напоминает продвижение на эту же территорию доисламских арабов в более позднее время. В Месопотамии, как и в Сирии, арамеи стали объектом агрессии и страдали под игом ассирийской державы. Но в одном отношении они одержали верх над своими властителями: ассирийская клинопись, продолжающая старые письменности Шумера и Аккада, вынуждена была в конечном счете отступить перед арамейским алфавитным письмом, гораздо более удобным, чем клинопись, и приведшим к победе пергамента и папируса над глиняной табличкой. Не только письменность, но и арамейский язык превратился в конце концов в *lingua franca* огромной территории — от Египта до Персии.

Но вернемся ненадолго к ассирийцам, которые в течение первых четырех веков I тысячелетия до н. э. сумели с помощью насилия изменить облик Ближнего Востока в не меньшей степени, чем это делали раньше и продолжали делать в рассматриваемый период арамеи, просочившиеся в оседлые районы. В результате ассирийских завоеваний и массовых депортаций народы Ближнего Востока смешались между собой как никогда ранее. Древние местные культуры были уничтожены или пере-

---

[2] [См. подробно о халдеях и арамеях: J. A. Brinkman, A Political History, стр. 260—285.]

сажены на другую почву, что неизбежно должно было породить синкретизм почти во всех проявлениях духовной жизни в завоеванных областях. Религии, в течение многих столетий связанные со строго определенными районами, теперь нашли приверженцев на территории всей ассирийской державы. Когда в 689 г. Вавилон был стерт с лица земли Синаххерибом, огромная статуя Мардука, бога — хранителя города, вместе с его культом была перенесена в Ашшур, в то время как вавилоняне, переселенные в Самарию (в Палестине), продолжали поклоняться Нергалу. Ассирийское войско, скорее, напоминало профессиональную армию, чем ополчение горожан, — так, например, в армии Синаххериба служили ионийские наемники. Ассирийская политика истребления и увода населения завоеванных территорий привела к тому, что способность к «национальному сопротивлению» у народов Ближнего Востока оказалась значительно ослабленной, и это обстоятельство сыграло немаловажную роль в дальнейших успехах Персии. Нельзя не отметить, однако, некоторого положительного влияния *pax Assyriaca* — при ассирийских царях процветала торговля и возводились грандиозные постройки и ирригационные сооружения. Вероятно, можно пойти дальше и сказать, что в результате обширных завоеваний и роста ассирийской державы родился неизвестный ранее тип государства, возникло новое государство, которое тем не менее всеми своими традициями было связано с шумеро-аккадским прошлым. Ассирийские цари всерьез восприняли такие старые титулы, как «царь всего сущего», «царь Шумера и Аккада», «царь четырех стран света». Однако, несмотря на уважение к традициям, не раз спасавшее Вавилон от полного разрушения (ибо Ассирия почитала историю), ассирийской державе суждено было стать началом нового этапа. Эти перемены не всегда легко заметить, иногда они замаскированы традицией, дань которой отдавали ассирийские цари (так, в библиотеке Ашшурбанапала тщательно сохранялись и переписывались классические произведения прошедших времен), однако для будущего «единого мира» Ахеменидов почва уже была подготовлена. Бюрократия, формировавшаяся из представителей разных народов, и столь же пестрая в этническом отношении армия явились, возможно, двумя важнейшими чертами ассирийского наследства.

Искусство ассирийской державы также служило источником вдохновения для последующего периода. Дело вовсе не в особой оригинальности ассирийского искусства, ибо за ним, несомненно, стоят традиции искусства вавилонян и хеттов, но до сих пор нас поражают реализм и экспрессия царских рельефов и печатей. К счастью, сохранилось много рельефов с изображения-

ми военных и охотничьих сцен, в центре которых выделяется величественная фигура ассирийского царя (рис. 95). Архитектура царских дворцов и храмов должна была оставлять грандиозное впечатление. Некоторые новые черты можно, по-видимому, отметить в архитектурном декоре, такие, как, например, цветные изразцы для стен, ставшие позднее характерными для ахеменидских Суз. Литература Ассирии в основной своей массе не очень высокого качества. Глиняные таблички заполнены, как правило, комментариями к старым текстам, астрологическими записями, магическими заклинаниями и пророчествами, к которым питал особую страсть Асархаддон. Большее, чем прежде, развитие получила, вероятно, астрономия, но все же подавляющую часть дошедших до нас текстов составляют однообразные перечни завоеванных городов, покоренных племен, захваченных пленных и описания страшных казней и пыток; эти тексты важны как исторический источник, но литературные их достоинства весьма невелики.

Выше мы уже упоминали об обстановке, складывавшейся к этому времени на Иранском плато. Для того чтобы завершить наш обзор доиранской эпохи, следует остановиться несколько подробнее на государствах Элама, Урарту и Манна, располагавшихся, целиком или частично, на территории плато и потому представляющих больший интерес для истории Ирана, чем даже Ассирия.

Эламиты были известны персам под названием уджа, или худжа,— по имени горного народа, жившего к востоку от Суз и, видимо, близкородственного эламитам. Античные источники называют их уксии (*Uxii*, ошибочное написание у историков Александра вместо *Uzii?*). Древнее имя эламитов можно обнаружить в современном названии области — Хузистан. Элам рано появляется на исторической арене, но сведения о нем весьма немногочисленны. В источниках упоминается о том, что один из правителей первой династии Киша в Месопотамии завоевал страну эламитов, однако и это раннее известие малодостоверно. Эламиты, возможно, находились в родстве с народами, жившими к северу от них, в Луристане,— луллубеями, касситами (*Kossai* греческих авторов) и гутиями. Можно предположить, что между народами Западного Ирана во II тысячелетии до н. э. существовали тесные этнические и культурные связи, равно как они были и между населением областей «расписной керамики» в предшествующее тысячелетие. Трудно, конечно, делать решительные выводы на основании археологических материалов из раскопок памятников на плато, относящихся к доисторическому периоду, таких как Тепе-Гиян около Нихавенда или Тепе-Сиалк в районе современного Кашана, однако нали-

чие в разных местах однотипной керамики должно свидетельствовать по крайней мере о единообразии культуры, если не об одном и том же этносе. Некоторые ученые предлагали именовать языки западноиранского ареала, которые не были ни семитскими, ни индоевропейскими и к которым относился и эламский, термином «яфетические», но такая классификация мало что дает. Можно предположить, что эламиты были родственны другим древним доиранским народам нагорья и что сами они спустились на равнины плато с восточных гор. Как бы то ни было, история эламитов насчитывает много столетий, на протяжении которых они играли роль связующего звена между горными областями и равниной. Они испытали сильное влияние со стороны соседних народов — сначала шумеров Южной Месопотамии, по-видимому первых изобретателей письма, а затем семитов Аккада.

Мы не имеем здесь возможности подробно излагать историю Элама, реконструируемую по данным аккадских клинописных источников и во многом еще и сейчас остающуюся темной. Важно лишь отметить, что Элам характеризовался весьма любопытными особенностями, отличавшими его от мелких государств на территории Месопотамии, с которыми воевали эламские царьки. Роль женщины в обществе древнего Элама была весьма значительной, ибо престол наследовался по материнской линии. Известны браки между родными братьями и сестрами, от которых, возможно, ведут начало ахеменидские, а затем и характерные вообще для зороастрийцев близкородственные союзы. Неясно, существовало ли у эламитов представление об обожествлении царей, но порядок престолонаследия — от брата к брату, а не от отца к сыну, принадлежит к числу характерных особенностей Эламского царства, хотя сходное явление можно наблюдать в разное время и в других местах[3]. Многочисленные находки статуэток на поселениях эламитов свидетельствуют о том, что в религиозных верованиях большое место занимал культ богини-матери.

Культура Элама, если не сами эламиты, проникла далеко на восток, на территорию Иранского плато, еще, несомненно, до прихода иранцев. На это может указывать древний эламский рельеф на скале в Накш-и Рустаме, около Персеполя, почти полностью уничтоженный гораздо более поздними сасанидскими резчиками по камню. Эламский язык при Дарии I был языком канцелярий Персеполя, что также указывает на наличие

[3] G. Cameron, Histoire de l'Iran antique, Paris, 1937, стр. 40. [Ср.: W. Hinz, Das Reich Elam, Stuttgart, 1964, стр. 90—91; E. Herzfeld, The Persian Empire, стр. 259—274; Ю. Б. Юсифов, Элам. Социально-экономическая история, М., 1968, стр. 176—197.]

большого числа эламитов на территории Парса. Мы вправе предположить, что эламиты оказали значительное влияние на персов — в известной мере его можно сравнить с влиянием, которое много веков спустя оказали сами персы на тюрок, завоевавших Азербайджан.

Основные события политической истории Элама были, очевидно, связаны с завоеванием обширных районов Персии, лежащих на плато, и постоянными набегами на запад, против жителей Месопотамии. Около 1175 г. до н. э. царь Элама Шутрук-Наххунте захватил Вавилон, великий город древности. Здесь он похитил и вывез в свою столицу Сузы богатую добычу, в том числе стелу из диорита, на которой был высечен свод законов Хаммурапи (раскопана в 1901 г. французской экспедицией). Согласно эламской традиции, статуи богов — хранителей городов, завоеванных эламитами (таких, как Мардук — бог Вавилона или Нана — богиня города Урука), увозились в Сузы, где главным божеством — патроном города оставался Иншушинак. Мы не имеем здесь возможности детально исследовать судьбы богов Элама, а также рассматривать вопросы, связанные с титулом «царь Аншана и Суз» (возможно, что в период, непосредственно предшествовавший образованию державы Ахеменидов, Аншан и Сузы обозначали одну и ту же область), равно как и ряд других проблем, таких, как применение аккадского языка и влияние Аккада на культуру Элама. После 1150 г. до н. э. Элам приходит в упадок и больше не упоминается в источниках — теперь их внимание приковано к событиям, развернувшимся на севере. Эламитам суждено было вторично появиться на исторической арене в VII в. до н. э., но на этот раз они предстают перед нами как конгломерат небольших княжеств, иногда дружественных, но гораздо чаще враждебных Ассирии. В течение многих лет эламиты пытались интриговать против Ассирии, порой они добивались частичных успехов, однако финал оказался плачевным: Ашшурбанапал решил разгромить и уничтожить всю страну. Около 636 г. Сузы подверглись разграблению, знаменитый зиккурат сровняли с землей, а статуи эламских богов были перенесены в Ассирию. Элам как самостоятельное государство перестал существовать [4].

Остатки гутиев, луллубеев и касситов продолжали, несомненно, обитать в горах Луристана и во времена новоассирийского царства. Касситы (*Kossai*) упоминаются и гораздо позже, их преследовал в горах Александр Великий, но имена двух других народов в позднейших источниках не встречаются. О гутиях, или кутиях, как называют их ассирийские источники, точных

---

[4] [См. подробно: W. Hinz, Das Reich Elam, стр. 115—133.]

данных немного — в III и II тысячелетиях до н. э. это название прилагается к народу, обитавшему на территории Курдистана; в более позднее время термин «кутии» не был однозначным, прилагался к различным народам и территориям. Возможно, что остатки гутиев, завоевавших около 2100 г. до н. э. Вавилонию, во времена Салманасара и среднеассирийского царства, тысячу лет спустя, занимали небольшую территорию к востоку от Ассирии[5]. Поздние ассирийские источники, с присущей им тенденцией к архаизации этнической и географической номенклатуры, иногда употребляют термин «кутии» в более широком, по-видимому устаревшем значении, прилагая его к жителям Загросских гор, включая урартов и маннеев. Следует подходить с осторожностью к традиционной терминологии клинописных текстов, ибо всегда велико (и чревато ошибочными выводами) искушение связать племенные и этнические названия с более поздними географическими. Нужно также иметь в виду, что значение этих терминов нередко сильно меняется. Так, название Маган в клинописных источниках III тысячелетия до н. э. могло бы обозначать область на иранском побережье Персидского залива (с ним сравнивали Мака/Мекран), однако в I тысячелетии до н. э. это название прилагалось к Египту!

Более трех десятилетий тому назад, около 1928 г., в европейских музеях появились первые коллекции «луристанской бронзы». Сегодня они имеются почти во всех музейных собраниях мира, и известны уже случаи, когда музеи отказываются от новых поступлений[6]. Обилие находок заставляет скептиков ставить под сомнение подлинность многих мелких бронзовых предметов. К сожалению, мы лишены возможности проверить сообщения о том, что все луристанские бронзы были обнаружены крестьянами в захоронениях, так как в Луристане почти все могильники, которые могли бы содержать бронзу, к настоящему времени уже опустошены местными жителями. Несмотря на сложность проблем, связанных с луристанской бронзой, можно все же попытаться подвести некоторые итоги ее изучения. Во-первых, совершенно очевидно, что бо́льшая часть этих предметов принадлежала кочевникам или, по крайней мере, народу, в жизни которого важную роль занимал конь — среди находок очень много удил с псалиями, колец для вожжей и других де-

---

[5] З. И. Ямпольский высказал предположение, что в имени гутиев представлено то же этническое название, которое позднее известно в форме «утии» (или «уды», «удины»); последнее, согласно Ямпольскому, могло быть самоназванием кавказских албанов. Эта гипотеза остается недоказанной, см.: И. М. Дьяконов, История Мидии, стр. 110.

[6] Предметы луристанской бронзы издавались многократно, так что в этой книге я ограничился лишь немногими их фотографиями.

талей конской сбруи. В большом числе представлены кинжалы, мечи различных форм, культовые предметы (магические жезлы и т. п.), боевые топоры, пряжки и наконечники стрел — предметы, которые обычно характерны для кочевников. Во-вторых, все эти вещи происходят из Луристана — вероятно, из небольших могильников, ни один из которых не был раскопан рукой археолога. Нигде больше не обнаружено такого количества бронзовых изделий — ни в Месопотамии, ни в других районах Ирана. В-третьих, эти вещи по месту находки и, вероятно, по дате изготовления должны быть связаны с периодом, когда касситы и родственные им горные племена жили в Луристане. Таковы общие заключения о луристанской бронзе, к которым приходит большинство исследователей. Далее начинаются расхождения. Неспециалист в этой области прежде всего обратит внимание на два факта: наличие месопотамских прототипов для многих луристанских изделий и сходство с произведениями «скифского» искусства, происходящими из степей Евразии. Примером месопотамского влияния может служить мифологический сюжет — сцена единоборства героя со зверем, известная по «Эпосу о Гильгамеше»; «скифского» — браслеты, завершающиеся причудливо переплетенными головами животных, а также топорища с обухом в виде звериной пасти[7]. Можно заключить, что предметы луристанской бронзы были изготовлены местными металлургами, так что их стиль отражает местные мотивы, ведущие, возможно, свое начало от расписной керамики, однако испытавшие сильное влияние искусства Месопотамии. Мы должны задуматься над тем, не были ли луристанские металлурги кочевниками. Это предположение маловероятно, но в таком случае для кого и когда изготовлялись эти предметы? А. Годар, один из крупнейших специалистов по луристанским бронзам, относит основную их массу к 1200—1100 гг. до н. э., ко времени окончания владычества касситов в Месопотамии, когда хеттские металлурги после падения Хеттской державы могли достичь района Загросских гор. Годар идет еще дальше и формулирует гипотезу о том, что в развитии традиций хеттского искусства в Луристане основную роль сыграли маннеи (Манна), которые, в свою очередь, передали это искусство скифам, завоевавшим Мидию около 680 г. до н. э. Скифы затем перенесли традиции этого искусства в Южную Россию, где сарматы внесли в них новые элементы. Так Годар пытается объяснить скифо-луристанские связи[8]. Иную точку зрения высказал

[7] E. H. Minns, The Art of the Northern Nomads, London, 1942, стр. 25; R. Ghirshman, Iran, London, 1954, стр. 105.

[8] A. Godard, Les bronzes du Luristan,— «Orientalia Romana», Roma, 1958, стр. 51—72.

Р. Гиршман. Он относит большую часть памятников луристанской бронзы к VIII—VII вв. до н. э. или даже к более позднему времени и считает, что они были изготовлены для скифов и киммерийцев[9].

Большинство луристанских бронз могло быть, конечно, изготовлено и в нашем столетии, однако удивительное разнообразие самих этих предметов, их символики и орнаментальных приемов заставляет отличать «луристанские бронзы» от «бронз, найденных в Луристане» и вообще от «древних иранских бронз». Именно поэтому более широкая датировка, предлагаемая Годаром для всех бронз, происходящих из Луристана, кажется более предпочтительной, чем датировка Гиршмана: последняя представляется правильной лишь для бронзовых изделий, изготовленных специально для скифов. Существуют и другие датировки луристанских бронз, но до тех пор, пока кто-нибудь из исследователей не отправится в Луристан и сам не займется этим вопросом *in situ*, следует воздержаться от окончательных выводов. Не может быть исключена возможность сосуществования на одной и той же территории раннего «оседлого» стиля и отличного от него более позднего «стиля кочевников», но и в этом случае приемы изготовления остаются местными.

Несколько слов следует сказать о гипотезе Херцфельда, кажущейся весьма соблазнительной, согласно которой луллубеи, гутии, урарты и эламиты составляли единую этническую и лингвистическую группу, носившую название кассийской или каспийской. По мнению Херцфельда, *Kossai* греческих источников, *Kissi* у Геродота (III, 91 и др.) и касситы являются вариантами одного и того же общего наименования, содержащего основу **kas*- в чистом виде или осложненную показателем множественного числа -*p*[10]. Не исключено, что между этими народами действительно существовали родственные связи[11], однако показатель -*p* отмечен лишь в эламском — ничто не свидетельствует о наличии его в других языках (этого показателя, насколько я могу судить, не было в хурритском и урартском), так что недоказанным остается его присутствие в слове «каспии» и соответственно в названии «Каспийское море». Нет также свидетельств, которые позволили бы отождествлять каспиев, упоминаемых у Страбона и других античных авторов, с касситами,

[9] R. Ghirshman, Iran, там же.

[10] E. Herzfeld, Archaeological History of Iran, London, 1935, стр. 2.

[11] [Гипотеза Э. Херцфельда о родственных связях между эламитами и касситами, подробно изложенная в его книге «The Persian Empire», стр. 191—200, должна быть оставлена в свете данных, приведенных в исследовании K. Balkan, Kassitenstudien. I: Die Sprache der Kassiten, New Haven, 1954.]

хотя последние, несомненно, расселились на большой территории. Около 900 г. до н. э. в источниках появляются упоминания о стране Эллипи, куда неоднократно посылали свои войска цари Ассирии. Эта страна лежала в верховьях реки Керхи, в горной местности к северу от Элама. Было высказано предположение, что под Эллипи следует понимать эламитов, толкуя *Elli-pe* как **Ellu-me,* и что это название надо отождествить с Элимаидой (*Elymais*) Селевкидов и более позднего времени, однако Элимаида располагалась южнее [12].

Маннеи, обитавшие на территории нынешнего Иранского Курдистана, в последнее время, благодаря находкам замечательных памятников искусства, приписываемых этому народу, стали привлекать пристальное внимание ученых. Памятники, о которых идет речь, происходят, насколько известно, из клада, обнаруженного после второй мировой войны крестьянами в районе селения Зивие, близ города Саккыз. Здесь было найдено много изделий из золота, серебра, бронзы и слоновой кости (некоторые из них сломаны или разделены на части открывателями клада), представляющих смешение различных стилей. Резная слоновая кость, близкая к аналогичным предметам из Немруда в Месопотамии, отражает стилистические особенности искусства Ассирии. Золотые браслеты и бляхи и золотой нагрудник (пектораль), равно как и керамика и изделия из серебра и бронзы, указывают на переплетение «скифского», ассирийского и местных стилей. В целом это чрезвычайно интересная коллекция вещей, происходящая из самой сердцевины страны Манна и датируемая периодом между девятым и серединой седьмого века до н. э.[13]. Что знаем мы о маннеях, живших к югу от озера Урмия?

В ассирийских источниках Манна обозначает, по-видимому, народ или конфедерацию народов и племен; урартские надписи говорят о Манна как о государстве или царстве. Не лишено вероятности, что политическая организация маннеев была не совсем обычной (возможно, типа олигархии), однако точных данных по этому поводу нет [14]. Трудно определить, был ли язык (или языки), на котором говорили на территории Манна, род-

---

[12] Ср.: И. М. Дьяконов, История Мидии, стр. 281—282, прим. 4.

[13] Раннюю дату защищает Годар (A. Godard, Le trésor de Ziwiyè, Haarlem, 1950, стр. 12). Более вероятно относить клад к периоду около 625 г. до н. э., когда пал Саккыз, столица скифов, владевших этим районом в 653—625 гг. Неубедительно предположение Годара о том, что в названии Саккыз отразилось имя саков (скифов) — город Саккыз обязан своим названием реке, а не какому-либо народу. Ср.: R. Ghirshman, Notes iraniennes, IV— «Artibus Asiae», vol. XIII, 1950, стр. 201.

[14] См.: Г. А. Меликишвили, Некоторые вопросы истории маннейского царства,— ВДИ, 1949, № 1, стр. 57.

ствен эламскому или хуррито-урартскому. Судя по топонимическим названиям, он кажется наиболее близким к эламскому. В Библии (Иеремия, 51, 27) сообщается, что царства Арарат, Минни и Ашкеназ поднялись против ассирийцев (Вавилона). Библейское Минни, отражающее, вероятно, произношение Менни, отождествляют с Манна. Маннеи были ассимилированы мидянами или, скорее, отошли на задний план в период господства Мидийской державы. Однако ранее, на протяжении нескольких столетий, они оказывали сопротивление ассирийцам, вторгавшимся на Иранское плато в поисках лошадей и богатой добычи и стремившимся утвердить здесь свою власть. Отныне история маннеев сливается с историей Мидии, и мы еще раз услышим о них.

Наконец, прежде чем обратиться к мидянам, следует упомянуть о сильном государстве Урарту, сопернике Ассирийской державы и центре великой и своеобразной культуры. Раскопки на территории Советской Армении существенно изменили прежние представления об этом древнем царстве. В ассирийских источниках начиная с XII в. до н. э. и вплоть до времени Саргона (умер в 705 г.) часто встречается название Наири, обозначающее обширную территорию к северу от Ассирии, между Ванским озером и озером Урмия. Очевидно, что Наири было первоначально общим наименованием для страны, которая распадалась на несколько царств, но позднее ассирийцы прилагали его к более ограниченной области. Поскольку сейчас установлено, что урартский и хурритский языки находились в ближайшем родстве, кажется вполне вероятным предположение Г. А. Меликишвили[15], согласно которому Наири ассирийских источников происходит от Нахриа, очень древнего хурритского названия области к северо-западу от Ассирии. Наряду с Наири ассирийские источники упоминают и государство Урарту, выступавшее могущественным противником Ассирии. Урарту является, скорее всего, местным названием, первоначально обозначавшим, возможно, ближайшее к Ассирии племя. Это название впоследствии стало употребляться весьма широко, причем истолкование вариантных его форм вызывает некоторые трудности. В Библии это слово засвидетельствовано несколько раз в форме *Ararat*, в кумранских рукописях Мертвого моря — *(h)urart-*, в вавилонской версии Бехистунской надписи представлен вариант *Uraštu* (в соответствующих местах древнеперсидской и эламской версий выступает *Armina* — Армения), в армянском языке — *Airarat*, у Геродота (III, 94 и VII, 79) — *Alarodi*. Сами урарты в своих многочисленных надписях (к настоящему вре-

[15] Г. А. Меликишвили, Наири — Урарту, Тбилиси, 1954, стр. 19.

мени их насчитывается до 400) именовали всю страну *Biainili,* очевидно, древний местный термин.

История урартских племен восходит ко временам экспансии хурритов и существования государства Митанни, когда хурритский этнический элемент мог проникнуть на территорию горных районов Армении. В конце II тысячелетия до н. э. возник союз племен, живших вокруг озера Ван, и с этого времени в ассирийских источниках мы находим сообщения об экспансии урартов. Салманасар III в первый же год своего правления (около 858 г. до н. э.) возглавил поход против Урарту и его царя Арама. Политический центр Урарту к этому времени передвинулся из верховьев реки Большой Заб, на юго-востоке от озера Ван, к самому озеру; город Тушпа, столица Урарту, располагался, очевидно, на его восточном берегу. Основным центром культа верховного урартского божества Халди был город Ардини (или Мусасир, как называли его ассирийцы), локализуемый около современного Ревандуза. Нам известны имена многих урартских царей, например Менуа, около 780 г. успешно сражавшегося с Ассирией, его сына Аргишти, Русы (это имя носил и последний царь Урарту) и других. Наивысшего расцвета Урартское царство достигло в середине VIII в. до н. э. Сардури II, сын Аргишти, правивший около 760—730 гг., именовал себя «царь царей» и владел обширной державой, простиравшейся от покоренной им страны Манна, к юго-востоку от озера Урмия, почти до Черного моря и реки Куры на севере. Его отряды дошли до Северной Сирии, но потерпели здесь поражение в битве с войсками энергичного ассирийского царя Тиглатпаласара III. Ассирийцы перешли в наступление и продолжали его при Саргоне II.

Мы не будем подробно описывать восточный и северный походы Саргона. Отметим лишь некоторые интересные детали. В 716 г. Саргон подчинил Манну, а в следующем году подавил восстание, инспирированное Урарту. В 714 г. ассирийские войска вторглись в пределы Урартского царства, опустошили всю его территорию, захватили и уничтожили религиозный центр Мусасир — событие, повлекшее за собой, если верить ассирийским источникам, самоубийство урартского царя Русы. Урарту не смогло оправиться от этого удара даже после заключения мира с Ассирией. Довершили разгром Урартского царства скифы и киммерийцы, пришедшие с Северного Кавказа; они завоевали, очевидно, северную часть царства, хотя полагают, что около 590 г. до н. э. город Тушпа был взят мидянами [16]. На основании находок «скифских» наконечников стрел на Кармир-блуре

[16] И. М. Дьяконов, Последние годы Урартского государства,— ВДИ, 1951, № 2, стр. 32—34.

(древний Тейшебаини) Б. Б. Пиотровский, руководитель раскопок этого города, считает что Тейшебаини был разрушен пришельцами с Северного Кавказа [17]. Во всяком случае Урарту перестало существовать около 600 г. до н. э., и на его месте мы находим на севере грузин, а в других районах армян, пребывающих под властью Мидии. Откуда появились армяне?

В настоящее время считается общепринятым, что армяне пришли в страну, носящую их имя, из Анатолии. Индоевропейский язык, на котором они говорят, находился, вероятно, в ближайшем родстве с фракийским, а среди современных языков — с албанским. В названии «Армения» можно видеть имя области, в которую вторглись пришельцы, — *Arm* и суффикс *-ini* [18]. Термин *Hayy,* самоназвание армян, имеет сходное происхождение, поскольку в Восточной Анатолии существовали область и на́род *Haia-sa,* о которых упоминается в хеттских источниках [19]. Не исключено, что при Ахеменидах, как предполагает Б. Б. Пиотровский [20], армяне делились на две части — «армянская» конфедерация на востоке, включавшая в себя урартские элементы, и племена «хай» на западе, однако точно доказать это трудно. Как бы то ни было, урартам пришли на смену армяне [21], обитающие на этой территории и по сей день.

Территорию нынешнего Иранского Азербайджана в доахеменидский период населяли и какие-то иные народы, однако по данным источников мы можем говорить лишь об основных этнических группах. Вероятно, что в древности граница распространения иберо-кавказских языков, представленных ныне грузинским, абхазским, черкесским и др., проходила гораздо южнее, чем сейчас, однако прямых свидетельств этому нет. Находка на Кармир-блуре глиняной буллы свидетельствует о том, что здесь пользовались арамейским письмом для документов на пергаменте или папирусе [22]; арамеи, по-видимому, про-

[17] Б. Б. Пиотровский, Ванское царство, М., 1959, стр. 116, 241. [Можно полагать, что Урарту сумело оправиться после поражения 714 г. На севере урартийцы даже добились некоторого расширения своих владений. Показательно и возобновление строительной деятельности урартских царей. На VII в. приходится основание Тейшебаини (Кармир-блур). Недавно открытые надписи Аргишти II (714—685-680 гг.) из области между Урмией и Каспийским морем свидетельствуют об урартских завоеваниях далеко на востоке.]

[18] Там же, стр. 124.

[19] Г. А. Капанцян, Историко-лингвистические работы, Ереван, 1956, стр. 1—259.

[20] Б. Б. Пиотровский, Ванское царство, стр. 129.

[21] [См. об этом подробно: И. М. Дьяконов, Предыстория армянского народа, Ереван, 1968.]

[22] Б. Б. Пиотровский, Кармир-Блур I. Результаты раскопок 1939—1949 гг., Ереван, 1950 (Академия наук Армянской ССР. Археологические раскопки Армении, № 1), стр. 77, рис. 48.

никли в горные районы к югу от озера Ван и смешались здесь с местным населением. К востоку от Урарту вплоть до Каспийского моря жили различные племена, однако до сих пор их не удается локализовать достаточно точно или идентифицировать их названия. Более важны для нас культура и цивилизация самого государства Урарту, оказавшие сильнейшее влияние на все соседние области. Следы этого влияния находят и в ахеменидском искусстве, архитектуре и даже в формулах титулования и стиле царских надписей Ахеменидов.

Урартская архитектура весьма своеобразна, как своеобразна и архитектура позднейшей Армении. Применение кладки из крупных камней без раствора для возведения стен, окружающих террасу, известное по таким памятникам древнего Ирана, как Масджид-и Сулейман и Персеполь, приписывают влиянию строительной техники Урарту, и потому нам необходимо коснуться этой проблемы[23]. В горных районах Армении обнаружены остатки многочисленных урартских крепостей, сложенных из огромных камней: на некоторых из них, к радости исследователей, сохранились надписи, удостоверяющие возраст этих укреплений. Для наиболее древних сооружений характерны стены (обычно сохраняется только фундамент), сложенные из гигантских «циклопических» камней; позднее для кладки стен стали применяться камни меньшего размера и обожженный кирпич. Архитектура Урарту, с характерными для нее каменными колоннами, целыми колоннадами и вообще массовым применением камня, находит ближайшие аналогии в Анатолии, тогда как употребление жженого кирпича идет из Месопотамии. В целом, однако, специалисты по истории урартской архитектуры находят ассирийские прототипы для монументальных пропорций царских дворцов и крепостей — несмотря на значительные отличия в строительной технике, архитектура Урартского царства обнаруживает сходство с зодчеством современной ему Ассирии[24]. Пещеры у озера Ван и системы оросительных каналов, остатки которых сохранились до наших дней, свидетельствуют о силе и могуществе государства Урарту. Армянские ученые не без основания выдвинули тезис о влиянии урартских традиций на формирование архитектурного стиля и строительную технику более поздней Армении. Мелкие изделия из слоновой кости и памятники скульптуры, обнаруженные при раскопках на территории Урартского царства, по своему характеру и стилю могут быть определены как «провинциальные» ассирийские.

---

[23] См.: R. Ghirshman, Iran, стр. 123.

[24] К. Л. Оганесян, Кармир-Блур IV, Ереван, 1955, стр. 7—8, 107. В этой работе можно найти характеристику основных особенностей архитектуры Урарту.

Урарты славились своей металлургией и искусством обработки металла, особенно бронзы; высказывалось предположение, что урартские металлурги проникали на территорию Италии — в Этрурию[25]. Однако в металлургии урарты продолжали древние традиции других народов Западного Ирана. Урартское оружие и боевое снаряжение были, очевидно, хорошо известны народам древнего мира — находки великолепных по качеству шлемов и мечей свидетельствуют о высокой технике добычи рудных ископаемых, которыми столь богаты горы Армении. По степени воздействия на соседние народы и страны Урартское царство не может сравниться с Ассирией, однако влияние его на мидян (и персов) не только возможно, но и весьма вероятно.

Главным богом урартов, как уже упоминалось, был Халди; известны и многие другие боги — в надписи, обнаруженной близ озера Ван, перечислены имена 63 богов и 15 богинь, а также указано количество быков, овец и коров, принесенных в жертву каждому божеству. Изображениям богов придавались человеческие черты, и они могли различаться особыми символами — так, солнечный диск ассирийских богов Ашура и Шамаша мы находим и в Урарту как символ Шивини, урартского бога солнца. В религиозных верованиях урартов нельзя обнаружить прототипов более поздних иранских религий. Иначе, по-видимому, обстоит дело с письменностью, особенно с жанром царских надписей.

Старейшая надпись на урартском языке относится к концу IX в. до н. э. До этого времени все известные надписи — ассирийские, из чего можно заключить, что урарты заимствовали клинопись у ассирийцев в IX в. В более раннее время существовала иероглифическая письменность, известная по немногим образцам, однако она не получила широкого распространения[26]. Стиль урартских надписей однообразен и лаконичен и напоминает ассирийские надписи (прежде всего старые, до Саргона), хотя нельзя исключить возможности воздействия традиций хеттской или хурритской канцелярий. Если обратиться к проблеме урартского влияния на стиль древнеперсидских надписей, то можно прежде всего отметить сходство между часто повторяющейся в урартском фразой «в честь бога Халди я совершил эти деяния в течение одного года» и заявлением Дария в его Бехистунской надписи (IV, 59—60): «то, что я сделал,

[25] H. Frankfort, The Art and Architecture of the Ancient Orient, London, 1958, стр. 189.

[26] Г. А. Меликишвили, Урартские клинообразные надписи, 2-е изд., М., 1960, стр 33.

я сделал в течение одного и того же года с помощью Ахура Мазды». Вопрос о заимствованиях стилистических моделей весьма труден и запутан, хотя возможность таких заимствований исключать нельзя.

Неожиданно появившиеся правители

Иранцы сравнительно поздно появились на Ближнем Востоке, и мы должны попытаться проследить пути их движения. Поскольку иранцами можно считать лишь тех, кто говорил на иранских языках, необходимо обратиться к письменным источникам и поискать в них следы пребывания иранцев в каждой конкретной области в раннеисторическую эпоху. Предметы материальной культуры, обнаруженные археологами, как правило, очень трудно связать со строго определенной этнической или лингвистической средой. Это обусловлено многими причинами, в том числе такими, как переживание древних традиций и пределы воображения и изобретательности человеческого мозга. Специалист по истории искусства может установить наличие общности в тематике орнамента на доисторических сосудах из Персеполя, Тепе-Гияна, Сиалка и других мест, однако «преобладание орнаментального элемента над сюжетным», выдвигаемое в качестве критерия специфически иранского стиля, можно проследить на протяжении всей истории Персии, что далеко не облегчает задачу исследователя [27]. И все же, несмотря на то что при изложении событий раннего периода мы не всегда ощущаем твердую почву точных фактов, попытаемся высказать некоторые соображения о путях и времени продвижения иранцев [28].

Проникновение иранских племен в район Загросских гор началось, вероятно, уже в X в. до н. э., однако иранские имена собственные появляются в источниках, видимо, лишь с 879 г., а о мидянах впервые говорится в описании похода Салманасара III на восток в 834 г.[29]. Незадолго до этого мы встречаем название Парсуа, причем оба упоминания — страны Парсуа и мидян — связаны, скорее всего, с обозначением территории с оседлым населением, а не с кочевыми племенами. О названии Парсуа и о путях расселения персов написано уже много. Дру-

[27] H. Francfort, The Art, стр. 202.

[28] [См.: Э. А. Грантовский, Ранняя история иранских племен Передней Азии, М., 1970 (с литературой проблемы), а также: T. Cuyler, Young, The Iranian migration into the Zagros,— «Iran», vol. V, 1967.]

[29] F. W. König, Älteste Geschichte der Meder und Perser, Leipzig, 1934, стр. 8. [См.: Э. А. Грантовский, Ранняя история иранских племен, стр. 67 и сл.]

гой термин — «умман-манда», нередкий в ассирийских и вавилонских источниках, не может считаться общим наименованием кочевников или даже всех «варваров», хотя позднее он прилагается к мидянам и, вероятно, к скифам, а также к тем и к другим вместе. Этот термин вызвал немало споров, на которых мы не будем останавливаться.

Согласно старой общепринятой гипотезе о переселениях племен парсуа или парса, они пришли с севера через Кавказ или из Восточного Ирана, проникли в область к западу или к юго-западу от озера Урмия, после чего двинулись в Луристан, лежащий к северу от Элама, и в конце концов переместились в Персиду (Фарс), где и осели (большинство археологов в настоящее время считает, что иранцы пришли в Мидию и Фарс из Средней Азии). Эта реконструкция их пути основана на упоминаниях названия Парсуа, или Парсуаш/Парсумаш, прилагаемого к перечисленным областям в ассирийских источниках. Мы уже рассмотрели этот вопрос выше; можно только добавить, что это слово могло означать просто «богатырь, герой» и потому стать титулом иранского племенного вождя[30]. Восстановление карты Западного Ирана VIII—VII вв. до н. э. связано с решением ряда головоломных задач, и прежде всего с размещением великого множества упоминаемых в ассирийских анналах царьков и правителей, большинство из которых располагало лишь несколькими тысячами воинов. Отсутствие политического единства также может отражать существование различных этнических групп, причем установить преобладание иранских элементов для какого-то из этих владений или народов весьма затруднительно. Страна Парсуа на севере не сыграла важной роли в истории, а потому мы вправе расстаться с персами (если жители этой страны были ими) — до возвышения Ахеменидов на юге. В Северном Иране главную роль суждено было сыграть мидянам.

Мидяне делились на племена, воевавшие между собой не менее часто, чем с оседлыми государствами, такими, как Урарту, Манна и Ассирия. В ассирийских источниках сообщается об укрепленных городах или «крепостях» в стране «могучих мидян»; войска Ассирии захватывали многие из них во время частых рейдов на территорию Иранского плато. Ассирийцы стремились захватить на плато лошадей, необходимых для кавалерии, а мидяне славились своими конями. Иногда походы асссирийцев преследовали и стратегические цели; так, в 744 г. до н. э. они подчинили много мелких владений к юго-востоку от Урарту, а в следующем году и само Урарту стало объектом

---

[30] F. W. König, Älteste Geschichte, стр. 10.

ассирийской агрессии. В результате кампании 744 г. на территории плато были образованы две новые провинции ассирийской державы — Парсуа и Бит-Хамбан, первая к северу от древнего караванного пути, протянувшегося от равнин к современному Керманшаху, а вторая к югу от этого пути. Я полагаю, что Кир II (и Ахемениды в целом) не имеют отношения к ассирийской провинции Парсуа. Вполне возможно, что в 744—737 гг. военные отряды ассирийцев проникли далеко в глубь нагорья вплоть до центральных солончаковых пустынь, поскольку внутренние районы Ирана должны были интересовать ассирийцев, стремившихся захватить как можно больше лошадей. Идентификации топонимических названий, упоминаемых при описании этих восточных походов, потребовали от ассириологов большой изобретательности, однако, как правило, гипотезы здесь преобладают над точными доказательствами. Так, например, область, именуемая Зикирту, которую следует, скорее всего, локализовать в современном Иранском Азербайджане, между Ардебилем и Мианэ, пытались связывать с сагартиями, одним из мидийских племен (*Asagarta* древнеперсидских надписей), хотя лингвистически правомерность такого сближения остается недоказанной. В период, о котором идет речь, на территории Мидии мы застаем много разрозненных племен и мелких владений.

При Саргоне II Ассирия продолжала оказывать давление на мидян, урартов и на тех маннеев, которые сопротивлялись ассирийскому царю. Источники сообщают о маннейском наместнике Дайаукку (обычно отождествляемом с Дейоком Геродота), который около 716 г., во время похода урартского царя Русы I против Манны, перешел на сторону урартов, но в результате вмешательства Ассирии потерпел поражение, был взят в плен и сослан в Сирию[31]. Ссылки правителей завоеванных областей и перемещения больших групп пленных широко практиковались Ассирией и в это время — так, при Саргоне пленных израильтян и сирийцев поселили в Вавилонии, а также, вероятно, в некоторых районах Загросских гор. В период, предшествовавший консолидации мидян и усилению Мидии, основными врагами Ассирии на территории плато были Элам на юге и Урарту на севере. На них направлялись главные удары ассирийских армий, и правители мелких владений, втянутые в борьбу могущественных держав, оказывались иногда между молотом и наковальней. Элам в течение длительного периода был ослаблен междоусобными войнами, истощавшими страну, но в VIII—VII вв. эламским правителям удалось несколько стаби-

[31] Там же, стр. 20—21.

лизировать положение и противостоять натиску Ассирии на юг. В 689 г. эламиты создали коалицию против Ассирии, в которую вошли Элам, Вавилон, арамейские племена, Парсуаш, Анзан (или Аншан), Эллипи и еще несколько владений, но этот союз оказался недолговечным. Парсуаш в составе коалиции не может быть отождествлен с ассирийской провинцией Парсуа, скорее, это более поздняя Персида (Фарс) или часть ее. Под Анзаном нужно понимать, вероятно, горную область на востоке Элама, однако точно определить ее границы невозможно, равно как и проследить в деталях события, развернувшиеся на этой территории.

После смерти Саргона внимание Ассирии было отвлечено от Иранского нагорья. Временная передышка и, главное, угроза новых ассирийских вторжений привели к созданию конфедерации мидийских племен, послужившей фундаментом для Мидийской державы. Движение за объединение страны возглавили сторонники вождя Дайаукку. Область, которой он правил, лежала, по-видимому, в центре Мидии, около современного Хамадана. Как раз в это время, на рубеже столетия (около 700 г.), этническая и политическая ситуация изменились в результате вторжения киммерийцев, а затем и скифов.

Киммерийцы (ассирийские источники: *gimirrâi,* Библия: страна *gomer* — Каппадокия) до VIII в. до н. э. обитали в южнорусских степях. Их происхождение и точные пути их передвижения остаются неизвестными. Киммерийцев знали их соседи-греки, основавшие колонии в Крыму и в Южной России, но известно и вторжение в Анатолию в VII в., где киммерийцы приняли участие в разгроме Фригийского царства, последний царь которого, Мидас, умер около 675 г. до н. э. (Геродот, I, 6, 15). В течение какого-то времени их базой в Азии должна была служить Каппадокия — на это указывает Библия, а также армянское название Каппадокии — *Gamirk'*. Есть основания полагать, что киммерийцы не были иранцами, а принадлежали к народам фрако-фригийской группы[32]. Арена их действий на Ближнем Востоке это прежде всего Каппадокия и территория Азербайджана, особенно царство Манна, где, однако, их нелегко отличить от скифов. Старейшее упоминание о появлении киммерийцев на Ближнем Востоке содержится в ассирийских анналах, сообщающих об урартском царе Русе I и его походе (около 715 г. до н. э.) в страну Гимиррай, помещаемую в это время к северо-западу от Урарту. В 679 г. Асархаддон нанес

---

[32] Анализ данных об иранском происхождении киммерийцев и толкование названия этого народа (в частности, сопоставление с грузинским *gmiri* «богатырь») см.: И. М. Дьяконов, История Мидии, стр. 239—241.

поражение киммерийцам, а также некоторым племенам скифов, и вскоре после этого мы находим какие-то киммерийские отряды на службе у Ассирии[33]. Но не все *gimirrâi* стали союзниками ассирийской державы — источники сообщают о нескольких войнах, которые пришлось вести против киммерийцев в Анатолии. На территории Азербайджана на смену им пришли более могущественные враги ассирийцев — скифы, *iškuza* (из **skuδa?*)[34].

Геродот (IV, 12) сообщает, что скифы, переселившиеся в Южную Россию из районов к востоку от Каспия, оттеснили киммерийцев за Кавказский хребет и, преследуя их, вторглись в Мидию. Здесь киммерийцы и скифы должны были объединить свои силы, ибо в источниках они упоминаются вместе, а в аккадской версии Бехистунской надписи киммерийцы соответствуют сакам древнеперсидской и эламской версий. Приходом воинственных завоевателей поспешили воспользоваться маннеи и заключили с ними союз. К 673 г. вся территория Манна вышла из-под контроля ассирийцев, и они, в свою очередь, должны были искать союзников среди мидян. Это удавалось Ассирии только до тех пор, пока на троне сидел Асархаддон. Но уже в конце его царствования, в марте — апреле 673 г., один из мидийских вождей, Каштариту (древнеперс. *Xšaϑrita,* тронное имя вместо *Fravartiš,* в греческих источниках — *Phraortes*), сделал попытку объединить мидян против Ассирии[35]. Вероятно, в это время существовало уже царство скифов — ассирийские источники упоминают о царе Ишпакай, погибшем около 673 г. на поле битвы, которому наследовал Партатуа, «царь [страны] Ишкуза». Ядром территории Скифского царства являлась, скорее всего, Муганская степь в Азербайджане, славившаяся своими пастбищами и много позже, при монгольских Ильханах и других правителях, вышедших из среды кочевников.

Центром конфедерации, созданной Каштариту, следует считать область Хамадана, древнего *Hamgmatana,* «место собраний». Сам Каштариту, вероятно, состоял в близком родстве с Дайаукку. Ему удалось создать мидийское государство и рас-

---

[33] D. J. Wiseman, The Vassal-Treaties of Esarhaddon,— «Iraq», vol. 20, 1958, стр. 10.

[34] Названия вторгшихся кочевых племен, выступающие в источниках, часто создают путаницу. Ассирийцы и вавилоняне употребляли, по-видимому, термин «киммерийцы» для обозначения всех пришельцев из Южной России и Средней Азии, подобно тому как греки именовали их «скифами», а персы — «саками».

[35] D. J. Wiseman, The Vassal-Treaties, стр. 13. Греческое *Phraortes* отражает, вероятно, иранское *fravarti-,* так что *Xšaϑrita* является, скорее всего, «тронным именем» (о таких именах у Ахеменидов см. ниже). Вавилонская передача *Kaštaritu* отклоняется от иранского прототипа.

пространить свою власть на Парсуа. Согласно Геродоту (I, 102), он совершил даже поход против Ниневии, во время которого и погиб. Однако кажется более вероятным, что Каштариту потерпел поражение от скифов и других союзников ассирийцев еще до того, как он добрался до Ассирии. В течение последующих 28 лет, примерно с 652 до 625 г., скифы господствовали в Мидии. Владычеству их положил конец Увахштра, или Киаксар, как именуют его греческие авторы, сын и наследник Каштариту[36]. К этому времени Каштариту уже сумел объединить силы мидян в Центральном Иране (Геродот приписывает это Дейоку), но при Киаксаре могущество Мидии неизмеримо возросло, и персы, осевшие в Персиде, попали под власть мидян. Это могло произойти еще при Каштариту; во всяком случае несомненно, что персы входили в состав империи Киаксара. Согласно Геродоту (I, 103), Киаксар первым из правителей Азии разделил войска по родам оружия, установил, кому из народов быть лучниками, копьеносцами и конниками. Очевидно, он впервые создал регулярную армию и реорганизовал систему управления Мидийского государства. Киаксар многому научился у скифов, равно как и у ассирийцев, и теперь он был готов сокрушить Ниневию.

Между тем мощь Ассирии значительно ослабла, хотя армии ее к этому времени сумели обескровить и разгромить Элам и Урарту, давних врагов империи. Народы Ближнего Востока продолжали борьбу и мечтали о крахе ассирийской державы. Конец ее даже был заранее предсказан. Мы знаем об этом из Библии — книга Наума содержит панихиду и одновременно торжественную военную песню, возвещающую падение Ниневии.

Нововавилонская держава сумела отстоять свою независимость и около 616 г., при Набопаласаре, напала на Ассирию. На этот раз ассирийцы с помощью Египта сумели отразить нападение, однако в игру вступили мидяне, присоединившиеся к вавилонянам, и развязка была близка. Мидяне вторглись в Ассирию в 614 г. и захватили важный центр Ашшур, после чего Киаксар встретился с Набопаласаром и заключил с ним договор, одним из условий которого был брак мидийской принцессы с Навуходоносором, сыном Набопаласара. По-видимому, противники Ассирии сумели выработать общую стратегическую линию. События периода 614—612 гг. во многом неясны[37], однако нет оснований полагать, что осада Ниневии продолжалась в течение

[36] В аккадском это имя выступает в форме *U-ak-sa-tar* (известны и вариантные написания), см. анализ у W. E i l e r s, Eine mittelpersische Wortform aus frühachämenidischer Zeit?,— ZDMG, Bd 90, 1936, стр. 174.

[37] См.: D. J. W i s e m a n, Chronicles of Chaldaean Kings, London, 1956, стр. 15.

двух или трех лет — скорее всего, после нескольких месяцев осады, в конце лета 612 г., город был взят штурмом и сровнен с землей, после чего мидяне с богатой добычей вернулись домой. Ассирийское государство продолжало существовать еще несколько лет в Харране, пока в 609 г. союзники не разрушили и этот последний центр ассирийского сопротивления. Вавилоняне продолжали наступать. После поражения, нанесенного в 605 г. египетской армии при Кархемише в Северной Сирии, они стали полновластными хозяевами всего «Плодородного Серпа», подлинными наследниками ассирийцев.

В то время как Вавилон утверждал свое господство в прежних ассирийских провинциях в Сирии, Киаксар продвигался на север через Анатолию. Война между мидянами и Лидией не принесла решающего успеха ни одной из сторон. Она завершилась знаменитой битвой «солнечного затмения» 585 г. и последовавшим затем перемирием, при заключении которого посредниками выступили вавилоняне. Границей между Лидией и мидийской империей стала река Галис, современный Кызыл-Ырмак. В состав Мидии вошла территория древнего Урартского царства, если не вся, то, по крайней мере, значительная ее часть.

Мощные укрепления и «Мидийская стена», возведенные к северу от Вавилона для защиты города от нападения, свидетельствовали о значительном ухудшении отношений прежних союзников — Мидии и Вавилона. Многие сообщения источников показывают, что вавилоняне испытывали страх перед своим северо-восточным соседом, страх, выраженный в словах Исайи и Иеремии. Киаксар, по-видимому, тоже предпринял какие-то меры для укрепления своих границ, особенно северных и восточных; однако точно определить эти границы и территории, вошедшие в состав державы на севере и востоке, весьма затруднительно не только из-за отсутствия данных письменных источников, но и вследствие непрочности и нечеткости самой структуры мидийской империи — обстоятельства, подмеченного еще Геродотом (I, 134).

Ахеменидское представление о «царе царей» было, несомненно, уже у мидян, как еще раньше у урартов. Мидийская конфедерация первоначально состояла из мидян, маннеев и скифов. Превращение ее в империю должно было резко усилить этническую неоднородность. Восточные провинции Ассирии, завоеванные мидянами, были, по всей вероятности, включены в состав «Мидии», поскольку территории Парсуа, Замуа и других окраинных областей прежней ассирийской державы входят у Птолемея в Сиромидию («География», IV, 2, 6). К северу от реки Аракс в Азербайджане, на границе Мидии, жили каспии

и кадусии, которые, видимо, не вошли в мидийскую державу. Сами мидяне были конгломератом местных и иранских племен. Названия шести мидийских племен, приведенные Геродотом (I, 101),— паретакены, бусы, струхаты, аризанты, будии и маги, несмотря на попытки исследователей объяснить их как только иранские[38], представляют собой, скорее всего, смесь иранских и неиранских наименований. Об экспансии мидийской державы на восток уже упоминалось; следует, однако, заметить, что утверждение И. М. Дьяконова о том, что мидяне несомненно владели Парфией и Гирканией, а, возможно, также и областью Герата, покоится на сомнительном толковании свидетельства Бехистунской надписи, согласно которой парфяне поддержали восстание Фраорта, провозгласившего себя членом мидийского царского дома[39].

Каковы бы ни были реальные границы мидийской державы, она являлась рыхлым и непрочным государством. Весьма вероятно, что система сатрапий, известная для империи Ахеменидов, существовала уже при мидянах, так как сама форма титула **xšaϑrapan-* (откуда греч. *satrapēs*) является скорее мидийской, чем персидской, ср. древнеперс. *xšaçapāvan*. Однако мидийские сатрапы были лишь видоизменением «губернаторов» (*peḫātu*) Ассирии и Урарту; только при Ахеменидах сатрапии стали гораздо более обширными и важными административными единицами. Таким образом, политическое развитие Мидии шло в русле старых традиций. Аналогичным было положение и в области культуры.

Мидяне, как и маннеи, несомненно пользовались письменностью, однако до сих пор не решен вопрос о том, когда ассирийский язык перестал употребляться в качестве языка официальной письменности Мидии и был заменен мидийским. Ответ на этот вопрос тесно связан с другой проблемой, а именно с проблемой происхождения древнеперсидской клинописи. Большинство ученых признает, что аккадская клинопись послужила в конечном счете источником для создания древнеперсидской письменности, которая может быть охарактеризована как силлабическая с небольшим числом логограмм или аккадских символов. Некоторые полагают, что древнеперсидская клинопись прямо продолжает предшествующие мидийскую или маннейскую, испытавшие, в свою очередь, влияние урартской письменности. Наконец, ряд исследователей утверждает, что Дарий I «изобрел» древнеперсидскую клинопись для собственных нужд. Можно попытаться кратко суммировать аргументы сторон.

[38] E. Herzfeld, Zoroaster and his World, II, стр. 724.

[39] И. М. Дьяконов, История Мидии, стр. 349 (на стр. 358 автор полагает, что мидяне проникали и на территорию Согдианы).

Защитники гипотезы о мидийском происхождении древнеперсидского силлабария указывают на существование надписей Кира II и даже золотых табличек с надписями его предшественников, Аршамы и Ариарамны, что непременно заставляет признать существование письменности и у мидян, которым Аршама и Ариарамна были подвластны. Мидийские слова и целые обороты в древнеперсидских надписях должны свидетельствовать о многочисленных заимствованиях, хотя иранские слова в эламском представляют в большинстве своем древнеперсидские (а не мидийские) формы[40]. Более важным кажется явно архаичный характер древнеперсидского — языка, употреблявшегося в период фиксации его в письменности, по-видимому, только при дворе, но сохранявшего какую-то старую традицию. Наконец, Бехистунская надпись высечена на скале, находящейся в самом центре Мидии, и не вызывает сомнений, что грамотные мидяне, как и персы, могли читать древнеперсидский текст этой надписи —в ином случае должна была бы существовать наряду с имеющимися тремя (древнеперсидская, эламская, вавилонская) и мидийская ее версия.

Сторонники «изобретения» древнеперсидской клинописи Дарием I подчеркивают, что нет неопровержимых доказательств существования древнеперсидской письменности в период, предшествующий царствованию Дария, поскольку надписи Аршамы и Ариарамны являются позднейшими подделками (на это указывает их неграмотный язык), а все надписи Кира происходят из района Пасаргад — центра, который Дарий усиленно перестраивал и где он устанавливал надписи, упоминающие Кира[41].

---

[40] Известно несколько таких случаев, например, эламское *ba-ak-ši-iš* «Бактрия», отражающее **Bākši-* [или **Bāxçi-*], тогда как в древнеперсидских версиях ахеменидских надписей представлена форма *Bāxtriš*.

[41] R. Borger, W. Hinz, Eine Dareios-Inschrift aus Pasargadae,— ZDMG, Bd 109, 1959, стр. 127. Ф. Вейсбах и В. Хинц, сторонники гипотезы об изобретении древнеперсидской клинописи Дарием I, обращают особое внимание на то, что древнеперсидский служил только для царских надписей и что в Персеполе, сердце Персиды, письменными языками делопроизводства были арамейский и эламский. Рассуждения такого рода не объясняют, однако, вопроса о мидийской письменности. [Проблема происхождения древнеперсидской клинописи была вновь детально рассмотрена в работах последних лет. См.: М. А. Дандамаев, Иран при первых Ахеменидах, М., 1963, стр. 32—60 (литература в примечаниях); C. Nylander, Who Wrote the Inscriptions at Pasargadae? (Achaemenian Problems, III),— «Orientalia Suecana», vol. XVI, 1967, стр. 135—180 (библиография — стр. 137, прим. 3); L. Trümpelmann, Zur Entstehungsgeschichte des Monumentes Dareios'I. von Bisutun und zur Datierung der Einführung der altpersischer Schrift,— AA, 1967, H. 3, стр. 281—298; W. Hinz, Die Entstehung der altpersischer Keilschrift,— AMI, N. F., Bd 1, 1968, стр. 95—98; I. M. Diakonoff, On the Interpretation of § 70 of the Bisutūn Inscription (Elamite version),— AAASH, t. XVII, 1969, стр. 105—107; I. M. Diakonoff, The Origin of the «Old

 Persian» Writing System and the Ancient Oriental Epigraphic and Annalistic

Памятники из Пасаргад позволяют считать, что древнеперсидские версии надписей Кира были добавлены позднее (при Дарии I?) к аккадской и эламской версиям [42].

В целом значение доводов, приводимых в этой полемике, кажется несколько преувеличенным. Древнеперсидская клинопись использовалась, вероятно, только для царских надписей и играла даже при последних Ахеменидах весьма скромную роль по сравнению с аккадской, эламской или арамейской письменностями. Еще меньшим должно было быть значение древнеперсидского письма в период до Дария, ибо, несомненно, он применял это письмо в царских надписях чаще всех других ахеменидских царей. Решение проблемы мидийской письменности зависит от результатов раскопок Хамадана, столицы Мидии, или иного центра этой державы.

Религия мидян давно привлекала внимание ученых прежде всего благодаря упоминаниям в источниках магов. Маги были известны грекам, особенно в период после Александра Македонского, как иранские жрецы; позднее римляне и греки говорили о них как о зороастрийских жрецах. Зороастр считался (во всяком случае, уже при Ксанфе Лидянине в V[?] в. до н. э.) одним из магов, хотя в Авесте мы не находим этого слова для обозначения жрецов — последние обозначаются *āϑravan* и другими терминами [43]. Это может свидетельствовать о том, что Геродот был прав, называя магов мидийским племенем. В то же время эламские таблички из Персеполя показывают, что слово *magu*- при Ахеменидах употреблялось в значении «жрец». Как примирить эти противоречивые сведения? Необходимо собрать все известия о магах для периода Ахеменидов и более раннего времени. Судя по эламским персепольским табличкам и Бехистунской надписи, маги были достаточно хорошо известны персам. По сообщению Геродота (I, 107 и др.), маги пользовались большим влиянием при мидийском дворе в качестве советников и толкователей снов. Можно полагать, что независимо от того, каким было положение в Восточном Иране, роль магов у персов была не менее значительной, чем у мидян. Во время жертво-

---

Traditions,— «W. B. Henning Memorial Volume», London, 1970, стр. 98—124 (литература в примечаниях); M. Mayrhofer, Das Altpersische seit 1964,— «W. B. Henning Memorial Volume», London, 1970, стр. 277—280 (библиография).]

[42] [Ср.: C. Nylander, Who Wrote the Inscriptions at Pasargadae?; I. M. Diakonoff, The Origin of the «Old Persian» Writing System, стр. 100—103.].

[43] Я не думаю, что мы должны сопоставлять со словом «маг» авест. *maga*-, означавшее, вероятно, «братство, союз» или что-то в этом роде, равно как и другие неясные слова (Ясна 65, 7) — для *magu*- значение «жрец» является несомненным.

приношений маги пели теогонии, «родословные богов» (Геродот, I, 132), и есть основания считать, что они исполняли эти гимны богам, по крайней мере, уже в период возникновения мидийской державы, если не раньше. Специфические обряды и обычаи магов, такие, как выставление трупов на съедение птицам и зверям (Геродот, I, 140) или истребление вредных тварей, находятся в полном соответствии с ритуалом ортодоксальных зороастрийцев, как мы знаем его для более позднего времени. Все это позволяет заключить, что маги были последователями учения Зороастра. Следует, однако, иметь в виду, что ортодоксальный зороастризм как система и зороастрийская церковь вряд ли могли существовать столь рано. Различие между магом (*magu-*), последователем Зороастра, и незороастрийцем в это время не следует уподоблять различию между адептом какой-то религии и его противником, исповедующим другую веру. Я полагаю, что учение Зороастра было воспринято магами в Мидии, а затем и в Персиде. О том, что верования самих магов отличались известным эклектизмом, свидетельствует позднейшее употребление слова «маг» у классических авторов, а также сближение значений «маг» и «магия», особенно применительно к месопотамским жрецам. Происхождение этого слова до сих пор точно не выяснено, и удовлетворительной его этимологии не найдено[44]. Нас не должно смущать частое употребление слова *magi* в эллинистическую эпоху и во времена Римской империи для обозначения жрецов митраистских культов и многих других религий и сект.

Таким образом, есть основания полагать, что маги были мидийским «племенем», которое выполняло жреческие функции. Во время господства мидян они распространились в качестве жрецов на территории всей мидийской империи, поскольку функции жрецов оставались у магов «семейной профессией». Теогонии, которые они исполняли, были старыми гимнами, наследием еще общеарийского периода, не всегда понятными для мидян или персов, но почитаемыми прежде всего из-за их древности. Остается неясным вопрос о том, как соотносятся Гаты Зороастра и Младшая Авеста магов, если считать, что последняя, по крайней мере, почиталась магами. Проще всего, мне кажется, объяснять этот вопрос таким образом, что большинство магов не видело противоречий между «идеями» Зороастра (как они изложены в Гатах) и ритуалом, которого придерживались маги, в том числе и пением древних гимнов (Младшая Авеста). Вероучение и ритуал до сложения догматического зороастриз-

---

[44] О различных этимологиях этого слова см.: E. Benveniste, Les mages dans l'ancien Iran, Paris, 1938, стр. 20.

ма при Сасанидах не раз претерпевали изменения и приспосабливались к новым условиям. Поскольку обряды позднего сасанидского зороастризма восходят в некоторой своей части к мидийским магам, можно утверждать, что маги стали зороастрийцами.

Не следует, разумеется, смешивать явления разных эпох. В Ведах нет индуизма в том виде, как он известен позднее. Вправе ли мы искать зороастризм, известный нам в позднем обличье, уже в Гатах? Чем было бы христианство без деятельности отцов церкви и чем бы был зороастризм без магов? Процесс смешения древних, традиционных верований и обрядов с учением о борьбе Добра со Злом был очень длительным, постепенным и, видимо, вполне закономерным.

Приспособление религии Младшей Авесты, которая в известной степени может считаться преемником древних арийских верований, к Гатам Зороастра должно было натолкнуться на трудности. Почему и каким образом последователи пророка могли принять в пантеон своей религии Митру, Анахиту и другие божества? Этот вопрос ставил в тупик многих исследователей, но я полагаю, что сам вопрос неверен по существу. Дело вовсе не в слиянии древних арийских верований с зороастризмом, а, напротив, в принятии учения почти безвестного жреца из маленького восточноиранского княжества большинством, которое следовало за жрецами древнеарийского пантеона. Маги восприняли зороастризм, вероятно, так же, как они принимали и другие вероучения, и Зороастр стал основателем и пророком новой, единой для всех иранцев синкретической религии, которую мы именуем зороастризмом. В этом и состоит проблема. Процесс синтеза религий происходил в ахеменидский период, после падения Мидии.

Мидяне правили обширной державой в течение шестидесяти лет после падения Ниневии и были во многих отношениях преемниками Ассирии. К сожалению, дошедшие до нас памятники мидийской архитектуры и искусства весьма немногочисленны, определение некоторых из них как именно мидийских сопряжено с трудностями, однако эти памятники показывают, что синкретическое искусство Ахеменидов, базирующееся на традициях Элама, Месопотамии и Урарту, берет начало в мидийской державе. Мы уже упоминали о мидийских словах (точнее, о мидийских формах) в древнеперсидских надписях. Такие слова, как «сатрап» или *xšāyaϑiya-*, титул царя, свидетельствуют о влиянии мидийских представлений о государстве и власти на Ахеменидов. Не исключено, что Мидийская держава была культурным и религиозным центром, влияние которого испытали все иранцы, жившие к северу, югу и к востоку от мидян. О влиянии

мидийской культуры и за пределами державы говорит заимствование греками мидийского слова **paridaiza-* со значением «царский парк» или «охотничий заповедник» — слова, распространившегося по всей Европе в форме «парадиз». Хотя многие проблемы еще ждут своего разрешения, однако уже сейчас не следует недооценивать роли Мидии в сложении многих персидских институтов и традиций. Мидийский период был, несомненно, временем больших перемен, значение которых в полной мере можно будет уяснить лишь в результате археологических работ на территории Мидии.

Возвышение Персиды

Об Астиаге, последнем правителе Мидии (около 585—549 гг. до н. э.), известно немногое. Основные сведения, сообщаемые о нем, связаны с возвышением Кира и персов. Греческие источники подробно рассказывают о Кире, основателе династии Ахеменидов. Часть этих сообщений подтверждается данными древнеперсидских и вавилонских текстов, однако в рассказах греческих авторов о Кире мы находим и такие, в которых очень трудно отделить вымысел от действительности и которые лишь с большой осторожностью можно привлекать в качестве исторических источников.

Мы вправе различать «внешнюю» историю персов и их правителей в рассматриваемый период и «внутреннюю» историю династии Ахеменидов; первая представлена данными вавилонских и древнеперсидских текстов, вторая — известиями греческих авторов.

Вавилонская хроника Набонида, последнего халдейского царя, сообщает, что в шестом году Набонида (550—549 гг. до н. э.) царь Иштумегу (Астиаг) «собрал свои войска и пошел против Кира, царя Аншана, чтобы вс[третиться с ним на поле битвы]. Но войска Иштумегу восстали против него, и связанным Киру [они его] от[дали]. Кир [отправился] против страны Агамтану; царский город [он захватил]; серебро, золото, [другие] богатства... страны Агамтану он взял как добычу и принес [их] в Аншан»[45]. Это лаконичное сообщение подтверждается греческими источниками. Согласно рассказу Ктесия, дошедшему до нас в сокращенном изложении Николая Дамасского, Кир доставил

[45] Перевод А. Оппенхейма в кн.: J. B Pritchard, Ancient Near Eastern Texts, Princeton, 1950, стр. 305. Вместо Иштумегу следует читать Иштувегу; иранская этимология этого имени, предложенная Херцфельдом

захваченную добычу в Пасаргады[46]. Упоминание Пасаргад заставляет задуматься над тем, где следует помещать Аншан вавилонских источников. Это название весьма древнее, в аккадских текстах оно обозначает местность в Эламе, но мы можем сейчас не касаться употребления этого термина в ранних текстах, равно как и вариантов его написания. Во времена Кира, а также его отца и деда, Аншан для вавилонян обозначал, по-видимому, восточный Элам, включая часть территории будущей провинции Парс (Персида, Фарс) с поселением Пасаргады. Применение названия Аншан для обозначения Парса затемняет картину в такой же степени, как в ассирийских хрониках, именование мидян народом умман-манда.

Род Кира правил персами в течение нескольких поколений — об этом сообщает сам Кир в другом аккадском тексте, где приведена его родословная: «сын Камбиза, великого царя, царя Аншана, внук Кира, великого царя, царя Аншана, правнук Чишпиша, великого царя, царя Аншана, из рода, [который] всегда [был] царствующим»[47]. У Геродота (VII, 11) мы находим полную родословную Ксеркса, также подтверждающую царское происхождение Кира. Генеалогия Ахеменидов, которую читатель найдет в приложении (стр. 366), в настоящее время признается учеными достоверной, и Ахемен (древнеперс. *Haxāmaniš*) считается предком-эпонимом великих царей. В хронологии событий многое остается неясным, но есть основания полагать, что при сыне (?) Ахемена, Теиспе (древнеперс. *Čišpiš*), персидское владение было разделено между Киром и Ариарамной, сыновьями Теиспа. Кир правил в западной части области, примыкающей к равнине; Ариарамна получил в управление восточную часть, включая район Пасаргад. Вряд ли имеет смысл строить гипотезы и пытаться объяснять причины такого раздела или реконструировать древнейшую историю обоих владений. Известно лишь, что Кир II объединил обе части персидского «домена», положив конец власти Аршамы (*Aršāma*), сына Ариарамны, но позднее он назначил Виштаспу (*Vištāspa*), сына Аршамы и отца Дария, своим сатрапом в провинции Парфия.

У Геродота, Ксенофонта и Ктесия мы находим подробные сведения о жизни Кира II и о его связях с мидийским двором. К сожалению, большая часть этих сведений носит легендарный характер. Много исследований посвящено так называемой легенде о Кире; здесь нет возможности обсуждать ее подробно.

(AMI, Bd VII, 1934, стр. 128), весьма сомнительна. Ср., И. М. Дьяконов, История Мидии, стр. 414—415, прим. 3.

[46] FHG III, стр. 406.

[47] См.: J. B. Pritchard. Ancient Near Eastern Texts стр. 316.

Содержание легенды, как она изложена у Геродота (I, 107—130), упоминающего о существовании и трех других, менее достоверных версий истории Кира (I, 95 и 214), сводится в основном к следующему. Астиагу приснился зловещий сон, и он отдал свою дочь в жены персу Камбизу, так как боялся выдать ее за знатного мидянина, который мог попытаться завладеть троном. От этого брака родился Кир, но новый сон возвестил Астиагу, что Кир может свергнуть его, и потому он приказал убить младенца. Астиаг поручил это сделать своему главному советнику, но Гарпаг отдал мальчика пастуху, жена которого только что родила мертвого ребенка. Пастух и его жена вместо Кира выдали труп ребенка, так что у Гарпага не было оснований для беспокойства. Жену пастуха звали Спако, что, как сообщает Геродот, означало по-мидийски «собака», ибо греч. *kyon* соответствует в мидийском *spaka* (I, 110). Эта легенда перекликается с широко известным мифом о Ромуле и Реме, ребенке, вскормленном волчицей или собакой (ср. Геродот, I, 122). Когда Киру исполнилось десять лет, Астиаг «опознал» его, но маги на сей раз иначе истолковали сны, так что Астиаг перестал бояться Кира и даже отправил мальчика к настоящим его родителям в Персиду. Достигнув зрелости, Кир поднял восстание. Против него была послана мидийская армия во главе с Гарпагом, но часть войска и сам Гарпаг перешли на сторону Кира, а остальные бежали. Спустя некоторое время Астиаг был разбит в сражении и взят в плен. В рассказе приводятся еще многие подробности, излагаются, в частности, причины измены Гарпага. Некоторые куски этого рассказа, иногда с вариациями, повторяются, и у других, более поздних, античных авторов.

История Кира, как она изложена у Геродота, в значительной мере построена на фольклорных мотивах, известных и для других стран,— достаточно вспомнить, например, рассказ о младенце Моисее в камышах или легенду о детстве Саргона, древнего царя Аккада в III тысячелетии до н. э. В то же время рассказ Геродота является первым в цикле широко распространенных в персидской истории легенд об «основателях династий»[48]. Много общего с легендой о Кире обнаруживает рассказ о детстве и юности Ардашира, первого сасанидского царя: Ардашир происходил из царского рода, но, подобно Киру, в детстве тайно воспитывался у пастухов и должен был пройти

---

[48] Сопоставление легенды о Кире с аналогичными преданиями у римлян, германцев и других народов см.: A. Bauer, Die Kyros-Sage und Verwandtes, Wien, 1882; трудна для понимания работа: G. Hüsing, Beiträge zur Kyros-Sage, Berlin, 1906.

ряд испытаний. Ардашир был связан с парфянским двором, как Кир с мидийским, и, наконец, он также поднял восстание и захватил трон. Тема воспитания основателя династии пастухами или вообще бедными людьми, не знавшими о царском происхождении ребенка или скрывавшими его происхождение, органически вошла в систему представлений о законности царской власти в Персии; эта тема повторяется при Сефевидах и других правителях. Я называю ее западноиранским «национальным» или «царским» эпосом, в отличие от восточноиранских «религиозных» или «героических» эпических циклов.

Иную версию истории о Кире сообщает Ктесий. Эта версия, дошедшая до нас в изложении Николая Дамасского и византийского патриарха Фотия[49], также украшена многими подробностями. Согласно Ктесию, Кир был сыном разбойника Атрадата, из племени мардов, и пастушки, не имевших никакого отношения к Астиагу. В качестве слуги Кир попадает во дворец мидийского царя, и здесь начинается его возвышение. Вещий сон открывает Киру, что он достигнет величия. Отправленный Астиагом в качестве посла к вождю кадусиев, он встречает перса по имени Ойбар и вступает с ним в заговор с целью вырвать власть из рук мидян. Астиаг посылает войско против восставших и наносит им поражение на территории самой Персиды, перед дефиле, ведущим к Пасаргадам. Персидские женщины, вышедшие из-за стен крепости, стыдят воинов и призывают их быть храбрыми в бою. В конце концов Кир наносит поражение мидянам и захватывает Экбатану[50].

Чем можно объяснить столь сильные различия между версиями Ктесия и Геродота? Проще всего считать, что Ктесий намеренно отрицал царское происхождение Кира. Положение Ктесия в качестве придворного врача Артаксеркса II делает понятным его рассказ о жизни основателя персидского царства: Артаксеркс II, с трудом справившийся с «анабасисом» Кира Младшего, искал случая дискредитировать самое имя Кира. Примечательно, что Ксенофонт, принадлежавший к лагерю врагов Артаксеркса II, в своей «Киропедии» решительно утверждает, что Кир Старший был сыном Камбиза, царя персов, и Манданы, дочери Астиага. Нет, видимо, оснований сомневаться в том, что Кир действительно происходил из царского рода Ахеменидов и что он поднял восстание и с помощью самих мидян нанес поражение мидийскому царю. В источниках имеются свидетельства, указывающие на жестокость Астиага и его непо-

---

[49] FHG, III, стр. 398—406, и R. Henry, Ctésias, les sommaires de Photius, Brussels, 1947, стр. 12 и сл.

[50] Ср.: И. М. Дьяконов, История Мидии, стр. 420.

пулярность среди своих подданных (см., например, Диодор Сицилийский, IX, 23).

Остается неясным, поддержал ли Набонид восстание Кира, но несомненно, что вавилонский царь должен был радоваться, видя, в какое трудное положение попал его грозный противник Астиаг. Разногласия из-за Киликии, а также захват мидянами Харрана, родины Набонида, вряд ли могли способствовать улучшению их отношений. Воспользовавшись военными действиями между мидянами и персами, Набонид, по-видимому в 553 г. до н. э., занял Харран. Источники не позволяют установить, принимал ли Кир в это время непосредственное участие в походах в Восточный Иран, в Армению или в земли других народов, живших к югу от Кавказского хребта, однако можно предполагать, что Кир был озабочен укреплением своих позиций и вел военные действия в одном из районов Иранского нагорья. Через несколько лет, видимо в 547 г. до н. э., добившись вассальной зависимости северной Ассирии и Киликии, Кир обратил свои взоры на Лидию. Лидийский царь Крез, воспользовавшись падением мидийской державы, собирался было расширить свои владения, но в это время против него выступил Кир. После сражения, не решившего исхода кампании, Кир осадил Креза в его столице Сардах и вскоре взял город. Говоря о судьбе Креза, приходится выбирать между аккадской хроникой Набонида (столбец II, стк. 16—18 — восстановление лакуны), сообщающей о том, что царь (Лидии?) был убит, и известием Геродота (I, 88), согласно которому Кир милостиво обошелся с Крезом. Следует, очевидно, доверять греческому историку, коль скоро его сообщения не поколеблены другими достоверными источниками.

Геродот (I, 53) сообщает также, что Кир, утвердив в Лидии персидское господство, возвратился в Экбатаны, чтобы готовиться к войне с Бактрией, Вавилонией, саками и Египтом. Однако сразу же после его ухода в Сардах вспыхнуло восстание, так что Киру пришлось отправить еще одну армию против повстанцев. Согласно Геродоту, полководцем, покорившим ионийские города, был тот же мидянин Гарпаг, который предал Астиага и перешел на сторону Кира. Потомки этого Гарпага остались в Анатолии, так что Геродот мог их использовать в качестве источников информации о Персии[51]. Завоевание ионийских городов и превращение их в ахеменидскую сатрапию Сарды (*Sparda-*, *Sephard-*) научило персов разделять греков и властвовать над ними, а также показало персам действенность подкупа.

---

[51] Ср.: И. М. Дьяконов, История Мидии, стр. 17, 424 и указанные там источники и литературу вопроса.

Объектом следующего из известных нам походов Кира был Вавилон, которому грозила опасность в первую очередь с юга, в результате перехода прежних союзников на сторону Кира. В самом Вавилоне политика Набонида оттолкнула от него жрецов бога Мардука и многих других. Завоевание, как сообщает аккадский источник, так называемая «Хроника Набонида», произошло быстро. «В месяце тишри, когда Кир дал битву войску Аккада у Описа на Тигре, жители Аккада восстали, но он (Набонид) перебил смутьянов. 14-го Сиппар взят без боя. Набонид бежал. 16-го Гобрий (Угбару), наместник Гутиума, и войско Кира без боя вступили в Вавилон. Затем Набонид был схвачен в Вавилоне, когда он вернулся [туда]»[52]. Это произошло в октябре 539 г. до н. э.— важная дата мировой истории, поскольку она обозначила конец прежней, очень длительной традиции в стране Шумера и Аккада и начало нового объединения месопотамских равнин с Иранским нагорьем, объединения, которому суждено было существовать в течение многих столетий. Сам Кир, однако, следовал еще старой традиции. Его политика по отношению к Вавилону мало чем отличалась от политики ассирийских царей, относившихся к древнему городу с уважением и даже с некоторым благоговением и покровительствовавших ему. Кир воспринял старые титулы и аккадский формуляр царских надписей: «Я — Кир, царь мира, великий царь, законный царь, царь Вавилона, царь Шумера и Аккада, царь четырех сторон [мира]». Далее в этой надписи («цилиндр Кира») он восхваляет Мардука и других богов. Надписи Кира составлены на аккадском языке не только как дань традиции, но также и для того, чтобы их понимали местные жители. Примечательно, что Кир, в отличие от предшествующих завоевателей Ближнего Востока, не упоминает в этих надписях своих собственных богов. Освобождение при Кире евреев из плена вавилонского — факт широко известный. Веротерпимость первого ахеменидского правителя распространялась и на другие народы. В Сирии прежде подданные Вавилона покорились новому царю, и Кир объединил районы Северной Сирии с сатрапией Бабили и Эбирнари — Вавилонии и Заречья (то есть землями, лежащими по ту сторону Евфрата), поставив их под власть Губару; последнего, как кажется, не следует отождествлять с Угбару, наместником Гутиума в «Хронике Набонида», поскольку оба имени представлены в хронике[53]. Как можно судить по Ветхому Завету,

[52] J. B. Pritchard, Ancient Near Eastern Texts, стр. 306. Гутиум в этом тексте — традиционное вавилонское название области между Ассирией и Мидией, к востоку от Тигра.

[53] См.: O. Leuze, Die Satrapieneinteilung in Syrien und im Zweistromlande,— «Schriften der Königsberger Gelehrten Gesellschaft», XI, Halle, 1935, стр. 182.

мягкая политика Кира по отношению к народам, бывшим ранее подданными Вавилона, в большой мере способствовала укреплению владычества персов в Сирии и Палестине. Книга Эзры красноречиво свидетельствует о действиях Кира, направленных на то, чтобы получить поддержку своей власти. Во многом это ему удалось, однако он сам не смог попасть в Сирию и возвратился в Экбатаны, поручив своим подчиненным осуществление дальнейших мер для укрепления господства Ахеменидов в этой провинции.

Экбатаны, столица Мидии, стала центром обширной империи Кира; его прежняя резиденция Пасаргады по местоположению, а также по своим размерам и значимости не могла удовлетворять новым условиям. Мы почти ничего не знаем об Экбатанах, развалины которых погребены под нынешним Хамаданом, но Пасаргады раскапываются уже давно. Геродот (I, 125) называет пасаргадов (*Pasargadai*), наряду с марафиями и маспиями, важнейшими племенами персов; к пасаргадам принадлежал и род Ахеменидов. В рассказе о Кире у Ктесия название Пасаргады прилагается к горе, находящейся неподалеку от города, или даже к целому району. Историки походов Александра Македонского говорят о Пасаргадах как о городе, построенном Киром; по мнению одного из этих историков, Анаксимена из Лампсаки, название Пасаргады буквально обозначает «место лагеря персов»[54]. Естественно, конечно, предположить, что название, обозначавшее племя или округ, было перенесено на город, однако точных данных у нас все же нет; в качестве аналогии можно привести область Керман, город Керман и племя керманиев или германиев.

Этимология названия Пасаргады (*Pasargadai*) как сложения *Pārsa-* «персидский» и **gard-* (или близкое к этому) отвергается И. Марквартом; он возводит это слово к **pasūrkagriš*, букв. «за (*pasā*) горой *Arkadriš*», упомянутой в Бехистунской надписи[55]. Поскольку племенные названия обычно по происхождению либо тотемы, либо имена нарицательные типа «люди», либо имена героев, представляется сомнительным, что название целого народа восходит к обозначению небольшого по территории округа,— скорее могло произойти обратное. Постоянное употребление у классических авторов формы *Pasargadai*, с окончанием множественного числа, а также отсутствие свидетельств о том, что река, протекающая по равнине, носила то

---

[54] Анаксимен у Стефана Византийского, s. v. Passargadai. Сводку данных источников см. E. Herzfeld, Pasargadae,— «Klio», 8, 1908, стр. 10 и сл.

[55] J. Marquart, Untersuchungen zur Geschichte von Eran, II, стр. 154. Обзор предлагавшихся этимологий см.: Ali Sami, Pasargadae, Shiraz, 1956, стр. 16—18.

же имя, позволяют считать это слово племенным названием. В более поздних источниках Пасаргады упоминаются как племя или народ, живущий в Кармании (Марциан Гераклеенский, Periplus Maris Exteri, I, 28). Не исключено, что мы имеем дело с двумя названиями — одно для города, а второе для племени.

Можно полагать, что Кир II построил город на месте Пасаргад (Квинт Курций, V, 6, 10) и что руины древнего города должны быть отнесены ко времени основателя Ахеменидской державы. Развалины Пасаргад находятся в 43 *км* по прямой (самолетом) к северу от Персеполя; если добираться по дороге, то это расстояние удваивается. Город лежит на высоте около 1800 *м* над уровнем моря (та же отметка у Хамадана), так что в качестве зимней резиденции он был малоудобен. О том, что развалины на реке Мургаб являются действительно остатками Пасаргад Кира, достаточно точно свидетельствует их местоположение, сопоставление с описаниями города в античных источниках, прежде всего у историков Александра Македонского, и, наконец, находки надписей на территории города. Эти надписи кратки и фрагментарны, но вызывают большой интерес. В одной из них, сохранившейся в трех версиях — древнеперсидской, эламской и аккадской и составленной в обычной для царских надписей форме, говорится: «Я — Кир, царь, Ахеменид». Эта надпись повторяется, по меньшей мере, пять раз на пяти колоннах дворца в Пасаргадах. Она является в настоящее время основным аргументом для тех исследователей, которые считают, что древнеперсидское слоговое письмо употреблялось еще до Дария. Однако наличие сходных формул с именем Дария в надписях на гирях, относящихся, несомненно, ко времени после Дария, ослабляет убедительность этого аргумента. Весьма стандартный тип ахеменидских кратких надписей указывает на то, что древнеперсидская клинопись имела весьма ограниченное применение, она употреблялась главным образом при Дарии и, возможно, была изобретена в его правление. Доказано, что другая надпись с именем Кира из Пасаргад была высечена при Дарии — об этом свидетельствуют обнаруженные недавно новые фрагменты надписи, а также явно более поздняя дата сооружения здания, в котором была найдена надпись. Отсюда следует, что многие постройки в Пасаргадах были возведены уже при Дарии, а не при Кире.

Помимо развалин дворцов и «гробницы Кира» в Пасаргадах заслуживают внимания еще два памятника, близкие аналогии которым обнаружены в другом месте. Один из них — большая терраса из огромных, хорошо обтесанных камней, возвышающаяся над равниной; другой — стена, сохранившаяся от некогда

большой башни, очень сходной с башней, расположенной напротив царских гробниц в Накш-и Рустаме, вблизи Персеполя. Террасу в Пасаргадах (рис. 21) сравнивали с подобным сооружением на городище, именуемом Масджид-и Сулейман и расположенном в Хузистане, в районе современных нефтепромыслов, а также с аналогичной циклопической кладкой в Урарту — предшественниками большой террасы в Персеполе[56]. Однако вряд ли убедительны делаемые на основе этих сопоставлений выводы о том, что террасы данного типа свидетельствуют об этапах передвижения персов от озера Урмия до Персиды. Использование больших камней для строительства, особенно для кладки стен, чуждо Месопотамии; такая кладка встречается изредка на территории Иранского плато, но характерна она прежде всего для Урарту. Поднятая платформа или терраса не является изобретением одних только иранцев. Прототип такого сооружения, с использованием вместо камня кирпича, известен для равнин Ирака.

Белый камень для крупных строительных блоков Пасаргад и Персеполя доставлялся из карьеров, находившихся около нынешнего селения Сиванд, к юго-западу от Пасаргад — именно здесь найдены обработанный и приготовленный к отправке камень, а также необтесанные глыбы[57]. Огромные блоки доставлялись в Пасаргады, очевидно, по реке, устанавливались на месте и скреплялись железными скрепами. Архитектура Пасаргад, как и Персеполя, очень оригинальна, в ней весьма ярко отразилось своеобразие культуры Ахеменидов, ее духа. Мы не можем здесь подробно останавливаться на таких проблемах, как происхождение колонн, украшавших прямоугольные или квадратные залы ахеменидских дворцов, хотя многие элементы стиля несомненно ведут в Ионию. Пасаргады, судя по всему, являются характерным образцом раннеахеменидского искусства и архитектуры, тогда как Персеполь представляет собой комплекс памятников более позднего стиля. Пасаргады могут также рассматриваться как переход от северного искусства и культуры мидян, находившихся под влиянием Урарту, к южной, персидской культуре, испытавшей воздействие Элама. Примером ее может служить Персеполь.

Спор между историками искусства по поводу взаимоотношений греческой и ахеменидской скульптуры, в частности по вопросу о приоритете в изображении складок одежды на статуях, был в достаточной мере решен в пользу Греции. Пасаргады, как упоминалось, являются основным памятником ранне-

---

[56] R. Ghirshman, Iran, стр. 123.
[57] Ali Sami, Pasargadae, стр. 42—43.

ахеменидского искусства, однако ясно, что традиция скульптурного изображения складок одежды и здесь была заимствована персами от греков Ионии, причем еще в первый период существования ахеменидской державы[58]. В Пасаргадах, как и в Персеполе, бросается в глаза декоративное назначение скульптурных каменных рельефов, отличных от ассирийских рельефов, содержащих целые сюжетные сцены. Скульптурные изображения животных в ахеменидском искусстве напоминают скульптуру Урарту и Ассирии, но и здесь можно заметить, что изображения подчинены декоративным целям — явление, характерное для персидского искусства на протяжении многих веков. К сожалению, от раннеахеменидского периода сохранилось очень немногое, и до тех пор, пока широкие раскопки в Пасаргадах позволят отличить памятники Кира от сооружений более поздних правителей, следует с большой осторожностью говорить об особенностях искусства и архитектуры первых Ахеменидов.

Укрепление державы Кира осуществлялось, по-видимому, теми же политическими методами, с помощью которых этот завоеватель сумел объединить племена и народы Персиды, как пришельцев-арийцев, так и обитавших здесь уже в глубокой древности. Было высказано предположение, что имя Кир может быть неиранским, поскольку пока не найдено для него убедительной иранской этимологии[59]. Смешение элементов разных культур можно наблюдать и в одежде персов, изображенных на рельефах Персеполя,— персы носят здесь, подобно эламитам, длинные платья, а не штаны и сапоги, характерные для других иранцев, в том числе и мидян.

Таким образом, одними из главных черт правления Кира были стремление заимствовать культурные ценности у покоренных народов и терпимость по отношению к их верованиям и обычаям, известная политическая гибкость. Для раннеахеменидской державы характерно также сохранение преемственности в организации и традициях царского управления, сложившихся в государстве мидян,— внешне различие сводилось лишь к тому, что Астиага сменил Кир. Для других народов держава Ахеме-

---

[58] Обзор дискуссии см.: K. Erdmann, Griechische und achaemenidische Plastik (zum gegenwärtigen Stand der Diskussion),— «Forschungen und Fortschritte», 26. Jahrg., 1950, H. 11—12, стр. 150—153.

[59] В 1903 г. Ф. К. Андреас впервые высказал предположение о том, что первоначальной формой имени следует считать эламское *Kuraš*, а не древнеперсидское *Kūruš*. О попытках этимологизации этого имени см.: F. Weissbach, Kyros,— PW, Supplementband IV, Stuttgart, 1924, стлб. 1128. [Ср.: W. Eilers, Kyros. Eine namenkundliche Studie,— «Beiträge zur Namenforschung», 15, 1964, стр. 180—236; В. И. Абаев, К этимологии древнеперсидских имен Kuruš, Kaᵐbujiya, Čišpiš,— «Этимология, 1965», М., 1967, стр. 286—295.]

нидов была прежде всего державой мидян и персов. Правда, персы играли в ней главенствующую роль, однако, хотя эта держава и не была двуединым государством Габсбургов, мидяне занимали важные посты при дворе первых Ахеменидов. Война с Крезом могла рассматриваться Киром как справедливая, ибо речь шла о присоединении страны, захваченной лидянами в то время, когда армии Мидии сражались с персами. Кир выступал как наследник Астиага, а потому считал себя обязанным поддерживать традиции и заботиться о неприкосновенности границ Мидийского государства.

Победы персов в действительности не превосходили военных успехов прежних завоевателей и мало чем отличались от них, хотя военное искусство, несомненно, шагнуло вперед в связи с применением кавалерии и соответственно изменением тактики. Подлинно новым, отличным от их предшественников была политика примирения, направленная на достижение основной цели Кира — создание *pax Achaemenica*. Для этого Кир должен был сотрудничать с покоренными народами. Бюрократический аппарат, необходимый для управления обширной империей, набирался прежде всего из среды писцов Сирии и Месопотамии. Как в искусстве и культуре Ахеменидов, так и в системе управления державы были представлены разные стихии; понадобились гений Кира и в еще большей мере Дария, чтобы их синтезировать. Более чем вероятно, что создание единства Ахеменидской державы было делом Дария, но Кир заложил основы этого единства.

Перед Киром стояла и другая задача — защита северо-восточных рубежей империи от нашествий кочевников из Средней Азии. Уже отмечалось, что мы не знаем, как далеко на восток простирались владения мидян, однако вероятно, что здесь, как и на западе, завоевания Кира шли под флагом подчинения земель, ранее находившихся в зависимости от Мидии, а ныне переходивших к нему. В некоторых из этих областей обстановка, по-видимому, сложилась благоприятно для Кира и почва для включения в состав империи была подготовлена, но такие страны, как Бактрия и Арахосия, ему пришлось завоевывать мечом. Геродот (I, 205—215) подробно описывает поход Кира против массагетов, живших к востоку от Каспийского моря. Вскоре после начала кампании Кир отправил обратно в Персию своего сына и наследника Камбиза в сопровождении Креза, бывшего лидийского царя. Во сне Киру явился юный Дарий, сын Гистаспа и внук Арсама, следовательно тоже из рода Ахеменидов. На плечах Дария Кир увидел крылья, тень одного из них парила над Азией, второго — над Европой. Поскольку
 Дарию еще не было двадцати лет — возраст необходимый для

участия в походах,— и он оставался в Персии, великий царь повелел Гистаспу вернуться туда и следить за сыном, пока война не закончится, что Гистасп и сделал.

В первой битве успех сопутствовал Киру — он нанес поражение массагетам и взял в плен сына их предводительницы, царицы Томирис. Пленный царевич покончил с собой, но в следующей битве ахеменидское войско было разбито, а сам Кир погиб. Это произошло около 530 г. до н. э., после двадцати девяти лет царствования. Версия о гибели Кира, подробно рассказанная Геродотом, кажется наиболее правдоподобной; этой версии, с некоторыми отклонениями, следует большинство античных авторов (в том числе и Ктесий), иногда заменяя лишь массагетов саками, дербиками или другими кочевниками.

Сохранилось важное свидетельство, позволяющее судить о пределах завоеваний Кира в Средней Азии,— город Кирэсхата или Кирополь в Согдиане, взятый штурмом и разрушенный Александром Македонским. Этот город упоминается во многих источниках, его название этимологизируется как «город Кира» (согдийское *kaϑ* «город») и отождествляется с Куркат (*Kurkaϑ*) — селением, расположенным неподалеку от городского центра средневековой Уструшаны, к северо-востоку от Самарканда[60]. Речь идет, очевидно, об одном из городов, основанных Киром для защиты восточных границ державы и включавших в себя укрепленное поселение, где располагался гарнизон. Кир оставил глубокий след в памяти персов не только как основатель империи. Его именем, если не официально, то, по крайней мере, в народных преданиях, нарекались реки, местности, города. Геродот (III, 89) сообщает, что персы и во времена Дария I вспоминали о мягкосердечии Кира и называли его отцом. Известно несколько вариантов «легенды о Кире», широко распространенной в народе. Все это показывает, каким большим уважением и симпатией пользовался основатель династии. Иной была судьба его сына.

Кризис державы

Историческая традиция весьма нелестно говорит о Камбизе, что вряд ли справедливо. О нем известно, благодаря вавилонским документам, больше, чем о его отце; источники сообщают об обстоятельствах его смерти, хотя последняя и осталась несколько загадочной для потомков. Подобно своему отцу, Камбиз

[60] E. Benveniste, La ville de Cyreschata,— JA, t. CCXXXIV, 1943—1945, стр. 163—164. [Ср.: История таджикского народа, т. I. С древнейших времен до V в. н. э., под ред. Б. Г. Гафурова и Б. А. Литвинского, М., 1963, стр. 528.]

носил, видимо, неиранское имя (древнеперс. *Kambūjiya-*). Делались попытки связывать это имя с камбоджами, народом, жившим в Северо-Западной Индии, и толковать его как тронное имя, означающее «царь камбоджей»[61]. Гипотезы такого рода могут показаться весьма соблазнительными, но дело в том, что имена Кир и Камбиз нельзя объяснять как тронные, они плохо этимологизируются как имена собственные, так что вопрос остается нерешенным.

Камбиз был тесно связан со своим отцом, по крайней мере со времени завоевания Вавилонии. В вавилонских документах, относящихся к 539—530 гг. до н. э., употребляются различные титулы, такие, как «царь Вавилона», «царь стран» или оба вместе, при этом не всегда ясно, чем вызвано применение того или другого титула. Провинция Вавилония и Заречье управлялись, как было отмечено, Губару, однако Камбиз, видимо, являлся номинальным царем Вавилонии, тогда как глава империи Кир в аккадской титулатуре именовался «царь стран». Не все ясно и в хронологии, особенно в связи с наличием особого «года вступления» царя на престол — представления, заимствованного персами от вавилонян. Год вступления отсчитывался от даты смерти предыдущего царя и, таким образом, включал в себя месяцы, предшествовавшие первому году официального правления. Первый «официальный» год нового царствования начинался лишь следующей весной, в месяце нисане. Весть о смерти Кира пришла в Вавилон в конце лета 530 г.— уже в сентябре документы помечены годом вступления Камбиза, «царя стран»[62]. Захват Египта был задуман, вероятно, еще при Кире, и Камбиз приступил к подготовке похода в эту страну.

Как и в других случаях, основные сведения о завоевании Египта содержатся у Геродота. Греческие наемники служили в армиях обеих сторон — и у персов, и у фараона (позднее это станет обычным для многих армий и войн). Мемфис и Фивы, два главных египетских города, пали под ударами войск Камбиза. Оставив в захваченных городах гарнизоны, персы двинулись на юг, вверх по Нилу, и на запад, к оазисам в пустыне. Ни одна из этих экспедиций не увенчалась успехом. Армия, посланная в оазис Амона, погибла в пустыне, захваченная песчаной бурей. Камбизу приписывают много злодеяний, якобы со-

---

[61] J. Charpentier, Der Name Kambyses,— ZII, Bd II, 1923, стр. 140—152; K. Hoffmann, Vedische Namen — «Wörter und Sachen», Bd 21, 1940, стр. 146.

[62] О дате начала царствования Камбиза и хронологии последующих событий см.: A. Poebel, The reign of Smerdis and others,— AJSL, vol. LVI, 1939, стр. 121—145; R. Parker, Persian and Egyptian chronology,— AJSL, vol. LVIII, 1941, стр. 285—299.

вершенных им в Египте, в том числе убиение священного быка Аписа, что, однако, опровергается датированными надписями на саркофагах последующих Аписов — эти надписи свидетельствуют о нормальной смене священных тельцов. Можно полагать, что действия Камбиза, направленные на ограничение доходов многочисленных храмов, восстановили против него жречество и привели к распространению слухов о его жестокости и издевательстве над египетской религией. В действительности же Камбиз, продолжая политику своего отца, относился с уважением к местным обычаям и верованиям; некоторые надписи свидетельствуют об этом достаточно ясно.

Нам предстоит теперь обратиться к событиям, потрясшим империю Ахеменидов и завершившимся возвышением Дария, событиям, о которых написано уже очень много. Некоторые ученые считают Дария узурпатором и лжецом, другие оправдывают его действия, приведшие к восстановлению династии Ахеменидов. В нашем распоряжении надпись Дария, составленная сразу же после описываемых событий, и сообщения античных авторов. Но можно ли верить этим источникам? Во всяком случае, рассказ о маге Гаумате и захвате власти Дарием — одна из самых интересных и скандальных историй древнего мира.

Основным источником, повествующим об этих событиях, является Бехистунская надпись. Название ее происходит от **Baga-stāna-*, букв. «место бога» (Ахура Мазды?); позднее это название было переосмыслено окрестными жителями и превратилось в Бисутун. Надпись высечена на недоступной отвесной скале, возвышающейся над дорогой, и по сей день ведущей из месопотамских равнин в Хамадан. Бехистунская надпись и рельеф, сопровождающий ее, сохранились довольно хорошо, что следует объяснять прежде всего предусмотрительностью Дария — он приказал, видимо, уничтожить ступени, которые были вырублены в скале, чтобы никто не смог добраться до рельефа. На рельефе (рис. 70) изображен сидящий Дарий; перед ним со связанными за спиной руками стоят самозванцы, восставшие против царя и разгромленные им. Надпись имела, несомненно, большое значение для Дария — фрагменты арамейской версии текста найдены в Египте; очевидно, Дарий приказал изготовить много копий и разослать во все провинции. Об этом говорит и сам царь (Бехист., IV, 88—92)[63]. О событиях,

[63] О фрагментах арамейской версии Бехистунской надписи см.: A. Cowley, Aramaic papyri of the fifth century B. C., Oxford, 1923, стр. 248—271. До последнего времени считалось, что основным вариантом надписи был древнеперсидский, хотя в некоторых случаях эламская и арамейская версии ближе к аккадской. [Ср.: L. Trümpelmann, Zur Entstehungsgeschichte des Monumentes Dareios'I. von Bisutun and zur Datierung der Einführung der

связанных с воцарением Дария, надпись повествует так (§ 10, стк. 27 и сл.) [64]:

«Вот что сделано мною после того, как я стал царем. Сын Кира, именуемый Камбиз, из нашего рода, был здесь царем. У этого Камбиза был брат по имени Бардия, от той же матери, того же отца, что и Камбиз. Затем Камбиз убил этого Бардию. Когда Камбиз убил Бардию, народу не было известно, что Бардия убит. Затем Камбиз отправился в Египет. Когда Камбиз отправился в Египет, тогда народ стал мятежным, и много лжи стало в стране — и в Персии, и в Мидии, и в других странах.

Говорит Дарий царь: затем был один человек, маг, по имени Гаумата; он восстал (поднялся) из Пишияхувады, у горы Аркадриш — оттуда. Четырнадцать дней месяца вияхна прошло, когда он восстал. Народу он так лгал: „Я — Бардия, сын Кира, брат Камбиза". Затем весь народ присоединился [к нему]. От Камбиза к нему перешли и Персия, и Мидия, и другие страны. Он захватил царство. Девять дней месяца гармапада прошло, когда он захватил царство. Затем Камбиз умер своей смертью [65].

Говорит Дарий царь: это царство, которое маг Гаумата отнял у Камбиза, издревле это царство принадлежало нашему роду. Затем маг Гаумата отнял [его] у Камбиза, он захватил и Персию, и Мидию, и другие страны, сделал [их] своей собственностью. Он стал царем.

Говорит Дарий царь: не было человека — ни перса, ни мидийца, ни из нашего рода, кто отнял бы царство [у] мага Гаума-

---

altpersischer Schrift,— AA, 1967, Ht 3, стр. 281—298; W. Hinz, Die Entstehung der altpersischen Keilschrift,— AMI, N. F., Bd 1, 1968, стр. 95—98.].

[64] Я следую в основном изданию и переводу Р. Кента (R. Kent, Old Persian, New Haven, 1950, стр. 117—120). Аккадская и эламская версии в данном случае не привлекаются.

[65] Выражение *huvāmṛšiyuš amariyatā* толковалось различно. Р. Кент (Old Persian, стр. 177) переводит «умер своей смертью» и считает, что речь может идти либо о самоубийстве, либо о смерти от нечаянной раны, нанесенной самому себе. В белуджском языке мы находим оборот *vaδ-miri (vaymirī)*, букв. «самоумирание», обозначающий естественную смерть, см.: M. Longworth Dames, Popular poetry of the Baloches, pt II, London, 1907, стр. 200. Сопоставление с другими индоевропейскими языками также позволяет понимать соответствующее место в Бехистунской надписи как «умер естественной смертью». Ср.: J. Markwart, Die Genealogie der Bagratiden,— «Caucasica», VI, H. 2, 1930, стр. 66, прим. 3. [См. также: М. А. Дандамаев, Иран при первых Ахеменидах, М., 1963, стр. 160—165; J. P. Asmussen, Ein iranischen Wort, ein iranischen Spruch und eine iranische Märchenformel als Grundlage historischer Folgerungen,—«Temenos», vol. 3, Turku, 1968, стр. 7—18; J. P. Asmussen, The death of Cambyses (DB I, 43: uvāmaršiyuš),— «Bulletin of the Iranian Culture Foundation», vol. I, pt 1, Teheran, 1969, стр. 21—27.]

ты. Народ очень его боялся, [думая], что он казнит много людей, которые раньше знали Бардию. Потому он стал бы казнить людей, что „как бы кто-нибудь не узнал, что я — не Бардия, сын Кира“. Никто не осмелился сказать что-нибудь о маге Гаумате, пока я не прибыл. Затем я помолился Ахура Мазде. Ахура Мазда принес мне помощь. Прошло десять дней месяца багаяди, когда я с немногими людьми убил мага Гаумату и тех, кто были его главными сторонниками. Крепость, называемая Сикаяхувати, область, называемая Нисайя, в Мидии — там я его убил. Я отнял у него царство. Милостью Ахура Мазды я стал царем. Ахура Мазда царство мне вручил.

Говорит Дарий царь: царство, которое было отнято у нашего рода, я поставил на место. Я установил его, как прежде было. Святилища, которые маг Гаумата разрушил, я восстановил. Я вернул народу недвижимое имущество[66], скот, рабов и дома, которых его лишил маг Гаумата. Я поставил народ на место, и [в] Персии, и [в] Мидии, и [в] других странах».

Такова история Гауматы в изложении Дария. У Геродота брат Камбиза и маг носят имя Смердис (греческое *sm*- вместо *b*-), его версия содержит дополнительные подробности, но в основе своей близка к версии Дария. Сходный рассказ, хотя и со значительными отличиями в деталях, мы находим у Ктесия. Младший сын Кира, Бардия, выступает у него под именем Таниоксарка (у Ксенофонта — Танаоксар), возможно, прозвище, означавшее буквально «большой телом». О деталях, характерных для различных вариантов истории Гауматы, писалось уже немало, равно как и о степени достоверности дошедших до нас версий. Ученые разделились на две группы. Одни считают, что мятежный Бардия был в действительности младшим братом Камбиза, что Дарий отнял у него трон и, чтобы оправдаться перед потомками, выдумал историю о Лже-Бардии, маге-узурпаторе. Другие защищают достоверность рассказа, изложенного в надписи Дария. Обе группы сходятся на том, что в основе всех сообщений античных авторов об этих событиях лежит одна и та же персидская официальная версия. Я думаю, что, как правило, можно верить надписям. Известны, конечно, случаи, когда имеются достаточные основания, заставляющие усомниться в их достоверности, однако следует помнить, что надписи могли прочесть многие, в том числе и те, кто захотел бы придирчиво проверить их содержание. Большинство аргументов,

---

[66] Или «инвентарь, имущество», новоперс. *afzār* «инструмент, инвентарь, имущество». Р. Кент переводит «пастбище», ср. также санскр. *abhicaraḥ* «слуга». Эламская версия отличается от древнеперсидской, но в ней не все ясно. См. также: W. Hinz, Zu § 14 der Behistun-Inschrift,— ZDMG, Bd 113, 1963, стр. 233—235.

приводимых обеими группами исследователей, базируется на догадках и предположениях, но все же полезно представить обе точки зрения. Те, кто отрицает правдивость версии Дария, приводят следующие соображения (они, впрочем, фигурируют не у всех исследователей этой группы). Эсхил («Персы», 774), перечисляя царей мидийских и персидских, говорит о Марде (Смердисе) как о законном правителе, убитом в результате заговора. Однако этот пассаж малополезен, он лишь в слабой степени отражает фактический ход событий. Утверждают далее, что, поскольку у Камбиза не было сына и преемника, он не мог убить своего брата и, таким образом, прервать правящую линию династии. Дарий поднял мятеж против Бардии — об этом якобы может свидетельствовать тот факт, что в Бехистунской надписи он подчеркивает «естественную смерть» Камбиза, многократно говорит о лжи, называя всех восставших лжецами, и тем самым слишком торжественно и настойчиво заявляет о своей невиновности[67]. Полагают также, что Кир и Камбиз поддерживали интересы мидян, тогда как Дарий заботился о восстановлении гегемонии персов. Наибольшего внимания заслуживают два других довода: во-первых, совершенно невероятно, чтобы узурпатор мог так долго обманывать народ, выдавая себя за другого; во-вторых, Дарий в своей надписи сознательно искажает хронологию событий, повторяя несколько раз, что он подавил все восстания в течение одного года. Остановимся сначала на этом аргументе. Было выдвинуто немало заключений относительно того, что́ мог совершить Дарий в течение одного года (см. прим. 62), однако до сих пор не найдено решения, которое бы удовлетворило всех исследователей. Наиболее рациональной представляется попытка разделить события, о которых повествует Бехистунская надпись, на три группы. К первой (Бехист., § 16—20) относятся восстания в Эламе и Вавилонии, ко второй (§ 21—48) — подавление восстаний в Эламе, Мидии, Армении и Сагартии (§ 24—34), Парфии (§ 35—37), Маргиане (§ 38), Персиде (§ 40—44) и Арахосии (§ 45—48); к третьей (§ 49—51) — второе вавилонское восстание и его подавление. События «одного года» Дария начинаются с года его вступления на престол и продолжаются в первом «официальном» году. В качестве отправной точки «одного года» принимается первое датированное событие — битва в Вавилонии у реки Тигр (13 декабря 522 г.), последним датированным событием считается подавление восстания Фрады в

[67] У Геродота (III, 72) Дарий произносит целую речь в защиту лжи. Рассказы об узурпаторах и борьбе за престол обычны для всех периодов истории Ирана. Так, параллель к Лже-Бардии можно найти в сефевидское время в рассказе об Исма'иле Мирзе, сыне шаха Тахмаспа.

Маргиане (10 декабря 521 г.) — всего один год без трех дней[68]. Если принять такое объяснение, то следует предположить, что главные события развертывались в Вавилонии и что восстание Фрады было в действительности гораздо более значительным, чем это может показаться по очень краткому сообщению о нем в надписи. Предложенная датировка «одного года» спасает Дария от обвинений во лжи — по крайней мере в том, что касается хронологии событий.

Трудно поверить, что узурпатор мог так долго выдавать себя за царевича, сына Кира, но если магу Гаумате это удалось, то это могло удаться позднее и Вахъяздате (Бехист., § 40). Из надписи Дария, как и из сообщений античных авторов, можно заключить, что имя Бардии было окружено какой-то тайной. Следует упомянуть в этой связи еще об одном факте. Судя по античным источникам (например, Геродот, III, 88), Дарий женился на Атоссе, сестре Камбиза и жене Гауматы, а также на Пармисе, дочери Бардии,— вещь невозможная, если бы Гаумата и Бардия были одним и тем же лицом. В целом, хотя Бехистунская надпись содержит много трудных и спорных мест, я не склонен отрицать достоверность версии Дария и предоставляю эту работу скептикам. Может быть, они окажутся правыми, но до сих пор необходимых доказательств не предъявлено.

Среди проблем, возникающих в связи с изучением Бехистунской надписи, важное место занимает вопрос о характере восстания Гауматы (если, конечно, считать, что Гаумата — историческая личность, а не плод вымысла Дария). И здесь необходимо прежде всего обратиться к хронологии событий. Вавилонские таблички (как правило, деловые документы) свидетельствуют, что у Бардии также был «год вступления», и «официальный год». По мнению некоторых ученых, Гаумата-Бардия царствовал не более года, но из аккадских текстов сейчас очевидно, что Дарий (и Геродот) достаточно точны в хронологии правления Гауматы. Год вступления Гауматы приходится на 523-22 г. до н. э., его первый официальный год — 522-21, причем год вступления был также седьмым годом Камбиза, а 522-21 — годом вступления на престол Дария. Дело осложняется еще и тем, что вавилонские писцы находились в затруднительном положении, обычном для смутных времен; они не знали, как им датировать документы: продолжать ли правление Камбиза, признавать Бардию, а затем и восставших в Вавилонии, или считать по годам Дария? И все же обращение к аккадским текстам на глиняных табличках совершенно необходимо при определении дат правлений и их последовательности.

[68] R. T. Hallock, The 'One Year' of Darius I,— JNES, vol. XIX, 1960, стр. 36—39.

Возвращаясь к магу Гаумате, следует привести еще некоторые данные, освещающие роль этого мятежника, а также других магов. Геродот (III, 79) рассказывает, что персы, узнав о гибели мятежников (у Геродота выступают два мага), обнажили кинжалы и уничтожили всех магов, которых они в тот день нашли. В память об этом событии персы стали отмечать праздник магофонии (*magophonia*), «убийства магов». Об избиении магов мы находим упоминание у Иосифа Флавия («Иудейские древности», XI, 31: «после убийства магов»); Ктесий говорит о праздновании магофонии как годовщины убийства мага Сфендадата (так именуется у Ктесия Бардия) [69]. Важным свидетельством является изданный недавно фрагмент согдийского текста, в котором содержится слово *mwgzt* «убийство магов», приписываемое в данном случае Александру Македонскому [70]. Согдийский текст, как представляется, подтверждает достоверность сообщений греческих историков о празднестве, связанном с убийством Гауматы. Эти свидетельства, а также восстановление Дарием разрушенных *āyadana*, вызвали большие споры о зороастризме восставших магов или, напротив, о зороастрийце Дарии, уничтожившем старую «языческую» религию магов. Мне представляется, что восстание было вызвано затянувшимся походом Камбиза в Египет, походом, который должен был привести к истощению ресурсов ахеменидской державы. В этой обстановке власть захватил маг Гаумата, или, если не доверять данным источников, подлинный Бардия с помощью каких-то магов восстал против своего брата Камбиза. Действия Дария тогда могут быть определены как контрмятеж, за которым последовали восстания в разных концах империи. Дарий уничтожил магов, поддерживавших Гаумату, и восстановил ранее разрушенные *āyadana*. Что же такое *āyadana*?

Объяснение значения этого термина связано с проблемой религии Ахеменидов и судьбами учения Зороастра в Западном Иране. Общепринятая интерпретация слова *āyadana* как «место культа, святилище», от древнеперс. *yad-* «поклоняться» (мидийское **yaz-*, древнеинд. *yaj-*). Такое истолкование поддерживается эламским и вавилонским соответствиями, означающими «дом богов», но как выглядели эти храмы [71]? Предполагалось, что *āyadana* были святилищами, специально предназначенными для культа ахеменидских царей; однако, поскольку Гаумата причислил себя к роду Ахеменидов, маловероятно, чтобы он стал уни-

---

[69] R. Henry, Ctésias, стр. 24.

[70] W. B. Henning, The Murder of the Magi,— JRAS, 1944, стр. 135.

[71] Сопоставление с санскритским *āyatana* «убежище, цитадель», близким по значению к *pur* «крепость» (*āyatana* также «семейная обитель, жилище»), вряд ли оправдано.

чтожать династические храмы. С другой стороны, *āyadana* существовали до Гауматы и после него, а так как у нас нет данных о том, что Гаумата покидал Иран и действовал за его пределами, то можно заключить, что *āyadana* были характерны для персов (и мидян),—это местные святилища, находившиеся под покровительством Кира, Камбиза, позднее Дария и его преемников. Гаумата уничтожал эти святилища, скорее из религиозных, нежели из династических соображений. Он мог быть зороастрийцем, но отнюдь не обязательно должен был разрушать местные храмы, которым покровительствовали ахеменидские правители. Кажется слишком рискованным, следуя античной традиции, считать, что настоящим именем Гауматы было Сфендадат, и принимать более позднюю версию магов, которая отождествляет его с зороастрийским мучеником Спентадатом, сыном Виштаспы, и превращает, таким образом, Гаумату в зороастрийского героя, боровшегося с Ахеменидами, но выступившего в зороастрийской традиции под другим именем [72]. Святилищем типа *āyadana* могло быть сооружение в Накш-и Рустаме (рис. 34), известное под именем «Ка'ба Зороастра» и расположенное напротив ахеменидских царских гробниц, но это не более чем предположение.

Религия Ахеменидов давно уже является предметом дискуссии, причем мнения исследователей и до сих пор остаются весьма разноречивыми. Выше мы уже затрагивали эту проблему. Данные вавилонских текстов, а также анализ действий Камбиза в Египте позволяют заключить, что и Кир, и Камбиз использовали религию в качестве политического оружия для укрепления своей власти. Вавилонские, египетские и иудейские божества почитались, по-видимому, обоими царями, и нет оснований утверждать, что политика Дария в этом отношении сильно отличалась от его предшественников. Магофобия вряд ли имела целью истребить всех магов: не более чем через 15 лет после восшествия Дария на престол мы находим в эламских табличках упоминания о магах, действовавших в Персеполе [73]. Остается и до сих пор неясным, отличались ли верования магов в период до Дария от тех, которые разрешено было исповедовать после Дария. Предположение о существовании нескольких «сословий» магов — жрецов и чиновников — вполне вероятно, хотя

[72] J. Marquart, Fundamente israelitischer Geschichte, Göttingen, 1896, стр. 48. По мнению Э. Херцфельда и некоторых других исследователей, Дарий должен быть отождествлен со Спентадатом зороастрийской традиции, см.: E. Herzfeld, Zoroaster and his World, I, стр. 95.

[73] G. G. Cameron, Persepolis Treasury Tablets, Chicago, 1948, стр. 43 [см. также: R. Hallock, Persepolis Fortification Tablets, Chicago, 1969, стр. 723, *s. v. Makuš*.]

и не доказано[74]. Несомненно, что маги исполняли роль будущих кадиев (религиозные руководители, а также судьи и чиновники в мусульманском мире) и что в древнем Иране они могли разделяться на несколько групп. Среди них были, очевидно, последователи Зороастра, но и они могли петь те же гимны и теогонии (посвященные, возможно, происхождению всего сущего), что и их собратья в Восточном Иране. Страбон сообщает (XI, 532), что «все священные обряды персов почитаются мидийцами и армянами», а также, добавим мы, и другими народами.

Мы не будем останавливаться подробно на вопросах, связанных с культом Ахура Мазды,— во времена первых Ахеменидов не было еще канонической церкви с установившимися догмами, а проследить генезис и эволюцию верований, как известно, чрезвычайно трудно. В списке божеств, относящемся ко времени ассирийского царя Ашшурбанапала, упоминается имя Ассара Мазаш. Отождествление его с Ахура Маздой оспаривается[75], однако вряд ли есть основания полагать, что последний был изобретением Зороастра. Как и древнеперсидская клинопись, имя Ахура Мазды впервые широко представлено при Дарии, но из эламской версии Бехистунской надписи (IV, 62) следует, что Ахура Мазда был уже богом ариев. Над изображением Дария на рельефе парит символ Ахура Мазды, похожий на символ бога Ашура в Ассирии. Более того, Дарий вполне определенно провозглашает себя поклоняющимся Ахура Мазде (Бехист., IV, 44). Уже в это время Ахура Мазда был, несомненно, отмечен среди прочих богов, он являлся «царем над всеми богами» и его было легко отождествить с Зевсом и верховными божествами других пантеонов. Дарий на равных правах с магами мог считаться последователем Зороастра, несмотря на различия в погребальных обрядах или в ритуалах жертвоприношения и даже поклонения богам, так что трудно сказать, кто из них был «более зороастрийцем». Обряды и ритуалы, которые позднее стали отличительными признаками «ортодоксального» зороастризма, оформились постепенно и связаны по своему происхождению с разными культами. Для рассматриваемого периода бессмысленно говорить о «подлинном зороастрийце» в зависимости от того, употребляет ли он хаому или нет, или

[74] Ф. В. Кёниг считал, что маги в период, предшествующий Дарию, были халдейскими жрецами, а после Дария под магами следует понимать зороастрийцев (F. W. König, Der falsche Bardija. Dareios der Grosse und die Lügenkönige, Wien, 1938, стр. 95, 180). Такое предположение остается недоказанным.

[75] F. W. König, Der falshe Bardija, стр. 87 (приведена литература вопроса).

исходя из особенностей погребального обряда. Нам придется еще не раз возвращаться к религиозным проблемам, поскольку они имеют первостепенное значение для Ближнего Востока — обстоятельство, не всегда в достаточной мере учитываемое представителями светской исторической школы в наши дни. К сожалению, многое из того, что написано о религии Ахеменидов, не подкреплено никакими доказательствами[76].

«Единый мир Ахеменидов». Двор и аппарат управления

Держава Ахеменидов была одновременно и прямым потомком Ассирии и Мидии, и новым этапом в истории государства на Ближнем Востоке. Мы упоминали уже о том, что в древнеперсидских надписях представлены важные по значению термины, имеющие скорее мидийскую, нежели персидскую форму и указывающие на заимствование их Ахеменидами с севера. Страбон (XI, 525) сообщает: «Мидийцы, однако, как говорят, являются родоначальниками обычаев армян и еще раньше персов, их владык и преемников господства в Азии. Например, так называемая персидская „стóла", их страсть к стрельбе из лука и верховой езде, служение царям, царские облачения и божественное почитание царей подданными перешли к персам от мидийцев». Далее он пишет, что подражание мидянам было особенно сильным в одежде, исключая только юг (?), где персы восприняли одежду покоренных народов (эламитов). Имеется несколько указаний на то, что многие элементы титулатуры ахеменидских царей были выработаны уже в Мидийской державе.

Может показаться весьма заманчивой попытка возвести формулы титулования, символику, а также концепцию царской власти в Иране к индоевропейским прототипам или считать их заимствованными из Месопотамии. Следует иметь в виду еще один возможный источник — представления о царской власти, существующие едва ли не в любом обществе. При рассмотрении этих трех основных гипотез о происхождении концепции

[76] Г. Виденгрен утверждает, что имя иранского божества времени Зрвана упоминается уже в клинописных документах из Нузи (см.: G. Widengren, Stand und Aufgaben der iranischen Religionsgeschichte, II,— «Numen», vol. 2, Leiden, 1955, стр. 81, а также в других работах этого ученого). Однако Э. А. Шпейзер показал, что соответствующее слово должно читаться как *Zarwa(n)* — имя хурритской богини, восходящее, возможно, к названию почитаемой местности. Культ этой богини никак не связан с обожествлением времени и с иранским Зрваном. См.: E. A. Speiser, «Annual of the American Schools of Oriental Research», vol. XVI, 1936, стр. 99, прим. 47, 48.

царства в ахеменидском Иране приходится считаться и со многими сопутствующими представлениями и верованиями, которые в ходе истории наслаиваются на первоначальные идеи и весьма искусно изменяют их. К счастью, в последние годы появилось несколько исследований, где рассматриваются сакральный и светский аспекты царской власти в Иране, в том числе обобщающая работа Георга Виденгрена[77]. Основные ее выводы сводятся к следующему. У древних иранцев, как и других индоевропейских народов, царь выбирался из определенного рода, считавшегося обладателем права на законную власть (харизма царства). Избирало царя народное собрание, в рассматриваемый период — собрание воинов, древнеперс. *kāra* «народ-войско», причем в ахеменидском Иране избранный был не просто царем, а царем царей. Особа его священна, он происходит от богов. Дворцовый церемониал, особенно обычай простирания перед царем (греч. *proskynesis*), отражает божественный статут ахеменидского правителя. Царь выступает одновременно и в качестве жреца, руководителя при жертвоприношениях, он главная фигура празднества в честь нового года, празднества весьма важного по символике и связанным с ним космогоническим представлениям. День коронации царя считается днем его рождения, ибо он, принимая тронное имя, «рождается заново»; особое одеяние должно символизировать его власть над вселенной. Когда царь умирает, гасится его «личный огонь»; в знак траура члены царской фамилии и слуги нередко наносят себе увечья или кончают жизнь самоубийством.

Таковы выводы, которые сделаны на основе сопоставления отрывочных данных источников. Многое в них остается еще неясным или не вполне доказанным. Несомненно, что в ахеменидское время были выработаны сложная символика, традиции и ритуал, связанные с личностью царя, однако представление о космическом, «вселенском» характере его власти не кажется столь очевидным. Существует, видимо, противоречие между положением царя царей, царя стран, одного над многими, и сакральной, божественной природой каждого из царей. Все ли цари и более мелкие правители должны были почитаться в стране особами священными, а если нет, то кто именно? Все ли цари считались происходящими от богов и соответственно обожествлялись подданными, или только царь царей? В Индии царей сравнивали с богами, но не обожествляли. В Иране фигура царя приобретает еще бо́льшее значение, концепция о законности, «богоданности» царской власти становится главенствую-

[77] G. Widengren, The Sacral Kingship of Iran.— «Numen», Supplement, 4, Leiden, 1959, стр. 242—257.

щей и связывается с *hvarnah,* символом «царской славы», о котором была уже речь выше.

Создается впечатление, что идея божественности, священности царя обязана своим возникновением Ближнему Востоку, прежде всего Египту, а не принесена арийскими завоевателями. В этом случае становится понятным, почему выражение «происходящий от богов» появляется на монетах лишь много позднее, у сасанидских монархов — Ахемениды не успели еще в должной степени испытать влияние ближневосточной традиции. Вряд ли есть основания предполагать, что первые Ахемениды считали себя «братьями солнца и луны» и, следовательно, «священными» — свидетельств этому нет. Более того, для Ахеменидов даже *proskynesis* означал, очевидно, не нижайшее смирение перед богом, а, скорее, уважение к царскому званию. Судя по рельефам из Персеполя, знатный должен был низко поклониться царю и поцеловать собственную руку, либо преклонить колени; при обращении к царю с просьбой или мольбой надлежало, особенно слугам, пасть ниц, но нигде не видно поклонения божеству[78].

Символика и церемониал двора царя царей заслуживают детального рассмотрения, но объем книги не позволяет входить во многие детали. Коронация происходила в Пасаргадах, где, согласно Плутарху («Артаксеркс», II, 3), совершали обряд посвящения нового царя храму богини-воительницы (очевидно, Анахиты), после чего царь облачался в одежды Кира и вкушал крестьянскую пищу. Этот обычай мог быть связан по происхождению с каким-то очень древним космогоническим представлением, однако большинство персов в рассматриваемый период вряд ли знало о нем или осознавало его значение. Согласно обычаю, теперь узаконенному, первый сын, родившийся после коронации, считался наследником престола. Все институты и инсигнии царской власти можно, очевидно, объяснять двояким образом — исходя из сакральных или из светских функций царя. Ученые приложили немало стараний, пытаясь интерпретировать атрибуты царской власти у персов в духе мистической аллегории и символики. Для нас достаточно констатировать, что принципы ахеменидской монархии и института «царя царей» отражали ближневосточные и арийские представления о власти, сохранившиеся с некоторыми изменениями и дополнениями вплоть до наших дней.

Известные нам имена Ахеменидов, начиная с Дария, являются, вероятно, тронными именами или прозвищами, принятыми при восшествии на престол, либо, наконец, данными еще

---

[78] См.: Feodora Prinzessin von Sachsen-Meiningen, Proskynesis in Iran, в кн.: F. Altheim, Geschichte der Hunnen, Bd II, Berlin, 1960, стр. 125—166.

наследным принцам. Нет убедительных доказательств, что первоначальным именем Дария было Спентадата, как называет сына Виштаспы, покровителя пророка, зороастрийская традиция. Дарий, древнеперс. *Dārayavahuš* — тронное имя, состоящее из *dārayat* + *vahuš,* что значит буквально «обладающий [жизненными] благами». Странно, что в арамейских документах из Египта ахеменидского времени мы находим очень стяженную форму имени — *drywš.* Так именуется в этих документах Дарий I; позднее имя выступает в более полном начертании *drywhwš* или в других, близких к этой форме вариантах. Имя Ксеркс, древнеперс. *Xšayāšan-*, может быть понято как «герой среди правителей» (*xšaya-* + *aršan-*); Артаксеркс не имеет ничего общего с Ксерксом, это греческое переосмысление имени *Artaxšaça,* обозначающего буквально «обладающий праведной властью», из *arta* и *xšaça* (древнеперсидская форма для общеиранского *xçaϑra*). Нет никаких оснований полагать, что поскольку эти имена имеют некий «зороастрийский» оттенок или, во всяком случае, могут принадлежать зороастрийцам, то их носители должны быть обязательно последователями Зороастра.

Царский род Ахеменидов в период передвижения на территорию Персиды (Парса) был, очевидно, главенствующим в племени пасаргадов, если не среди персов в целом. Не исключено, что после оседания на новом месте Ахемениды не довольствовались браками с соплеменниками и смешивались с местной эламской или иной династией и аристократией. Гаремы ахеменидских правителей были очень большими, в них находились не только жены и наложницы царя, но и все женщины царской семьи — мать, сестры и другие. О сложившемся, строго упорядоченном гареме, охраняемом многочисленными евнухами, известно только с правления Дария I, но женщины, безусловно, пользовались сильным влиянием при дворе уже при первых Ахеменидах. Многие из царских невест не были иранками — властители, похвалявшиеся в древнеперсидских надписях своим арийским происхождением, не боялись смешанных браков; повидимому, представление об исключительности арийцев или иранцев не было еще столь сильным, как в эпоху Сасанидов.

При Ахеменидах, по крайней мере при первых правителях, не существовало должности «премьер-министра», везира, как называли его много позднее, во времена ислама. Царя окружали его друзья и доверенные лица, которым он поручал выполнение важнейших дел, но ничего неизвестно о существовании официального верховного представителя царя, главы государственного управления. Действия Мардония в армии Ксеркса во время греческого похода несколько напоминают функции премьер-министра — он выступает посредником в переговорах

между царем царей и более мелкими правителями и царьками (они располагались на переговорах по старшинству — Геродот, VIII, 67). Однако считать, что греческое слово *eisangeleus* означает не только «вестник», но и должность премьер-министра, значит видеть в источнике больше, чем в нем есть[79]. Очевидно, существовала потребность в официальном представителе, который бы говорил от имени царя, и при последних Ахеменидах **hazārapati-* (букв. «тысяцкий»), один из высших офицеров, начал исполнять должность, близкую к премьеру. После Александра Македонского мы встречаем греческий титул хилиарх (перевод иранского **hazārapati-*), которым эллинистические правители называли второго по старшинству, нечто вроде премьер-министра[80]. Как можно судить по этимологии, титул **hazārapati-* при Ахеменидах носил начальник гвардии — «тысячи бессмертных», телохранителей царя, рано ставший важной фигурой при дворе; весьма вероятно, что именно он изображен стоящим перед царем на персепольских рельефах.

В разные периоды при дворе находились правители областей и сатрапы, возвышающаяся дворцовая знать, основу которой составляли местные владетели, осевшие при дворе. Принцы, *visō puϑra* Авесты и *BR BYT'* арамейских документов из Египта, могли быть высшими должностными лицами при дворе или наместниками провинций. Некоторые из них, очевидно, допускались к участию в царских трапезах — высокая честь, оказывавшаяся лишь фаворитам (Геродот, V, 25). Еще один почетный титул, о котором сообщает Геродот (III, 140; VIII, 85), значит буквально «хорошо поступающий» по отношению к царю, *orosangai* из **hu-varza-ka-(?)*. Но все это были почетные титулы. Если вернуться к принцам, то следует отметить, что число их возрастало по мере существования династии. Взаимоотношения их с сатрапами, царьками и другими группами знати должны были сильно осложниться в результате брачных союзов, что не могло не сказаться на титулатуре, порядке старшинства и всем громоздком протоколе ахеменидского двора.

Вожди племен мидян, персов и других иранцев продолжали пользоваться значительными правами и властью и после образования империи, приспособившись к системе сатрапий и к поли-

---

[79] Греч. *eisangeleus* должно было передавать скорее древнеперс. **azdākara-*, соответствия для которого известны в согдийском и других иранских языках. См.: A. Meillet, E. Benveniste, Grammaire du vieux-perse, Paris, 1931, стр. 150.

[80] Диодор Сицилийский, XVIII, 39, 7 и XLVIII, 4, 49. В армянских источниках засвидетельствован титул *hazarapet dran Ariats* «хилиарх врат персов», соответствующий, несомненно, позднейшему премьер-министру. [Ср.: E. Benveniste, Titres et nomes propres en iranien ancien, Paris, 1966, стр. 67—71.]

тической структуре державы в целом. Знаменитым «шести помощникам» Дария в убийстве Гауматы было предоставлено особенно почетное положение, они получили право доступа к царю, и их семьи и потомки сохраняли эти привилегии. У Геродота (III, 70) и в Бехистунской надписи (IV, 83) приводятся имена помощников Дария, но полного совпадения между этими источниками нет. В книге Эсфирь (I, 14) перечислены имена семи вождей персов и мидян, которые могли лицезреть царя. Имена эти отличаются от упомянутых у Геродота и в Бехистунской надписи, и по ним нельзя судить о родах, к которым принадлежали сподвижники Дария. Предполагается, что шесть кланов, названных Геродотом и Бехистунской надписью, и клан самого Дария составляют те знаменитые семь иранских родов, о которых говорит историческая традиция для времен Парфянского царства и Сасанидов. Ясно, что эти семь родов не следует отождествлять с наиболее влиятельными царьками или владетелями крупных поместий ахеменидской державы, но не исключено, что они постепенно усиливались и укрепляли свои позиции благодаря особым связям с Дарием и его преемниками. В дальнейшем число семь либо стало действительно соответствовать количеству высших аристократических родов, либо оно стало символичным для иранской знати, а может быть и не только для знати. Традиции такого рода очень стойки в Иране, и поэтому вполне вероятно предложенное объяснение «большой семерки». В этой области, как и во многих других, Дарий был великим реформатором, что позволяет говорить о двух этапах ахеменидской истории — до Дария и после начала его царствования. Последний этап представляет для нас сейчас наибольший интерес.

Как сообщают греческие авторы, царь царей имел дворцы в разных областях державы[81], и двор перемещался вместе с ним. Со времени Дария главной столицей были Сузы, но Хамадан (Экбатаны) еще долго сохранял свое значение прежней столицы и превосходной летней резиденции царского двора. Нет прямых свидетельств, что в Экбатанах при Дарии и его преемниках хранились царские архивы, как предполагают некоторые исследователи, ссылаясь на книгу Эзры, 6, где говорится о том, что один документ искали в архивах Вавилона, но нашли его во дворце (или крепости) в Экбатанах. Великий древний Вавилон должен был оставаться важным центром и при Ахеменидах, хотя после восстания 482 г. до н. э., жестоко подавленного Ксерксом, город утратил часть своего былого могуще-

[81] В Габах (Исфахан) и близ Таоки (на юге Персиды), см.: Страбон, XV, 728; Арриан, Индика, XXXIX, 3 и др.

ства. Раскопки Вавилона дали, однако, немного для восстановления картины ахеменидского города. Наши сведения об искусстве и архитектуре этого периода основываются на находках в Сузах, Персеполе и в меньшей степени в древних Пасаргадах. Французские археологи вели раскопки Суз в течение более полувека и добыли огромное количество материалов; к сожалению, значительная часть работ приходится на период до первой мировой войны, когда методика археологических исследований не была еще достаточно четкой. Древние Сузы переживали пору упадка, когда Дарий решил превратить город в свою резиденцию. Нет оснований полагать, что Сузы были столицей Ахеменидов уже до Дария. Геродот (III, 30, 70) переносит позднейшую ситуацию на более раннее время — грекам Сузы стали известны только в позднеахеменидский период, и античные авторы воспроизводят в названии города древнеперсидскую форму, а не аккадскую, эламскую или арамейскую.

Клинописные надписи, обнаруженные в Сузах, повествуют о строительной деятельности Дария I, Ксеркса, Артаксеркса I, Дария II и Артаксеркса II, свидетельствуя о неизменном внимании всех этих правителей к своей зимней резиденции. Термины, обозначающие сооружения, воздвигнутые в Сузах, как и в Персеполе, не всегда ясны. Многие ученые упорно переводят древнеперс. *hadiš, āpadana* и *tačara* одним словом «дворец»; однако из контекстов и из этимологий явствует, что *hadiš* было общим наименованием дворца; в более специальном употреблении оно выступало в значении «обитель власти», подобно Высокой Порте в Оттоманской империи или «царским вратам» библейской книги Эсфирь. Древнеперс. *āpadana* — прототип мусульманского айвана (*aiwān*) в Сузах, как и в Персеполе, обозначало место для публики, зал аудиенций. В книге Даниила (11, 45) это слово засвидетельствовано в форме, которую следует, вероятно, читать *āppadana,* причем можно заключить, что так обозначалось обширное открытое пространство, на котором разбивались шатры. Происхождение термина *tačara* остается неясным, несмотря на попытки истолковать его первоначальное значение как «ипподром» или «стадион». Судя по употреблению этого слова в ахеменидских надписях, особенно в эламской версии надписи Артаксеркса II в Сузах (надпись «Сузы Д» по классификации Р. Кента), где древнеперс. *hadiš* соответствует *dasarum* (эламская передача древнеперс. *tačara*), оно могло обозначать небольшой «парадис», где царь проводил время[82]. Тогда, оче-

---

[82] W. Eilers, Die Ausgrabungen in Persepolis,— ZA, Bd 53, 1959, стр. 249, прим. О древнеперсидском обозначении «парадиса» см.: E. Benveniste, Éléments perses en araméen d'Égypte,— JA, t. CCXLII, 1954, стр. 309.

видно, *tačara* служило названием частной резиденции правителя, управляемой главным евнухом, **tačarapati-* (?).

Для греков, а также для Ветхого Завета Сузы были столицей Ахеменидов. Находки в Сузах предметов, происходящих из всех областей державы, говорят о космополитическом характере столицы; лишь Вавилон с его столпотворением народов мог соперничать в этом отношении с Сузами. Дарий переселил непокорных подданных из других частей империи в Хузистан (Геродот, VI, 20, 119), а многочисленные чужеземные работники, возводившие царские постройки в Сузах, делали этнический состав населения этой области еще более пестрым. Показательна в этом плане трехъязычная клинописная надпись, найденная в Сузах и рассказывающая о тех, кто участвовал в сооружении *hadiš*. Вавилоняне изготовляли кирпич, кедр доставляли из Ливана; ценные породы дерева — из Кермана и Гандхары, золото — из Сард и Бактрии. Драгоценные камни, такие, как ляпис-лазурь, привозили из Согдианы, бирюзу — из Хорезма, слоновую кость — из Эфиопии, Индии и Арахосии. Все это обрабатывалось в Сузах и шло на украшение дворца. Каменотесами были ионяне и лидийцы, ювелирами — мидяне и египтяне, деревообделочниками — лидийцы и египтяне, стены украшали мидяне и египетские мастера. Здесь — впервые, по-видимому, в истории — выступает столь разнородная по этносу армия работников: Ассирия и даже Вавилон не знали еще таких армий. Дарий, однако, замыслил строительство еще одного дворца. Возведение его началось около 520 г. до н. э. в Персеполе — местности, имевшей особое, символическое значение.

Персеполь фактически оставался неизвестным грекам до завоеваний Александра. В скале, за дворцовым комплексом, высечены гробницы последних ахеменидских царей; Дарий, Ксеркс и два других царя похоронены неподалеку в Накш-и Рустаме. Судя по древнеперсидским надписям и эламским глиняным табличкам, великолепный ансамбль зданий никогда не был официальной резиденцией двора и не использовался для приема посольств. Персеполь не был и религиозным центром — в результате раскопок здесь не обнаружено храмов или иных культовых сооружений. И все же развалины города и сегодня заставляют нас восхищаться этим чудом древнего мира. Бесконечные ряды высоких колонн, некогда украшавших парадные залы, должны были производить сильное впечатление, особенно на приближавшихся к платформе, на которой возвышались здания, со стороны равнины, известной ныне под названием Мерв-и дашт. Колонны, более тонкие, чем их греческие прототипы, и украшенные капителями в виде головы быка, а также прямоугольные здания составляют славу ахеменидской архитектуры.

Каково было назначение этого внушительного комплекса зданий, расположенного на равнине, рядом с царскими гробницами? Не исключено, что Персеполь почитался священным городом, доступ в который был запрещен простым смертным, или что какое-то событие в жизни Дария сделало это место для него особенно важным. Персеполь сохранял свое значение и для Сасанидов, оставивших большое количество рельефов на скалах Накш-и Рустама и в его окрестностях. Район Персеполя можно с полным правом назвать домом персидских царей для всего домусульманского периода. Есть основания полагать, что вся округа считалась национальной святыней и что здесь, в Накш-и Рустаме, в специальном сооружении, именуемом сейчас «Ка'ба Зороастра», хранились религиозные сочинения или горел царский огонь. Возможно, наконец, что Персеполь и его окрестности играли особую роль как место празднества Нового года или торжественных актов, связанных с коронацией или погребением царя. Мы не знаем, какая из этих гипотез наиболее правильна, но несомненно, что Персеполь, _Ba-ir-ša_ (<*_Pārsa_?), как он именуется в эламских табличках, имел особое значение для ахеменидских царей и вообще для персов[83].

Таким образом, можно полагать, что Сузы были административной столицей Ахеменидов, Персеполь — династическим или ритуальным центром, тогда как Экбатаны, Вавилон и ряд других городов сохраняли значение торговых и стратегических центров или столиц провинций.

Обратимся теперь к централизованной системе административного управления державы Ахеменидов. Современные историки уделили много внимания институту специальных царских агентов. Вполне очевидно, что царь царей нуждался в чиновниках, которые бы доносили ему о событиях, происходящих во всех концах державы, и следили за действиями многочисленных мелких царьков и сатрапов. Греческие источники сообщают о «царском оке» и гораздо реже об «ушах царя». Это были разные должностные лица, хотя греческие авторы, по-видимому, смешивают их функции. Во многих греческих источниках говорится об «ушах царя» как о важной персоне, эмиссаре или специальном представителе царя царей в составе посольства, нечто вроде полномочного министра или чрезвычайного посланника. Иранские источники не знают титула, который означал бы «уши царя», но в арамейском папирусе из Египта мы находим термин _gwšky'_, из древнеиранского *_gaušaka-_, буквально «слушаю-

[83] [Ср.: W. Lentz, W. Schlosser, Persepolis — ein Beitrag zur Funktionsbestimmung.— ZDMG, Supplement I: XVII. Deutscher Orientalistentag. Vorträge, Teil 3, Wiesbaden, 1969, стр. 957—983 (библиография — стр. 978—981).]

щий, слушатель». В этом документе так обозначен, очевидно, чиновник, выступающий в качестве представителя центральной власти при рассмотрении исков и других судебных дел, что-то вроде прокурорского надзора. Сочинения греческих авторов не содержат каких-либо данных, которые позволили бы более точно очертить функции доверенных агентов и осведомителей царя царей; в арамейских текстах мы находим упоминания о нескольких категориях должностных лиц, в том числе, вероятно, и ревизорах разных рангов. Основываясь на более поздней практике (времен Парфянского царства и аршакидской Армении), можно полагать, что чиновник, именуемый *bitaxš,* существовал уже при Ахеменидах, когда его титул имел форму **patyaxš* и обозначал наместника, которого можно отождествлять с «оком царя». Последний, вероятно, помимо других функций осуществлял и верховный надзор за многочисленными государственными прозекуторами — «ушами царя»[84]. Хотя институт осведомителей и шпионов стар как мир и хотя для сопоставления с ахеменидской практикой пытались привлекать упоминания о «тысяче глаз и ушей» бога Митры и десяти тысячах его соглядатаев (авестийский Яшт Митре), тем не менее более правильно сравнивать ахеменидские «уши царя» с *adhyakṣa* — царским «инспектором» или «надзирателем» в древней Индии.

Центральная администрация была тесно связана с провинциями благодаря хорошо налаженной «почтовой службе», возникшей еще в период владычества Ассирии и усовершенствованной при Ахеменидах. Эта служба опиралась на разветвленную сеть дорог, самой знаменитой из которых была, очевидно, царская дорога из Сард в Сузы. Геродот (VIII, 98), сообщая об отправке Ксерксом послания в Сузы, так описывает ахеменидскую почту: «Нет во всем мире смертного, который проделал бы путь быстрее, чем эти гонцы, хитроумное изобретение персов. Рассказывают, что вдоль дороги расставлено столько людей, сколько дней занимает все путешествие — конь и всадник на каждый день пути, и ни снег, ни дождь, ни зной, ни ночная тьма не могут помешать им пройти на полной скорости предназначенный отрезок пути. Первый всадник передает донесение второму, второй — третьему, и так оно переходит из рук в руки, подобно факельному бегу у греков на празднестве в честь Гефеста. Эта верховая почта называется в Персии *angareion»*[85].

[84] См.: A. Pagliaro, Riflessi di etimologie iraniche nella tradizione storiografica greca,— «Rendiconti della Accademia Nazionale dei Lincei», 9, Roma, 1954, стр. 135 и сл. Титул *bitaxš* восходит, вероятно, к **pati-axš-*, букв. «наблюдающий», но ср. ниже, стр. 266.

[85] Ср.: Herodotus, with an English translation by A. D. Godley, London, 1924 («The Loeb Classical Series»), стр. 97. Для греческого *angaros*

Почтовая служба, месопотамская по происхождению, предназначалась прежде всего для пересылки административных распоряжений и донесений. Поскольку слово *barīd*, которое позднее, во времена ислама, употреблялось для обозначения почты, может быть объяснено как аккадское, то весьма вероятно, что уже ассирийцы широко пользовались почтой в своей обширной империи и что Ахемениды были их наследниками. Сигнальные огни на башнях также служили средством связи в ахеменидской державе, как и много позже — лишь несколько десятков лет назад на смену им пришли телеграф и телефон.

Длину дорог при Ахеменидах исчисляли в парасангах (*parasang*). Принято считать, что эта мера была равна примерно 6 *км* (несколько более 3 миль), однако на самом деле она обозначала, скорее всего, расстояние, проходимое за час пути, и величина ее зависела от состояния дороги[86] (такой способ измерения можно наблюдать и в наши дни в некоторых районах Афганистана и Персии; в Афганистане за единицу принимается расстояние, которое проходит лошадь за час). Дорогами пользовались для торговли, по ним передвигались войска и частные лица, а потому дороги охранялись. Пересылка писем и товаров подвергалась цензуре и контролю.

Нам приходилось уже несколько раз упоминать о бюрократическом аппарате державы. Заслуживает внимания весьма примечательная канцелярия — предмет особых забот ахеменидских царей. К сожалению, мы знаем о ней очень немногое. Ко времени правления Дария I аккадский не был уже разговорным, живым языком, и аккадской клинописью продолжали пользоваться только писцы и жречество. Роль *lingua franca* Ближнего Востока еще в период существования Ассирийской державы перешла к арамейскому языку и его алфавитной письменности. Ахемениды способствовали распространению арамейского языка

предлагались различные объяснения, его возводили, в частности, к аккад. *sanga-, древнеперс. *anga-* «камень», а скорее с корнем *sah-* «извещать, арамейском и в сирийском (возможно, и в демотическом египетском) в вариантных формах, имеющих значение «повинность, *corvée*», кажется предпочтительным видеть в нем заимствование из аккадского (вавилонского), а не из древнеперсидского. У Плутарха («Александр», 18) мы встречаем слово *astandes*, которое обычно переводят «царский гонец», что несколько странно, так как Дарий, прежде чем стать царем, не был гонцом.

[86] Этимологически *parasang* (новоперс. *farsax*) связано не с древнеир. *sanga-, древнеперс. *ϑanga-* «камень», а скорее с корнем *sah-* «извещать, провозглашать», как это предположил И. Маркварт; см. также: H. H. Schaeder, Beiträge zur iranischen Sprachgeschichte,— «Ungarische Jahrbücher», Bd XV, 1935, стр. 563. Ср. вторую часть слова *orosanges* (Геродот, VIII, 85), если только оно не восходит к древнеперс. **huvarzaka-* «хорошо действующий». Статмы селевкидского периода основывались, вероятно, на дорожной системе, унаследованной от Ахеменидов.

как главного средства письменного общения на территории империи. Писцы в древнем мире занимали важное положение, значение канцелярии и архивов понималось достаточно ясно.

Известно, что записи о расходах на содержание работников в Персеполе велись на глиняных табличках на эламском языке, но в том же Персеполе обнаружены и арамейские надписи на изделиях из камня. Выше уже говорилось о древнеперсидской клинописи. Эта письменность, очевидно, применялась главным образом в царских надписях и не играла сколько-нибудь значительной роли в повседневной канцелярской практике. В Бехистунской надписи Дарий I сообщает, однако, что эта надпись «на арийском языке (как прежде не было) и на глиняных табличках и на коже была составлена», и «это было написано и прочтено мне. Затем я эту надпись послал во все страны. Народ упорно трудился над нею» [87].

Из этого текста можно заключить, что в надписи говорится о первой записи иранского (древнеперсидского) языка, сделанной либо клинописью, либо арамейскими буквами, а возможно и обеими письменностями. Находка фрагментов Бехистунской надписи на арамейском языке в Элефантине (в Египте) и фрагмента аккадского текста этой надписи на глиняной табличке показывает, что текст надписи был действительно переведен на несколько языков и послан в разные концы державы. Надпись была прочитана царю, скорее всего потому, что сам он читать не умел.

О том, как распространялись царские указы, сообщается в Библии в книге Эсфирь (III. 12):

«И призваны были царские писцы в тринадцатый день первого месяца, и был написан, в соответствии с тем, как повелел Аман, указ царским сатрапам, начальникам всех областей и правителям всех народов, в каждую область письменами ее и каждому народу на его языке. И был он написан от имени царя Ахасеруса (Ксеркса) и запечатан царским перстнем. И отправлены были послания с гонцами во все провинции царя».

Из книги Эсфирь (VIII. 8), а также из других источников можно заключить, что многие царские чиновники имели перстни или печати, которые считались символами государственной власти и принадлежали государству.

---

[87] Я следую переводу Р. Кента (R. Kent, Old Persian, стр. 132). Выражение «как прежде не было» имеется только в эламской версии. [Ср.: J. Harmatta, The Bisitun Inscription and the introduction of the Old Persian cuneiform script,—AAASH, t. XIV, 1966, стр. 255—283; I. M. Diakonoff, On the interpretation of § 70 of the Bisutūn Inscription (Elamite version),— AAASH, t. XVII, 1969, стр. 105—107.]

Открытие арамейско-греческой наскальной надписи в Кандагаре (на территории нынешнего Афганистана) и арамейских надписей в Таксиле (Пенджаб) и Лагмане (Афганистан) указывает на широкое распространение арамейского языка. Заслуживает внимания, что в арамейском тексте кандахарской надписи встречаются восточноиранские слова, весьма архаичные по своему облику, а в надписи из Лагмана представлена индийская пракритская лексика [88]. Это может свидетельствовать о том, что повсеместно в арамейский язык канцелярии проникала местная лексика, подготавливая почву для возникновения среднеиранских гетерографических письменностей, с которыми мы встретимся позднее.

Вопрос о правовых органах державы и их деятельности весьма сложен. Первые ахеменидские цари поощряли сохранение местных законодательств. Позднее положение несколько изменилось, что привело к путанице в юридической практике и породило много проблем. Из книги Эзры (VI. 1) известно, что Дарий сохранил в силе декреты Кира, касающиеся иудеев. Имеется сообщение о пересмотре местного законодательства в Египте по приказу того же Дария (Диодор, I, 95, 4). Месопотамия была страной, где издавна существовали кодексы законов, и Дарий мог вдохновиться идеей использовать традиции вавилонского законодательства — так, очевидно, следует понимать ссылки на «закон царя» в Библии и в аккадских документах.

Каждый школьник слышал о «твердо соблюдаемых законах мидян и персов». Сообщения греческих авторов о правосудии у персов свидетельствуют о том, что Ахемениды придавали большое значение законодательству. В рассматриваемый период на Ближнем Востоке появилось новое слово для обозначения закона — иранское *dāta-*, проникшее в армянский, древнееврейский и аккадский языки. Это слово является производным от индоевропейского корня со значением «устраивать», «приводить

---

[88] О надписи из Таксилы см.: F. C. Andreas, Erklärung der aramäischen Inschrift von Taxila,— NGWG, 1931 (1932), стр. 6—17. [См. также Г. М. Бонгард-Левин, Таксильская надпись Ашоки,— СВ, 1956, № 1, стр. 121—128; H. Humbach, Die aramäische Inschrift von Taxila,— «Akademie der Wissenschaften und der Literatur in Mainz. Abhandlungen der geistes- und sozialwissenschaftlichen Klasse», Jahrg. 1969, № 1, стр. 3—12.] Издание арамейско-греческой билингвы из Кандахара — D. Schlumberger, L. Robert, A. Dupont-Sommer, E. Benveniste, Une bilingue gréco-araméenne d'Asoka,— JA, t. CCXLVI, 1958, стр. 1—48; о надписи из Лагмана см.: W. B. Henning, The Aramaic Inscription of Asoka found in Lampāka,— BSOAS, vol. XIII, 1949, стр. 80—88 (см. также литературу, указанную в последних двух работах). [Недавно издан фрагмент еще одной индийско-арамейской надписи Ашоки, см.: E. Benveniste, A. Dupont-Sommer, C. Caillat, Une inscription indo-araméenne d'Asoka provenant de Kandahar (Afghanistan),— JA, t. CCLIII, 1966, стр. 437—470.]

в порядок». Можно предположить, что основы ахеменидского законодательства связаны с родовыми или племенными правовыми установлениями, существовавшими еще в период арийской общности. Естественно, что появилась потребность отделить правовые нормы, регулирующие жизнь семьи и отдельной личности, от законодательства, касающегося государственных дел. В первом случае продолжали повсюду действовать местные правовые традиции, тогда как преступлениями против государства занималась центральная администрация. Из греческих источников и из Ветхого Завета известно о существовании «общественных» судов, решавших дела первой категории, и государственных или царских судов для вторых; упоминаются и царские судьи (древнеперс. **dātabara*, арам. *dtbry'*). О том, что сам Дарий придавал большое значение законам, можно судить по его надписям. Так, в Бехистунской надписи (I, 21) говорится: «В этих странах человек, который был [мне] верен, его я вознаграждал; кто был вероломен, того я строго наказывал. Милостью Ахура Мазды эти страны следовали моему закону. Как было им мною сказано, так они и делали». В другой надписи (DNb, 55) Дарий призывает своих (персидских) сторонников[89] верить тому, что он написал, и не нарушать законы. Еще в одном месте он говорит о совершении правосудия таким образом, чтобы из страха перед законом сильный не обижал слабого (DSe, 30).

В древнем Иране, несомненно, сохранились пережитки широко распространенных у индоевропейцев представлений об испытании огнем или клятвой; существовали также и религиозные обряды инициации. На важное значение клятвы намекает Дарий, говоря: «Если человек обвиняет (другого) человека, то это не убедит меня до тех пор, пока он не согласится на соответствующую клятву»[90]. В Иране, очевидно, клялись Ахура Маздой, подобно тому, как клянутся богами повсюду. Мы знаем уже о функции Митры как божества-охранителя договора у арийцев. Соблюдению договора, его святости отведено много места в персидском законодательстве на протяжении всей его

---

[89] Вряд ли «слуга» (menial), как переводит Р. Кент слово **maryaka*. Ср. выше, прим. 91 к гл. II. [См. также: С. И. Баевский, Древнеперсидское *marīka-*,— СВ, 1958, № 1, стр. 98—100].

[90] Я следую толкованию Э. Бенвениста (E. Benveniste, Études sur le vieux-perse,— BSLP, t. 47, 1951, стр. 37) и считаю, что древнеперс. *ha(n)dugā* имело значение «подтверждение» или «приведение к присяге», а не «письменное показание». [Ср. также: W. W. Wüst, Altpersische Studien. Sprach- und kulturgeschichtliche Beiträge zum Glossar der Achämeniden-Inschriften, München, 1966, стр. 7 и сл.; W. Hinz, Die untere Grabinschrift des Dareios,— ZDMG, Bd 115, 1965, стр. 228; M. Mayrhofer, Das Altpersische seit 1964,— «W. B. Henning Memorial Volume», London, 1970, стр. 285.]

истории. В *Вендидате* (или *Видевдате*), наиболее поздней части Авесты, сложившейся окончательно, по-видимому, лишь в парфянское время, значительное место — наряду с религией и ритуалом — уделено различным видам договора, многие из которых — наследие глубокой древности.

В аккадских и арамейских текстах упоминается ряд должностных лиц, связанных с судопроизводством. Детальный анализ соответствующих данных не входит в нашу задачу. Отметим лишь два термина для обозначения «судьи» в аккадских деловых документах — семит. *dayyan* и иран. *dāta-bar-*, употреблявшиеся, вопреки мнению некоторых исследователей, в разных значениях — первый для местного судьи, второй — для царского.

Верховным судьей в делах о преступлениях против государства был сам царь. Греческие источники сообщают о том, с какой твердостью ахеменидские правители решали дела и требовали соблюдения законов. Восхваления *aršta* «честности» и порицания *drauga* «лжи», весьма частые в источниках, не раз отмечались как качества, характерные для персов. Наказания, как всегда в древности, были очень суровыми — преступника сажали на кол, увечили его или изгоняли из страны. Повсеместно царил дух *jus talionis*, хотя, как кажется, еще не получила широкого распространения ответственность всего клана за преступление, совершенное одним из его членов,— факты такого рода, о которых сообщают источники, связаны с восстаниями против царя и другими особо тяжкими политическими преступлениями.

Мы рассматривали до сих пор главным образом деятельность верховной администрации, унаследовавшей многое от предшественников державы Ахеменидов. Больше нововведений можно отметить в структуре управления отдельными областями. Провинции и вассальные царства существовали уже в Ассирии и в Мидии, но при Ахеменидах система сатрапий получила дальнейшее развитие. Новые сатрапии учитывали политические и этнические границы прежних владений. Титул «царь царей» приобрел широкую известность благодаря Ирану; ассирийцы его не знали, но в Урарту он уже употреблялся. Среди сатрапов мы находим ахеменидских принцев и местных владетелей. Аппарат управления сатрапии во многом копировал центральную администрацию. Сатрапии делились на более мелкие административные единицы, во главе их стояли персы или представители местной знати. В целом, сведений о провинциальном административном аппарате очень немного; структура его, очевидно, различалась по отдельным сатрапиям.

Подавив многочисленные восстания, потрясшие всю территорию империи, Дарий, согласно сообщениям греческих авторов,

ввел новое деление на сатрапии. Перечень 20 сатрапий приводит Геродот (III, 89). Его список основывается либо на сведениях какого-то греческого географа, либо на перечне сатрапий, составленном в Ионии, на родине Геродота. Этот список охватывает далеко не всю империю — в него включены только сатрапии, платившие регулярные подати. Вассальные царства, посылавшие дань царю царей, в этом списке не фигурируют. Несомненно, что по данным Геродота нельзя составить и точного представления об общей сумме податей.

Административная реформа Дария сохраняла принципиальные различия между сатрапиями и вассальными царствами. Новым было введение устойчивой системы податей. Каждая сатрапия ежегодно должна была платить твердо установленную подать в виде золотых или серебряных слитков; каждое вассальное царство должно было доставлять определенную дань, причем обычно натурой, а не драгоценными металлами.

После Дария Ахемениды не смогли добиться новых территориальных приобретений. Восстания приводили к временному отпадению некоторых сатрапий (так было несколько раз с Египтом); неоднократно производилось перераспределение территорий между сатрапиями, объединение двух или более сатрапий под властью одного правителя или, напротив, разделение сатрапий. Так, Кария около 400 г. до н. э. была отделена от Ионии. В целом можно заметить, что преобладала тенденция к уменьшению размеров сатрапий. В результате к концу царствования Дария I сатрапий было больше, чем в начале его правления, а накануне падения державы число их еще более возросло. Точные заключения о сатрапиях в последний период существования империи получить трудно: сведений о сатрапиях в источниках немного, и, кроме того, греческие авторы не всегда могли разобраться в титулатуре высших должностных лиц. Необходимо также учесть, что из источников известно лишь о некоторых, далеко не всех изменениях границ сатрапий.

Мы не будем подробно останавливаться на сложных исторических судьбах «Плодородного Серпа» — богатых земель Месопотамии и Сирии. Следует заметить, что такие географические наименования, как Вавилония, Ассирия и некоторые другие, при Ахеменидах не всегда совпадали с названиями сатрапий [91]. Предстоит еще выяснить, в частности, почему Вавилония стала именоваться *Asūristān* — название, под которым она упоминается в последующие периоды. Из Бехистунской надписи и из

[91] A. T. Olmstead, History of the Persian Empire, Chicago, 1948, стр. 237. Ср.: O. Leuze, Die Satrapieneinteilung in Syrien und im Zweistromlande, Halle, 1935; M. Ehtécham, L'Iran sous les Achéménides, Fribourg, 1946, стр. 162.

более поздних свидетельств можно заключить, что Ахемениды, подобно Аршакидам и Сасанидам, рассматривали Месопотамию и Иранское нагорье как равнинную и горную части сердца империи — Эраншахра (термин, известный для сасанидского времени). С точки зрения персов, положение вавилонян в империи было, по-видимому, иным, чем жителей Египта.

Хотя сатрапы во многом походили на мелких царьков, а их дворы и администрация копировали двор и правительство царя царей, последний пользовался значительной властью и при решении внутренних дел сатрапий. Царь царей был верховным судьей и высшей инстанцией для апелляций. Хотя в последний период существования державы повсеместно практиковалось объединение военной и гражданской власти в руках сатрапа, но царь царей осуществлял верховный контроль над армией. Сатрап должен был обеспечивать поступление налогов, управлять экономикой, выполнять судебные функции и контролировать политическое положение в сатрапии. Состав сатрапий не оставался неизменным, различные области державы имели свои специфические особенности и с точки зрения системы управления, однако повсеместно сатрап пользовался большой властью.

Персы как правящий народ, основа могущества Ахеменидов, были освобождены от уплаты податей и несения повинностей, но должны были поставлять войско. Отряды персов служили далеко за пределами родины, и Дарий в своих надписях с гордостью говорит о победах, одержанных персидскими воинами. Небольшие колонии персов находились во всех областях державы — военачальники, солдаты, судьи и другие чиновники из числа персов отправлялись в самые отдаленные концы страны, чтобы служить царю царей. Персидские имена отмечены в арамейских папирусах из Египта, в аккадских клинописных документах и в греческих источниках, свидетельствуя о роли и влиянии персов на всей территории империи. В разных концах государства существовали поместья, принадлежащие царской семье и персидской знати. О таких поместьях, владельцы которых жили в столице, подробно рассказывают письма ахеменидского принца Аршамы, адресованные нескольким должностным лицам, управлявшим его имениями в Египте.

Сыновья царя царей и другие его родственники часто назначались сатрапами, однако в некоторых областях должность сатрапа считалась наследственной для определенного рода местной знати, так что не все высшие посты в империи были заняты персами. Так, например, правители Киликии, именуемые в греческих источниках Свиннесии, в течение многих лет занимали особое положение в империи благодаря их давней преданности

Ахеменидам и помощи, которую они неоднократно оказывали правящей династии.

Некоторые полисы Финикии и Ионии платили подати, но сохраняли почти полную независимость; они имели даже право выпускать свою монету. Такие различия в положении отдельных областей не случайны, они объясняются не только обширностью империи, но и тем, что персы, постоянно занятые войнами, вынуждены были оставлять решение многих дел покоренным народам. Не следует забывать и о «феодальных» тенденциях, о которых нам придется еще говорить ниже.

Армия, основное орудие поддержания порядка в империи, пережила значительную эволюцию в период правления Ахеменидов. При Кире персидская армия состояла из ополчения, выставленного племенами персов и поддержавшего восстание против мидян. Древнеперс. *kāra* известно из ахеменидских надписей и означает, вероятно, именно такое войско[92]. В ходе покорения многих других народов структура войска должна была значительно усложниться, на смену *kāra* пришла профессиональная армия — *spāda*. Как показывают Веды, а также авестийский термин, родственный ведическому, во времена арийской общности колесничий был основным обозначением знатного воина. В Индии колесница оставалась главным боевым оружием на протяжении многих столетий. В Западном Иране преобладающее значение получила более гибкая кавалерия; боевые колесницы сохранялись вплоть до конца ахеменидской державы, но лишь как небольшие подразделения специального назначения. Основной ударной силой ахеменидской армии стала кавалерия (*asabāra-*) и пехота (*pasti-*). Судя по рельефам в Персеполе, в мирное время армия комплектовалась из персов и мидян. Ядро ее составляли царская конная гвардия и отряд «бессмертных». О последних писали многие; согласно Геродоту (VII, 83), название «бессмертные» объясняется тем, что число их — десять тысяч — должно было постоянно оставаться неизменным, на смену павшим тотчас же набирались новые воины. Свое начало «бессмертные», по-видимому, вели от тех персидских отрядов, которые поддержали Дария в его борьбе за престол, а затем были выделены в качестве привилегированного войска. Тысяча «бессмертных» под командованием хилиарха составляла личную охрану царя. Не ясно, придумано ли название «бессмертные» греками, или это результат неточного перевода древнеперсидского слова, означавшего «сторонник» (последнее предположение кажется более правдоподобным)[93].

---

[92] Древнеперс. *kāra* родственно литов. *karas*, нем. *Heer* и отражает, по-видимому, общеиндоевропейское обозначение племенного ополчения.

[93] A. P a g l i a r o, Riflessi di etimologie iraniche, стр. 149.

Уже вскоре после создания империи Ахемениды начали использовать и другие военные отряды, так что армия стала неоднородной этнически, хотя командные посты, как правило, занимали персы. Армейские подразделения, построенные по десятичной системе, возглавлялись десятскими, сотниками и тысяцкими и распределялись по роду оружия на копьеносцев, лучников и кавалеристов. Внутри отрядов воины группировались по этносу, сохраняя присущие своему народу особенности доспехов, головных уборов и оружия — описание их оставил Геродот (VII, 61), а изображения воинов можно видеть на персепольских рельефах. Смешение принципов деления армии по этносу и по роду оружия не могло не ослаблять ее боевой мощи (так, в состав кавалерии входили и воины, сидящие на верблюдах).

Основным оружием персов были лук (изображение его мы находим, в частности, на ахеменидских монетах) и короткий меч, название которого греки передавали как *akinakēs* (согд. *kyn'k*). Другие народы имели свое, особое оружие. Разнообразными были и щиты; по свидетельству Ксенофонта («Анабасис», I, 8, 7), как всадники, так и лошади имели кольчуги. Об огромном интересе персов к военному делу можно судить по обилию иранской лексики, относящейся к войне, оружию нападения и защиты и т. п.

В тактике ведения боя армия уступала греческой; это понимали и сами персы, так что в последний период существования империи греческие наемники заняли, по-видимому, почти такое же почетное место в ахеменидской армии, как и «бессмертные». Нам ничего не известно о том, какой характер имела воинская повинность у покоренных народов и какова была политика царя царей в этом вопросе. По всей империи существовали, очевидно, сборные пункты, в которых во время войны должны были формироваться войска и где были сосредоточены арсеналы, бдительно охраняемые персами. В этой связи следует сказать о гарнизонах и военных силах сатрапов.

Для защиты границ и охраны порядка во многих стратегических центрах державы необходимо было держать гарнизоны. Об одном из таких гарнизонов, располагавшемся на острове Элефантина (Верхний Нил), близ южной границы с Нубией, до нас дошли довольно подробные сведения. Этот гарнизон первоначально состоял из евреев, но командовали им персидские или вавилонские офицеры. Следует иметь в виду, что гарнизон Элефантины занимал, по-видимому, особое положение и не может считаться типичным для ахеменидской державы в целом. Иудейские наемники жили в крепости Элефантины еще до завоевания Египта Камбизом, так что персы лишь восприняли отношения с гарнизоном, сложившиеся раньше, при прежних

властях. В силу этих обстоятельств воины, охранявшие Элефантину, были гораздо сильнее привязаны к определенному месту, чем солдаты других гарнизонов.

Элефантинский гарнизон делился на «штандарты» (*degel*) — отряды, состоявшие из ста воинов, получавших довольствие. Помимо начальника гарнизона имелся еще командир округа, носивший иранский титул *prtrk;* возможно, что он совмещал функции военные и гражданские, подобно римскому претору. Наемники на Элефантине были военными колонистами, они прочно осели на месте, обзавелись семьями и хозяйством, на равных правах с гражданским населением участвовали в торговых операциях и заключали различные сделки, оформлявшиеся контрактами. Существовали специальные гражданские и военные суды, но подробных данных о сфере их полномочий нет.

Некоторые должностные лица сочетали, по-видимому, функции гражданских и военных властей, хотя теоретически эти функции должны были четко разделяться. В ведении сатрапа находились не только все войска сатрапии, но также и солдаты, которые в военное время отправлялись служить в центральную армию; в случае необходимости сатрап мог приглашать наемников. Однако в военное время войсками различных сатрапий нередко командовали другие полководцы (см., например, Геродот, VII, 82), что может объясняться двойной системой военной власти. Не исключено, что вновь назначенный сатрап привозил с собой личную охрану. Сатрап мог полностью распоряжаться местными, туземными войсками, но в отношении военных гарнизонов персов и других иноземных отрядов, которые теоретически находились под властью великого царя, права сатрапа были ограниченны.

Ахемениды, как и их предшественники, широко применяли массовые переселения — практика, выдержавшая испытание временем. Достаточно упомянуть, что Геродот сообщает о переселениях египтян в Бактрию (IV, 204), фракийцев в Азию (V, 15), ионян в Сузы (VI, 20), греков в Хузистан (VI, 119), а также рассказывает о том, что ионийские греки боялись, что их отправят в Финикию, а всех финикийцев поселят в Ионии (VI, 3). Наличие военных колоний иноземцев на всей территории империи должно было привести к смешению не только правовых норм разных народов, но и самих народов. Нет данных, которые позволяли бы утверждать, что в последний период истории державы она была разделена на четыре больших военных округа, стоящих над сатрапиями, однако можно допустить существование каких-то военных органов, которым подчинялись сатрапы [94].

[94] E. Meyer, Geschichte des Altertums, Bd IV, Stuttgart, 1939, стр. 70.

Нам предстоит теперь рассмотреть вопрос о том, как платили жалование солдатам ахеменидской армии. При первых Ахеменидах жалование выдавалось воинам главным образом натурой — мясом, вином, зерном и другими продуктами; в этом случае не всегда можно отличить жалование от рациона. Сатрап должен был выплачивать жалование всем войскам, находящимся на территории сатрапии. Денежное обращение в империи, о котором придется еще говорить ниже, было весьма ограниченным — деньгами пользовались главным образом при сделках с греками, в частности при вербовке греческих наемников. Когда царская армия проходила через какую-нибудь сатрапию, на жителей ее ложилось бремя поставок провианта.

В «Анабасисе» Ксенофонта сообщается, что солдаты и офицеры за доблесть и верную службу награждались особыми званиями и знаками отличия, орденами в виде золотых лавровых листьев, почетной одеждой, памятными кинжалами, браслетами и другими подарками. Эта практика была, впрочем, не новой: уже ассирийские цари таким же образом награждали отличившихся военачальников. Существовали также почетные должности, такие, как царский копьеносец или копьеносец знатного сановника. В ахеменидское время появляются эмблемы на головных уборах представителей знатных родов, столь характерные для позднейшей Персии, а также особые значки, такие, как изображение золотых гранатов на копьях «бессмертных». Многие черты позднейшего персидского «феодализма» зародились, возможно, уже в ахеменидское время, но данных источников, которыми мы располагаем, недостаточно для доказательства этого предположения.

Ахеменидская армия никогда не была огромной, греческие авторы явно преувеличивали численность вражеского войска. Армию отягощали громоздкий обоз, женщины и слуги. Разношерстность контингентов лишала армию единства и ослабляла ее мощь. Известно, что персы использовали слонов и боевые колесницы с серпами, но ни один род войск не мог сравниться с превосходно вышколенной македонской фалангой или с монолитными отрядами греческих гоплитов — армия греческих наемников, в которой служил Ксенофонт, ясно свидетельствует об этом. Тактика выжженной земли, тотальное опустошение территорий, оставляемых под натиском врага, была обычной для действий ахеменидской армии, но мы не знаем о других тактических приемах, которые применяли персы в ходе военных действий. Службу в армии начинали обычно после достижения двадцатилетнего возраста. Прежде чем стать воином, юноша в древней Персии проходил подготовку, о которой хорошо известно: его учили ездить на коне, стрелять из лука и говорить прав-

ду. Предельный возраст для службы в армии не превышал, очевидно, 55 лет.

Военный флот был первоначально вотчиной финикийцев и в меньшей степени ионийских греков, но при Ахеменидах персы сражались в качестве солдат экипажей судов и проявляли интерес к мореплаванию. При Дарии I некий Скилак, ионийский адмирал, совершил плавание вниз по реке Инд, к Индийскому океану, и затем в Египет. Путешествие это заняло три месяца (Геродот, IV, 44). Не исключено, что Ахемениды посылали и другие экспедиции для обследования морей и побережья Африки, возможно даже для плавания вокруг всего Африканского континента. Дарий I построил канал, соединивший Средиземное море с Красным морем, предвосхитив таким образом сооружение Суэцкого канала; сохранились надписи, увековечившие это предприятие. Ахемениды, как мы видим, поощряли торговлю не только на суше, но и по морю. Сами персы, однако, никогда не были народом мореплавателей и охотно предоставляли своим подданным бороться с морской стихией.

Экономика

Основным источником богатства ахеменидской державы была земля, а жизнь земле на всем Ближнем Востоке с незапамятных времен давала вода. Ирригация имела огромное значение для «Плодородного Серпа», для Иранского нагорья и вообще для всех областей, где земля могла давать урожай. При Ахеменидах, как позднее при Сасанидах, царь теоретически считался, по-видимому, верховным собственником всей земли, а народ держал ее в качестве лена. Такое представление ведет к весьма широкому толкованию термина «феодализм», поскольку социальная структура средневековой Европы, несомненно, очень сильно отличалась от социальной структуры древнего Ирана. Имеется, однако, немало черт, напоминающих то, что мы привыкли понимать под словом «феодализм». Ахеменидская держава была централизованной империей, но в то же время она была государством иерархическим, и нет ничего неожиданного в том, что мы находим некое подобие феодализма у народа с кочевническими традициями, завоевавшего оседлые народы.

Представление о том, что царь стоит над всеми законами и может даровать землю своим верноподданным, которые, согласно тому же представлению, все являются его рабами (*bandaka*), естественно, должно вести к феодальной системе. Мы упоминали уже о царских имениях в разных частях державы, включавших в себя и охотничьи парки — «парадисы», а

также о *bg* — «наделах» или «доменах», которые высшая знать получала в дар от царя, продолжая жить в столицах. Арамейские папирусы из Египта рисуют нам весьма благополучную картину состояния дел в поместьях Аршамы, ахеменидского принца и наместника (*mr*) Египта, который бóльшую часть времени проводил в Сузах или в Вавилоне, предоставляя доверенным лицам управлять его землями в Египте.

Лены даровались обычно не отдельным лицам, а целым семьям, возможно под влиянием древней месопотамской традиции коллективного права собственности. Создавая военные поселения в покоренных странах и раздавая земли гражданским и военным служилым людям, Ахемениды тем самым способствовали развитию феодализма. Из аккадских документов известны два термина, обозначающие феодальные отношения — *ilku* и *qaštu*. Первый является старовавилонским обозначением лена или вассальной службы. При Ахеменидах, причем только со времени правления Дария I, в документах выступает термин *qaštu*, ранее в значении «надел» не засвидетельствованный. Это слово, первоначально имевшее значение «лук» и «земельный надел для содержания лучника», стало применяться для обозначения пожалования за несение царской военной службы. Можно полагать, что институт *qaštu* был введен персами, а вавилонское *ilku* превратилось в налог, выплачиваемый деньгами или серебром в слитках, причем само это слово стало обозначать «земельный налог» или просто «налог». Судя по аккадским документам, *qaštu*, которые жаловались группе семей в качестве лена, входили в состав *ḫaṭru*, первоначально обозначавшего учреждение для сбора налогов и возглавлявшегося влиятельным чиновником, именуемым *šaknu*. Слово *ḫaṭru* в данном случае может быть переведено как «округ»; в некоторых контекстах оно прилагается к группе должностных лиц или воинов. По мере развития денежного обращения и стабилизации державы в правление Дария II и его преемников военная служба держателя лена все более заменялась денежным налогом. Процесс этот шел одновременно с ростом городов и развитием городской жизни. Ахемениды, как позднее Сасаниды, поощряли урбанизацию.

Поскольку наши источники происходят из Вавилонии, закономерен вопрос о том, в какой мере эти процессы были характерны для империи в целом. Если даже считать, что в отдельных провинциях имелись определенные различия, то и в этом случае влияние практики, установившейся в Вавилонии, должно было ощущаться во всей империи. Податная реформа, проведенная Дарием I на всей территории державы, означала разрыв с прежней традицией. Система налогообложения, существовавшая прежде, не была единообразной и упорядоченной. Следо-

вало прежде всего установить принцип обложения и твердые размеры податей. Известно, что задолго до Ахеменидов ассирийцы при заключении сделок купли-продажи земли исходили не из площади участка, а из его урожайности. Дарий приказал произвести обмер земель, а также собрать данные об урожае прошлых лет. По-видимому, до Дария размеры налогов часто устанавливались до сбора урожая, что ложилось тяжким бременем на земледельцев. Например, в Месопотамии каждый год чиновники заранее объявляли минимум сбора плодов с финиковой пальмы, и определенный таким образом налог приходилось выплачивать, даже если урожай оказывался ничтожным. Обмер обрабатываемых земель позволил Дарию установить твердую ежегодную земельную подать для каждой сатрапии, с учетом средней урожайности и видов возделываемых культур.

Наиболее общим обозначением подати было древнеперсидское слово *bāji-*, сборщик податей именовался **bājikara*. Древнеперсидское **harāka* (очевидно, персидская адаптация семитского слова, имевшего значение «отправляться для выполнения феодальной повинности») в конечном счете стало употребляться для обозначения налога с земли, выплачиваемого в денежной форме. От этого слова ведет свое происхождение мусульманский термин *xarāj* — поземельная подать, обычно выступающая как рента продуктами (см. ниже, стр. 267).

Геродот (III, 97) перечисляет сатрапии, платившие подать или дань, причем указывает суммы в талантах; далее он сообщает, что Парса (провинция Фарс) не платила дани, и называет народы державы, которые приносили дары вместо уплаты податей. Для этих «даров» существовали, вероятно, различные названия, но можно полагать, что реформа Дария затронула и народы, не распределенные по сатрапиям, так что суммы ежегодных «даров» были точно определены. Так, наследственные правители Киликии присылали царю дары регулярно и в строго установленном размере.

Не существовало разницы между личной собственностью царя и государственной собственностью — царь сам был государством, и центральная казна считалась его домашней сокровищницей. В обязанности сатрапа входил сбор податей и отправка их в виде драгоценных металлов в столицу, тогда как дополнительные налоги оседали в его собственной казне. Последняя мало чем отличалась от царской, центральной казны, хотя какие-то формальные различия должны были существовать. Поступления огромных денежных сумм требовали аппарата счетчиков (древнеперс. **hamārkara*, арам. *hmrkr*) и казначеев (**ganzabara*). Сбор податей осуществлялся нередко весьма сложным пу-

том. Так, в Вавилонии банкирский дом Мурашу и сыновья с главным отделением в Ниппуре не только вел обширные ростовщические операции, но и занимался сбором налогов. Сохранились документы, относящиеся к периоду около 455—403 гг. до н. э., которые рассказывают о деятельности этих преуспевающих банкиров. Дом Мурашу собирал налоги с наделов *qaštu,* затем выплачивал налоги *šaknu* (то есть начальникам соответствующих *ḫaṭru*), которые, в свою очередь, платили в главную казну царя[95]. Среди лиц, с которыми вел дела дом Мурашу, мы встречаем как ахеменидских принцев, так и простых смертных; банкиры этого дома интересовались в первую очередь операциями, связанными с землей, а не с торговлей.

Пожалования земель царем, одним из его приближенных или, наконец, каким-либо должностным лицом могут быть определены (по крайней мере, в последнем случае) как бенефиций; в источниках содержатся упоминания о «вторичных» пожалованиях такого рода. Так, например, Аршама (греч. *Arsames*), наместник Египта, даровал землю одному своему подчиненному на условии, что тот будет платить Аршаме земельный налог[96]. Кредитный процент, взимаемый ростовщиками, был высок, но и сбор налогов с держателей наделов и другие операции, которыми занимался дом Мурашу, были делом нелегким. Известно о существовании и других банков. Из архивов клинописных документов, рисующих их деятельность, мы узнаем о многих деталях экономики и права империи, в частности, о том, что рабы могли считаться юридическими лицами и владеть имуществом, в том числе и своими рабами.

В ахеменидской державе, как и повсюду, было множество различных налогов. Взимались налоги за стоянку судов в гаванях, рыночные налоги, сборы за въезд в городские ворота, за пользование дорогами, пограничные пошлины, налоги за домашний скот (возможно, десятина), а также целый ряд других. Приношения царю приурочивались к празднеству Нового года; во время путешествий царя по территории державы на население ложились дополнительные повинности. Большая часть «даров» и различных налогов поступала главным образом натурой, а не звонкой монетой. Население несло и тяжкую трудовую повинность на строительстве дорог, общественных зданий и т. д., сооружаемых по приказу царя или сатрапов. В целом жизнь простого народа была очень нелегкой.

---

[95] G. Cardascia, Les archives des Murašu, Paris, 1951, стр. 7 и сл. [Ср. также: G. Cardascia, Le fief dans la Babylonie achéménide,— «Recueils da la Société Jean Bodin», t. I, Bruxelles, 1958, стр. 55—88.]

[96] См. письмо VIII в издании: G. R. Driver, Aramaic documents of the fifth century B. C., 2 ed., Oxford, 1957, стр. 31.

Работы, проводившиеся в провинциях и требовавшие привлечения большого числа людей, оплачивались, вероятно, за счет местных налогов, а не из центральной казны, тогда как золото и серебро должны были наполнять царские сундуки. Сюда же стекались и доходы от поместий, принадлежащих самому царю, от рудников и ирригационных сооружений, которые также доставляли огромные суммы. Значительная часть золота расходовалась на войны или шла на подарки, раздаваемые царем. Из греческих источников известно, сколько денег тратилось персидским царем и сатрапами на подкуп греков. Здесь на сцену выступают монеты — знаменитые золотые дарики с изображением коленопреклоненного лучника.

Чеканка монет существовала до Ахеменидов; принято считать, что первыми начали выпуск монет в государственном масштабе лидийцы. Большая часть золота и серебра расплавлялась и хранилась в слитках определенного веса, так что количество монет было довольно ограниченно, и пользовались ими, как уже отмечалось, для выплаты жалования греческим наемникам и торговли с греками и средиземноморскими городами. Золото было редкостью, оно копилось в царской сокровищнице. Монеты, находившиеся в обращении, обычно ценились по весу, подобно слиткам. Только царь царей имел право чеканить золотую монету — статеры Дария, как объясняли греческие лексикографы слово *darik*. Некоторые ученые полагают, что название монеты происходит из древнеперс. **dari-* «золото», так что греч. *darik* лишь результат игры слов с использованием имени царя. Сатрапы чеканили медные и серебряные монеты, но последние могли выпускаться и полководцами — эти монеты предназначались прежде всего для военных нужд. Города, сохранившие автономию (например, портовые города Финикии), и местные династии также выпускали серебряные и медные монеты, отличавшиеся по типу от царских серебряных монет — на последних изображена та же коленопреклоненная фигура царского лучника, что и на дариках. Древнеперсидское слово **pasuka*, буквально означающее «скот» (и отсюда «деньги»), которое пытаются обнаружить в эламской передаче в табличках персепольской сокровищницы, могло бы служить свидетельством единицы стоимости времен арийской общности. Возможно, что единицей стоимости была овца и что при введении монетной системы эта единица оказалась равной одному сиклю[97].

Нарушение монопольного права царя на выпуск золотой монеты рассматривалось как открытое проявление мятежа — так было, например, при Артаксерксе II во время восстания в Ана-

[97] J. Harmatta, Elamica I,— AL, t. IV, 1954, стр. 302—308.

толии, поднятом коалицией сатрапов. Золотой дарик весил 8,4 *г*, серебряный сикль (*šekel*, греч. *siglos*) — 5,6 *г*; отношение серебра к золоту составляло около $13^{1}/_{3}:1$. Талант — единица, в которой, согласно Геродоту, исчислялись подати, не был всюду одинаковым, так что введение золотого стандарта упорядочивало денежное обращение. Таким образом, Дарий I, которого, согласно Геродоту (III, 89), его подданные прозвали торгашом, создал новую монетную систему, утвердившуюся на всей территории империи. Возможно, что в некоторых областях державы население принимало греческие монеты более охотно, чем ахеменидские, однако у нас есть основания полагать, что новые деньги стали основным средством платежей почти во всех областях; исключение, по разным причинам, могли составлять лишь Малая Азия, Ливан, Египет и Индия[98]. В Индии, с ее обилием золота, отношение серебра к золоту было ниже, чем царский стандарт ($13^{1}/_{3}:1$), в результате чего сикль в обращении преобладал здесь над дариком. В целом же в обширной державе, особенно в последний период ее истории, существовали различные местные чеканы — об этом свидетельствует многообразие монетных типов в нумизматических коллекциях Лондона, Нью-Йорка, Парижа и в других собраниях.

Мы отмечали, что рабы в ахеменидской державе могли считаться юридическими лицами. Остается неясным, существовало ли такое положение на всей территории империи, однако источники, по-видимому, указывают на то, что многим рабам жилось гораздо лучше, чем свободным работникам. Рабы в царских имениях считались собственностью государства, и соответственно, должно было существовать стремление беречь эту собственность. Недавние исследования показали, что рабы (эламское *kurtaš*), работавшие в Персеполе, оплачивались лучше, чем свободные (**āzāta*) работники. Для общества рассматриваемого типа такое положение отнюдь не является исключительным[99].

Религия при последних Ахеменидах

Мы должны вернуться к вопросу о религии ахеменидских царей. Определить верования, которых придерживался сам персидский царь, весьма затруднительно, особенно если учесть, что

---

[98] О денежном обращении в ахеменидской державе см.: E. Meyer, Geschichte des Altertums, Bd IV, стр. 70; о кладе греческих монет ахеменидского времени, обнаруженном в Афганистане, см.: D. Schlumberger, L'argent grec dans l'empire achéménide,— MDAFA, 1953, t. XIV, стр. 24—30.

[99] F. Altheim, R. Stiehl, Die aramäische Sprache unter den Achaimeniden, Lieferung II, Frankfurt am Main, [1961], стр. 173.

у нас нет данных о том, что при Дарии I уже существовали организованная церковь, ортодоксальная догматика и религиозный канон. Несомненно, что ко времени правления Дария во многих, если не во всех областях Ирана были последователи Зороастра, хотя нам мало что известно об их религии. Можно ли на основании скудных и не всегда достоверных сообщений источников хотя бы предположительно охарактеризовать религиозную жизнь Ирана в позднеахеменидское время? Наибольшее, что мы в состоянии сделать, это высказать самые общие соображения.

Если исходить из очень общего и условного деления религии на вероучение и ритуал, то можно полагать, что приверженцы старой арийской религии более заботились о ритуале, тогда как последователи Зороастра, которых мы вправе именовать арийскими реформаторами, выдвигали на первый план исповедь веры. Нельзя категорически утверждать, что преимущественное внимание к вероучению свойственно только кочевникам, а забота о ритуале — оседлым народам, хотя нередко дело обстояло именно так. Два типа религий, о которых идет речь, различались, видимо, более четко в Восточном Иране, чем на западе. В Западном Иране традиции ближневосточных религий, а также деятельность магов оказали влияние как на вероучение, так и на ритуал, что еще более усложнило общую картину. Согласно схеме, изложенной выше, маги восприняли ближневосточные традиции и стали проводниками ближневосточно-арийского синкретизма или, по крайней мере, не были ему враждебны. Процесс смешения западных иранцев, прежде всего мидян и персов, с местным населением, сказавшийся на судьбе древнеперсидского языка в Западном Иране, сопровождался смешением различных религиозных верований и обрядов. Такова была главная черта эпохи, и независимо от того, в какой мере она определяла официальную религиозную политику Ахеменидов, маги, ставшие основой иранского жречества, должны были поощрять то, что обычно именуется синкретизмом. Учение Зороастра, пришедшее с восточной родины иранцев, нашло многочисленных сторонников в Западном Иране. Даже в среде магов, которые, как считают, очень ревностно относились к соблюдению ритуала, проповедь Зороастра должна была найти поддержку, особенно если Дарий и весь царский род приняли учение пророка. Ахеменидские надписи показывают, что Дарий, как и многие другие, видел в Ахура Мазде «бога арийцев», т. е. иранцев. Это не означает, что Ахура Мазда был единственным богом, но именно ему иранцам следовало поклоняться в первую очередь, и Дарий, подобно Зороастру, разделял это представление. И все же вряд ли можно говорить о зороастрийской «религии» во вре-

мена Дария, если понимать под зороастризмом религию и церковь, которые мы знаем для гораздо более позднего сасанидского периода.

В Гатах Зороастра, как и в надписях Дария, постоянно подчеркивается значение Правды и проклинается Ложь; и пророк, и царь именуют себя маздаяснийцами — «поклоняющимися Мазде». Эламские таблички, обнаруженные в персепольской крепостной стене (наиболее ранние из них датированы 13-м годом правления Дария), свидетельствуют, что маги действовали в Персеполе. Были ли эти маги также маздаяснийцами, или они продолжали поклоняться богам старого пантеона? Шла ли религиозная борьба между Дарием, сторонником Зороастра и Ахура Мазды, и магами, защитниками арийского пантеона? Этого мы не знаем, но источники не противоречат предположению о том, что еще до Дария среди магов нашлись такие, которые восприняли учение Зороастра, не порвав полностью с прежним пантеоном, тогда как другие вовсе не были знакомы с проповедью пророка или не хотели ей внять.

Авестийский Яшт Митре, относимый обычно к V в. до н. э., но содержащий, несомненно, более древние элементы, вполне мог быть творением маздаяснийских магов. Он написан на восточноиранском языке, его географический горизонт ограничен Восточным Ираном, но это отнюдь не доказывает, что он был создан на востоке. Достаточно вспомнить о христианских гимнах и стихах, которые составлялись в Западной Европе в течение многих веков на латыни или даже на древнееврейском языке, но в которых идет речь о Палестине. Ахемениды, если уже не мидяне, связали Восточный Иран, физическую и духовную родину иранцев, с Западным Ираном, где как раз в рассматриваемый период активно шел процесс взаимодействия и слияния разных культур. Через несколько столетий этот процесс привел к созданию сасанидской зороастрийской церкви, его действие диктовалось самим ходом исторического развития, и приостановить этот процесс не мог и сам царь, каковы бы ни были его собственные религиозные представления.

Маздаяснийские маги вполне могли стать духовными отцами или даже подлинными авторами поздних частей Авесты. Им, по всей вероятности, принадлежит составление *Вендидата*, правового и ритуального жреческого кодекса, поскольку именно маги были более всего заинтересованы в детальном и нудном изложении правил очищения и ритуала, содержащемся в этой книге Авесты. Нам будет легче ответить на вопрос о том, почему маги не пользовались древнеперсидским или мидийским языком при составлении поздних частей Авесты, если мы обратимся к иудаизму, христианству и многим другим религиям, имеющим

письменную традицию. Для «священных писаний» не пользовались местными обиходными языками.

Итак, я полагаю, что распространение зороастризма сопутствовало культурному и социальному развитию ахеменидской державы и потому не было мучительным и насильственным процессом. Следует остановиться в этой связи еще на нескольких вопросах.

Как в наши дни в горах Курдистана можно найти несколько религий и сект, так и в древности в Западном Иране существовали различные религиозные культы и обряды, что объясняет подчас противоречивые сведения античных источников о религии «персов». Для религиозной политики Ахеменидов в общем характерна терпимость к верованиям и ритуальной практике подвластных народов неиранского происхождения. Вряд ли следует полагать, что ахеменидские цари проводили при этом различия между неиранскими и частично ассимилированными иранцами народами, которые обитали на территории Западного Ирана. Очень немного сведений можно почерпнуть из источников о религиозной борьбе или о преследованиях за веру в среде иранцев — нам неизвестны случаи выступлений магов против последователей Зороастра и т. п. Религиозные различия, несомненно, существовали, но их трудно обнаружить, особенно если пытаться искать четкие противопоставления ортодоксальной религии еретическим сектам. Есть, однако, несколько сообщений, и нам необходимо должным образом оценить их, эти лучи света, пробивающиеся сквозь тьму, которая окутывает религиозную историю Ахеменидов.

Следует прежде всего рассмотреть данные, содержащиеся в трехъязычной «антидэвовской» надписи царя Ксеркса, высеченной на каменных табличках в Персеполе. Наиболее важно для нас следующее место этой надписи (стк. 35—41): «Среди этих стран (подвластных Ксерксу) была одна, где прежде дэвы почитались. Затем по воле Ахура Мазды я это капище дэвов разрушил и провозгласил: дэвов да не почитают! Там, где прежде дэвы почитались, там я совершил поклонение Ахура Мазде в соответствии с Законом (*arta*)»[100]. Все исследователи признают сейчас, что под «почитающими дэвов» надо понимать не

---

[100] «Антидэвовской» надписи Ксеркса посвящено много исследований, см.: R. Kent, Old Persian, стр. 112 (приведена библиография). Последняя фраза в цитированном отрывке этой надписи в переводе Кента гласит: «I worshipped Ahura Mazda and Arta reverent (ly)». Такой перевод оправдан с точки зрения грамматической структуры оригинала, но неправилен по смыслу: Ксеркс подчеркивает, что он поклоняется Ахура Мазде так, как это предписано, в отличие от почитающих дэвов, которые, по-видимому, поклоняются Ахура Мазде иным образом.

вавилонян или египтян, а, скорее, иранцев или, по крайней мере, арийцев. В качестве «почитателей дэвов» могли бы рассматриваться индийцы, входившие в состав ахеменидской державы и поклонявшиеся старым арийским богам. Однако представляется более вероятным, что в надписи речь идет об иранцах, которые не поклонялись Ахура Мазде. Неясно, следует ли считать культ Ахура Мазды и борьбу с почитанием дэвов характерными только для последователей Зороастра, но, если судить по тому, что считается обычным для правоверных маздаяснийцев, Ксеркс действовал в «зороастрийском» духе.

Много спорили о том, какие божества следует понимать под дэвами в надписи Ксеркса. Правильнее всего, очевидно, привлекать данные только двух стран — древней Индии и более позднего Ирана. В первой *deva-*, индийское соответствие иранскому *daiva-*, выступало как обозначение арийских божеств, в том числе и бога Митры, доставившего немало хлопот историкам религий. В позднейшем Иране дэвы (среднеперс. *dēvān*) стали просто злыми духами. Следует, однако, более внимательно присмотреться к источникам. Я полагаю, что в Иране старые арийские представления о дэвах сохранялись дольше, чем это может показаться при простом сопоставлении с Индией.

В среднеперсидских надписях Картира, создателя раннесасанидского ортодоксального зороастризма, мы находим поразительное сходство с приведенным выше пассажем из «антидэвовской» надписи Ксеркса. Картир рассказывает о преследованиях иноверцев в сасанидской державе, в том числе буддистов, христиан, иудеев, а затем говорит: «и идолы были уничтожены, и логовища дэвов (glsty ZY ŠDY'n) разрушены и превращены в жилища и обители бог[ов]» [101]. Картир здесь обрушивается на иранцев, которые жили в сасанидском государстве, но исповедовали чужую веру (о враждебном отношении зороастрийцев к иранцам-иноверцам мы знаем и по христианским «Актам пер-

---

[101] Надписи Картира на «Ка'бе Зороастра» (стк. 10) и в Сар Мешхеде (стк. 14, часть текста разрушена). Соответствующие строки в надписи Картира в Накш-и Рустаме сохранились очень плохо и не могут быть использованы для сопоставления. Последний перевод этого отрывка принадлежит В. Хеннингу (Henning, Mitteliranisch, стр. 102). [Ср.: Ph. Gignoux, L'inscription de Kartir à Sar Mašhad,— JA, t. CCLVI, 1968, стр. 395, 414. В надписях Картира, вопреки мнению Р. Фрая и некоторых других исследователей (ср.: M.— L., Chaumont, L'inscription de Kartir à la «Ka'bah de Zoroastre», JA, t. CCXLVIII, 1960, стр. 347; В. Г. Луконин, Культура сасанидского Ирана, М., 1969, стр. 87; J. Harmatta, The Bactrian Wall-Inscriptions from Kara Tepe,— «Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе», М., 1969, стр. 121—122), не говорится о том, что капища дэвов были превращены в храмы богов. Правильный перевод этого пассажа гласит: «логовища дэвов были уничтожены, жилища и обители богов *были воздвигнуты*» (среднеперс. *'kylydy*), см.: Ph. Gignoux, L'inscription de Kartir, стр. 414, прим. 28.]

сидских мучеников»). Можно ли предполагать, что и Ксеркс боролся с поклонением иранцев чужим богам? И если это так, что считалось рубежом, отделявшим «религию арийцев» (то есть иранцев) от чужеземных религий? Как мы видели, «религия арийцев» — это культ Мазды, а потому все немаздаистские культы Ксеркс мог приравнять к почитанию *daiva*, чужих божеств. Когда Дарий в Бехистунской надписи (V, 16) говорит о том, что эламиты не почитали Ахура Мазду, он как бы объясняет причину их восстания против царя, причем отягощает их вину, по-видимому, и то, что эламиты жили вместе с персами или рядом с ними и, следовательно, должны были поклоняться верховному богу иранцев[102]. Впрочем, Ахура Мазда был только «величайшим из богов», так что нормальным считалось поклонение Мазде и «другим богам, которые существуют» — формула, которая засвидетельствована в Бехистунской надписи (IV, 61)[103]. Иными словами, уже в этот период мы наблюдаем процесс сложения «зороастрианизма» — позднего зороастризма.

Если бы бог Митра причислялся к разряду *daiva*, он был бы изгнан из пределов Ирана. Но культ Митры пустил столь прочные корни или пользовался такой популярностью, что завоевал признание самого царя царей — Артаксеркса II (404—359 гг. до н. э.). Вспомним и о посвященном Митре Яште Авесты. Какова была судьба этого древнего божества, отказалось ли оно подчиниться Ахура Мазде и, соответственно, оказалось дэвом (*daiva*) для маздаяснийцев, или же Митра признал главенство Ахура Мазды и был оставлен в числе богов? Можно ли предполагать, что происходили столкновения между магами-маздаяснийцами и магами, которые поклонялись Митре, а также другим богам? У нас есть убедительные свидетельства того, что либо маздаяснийцы приняли Митру либо почитатели Митры восприняли культ Ахура Мазды[104]. Об этом прежде всего говорят надписи Артаксеркса II, в которых царь просит покровительства у Анахиты и Митры — эти божества названы после Ахура Мазды. Имеется далее сообщение Беросса, согласно которому Артаксеркс первым из персидских царей воздвиг статуи Афродиты

---

[102] [Ср.: В. И. Абаев, Пятый столбец Бехистунской надписи Дария I и антидэвовская надпись Ксеркса,— ВДИ, 1963, № 3, стр. 113—118.]

[103] Я полагаю, что ахеменидский царствующий дом всегда почитал Митру и Анахиту,— в выражениях «Ахура Мазда вместе с богами царского дома (*viϑaibiš*)» (надпись DPd, стк. 24) и «Ахура Мазда, величайший из богов» (надпись DPh, стк. 9) вряд ли можно видеть намек на месопотамские и другие неиранские божества.

[104] [О культах Ахура Мазды, Митры и других божеств в ахеменидское время см.: E. Benveniste, Le terme iranien *mazdayasna*,— BSOAS, vol. XXXIII, pt 1, 1970, стр. 5—9; ср. также: M. Boyce, On Mithra's part in Zoroastrianism,— BSOAS, vol. XXXII, pt 1, 1969, стр. 10—34.]

(имеется в виду Анахита) в Вавилонии, Сузах, Экбатанах, в Бактрии и в других местах[105]. Плутарх в жизнеописании Артаксеркса II упоминает о воинственной богине, храм которой находился в Пасаргадах. Наконец, имеется «зороастрийский календарь», построенный по образцу египетского календаря и введенный, вероятно, в 441 г. до н. э., еще до Артаксеркса II. В этом календаре названия месяцев совпадают с названиями месяцев в Младшей Авесте и содержат имена арийских божеств, в том числе и Митры. О «зороастрийском календаре» существует обширная литература[106], и мы не будем останавливаться на нем. Рассмотрение некоторых фактов религиозной жизни в позднеахеменидском Иране позволяет провести параллель между эволюцией древнеперсидского языка и историей зороастризма — нет полного разрыва с прошлым, но проступают черты быстрого развития, ведущего к среднеиранскому состоянию.

По-видимому, в годы правления Артаксеркса II имя Зороастра становится широко известным в среде магов Западного Ирана, в результате чего о нем узнают и греки. В этот период в Иране существовали, несомненно, и другие культы или даже религии, но процесс слияния верований магов, зороастрийцев и самих Ахеменидов был уже завершен. Мы не будем касаться здесь позднейших судеб культа Митры и митраизма времен Римской империи — эти проблемы уже не раз были предметом исследований[107].

Охарактеризовать религиозные обряды и типы погребений для рассматриваемого периода — задача трудная. Мне представляется, что значение, которое склонны приписывать способу захоронения, явно преувеличено. Показания источников здесь нередко противоречивы и могут привести к неправильным заключениям. Так, например, сообщается, что выставление трупов на съедение птицам и зверям практиковали маги (Геродот, I, 140), но оно отмечено и у бактрийцев (Страбон, XI, 517). Этот обычай северных арийцев — мидян и бактрийцев — сходен с позднейшим зороастрийским погребальным ритуалом, но резко отличается от захоронений ахеменидских царей в скальных гробницах Персеполя и Накш-и Рустама, что может привести к неправильным заключениям о некоем изначальном зороастризме у магов и о закоренелом язычестве у всех Ахеменидов. В дейст-

---

[105] См.: F. Jacoby, Die Fragmente der griechischen Historiker, Leiden, 1958, Dritter Teil C, стр. 391, 680, F 11.

[106] Ср.: S. H. Taqizadeh, The Old Iranian calendars again,— BSOAS, vol. XIV, 1952, стр. 603—611.

[107] I. Gershevitch, The Avestan Hymn to Mithra, Cambridge, 1959, стр. 61 и сл.

вительности же практика покрывать труп царя воском была широко распространена на древнем Ближнем Востоке.

Браки между ближайшими родственниками, ставшие столь популярными у иранцев позднее, в ахеменидское время были характерны, видимо, лишь для царского рода и знати (подобное явление мы видим и в европейских правящих домах). Этот обычай также, очевидно, возник на Ближнем Востоке еще задолго до Ахеменидов; к персам он мог попасть через посредство Элама. Многие черты богини Анахиты, которую греки отождествляли с Афродитой или Артемидой, восходят к верованиям народов, обитавших на Иранском плато задолго до прихода иранцев, так что культ Анахиты можно рассматривать как сочетание ближневосточного религиозного субстрата и иранских элементов. Само имя *anāhitā* «незапятнанная» выступало первоначально в качестве эпитета богини Ардви (так в Авесте), связанной прежде всего с водой. В Западном Иране и в Месопотамии Анахиту ассоциировали с богиней Нанай, а также, несомненно, с другими женскими божествами плодородия [108].

Падение Ахеменидов

Основные события политической истории ахеменидской державы известны прежде всего из греческих источников. Не следует, стремясь к оригинальности, преуменьшать значение греков и поражений, которые потерпели персы в битвах при Марафоне, Саламине и Платее. Утрата всех европейских завоеваний Дария I, неустойчивость позиций в Западной Анатолии и, главное, потеря престижа во всей империи должны были серьезно заботить Ахеменидов. Великая держава, стремительно расширявшая свои границы при Кире, Камбизе и Дарии I, теперь вынуждена была обороняться, и не раз положение ее становилось критическим. Полезно в этом плане проследить судьбы империи с правления Дария и вплоть до завоевания ее Александром Великим — поворотного пункта в истории страны.

Подавив в начале своего царствования многочисленные восстания, Дарий провел ряд реформ, о которых мы упоминали. Он расширил границы империи, присоединив к ней области на западе и на востоке. В Бехистунской надписи Индия (*Hindu-*) еще не представлена в числе областей, которые были завоеваны Дарием или достались ему в наследство от предшествующих ахеменидских царей. Можно поэтому заключить, что

[108] Сводку данных источников о культе Ардвисуры Анахиты см. в работе L. Gray, Foundations of the Iranian religions, Bombay, 1927, стр. 55 и сл.

при Кире крайней восточной областью державы была Гандхара. Греческий адмирал Скилак из Карианды, обследовавший течение реки Инд, отправился из персидских владений в Гандхаре. Плавание его происходило около 516—512 гг. до н. э., путь лежал дальний: вниз по Инду в Индийский океан и далее, к Египту. После этого путешествия Дарий завоевал индийцев долины Инда и открыл торговлю по морю. Индийская сатрапия, прежде всего плодородный Пенджаб, платила наибольшую подать из всех провинций державы — 360 талантов золотого песка (Геродот, III, 94). Ахеменидское влияние в Индии было весьма значительным. Об этом убедительно свидетельствуют, например, наскальные эдикты Ашоки, позднейшего правителя Индии. Формуляр этих надписей содержит оборот «так говорит царь...», восходящий к ахеменидскому протоколу. Из Персии, возможно, пришла в Индию и самая традиция вырезать царские надписи на камне.

В Средней Азии Дарию удалось усмирить саков. Несомненно, что в его правление были покорены и некоторые другие народы, но наиболее известен и подробнее всего описан в источниках его поход (около 510 г. до н. э.) против скифов, обитавших на территории Южной России.

Помимо обстоятельного рассказа Геродота (IV, 83 и сл.) об этом походе, имеется два других важных свидетельства о военных действиях против кочевников. Одно из них содержится в надписи на скальной гробнице Дария в Накш-и Рустаме. Здесь в качестве данников великого царя рядом с народом скудра упомянуты «саки, которые за морем». В надписи Ксеркса из Персеполя в числе подданных также названы скудра, но причерноморские скифы отсутствуют, что согласуется с сообщением Геродота. Другим подтверждением знаменитого похода Дария является фрагмент глиняной таблички с древнеперсидским клинописным текстом, который обнаружен в Румынии[109]. Не исключено, что эта табличка была занесена на территорию Трансильвании много позже римскими легионерами, но она является, скорее всего, черновиком надписи на закладной доске, предназначенной для помещения в фундамент здания где-то на Балканах, и, таким образом, указывает на крайние западные пределы ахеменидских владений. Геродот (IV, 91) также рассказывает о двух надписях на колоннах, воздвигнутых Дарием во время похода. Результаты похода оказались в конечном счете плачевными: скифы при наступлении персов прибегали к тактике выжженной земли, и Дарий, потеряв часть своих войск,

---

[109] J. Harmatta, A recently discovered Old Persian inscription,— AAASH, t. II, 1953, стр. 1—16.

должен был благодарить небо — ахеменидская армия могла погибнуть целиком.

История греко-персидских войн, начавшихся при Дарии и бесславно закончившихся при Ксерксе, известна каждому школьнику. Военное превосходство греков обнаружилось совершенно ясно, несмотря на бóльшую численность ахеменидской армии (цифры, приводимые греческими источниками, преувеличены). В 478 г. до н. э. после окончательного поражения персидских войск греки, казалось, могли стать хозяевами Анатолии и завоевать значительную часть ахеменидских владений. Однако персы, потерпев поражение на поле боя, вступили на путь интриг и подкупов — на помощь пришло золото из царских сокровищниц. Последовавшие за этим междоусобицы, войны между отдельными городами-государствами и союзами греческих городов относятся к истории Греции. Для персов эти события означали, что империю удалось лишь спасти от полного военного разгрома; греческое влияние в Малой Азии продолжало возрастать, что сказалось, в частности, на судьбе местных, анатолийских языков и обрядов. Эллинизованные восточные правители Анатолии еще до Александра активно содействовали проникновению греческой культуры на территорию ахеменидской державы.

Ксеркс проводил более жесткую политику по отношению к покоренным народам, чем его отец. В конце правления Дария восстал Египет. Ксерксу, спустя два года после восшествия на престол, удалось вновь подчинить страну Нила, причем, как сообщает Геродот (VII, 7), он обошелся с египтянами более сурово, чем его отец. Отныне персидский царь не желает считать себя наследником фараонов и, соответственно, перестает уважать обычаи и религию Египта. Подобные же меры проводятся и в отношении восставшего Вавилона, великого города древности. Результатом было ослабление культурного главенства Вавилона и Египта на Ближнем Востоке.

После поражений в Греции Ксеркс целиком отдался внутренним делам — строительству Персеполя и гарему, который отныне превращается в вершителя всех имперских дел. В 465 г. до н. э. Ксеркс был убит заговорщиками — дурное предзнаменование на будущее.

Артаксеркс I пришел к власти в результате интриг и убийств, ставших обычными для персидского двора. Египет вновь восстал, поддержанный Афинами, в 460 г., и только огромным напряжением всех сил персам удалось в 455 г. еще раз подчинить страну. Операциями руководил некий Аршама, возможно, то же лицо, что упоминается в арамейских папирусах. Влияние на двор матери царя, Аместриды, которое трудно назвать иначе,

чем губительное, стало также прецедентом на будущее. После смерти Артаксеркса I вновь вспыхнули кровавые междоусобицы и внутренние смуты. В результате целой серии убийств на трон вступает Дарий II Ох, сын Артаксеркса и вавилонской наложницы. Дарий II находится под сильным влиянием своей жены (и сводной сестры) Парисатиды, способной и жестокой женщины. Империю раздирают восстания сатрапов, но греки, занятые Пелопоннесской войной, не могут воспользоваться слабостью персов — персидское золото вновь оказывается более сильным, чем армия Ксеркса.

Дарий II умер в 404 г. до н. э., ему наследовал уже известный нам Артаксеркс II. Смена царей должна была сопровождаться смутами, и они не замедлили вспыхнуть с новой силой. Разразилась гражданская война, о которой, к счастью, мы подробно знаем по «Анабасису» Ксенофонта. Кир, младший брат нового царя, замышляет захватить престол. В это время Египет, воспользовавшись ситуацией, вновь выходит из-под власти Ахеменидов. История отступления десятитысячного отряда греческих наемников после смерти их предводителя Кира, павшего в битве при Кунаксе (3 сентября 401 г. до н. э.), подробно изложена в «Анабасисе» — сочинении, которое является не только шедевром греческой классики, но и важным источником сведений об ахеменидской державе. Картина греко-персидских отношений в этот период, особенно в Ионии, кажется довольно однообразной—это цепь бесконечных интриг, восстаний и убийств. В то же время можно видеть, как Ахемениды, искусно сея раздоры, использовали в своих интересах греческие междоусобицы.

Египет оказался достаточно сильным, чтобы противостоять попыткам персов вновь завоевать эту страну, и оставался под властью местной династии. Когда разразилось восстание сатрапов в Анатолии, вышедших из-под контроля царя царей, империя, казалось, билась в предсмертных судорогах. Гибель ее была отсрочена на немногие годы Артаксерксом III, способным и жестоким правителем, вступившим на престол в 359 г. Ему удалось усмирить сатрапов, поднявших мятеж и вновь начавших выпуск собственной монеты, но вскоре восстало несколько городов в Финикии. Довольно трудно проследить все сложные перипетии борьбы с сатрапами Малой Азии и правителями Восточного Средиземноморья, в которую были вовлечены и греки; греческие наемники неизменно участвовали в военных действиях. Процесс эллинизации Азии происходил уже при последних Ахеменидах, Александру Великому суждено было лишь ускорить его.

В Греции все сильнее ощущалось влияние новой державы — Македонии, когда Артаксеркс III начал готовиться к походу в

Египет. В 345 г. он подчинил Финикию. Сидон был взят и сожжен, а жители его переселены в качестве рабов в Вавилон и Сузы. Путь в Египет был открыт. В военных действиях, развернувшихся вслед за этим, с обеих сторон участвовали греческие наемники, так что это были, скорее, битвы между наемниками, нежели противоборство персов и египтян. Нижний Египет удалось вернуть под власть Ахеменидов, но местная египетская династия продолжала править в большей части Верхнего Египта. Тем не менее могло показаться, что в правление Артаксеркса III ахеменидская империя обрела новые силы и восстановила свою былую мощь и славу.

Последние годы царствования Артаксеркса III протекали в обстановке сложной борьбы Филиппа Македонского, Афин и персов. Исторические события, быть может, развернулись бы иначе, если бы Артаксеркс не был отравлен в то самое время (около 338 г. до н. э.), когда Филиппу после победы над греками в битве при Херонее удалось объединить вокруг себя всю Грецию. Угроза единой Греции стала реальностью, а это означало неминуемую гибель ахеменидской империи. Армия Ахеменидов и прежде не могла противостоять прекрасно обученным греческим солдатам, теперь же сила греческого оружия оказалась помноженной на доблесть еще более воинственных македонцев.

Убийцей Артаксеркса был способный, но неразборчивый в средствах евнух по имени Багой, который не мог, однако, сам занять престол. В результате после почти полного истребления членов царской семьи Багой передал трон представителю одной из боковых линий ахеменидского дома, известному под именем Дарий III Кодоманн. Последний сумел взять в свои руки бразды правления и даже вновь завоевал Египет, но оказался не в силах предотвратить распад империи. Александру, заслуженно именуемому Великим, было суждено завоевать ахеменидскую державу, и он сделал это очень скоро.

Если попытаться охарактеризовать достижения ахеменидского Ирана, то, несомненно, одним из наиболее значительных, доставшихся в наследство Александру и римлянам, была концепция «единого мира», слияние народов и культур в одной ойкумене. Ахеменидский монарх считал себя царем царей, поставленным над многими народами и их правителями. Утверждение концепции об «едином мире» империи шло рука об руку с процессом смешения и синкретизации. Представители племен и народов, обитавших в разных концах державы, встретились в «едином мире персов», что не могло не привести к взаимообменам культурными ценностями. Не следует преувеличивать возможности общения в пределах империи: путешествия по стране

были делом опасным и предпринимались далеко не часто. Однако упоминание хорезмийца в составе гарнизона в Верхнем Египте свидетельствует о связях, существовавших между самыми отдаленными друг от друга областями державы [110].

Объективной оценке ахеменидской империи и ее достижений в известной мере мешает блеск Греции. Но не судим ли мы неверно о Востоке в древности, как и в наши дни, утверждая, что Восток отставал в своем развитии от Греции и что он и сейчас остается отсталым? Не будет ли более правильным задуматься над тем, почему греки достигли такого уровня развития, или почему Возрождение и промышленная революция сделали Запад тем, чем он является сейчас? Быть может, мы должны найти объяснение, почему Запад отклонился от нормального пути, тогда как Азия и Африка развивались в соответствии с естественным ходом истории. При таком подходе правильнее было бы говорить о современном Западе как о «сверхразвитом», нежели о Востоке как об «отсталом». Рассуждения такого рода могут показаться лишь игрой слов, однако, если попытаться изменить перспективу, мы, возможно, лучше поймем некоторые явления и настоящего, и прошлого.

Чиновники, армия и купцы играли главную роль в распространении идей и обычаев на территории державы. Ахеменидские правители сами были смешанного происхождения и, как кажется, космополитами по мировоззрению. Ко двору царя царей охотно приглашали греческих врачей, финикийских мореходов и вавилонских астрономов. Если верить античным авторам, персидские монархи пытались, хотя обычно безуспешно, привлекать к себе на службу многих знаменитых греческих ученых и философов, обещая им большое жалование. Мы не имеем здесь возможности говорить о Платоне, его отношении к Востоку и влиянии, оказанном им на страны Востока.

На строительстве дворцов персидских царей работали ремесленники — представители всех народов империи. Их трудом создавался стиль архитектуры ахеменидского времени, архитектуры придворной, как и ахеменидское искусство в целом, монументальной по размерам и внушительной в деталях. Наиболее примечательной чертой этой архитектуры следует, видимо, считать не высоту колонн или композиционную сложность рельефов, украшавшихся к тому же инкрустациями и росписями, а прежде всего использование пространства. Персы внесли в архитектуру конструкцию крупных сводов и эффективную плани-

---

[110] В документах из Элефантины написание *ḥrzmy* отмечено в письме 6, стк. 2, *ḥrzmy'* в письме 8, стк. 22, см.: A. Cowley, Aramaic papyri, стр. 16, 22. Следовало бы ожидать форму с *вавом* после *ḥ* (**ḥwrzm-*).

ровку обширных площадей. Применение в строительстве гигантских ливанских кедров, участие в сооружении царских дворцов лучших мастеров из всех областей державы, наконец, наличие огромных богатств позволяли персам возводить здания «имперского» масштаба, и они использовали эти возможности должным образом. Стрельчатые арки и своды появляются в Персии лишь позднее, но традиция планировки огромных помещений и возведения крупных перекрытий имела большое значение для дальнейшего развития персидской архитектуры.

Ахеменидская империя была единственной подлинной империей, а персидский царь — единственным настоящим царем не только в представлении греков, но, очевидно, и для жителей Индии. Мы уже отмечали традиции ахеменидского протокола и стиля царских надписей в Индии времен династии Маурья, прежде всего в период Ашоки, наиболее выдающегося представителя этой династии. Следует упомянуть также о письме кхароштхи, широко распространившемся в Северо-Западной Индии. Это письмо является по происхождению арамейским, а арамейский язык был *lingua franca* империи Ахеменидов. Об искусстве эпохи Маурья известно немногое, но персидское влияние и здесь ощутимо, например, в капителях колонн, имеющих форму опрокинутых колоколов или снабженных изображениями животных. Контакты Индии с Западом существовали, несомненно, еще до Александра Великого.

Персидское влияние в западных областях державы также было значительным, причем наиболее заметно это влияние проявлялось в Армении и Каппадокии. Вряд ли будет слишком смелым предположение о том, что культурная «иранизация» армян началась уже при Ахеменидах и затем продолжалась в парфянское время. Религиозные верования и обряды в Армении были теми же, что и у мидян и персов; наибольшей популярностью пользовались культы Митры и Анахиты (Страбон, XI, 532). Хорошо известно об иранских словах в армянской лексике. Большинство этих заимствований относится ко времени после падения Ахеменидов (заимствования из парфянского и других среднеиранских диалектов), однако фонетический облик некоторых слов может указывать на их проникновение в армянский в более ранний период, например *t'agawor* «царь» или *partēz* «сад». Во многих случаях трудно установить, имеем ли мы дело с заимствованием ахеменидского времени или с более поздним, что связано прежде всего с архаичным характером значительной части парфянской лексики[111].

---

[111] [Ср.: R. N. Frye, Continuing Iranian influences on Armenian,— «Yād-Nāme-ye Irānī-ye Minorsky», Tehran, 1969, стр. 1—10].

На территории Каппадокии иранское влияние может быть прослежено главным образом для послеахеменидского периода. Оно сказалось в ономастике (имена правителей) и в религиозных обрядах, о которых сообщают античные авторы. Каппадокия была страной, где скрещивались культуры греков и персов; позднее она стала важным центром христианской мысли. В меньшей степени это относится к Анатолии, но в IV в. до н. э. путь эллинизма на Восток пролегал через Анатолию.

Евреи и Израиль вели себя довольно спокойно при Ахеменидах, несмотря на то, что и на них распространялось влияние персов. Решающую роль здесь играло то, что Кир освободил иудеев из вавилонского плена, разрешил им вернуться на родину и приказал восстановить Иерусалимский храм, что и было сделано около 515 г. до н. э. Именно при персидском владычестве тора стала законом Израиля; это произошло, по-видимому, в тот же период и примерно в тех же условиях, что и кодификация или пересмотр законов в Египте и в других областях империи. В библейских книгах Эзры и Нехемии мы находим многочисленные свидетельства контактов с двором царя царей. Некоторые исследователи связывают возникновение нового иудаизма с ахеменидским периодом, когда соблюдение Закона стало общеимперской нормой. Проблема персидского религиозного влияния на иудаизм и христианство весьма сложна, однако можно говорить о способности к восприятию, если не о прямом влиянии многих сторон вероучений. Такие представления, как «святой дух» и «ангел мудрости», появляющиеся в иудаизме после вавилонского плена, могли быть навеяны иранской ангелологией или атрибутами Ахура Мазды. Наиболее сильно иранское влияние; очевидно, сказалось в дуализме добрых и злых духов, отчетливо выступившем в иудаизме в ахеменидское время. В апокрифических книгах это влияние более заметно, чем в Ветхом Завете; само представление о сатане могло быть заимствовано из Ирана. Немало интересного содержится в гипотезах о возможных влияниях в области эсхатологии, представлении о времени и других сторонах иудаизма, однако доказательств непосредственных заимствований такого рода пока не предъявлено. Иудейские общины, оставившие свитки Мертвого моря, существовали позднее, и круг проблем, вставших в связи с их изучением, достаточно широк[112].

Следует упомянуть еще об одной характерной черте персидского владычества, которая проявляется особенно четко при

[112] [Ср.: R. N. Frye, Iran und Israel,— «Festschrift für W. Eilers», Wiesbaden, 1967, стр. 74—84; R. N. Frye, Problems in the study of Iranian religions,— «Religions in Antiquity. Essays in memory of E. D. Goodenough», Leiden, 1968, стр. 588—589.]

сравнении с Грецией. Эта черта, быть может, яснее всего выступает в ответе Гидарну, сатрапу Западной Анатолии, который выражал недовольство по поводу отказа спартанцев поступить на службу к царю царей. Спартанцы отвечали так (Геродот, VII, 135): «Гидарн, советы, которые ты нам даешь, лишены мудрости. Ты знаешь только о том, что тебе кажется приемлемым, но не знаешь того, с чем ты убеждаешь нас расстаться. Ты понимаешь, как быть рабом, но ты ничего не знаешь о свободе, будь она горькой или сладкой. Если бы ты испытал свободу, ты советовал бы нам драться за нее не только копьями, но и топорами». Мы встречаемся с этим представлением о свободе как об естественном состоянии для греков и в словах Демарта, бывшего спартанского царя, который бежал к Ксерксу и участвовал в персидском походе против Греции. Обращаясь к Ксерксу, Демарт говорил о доблести и храбрости спартанцев и добавил (Геродот, VII, 104): «Хотя они и свободны, но не полностью свободны. Их господин — закон, которого они боятся гораздо сильнее, чем твой народ боится тебя». В этих словах содержится намек на те качества, которые определили величие Греции.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ВНЕШНИЙ ИРАН

Александр Великий и его наследие

Завоевание ахеменидской державы Александром и последовавшее за ним образование эллинистических государств — самое значительное событие в истории Ближнего Востока. Это событие в определенном смысле знаменует собой конец древней истории и начало новой эры — эры культуры, обычно называемой эллинизмом. Конечно, сам эллинизм это тоже лишь переходный этап к римскому миру. Эллинизм можно было бы считать явлением собственно греческой истории, но влияние его оказалось настолько широким, что последствия завоевания Ирана Александром приходится рассматривать как часть исторического наследия этой страны. Для Ирана Александр означал конец эпохи могущества и начало эры иноземного владычества и раздробленности. К сожалению, немногое известно о столетиях, отделяющих Александра Великого от возвышения династии Сасанидов; источники, в основном греческие, относящиеся к этому периоду, очень малочисленны. Тем не менее ясно, что в Иране в этот период произошли важные перемены, и наша задача — попытаться проследить их.

Александру посвящено так много исследований, что нет необходимости приводить здесь подробное описание его походов. Следует, однако, отметить основные причины успехов Александра. Еще задолго до своей смерти Филипп задумал поход против ахеменидской державы, и вполне естественно, что его сын осуществил этот план. Армия, которая должна была выступить в поход, состояла из двух основных частей: македонцев и греков, входивших в Коринфский союз. Этот союз, созданный при Филиппе силой оружия, Александр старался всемерно укреплять с тем, чтобы Коринфский союз служил средством контроля над всей Грецией, а война с Персией рассматривалась как дело всех эллинов. Армию Александра можно сравнить с наполеоновской армией, отправившейся на завоевание Египта: и здесь, и там рядом с саперами, топографами и солдатами шли историки, ученые, писатели. Подобно большинству армий древности, за войском следовали обозы, разраставшиеся после каждой победы, одержанной Александром. Боевые подразделения, состоящие из опытных и хорошо обученных воинов, возглавлялись офицерами, прекрасно знавшими военное дело. Македонская фаланга была, очевидно, для того времени лучшей формой бое-

вого организма. Она составляла основу армии Александра, ее главную ударную силу. Тяжеловооруженная пехота македонской фаланги была более подвижной, чем сменившая ее впоследствии плотно сомкнутая фаланга воинов, вооруженных очень длинными копьями. Александр предусмотрел необходимость и выгоду применения кавалерии на равнинах Азии и неуклонно увеличивал число конных воинов своей армии. И все же конники Александра были той частью греко-македонской армии, которая уступала или, по крайней мере, не превосходила персидскую кавалерию. Поэтому во время походов в Восточный Иран Александр, не колеблясь, вербовал конников из местного населения, и, как правило, они служили ему верно.

Картина борьбы Александра с последним Дарием в европейской литературе уже давно изображается как битва Давида с Голиафом, однако в действительности положение было совсем иным. Широко распространенный в греческих полисах обычай отправлять в изгнание всех нарушителей законов и политических противников способствовал тому, что большое число греков постоянно находилось на чужбине. Многие из этих изгнанников становились наемными солдатами (ситуация, напоминающая французский иностранный легион), и именно они составляли основную ударную силу армий древнего мира. В ахеменидском войске греческих наемников было значительно больше, чем персов, что объясняется и изменениями во внешней политике Ахеменидов: в правление Ксеркса рост территории державы прекратился, наступил сравнительно спокойный мирный период, и военная мощь империи была ослаблена. В войсках Дария III, сражавшихся с Александром в битвах при переправе через реку Граник, при Иссе и при Гаугамеле, греческие наемники играли важную роль. Ратные подвиги греческих гоплитов были общеизвестны и приводили в трепет всю Азию. В источниках, например, рассказывается о том, что во время похода в Египет персидские отряды обращались в бегство при виде египтян, имевших греческое оружие, но стойко сражались с греками, носившими египетское одеяние[1]. Когда Александр двинул свою объединенную македоно-греческую армию против империи Ахеменидов, он действовал не безрассудно, как могло показаться с первого взгляда. Большинство греческих авторов, стремясь превознести доблесть македонского царя, несомненно, значительно преувеличивает численность ахеменидского войска и преуменьшает потери армии Александра. Нереальность цифр, которые приводят историки походов Александра,— факт широко из-
стр. 433.

---

[1] См.: A. T. Olmstead, History of the Persian Empire, Chicago, 1948,

вестный; по крайней мере при описании одного сражения он подтверждается поразительным несоответствием между приведенным числом убитых и раненых в армии Александра[2]. Можно полагать, что в битве при Гранике армия Александра имела значительное численное превосходство, в сражении при Иссе силы сторон были почти равны, а при Гаугамеле Дарий III имел гораздо больше войск, чем Александр. Но во всех этих сражениях неизменно проявлялась разница между дисциплинированной и слаженной военной машиной Александра и плохо управляемыми пестрыми отрядами Дария. То, что Дарий при Гаугамеле бросил в бой колесницы с серпами, было, очевидно, лишь признаком его слабости, актом отчаяния, на который он вынужден был пойти, чтобы любой ценой попытаться остановить грозного завоевателя. Превосходная ахеменидская конница чуть было не решила исход этой битвы в пользу Дария, но его пехота не смогла противостоять македонской фаланге и другим подразделениям армии Александра. Полезно напомнить об этом лишь для того, чтобы внести коррективы в несколько одностороннее освещение походов Александра у греческих авторов. Эти уточнения ничуть не вредят оценке полководческого гения Александра и доблести его талантливых офицеров. Если бы на персидском троне был не Дарий, а кто-нибудь другой, события могли бы развернуться иначе. К сожалению, история страны, как и жизнь каждого человека, полна всевозможных «если».

Можно предположить, что династия Ахеменидов утратила власть над народами, если не реальную или политическую, то, во всяком случае, символическую. Не исключено, что Ахемениды никогда не пользовались у персов такой популярностью, как пришедшие им на смену более поздние династии. Как бы ни было сильно представление об «арийском единстве», оно не может сравниться с позднейшим «иранским национализмом», представлением об единстве иранцев, для которого, как и для всякого национализма, характерна лояльность по отношению к правителю. Законность царской власти могла по-прежнему признаваться, даже без соблюдения верности государству или народу, хотя вторжение Александра сильно поколебало представление о легитимизме, по крайней мере в Восточном Иране. Как бы то ни было, Дарий после бегства с поля боя в сражениях при Иссе и Гаугамеле утратил авторитет у большинства своих подданных, в панике отступал все дальше на восток и в конце концов был убит своими сторонниками. Судя по тому, что сатрап Бактрии

[2] См. разбор соответствующих данных у W. W. Tarn, Alexander the Great, vol. II, Cambridge, 1948, стр. 137. Я разделяю большинство выводов Тарна относительно греко-македонской армии и хода военных действий Александра.

Бесс, возглавивший мятеж против Дария, объявил себя его наследником и принял ахеменидское тронное имя Артаксеркс, можно предположить, что Дарий был готов сдаться Александру, а Бесс и его сторонники решительно воспротивились этому намерению.

После смерти Дария Александр сам стал преемником Ахеменидов, царем Азии, и все, кто не признавал его власти, неминуемо попадали в число бунтовщиков, выступающих против законного правителя. Нам известны имена многих знатных персов, перешедших на сторону Александра после битвы при Гаугамеле. Радушный прием, оказанный перебежчикам, и щедрость Александра немало способствовали примирению многих представителей знати с новым режимом. А режим, установленный Александром, был действительно новым, причем не только для народов Востока, но и для греков. Роль главных действующих лиц в попытках сближения эллинского мира с Востоком отводилась грекам и персам. Среди имен врагов Александра, упоминаемых у античных авторов, описывающих его походы, неиранские имена встречаются очень редко, что указывает на преобладание персов в верхушке административного аппарата всей ахеменидской империи, в частности среди сатрапов и военачальников. Поэтому основной своей задачей Александр считал сближение персов и греков, и не удивительно, что мы находим и тех, и других среди вновь назначенных глав сатрапий. Атропат, бывший сатрапом Мидии при Дарии, остался на своем прежнем посту; Фратаферн, сатрап Парфии и Гиркании, сохранявший верность Дарию вплоть до его гибели, получил ту же должность из рук завоевателя. В то же время в качестве сатрапов назначались и македонцы. План сближения двух народов, связываемый обычно с именем Александра, осуществлялся на практике.

Многие обширные провинции прежней ахеменидской державы не попали однако под власть Александра. Так, известно имя Оронта, правившего Арменией при Дарии и сохранившего свое владение и позднее. Хотя Александр назначил в качестве нового сатрапа Армении перса Митрена, управителя Суз, но последний так и не смог, очевидно, занять свой пост. Завоевательные планы Александра связывались прежде всего с его походом в Азию; территории, подчиненные во время этого похода, были очень обширны, а расстояния, пройденные греко-македонской армией, огромны. Всюду, где Александр устанавливал свою власть, он пытался проводить в жизнь выношенную им идею о слиянии греков и персов, или, точнее, эллинов и иранцев. Греко-македонское соперничество не могло не заботить Александра, однако это соперничество не должно было иметь значения для

иранцев, которые видели в греках и македонцах представителей одного народа, хотя и раздираемых внутренними распрями.

Идея греко-иранского союза не была, очевидно, в полной мере открытием Александра. Не следует забывать, что греки и раньше служили в персидском войске; после победы в битве при Гаугамеле Александр был готов брать иранцев в свою армию. Связи эллинов с иранцами существовали уже до Александра, но решительные шаги для создания союза двух народов были предприняты им — вспомним хотя бы о его женитьбе на Роксане, дочери согдийского аристократа, и о массовых браках его солдат с иранками в Сузах после возвращения армии из индийского похода.

Для истории Ирана бóльшее значение, чем деятельность самого Александра, имели последствия его завоеваний, институты, учрежденные им и пережившие его. Следует поэтому рассмотреть на первый взгляд малозаметные, но важные перемены в жизни Ирана, а также результаты реформ, проведенных Александром. Начать лучше всего с последних.

Проблема финансов имела большое значение для Александра, однако если бы он даже решился на проведение крупной реформы, у него не хватило бы времени пересмотреть и изменить систему податного обложения. Он ликвидировал некоторые злоупотребления, в частности, вызванные наличием многочисленных посредников между крестьянством, облагавшимся налогами, и казной. Во многих местах были назначены новые сборщики налогов и контролеры, но в основном система налогообложения осталась прежней, существовавшей до Александра. В некоторых областях он просто ничего не мог изменить, как, например, в Ионии, греческие города которой считались его полноправными союзниками. Эти города продолжали чеканить монету и платить подати, как это было и при ахеменидском владычестве. Высказывалось мнение, что Александр пытался унифицировать монетную систему на всей территории своей державы, взяв за образец аттический стандарт как для золота, так и для серебра, и что он утвердил в качестве золотой единицы статер (вместо прежнего дарика), который равнялся 20 серебряным драхмам, причем соотношение золота и серебра установилось по курсу 10 : 1, более реальному, нежели традиционное ахеменидское соотношение $13^1/_3$: 1. Однако ныне представления о реформах Александра в этой области должны быть изменены. Александр не ввел, да и не был в состоянии ввести единую монетную систему в своей державе [3]. Старые монетные дворы про-

[3] Традиционная точка зрения отражена у B. Head, Historia Numorum, Oxford, 1911, стр. 224. Многие детали реформы денежного обращения, задуманной Александром, остаются неясными. В письме от 6 апреля 1962 г.

должали функционировать, как и прежде; большинство их находилось в западных областях империи. Царская и государственная казна оставались в том же положении, что и при Ахеменидах; коррупция и хищения чиновников не исчезли и при новом правителе.

Можно заметить определенную направленность нескольких реформ, проведение которых Александр не успел завершить. В нескольких случаях удалось, очевидно, осуществить задуманное им разделение власти в провинциях и сатрапиях между гражданскими, военными и финансовыми должностными лицами, но он не смог последовательно провести эту реформу на территории всей империи. Разделение власти в сатрапиях известно и для ахеменидского времени, так что эту идею нельзя рассматривать как изобретение Александра. Нет достаточно точных данных, позволяющих подвести итоги деятельности Александра по реорганизации провинциального управления,— он слишком рано умер, не успев осуществить многих своих планов.

Нельзя не упомянуть о военачальниках армии Александра, целой когорте молодых офицеров, которыми могла бы гордиться любая армия. По мере успешного продвижения греко-македонцев на Восток старые генералы, служившие при Филиппе, сходили со сцены, уступая место не менее талантливой молодежи, сверстникам Александра. Лучше всего нам известны полководцы, которые позднее прославились как самостоятельные правители, такие, как Птолемей, Антигон и Селевк, но были и многие другие. Эти молодые военачальники являлись достойными сподвижниками блестящего главнокомандующего и сражались рядом с ним во имя единой цели. Однако сразу же после смерти Александра каждый из них стал заботиться лишь о собственной карьере и пытался возвыситься за счет своих прежних товарищей.

Об исторической роли Александра Великого написано очень много. Некоторые авторы прославляют его как защитника греческой свободы и демократии, антиподов восточного деспотизма и тирании. Александр и в самом деле поддерживал демократические фракции греческих полисов в Малой Азии в их борьбе с тиранами, которые, как правило, ориентировались на Персию,

---

А. Р. Беллингер высказал предположение, что Александр стремился привести в соответствие курс золотых монет, выпущенных Филиппом, с аттическим серебряным стандартом и что соотношение 10 : 1 было в конечном счете результатом интенсивной разработки золотых россыпей в горах Пангея при Филиппе. Александр ввел более простую систему, в основе которой лежала унифицированная драхма, а статер был приравнен к пяти тетрадрахмам. Однако Александр не пытался изменить ахеменидское соотношение $13^1/_3 : 1$.

но не следует забывать, что для многих греков Александр сам был архидеспотом, истинным врагом греческой демократии. Можно спорить о том, признавал ли Александр демократию для греков, но совершенно ясно, что он не намеревался распространять греческие демократические институты на страны и народы Востока. Поддержку греческой демократии Александром можно объяснять политическими мотивами, но вряд ли следует считать, что Аристотель, учитель Александра, привил своему ученику четкое представление о демократии. Если стараться угодить некоторым авторам, можно выдвигать на первый план противоборство Александра и Востока и трактовать это противоборство как символическую антитезу демократии и тирании.

С именем Александра, скорее, следует прочно связать мысль о слиянии народов в единый мир, что подтверждается, как было уже отмечено, его политикой поощрения смешанных браков и назначением на должности правителей представителей восточной знати. Идея всеобщего людского братства, которую приписывают Александру и которой объясняют его политику, остается весьма неясной; В. Тарн[4], приводя доводы в пользу того, что Александр был одержим этой идеей, ставит его далеко впереди своего времени. Невозможно доказать, что не только политика Александра, но также и его идеи оказали настолько сильное влияние на некоторых философов, что он стал считаться первосоздателем представления об идеальном мировом государстве стоиков — представления, занявшего столь важное место в учении Зенона. Несомненно лишь, что масштабы завоеваний Александра поражали не только его современников, но и позднейших философов.

Александр основывал новые города, самым знаменитым из которых стала Александрия в Египте. Население этих городов было смешанным, но в своей основе они оставались греческими городами, в них действовало греческое законодательство, и независимо от того, каковы были намерения Александра, в этих городах вряд ли существовало равноправие греков и местных жителей. В таких городах вырабатывалась общность культуры, с преобладающим влиянием культуры греческой, подобно тому, как западная культура в настоящее время проникает во все уголки земного шара. Известно, что иранских юношей обучали по греческому образцу и что местных жителей охотно брали на военную службу, но эти факты не должны вводить нас в заблуждение: Греция и греческая культура завоевали мир.

Большинство городов, основанных Александром, именовалось Александриями, так что для различения их пользовались

[4] W. W. Tarn, Alexander the Great, vol. II, стр. 434.

старыми местными названиями или же греческими эпитетами. Основная часть городов была построена в Восточном Иране, но число их, приводимое античными авторами, сильно завышено. Представление о том, что в Восточном Иране до Александра вообще не существовало городов, опровергнуто в результате работ советских археологов. Сопротивление народов Восточного Ирана армии Александра было более сильным, чем где-либо, так что основанные здесь греко-македонские города служили, скорее всего, военными укреплениями, предназначенными для контроля коммуникаций, и возводились они, очевидно, на месте прежних крепостей ахеменидских гарнизонов. Основание настоящих греческих полисов потребовало бы много времени, да и вряд ли Александр был действительным создателем всех связываемых с его именем городов.

Эллинизм, имеющий много общего с современным влиянием западной культуры в странах Востока, начался с Александра и продолжал развиваться при его преемниках. Борьба сил нового и старого, традиционного общества в этот период скрыта от нас завесой времени, но несомненно, что смерть Александра в 323 г. до н. э. должна была привести эти силы в движение.

Централизм Селевкидов

С падением империи Ахеменидов иранцы утратили не только реальность центральной власти, но и принципы ее организации, символику и традиции. Чужеземцы стали вершителями царской судьбы, и персы, в поисках опоры и руководства, сплотились вокруг местных правителей. После крушения империи и «нации» должно было вновь возрасти значение первичных ячеек общества — большой семьи, рода и племени. В результате новое государство иноземцев, опиравшееся на профессиональную наемную армию, столкнулось с авторитетом и силой рода и племени, которые, однако, не претендовали на власть и потому никогда не представляли серьезной угрозы для центрального правительства. Власть селевкидского царя заколебалась лишь тогда, когда ослабли позиции его центральной администрации и когда области, составлявшие собственно владения Селевкидов, были готовы обрести независимость и стремились к отделению и превращению в самостоятельные царства или империи. Парфяне, или, точнее, как мы увидим, парны, сумели воспользоваться как раз такой ситуацией: они успешно соединили властолюбивые устремления племенных вождей с сепаратизмом сатрапов и на обломках Селевкидского царства создали новое государство.

В период, когда диадохи боролись между собой за наследие Александра, в Иране, как в западных его областях, так и в восточных, еще оставалось какое-то число греков и македонцев, которые охраняли пути сообщения и торговли и тем самым пытались осуществлять контроль над территориями, завоеванными Александром. Пердикка, преемник Александра, стремился сохранить целостность державы; так же действовал и Антигон «Одноглазый», который старался восстановить империю под своей властью и жестоко подавлял все попытки сатрапов получить самостоятельность. С событиями, развернувшимися непосредственно после смерти Александра, связаны имена двух сатрапов — македонца Певкеста, сатрапа Персиды, который, как сообщают источники, принял обычаи персов и изучил их язык, и Пифона, сатрапа Мидии. Они ссорились и враждовали между собой, пока на исторической арене не появился Антигон, положивший конец их распрям и прикончивший обоих сатрапов. Преемником Пифона стал сначала какой-то иранец, затем его сменил Никанор; сатрапом Персиды Антигон назначил некоего Эвагера. Ситуация вновь изменилась с появлением Селевка. Вступление его в Вавилон в 312 г. до н. э. ознаменовало начало селевкидской эры.

В период с 311 по 302 г. до н. э. Селевку удалось покончить с соперниками и укрепить власть основанной им династии в Вавилонии и в Иране. Он действовал настолько успешно, что эллины Востока сохраняли верность селевкидскому дому даже тогда, когда цари этой династии были отвлечены событиями на западе и в Сирии, ставшей подлинным центром их державы. Сообщения источников весьма лаконичны, но можно предположить, что именно в первое десятилетие своего царствования Селевк создал систему колоний военных поселенцев. Среди этих колоний мы видим и такие вновь отстроенные центры, как Экбатаны (Плиний, VI, 17) и Гекатомпил (Аппиан, «Сирийские дела», 57), ранее пришедшие в упадок и утратившие былое свое значение. Судя по одной незаконченной фразе у Юстина (XV, 4: *Bactrianos expugnavit*), около 306 г. до н. э. Селевк силою оружия упрочил свое господство над Бактрией и восточными областями. О том, каких трудов стоило Селевку подчинение македонских сатрапов и местных правителей, свидетельствует сообщение Аппиана («Сирийские дела», 55), согласно которому Селевк после убийства сатрапа Мидии, поставленного Антигоном, и захвата этой области «имел много сражений с македонцами и варварами». Около 305 г. до н. э. Селевк переправился через Инд и встретился с Чандрагуптой (Сандрокотт греческих источников), основателем централизованного государства Маурья в Западной Индии. Мы не знаем подробностей этих собы-

тий; известно лишь, что между двумя правителями был заключен мирный договор, после чего Селевк занялся своими противниками на западе.

Наиболее яркое описание военных действий мы находим у Плутарха в биографии Деметрия, сына Антигона. Плутарх упоминает о боевых слонах, полученных Селевком от Чандрагупты и решивших судьбу битвы при Ипсе (301 г. до н. э.). В этой битве погиб Антигон; Сирия и часть Малой Азии оказались под властью Селевка. Распад империи Александра стал совершившимся фактом — уже Антигон принял царский титул, Птолемей и Селевк поступили точно так же. Селевк официально провозгласил себя царем в 305/304 г. до н. э. и правил в течение двадцати пяти лет, до сентября 281 г., когда он был убит в Греции[5].

Во главе всех областей державы, лежавших к востоку от реки Евфрат, Селевк поставил своего сына Антиоха, мать которого происходила из знатного иранского рода (Аппиан, «Сирийские дела», 62). Антиоху в большей мере, чем его отцу, удалось укрепить власть Селевкидов на востоке. Известно, что Антиох заново отстроил город в Мервском оазисе (Маргиана), получивший название Антиохия, и что он окружил оазис длинной стеной для защиты от врагов, прежде всего от набегов кочевников[6]. Кроме того, Антиох восстановил обе Александрии в Средней Азии (в районах Ходжента и Термеза), а также еще ряд городов, осуществляя тем самым селевкидскую политику колонизации.

Градостроительству активно содействовали еще правители Ассирии; деятельность Ахеменидов в этой области была, видимо, более скромной. При Селевкидах, как позднее и при Сасанидах, строительство новых городов стало одной из важнейших функций правителя. Основание новых городов в селевкидской державе шло разными путями, не по единому образцу, однако оно всегда диктовалось военными и политическими причинами. Создание греческих поселений в Азии, в которых права и гарантии безопасности колонистов зависели от самого царя, должно было содействовать укреплению власти Селевкидов. Несомненно, что контингентов греков и македонцев не хватало для того, чтобы поселения эллинов контролировали всю Азию, особенно если учесть, что Птолемей в Египте и другие эллини-

---

[5] В соответствии с вавилонским обычаем год смерти царя считался последним полным годом его правления. Селевк принял царский титул в 7-м году селевкидской эры. Ср.: A. J. Sachs, D. J. Wiseman, A Babylonian Kinglist of the Hellenistic period,— «Iraq», vol. 26, 1954, стр. 202.

[6] Согласно Страбону (XI, 615), длина стены составляла 1500 стадий; Плиний (VI, 18) сообщает, что окружность города была равна 70 стадиям.

стические правители также старались заполучить как можно больше колонистов.

Центрами державы Селевкидов, составлявшими основу их могущества, стали Сирия, со столицей Антиохией на Оронте и главным арсеналом в Апамее, и Вавилония с восточной столицей Селевкией на Тигре. Третьей важной областью была западная Малая Азия, прежде всего Иония, откуда происходило большинство колонистов, поселенных в Иране. Собственно Иран, как Западный, так и Восточный, не играл значительной роли в державе, хотя Мидия, как и раньше, оставалась основным поставщиком лошадей для кавалерии. Главные дороги на территории Ирана, служившие для передвижения войск и торговли, охранялись колонистами, и власть Селевкидов была действенной только там, где поселения осуществляли контроль,— ситуация, во многом напоминающая время правления Ахеменидов. Многие ахеменидские институты, такие, как дорожная и почтовая службы, не претерпели никаких изменений. Основным отличием Селевкидов от предшествующих правителей следует, видимо, считать политику колонизации, насаждения греческих поселений на всей территории державы.

Следует с самого начала подчеркнуть, что практика создания колоний не была единообразной или официально регламентированной. Колонизация шла разными путями, в зависимости от конкретных условий, сложившихся в отдельных областях и сатрапиях селевкидского государства. О том, как проходил этот процесс в Иране, мы можем судить лишь по аналогии с Малой Азией и Сирией — областями, о которых более всего сохранилось данных в источниках. О селевкидской колонизации писали многие, причем термины, употребляемые разными авторами, далеко не одинаковы. Для восточной части селевкидской державы термин *катойкия* служил, очевидно, обозначением сельского военного поселения — наиболее распространенного типа греческих колоний. Катойкия была несколько меньшей, чем греческий город (*polis*), с характерными для него институтами и привилегиями. Древнегреческая политическая теория с ее антитезой «или полис, или деревня» (греч. *komē*) не применима к эпохе эллинизма; появились новые, переходные формы поселений и возникли новые термины, такие, как *катойкия* и *политевма*, «корпорация».

В селевкидских военных поселениях колонисты получали землю от царя (*клеры* — «наделы»), причем право держания земли становилось наследственным. Колонисты были обязаны нести воинскую повинность, точнее, получение клера накладывало на них обязательство военной службы, сохранявшееся даже в случае продажи земли другому лицу. Колонисты находились

в зависимости от царя, так что судьба их в определенной степени была связана с судьбой царя. Колонии могли возвыситься до ранга города; так, например, Сузы получили статус полиса с новыми правами и привилегиями, делавшими город почти независимым от царя. Однако прежние обязательства военной службы у держателей клеров в Сузах сохранялись, поскольку земля продолжала считаться принадлежащей царю[7].

Основание полиса, как отмечал В. Тарн, было делом нелегким. Город нуждался в определенной организации, разделении граждан на филы и совете, выбираемом филами[8]. Необходимыми условиями для полиса были также наличие местных подразделений (демы), установленных привилегий и, конечно, гимнасий. На территории Иранского нагорья насчитывалось, по-видимому, очень немного греческих городов с достаточно развитой структурой; Рага-Европос около нынешнего Тегерана, Бактры и Александрия в Азии (Герат) входили, очевидно, в их число.

Почти все селевкидские цари пали на поле боя, что свидетельствует о милитаристском характере державы. Источники рассказывают главным образом о войнах Селевкидов с Птолемеями и другими эллинистическими правителями, но одно сообщение Страбона проливает свет и на события в Иране — говоря о Гиркании, области к востоку от Каспийского моря, Страбон (XI, 509) замечает: «Македоняне владели страной лишь короткое время и, занятые войнами, не были в состоянии наблюдать за этими отдаленными областями». Чтобы яснее представить себе положение в Иране при Селевкидах, мы можем привлечь некоторые принятые большинством ученых заключения о характере селевкидской державы в целом.

Государство Селевкидов не было, конечно, национальным государством, как мы понимаем его сейчас,— подданные «царя Селевка» принадлежали к разным этническим группам. Царь считался верховным судьей, высшим военачальником и главным законодателем, и для многих своих подданных он представлялся наделенным сверхчеловеческими качествами. Проблема обожествления эллинистических правителей вызвала немало споров. Можно полагать, что принятие первыми селевкидскими монархами культовых имен, таких, как Сотер и Никатор (Селевк I) или Теос (Антиох II), и других было отражением по-

---

[7] О селевкидской колонизации см.: M. I. Rostovtzeff, The Social and Economic History of the Hellenistic World, vol. I, Oxford, 1941, стр. 501; E. Bikerman, Les institutions des Séleucides, Paris, 1938, стр. 79, 87, 100; W. W. Tarn, The Greeks in Bactria and India, Cambridge, 1951, стр. 5—12 (иные выводы).

[8] W. W. Tarn, The Greeks, стр. 6, 9.

честей, которые воздавались этим царям благодарными подданными в память об одержанной военной победе или в память о привилегиях, предоставленных царем какому-либо городу, области или племени. Некоторые из царских почетных имен такого рода употреблялись в одной части державы, но не были известны в другой; одни из них пользовались широкой популярностью, тогда как другие применялись весьма редко. Не следует преувеличивать значение и масштабы обожествления царей, особенно когда речь идет о первых Селевкидах. Лишь позднее, с утверждением новых религиозных и сотерологических представлений, идея божественности царя приобретает иной аспект[9]. Селевкидские монархи имели несколько официальных титулов, однако для периода, предшествующего правлению Антиоха III (223—187 гг. до н. э.), у нас нет свидетельств о существовании общего для всей державы культа династии, который включал бы и поклонение здравствующему царю. Такой культ позднее наложил отпечаток на армию, двор и институты центральной власти; но его нельзя смешивать с почестями, воздававшимися царю во времена первых Селевкидов по конкретным поводам и лишь в некоторых областях державы.

Все нити управления селевкидским государством сходились к царскому двору, где мы находим старый ахеменидский институт «дома царя» (греч. *oikos*), а также «друзей царя» (*philoi*), имевших столь большое значение при Александре Великом. Двор играл очень важную роль, поскольку Селевкиды были абсолютными монархами; двор был огромным, так как «дом царя» включал многочисленных родственников с их семьями, рабами и слугами — целую массу людей. Как и для некоторых других государств, вопрос о должности первого министра остается неясным; при первых, весьма деятельных селевкидских правителях такая должность, по крайней мере, не упоминается. При Антиохе III появляется нечто вроде поста вице-короля. Источники сообщают, что этот пост занимал некий Гермий, который ведал «делами», однако он в равной мере мог быть и гражданским, и военным чиновником[10]. При Селевкидах, как и ранее при Ахеменидах, существовала обширная канцелярия; упоминается, в частности, должность эпистолографа (по-видимому, начальника писцов). Мы не будем касаться здесь организации царской гвардии, наемной армии и других институтов центральной власти, а обратимся к структуре местного управления.

В период эллинизма продолжала действовать политическая теория, согласно которой подданные делились на четыре кате-

---

[9] Здесь я в основном следую Э. Бикерману (Les institutions, стр. 256).

[10] E. Bikerman, Les institutions, стр. 197; M. I. Rostovtzeff, The Social and Economic History, vol. I, стр. 518.

гории: вассальные цари, вассальные династы, города и народы (*ethnē*). Примером последних могут служить, например, галаты в Малой Азии и полукочевые племена Ирана[11]. Остается неясным, признавали ли сами Селевкиды такое деление и в какой мере они руководствовались им, однако несомненно, что все эти категории реально существовали. В империю входили и такие племена и народы, которые находились лишь в номинальной зависимости от селевкидского царя и имели собственных правителей. Некоторые из малоазиатских городов-государств были полноправными союзниками селевкидских монархов и имели своих представителей при дворе. Сведений о положении городов на территории Ирана почти нет, однако можно предполагать, что, как правило, они, в отличие от городов Малой Азии, не пользовались независимостью или внутренней автономией. Маловероятно, чтобы какой-либо иранский город мог быть союзником царя, особенно при первых Селевкидах; позднее мы имеем пример Селевкии на Тигре, которая фактически была независимым городом. Династы были местными правителями, владевшими своими доменами в качестве вассалов селевкидского царя. Такое положение занимали правители Армении, Индии, Мидии и некоторых других областей; в их руках находилась как гражданская, так и военная власть, они действовали как независимые царьки и имели дворы, копировавшие двор селевкидского монарха[12]. Различия между сатрапами селевкидского царя и мелкими династами нередко были очень незначительными; точно так же зачастую трудно определить, чем отличалось положение местных династов от вассальных царей. Не исключено, что выбор эллинистических терминов происходил таким образом, что более независимый или более могущественный правитель считался царем, а не династом; некоторые исследователи полагают, однако, что в действительности был лишь один царь — селевкидский монарх, единственный над всеми. На протяжении почти всей истории селевкидской державы номенклатура и границы сатрапий и царств неоднократно менялись, так что определение этого периода в мусульманских источниках как времени многих местных царей является достаточно точным.

Как показал В. Тарн, в областях к востоку от Евфрата сатрапии подразделялись на епархии, а эти последние — на гипар-

[11] Эта «политическая теория», как свидетельствуют надписи, продолжала действовать и в римское время. См.: E. Meyer, Die Blüte und Niedergang des Hellenismus in Asien, Berlin, 1925, стр. 43; M. I. Rostovtzeff, The Social and Economic History, vol. III, стр. 1439. Следует, однако, учитывать, что в Малой Азии признаки, по которым на практике выделялись отдельные категории подданных (прежде всего *ethnē*), могли быть иными

[12] E. Bikerman, Les institutions, стр. 167.

хии; такая трехступенчатая система соответствует делению на *nomos, topos* и деревню в Египте при Птолемеях, но в селевкидском государстве она была менее четкой, чем в Египте [13]. Основной административной единицей служила епархия; позднее, когда начался распад державы, многие епархии добились самостоятельности. В употреблении административных терминов в источниках и здесь, однако, нет полной ясности; так, Сузы, по крайней мере в течение какого-то времени, были одной из епархий сатрапии Персиды, но титул стратега (*stratēgos*), который носил управитель этой епархии, в других случаях нередко выступает как синоним сатрапа [14]. Возможно, что *stratēgos* «полководец» был чисто военным титулом, обозначавшим командующего воинским подразделением, так что его, в зависимости от конкретной ситуации, мог носить сатрап, епарх или другое должностное лицо, в обязанности которого не входило выполнение функций гражданской администрации. Однако на практике, очевидно, должности сатрапа и стратега объединялись в одном лице. Старые ахеменидские сатрапии Бактрия, Парфия, Арахосия, Мидия и Персида упоминаются в источниках как сатрапии государства Селевкидов, однако за время существования державы границы этих сатрапий неоднократно менялись [15]. Отсутствие четкого разделения гражданских и военных властей свидетельствует, по моему мнению, о милитаристском характере селевкидской державы — совмещение военных и гражданских функций обычно для государств, постоянно ведущих войны и стремящихся к новым завоеваниям.

Система налогов была, как обычно, очень сложной, но и здесь можно заметить продолжение практики, сложившейся в ахеменидское время и лишь несколько видоизмененной при Селевкидах. В обязанности сатрапов входил сбор поземельного налога с землевладельцев; размеры этого налога были определены столь же твердо, как размеры подати, взимавшейся при Дарии I с каждой области. Общая сумма установленного для сатрапии поземельного налога складывалась из поступлений от сельских общин, а не от отдельных лиц (позднее в западной части селевкидской державы римляне ввели вместо этого налога десятину — *decima,* определенный процент с урожая) [16].

---

[13] W. W. Tarn, Hellenistic Civilisation, London, 1952, стр. 130.

[14] E. Bikerman, Les institutions, стр. 199.

[15] Там же, стр. 201—202.

[16] Там же, стр. 107. Тарн (Hellenistic Civilisation, стр. 142), ссылаясь на сообщение Аппиана («Гражданские войны», V, 4, 18), полагает, что, когда Марк Антоний объяснял жителям города Эфеса в Пергамском царстве преимущества римской системы взимания десятины с урожая, он следовал, скорее, практике Селевкидов, а не Птолемеев. Я не вижу оснований для такого вывода.

Другие налоги и поборы с населения взимались обычно царскими чиновниками, а не сатрапами, как это было при Ахеменидах. Центральная казна имела в провинциях специальных агентов, которые должны были собирать таможенные пошлины, солевой налог, налог на рабов и другие налоги, однако практика взимания поборов была различной не только в отдельных сатрапиях, но и в городах, военных колониях и деревнях в пределах одной и той же сатрапии. Города облагались «коллективным» налогом (греч. *phoros*), который вносился в центральную казну городом в целом, а не отдельными гражданами. Существовали также местные налоги, особые поборы на нужды войны; значительные суммы стекались в казну с рудников и из царских мастерских. Судя по источникам, военная добыча и конфискации имущества составляли немалую часть богатств селевкидского царя (Антиох III погиб при попытке разграбить храм в Хузистане). Конфискации имущества стали особенно широко практиковаться в период упадка династии, когда правители старались всеми средствами увеличить поступления в казну и искали новые статьи доходов[17]. Источники свидетельствуют, что система налогового обложения не была единой для всей державы; Малая Азия и Месопотамия и в этом отношении отличались от других областей.

Наиболее значительные изменения в Иране в период селевкидского владычества связаны с городом. Эти изменения в целом можно охарактеризовать как сочетание греческой концепции полиса с древневосточным традиционным представлением об империи, что в конечном счете привело к политическому синкретизму позднеэллинистических государств. Укрепление позиций полиса, осознание исключительного положения, занимаемого городом-государством, является ключом к пониманию того, что произошло в Иране (как и в других областях) в правление Селевкидов. Если проанализировать концепции земельной собственности при Ахеменидах и при Селевкидах, разница становится вполне очевидной. Греко-македонские завоеватели должны были обнаружить в ахеменидской империи два основных типа земельной собственности — царские земли и храмовые земли («земли богов»). Царские земли подразделялись на земли, непосредственно принадлежащие царю царей и являвшиеся тем самым государственной собственностью (рудники, леса, царские поместья), и на земли, которые мы можем назвать «феодальными». Последние составляли бóльшую часть земельных угодий и включали в себя, во-первых, земли, занятые местными

[17] Ссылки на источники см.: E. Bevan, The House of Seleucus, vol. II, London, 1902, стр. 120.

правителями или племенами, лишь номинально подчинявшимися царю царей, во-вторых, поместья крупных землевладельцев, которые держали землю на правах «лена», полученного от ахеменидского царя. Крестьяне, обрабатывавшие эти земли, обычно были прикреплены к ней как зависимые и не могли уйти в другое место без разрешения землевладельца или государственного чиновника. Храмовая земля принадлежала храму, и крестьяне, находившиеся на этой земле, платили налоги жрецу или верховному жрецу, которые, в свою очередь, передавали их в центральную казну. В пределах одной и той же сатрапии в принципе могли, видимо, существовать все виды земельного владения и держания, хотя на практике положение в разных сатрапиях было неодинаковым.

Селевкидские цари получили в наследство от Ахеменидов царские земли и распоряжались ими по своему усмотрению; разница, возможно, состояла лишь в том, что — по крайней мере теоретически — храмовые земли рассматривались как особая категория царских земель, пожалованных храмам. Некоторые из прежних поместий были переданы греко-македонскому окружению, «друзьям» новых царей; другие дробились на участки и распределялись между держателями наделов; часть поместий оставалась у прежних владетелей — персов или представителей других народов. Принципиально новым явились жалования земель городам и военным колониям, основанным Селевкидами. Пожалования городам выделялись обычно из фонда царских земель, это могли быть либо угодья, ранее находившиеся у землевладельцев, либо непосредственно принадлежащие монарху; в очень редких случаях городам жаловались храмовые земли — Селевкиды, как правило, покровительствовали храмам[18].

Рост городов и развитие городской жизни составляют характерную особенность правления Селевкидов. Основание греческого полиса должно было оказывать сильное воздействие на всю прилегающую округу, хотя бы уже потому, что города были окружены приписанной к ним довольно значительной территорией. Собственно греческих городов насчитывалось сравнительно немного, но другие города копировали структуру греческих полисов. Мы уже упоминали военные колонии-катойкии (с клерами), которые, подобно военным поселениям (*cantonments*) Британской Индии, основывались, как правило, рядом с туземными деревнями. Со временем деревня и катойкия сливались в одно целое, образуя новую эллинистическую политевму (более точно следовало бы говорить о создании в таких случаях нового

[18] E. Bikerman, Les institutions, стр. 123; Tarn, Hellenistic Civilisation, стр. 155; M. I. Rostovtzeff, The Social and Economic History, vol. I, стр. 506.

объединения политевм, поскольку *politeuma* обозначает, собственно, общину или городской квартал; так, политевмой была, например, еврейская община в одном из кварталов Селевкии на Тигре — города, имевшего полисное устройство). Местных жителей должна была привлекать перспектива воспринять культуру эллинов, так что постепенно возникал греко-восточный культурный синкретизм. В раннеселевкидский период греки ревниво оберегали свои привилегии граждан полиса и жителей военных поселений и следили за тем, чтобы только немногие избранные из числа туземного населения попадали в разряд горожан; бóльшая часть местных жителей допускалась в города как члены политевмы [19]. Позднее ситуация значительно изменилась, и в парфянское время среди горожан мы повсюду на Востоке находим представителей местного населения.

Когда город получал земли с зависимыми работниками, положение последних значительно улучшалось, так как многие из них превращались в свободных наследственных поселенцев, выплачивающих регулярную подать в городскую казну. Эти процессы можно рассматривать как основу общественных и экономических изменений, происшедших в период эллинизма; по своему значению эти изменения могут быть сопоставлены с переменами, происшедшими много позднее, после распространения ислама, или с усилением влияния западной культуры в наши дни. Греки, поселившиеся в Азии, принесли с собой новые концепции власти, культуры и искусства; они выступили в роли катализаторов, ускоривших процессы развития, и результаты не замедлили сказаться.

Нам приходилось уже отмечать, что греки никого не пытались эллинизировать: они, скорее, учили примером. Твердо уверенные в том, что их образ жизни является самым совершенным, лучшим, чем любой другой, греки не только проявляли терпимость к местным культурам, но и поддерживали их. В Вавилонии при Селевкидах возродилась традиция обучения клинописи — об этом свидетельствует огромное количество клинописных табличек, дошедших от этого периода, в которых содержатся астрономические тексты, деловые документы и, что особенно важно, древние гимны и ритуальные тексты. Наиболее поздние клинописные документы датируются последними годами до новой эры. Время Селевкидов отмечено также возрождением старых религий — показательно, что селевкидские цари покровительствовали многим храмам [20]. Политика веротерпимости и по-

---

[19] W. W. Tarn, Hellenistic Civilisation, стр. 156.

[20] M. I. Rostovtzeff, The Social and Economic History, vol. III, стр. 1427. Антиох I разрушил Вавилон и переселил его жителей в Селевкию, но традиции вавилонской учености сохранились.

ощрения местных культов была, несомненно, одним из главных факторов, способствовавших популярности династии среди подданных; можно полагать, что положение в Иране в этом отношении мало чем отличалось от Вавилонии. Но, прежде чем обратиться к Ирану, нам следует подытожить достижения Селевкидов.

Влияние эллинизма и Селевкидов на Востоке проявилось, пожалуй, наиболее отчетливо в распространении греческого языка и греческого законодательства. Многие исследователи полностью отрицают наличие каких-либо признаков греческого влияния на территории Ирана. Несомненно, что здесь оно было гораздо менее сильным, чем в Сирии или Месопотамии; однако, например, открытие в последние годы греческих надписей и новые данные по истории Греко-Бактрийского царства заставляют по-новому подойти к оценке роли и влияния греческой культуры в Иране. Быть может, более важными, чем греческая надпись в Кандахаре (Афганистан), о которой пойдет речь ниже, при изложении истории Греко-Бактрии, являются греческие надписи из Закавказья, а также пергаменты, обнаруженные в Авромане (Курдистан). Нет ничего удивительного в том, что греческие надписи найдены в Сузах (Селевкия на Эвлее) и в Нихавенде (Лаодикея), где жили греки, но авроманские юридические документы, в которых нет ни одного греческого имени, и надписи из Армении и Грузии, где греческие имена почти (или вовсе) не встречаются, ясно указывают на значение и влияние греческого языка в Азии. Правда, большинство этих надписей, как и авроманские пергаменты, относятся к парфянскому периоду, однако это лишь свидетельствует о сохранении престижа и стойкости традиции применения греческого языка[21]. Документы из Авромана показывают также, насколько популярным было греческое законодательство, оказавшее сильное влияние на все области селевкидской империи.

Помимо успехов в распространении греческого языка и законодательства и таких преимуществ городской культуры, как упорядоченная администрация и твердая шкала взимания налогов, Селевкиды смогли добиться единства в системе денежного обращения, мер и в календаре. Право выпуска монеты принадлежало только царю; города могли чеканить свою монету, но только с разрешения царя и от его имени. Известны

---

[21] Об авроманских греческих контрактах см.: E. H. Minns. Parchments of the Parthian period from Avroman,— «Journal of Hellenic Studies», XXXV, 1915, стр. 22—65. Надписи из Закавказья хорошо систематизированы у К. В. Тревер, Очерки по истории культуры древней Армении, М.—Л., 1953, стр. 162 и сл.; о надписях, найденных на территории Грузии, см.: «Мцхета», т. I, Тбилиси, 1958, стр. 70 и сл.

золотые, серебряные и медные (бронзовые) монеты этого периода, базирующиеся на аттическом стандарте — драхме весом 4,3 *г*. Птолемеи в Египте приняли финикийский стандарт драхмы, равный около 3,6 *г*, так что в эллинистическом мире имелись две взаимоисключающие системы. Золотые монеты чеканились только при первых Селевкидах; они, вероятно, предназначались для торговли с Индией, продолжать которую позднее стало трудно[22]. Типы селевкидских монет нередко вводят в заблуждение исследователей. Так, монеты с портретом Александра Великого выпускались разными эллинистическими правителями в течение долгого времени после смерти Александра. Антиох I около 290 г. до н. э. начал чеканить монеты в Бактрах от имени своего отца и продолжал выпуск таких эмиссий и тогда, когда сам занял селевкидский престол[23]. На реверсе монет первых Селевкидов обычно присутствуют изображения сидящего Аполлона, Зевса или фигура слона. До Антиоха IV легенды селевкидских монет очень кратки («царя такого-то»); позднее они включают в себя также эпитеты *epiphanēs, theos* и др.

На некоторых селевкидских монетах мы находим обозначения городов, свидетельствующие о их независимости; некоторые города имели особые знаки на медных монетах, выпускавшихся для местного обращения, например, символ божества счастья на монетах города Селевкии на Тигре[24]. Аттическая система мер и весов получила распространение на всей территории державы, хотя и не вытеснила местные системы и употреблялась наряду с ними. Хорошо известны селевкидская эра и календарь, в котором начало года всегда приходилось на определенный день. Следует, однако, отметить, что этот календарь не вытеснил другие типы календарей и другие системы летосчисления и применялся параллельно с ними.

Мы можем теперь обратиться к Ирану и попытаться собрать воедино немногие отрывочные данные, относящиеся к селевкидскому этапу его истории. Сведения источников, которые можно привлечь для нашей реконструкции, весьма скудны. Это лишь единичные упоминания в сочинениях античных авторов (причем, как правило, более позднего времени) и разрозненные археологические данные — вот все, что имеется в нашем распоряжении. Можно попытаться наметить границы восточных владе-

---

[22] Картина денежного обращения была в действительности гораздо более сложной, чем это может показаться из нашего изложения. Ср.: M. I. Rostovtzeff, The Social and Economic History, vol. III, стр. 1635.

[23] E. T. Newell, The Coinage of the Eastern Seleucid Mints, New York, 1938, стр. 230.

[24] E. Bikerman, Les institutions, стр. 226.

ний империи при Селевке I. Местоположение городов, основанных Селевком или Антиохом I, позволяет составить некоторое представление о территориях, находившихся под селевкидским контролем. Территория нынешнего Азербайджана никогда не упоминается в числе владений дома Селевка; Страбон (XIII, 523) сообщает, что ахеменидский сатрап Атропат предупредил попытки Селевкидов подчинить северную часть Мидии, называемую Малой Мидией или Мидией Атропатеной. Столицей Малой Мидии, согласно Страбону, был город Газака, который можно отождествить с современным городищем Тахт-и Сулейман. Археологические работы, проведенные в последние годы, позволяют заключить, что еще в период существования мидийской державы или даже в предмидийское время это место считалось священным; позднее, при Сасанидах, оно сохраняло значение династического культового центра[25]. О том, что территория Азербайджана не входила в состав владений Селевкидов и что с нее, видимо, лишь иногда взималась подать, можно судить и по сообщению Полибия (X, 27), согласно которому Александр основал кольцо городов на границах с Мидией для защиты от «соседних варваров».

Есть основания предполагать, что и прикаспийские области — Гилян и Мазендеран — не были под властью Селевкидов. Армения, лежащая к западу от Азербайджана, ближе к основным центрам державы, хотя и сохраняла независимость, но, по-видимому, испытывала давление с запада и в отдельные периоды должна была выплачивать дань. Гиркания, область к востоку и юго-востоку от Каспийского моря, оказалась в числе владений Селевка I (Аппиан, «Сирийские дела», 55), но с возвышением парфян, вскоре после смерти Селевка I, окончательно вышла из-под контроля. Хорасан также перешел под власть парфян и греко-бактрийцев; судьба Бактрии требует особого рассмотрения. На юге владения Селевкидов простирались вплоть до Хузистана, однако на значительную часть Персиды их власть после смерти Селевка I уже не распространялась.

---

[25] В сообщениях Страбона о резиденциях правителей Малой Мидии не все ясно. Остается спорным, можно ли считать крепость Вера, упоминаемую Страбоном, цитаделью города Газака (Ганзак), как это предлагал И. Маркварт (Ērānšahr, стр. 108). Из других источников (Стефан Византийский, Дион Кассий и др.) следует, что существовало два города — Ганзак и Фрааспа, причем Вера отнюдь не обязательно должна быть отождествлена с Фрааспой. Еще более запутан этот вопрос в PW, где оба города — Ганзак и Фрааспа — идентифицируются с городищем Тахт-и Сулейман. В. Ф. Минорский полагал, что Фрааспа (или Фраата) находилась в районе Мераги (см.: V. Minorsky, Roman and Byzantine campaigns in Atropatene,— BSOAS, vol. XI, pt 2, 1944, стр. 263).

Керман, область Мекрана и прилегающие районы вряд ли находились под контролем Селевкидов.

Список городов, основанных Селевкидами, показывает, что греко-македонские правители более всего заботились об охране путей сообщения и торговли, ведущих к их форпосту на востоке — к Бактрии. Многие города были основаны в Месопотамии, вокруг Персидского залива, но на территории Ирана города, как правило, строились вдоль пути, идущего от Селевкии на Тигре к Бактрам. Плиний (IV, 116) сообщает, что город Лаодикея, основанный Антиохом, находился на дальней границе (Персиды?); этот же автор упоминает о городе Александрия, располагавшемся где-то в Кермане. Несколько других имен, приводимых Аммианом Марцеллином и Птолемеем и имеющих греческий вид, также рассматриваются как названия городов, основанных Селевкидами, хотя прямых доказательств этому нет[26]. Селевкидские военные поселения существовали, по-видимому, и на территории Персиды (есть сведения о сатрапе Персиды даже при Антиохе III), однако монеты показывают, что власть Селевкидов в этой области была непрочной и что династии местных правителей продолжали сохраняться. Более прочно Селевкиды обосновались в районе Нихавенда, о чем свидетельствуют обнаруженные здесь надписи Антиоха III и памятники искусства[27]. Экбатаны, Бехистун и другие поселения, лежащие на пути из Селевкии, также можно относить к числу селевкидских центров. Несколько городищ с селевкидскими слоями обнаружил В. Чериковер на территории Великой Мидии, но лишь немногие из них можно отождествить с городами, известными из источников. Наблюдения такого рода не меняют главного вывода, который можно сделать на основании изучения списка городов, существовавших при Селевкидах: они возникали прежде всего вдоль пути, ведущего в Бактрию, причем большинство их сконцентрировано на крайнем восточном отрезке этого пути. Исидор Хараксский в «Парфянских станциях» описывает, по-видимому, не только почтовую дорогу, ведущую на восток, но и цепочку селевкидских поселений. Из этих данных следует, что Северный и Южный Иран были разделены линией селевкидских колоний, тянувшихся на восток. Можно предположить, что различия в путях развития и местных традициях областей, некогда входивших в состав империй мидян и персов, сильно ска-

[26] V. Tscherikower, Die hellenistischen Städtegründungen, Leipzig, 1927, стр. 99.

[27] В районе Нихавенда найдена надпись Антиоха III, относящаяся к 193 г. до н. э., в которой сообщается о культе супруги этого царя. Здесь же обнаружена надпись Селевка IV (?). См.: L. Robert, Inscriptions séleucides de Phrygie et d'Iran,— «Hellenica», vol. VII, 1949, стр. 1—30.

зались на их судьбах в эпоху господства греко-македонцев и эллинской культуры, когда эти области находились лишь в номинальной зависимости от Селевкидов. Историю Парфянского государства, возникшего позднее, можно рассматривать в свете этого «греческого клина», отделившего север Ирана от его юга. Когда в 130 г. до н. э. Антиох VII пытался восстановить селевкидскую власть в Иране, он прежде всего направился в Экбатаны, столицу Мидии, так как он понимал, что именно там греки могли найти поддержку. Однако эти попытки оказались безуспешными — Антиох VII настроил против себя жителей, которые ранее поддерживали его, и власть Селевкидов окончательно пала не только в Иране, но и в Месопотамии.

Наследие эллинизма

В период завоеваний Александра арамейский язык еще сохранял в Западной Азии свои позиции *lingua franca* и языка делопроизводства, хотя греческий уже начал соперничать с ним. Как и следовало ожидать, при Селевкидах греческий язык занял господствующее положение там, где особенно активно шел процесс эллинской колонизации, тогда как древняя традиция применения арамейского языка продолжала действовать в тех областях Ирана, которые не подчинялись непосредственно селевкидским правителям. Об этом могут свидетельствовать греческие надписи, обнаруженные на территории Центрального Ирана,— их немного, но никаких других письменных памятников на этой территории для последних столетий до новой эры нет. С другой стороны, имеются весьма примечательные свидетельства параллельного употребления греческого и арамейского языков далеко на востоке. Так, очень важная греко-арамейская билингва Ашоки из Кандахара показывает, что в середине III в. до н. э. даже в империи Маурья надпись, адресованная иранцам, которые жили рядом с греками в одной из провинций этой империи, составлялась на арамейском языке[28]. К счастью, все данные об употреблении арамейского письма и языка в Иране и развитии среднеиранских языков и алфавитов собраны и систематизированы[29], что позволяет сделать некоторые выводы и для интересующего нас периода.

Селевкиды, как известно, следуя примеру Александра, сохранили персов и других иранцев в аппарате государственного

---

[28] D. Schlumberger, L. Robert, A. Dupont-Sommer, E. Benveniste, Une bilingue gréco-araméenne d'Asoka.— JA, t. CCXLVI, 1958, стр. 1—48.

[29] W. B. Henning, Mitteliranisch.

управления. Греческие канцелярии не могли возникнуть сразу, для этого требовалось определенное время; закономерно поэтому предположить, что по крайней мере в восточной части селевкидской державы существовали два вида делопроизводства: греческое и арамейское, доставшееся в наследство от Ахеменидов. Для сношения со своими подданными Селевкидам нужна была какая-то письменность, и вполне естественно, что ею оказалась арамейская. Когда Ашоке понадобилось обратиться к населению области, лежащей между Кандахаром и Таксилой, он должен был выбрать в качестве письменных языков греческий и арамейский, поскольку местный иранский диалект был, очевидно, бесписьменным. Мне представляется, что кандахарская билингва Ашоки — официальная царская надпись, как и греко-арамейская надпись из Мцхеты (Грузия),— отражает реальное существование двух систем делопроизводства, двух канцелярий, а не стремление пользоваться двумя традиционными языками. В Месопотамии, где в это время говорили на арамейских диалектах, мы находим геммы, буллы и таблички, также свидетельствующие о двух видах делопроизводства. К сходным выводам приводят и двойные имена — местные и греческие, которые носили эллинизированные жители Вавилонии.

Несомненно, что на территории Ирана в этот период были писцы, происходившие из Месопотамии, или местные уроженцы, которые говорили по-арамейски, но они, очевидно, следовали старой ахеменидской практике устного перевода арамейских надписей и документов на иранский язык, понятный населению данной области. Весьма сложен вопрос о том, когда арамейский письменный язык, воспринявший некоторое количество иранских слов, был заменен иранскими письменностями с арамейскими идеограммами. Следует подчеркнуть, что понимание текста документа или надписи в обоих случаях было практически одинаковым, поскольку текст, написанный по-арамейски, переводился устно на местный иранский язык. Между арамейскими надписями Таксилы и Кандахара и памятниками первых сасанидских царей, в которых идеограммы (или гетерограммы) выступают уже как строго установленная система, лежит долгий путь постепенного развития письменности. Арамейская надпись Ашоки, обнаруженная в Пул-и Дарунта (Лагман, в Афганистане), содержит не отдельные заимствования из лексики пракритов, а целые пракритские глоссы, однако эта надпись не позволяет сделать вывод о возможности раннего перехода к гетерографическим среднеиранским письменностям — на границах Индии, в областях, где пракриты уже давно были письменными языками, положение сильно отличалось от Ирана. Возникновение письма кхароштхи в Северо-Западной Индии

на основе арамейского алфавита может вызвать вопрос о том, почему иранцы не поступили так же и не создали свои алфавитные письменности. Ответ, по-видимому, следует искать в сохранении и утверждении позиций арамейского делопроизводства в селевкидское время. Мне представляется, что естественный ход развития письменности в Иране был замедлен в результате политики греко-македонских правителей, которые способствовали сохранению традиций арамейской канцелярии наряду с греческой.

Очень трудно точно определить период, когда арамейский язык в Иране был окончательно вытеснен из официального употребления и заменен иранскими гетерографическими письменностями. Можно предполагать, что на территории Афганистана арамейское письмо исчезло в результате распространения кхароштхи и греческого. На монетах правителей Греко-Бактрии представлены надписи именно на этих двух письменностях (кхароштхи и греческой), но не на арамейской, так что вытеснение арамейского письма из областей крайнего Востока можно датировать примерно 200 г. до н. э. Заслуживает внимания, что приспособление греческого письма для фиксации иранского языка Бактрии произошло лишь много позже, при Кушанах, в конце первого или в начале второго столетия новой эры — иранское возрождение проявилось здесь позднее, чем на западе. В Парфии этот процесс произошел раньше, чем в Бактрии; об этом можно судить по острака, найденным в Нисе, неподалеку от Ашхабада (Туркменистан), и содержащим несомненно парфянские тексты I в. до н. э.— позиции эллинизма в Парфии к этому времени уже были значительно ослаблены в результате мощного движения за возрождение иранской культуры[30]. Нет оснований считать, что Селевкиды покушались на местные традиции и силой насаждали эллинизм; упадок арамейской канцелярии и возникновение среднеиранских письменностей приходятся на время ослабления селевкидской власти и централизованного бюрократического аппарата, который более всего способствовал сохранению старой ахеменидской практики. Местные правители были озабочены поисками новых форм организации канцелярии и делопроизводства; некоторые из них не осмеливались вовсе порвать с прежней традицией, тогда как другие действовали более решительно.

Заслуживают внимания и некоторые другие стороны деятельности селевкидских канцелярий и администрации в целом. Примечательны, в частности, селевкидские геммы и буллы, обнаруженные при раскопках Селевкии на Тигре, Урука и в дру-

[30] Иранские надписи на парфянских монетах появляются только в I в. н. э. (впервые — при Вологезе I, около 55 г. н. э.), в период расцвета иранского возрождения.

гих местах; исследованию их посвящен целый ряд работ[31]. М. Ростовцев описал два способа опечатывания документов в селевкидской Вавилонии, отражающие две канцелярские традиции. Один из них — древний вавилонский метод изготовления «конверта» для глиняной таблички, на котором помещались оттиски печатей — свидетелей и других лиц; другой — греческий, состоящий в наложении глиняной буллы на свернутый в свиток (или сложенный) пергамент или папирус. Существовал, однако, и третий способ, известный уже в ахеменидское время и основанный на сочетании клинописной глиняной таблички с арамейским текстом на пергаменте, причем табличка прикреплялась шнуром к экземпляру того же самого документа, написанного по-арамейски на пергаменте или папирусе (этот метод, очевидно, применялся и в ахеменидской канцелярии Персеполя, где документы составлялись на эламском и арамейском языках). При последних Селевкидах модифицированный вариант такой системы фиксации документов получил наибольшее распространение, хотя дни клинописи были уже сочтены. Документ, написанный на пергаменте или коже (гораздо реже — на птолемеевском папирусе), скреплялся с помощью шнура, затем на шнур вокруг документа прилеплялся комок глины (подобно кольцу для салфетки), на глине оттискивались печати свидетелей, владельца и других лиц, и документ депонировался в архив. В сасанидское время этот метод опечатывания документов подвергся дальнейшим изменениям: вместо того чтобы делать кольцо вокруг документа, концы шнура пропускали через плоский кусок глины так, что они свисали с документа (этот прием сохранялся в Западной Европе до недавнего времени). Судя по многочисленным оттискам, эмблемой дома Селевка служило изображение якоря.

Более подробное описание селевкидских гемм и печатей и сложного круга вопросов, связанных с ними, должно явиться предметом специальной работы, однако необходимо сказать несколько слов о их значении как источников по эллинистической истории и истории искусства. На греческих геммах, принадлежавших частным лицам, мы находим изображения мужской головы в профиль, изображения животных или целых сцен; насколько известно, нет печатей без изображений, с одной только надписью, как это стало обычным при исламе[32]. Селев-

---

[31] Селевкидская глиптика в целом лучше всего исследована в работах: R. H. McDowell, Stamped and inscribed objects from Seleucia on the Tigris, Ann Arbor, 1935; M. I. Rostovtzeff, Seleucid Babylonia: bullae and seals,— YCS, III, 1932.

[32] G. M. Richter, Catalogue of engraved gems of the classical style, New York, 1920, стр. XXI.

киды следовали этой греческой традиции за одним лишь исключением: на их официальных печатях помещались только надписи или монограммы [33]. Позднее, скорее всего под влиянием восточной глиптики, на греческих геммах селевкидского времени появляются религиозные благопожелания, сопровождающие изображения. Однако различия между частными и официальными печатями продолжали сохраняться; в случаях, когда на геммах официальных лиц отсутствуют надписи, они все же отличаются от частных гемм по стилистическим признакам, размерам или по характеру изображения [34]. Эта традиция продолжалась и при Сасанидах — буллы и печати, на которых имеются только надписи, принадлежат официальным лицам и являются, соответственно, важным источником для изучения сасанидского Ирана, его истории и административного деления. Нам придется еще встретиться ниже с сасанидскими геммами; исследование их позволяет судить о преемственности многих институтов администрации, о стойкости традиций, восходящих еще к Ахеменидам.

Можно полагать, что влияние греческого законодательства способствовало расширению административного аппарата. Войны, которые вели Селевкиды, требовали новых налогов и поборов и соответственно многочисленных чиновников для их сбора. Так, при Антиохе I, в правление которого, судя по всему, оформилась система селевкидской администрации, были введены налоги на ввоз и продажу рабов [35]. Солевой налог и многие другие поборы должны были служить источником пополнения казны, как центральной, так и местной, и, вероятно, взимались по всей державе, в том числе в Месопотамии и на территории Ирана.

Полибий писал:

«Я спрашиваю вас, считаете ли вы, что пятьдесят лет назад (*sic*!) персы и правитель персов или македоняне и их царь, если бы даже какой-либо бог предсказал им будущее, могли бы они представить себе, что в наши дни (около 160 г. до н. э.— *Р. Ф.*) исчезнет вовсе самое имя персов — тех, кто был хозяевами почти всего мира, и что македоняне, чье имя прежде было почти неизвестным, станут сейчас владыками над всеми» [36].

Так могло казаться античному миру, но на Востоке помнят дольше и лучше. Древние традиции сохранялись не только в Персиде, родине Ахеменидов, но и в других сатрапиях, где во

---

33 R. H. McDowell, Stamped and inscribed objects, стр. 27—29.

34 M. I. Rostovtzeff, Seleucid Babylonia, стр. 19 и сл.

35 R. H. McDowell, Stamped and inscribed objects, стр. 179.

36 Полибий, История, XXIX, 21. Я использовал здесь перевод W. R. Paton в серии «The Loeb Classical Library».

времена ахеменидского царя царей дворы местных правителей старались подражать имперскому великолепию Суз и Персеполя. Многие из местных владетелей и после македонского завоевания продолжали править так же, как это было до Александра. Быть может, наиболее показательным примером стойкости персидских традиций служит двор мелкой династии Коммагены. Царь этой династии Митридат Каллиник и его сын Антиох на колоссальных статуях своих предков и в надписях, открытых на городище Немруд-даг и относящихся к I в. до н. э., провозглашают себя потомками великого Дария[37]. В то же время синкретизм религиозных верований обнаруживается в рельефах, изображающих различные восточные божества, которые отождествлены с богами греческого пантеона. Так, на одном знаменитом рельефе Зевс идентифицирован с семитским Белом и иранской «Маздаяснийской Верой», в которой, возможно, следует видеть эвфемистическое обозначение Ахура Мазды. Известно также о влиянии иранской культуры и традиций в Понте и в Каппадокии; тем более сильными эти традиции должны были быть в областях самого Ирана. Здесь, вдали от крупных эллинистических центров, продолжали существовать дворы местных провинциальных правителей, все еще достаточно влиятельных, чтобы сохранить древние традиции, которым суждено было вновь возродиться.

Передвижения армий и эллинистические города мало изменили жизнь большинства населения селевкидской державы, прежде всего крестьян. Греки, по-видимому, узнали на Востоке больше нового о сельском хозяйстве, сортах зерновых и плодовых культур, чем Восток заимствовал в этой области у греков. Так, персик по-гречески именуется буквально «персидским яблоком», сладкий лимон — «мидийским яблоком», а люцерна — «мидийской травой». Известны и другие заимствования в греческий, относящиеся в большинстве своем к эллинистическому периоду, когда контакты были особенно тесными. Источники сообщают гораздо больше конкретных сведений о Птолемеях, нежели о Селевкидах, однако можно полагать, что селевкидские цари не уступали правителям Египта в заботах о развитии наук и орудий производства; по-видимому, именно в этот период мир познакомился с водяной мельницей — изобретением, пришедшим из западных районов Иранского плато[38]. Селевкиды, подобно Птолемеям, много сделали для развития ирригации и сельского

---

[37] Библиографию см.: M. I. Rostovtzeff, The Social and Economic History, vol. III, стр. 1533, 1536. Правители Коммагены считали себя также и родственниками Селевкидов.

[38] R. J. Forbes, Studies in ancient technology, vol. II, Leiden, 1955, стр. 87.

хозяйства в своих владениях. Широкое распространение хлопка в странах Средиземноморья было, очевидно, одним из последствий завоеваний Александра; настоящий китайский шелк впервые появился на Ближнем Востоке в большом количестве также в это время[39]. Прокопий Кесарийский («О персидской войне», I, 20) рассказывает, что прежде греки называли шелк *medikon,* тогда как теперь (то есть во времена Прокопия) он именуется *serik.* Эллинизм, соединив Запад с Востоком, открыл новые рынки для международной торговли; об этом свидетельствует, в частности, распространение косметических средств, красителей, благовоний, а также знакомство с ранее неизвестными сортами вина и способами виноделия. Деятельность иранцев на торговых путях должна была быть весьма активной[40].

Греческие города и военные колонии не могли не оказывать влияния на местное население, несмотря на прочность иранских культурных традиций. В период, когда завоевали признание стоицизм и другие философские учения, когда стала популярной концепция идеального государства (утопия), некоторые селевкидские правители могли мнить себя верховными покровителями культуры и великими законодателями, облагодетельствовавшими мир. Труды таких ученых, как Эвклид, Манефон, Эратосфен, творивших в Александрии, или Беросс, Мегасфен, философ-стоик Диоген Вавилонский и географ Селевк Вавилонский, писавших в Селевкии на Тигре, пользовались известностью в основном лишь в кругу образованных греков, однако влияние этих трудов могло быть гораздо бóльшим, чем это представляется нам. Даже внешние формы, такие, как гимнасий, городское муниципальное управление, сам образ жизни греков должны были производить впечатление на всех, кто сталкивался с ними.

Дальнейших исследований требует проблема рабовладения на Ближнем Востоке, значительно отличавшегося по своему характеру от рабовладения в Римской империи. Этой проблеме посвящено много работ советских ученых. Попытки найти на древнем Востоке восстания или массовые движения рабов в целом нельзя признать успешными, и вот почему. На протяжении всей истории Ближнего Востока основным производителем в сельском хозяйстве был свободный крестьянин — арендатор или издольщик, в ремесле и в производстве — свободный ремесленник или квалифицированный наемный работник[41]. Крупные

---

[39] R. J. Forbes, Studies, vol. IV, стр. 46—55.

[40] R. J. Forbes, Studies, vol. III, стр. 25, 113.

[41] Выводы, излагаемые ниже, основаны главным образом на материалах, приведенных в работе I. Mendelsohn, Slavery in the Ancient Near East, New York, 1949.

латифундии Римской Италии не характерны для ближневосточных стран. Исследуя древнюю историю Ближнего Востока, в том числе и Ирана, мы обнаруживаем, что экономический базис сохраняет поразительную устойчивость. Наличие рабовладения в этих странах является очевидным фактом, однако, в отличие, скажем, от рабов в южных штатах США в период до гражданской войны, большинство рабов на Ближнем Востоке принадлежало к тем же этническим и языковым группам, что и рабовладельцы. Рабство здесь нередко было результатом обнищания, и переход из рабского состояния в свободное, как и из свободного в рабское, был делом несложным. Человек мог продать себя или членов своей семьи в рабство, чтобы добыть деньги или погасить долг. Существовало, несомненно, много форм рабовладения и, соответственно, правовых норм, регулирующих статус раба, его обязанности, права рабовладельца и т. п.; клинописные документы из Месопотамии содержат массу юридических предписаний относительно продажи рабов и сдачи их внаем, в том числе гарантии на случай побега или внезапной смерти. Раба можно было усыновить, освободить, он мог и сам выкупить себя, поскольку рабство было чисто денежным делом; рабы считались движимым имуществом и приравнивались к деньгам, их закладывали, отдавали внаем, вели на них меновую торговлю. Хотя большинство рабов было занято в домашнем хозяйстве, различия между рабом, выросшим в доме, и купленным на рынке, установить довольно трудно, равно как и между свободным и рабом. Для ахеменидского периода известны рабы, которые сами владели недвижимостью, имели собственные печати и выступали в качестве юридически полноправных лиц; они не работали в доме (или поместье) хозяина, а выплачивали ему подушную подать или определенный процент прибыли от сделок, которые они сами заключали. Цены на рабов возрастали на протяжении всего периода правления Ахеменидов, а затем и Селевкидов, так что труд наемного свободного работника был гораздо более дешевым, чем раба. С точки зрения производительности рабы, работавшие в поместьях знати, не могли конкурировать с крестьянами, арендующими землю; точно так же свободный квалифицированный ремесленник был более выгодным, чем ремесленник-раб. В результате при Селевкидах количество рабов по отношению к свободному населению державы стало меньшим, чем прежде; исключение составляли лишь храмовые и государственные рабы.

В селевкидском государстве эти две категории приобрели более важное значение, чем рабы, предназначенные для домашнего обслуживания. Практика посвящения детей или домашних

рабов в храм известна с глубокой древности; источники сообщают, что Александр Великий основал много крупных храмовых поместий, в которых трудились массы рабов — на сельскохозяйственных работах или в услужении у жрецов. Статус храмовых рабов не везде был одинаковым, что нашло отражение в юридических установлениях. Посвящение богу служило иногда гарантией, что домашний раб после определенного срока его пребывания у хозяина должен быть передан в храм, причем такой раб считался храмовой собственностью уже в период, когда он работал в доме хозяина [42].

Античные источники сообщают о практике посвящения в храмы военнопленных; более часто, однако, последние становились государственными рабами — собственностью царя. Часть рабов, предназначавшихся для царя, могла поступать с невольничьих рынков, однако большинство их составляли военнопленные. Руками этих рабов, а также свободных, привлекавшихся к выполнению трудовой повинности (своего рода «барщины», *corvée*), осуществлялось строительство крупных сооружений или прокладка дорог. Рабы, находившиеся в частном владении, также должны были нести трудовую повинность на государственных работах; в контрактах о продаже рабов, принадлежавших частным лицам, в селевкидское время часто оговаривалось, что раб уже выполнил установленную государственную трудовую повинность [43]. В широких масштабах рабы, прежде всего военнопленные, использовались в рудниках, где условия труда были особенно тяжелыми и опасными.

Рост числа храмов в селевкидской державе сопровождался дальнейшим развитием храмового рабства, тогда как значение частного рабовладения уменьшалось; более частыми стали манумиссии. Известную роль здесь сыграли и новые религии и философские учения, проповедовавшие гуманность и любовь к ближнему. Следует также иметь в виду, что на территории Ирана рабство никогда не было столь распространено и не имело такого значения, как в других странах Ближнего Востока. Рабовладение, несомненно, продолжало существовать в Иране в рассматриваемый период, но мы очень редко находим упоминания о массах рабов, как это обычно, например, для римских латифундий.

Обратимся к искусству державы Селевкидов. В селевкидском искусстве и архитектуре можно проследить наличие местных традиций, чисто греческих форм, а также синтез этих эле-

[42] I. Mendelsohn, Slavery, стр. 100—106. [Ср.: А. Г. Периханян, Храмовые объединения Малой Азии и Армении (IV в. до н. э.—III в. н. э.), М., 1959, стр. 111—120.]

[43] I. Mendelsohn, Slavery, стр. 99.

ментов. Особого рассмотрения заслуживали бы специфические черты, которые определяют основные различия между греческим искусством и искусством Востока — для первого характерно стремление к реализму изображения, тогда как второму более присущи условность и символика [44]. Реконструкция путей развития искусства Ирана может дополнить картину политической и социальной истории страны в селевкидское время. Греческие ремесленники и художники работали на строительстве ахеменидских дворцов в Сузах и Персеполе, так что эллинское влияние в искусстве Ирана ощущалось еще до завоеваний Александра. Искусство Ахеменидов было прежде всего имперским придворным искусством, оно в первую очередь отражало стиль и вкусы царского двора; в этом искусстве соединились многие разные художественные традиции древнего Ближнего Востока, подобно тому как в державе Ахеменидов были объединены многие различные по своей культуре народы. Напротив, греческое искусство в своей основе не было имперским или придворным; оно может быть в известном смысле определено как «народное», связанное с мифологией и культами Эллады. Следует, однако, заметить, что и в ахеменидской империи в областях, где жили семитические народы и египтяне, местные традиции искусства также складывались в связи с мифологией и религиозной практикой; сами древние иранцы, по-видимому, не знали «культового» искусства. В период, когда под властью эллинов оказались прежние владения Ахеменидов, мы находим чисто местную культуру и искусство, расцветающие в храмах и в сельских районах Египта, тогда как в Александрии господствует греческая культура. Сходную картину можно наблюдать и в Месопотамии, в которой, к примеру, Урук, центр вавилонской астрологии и старых религиозных культов, развивался рядом с греческой Селевкией. Несколько иным было положение в Иране, где на смену господству персов с их придворным искусством пришли греки, которым еще предстояло создать новый, имперский стиль. Искусство эллинизма отличается от классического греческого прежде всего своей условностью. Некоторые исследователи полагают, что классическое греческое искусство более реалистично и более сюжетно, хотя и не лишено элементов религиозной символики, тогда как для эллинистического искусства характерно прежде всего стремление к созданию идеального образа [45]. Развитие искусства может отражать

---

[44] Общую характеристику см.: G. Contenau, Arts et styles de l'Asie antérieure, Paris, 1948, стр. 18; K. Erdmann, Griechische und achaemenidische Plastik, стр. 150 и сл.

[45] См.: D. Schlumberger, Descendants non-méditerranéens de l'art grec,— «Syria», t. XXXVII, 1960, стр. 261.

эволюцию религиозных верований и политических институтов, так что многие черты, отличающие эллинистическое искусство от классического греческого, следует считать не результатом внешнего, восточного влияния, а следствием перемен, которые произошли в самом греческом обществе. Если согласиться с этим, то следует предположить, что при первых Селевкидах складывалось новое эллинское искусство и что рядом с ним, в областях бывшей ахеменидской державы, продолжали жить старые традиции искусства Востока. Имперский, придворный стиль был уже известен искусству Ирана, так что процесс слияния древних восточных — прежде всего иранских — элементов и элементов греческих в новый гибридный стиль шел, очевидно, наиболее активно на территории Ирана, а не в Сирии или Месопотамии. Но в I в. до н. э. этот процесс — и в Иране, и в Восточном Средиземноморье — был осложнен воздействием новых факторов: Иран оказался в сфере влияния культур, пришедших из Средней Азии, прежде всего культуры парфян, создавших новое придворное искусство для царей новой иранской династии[46]; на Западе утверждение господства Рима сопровождалось созданием нового греко-римского искусства. Оба эти процесса ознаменовали конец эллинистической эпохи.

Среди религий, бытовавших на территории державы Селевкидов, можно различать древневосточные верования, новые греческие культы и синкретические образования. Как и в искусстве, период религиозного синкретизма в областях Восточного Средиземноморья в основном закончился с появлением римлян и христианства; в Иране ему был нанесен удар возрождением зороастризма при парфянских Аршакидах и Сасанидах. Выше мы уже говорили о селевкидской политике поощрения старых вавилонских культов и обрядов. Сходным, по-видимому, было положение и в других провинциях державы, в том числе и в Иране, с той только разницей, что здесь на смену персам пришли новые хозяева. Эта перемена должна была не только способствовать установлению сотрудничества персов и эллинов, но и облегчить процесс синкретизации культур — в Иране он шел, вероятно, более активно, чем в любой другой области прежних ахеменидских владений. Сопоставление с позднейшим арабским завоеванием Ирана кажется весьма полезным — в обоих случаях персы оказались наиболее решительными в сотрудничестве с завоевателями, они не побоялись разделить с ними политическую власть и действовали более активно,

[46] Впервые это положение выдвинул М. Ростовцев, см.: M. I. Rostovtzeff, Some new aspects of Iranian art,— «Seminarium Kondakovianum», VI, Praha, 1933, стр. 161; L'art gréco-iranien,— «Revue des Arts Asiatiques», vol. VII, 1931—1932, стр. 202—222, а также другие его работы.

чем другие народы, которые упорно держались за старые традиции. Эта характерная приспособляемость персов отмечена многими авторами, древними и современными.

Каковы бы ни были позиции зороастризма в последний период существования ахеменидской державы, очевидно, что при первых Селевкидах его роль оказалась ослабленной. Позднейшая парсийская традиция именует это время черным периодом в истории праведной веры; возможно, так оно и было в действительности. В Персиде и в некоторых других областях зороастризм продолжал существовать, но вскоре его затмил греко-иранский синкретический культ зерванизма — божества времени, *Zeitgeist*. Положение изменилось с появлением на исторической сцене парфян: Аршакиды, создатели нового иранского государства, возродили старую религию и тем самым заложили основы будущего могущества зороастрийской церкви.

При рассмотрении синкретических культов периода эллинизма нас более всего должна интересовать религиозная жизнь Ирана, а не верования, сложившиеся в греческой среде. Нельзя говорить для этого периода о какой-то одной «иранской» религии, вроде древнеегипетской или древнегреческой. Ахемениды испытали сильнейшее влияние со стороны местного неарийского населения Западного Ирана и культур Месопотамии, которое не могло не сказаться и на верованиях. Так, древняя месопотамская богиня Нанай была отождествлена с иранской Анахитой уже в позднеахеменидское время, причем культ этой богини получил очень широкое распространение[47]. Причины отождествления Анахиты с Нанай остаются загадочными; одновременное употребление обоих имен не помогает решить этот вопрос, поскольку такое употребление, скорее, указывает на поклонение двум богиням. Культ Анахиты-Нанай мы находим далеко на востоке, в Согдиане (один из согдийцев, жителей Восточного Туркестана, в начале IV в. н. э. носит имя «раб богини Нанай»), а также в Парфии — в I в. до н. э. в окрестностях Нисы существовал храм Нанай[48]. Культ Анахиты пользовался большой

---

[47] О месопотамской Нанай см.: K. Tallqvist, Akkadische Götterepitheta, Helsinki, 1938, стр. 385. Хорошую сводку данных о культе Анахиты можно найти у L. Gray, Foundations of the Iranian Religions, Bombay, 1927, стр. 57. Некоторые исследователи полагают, что культ Анахиты по своему происхождению не является иранским и что он возник лишь под влиянием культа Нанай.

[48] О согдийском имени, засвидетельствованном в «Старых письмах» из Дуньхуана, см.: W. B. Henning, The date of the Sogdian Ancient Letters.— BSOAS, vol. XII, pt 3—4, 1948, стр. 603; о храме Нанай, упомянутом в остракa Нисы, см.: И. М. Дьяконов, В. А. Лившиц, Из материалов парфянской канцелярии «Старой Нисы»,— «Исследования по истории культуры народов Востока. Сборник в честь академика И. А. Орбели», М.— Л., 1960, стр. 329.

популярностью в Армении и в Западном Иране, отношение его к почитанию Нанай (армянская форма — Нане) остается не вполне ясным. Как кажется, в Армении в позднеселевкидское время Нане, как и Анахита, была отождествлена с Артемидой, хотя Агафангел в начале IV в. н. э. отличает храм Анахиты от храмов Нане[49].

Другим культом, получившим широкое распространение во владениях Селевкидов, был культ Геракла — об этом можно судить по находкам статуй (рис. 72, 73, 74). В Армении Геракла идентифицировали с Вахагном, героем народных сказаний, связанным с иранским Веретрагной (позднейший Бахрам). В Бактрии, по крайней мере для части ее населения, Геракл отождествлялся с Шивой[50]. Существовали также представления о связи бога-героя Геракла с культом обожествленного Александра; в соответствии с эллинскими верованиями Геракл считался и покровителем гимнастики. Птолемеи Египта после установления официального культа династии возводили свой род к Гераклу, подобно тому как божественная родословная Селевкидов велась от Аполлона. Широкая популярность культа Геракла была связана прежде всего с представлением о силе, телесной мощи[51]. Бесконечные войны и вызванный ими экономический упадок, рост цен и все большее обнищание народных масс способствовали выдвижению на первый план других богов — спасителей и исцелителей.

Распространение сотерологических представлений, веры в «спасителя», у греков в эллинистический период связано с упадком значения города — наиболее яркого выражения греческого духа. Для классической Греции полис был не только формой организации общества; сам культ в античных религиях носил по преимуществу публичный, гражданский характер, и изгнание из города означало не только политическую, но и моральную и религиозную изоляцию. В эллинистическое время, несмотря на попытки монархов сохранить и укрепить старые институты греческого города, индивидуум все больше отделялся

---

[49] «Agat'angelos, Patmut'iwn Hayoc'», изд. Г. Тер-Мкртчяна и Ст. Канаянца, Тифлис, 1909, стр. 409—410. См. также греческий текст в издании V. Langlois, Collection des historiens anciens et modernes de l'Arménie, vol. I, Paris, 1880, стр. 168. Хороший обзор верований, связанных с богиней Нана//Нанай//Нане, можно найти у H. Ingholt, Parthian sculptures from Hatra, New Haven, 1954, стр. 12.

[50] K. Fischer, Neue Funde zur indischen Kunst,— AA, 1957, стр. 418 (предложенное Фишером отождествление с Буддой неубедительно).

[51] Многочисленные находки терракот с изображением Геракла в Селевкии на Тигре свидетельствуют о том, что его культ был популярен в народе. См.: W. von Ingen, Figurines from Seleucia on the Tigris, Ann Arbor, 1939, стр. 106—108, табл. XVIII.

от общественного коллектива, и не удивительно, что в этих условиях, взамен утраченной твердой опоры в полисе, он стремился найти утешение, моральную поддержку в «индивидуалистических» культах.

К концу эллинистического периода большое значение приобрел культ обожествленного царя, что отразилось и в царской титулатуре — в это время стали обычными такие эпитеты, как Сотер или Эпифан. Вера в старых городских богов была подорвана, их место занял царь — божественный «спаситель» (*sōtēr*). Обожествление правящих особ стало теперь не только выражением почестей или символом верховной власти царя над гражданами полиса, но и признанием его в качестве бога данного города, как и державы в целом. Обожествленные цари занимали в пантеоне место рядом с другими богами, хотя культ царя имел и некоторые особенности, поскольку он был непосредственным предшественником новых религий, связанных с верой в приход «спасителя», божьего помазанника.

Сходную эволюцию религиозных представлений пережили и эллины, жившие в селевкидское время на территории Ирана. И здесь, как и на западе, слепая Судьба — Тюхе («Фортуна») приобрела характер всемогущего божества; получили распространение также верования, связанные с демонами, некоторые из этих представлений разделялись и местными народами. В начальный период эллинизма восточные и греческая культуры развиваются самостоятельно; для позднего эллинизма характерна синкретичность, наложившая отпечаток не только на религию, но и на литературу этого периода — достаточно упомянуть такие произведения, как роман об Александре (известный в нескольких версиях) или книгу Еноха. Модным становится аллегорическое или даже мистическое толкование древних текстов; Беросс Вавилонский, пытаясь сделать историю своей страны доступной для греков, дает нам пример такой интерпретации старых мифов. Прорицания, сочинения по магии и астрологии возникают в большом количестве, и богословие начинает теснить философию. Если раньше философы интересовались более всего наукой и космогонией, то в I в. до н. э. их занимает судьба души и отношение человека к богам. Возросший интерес к магии и символике чисел особенно ясно проявился у неопифагорийцев, для которых числа стали средством определения человеческих судеб. Для позднеэллинистического периода характерны настроения пессимизма, вызванные не только упадком классических форм греческого общества, но и банкротством греческого рационализма и некогда могущественных древневосточных религий. Растерявшиеся в хаосе событий люди в отчаянии возлагали надежды на приход божьего посланника, спасителя, ко-

торый положит конец всем бедам. Такой спаситель рисовался как существо неземное, стоящее над разумом и законом. Существовало много культов спасителя — «сотера», соперничавших между собой; победителем в конечном счете оказалось христианство.

Эти изменения затронули не только греков, но и народы Востока. Поиски новых форм религии и религиозного сознания отразились в клинописных памятниках селевкидской Вавилонии; для других областей державы Селевкидов письменные свидетельства, к сожалению, отсутствуют. Для Ирана к этому периоду следует отнести «Видевдат», одну из книг Авесты. Точная датировка «Видевдата» невозможна, однако названия единиц измерения, представленные в этой книге, связаны с греко-римской системой мер [52]. История сложения текстов Авесты остается во многом неясной, можно лишь предполагать, что в селевкидское и раннепарфянское время еще не существовало письменного канона Авесты; в зороастрийских общинах редактированию подвергались лишь отдельные Яшты, анализ их позволяет обнаружить дух синкретизма, характерный для этого периода.

В эллинистическое время возникли предпосылки для сложения митраизма, который получил большое распространение позднее, в Римской империи. Почитание Митры, одного из богов арийского пантеона, пришло на Запад в конечном счете из Ирана, хотя на территории плато до сих пор не обнаружено ни одного храма Митры и вряд ли есть основания надеяться, что такие храмы здесь будут найдены. Последние исследования показали, что западный митраизм связан более с «дэвовским» культом Митры, распространенным в Месопотамии и Малой Азии, а не с зороастрийским Митрой Ирана [53]. В западных культах Митра выступает как бог-спаситель, характерный для эпохи сотерологических религий. Отголоски культов Митры-спасителя могли доходить и до Ирана, однако у нас нет об этом ясных свидетельств, и вряд ли эти верования оказали сколько-нибудь значительное влияние на религиозную жизнь Ирана. С другой стороны, неправильным был бы вывод, что зороастризм не претерпел никаких изменений от времен Зороастра и до периода правления Сасанидов, когда он стал государственной религией. Эллинистический синкретизм, как и незороастрийские культы Ирана и верования Месопотамии, оказали влияние на развитие религиозного учения, которое мы

---

[52] См.: W. B. Henning, An astronomical chapter of the Bundahishn,— JRAS, 1942, стр. 235.

[53] I. Gershevitch, The Avestan Hymn to Mithra, стр. 66 и др.

называем зороастрианизмом (поздним зороастризмом). Вопрос о культе Митры в связи с зороастрийской религией подробно исследовал Р. Ценер[54], так что мы можем не останавливаться на нем. Важно лишь подчеркнуть в заключение, что в эпоху эллинизма изменения в религиозной жизни Ирана отражали эволюцию общества и политической структуры страны.

Иранцы севера и востока

В. Тарн считал, что следует расширить применение термина диадохи, который обычно обозначает четыре эллинистические династии — Селевкидов, Птолемеев, Атталидов и Антигонидов, и добавить пятую — Эвтидемидов Бактрии[55]. Он мог бы прибавить и еще одну — Спартокидов Южной России, или, точнее, правителей Боспоро-Киммерийского царства. Греки Крыма и Южной России во многом походили на греков Бактрии, прежде всего по их отношению к иранцам, главным образом кочевникам, в непосредственном соседстве с которыми располагались эллинские поселения. Иранцы Причерноморья играли важную роль и позднее; для истории раннесредневековой Европы большое значение имели готы, вандалы и другие германские племена, передвинувшиеся в Южную Россию, а иранское влияние на эти племена было весьма сильным.

Эллины с давних времен основывали торговые колонии в Причерноморье, и их позиции в этом районе постепенно укреплялись. Около 437 г. до н. э. некий Спарток основал династию тиранов Пантикапеи, столицы Боспорского царства. Спартокиды, по-видимому фракийцы по происхождению, были тесно связаны с местной племенной знатью — население Боспора состояло из фракийцев и других народов[56]. Эта династия просуществовала до времени Митридата Эвпатора, царя Понта, бежавшего в Боспор после поражения, которое он потерпел в борьбе с Римом. Боспорское царство тем не менее продолжало существовать до IV в. н. э., когда оно пало под натиском варваров. На территории Северного Причерноморья были и другие греческие города и государства, их история — одно из наиболее интересных событий эллинистического и римского периодов, и влияние, которое они оказали на скифов, сарматов, а позднее

---

[54] R. C. Zachner, The Dawn and Twilight of Zoroastrianism, London, 1961.

[55] W. W. Tarn, The Greeks in Bactria and India, Cambridge, 1951, стр. XX.

[56] См.: В. Ф. Гайдукевич, Боспорское царство, М.—Л., 1949, стр. 57. Существует обширная литература на русском языке о греках Южной России, но исследований на западноевропейских языках очень немного.

и на германцев, не следует недооценивать. Предметом особого рассмотрения должны явиться передвижения вестготов и остготов на территорию Италии, Испании и Северной Африки, сопровождавшиеся миграциями аланов и других иранских племен, а также проблема искусства и культуры этих племен. Мы ограничимся только иранцами Южной России, причем и здесь отметим лишь наиболее существенное.

Обширные степи Евразии, протянувшиеся от Карпатских гор до Алтая, были населены многими, различными по этносу племенами и народами. Если область Урала считать родиной индоевропейцев, то к западу от них в период, не засвидетельствованный письменными источниками, следует помещать финно-угров, а к востоку — тюрко-монголов. Античные и китайские источники содержат много названий народов и племен, которые трудно связать с археологическими культурами, открытыми в последние годы благодаря работам советских экспедиций. Следует также учитывать, что существует определенное единство в культурах обитателей степей, этих безбрежных океанов, по которым народы могли передвигаться на огромные расстояния, не порывая при этом контактов между собой. Суровые и сложные условия жизни в степи, весь кочевой уклад требуют железной дисциплины, так что степняки всегда казались наиболее грозными и опасными врагами: передвижения кочевых племен проходили более организованно, чем перемещения регулярных армий оседлых народов в древности. Миграции степных племен шли обычно с востока на запад — степи Южной России были и остаются сейчас более плодородными, чем степи Сибири и Средней Азии.

Оседлым народам, жившим на границах с кочевым миром, степь должна была казаться столь же страшной, как океан для моряков до Колумба. Греки, китайцы и жители стран Ближнего Востока очень смутно представляли себе реальные пути и пределы передвижений номадов. Хотя оседлые народы оказали влияние на степняков, тем не менее культуры кочевников Средней и Центральной Азии, Сибири и Южной России оставались поразительно единообразными. Наиболее характерная особенность искусства степняков — «звериный стиль»; на территории Монголии и Северного Китая произведения этого стиля, как можно судить по инвентарю кочевнических погребений в районе Ордоса, носят следы влияния культур Китая, тогда как предметы, обнаруженные в скифских курганах Южной России, имеют много греческих черт. Подобно тому как в гандхарском искусстве Северо-Западной Индии можно выделить период каменной скульптуры и более поздний период терракотовых и штуковых статуй и рельефов, в искусстве степняков Южной России можно различать ранний монохромный «скифский» и

позднейший полихромный сарматский стиль. И все же однородность стиля сохраняется на протяжении многих столетий на всех территориях степной зоны, что и дает право говорить об едином искусстве народов степи. Обратимся теперь к основным событиям истории кочевого мира. Начнем со степей Запада.

Мы можем наметить лишь основные контуры древнейшей истории Северного Кавказа, Прикубанья и Южной России — наши знания в этой области все еще невелики, хотя они значительно пополняются в результате интенсивных археологических работ. В VIII—VII вв. до н. э. иранцы-скифы, пришедшие в Южную Россию с востока, застали здесь киммерийцев и другие народы. Античные источники упоминают о синдах и меотах, живших в Прикубанье и на Таманском полуострове; остается неизвестным, принадлежали ли эти народы к фракийцам, или же они были родственны носителям кавказских языков. Задача осложняется и тем, что сами скифы в этническом отношении не представляли собой некоего единства[57]. В более позднее время мы встречаем поразительное смешение языков, племен и народов в таких этнических конгломератах, как авары (или псевдоавары), гуннские конфедерации и монгольская Золотая Орда, в которых в качестве государственного выступал один из тюркских языков. Такое смешение должно было иметь место и в древности. Если в VI в. до н. э. действительно существовало оседлое синдско-меотийское государство, то народы, входившие в его состав, вряд ли могли избежать сильного влияния со стороны кочевников, принесших с собой новые виды оружия и новую культуру[58].

Кочевники степей Евразии, известные под именем скифов или саков, были, очевидно, первыми настоящими конниками среди степняков. В VII в. до н. э. скифы уже занимали территории, лежащие между Доном и Днепром. Их вооружение состояло из луков и коротких мечей; Геродот в IV книге своей «Истории» сообщает много подробностей о скифах, их оружии и быте, верованиях и обычаях. Исследования археологов подтверждают достоверность сведений Геродота, в частности его описание скифских захоронений — хорошо известны курганы, в которых покоятся скифские воины и кони, сопровождавшие своего хозяина и после его смерти. Скифскому искусству посвящено немало работ; иранские черты в нем проявляются отчетливо в преобладании орнаментальности. Скифы испытали влияние художественных традиций Ионии и ахеменидской Персии, но

[57] С. И. Руденко, Горноалтайские находки и скифы, М.—Л., 1952, стр. 20.

[58] О различных мнениях исследователей по поводу синдов и меотов см. сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии», М., 1952, стр. 20, 34.

наиболее сильный отпечаток на «звериный стиль» наложили греки — многие предметы, найденные в южнорусских курганах, были сделаны для скифов греческими ремесленниками Боспора. Эти памятники поразительны не только по своим художественным качествам; они волнуют воображение и размерами — достаточно посмотреть на золотые вещи из скифских курганов, хранящиеся в Эрмитаже (Ленинград), которыми пользовались древние жители Южной России.

В IV в. до н. э. скифы двинулись на запад и на север по Днепру, а также в Крым. Их движение было остановлено фракийцами, кельтами, а затем переместившимися в эти районы германскими племенами. С востока пришел новый иранский народ — сарматы. Впервые о сарматах упоминает Полибий около 160 г. до н. э.— в это время они занимали территорию между Доном и Днепром. Много путаницы в сарматскую проблему внесло имя савроматы, приведенное у Геродота (IV, 21, 117) в качестве названия автохтонного нескифского народа, который воспринял язык скифов. Сарматы по происхождению не тождественны савроматам, но можно полагать, что в состав савроматов вошло как местное, так и какое-то скифское племя, которое дало свое имя позднейшим сарматам[59]. Отождествление этнонимов «савромат» и «сармат» кажется вполне правомерным; осетинская этимология этого названия («чернорукий»), предложенная В. И. Абаевым, остается спорной[60]. Как бы то ни было, ясно, что этноним «сармат» прилагался к нескольким племенам или союзам племен, в том числе и к упоминаемым в источниках аланам, асам, роксоланам и другим, которые, очевидно, приходили на территорию Южной России из Средней Азии в разное время. Сведения античных авторов о сарматах весьма кратки, а иногда и противоречивы, так что реконструировать их историю по данным письменных источников невозможно.

Особо следует остановиться на традиции организации власти у кочевых народов степей, связанной с представлением о «царском» племени или роде, главенствующем над остальными. Эту традицию можно заметить не только в сообщениях о «царских скифах», но и в особом положении, которое занима-

---

[59] Е. И. Крупнов, Древняя история Северного Кавказа, М., 1960, стр. 68.

[60] В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, I, М.—Л., 1949, стр. 37. Много споров вызвал вопрос о том, связано ли с савроматами и сарматами слово *sairima*, упоминаемое в Авесте. Для отождествления этих трех названий необходимо признать не только возможность эпентезы *i* в *sairima*, но и *u* в *sauromat*, что кажется странным. Увлечение этимологическими сопоставлениями при анализе этнонимов легко может привести к неправильным историческим выводам. Ср.: F. Altheim, Geschichte der Hunnen, Bd I, Berlin, 1959, стр. 70.

ли кушаны в конфедерации племен, завоевавших Греко-Бактрию; сходное явление наблюдается и в истории сложения государств тюрок и монголов. По-видимому, и в сарматской среде было племя, которое рассматривалось как «царское», хотя мы не знаем его названия.

Можно проследить несколько волн миграций сарматов из Средней Азии в Южную Россию; большинство исследователей связывает эти события с передвижениями народов на границах Китая, о которых сообщают китайские источники. Но прежде чем обратиться к Дальнему Востоку, нужно хотя бы в общих чертах охарактеризовать сарматскую культуру и положение, сложившееся на западе.

Первым сарматским племенем, появившимся на территории Европы, были, по-видимому, язиги. Они заняли области, лежащие далеко на западе — по Бугу и Днестру; впрочем, точно установить границы расселения кочевых племен довольно трудно. Позднее язиги продвинулись на территорию Венгрии. Роксоланы, название которых объяснялось как «светлые (или «блестящие») аланы», пришли, по-видимому, после язигов[61]. Около 125 г. до н. э. возникло централизованное сарматское государство, просуществовавшее, как это убедительно показал Я. Харматта[62], более шести десятилетий и распавшееся после смерти Митридата Эвпатора. Несколько сарматских племен, говоривших на различных иранских диалектах, пришли с территорий, лежащих к востоку от Дона, так что во времена Клавдия Птолемея вся Южная Россия называлась Сарматией: Европейская Сарматия к западу от Дона и Азиатская Сарматия к востоку от этой реки[63].

Войны римских императоров Веспасиана, Домициана, Траяна и Марка Аврелия, приведшие в конечном счете к захвату Дакии и включению ее в состав Римской империи, были в первую очередь акциями против сарматов и готов. Еще задолго до этого, в 65—64 гг. до н. э., Помпей сражался против аланов на территории Закавказья, куда он отправился в надежде окончательно разгромить Митридата Эвпатора; по сообщению Иосифа Флавия, аланы пытались проникнуть в Закавказье в 35 г.

---

[61] В. И. Абаев, Осетинский язык и фольклор, стр. 178; L. Zgusta, Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste, Praha, 1955, стр. 265. Нет оснований соглашаться с Ю. Юнге, который предлагал в качестве исходной форму *Roxonaloi* (J. Junge, Saka-Studien, Leipzig, 1939, стр. 79).

[62] J. Harmatta, Studies on the history of the Sarmatians, Budapest, 1950, стр. 35.

[63] J. Harmatta, Studies in the language of the Iranian tribes in South Russia,— «Acta Orientalia Academiae scientiarum Hungaricae», t. I, 1951, стр. 261—314.

до н. э. По-видимому, аланы заняли ведущее положение среди сарматских племен, во II—III вв. н. э. они неоднократно вторгались в Армению и соседние области. Позднейшие события, связанные с передвижениями аланов и готов на территорию Италии и Испании и — вместе с вандалами — в Северную Африку, достаточно хорошо освещены источниками. Меньше сведений дошло до нас о взаимоотношениях сарматов и греческих городов Причерноморья, таких, как Ольвия, Херсонес и городов Боспорского царства. О том, что связи сарматов с этими городами были тесными и имели важное значение для обеих сторон, можно судить по многим данным, в том числе по упоминанию в надписи 208 г. н. э. из Тамани должности «главного переводчика аланов», состоявшего на службе у греков[64]. Мы не будем касаться сложных отношений греческих городов-государств Причерноморья с Римом, скифами Крыма, сарматами и готами; отметим лишь, что контакты с жителями греческих колоний открыли важный путь для обмена идеями и товарами и что большое влияние, оказанное иранцами на Европу, шло прежде всего через Южную Россию.

Вооружение сарматов, как можно судить по сообщениям источников, отличалось от скифского. Основную ударную силу скифов составляла легкая кавалерия, прежде всего конные лучники, тогда как сарматские воины носили тяжелые доспехи, и основным их оружием был не лук, а длинный меч. Есть основания полагать, что сарматам мы обязаны изобретением стремени; более ранних свидетельств его существования не обнаружено[65]. Сарматские погребения более скромны по сравнению с гигантскими скифскими курганами. Эллинское влияние в сарматской среде ощущалось, вероятно, сильнее, чем у скифов. Примечательной особенностью сарматского общества является применение монограмм или эмблем (более поздние тамги тюрок и монголов). Для периода I—IV вв. н. э. такие значки в большом количестве представлены на самых разнообразных изделиях из серебра, камня и на других предметах[66]. Эти моно-

[64] В. Ф. Гайдукевич, Боспорское царство, стр. 345.

[65] А. Бивар (A. D. H. Bivar, The stirrup and its origins,— «Oriental Art», N. S., vol. I, 1955, стр. 3—7) отмечает, что стремя было у авар в V в. н. э., что, вероятно, соответствует истине. Но изобретение стремени относится к более раннему времени, о чем свидетельствует изображение «шпор» на рельефе из второй ступы в Санчи (II в. до н. э.). См.: J. Marshall, A. Foucher, The monuments of Sanchi, Calcutta, 1940, стр. 40b, табл. 82.

[66] В. Ф. Гайдукевич, Боспорское царство, стр. 430. По мнению М. Ростовцева (M. Rostovtzeff, Iranians and Greeks in South Russia, Oxford, 1922, стр. 167), эти значки представляют собой первые попытки создания сарматского письма. Такое предположение маловероятно — тюрки продолжали употреблять тамги и после того, как у них появилась письменность.

граммы служили, очевидно, в качестве личных (семейных) и племенных (или родовых) символов, как и хорошо известные тюрко-монгольские тамги. Каждый царь или правитель в Южной России имел особую монограмму — то же мы находим и у кушан. Судя по времени применения и территориям, где предметы с такими монограммами обнаружены в наибольшем количестве, можно заключить, что широкое распространение монограмм в Южной России было связано с приходом аланов и родственных им племен и что близкие по этносу народы принесли этот обычай в Афганистан и Индию[67]. Сказанное выше не должно быть понято таким образом, что сарматы были первыми, кто ввел применение монограмм,— эта практика известна и для Греции, и для древнего Ближнего Востока.

Большое количество археологических материалов и, напротив, скудость письменных источников по истории сарматов объясняют особый интерес исследователей к сарматскому искусству. Как отмечалось, сарматское искусство отличается от скифского прежде всего применением полихромной росписи. И в этой области сарматы не были пионерами — они лишь возродили стиль и технику искусства, которые никогда не умирали в Восточном Иране и в Средней Азии. Широко распространившийся «звериный стиль» в сарматской среде претерпевает изменения, он все больше насыщается элементами декоративности, условности, тогда как для скифского «звериного стиля» — точнее, для раннего «звериного стиля» — был характерен реализм или даже натурализм изображений[68]. В сарматском ювелирном искусстве преобладают не золотые, а серебряные украшения, инкрустированные драгоценными камнями; с техникой изготовления таких предметов сарматы познакомили германцев, а через них и раннесредневековую Западную Европу[69]. Связи сарматского искусства I в. до н. э.— I в. н. э. с Китаем, Сибирью и Северо-Западной Индией заслуживают особого рассмотрения, и мы не будем касаться здесь этих проблем.

Уже давно было выдвинуто мнение, согласно которому современные ираноязычные осетины происходят от аланов. Два диалекта, на которых говорят осетины в настоящее время,—

---

[67] См.: Е. И. Соломоник, Сарматские знаки Северного Причерноморья, Киев, 1959, стр. 17. Автор защищает тезис о сарматском происхождении знаков, обнаруженных на территории Южной России, и относит их к периоду после начала н. э. В работе прослежены связи между знаками Южной России, Хорезма и Сибири.

[68] Очерк скифо-сарматского искусства и библиографию см.: T. T. Rice, The Scythians, London, 1957; ср. также ряд исследований М. И. Ростовцева.

[69] Ростовцев (Iranians and Greeks, стр. 198 и сл.) считает, что «звериный стиль» зародился в горах Алтая и в результате передвижений скифов проник в Китай (в эпоху Чжоу) и в Южную Россию.

иронский и дигорский (в недалеком прошлом существовал и третий диалект),— должны рассматриваться, очевидно, как потомки иранских языков, бытовавших в древности на территории Северного Кавказа. Оседлые народы очень часто называли своих кочевых соседей общим, собирательным именем — сначала это были скифы (саки), затем сармато-аланы, позднее гунны, тюрки и монголы. Древнеосетинский язык можно, очевидно, отождествлять с языком аланов только в том случае, если под последними понимать совокупность этнических групп. Проблема родства аланов с согдийцами и хорезмийцами во многом еще неясна. Спорными остаются, несмотря на большое число исследований, и этимологии названий *ирон, дигор, осетин*[70].

Иранские племена занимали огромные пространства не только в Южной России и на Северном Кавказе, но и в Сибири, на Алтае, в Восточном и Западном Туркестане. В результате раскопок несколько археологических культур открыто в Минусинской котловине. С. В. Киселев исследовал памятники афанасьевской культуры на Енисее III тысячелетия до н. э., культуру андроновских племен XVI—XII вв. до н. э., карасукский период 1200—700 гг. до н. э. и тагарскую культуру 700—100 гг. до н. э.[71]. Для бронзовых и костяных изделий тагарцев характерен в основном «звериный стиль», что позволяет сравнить тагарские древности со скифскими памятниками Южной России. Особенности, отличающие произведения «звериного стиля» Минусинской котловины от южнорусских скифских, могут быть объяснены как чисто локальные; как показывают раскопки курганов, антропологический тип тагарцев (европеоидный с небольшой примесью монголоидных черт) весьма близок к скифскому Южной России[72].

Для изучения истории алтайских племен наибольшее значение имеют, пожалуй, раскопки Пазырыкских курганов (Горно-Алтайская автономная область). Они представляют собой громадные сооружения из камней и бревен, внутри которых все свободное пространство заполнено льдом, а сама могила заморожена. Ковер, обнаруженный в кургане № 5 (этот ковер является древнейшим из известных в настоящее время во всем мире), а также многие другие предметы и произведения искусства свидетельствуют о тесных контактах и торговле с Ираном

[70] В. И. Абаев, Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. I, М., 1958, стр. 47 (под словом *Allon)*; I. Gershevitch, Word and Spirit in Ossetic,— BSOAS, vol. XVII, 1955, стр. 486; H. W. Bailey, Iranian *Arya-* and *Daha-*,— TPS, 1959, стр. 98.

[71] С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири, М., 1951.

[72] Там же, стр. 249—250.

уже в ахеменидское время[73]. Не исключено, что дело не ограничивалось только торговлей и обменом — среди населения Пазырыка могли быть и иранцы. Проблема взаимоотношений степняков с жителями лесной полосы Алтайских гор требует дальнейших исследований; по мнению С. В. Киселева, алтайские племена Южной Сибири перешли к кочевому хозяйству под влиянием саков-массагетов[74]. Хотя мы не всегда еще можем точно отграничить раскопанные сарматские памятники от аланских или массагетских, но благодаря самоотверженному труду археологов постепенно заполняются лакуны в наших знаниях о древней истории Средней и Центральной Азии. Огромная область, простирающаяся от Алтая или даже от Китайской стены до Трансильвании и Венгрии, обнаруживает черты определенного единства, причем выясняется, что иранские племена играли на этих территориях очень важную роль — по крайней мере в течение тысячелетия, предшествовавшего гуннскому нашествию первых веков новой эры.

Торговые пути, проходившие через Среднюю Азию в древности, в немалой степени способствовали установлению связей и обмена между Ближним Востоком, Южной Россией и Китаем; в сферу этих контактов вовлекалось и население лесной полосы и степей Сибири. М. И. Ростовцев, изучавший серебряные фалары (бляхи на конской сбруе) этого периода, пришел к выводу о наличии связей Северо-Западной Индии с Южной Россией; письменные источники также свидетельствуют об оживленной торговле между этими странами[75]. В погребениях Алтая обнаружены боспорские монеты римского периода[76]. Немало споров вызвал вопрос о том, к какому времени следует относить первые контакты Китая с западными странами; некоторые факты указывают на существование весьма ранних связей, однако достоверные сведения о торговле Китая с Ближним Востоком (через Среднюю Азию) появляются лишь во II в. до н. э., в период Греко-Бактрийского царства. Об иранских народах, живших на западных границах Китая, известно из китайских источников, а также из письменных памятников, оставленных саками Восточного Туркестана. Здесь мы сталкиваемся с весьма

---

[73] Основная публикация: С. И. Руденко, Культура населения Центрального Алтая в скифское время, М.—Л., 1960; см. также M. Griaznov, L'art ancien de l'Altai, Leningrad, 1958.

[74] С. В. Киселев, Древняя история, стр. 315, 357.

[75] См.: J. Harmatta, Studies on the history of the Sarmatians, стр. 34 (сводка источников). Хороший обзор материалов, свидетельствующих о связях Сибири с Ближним Востоком, можно найти в статье: М. П. Грязнов, Связи кочевников Южной Сибири со Средней Азией,— сб. «Материалы второго совещания по археологии Средней Азии», М., 1959, стр. 136.

[76] В. Ф. Гайдукевич, Боспорское царство, стр. 374.

сложной «тохарской» проблемой — проблемой истории индоевропейских народов Восточного Туркестана.

Я лишен здесь возможности подробно рассмотреть «тохарскую проблему» и показать читателям трясину, в которой оказались многие ее исследователи, пытавшиеся примирить противоречивые данные источников. Прошло уже несколько десятилетий после открытия в оазисах Северного Тарима памятников, составленных на диалектах «тохарского» языка — индоевропейского языка группы *centum*, но что достоверного знаем мы о народе, который говорил на «тохарском» языке, и о его взаимоотношениях с иранцами Восточного Туркестана? Как бы ни решался вопрос о месте «тохарского» в кругу индоевропейских языков, связан ли он ближайшим образом с кельтской или фракийской языковыми группами, можно, скорее всего, предполагать, что носители «тохарского» языка пришли в Восточный Туркестан очень рано (еще до миграции иранцев первой половины I тысячелетия до н. э.), так что движение «тохаров» отнюдь не было средневековым вторжением на эту территорию — тохары обитали здесь еще до скифо-сакской экспансии. Отождествление «тохаров» с усунями китайских источников и исседонами, упоминаемыми Геродотом, является не более чем гипотезой, основанной лишь на лингвистических реконструкциях (точность которых оспаривается) и умозаключениях, тем не менее это отождествление кажется соблазнительным[77]. Нет необходимости искать в I тысячелетии до н. э. на территории Восточного Туркестана иных индоевропейцев, кроме носителей «тохарских» диалектов и саков; согдийские купцы и другие иранцы пришли сюда с запада позднее. Основная трудность, с которой сталкиваются историки Средней и Центральной Азии, заключается в том, что сообщения китайских источников достаточно обстоятельны и ясны, когда они касаются Восточного Туркестана, но скупы и сбивчивы для других территорий, тогда как античные авторы приводят хотя немногочисленные, но заслуживающие доверия сведения о Западном Туркестане, но не о районах к востоку от него. Если бы удалось согласовать сообщения китайских и античных источников и отождествить упоминаемые события, народы и имена, то появилась бы возможность рекон-

---

[77] См.: W. Samolin, Historical ethnography of the Tarim Basin before the Turks,— «Paleologia», t. IV, Osaka, 1955, стр. 39; его же, The archaeology of the Tarim Basin,— CAJ, vol. IV, 1958, стр. 66 (ссылки на источники). Многие исследователи отождествляют усуней с асами (аланами), что порождает новые проблемы, как лингвистические, так и исторические. Среди работ последних лет см.: F. Altheim, Geschichte der Hunnen, Bd I, стр. 63 (здесь отмечено, что Аммиан Марцеллин отождествлял аланов с массагетами).

струировать значительный этап древней истории Средней и Центральной Азии.

Из китайских хроник мы узнаем, что экспансия «Небесной империи» в правление Старшей династии Хань привела к тому, что народ сюнну (хунны), живший на границах империи, начал оказывать давление на своих западных соседей. В часто цитируемом отрывке из раннего китайского сочинения «Шицзи» (гл. 123) сообщается о том, что сюнну напали на юечжей и убили их царя, после чего юечжи ушли на запад и покорили (племена) сэ. Здесь они столкнулись с усунями, находившимися в вассальной зависимости от сюнну; в завязавшейся борьбе усуни в конечном счете одержали верх и оттеснили юечжей еще далее на запад. Пройдя через Фергану, юечжи завоевали Бактрию[78]. Идентификация имен, упоминаемых в этом рассказе, вызывает известные трудности, однако можно полагать, что китайские источники («Шицзи», а также хроники династии Хань) сообщают о событиях, действительно имевших место. Г. Халун вполне обоснованно предложил относить первое передвижение юечжей к периоду 174—160 гг., второе — к 133—129 гг. до н. э.[79]. Племена сэ отождествляются с саками; усуни, как было отмечено, могут рассматриваться как носители «тохарских» диалектов, исседоны Геродота. Возможно, что какая-то часть усуней соответствует асианам (*asianoi*), названным у Помпея Трога среди племен, завоевавших Греко-Бактрийское царство[80]. Более поздние формы названий, такие, как *tugr, arsin* и другие, представленные в уйгурских и согдийских текстах, обстоятельно разъяснены В. Б. Хеннингом[81]. Источники не дают возможности определить, на каком языке говорили юечжи; до нас до-

---

[78] См. библиографию и ссылки на источники в ценной работе G. Haloun, Zur Üe-tsi Frage,— ZDMG, Bd 91, 1937, стр. 245, прим. 7. Отождествление сюнну с гуннами не может считаться вполне доказанным, но его можно принять в качестве рабочей гипотезы — сходство этнонимов все же весьма значительно. Толкование названия юечжи как **togara* «тохар» см. в статье H. W. Bailey, Ariaca,— BSOAS, vol. XV, 1953, стр. 536.

[79] G. Haloun, Zur Üe-tsi Frage, стр. 248—249; ср. O. Maenchen-Helfen, The Yüeh-chih Problem Re-examined,— JAOS, vol. 65, 1945, стр. 71—82.

[80] Для этнонима *сэ* древнекитайское произношение может быть реконструировано как **sak*. Отождествление исседонов (вариантная форма — есседоны) с усунями, арси, асианами или с асами-аланами сопряжено со значительными трудностями, хотя в принципе любая из этих идентификаций (или все) возможны. В любом случае, независимо от того, сближать ли реконструированную форму названия юечжей с этнонимом «скиф» (как считал Г. Халун) или — что кажется более вероятным — с термином «тохар» (как предложил В. Б. Хеннинг), уравнение юечжи-«тохары» (и далее кушаны) в настоящее время принято всеми историками. Ср.: H. W. Bailey, Ariaca.

[81] W. B. Henning, Argi and the Tokharians,— BSOAS, vol. IX, 1938, стр. 563.

шли лишь памятники сакских и «тохарских» диалектов Восточного Туркестана и иранского языка коренного населения Бактрии (Тохаристана). Как и в других случаях, на территории областей с оседлым населением из Центральной Азии вместе с основными завоевателями проникли группы, осколки племен или племенных союзов, весьма различные по этносу и языку.

В заключение следует подчеркнуть, что роль иранских народов и влияние их культуры на территориях Центральной Азии и Сибири были весьма значительны. Со времени нашествий гуннов, особенно в III—IV вв. н. э., на передний план выдвигаются алтайские народы, позднее наступает эпоха все усиливающегося тюркского влияния — не только в Восточном и Западном Туркестане, но и на юге России, в Азербайджане и в Малой Азии. Не следует забывать и о дардских или индо-арийских языках, которые могли попасть на территорию Центральной Азии в глубокой древности. Однако в дотюркский период ираноязычные народы составляли основную часть населения Центральной Азии.

Греко-бактрийцы

В XIX в., когда язык Авесты нередко определялся как древнебактрийский, делались попытки реконструкции картины жизни древней Бактрии по данным Авесты. Мы не будем повторять эти попытки; отметим лишь, что авестийские тексты могут быть использованы для сопоставления с археологическими материалами и данными других источников. Находки надписей, в которых засвидетельствован, очевидно, язык основного населения Бактрии кушанского периода, открыли новую страницу в изучении истории Восточного Ирана [82], однако для более ранних этапов мы зависим прежде всего от результатов работ археологов.

В ахеменидской державе Бактрия занимала особое положение — из этой области можно было контролировать весь Восточный Иран. Так было и позднее, в период владычества греко-македонцев и после арабского завоевания. Ахемениды, по-видимому, переселяли в Бактрию ионийских греков, но у нас

---

[82] A. Maricq, La grande inscription de Kaniṣka et l'Ěthéo-tokharien, l'ancienne langue de la Bactriane,— JA, t. CCXLVI, 1958, стр. 345—446; W. B. Henning, The Bactrian Inscription,— BSOAS, vol. XXIII, 1960, стр. 47—55. Неубедительна попытка истолкования большой надписи из Сурх Котала как гимна богу Митре, близкого по языку к Авесте, в кн.: H. Humbach, Die Kaniška-Inschrift von Surkh-Kotal: ein Zeugnis des jüngeren Mithraismus aus Iran, Wiesbaden, 1960.

нет свидетельств существования сколько-нибудь значительных греческих поселений в Бактрии до завоеваний Александра; с греческой культурой и, конечно, с греческими монетами бактрийцы познакомились еще при Ахеменидах, так что греко-македонские солдаты Александра не должны были казаться им пришельцами с другой планеты[83]. Александр, натолкнувшийся на ожесточенное сопротивление в Согде, придавал особое значение Бактрии как важнейшему стратегическому и военному центру восточных областей его державы. Греко-македонские гарнизоны, размещенные на территории Бактрии, были, по-видимому, более многочисленными, чем где-либо в Восточном Иране. Для периода Селевкидов источники ни разу не упоминают о сатрапах или стратегах в Среднеазиатском Междуречье (Трансоксиана), а потому можно полагать, что наместник Бактрии был главным должностным лицом селевкидской администрации в этих районах и представлял державу в сношениях с местными князьками. Точные границы селевкидских владений в Средней Азии неизвестны; Плиний (VI, 49) сообщает, что селевкидский полководец Демодам во время одного из походов переправился через Сырдарью, из чего можно заключить, что Согдиана подчинялась Селевку I и его сыну Антиоху[84]. Известное посольство Мегасфена в Индию, путешествие Патрокла, предпринятое для обследования Каспийского моря, а также другие факты указывают на то, что Селевк и Антиох приложили немало сил для укрепления своих позиций в Восточном Иране, так что в состав их владений вошло большинство областей, завоеванных Александром. При Селевкидах Бактрия, очевидно, получила новые эллинские гарнизоны; большое число греков, главным образом ионян, прибыло в Бактрию в качестве военных колонистов и членов их семей.

История образования Греко-Бактрийского царства привлекала внимание многих исследователей, особенно в последние годы[85], хотя круг источников остается почти неизменным: крат-

---

[83] R. Curiel, D. Schlumberger, Trésors monétaires de l'Afghanistan.— MDAFA, t. XIV, Paris, 1953, стр. 1—6.

[84] Плиний (VI, 49) говорит, что скифы именуют Яксарт «рекой *Silis*». Это название недавно было предложено толковать как сходное по значению с новоперс. *sēr-āb* «обильная водой», см.: S. G. Kljashtornij, Yaxartes — Sir-Darya,— CAJ, vol. VI, 1961, стр. 24. С. Г. Кляшторный сопоставляет *Silis* с новоперс. *sēr* «сытый, полный» и согдийск. *šyr*, не обращая внимания на то, что согдийское слово имеет значения «хороший; очень» и что новоперс. *sēr* происходит из **sagr-* (среднеперсидская форма *sgry*).

[85] Основные работы: W. W. Tarn, The Greeks in Bactria and India, Cambridge, 1938 (2 ed.— 1951); F. Altheim, Weltgeschichte Asiens im griechischen Zeitalter, Bd I—II, Halle, 1947—1948; A. K. Narain, The Indo-Greeks, Oxford, 1957; A. M. Simonetta, A new essay on the Indo-Greeks, the Sakas, and Pahlavas,— «East and West», vol. IX, 1958, стр. 154—173.

кие сообщения Помпея Трога (в передаче Юстина), Полибия, Страбона и Плиния (все гораздо более поздние, чем описываемые события) и монеты. В настоящее время известны монетные серии, принадлежащие почти сорока греческим правителям Бактрии и Северо-Западной Индии; наиболее ранние из этих монет по праву считаются лучшими образцами греческого медальерного искусства. Монеты позволяют восстановить политическую историю Греко-Бактрии, прежде всего последовательность династий и правлений. К сожалению, нумизматы иногда склонны делать слишком рискованные выводы и заключения, пытаясь реконструировать по данным монет картину династических браков и политических интриг при дворах греко-бактрийских правителей. Скудость письменных источников по истории Греко-Бактрийского царства не позволяет уточнить и дополнить выводы, которые делаются на основе анализа монет — ценных свидетельств, современных событиям, но все же ограниченных по характеру информации. Поэтому реконструкции, предлагаемые нумизматами, не выходят за рамки гипотез. Так, например, некоторые склонны считать, что обилие монетных серий и имен, засвидетельствованных на монетах, указывает на существование в Греко-Бактрии института соправителей («вице-королей»), имевших собственные дворы. Такое предположение кажется более чем сомнительным, поскольку нет оснований считать, что греко-бактрийские цари отказались от обычного для других диадохов деления державы на сатрапии или наместничества. В эллинистических монархиях мы нередко встречаемся с практикой назначения наместников, имеются монеты, на которых представлены имена соправителей, однако о «вице-королях» ничего не известно. Не следует также полагать, что греки в Бактрии были менее воинственными, чем в других эллинистических монархиях, и что их держава не знала междоусобиц и ожесточенной борьбы за власть[86]. Напротив, в Бактрии такая борьба приняла весьма острый характер, что отразилось прежде всего в монетных сериях, выпускавшихся соперничавшими

---

[86] Когда автор «Перипла Эритрейского моря» говорит о бактрийцах как об очень воинственном народе, он имеет в виду греков Бактрии (§ 47, см. издание: C. Müller, Geographi Graeci Minores, I, Paris, 1855, стр. 293). Отсутствие каких-либо свидетельств о системе «вице-королей» или о политической теории, предполагающей существование такой системы, не означает, конечно, что в Греко-Бактрии не было вассальных правителей, которые имели право выпускать собственную монету. Напротив, некоторые нумизматические материалы указывают на вассальные или союзнические отношения между правителями. Следует отметить, что греческое соответствие для титула «царь царей» не встречается на монетах Греко-Бактрии (этот титул неизвестен и для Селевкидов). Большое число различных монетных чеканов может объясняться как длительностью правления греков в Бактрии, так и наличием нескольких династий.

правителями. Подтверждение этому мы находим у Юстина (XLI, 6, 3), сообщающего, что бактрийцы ослабли в результате многих войн, которые им пришлось вести,— речь идет, несомненно, не только о борьбе с соседними народами, но и о междоусобицах, раздиравших Греко-Бактрийское царство. В то же время нельзя не согласиться с нумизматами, отмечающими любопытную особенность, которая отличает греческих правителей Бактрии от других эллинистических монархов: количество и разнообразие имен правителей. Мы почти не находим здесь традиционно повторяющихся имен, подобных Селевку, Антиоху и Птолемею в других царствах. Установление абсолютной и относительной хронологии правлений греко-бактрийцев потребовало от историков и нумизматов огромного труда и изобретательности; предлагавшиеся пути решения этих проблем и выводы, к которым пришли исследователи, весьма различны — картина, напоминающая результаты толкований некоторых текстов Авесты. В. Тарн в своей классификации греко-бактрийских монет учитывает несколько типологических признаков, придавая особое значение чертам портретного сходства в изображениях правителей на аверсах. А. Нарайн исходит прежде всего из типов монетных реверсов: если, к примеру, на реверсах имеется изображение Афины Паллады, то все правители, выпускавшие такие монеты, находились в родстве между собой. А. Симонетта считает главным тип монограммы и строит классификацию прежде всего на основе этого признака. Результаты оказываются неодинаковыми, но можно заметить, что Нарайн и Симонетта в своих выводах ближе друг к другу, чем к Тарну, и что их исследования во многом продвинули решение проблемы. Определение дат правления некоторых царей и границ их владений все еще вызывает споры; в некоторых случаях мы не знаем, имеем ли мы дело с одним правителем или с двумя, носившими одинаковые имена (так, например, продолжается дискуссия по поводу того, был ли один Аполлодот или два,— последнее кажется более вероятным), но мы не будем касаться частных вопросов такого рода [87]. Две основные проблемы исто-

[87] Географическое распределение находок греко-бактрийских монет может привести в некоторых случаях к неверным выводам. Так, эти монеты найдены в районах Ардебиля и Керманшаха, что объясняется торговыми связями, но отнюдь не распространением власти греко-бактрийцев на Западный Иран. В целом проблема классификации чеканов греческих правителей Бактрии остается нерешенной. Некоторые исследователи делят чеканы на греко-бактрийские (монеты аттического весового стандарта) и индо-бактрийские (индийский, более легкий стандарт). Другие классификации исходят из типов монетных легенд (в том числе из алфавитов, которыми они выполнены,— только греческие надписи, или греческие в сочетании с кхароштхи), из стилистических признаков, из изображений божеств на реверсах или, наконец, из типов монограмм.

рии Греко-Бактрии остаются актуальными и в наши дни. Первая — это хронология правлений и состав владений отдельных правителей — предмет исследований нумизматов. Вторая — искусство и культура — область интересов археологов и искусствоведов.

Принято считать, что отпадение от Селевкидов областей, лежащих к северу от Гиндукуша, и провозглашение независимого Греко-Бактрийского царства при Диодоте I произошло одновременно с отложением Парфии — по-видимому, около 246 г. до н. э. Можно предположить, что Диодот был фактически независимым уже задолго до этих событий, но прямых свидетельств у нас нет. Сообщения античных источников позволяют заключить, что два новых государства — Греко-Бактрия и Парфия — возникли примерно в одно и то же время, однако остается неясным, произошло ли отпадение парфян до восстания в Бактрии, или же первыми отложились греко-бактрийцы[88]. В любом случае ясно, что провозглашение независимости Парфии и Греко-Бактрии, означавшее выход из-под контроля Селевкидов большинства провинций Восточного Ирана, произошло в начале правления Селевка II — и не случайно: в это время селевкидская держава испытывала трудности на западе в результате ухудшения отношений с Птолемеями. Отпадение Парфии, видимо, началось при сатрапе Андрагоре, который чеканил собственную монету и тем самым открыто заявил о независимости от Селевкидов[89]. Правление Андрагора в Парфии продолжалось недолго — он потерпел поражение от Аршака и погиб (эти события будут подробно рассмотрены в следующей главе).

Подлинным основателем могущества Греко-Бактрийского царства был Эвтидем. Он пришел к власти между 235 и 230 гг. до н. э., свергнув наследника Диодота I и истребив всю его родню. В 208 г. Эвтидему пришлось столкнуться с Антиохом III, перешедшим в наступление против Греко-Бактрии. В битве на р. Герируд (Теджен) конница Эвтидема была разбита, а сам он с остатками армии укрылся в Бактрах, своей столице. Последующая длительная осада Бактр не принесла успеха Антиоху (Полибий, X, 49; XXIX, 12, 8). В 206 г. до н. э. был заключен мирный договор, и Антиох, перейдя через Гиндукуш, отправился на юг. В долине Кабула Антиох встретился с «ца-

[88] См.: J. Wolski, L'effondrement de la domination des Séleucides en Iran au IIIe siècle av. J. C. — «Bulletin international de l'Academie Polonaise des sciences et des lettres», Classe de philologie, d'histoire et de philosophie, Suppl. 5, Cracovie, 1947 (особенно стр. 15—17). И. Вольский (стр. 40) приходит к выводу, что Диодот провозгласил себя независимым в 239 г. до н. э., тогда как А. Нарайн (The Indo-Greeks, стр. 14) относит восстание Диодота к 256 г. до н. э.

[89] J. Wolski, Le problème d'Andragoras.— «Mélanges G. Kazarow. Ephemeridis Instituti Archaeologici Bulgarici», 5, XVI, Sofia, 1950, стр. 113.

рем индийцев» Софагасеном, заключил с ним дружественный союз, после чего вышел к побережью Персидского залива и возвратился в Сирию.

В государство Эвтидема помимо Бактрии входили некоторые оседлые области Средней Азии, прежде всего оазисы Согдианы, но точных данных о северных границах Греко-Бактрийского царства у нас нет. Эвтидем, по-видимому, предпринимал походы на север и северо-восток, вплоть до Кашгара в Восточном Туркестане, однако его власть вряд ли распространялась дальше Ферганской долины; впрочем, недоказанным остается и вхождение Ферганы в сферу влияния Греко-Бактрии[90]. Не исключено, что в состав владений Эвтидема входили Герат и некоторые другие оазисы Восточного Ирана, но и для этих районов прямых свидетельств нет.

Политическая история Греко-Бактрийского царства после Эвтидема (он умер около 200 г. до н. э.) полна неясностей. На монетах этого периода представлено очень много имен правителей; установление их родословных и последовательности правлений — задача поистине головоломная, требующая огромной изобретательности. Мы сталкиваемся, несомненно, с несколькими правящими династиями. Монеты свидетельствуют также о территориальном росте Греко-Бактрии — включении в ее состав областей к югу от Гиндукуша. Завоевание Индии началось при Деметрии I и Антимахе I, преемниках Эвтидема. Около 171 г. до н. э. некий Эвкратид, начальник греческого гарнизона, восстает против Деметрия II и провозглашает себя и свой род владетелями Бактрии[91]. К югу от Гиндукуша, в Гандхаре, к власти приходят другие греческие правители, принадлежащие, очевидно, к роду Эвтидема. Антимах I был первым царем, выпускавшим монеты квадратной формы — подражание местным индийским чеканам. На монетах Деметрия II впервые появляются, наряду с греческими, легенды письмом кхароштхи, что также указывает на связи с Индией[92].

Однако настоящим завоевателем Индии был Менандр, о котором сохранилось, пожалуй, больше сведений, чем о любом другом греко-бактрийском царе. Его монеты наиболее многочисленны, а ареал их распространения очень широк. Страбон (XI, 516) говорит, что «греки Бактрии, в особенности Менандр, подчинили себе больше племен, чем Александр». Много внимания уделяет Менандру и буддийская историческая традиция. «Милиндапаньха», один из классических памятников буддийской

[90] A. K. Narain, The Indo-Greeks, стр. 25, 170 (ссылка на Страбона, XI, 516).

[91] Там же, стр. 53 (изложение сообщений Юстина и Страбона).

[92] Там же, стр. 48.

литературы, содержит запись его беседы с мудрецом Нагасеной. Менандр завоевал Гандхару, включая Таксилу, после чего распространил свою власть и на другие территории, вплоть до Свата (где обнаружена связанная с Менандром надпись) и далее на юг, до Пенджаба,— около 130 г. до н. э. он предпринял даже рейд на Паталипутру [93]. Границы греческих владений в Индии никогда не проходили восточнее реки Рави; в Северо-Западной Индии и особенно в областях Гиндукуша династии мелких индо-греческих правителей сохранялись довольно долго.

Я отмечал уже, что остается недоказанным существование у греков Бактрии института «вице-королей»; зато имеются сведения о сатрапах или стратегах, управлявших сатрапиями, и более мелких административных округах, подчинявшихся меридархам [94]. Как и в государстве Селевкидов, стратеги, очевидно, использовали любое проявление слабости царской власти для того, чтобы поднять мятеж и добиться независимости. Процесс дробления Бактрийского государства начался по крайней мере уже вскоре после смерти Эвкратида (если не раньше) и привел к образованию нескольких «греко-бактрийских» царств на территории Афганистана и Северо-Западной Индии. Менандра, принявшего, очевидно, буддизм, а также многих других греческих правителей следует, скорее, именовать индо-греками, а не греко-бактрийцами [95].

Распад державы после Менандра делает невозможным сколько-нибудь надежную реконструкцию политической истории рассматриваемых областей. Еще много раньше, около 160 г. до н. э., Эвкратид вынужден был уступить Митридату I, могущественному правителю Парфии, две западные области — Тапурию и Траксиану [96]. Но сокрушительный удар грекам Бактрии нанесли кочевники, пришедшие из Центральной Азии,— юечжи китайских источников. Широкое движение кочевых племен, последовавшее за столкновением гуннов и юечжей в Восточном Туркестане, захватило и саков. Во II—I вв. до н. э. сакские племена проникли на территорию Драпгианы, Арахосии, Бактрии и Гандхары. Этот смутный период отмечен усилением политиче-

---

[93] Там же, стр. 80—86.

[94] W. W. Tarn, The Greeks in Bactria and India, Cambridge, 1951, стр. 242.

[95] A. K. Narain, The Indo-Greeks, стр. 98.

[96] О локализации этих двух небольших сатрапий см.: W. W. Tarn, Seleucid-Parthian studies,— «Proceedings of the British Academy», 1930, vol. XVI, стр. 20—24. Форма *Tapuria* является исправлением *Turiva*, фигурирующей в тексте Страбона (XI, 517), эта конъектура кажется достаточно обоснованной. Вопрос о местоположении Траксианы *(Traxiana)* остается открытым. Тапурию не следует сближать с позднейшим Табаристаном — это, скорее, название округа в бассейне реки Мургаб или в районе Мешхеда.

ской раздробленности, границы владений часто меняются, так что только нумизматический материал служит ориентиром для историка.

Как известно, при больших передвижениях кочевников в миграции вовлекаются соседние племенные союзы или даже целые народы, однако в настоящее время считается общепризнанным, что юечжи не тождественны сакам. Попытки согласовать данные китайских источников о передвижениях саков с очень краткими сообщениями античных авторов о завоевании Бактрии, а также с нумизматическими материалами наталкиваются на значительные трудности. Современное состояние разработки этих проблем хорошо охарактеризовано А. Нарайном; его подход к данным источников позволяет, как мне кажется, разрешить многие противоречия и избежать некоторых ошибок, свойственных прежним исследованиям. Основные выводы Нарайна сводятся к следующему [97].

Согласно китайским источникам, первое передвижение юечжей произошло около 160 г. до н. э., когда они достигли области бассейна р. Или и оз. Иссык-куль и вытеснили отсюда саков. Часть сакских племен двинулась на юг и дошла до Кашгара, Гильгита, а затем и до Свата и Северо-Западной Индии. Мнение о том, что этот путь в силу своих природных условий непроходим для больших масс кочевников, в настоящее время отвергнуто. Саки, появившиеся на территории Северо-Западной Индии и раздробившие греческие царства, пришли, скорее всего, этим путем, а не более длинным путем, ведущим с запада [98]. Китайские хроники указывают, что царь сэ, то есть вождь сакского племенного союза, ушел за «Висячий переход»; следовательно, путь саков на юг шел через Сарыкол и далее через Южное Припамирье, хотя точная трасса их движения остается неизвестной [99]. Со времени начала миграции и до основания сакского царства в Удьяне (Сват) прошло почти целое столетие — первым сакским царем в Северо-Западной Индии, о котором нам известно по монетам, был Мауэс, правивший, по всей вероятности, в первой половине I в. до н. э. Другие сакские племена перемещались на запад, заняв в конце концов области Герата и Сеистана. Отныне саки (мы пользуемся этим общим названием кочевников; античные авторы говорят о скифах) становятся

---

[97] A. K. Narain, The Indo-Greeks, стр. 128—164, где приведены переводы соответствующих источников.

[98] Нарайн (The Indo-Greeks, стр. 137) подробно рассматривает этот вопрос.

[99] Ср.: А. М. Мандельштам, Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей. С древнейших времен до X в. н. э., Сталинабад, 1957 (ТИИАЭ АН ТаджССР, т. LIII), стр. 79 и др.

серьезной угрозой для Парфянской державы, и два аршакидских царя — Фраат II и Артабан II (около 138—123 гг. до н. э.) — гибнут в сражениях с кочевниками. Но вернемся к юечжам и к судьбам Греко-Бактрии.

Согласно китайским источникам, юечжи, занявшие долину реки Или, вновь подверглись нападению — на этот раз со стороны усуней, после чего они двинулись на юг и покорили страну Дахя. Именно в этой стране их застал китайский посол Чжан Цянь; он пытался заручиться поддержкой юечжей в борьбе Китая против гуннов, но потерпел неудачу. Донесение Чжан Цяня, относящееся примерно к 129 г. до н. э., в течение долгого времени служило для китайских хронистов основным источником сведений о западных странах.

Саки, как мы видели, разделились на две группы, одна из которых ушла на юг (и восток), а другая — на запад. Часть сакских племен проникла на территорию Северо-Западной Индии, тогда как основная масса осталась в Припамирье, Кашгаре и в Хотане. Тексты на хотано-сакском языке и на сакском диалекте Тумшука и Муртука являются памятниками правящей верхушки саков, живших в Восточном Туркестане; современные памирские языки — йидга, мунджанский, шугнанский, рушанский и особенно ваханский — обнаруживают некоторые черты, роднящие их с сакскими диалектами [100]. Весьма вероятно, что иранский язык древней Бактрии был родствен сакскому или по меньшей мере испытал сильное влияние сакских диалектов в период, когда их носители вторглись в Индию одновременно с севера и с запада. Можно полагать, что сакские диалекты занимали господствующее положение на всей территории «Внешнего Ирана» и что отношения юечжей и саков были до некоторой степени похожи на отношения монголов и тюрков в Золотой Орде.

Страна Дахя китайских источников обычно отождествляется с Бактрией, хотя предложенные реконструкции древнекитайского звучания этого названия и значения иероглифов до сих пор вызывают споры [101]. Из этого отождествления следует, что юечжи заняли Бактрию, сначала северную ее часть, а затем и

---

[100] Лучшие работы в этой области принадлежат Г. В. Бэйли, см. особенно: H. W. Bailey, Languages of the Saka,— «Handbuch der Orientalistik», hrsg. von B. Spuler, 1. Abt., Bd IV: Iranistik, 1. Abschn.: Linguistik, Leiden — Köln, 1958, стр. 132 и сл.; H. W. Bailey, Khotanese Texts, IV, Cambridge, 1961, стр. 17.

[101] В. В. Тарн (The Greeks in Bactria and India, стр. 296—297) рассматривает эту проблему и приходит к выводу, что Дахя в китайской традиции служило названием какой-то мифической западной страны, позднее перенесенным на Бактрию.

области, лежащие к югу от Окса; эти события можно датировать приблизительно периодом 120—100 гг. до н. э. До юечжей здесь проходили сакские племена, часть которых заняла район Герата, Сеистан, Арахосию и Северную Индию; их история связана с Парфией. Юечжи, осевшие на территории Бактрии, делились на пять основных племен. Одно из них — кушаны — сумело подчинить остальные племена и выдвинуло из своей среды правящую династию[102]. Сведения об этом мы находим также только в китайских хрониках — юечжи, жившие прежде в Ганьсу, и после переселения к границам Бактрии продолжали интересовать китайцев, а потому не удивительно, что китайские источники сообщают о юечжах больше подробностей, чем о других народах западных стран.

Идентификация географических и этнических названий, приводимых в китайской передаче, сопряжена нередко с большими трудностями, так как одни и те же наименования могут с течением времени прилагаться к разным местностям или народам, либо несколько названий обозначают одно и то же. Однако сообщения китайских хроник о судьбе юечжей можно считать достаточно надежными. В «Хоу-Хань-шу», официальной «Истории Младшей династии Хань», рассказывается, что юечжи или гуйшуан (кушаны), как называют их теперь другие народы, вторглись в Аньси, то есть в Парфию (**an-siək = aršak*), и покорили Гаофу — область, которую отождествляют с долиной Кабула; последнее отождествление основывается не столько на историко-фонетической реконструкции, сколько на данных позднейших источников[103]. Далее, в «Хоу-Хань-шу» указывается, что Гаофу ранее, до описываемых событий, не принадлежала кушанам, так что составитель «Истории Старшей династии Хань» («Цянь-Хань-шу») ошибся, назвав Гаофу среди пяти юечжийских племен. Область Гаофу, согласно «Хоу-Хань-шу», находилась под властью Аньси, и только позднее, когда юечжи нанесли поражение Аньси, эта область впервые была завоевана ими. Приведенные сообщения, как справедливо отметил А. Нарайн, показывают, что Греко-Бактрийское царство фактически перестало существовать: территории, лежащие к северу от Гиндукуша, перешли под власть кушан, парфяне захватили области, прилегающие к Гиндукушу с юга, а прежними индийскими владениями распоряжались саки. Крушение Греко-Бактрии обозначилось, конечно, не сразу. Греческие правители об-

[102] См. ниже, а также: A. K. Narain, The Indo-Greeks, стр. 131, где приведен перевод соответствующего отрывка из хроники Младшей династии Хань.

[103] См.: E. Chavannes, Les pays d'Occident d'après le Heou Han chou, pt 2,— «T'oung Pao», t. VIII, 1907, стр. 191 и сл.

ластей к северу от Гиндукуша сначала находились, очевидно, на положении данников или вассалов юечжей — так было в период, когда юечжи заняли правобережную Бактрию, но еще не переправились через Амударью. В Индии, как об этом свидетельствуют монеты, ситуация была особенно сложной, поскольку наряду с саками продолжали существовать и династии греческих владетелей. Последовательность правлений в Северо-Западной Индии для этого периода устанавливается прежде всего благодаря находкам монет в Таксиле. Хронологическая шкала, разработанная в результате многолетних раскопок в Таксиле, позволяет довольно точно датировать монеты, обнаруженные в различных слоях [104].

Первым сакским правителем Таксилы был Мауэс, пришедший сюда, очевидно, из Удьяны. Ему наследовали два греко-индийских правителя — Аполлодот и Гиппострат, после которых мы снова видим сака — Аза [105]. Даты правлений определяются лишь предположительно. Мауэс завоевал Таксилу, по всей вероятности около 80 г. до н. э., а через несколько десятилетий власть греков в Северной Индии окончательно рухнула. Вряд ли можно предполагать, что индо-греческим правителям удавалось и позднее удерживать в своих руках разрозненные владения к востоку от реки Джелам — на эти территории уже давно посягали западные саки и парфяне — пахлавы индийской традиции. Последовательность правлений и границы владений последних греческих правителей в областях Гиндукуша (Паропамисады античных авторов) также не вполне ясны. Принято считать, что около 100 г. до н. э. здесь правил Гермей [106], которому в известной мере удалось — в последний раз — восстановить былое могущество греко-бактрийских царей. Заслуживает внимания широкий ареал распространения и многообразие типов монет Гермея; по мнению Дж. Маршалла, разделяемому и другими исследователями, многие из монет являются позднейшими подражаниями чекану Гермея [107]. По этим же причинам имя Гермея мы встречаем и на монетах, выпускавшихся кушанским правителем Кудзулой Кадфизом: на аверсе упомянут «царь Гермей», на реверсе — «ябгу кушан Кудзула Кадфиз». Эти лица, вопреки распространенному мнению, не были совре-

---

[104] J. Marshall, Taxila, vol. II, Cambridge, 1951, стр. 764, 768.

[105] G. K. Jenkins, Indo-Scythic Mints,— JNSI, vol. XVII, 1955, стр. 16. Мы не можем здесь рассматривать неоднократные завоевания Таксилы Азом, надписи Мауэса //Moa// Мога, а также проблему «сакской эры». Ср.: A. K. Narain, The Indo-Greeks, стр. 142.

[106] A. D. H. Bivar, The Bactrian treasure from Qunduz,— JNSI, vol. XVII, 1955, стр. 43; G. K. Jenkins, Indo-Scythic Mints, стр. 21.

[107] J. Marshall, Taxila, vol. II, стр. 764; его же, Greeks and Sakas in India,— JRAS, 1947, стр. 25.

менниками,— их разделяет значительный промежуток времени. Следует пересмотреть и некоторые представления о чеканах сако-парфянских правителей.

Среди монет владетелей, сменивших греков в областях к югу от Гиндукуша, мы находим чеканы, на которых представлено два имени, например Вонон и Спалахор; Вонон и Спалагадам; Спалирис и Спалагадам, сын Спалахора; Спалирис и Аз; Аз и Азилис; Азилис и Аз[108]. Во всех таких случаях первое имя, обозначенное на аверсе, написано по-гречески; второе, на реверсе, имеет северо-западную пракритскую форму и начертано письмом кхароштхи, подобно монетам, на которых **Гермей** выступает рядом с Кудзулой Кадфизом. Принято считать, что имена на аверсе и реверсе отражают последовательность правлений (на реверсе — имя преемника), однако такое заключение не кажется достаточно обоснованным. Эти монеты требуют дальнейшего изучения; нуждаются в пересмотре и представления о генеалогиях и порядке правлений. Недостаточно исследованы также многочисленные монеты греко-бактрийского царя Гелиокла и, особенно, подражания чеканам Гелиокла, выпускавшиеся негреческими правителями на территориях к северу от Окса[109]; многое предстоит сделать и для классификации монетных эмиссий пахлава-сакских правителей, владения которых лежали к югу от Гиндукуша[110]. Нумизматические материалы свидетельствуют о стойкости традиций греческих чеканов на востоке, а также о длительном влиянии греческого искусства и культуры в Северо-Западной Индии, Афганистане и Средней Азии.

Сакские цари Северо-Западной Индии разделили, по всей вероятности, судьбу греков — на смену Мауэсу, Азу и Азилису пришли новые правители. Наиболее знаменитым из них был Гондофар — основатель индо-парфянской (пахлава) династии.

---

[108] См. полезный обзор в работе: G. K. Jenkins, A. K. Narain, The Coin-types of the Saka-Pahlava Kings of India, Benares, 1957 (Numismatic Society of India. Notes and Monographs, 4).

[109] В. М. Массон Древнебактрийские монеты, чеканенные по типу тетрадрахм Гелиокла,— «Эпиграфика Востока», XI, 1956, стр. 63 и сл., особенно стр. 73—75, где автор предполагает, что подражания монетам Гелиокла принадлежат к раннеюечжийскому чекану и связаны с загадочными монетами Герая, одного из первых кушанских правителей. См. также: В. М. Массон, К вопросу о чекане юечжийской Бактрии,— «Известия Отделения общественных наук АН ТаджССР», вып. 14, Сталинабад, 1957, стр. 109—114, где автор предлагает датировать правление Гелиокла 140—130 гг. до н. э. и называет Гелиокла последним греческим царем собственно Бактрии.

[110] J. Marshall, Greeks and Sakas in India, стр. 19. Правитель, о котором идет здесь речь, должен соответствовать Гелиоклу I в классификации А. Нарайна (The Indo-Greeks, стр. 109). Этот правитель был гораздо более значительной фигурой, чем это представляется Нарайну.

Гондофар хорошо известен христианской традиции, что нашло отражение, в частности, в апокрифе «Деяния святого Фомы». Имя Гондофара, выступающее в источниках в нескольких вариантах, засвидетельствовано и в другом памятнике раннехристианской литературы и было отождествлено с Каспаром, одним из трех библейских царей [111]. Эти данные позволяют относить основание индо-парфянской династии к началу нашей эры, а правление Гондофара примерно к середине I в. н. э. Хронология индо-парфян связана с широким кругом сложных проблем истории Индии, а также с различными системами летосчисления — эрами, отраженными в надписях. Подробное рассмотрение этих проблем не входит в нашу задачу. Отметим лишь, что иранское влияние в областях Северо-Западной Индии было весьма ощутимым и что любое вторжение или переселение племен из Центральной и Средней Азии приводило к оседанию новых групп иранцев на равнинах Индийского субконтинента.

На территории Северо-Западной Индии в этот «позднеэллинистический» период встретились три этноса, три культурные традиции — греческая, индийская и иранская. Процесс взаимодействия трех мощных культур осложнялся различиями в религиозных верованиях. Наиболее отчетливо этот процесс можно проследить в искусстве Северо-Западной Индии, прежде всего в так называемом гандхарском искусстве, его раннем и позднем стилях.

Гандхара и западные влияния

Гандхарское искусство в широком понимании этого термина — искусство Северо-Западной Индии времени владычества кушан и последующего периода. Вопрос о происхождении гандхарского искусства вызвал много противоречивых гипотез. В сложении его большую роль сыграло греческое или, точнее, греко-римское влияние, но в целом это искусство можно определить как синкретическое, результат творческого освоения западных и восточных образцов, приведшего к созданию единого стиля. Две основные проблемы продолжают занимать исследователей гандхарского искусства. Одна из них связана с влиянием различных культурных и религиозных традиций в самой Индии, другая заставляет нас обратиться чуть ли не ко всей Евразии. Первая проблема, если коротко ее охарактеризовать, сводится к определению роли западного вклада в гандхар-

[111] См. данные, собранные в кн.: S. Konow, Corpus Inscriptionum Indicarum, vol. II, pt I: Kharoshthi Inscriptions, Calcutta, 1929, стр. XLIV и сл., а также хороший обзор в работе: L. de La Vallée-Poussin, L'Inde aux temps des Mauryas, Paris, 1930, стр. 276.

ском искусстве, как в ранних его памятниках — каменных скульптурах и барельефах (время кушан), так и в более поздних образцах глиняной и штуковой скульптуры (эфталитский период). Некоторые исследователи считают, что гандхарская скульптура возникла в результате влияния восточноримского провинциального стиля на буддийское искусство Индии; эта гипотеза в последние годы стала довольно распространенной в связи с любопытными сопоставлениями гандхарской скульптуры с памятниками искусства Пальмиры [112]. Другие авторы полагают, что «западное» начало в гандхарском искусстве обязано влиянию Греко-Бактрии [113]. Раскопки Сурх Котала, проведенные французской археологической миссией в Афганистане, не внесли полной ясности в эти проблемы. Более того, дискуссия обострилась, поскольку арсенал аргументов обеих сторон пополнился. Сторонники «римско-буддийской» (этот термин предложил Д. Шлюмберже) концепции происхождения гандхарского искусства ссылаются на отсутствие памятников собственно греческого искусства на территории Бактрии и на значительный промежуток, отделяющий конец правления греков от времени сложения гандхарской школы. Действительно, достоверных свидетельств такой преемственности до сих пор нет. С другой стороны, Шлюмберже [114] возражает против этого мнения, ссылаясь на монетные эмиссии кушан и особенно на применение ими греческого алфавита — последнее, согласно Шлюмберже, должно указывать на сохранение греко-бактрийских традиций в государстве кушан, причем было бы грубой ошибкой полагать, что греки Бактрии, оставившие нам замечательные монеты, настоящие памятники искусства, не оказали влияния на оформление позднейших художественных стилей в областях, лежащих к северу и к югу от Амударьи. Аргументы, выдвигаемые обеими сторонами, заслуживают внимания, но кажется полезным выйти на более широкие просторы и для решения спора привлечь памятники искусства и культуры Месопотамии, Южной России и даже Китая. Нам приходилось уже выше говорить о скифо-сарматском искусстве и о «зверином стиле».

«Евразийский» подход к проблеме предполагает прослеживание связей между искусством кочевников Центральной и

---

[112] К сторонникам «римской школы» принадлежат: H. Ingholt, Gandharan art in Pakistan, New York, 1957; B. Rowland, The art and architecture of India, London, 1953; H. Buchthal, The Western aspects of Gandhāra sculpture,— «Proceedings of the British Academy», vol. XXXI, 1948, а также некоторые другие исследователи.

[113] Такова точка зрения А. Фуше и «французской школы». Взгляды обеих сторон хорошо суммированы в статье: D. Schlumberger Descendants nonméditarannéens de l'art grec (см. особенно стр. 136—142).

[114] D. Schlumberger, там же, стр. 150.

Средней Азии, с одной стороны, и художественными традициями оседлых народов стран Ближнего Востока и эллинского мира, с другой. Западным соседом и кушан, и греко-бактрийцев, и эллинских колонистов в селевкидских владениях Восточного Ирана была Парфия, а потому парфянское искусство, тесно связанное со Средней Азией, уже давно привлекает внимание ученых и именно в нем ищут звено, которое могло бы соединить художественные школы и традиции Запада и Востока. Глубокие изменения, обозначившиеся в философских учениях и религиозных верованиях в конце эллинистического периода — в I в. до н. э., наложили отпечаток и на искусство. На смену величавому спокойствию и четкости форм, столь характерных для архитектуры и пластического искусства как классической Греции, так и ахеменидской Персии[115], в эпоху эллинизма пришли изощренность формы и символика — стиль, который условно можно именовать «экспрессионистским» и который соответствовал новым эстетическим идеалам. Для искусства «парфянского» периода особенно характерны две черты — фронтальность в изображениях людей и передача стремительного движения животных, скачущих во весь опор,— такие изображения представлены на рельефах и в стенной живописи.

М. И. Ростовцев предложил именовать это искусство «неоперсидским» (*Neo-Persian*); по его мнению, «неоперсидское искусство было, несомненно, ведущим искусством Иранской Азии и Европы в позднеэллинистическое время»[116]. Он прослеживает черты, свидетельствующие о влиянии этого искусства на территориях ханьского Китая, Сибири и Южной России, причем утверждает, что фронтальность изображения впервые появляется с приходом сарматов в Южную Россию[117]. Ростовцев приводит интересные факты, пытаясь доказать, что создание «неоперсидского» стиля определялось в конечном счете влиянием, шедшим из Северной Месопотамии — от ассирийцев через ахеменидское посредство, так что для парфянского периода мы должны говорить о возрождении этого стиля, а не о сложении под воздействием Греции. Далее Ростовцев убедительно показал, что «иранский Ренессанс» начался именно при парфянах, а не при Сасанидах,— примечательно, что при сасанидском шаханшахе Шапуре I греческое влияние на короткое время снова усилилось[118]. Традиционные сюжеты иранского изобразительного ис-

---

[115] T. T. Rice, The expressionist style in early Iranian art,— «Ars Islamica», vol. V, 1938, стр. 219.

[116] M. Rostovtzeff, Dura and the problem of Parthian art,— YCS, vol. V, 1935, стр. 270.

[117] Там же, стр. 239.

[118] Там же, стр. 296.

кусства — охота, бой, пир, равно как и применение полихромных росписей хотя и возродились при парфянах, но не должны рассматриваться как характерные только для парфян — кочевники Средней и Центральной Азии с их «звериным стилем», а также мелкие династы Анатолии, например правители Коммагены, также принимали деятельное участие в «неоперсидском» движении.

Таковы вкратце основные положения концепции Ростовцева. Некоторые поправки к ней сформулировал Д. Шлюмберже, отметивший, что, хотя фронтальность изображения в наибольшей степени характерна для аршакидской Парфии, эту черту можно встретить и в греческом искусстве более раннего периода. По мнению Шлюмберже, переворот, происшедший в эллинистическом искусстве, был начат греками; именно они впервые ввели фронтальность и изображение профиля в три четверти — это позволяло передать индивидуальное, облик и переживания отдельного человека, что соответствовало всему духу идеологии и культуры эллинизма [119]. Греки сами нарушили старые каноны классической скульптуры Эллады и нормы, регулировавшие профильные изображения в изографическом искусстве. Так сложилось новое — эллинистическо-восточное — искусство I в. до н. э., под натиском которого пали художественные стили классической Греции и древнего Востока. Это искусство было придворным, оно служило иранским царям и пришло на смену искусству греческих полисов и храмов старых богов [120]. С точки зрения Шлюмберже, парфянское искусство — смесь греческой традиции (как я полагаю, классической и новой) и двух восточных — ахеменидской и новой кочевой традиции, идущей из Средней и Центральной Азии [121]. Возвращаясь к Гандхаре, Шлюмберже полагает, что гандхарская художественная школа может быть объяснена как результат смешения элементов этого (нового) греко-иранского искусства со (старыми) греко-индийскими традициями.

Эпоха взаимодействий различных культур, передвижений племен и целых народов на огромные расстояния, эпоха идеологического и религиозного синкретизма не могла не сказаться на характере искусства. Оно выступает как явление очень сложное, и многие вопросы его формирования и развития остаются неясными. Полезно вспомнить, что в искусстве любого народа находят отражение его образ жизни и религиозные верования. Кочевники вряд ли могли принести с собой собственный стиль

---

119 D. Schlumberger, Descendants non-méditerranéens, стр. 261.

120 Там же, стр. 280.

121 Там же, стр. 148.

архитектуры и полностью сложившееся искусство — такому предположению противоречит, по-видимому, все, что мы знаем об образе жизни номадов. Проблема истории гандхарского искусства должна рассматриваться прежде всего в связи с историей Бактрии и Северной Индии. Эллины правили в Бактрии в течение более чем двух столетий; их власть распространялась и на Индию, их монеты по праву считаются вершиной греческого портретного мастерства; влияние греков продолжало ощущаться и после падения их царств[122]. В то же время греки не могли избежать воздействия со стороны местного населения, пришельцев из Центральной Азии и их традиций. Гандхарское искусство, одно из выдающихся достижений культуры кушанского периода, впитало в себя наследие Греко-Бактрии. Наличие бактрийского «фона» в гандхарском искусстве представляется несомненным, хотя его роль явно преувеличена сторонниками греко-бактрийской гипотезы и, напротив, преуменьшена авторами, защищающими римско-буддийскую гипотезу. Многого в этом отношении можно ожидать от раскопок Балха. Французские археологи дважды пытались обнаружить здесь слои греческого поселения, оба раза безуспешно, но новые раскопки могут оказаться плодотворными.

---

[122] Монеты правителей династии Андхра в Центральной и Южной Индии имеют не только легенды на брахми и кхароштхи, но и греческие легенды (E. J. Rapson, Catalogue of the coins of the Andhra dynasty, London, 1908, стр. CXCI). О греческой лексике в языках Центральной Азии см.: H. W. Bailey, Khotanese Texts, IV, стр. 10. Греческая скульптура и другие памятники искусства, найденные при раскопках Нисы и датируемые I в. до н. э., могут свидетельствовать о продолжительности влияния греков на Востоке. (Отметим попутно, что новейшее исследование «упразднило» грека-ремесленника, который, как полагал С. Конов, изготовил реликварий для Канишки — вместо греческого имени *Agesilaos* в надписи представлено слово, восходящее к *agniśālā* «зал огня». См.: S. Konow, Kharoshthi Inscriptions, стр. 137, и T. Burrow, The term *Agisala* in two Kharoṣṭhī inscriptions,— «Journal of the Greater India Society», vol. XI, 1944, стр. 13—16.)

ВОСПРИИМЧИВЫЕ АРШАКИДЫ

Забытая династия

Во время владычества парфян в Иране произошли огромные перемены в области искусства, в религии и литературе. Эти перемены связаны не только с парфянами, однако парфяне оставили ощутимый след в истории страны. На время правления парфян приходится рубеж, который отделяет древний Иран от средневекового; этот рубеж отделяет также ранний период истории Парфянского царства от последующего периода. Мы знаем о парфянах еще меньше, чем об их предшественниках — Ахеменидах и греках, или об их преемниках — Сасанидах. Но — по крупице, с разных сторон — до нас дошли несомненные свидетельства парфянского вклада в культурное развитие Ирана.

Распространенный взгляд на парфян как на эпигонов греческой культуры, как на филэллинов, при которых Иран пережил свои «темные века», совершенно неоправдан. Чем больше мы узнаем об этом периоде благодаря вновь открытым надписям и раскопкам, тем яснее становится, что правление парфян было во многих отношениях периодом бурного подъема. Парфянская архитектура, с характерными для нее айванами и арочными переходами, по своему духу отнюдь не деградировавшая греческая,— это искусство, которому присущи многие новые идеи. Парфяне в известном смысле спасли зороастрийскую веру, дав ей основу канона, воспринятого затем Сасанидами. Героические сказания поэтов Персии в значительной мере восходят к парфянским бардам, которые услаждали слух знати песнями о героях или *пахлаванах* народного эпоса. В целом парфянский период отнюдь не был бесславным этапом в истории Ирана, как его нередко представляют. Чтобы понять это, мы должны только правильно оценить данные источников.

Следует заметить, что в этом отношении парфяне «пострадали» не столько от современных исследователей, сколько от своих непосредственных преемников — Сасанидов. Фирдоуси только выражает бытовавшее в Персии мнение, когда в своей «Книге царей», в конце тех немногих строк, которые он отводит парфянам, говорит: «Их корни и ветви были короткими, так что никто не может утверждать, что их прошлое было славным. Я не слышал ничего, кроме их имен, и не видел их в летописях царей». Почему же парфяне были забыты?

Мусульманские авторы отражают сасанидскую традицию о парфянах. Во многих мусульманских источниках можно найти примечательное сокращение времени, прошедшего от Александра до возвышения Сасанидов. Великий ученый ал-Бируни знал об этой ошибке многих историков, и вслед за Хамзой Исфаханским, наряду с существовавшими в его время различными неверными хронологиями приводит и несколько почти правильных таблиц[1]. Мас'уди прямо говорит, что Сасаниды намеренно исказили хронологию периода между Александром и Ардаширом, сасанидским правителем, ниспровергнувшим парфян, сократив промежуток времени в 510 лет примерно наполовину. Такое сокращение, согласно Мас'уди, было сделано из-за особого значения числа «тысяча» в зороастрийской эсхатологии. По этим представлениям, держава персов должна была погибнуть через тысячу лет после Зороастра. Поскольку в зороастрийской традиции деятельность пророка примерно на 300 лет предшествует времени Александра, конец рокового тысячелетия оказался в опасной близости к эпохе Сасанидов. Поэтому жрецы и чиновники, чтобы обмануть судьбу, решили совершить этот хронологический подлог[2]. Другие источники подтверждают, что было расхождение между летосчислением у персов и у других народов. Зороастрийская традиция, отраженная в «Бундахишне» (гл. 34 — об «исчислении времени»), определяет продолжительность парфянского периода в 284 года. Это не согласуется ни с одной из таблиц ал-Бируни и показывает, что зороастрийцы и после падения Сасанидов продолжали следовать ложной хронологии. Мас'уди, вероятно, прав, когда объясняет фальсификацию летосчисления религиозными причинами. Однако трудно представить, что персы были совершенно незнакомы с греческой и другими версиями относительно продолжительности парфянского правления в Иране. За всем этим обнаруживается важное значение сильной централизованной власти для сохранения исторических источников и традиции — условия, которого, видимо, не было в период владычества парфян. Скудость сведений о парфянах в источниках не могла быть только результа-

---

[1] The Chronology of ancient nations. An English version of the Arabic text of the Athâr-ul-bâkiya of Albîrûnî, or «Vestiges of the Past», collected and reduced to writing by author in A. H. 390/1, A. D. 1000. Transl. and ed. with notes and index, by Dr. E. C. Sachau, London, 1879, стр. 116 и сл. Хамзе Исфаханскому было известно, что сведения о парфянах перепутаны, но он знал и правильный вариант хронологии, см.: Annals of Ḥamzah al-Iṣfahānī, transl. by U. M. Daudpota, Bombay, 1932, стр. 9, 13.

[2] Kitâb al-tanbîh wa'l-ischrâf auctore al-Masûdî, ed. M. J. de Goeje, Lugduni-Batavorum, 1894 (BGA, VIII), стр. 97; Maçoudi, Le Livre de l'Avertissement et de la Revision. Tradiction par B. Carra de Vaux, Paris, 1896 (Collection d'ouvrages Orientaux publiée par la Société asiatique), стр. 140.

том стараний сасанидских царей уничтожить память о парфянской знати и ее истории, как бы ни пытались Ардашир и его преемники умалить заслуги своих предшественников.

Парфяне смогли многое воспринять из эллинистической культуры, но они сохранили также и иранские традиции. Раннепарфянское время иногда характеризуют как филэллинское, а последующий период — как иранскую реакцию против эллинизма, но мы не знаем о сколько-нибудь достоверных проявлениях этой «реакции». Скорее, имел место переход от мира, где господствовал дух Эллады, к новому обществу, в котором эллинизм постепенно был переварен Востоком. Сопоставление возвышения Парфии с подъемом Рима, вышедшего за рамки эллинизма, может быть поучительным, но подъем Рима не был неожиданным или внезапным.

Начало

Происхождению парфян посвящено немало исследований. Многие детали и многие даты остаются пока неясными, однако общую картину событий можно восстановить с большой долей вероятности [3]. Парфяне известны со времени Ахеменидов, когда они занимали территорию, примерно соответствующую современной области Хорасан. После смерти Александра Великого произошло передвижение племен в Западном Туркестане, в результате которого были уничтожены некоторые греческие форпосты в Средней Азии; Селевк I и его сын Антиох восстановили эти города и утвердили власть Селевкидов. Весьма вероятно, что среди переместившихся племен были и парны. Страбон (XI, 508, 515) называет парнами часть большой конфедерации дахов. Возможно, как это предположил И. Маркварт [4], что парны (или

[3] Результаты многолетних исследований И. Вольского в области раннепарфянской истории отражены в его статьях и приняты большинством ученых. См. его последнюю работу: J. Wolski, The decay of Iranian Empire of Seleucids and the chronology of the Parthian beginnings,— «Berytus», XII, 1956—1957, fasc. 1, стр. 35—52. [См. также: J. Wolski, Arsace II et la généalogie des premiers Arsacides, в кн. F. Altheim, R. Stiehl, Die Araber in der Alten Welt, Bd II, Berlin, 1965, стр. 370—378.] Брошюрой Б. Лозинского (B. P. Lozinski, Original homeland of the Parthians, The Hague, 1959) пользоваться не следует, за исключением библиографии.

[4] J. Markwart, A catalogue of the provincial capitals of Ērānšahr (Pahlavi text, version and commentary), ed. by G. Messina, Roma, 1931 (Analecta Orientalia, 3), стр. 52. Верхние страны и верхние сатрапии упоминает Полибий (V, 40). К утверждению Г. Хауссига, что имя «апарны» должно быть связано с «авар» и с другими племенными названиями, следует относиться с осторожностью (H. W. Haussig, Theophylakts Exkurs über die skythischen Völker,— «Byzantion», t. XXIII, 1953, стр. 329 и сл.).

апарны) в каком-то из иранских диалектов именовались **Apar-nak* и что от этого имени происходит название Апаршахр (район Нишапура). Не исключено, однако, что Апаршахр, или Абаршахр, происходит от древнего обозначения «верхних стран» державы Ахеменидов или «верхних сатрапий» селевкидского времени [5]. Парны, видимо, были основным племенем, занявшим обжитую часть Парфии; некоторые слова, представленные в армянском и в парфянских манихейских текстах, объяснены как вклад парнов в парфянскую лексику [6]. Из этого следует, что пришельцы приняли и распространили за пределы первоначального ареала язык оседлого населения Парфии.

Установление владычества парфян связано по времени с возвышением греков в Бактрии. Существует традиция, согласно которой Арсак, первый парфянский правитель, был наместником бактрийских греков, восставшим и ушедшим на запад, чтобы основать свое царство [7]. Проверить эту версию невозможно, но, видимо, сатрап Парфии (возможно, Андрагор, известный по монетам) восстал примерно в то же время, что и бактрийцы, а затем, после нескольких лет царствования, был побежден парнами под предводительством Арсака. Это событие может быть отнесено приблизительно к 238 г. до н. э. [8].

Парфянская династия, как это известно и по западным, и по восточным источникам, называлась в Иране по имени ее основателя — Арсака (греческая форма). Вопрос об историчности первого Арсака может быть решен положительно с помощью одного остракона из Нисы, парфянского центра в Туркменистане,— в этом тексте упоминается потомок племянника Арсака I [9]. Имя Аршак (*Aršak*), давшее название династии, употреблялось всеми последующими царями на монетах, что затрудняет их точное определение. Это имя может быть истолковано либо как название рода, от авестийского *arəša-* «медведь» (в значении тотема), либо как «муж», «герой», из *aršan-*, что более вероятно. Аршакиды возводили свою родословную к ахеменидскому царю Артаксерксу II и пытались сделать ее правдоподобной. В документах из Нисы встречается название Артахша-

---

[5] Ссылки на источники и анализ вопроса см.: W. B. Henning, Mitteliranisch, стр. 95.

[6] Там же, стр. 96.

[7] N. C. Debevoise, A political history of Parthia, Chicago, 1938, стр. 10.

[8] J. Wolski, The decay, стр. 47.

[9] И. М. Дьяконов — В. А. Лившиц, Документы из Нисы I в. до н. э. Предварительные итоги работы, М., 1960 (XXV Международный конгресс востоковедов), стр. 20, острак № 1760 (датирован 157 г. аршакидской эры = 91 г. до н. э.). В этом документе, к счастью, приведены имена собственные царей, а не только династийное Аршак; последнее, как подтверждается и этим документом, было действительно именем основателя династии.

тракан (*'rtḫštrkn*), данное винограднику и связанное, очевидно, с именем Артаксеркса II [10]. Конечно, то, в чем старались уверить, могло совершенно не соответствовать действительности. Генеалогия Аршакидов была составлена в соответствии с традициями, обычными для иранских династий: царственное происхождение от предшествующей иранской династии сочетается здесь с бегством или изгнанием из Греко-Бактрии. Арриан («Парфянские дела» 17, 2) даже говорит, что кроме Арсака и его брата было еще пять представителей знати, которые провозгласили Арсака I царем. Всего, таким образом, их было семеро, как и при провозглашении царем Дария I. Так воцарение Арсака I оказалось приведенным в соответствие с традиционной легендой об основателях династий в Иране. Позже, когда власть парфян упрочилась, они приняли систему летосчисления, скопированную, возможно, с селевкидской. Первый год парфянской эры приходился на 247 г. до н. э., с которым для парфян было связано какое-то важное событие. Строить догадки о том, что за событие имелось в виду,— занятие совершенно бесплодное.

Аршаку наследовал, вероятно, его брат Тиридат. Такая линия преемственности не должна казаться необычной; мы знаем по монетам индо-парфян, что наследование власти у них переходило иногда от царя именно к его брату или к сыну брата. Мне кажется, что это — особенность, характерная для среднеазиатских степей и кочевнического общества [11]. Аршакиды начали расширение своих владений с захвата Гиркании. С этого момента возвышение парфян должно было рассматриваться Селевкидами как мятеж, подобный выступлениям Андрагора и Диодота,— известно, что Селевкиды часто сталкивались с такого рода проявлениями непокорности восточных провинций [12].

Укрепление и расширение Парфянского царства проходило довольно медленно и с трудом. Это проявилось уже вскоре после прихода Аршакидов к власти, когда Селевк II около 228 г. до н. э. двинулся против парфян, но был вынужден вернуться в Антиохию, так как там начались распри. Позднее Антиох III,

---

[10] Там же. О мифическом Кави Аршане, лучнике и предке-эпониме, см.: R. von Stackelberg, Iranica,— ZDMG, Bd 45, 1891, стр. 620. Существовало, по-видимому, также предание о том, что парфяне возводили свой род к Гуштаспу (Виштасп), покровителю Зороастра (Табари, I, 708). На их происхождение от Артаксеркса указывал Арриан, более поздний автор.

[11] Ср.: G. K. Jenkins, A. K. Narain, The Coin-types, *passim*. И. Вольский пришел к заключению, что Тиридат — легендарная фигура и что Арсак I правил более 30 лет (J. Wolski, Arsace II,— «Eos», № 41, 1946, стр. 160). Однако, судя по документам из Нисы, действительно существовал правитель с именем *Tyrydt*, хотя это мог быть и Тиридат II.

[12] Так, например, в Мидии произошло по меньшей мере два восстания: Молона при Антиохе III и Тимарха при Деметрии I.

подавив восстание Молона и его брата Александра, заручившись поддержкой Артабазана, правителя Мидии Атропатены (Азербайджан), и уладив дела в Армении, начал военные действия против парфян[13]. Поход этот начался около 209 г. до н. э., длился несколько лет, и Антиоху пришлось выдержать несколько сражений; конечным результатом явился мирный договор, по которому парфяне признавали верховную власть Селевкидов. Затем Антиох выступил против Эвтидема и снова преуспел, добившись признания главенства Селевкидов. По-видимому, Парфянское и Бактрийское государства сохраняли верность Антиоху вплоть до 189 г. до н. э., когда он потерпел поражение от римлян в битве при Магнесии. Возможно, что на период между 209 и 189 гг. до н. э. приходится оживление греческого влияния в Иране, но сведений об этом в источниках нет.

Мы снова узнаем о парфянах около 171 г. до н. э., когда подлинный основоположник их могущества, Митридат I, занял трон. Точная дата его вступления на престол неизвестна, но источники говорят о нем как о современнике Эвкратида Бактрийского и Антиоха IV[14]. В. Тарн полагал, что Парфия оставалась небольшим и сравнительно слабым государством, когда ей пришлось столкнуться с возродившейся мощью Селевкидов и одновременно с Бактрией — с Антиохом IV и его родственником Эвкратидом. Однако нет никаких данных о родстве этих двух греческих правителей, и тем более о их прочном союзе; Бактрия и селевкидское государство вряд ли имели в это время общую границу. Власть Тимарха, наместника в восточных провинциях Селевкидов, не распространялась даже на район современного Тегерана — в период, когда Антиох IV начал свой поход на Иран, здесь распоряжались парфяне[15]. Попытка Антиоха IV Эпифана вернуть утраченные Селевкидами земли на востоке не принесла успеха, но все же он сумел в какой-то мере восстановить позиции греков на западе Ирана; Экбатаны (Хамадан) были переименованы в честь Антиоха IV в Эпифанию

---

[13] См.: Полибий, V, 55. Сообщение Полибия о том, что Азербайджан не был подчинен Александру, соответствует действительности. Положение в Армении в этот период остается неясным, так как сведения источников противоречивы и по ним нельзя установить, кто владел этой областью. Ср.: A. Bouché-Leclercq, Histoire des Séleucides, t. II, Paris, 1914, стр. 569. После битвы при Магнесии мы узнаем о династии независимых владетелей Армении. Возможно, что в Мидии, Атропатене и в Армении продолжали сохраняться местные правители, номинально утвержденные Антиохом III.

[14] Юстин, XLI, 6.

[15] Там же, XLI, 5, где говорится, что Фраат, брат и предшественник Митридата, покорил и переселил мардов в район современного Тегерана; см. также: Исидор Хараксский, Парфянские станции, 7.

(Стефан Византийский, s. v. *Agbatana*). Смерть Антиоха в 164 г. до н. э. открыла дорогу для дальнейших парфянских завоеваний.

По данным источников довольно трудно определить различие между Парфией в ее первоначальных географических границах (как у Птолемея) и более поздней «Великой Парфией», распространившейся на весь Хорасан и даже перешагнувшей за его пределы. Но мы можем проследить за успехами парфян по смене их столиц [16]. Самой ранней столицей был, видимо, город, называемый Юстином Дара, который М. Е. Массон [17] отождествляет с городищем в районе Абиверда. Город Ниса (или *Parthaunisa,* как называет его Исидор Хараксский в § 7 своего дорожника) служил усыпальницей первых парфянских царей. Начатые после второй мировой войны, раскопки в Нисе дали много интересных находок.

Раскапывались два городища — Старая Ниса и Новая Ниса, примерно в 18 *км* к северо-западу от Ашхабада. Возможно, что Ниса была действительно первой столицей парфян или по меньшей мере городом, из которого происходил Аршак I. Размеры и великолепие раскопанных залов свидетельствуют о богатстве парфянских правителей. Неизвестно, было ли название Михрдаткерт, упомянутое в одном из нисийских остракa, первоначальным парфянским названием Старой Нисы, или же оно появилось в результате переименования города Митридатом I [18]. В большом квадратном зале (60 × 60 *м*) находился клад изделий из слоновой кости, главным образом ритонов, украшенных сценами из греческой мифологии, расположенными по кругу (рис. 124),— красноречивые образцы цветущего эллинистического искусства в Восточном Иране [19]. Некрополь и художественное убранство зданий (в том числе — обломки крупных статуй) позволяют предположить, что Ниса была местом культа умерших аршакидских царей. Находки фрагментов подобных статуй на городище Топрак-кала в Хорезме и в кушанском святилище в Сурх Котале, так же как и знаменитые статуи из Немруд-дага или большая бронзовая статуя из Шами (рис. 78),

---

[16] К. Mannert, Geographie der Griechen und Römer, Bd 5, Leipzig, 1829, стр. 69—78; эта работа продолжает сохранять свое значение как сводка античных представлений о Парфии. О Птолемее см.: W. Kukitschek, Studien zur Geographie des Ptolemäus I,— SBAW, Wien, Bd 215, 1934, стр. 111, и введение.

[17] М. Е. Массон, Новые данные по истории Парфии,— ВДИ, 1950, № 3, стр. 43.

[18] *Mtrdkrt BYRT'* — «город-крепость Михрдаткерт» — встречается в остракa № 1693, см.: И. М. Дьяконов — В. А. Лившиц, Документы, стр. 22.

[19] М. Е. Массон, Г. А. Пугаченкова, Парфянские ритоны Нисы, Ашхабад, 1959 (со 120 превосходными таблицами).

свидетельствуют о широком распространении культа, который можно назвать посмертным обожествлением царя-героя[20].

В Старой Нисе открыты также письменные памятники, наиболее ценные источники информации — более 2500 остракa, найденных при раскопках винохранилищ. Это, по всей вероятности, учетные документы, а не налоговые расписки, как первоначально полагали исследователи, занимающиеся их чтением. Определение языка документов из Нисы вызвало немало споров, но сейчас можно полагать, что эти надписи, выполненные черной тушью на фрагментах сосудов, являются скорее парфянскими гетерографическими, чем арамейскими; соответствующая аргументация содержится в работах, на которые нам уже приходилось ссылаться[21]. Документы из Нисы оказываются очень важными для изучения многих сторон истории и культуры Парфии при первых Аршакидах. Многие топонимические названия, упоминаемые в остракa, отождествляются с современными селениями. Все имена собственных лиц — иранские, в большинстве зороастрийские по своему характеру, например: *'hwrmzdyk (*Ōhrmazdīk), spndrmtk (*Spandarmatak), dynmzdk (*Dēnmazdak), prnbg (*Farnbag)* и др.[22]. Однако прямых свидетельств процветания зороастрийской веры в Нисе нет. Документы датированы по аршакидской эре, с зороастрийскими (младоавестийскими) названиями месяцев и дней. Самый ранний из документов относится примерно к 100 г. до н. э., самый поздний — около 13 г. н. э. Большой интерес представляют и другие находки — захоронения костей в астоданах (костехранилищах), свидетельства существования греческого театра и т. п. Все это проливает новый свет на раннюю историю Парфянского царства.

Следующей столицей парфян был легендарный Гекатомпил,

[20] О Нисе см.: Л. И. Ремпель, Терракоты Мерва и глиняные статуи Нисы,— Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949, стр. 360; М. Е. Массон, Народы и области южной части Туркменистана в составе Парфянского государства,— Труды ЮТАКЭ, т. V, Ашхабад, 1955, стр. 64 и сл. [См. также литературу, приведенную в кн.: Г. А. Кошеленко, Культура Парфии, М., 1966, стр. 16—44.] Об архитектуре дворцового комплекса Топрак-калы см.: М. А. Орлов, Реконструкция «Зала воинов» дворца III в. н. э. Топрак-кала,— Труды ХАЭ, т. I, М., 1952, стр. 47 и сл. О Сурх Котале — D. Schlumberger, Le temple de Surkh Kotal en Bactriane. III,—JA, t. CCXLIII, 1955, стр. 275 и сл. [См. также: D. Schlumberger, Le temple de Surkh Kotal en Bactriane. IV,— JA, t. CCLII, 1964, стр. 303—326; В. М. Массон, В. А. Ромодин, История Афганистана, т. I, М., 1964, стр. 190—194; J. M. Rosenfield, The dynastic arts of the Kushans, Berkeley and Los Angeles, 1967, стр. 154—163, 202.]

[21] И. М. Дьяконов — В. А. Лившиц, Документы, стр. 9; их же, Парфянское царское хозяйство в Нисе I в. до н. э. (образцы документов),— ВДИ, 1960, № 2, стр. 15. Там же достаточно подробно изложены доводы, приводившиеся оппонентами.

[22] Там же, стр. 24, а также И. М. Дьяконов, В. А. Лившиц, Из материалов парфянской канцелярии «Старой Нисы», стр. 332.

лежавший вероятно, между современными Дамганом и Шахрудом (соответствующее ему городище еще не найдено). Гекатомпил упоминается как царский город парфян у Страбона, Плиния, Птолемея и других античных авторов, но остается неизвестным, когда именно он стал столицей[23]. Исидор Харакский (§ 11) не упоминает этого города, но сообщает, что в городе Асаак был впервые провозглашен царем Арсак и в честь этого события там поддерживался вечный огонь. Таким образом, на территории современного Хорасана существовал целый ряд городов, сыгравших важную роль в ранней истории Аршакидов.

Путь на запад

Завоевания Митридата I привели парфян в Западный Иран и Месопотамию, превратив царство Аршакидов из окраинного владения в мировую державу. В Мидии селевкидский сатрап Тимарх провозгласил себя независимым, и Митридат вступил с ним в борьбу. Мы не знаем, как протекали события, но, видимо, не Митридат покончил с Тимархом. Более вероятно, что его окончательно сокрушил селевкидский царь Деметрий I Сотер[24]. Но в итоге победителем оказался Митридат, захвативший Мидию около 155 г. до н. э. Затем, однако, Митридат был вынужден уйти к своим восточным границам, чтобы защитить их от вторжений кочевников. Как отмечалось выше (стр. 231), Митридату удалось захватить у Эвкратида две области, точное местоположение которых определить трудно. Есть указания на то, что он воевал в Арахосии, у границ Индии, но подробности этих событий нам неизвестны. Видимо, Герат, Сеистан, Гедросия и другие области на востоке Ирана уже задолго до Митридата перешли под власть местных правителей. Употребление Эратосфеном и более поздними авторами термина *Ariane* для обозначения большей части Восточного Ирана (исключая Бактрию) должно свидетельствовать о том, что так назывались области, на которые не распространялась власть греков. Несколько позднее это название прилагалось к Парфянской державе, но сообщения источников весьма неопределенны[25]. Нет оснований сомневаться в достоверности сведений античных авторов о завоеваниях Митри-

---

[23] Сведения античных источников собрал и рассмотрел A. D. Mordtmann, Hekatompylos,— SBAW, Münich, 1869, стр. 512—526. Гекатомпил мог стать столицей при первом или втором аршакидском царе, но, во всяком случае, до похода Антиоха III.

[24] Помпей Трог, Пролог, 34, 13; E. Bevan, The House of Seleucus, vol. II, London, 1902, стр. 195.

[25] См.: E. Herzfeld, Sakastan,— AMI, Bd IV, Berlin, 1931, стр. 36.

дата далеко на востоке, вплоть до Индии[26]. Титул «великий царь», который присутствует на монетах Митридата, соответствует его успехам.

На западе Митридат летом 141 г. до н. э. вступил в Селевкию на Тигре. Весьма заманчива гипотеза В. Тарна, согласно которой селевкидский царь Деметрий II Никатор и Гелиокл Бактрийский заключили военный союз, чтобы заставить Митридата вести борьбу на двух фронтах. По В. Тарну, Митридат разгромил Гелиокла в декабре 141 г., а затем в 140 или в 139 г. до н. э. вернулся в Вавилонию, чтобы разбить и захватить Деметрия[27]. После пленения селевкидского царя Митридат мог рассматривать себя наследником Ахеменидов и Александра. Бо́льшая часть Ирана, как и Месопотамия, должны были находиться в его руках, так как источники свидетельствуют о парфянском господстве в Сузах и в других районах[28]. Парфяне стали хозяевами всего Иранского плато.

При Фраате II, сыне и преемнике Митридата, Антиох VII предпринял последнюю попытку восстановить селевкидское господство в Иране. Он отвоевал Месопотамию, вторгся в Мидию, но был разгромлен и убит, после чего Фраат снова занял Месопотамию. Однако восточные границы Парфянского государства оказались под угрозой в результате передвижений саков из Средней Азии. Фраат погиб в битве с кочевниками около 128 г. до н. э., будучи еще молодым,— трон после него занял его дядя Артабан II. Артабан также кончил свою жизнь на востоке, вероятно воюя против юечжей; обширные территории на востоке, завоеванные Митридатом, были утрачены. В это же время парфяне лишились и большей части Месопотамии — ее захватил Гиспаосин, правитель Харакены, нового небольшого государства, столица которого, прежняя Александрия-Антиохия, получила имя Спасину Харакс. К счастью для парфян, их новый царь был достойным тезкой Митридата I. Месопотамия была отвоевана обратно, доказательством чего служат монеты Гиспаосина, на которых выбиты изображения и титулы Митридата II. Харакенская династия, однако, продолжала править в Южной Месопотамии, уже находясь в зависимости от парфян, вплоть до завоеваний Траяна в 116 г. н. э.[29]. Митридат II был первым парфянским правителем, употребившим титул «царь царей» на

---

[26] Диодор Сицилийский, XXXIII, 18; Павел Оросий, V, 4, 16; Юстин, XLI, 6, 8.

[27] W. W. Tarn, The Greeks in Bactria and India, стр. 273.

[28] N. C. Debevoise, A political history, стр. 26.

[29] См.: G. Le Rider, Monnaies de Characène,— «Syria», t. XXXVI, 1959, стр. 251—252 (ссылки на более ранние работы можно найти в примечаниях к этой статье).

монетах; разнообразие типов и большое число его монет, дошедших до нас, указывают на длительное и успешное царствование. На некоторых своих монетах Митридат II изображен в высоком колпаке (или шлеме), украшенном по краю драгоценными камнями и звездой в середине. Такой головной убор, ставший наиболее частой разновидностью царской тиары парфян, был затем воспринят царями Эдессы (Абгариды), Элимаиды, некоторыми индо-парфянскими правителями и первым Сасанидом — Ардаширом [30].

На востоке Митридат II восстановил власть парфян, остановив саков и, возможно, заключив с ними союзный договор. Парфянское царство, как можно заключить по Исидору Хараксскому (§ 19), простиралось теперь до границ Индии, включая современный Кандахар. Э. Херцфельд выдвинул реконструкцию истории Суренов, парфянского владетельного рода в Сеистане, исходя из предположения о том, что Сурен Гондофар отпал от Парфии, когда Артабан III сменил на престоле Вонона I. Отдавая должное остроумию этой реконструкции, следует учитывать, что на самом деле мы ничего не знаем о парфяно-сакских взаимоотношениях на востоке [31]. Предлагавшееся Э. Херцфельдом отождествление царя Парфии Вонона I с Вононом, чеканившим индо-парфянские монеты, не лишено вероятности, но совершенно не доказано. У саков и индо-парфян престол иногда переходил от царя к его брату или племяннику, возможно, как предполагал Э. Херцфельд, по материнской линии [32]. Но вопрос этот более сложен, чем казалось до сих пор, поскольку один из индо-парфянских царей, Санабар, мог быть первоначально правителем Мерва в Средней Азии, если судить по находкам его монет [33].

---

[30] E. T. Newell, The Coinage of the Parthians,— SPA, vol. I, стр. 480. Мне не удалось установить местонахождение монет Артабана, отца Митридата II, с легендой «царь царей», приводимых Ж. де Морганом (J. de Morgan, Manuel de numismatique orientale de l'antiquité et du moyen-âge, t. I, Paris, 1923—1936, стр. 132, 147). Конечно, не исключено, что этот титул употреблялся и до Митридата, поскольку правители Элимаиды, Персиды и других областей, по всей вероятности, носили титул «царь» после парфянского завоевания, до Митридата II.

[31] E. Herzfeld, Sakastan, стр. 101.

[32] Там же, стр. 94.

[33] Я основываюсь на беседе с М. Е. Массоном в июле 1955 г. в Ташкенте, а также на монетах, которые он мне показал. Это противоречит общепринятой точке зрения, но я разделяю сомнения М. Е. Массона по поводу выдвигавшихся классификаций индо-парфянских монет. Эти классификации не учитывают различий между типами легенд — только греческими и греческими в сочетании с кхароштхи. Монограмма монет Санабара встречается и на чеканах парфянских царей — Пакора I и Фраата IV, но ее нет на индо-парфянских или сакских монетах. Все это указывает на более прочные связи Санабара с Мервом,

Судя по индийским источникам, саки и пахлавы совершали свои индийские завоевания как союзники; это подтверждается и монетами, на которых представлены как сакские, так и парфянские имена. Принятие титула «царь царей» Гондофаром, Ортагном и Пакором должно указывать на полную независимость этих индо-парфянских владетелей от царей Парфии; трудно представить, что они вообще имели какое-то отношение к событиям, происходившим на территории Иранского плато. Проблема восточных отношений парфян в Арахосии, как и вопрос о западных границах владений индо-парфян, еще ждут своего решения, но можно утверждать, что индийское и иранское царства парфян существовали раздельно.

Уже давно было высказано предположение, что Сеистану и сакам принадлежит значительная часть иранского народного эпоса, и прежде всего эпический цикл, связанный с Рустамом. Благодаря открытию в Восточном Туркестане фрагментов согдийской версии сказания о Рустаме сакское происхождение большей части преданий о Рустаме, вошедших в «Шах-наме» Фирдоуси, становится вполне вероятным. Весьма романтичным выглядело бы отождествление Рустама с Гондофаром, а родового замка Каспара, последовавшего за Вифлеемской звездой к колыбели Христа, — с Кух-и Хваджа, холмом в центре озера Хамун в Сеистане[34]. Отождествление саков или кушан с туранцами эпоса также заманчиво, особенно если учесть, что при этом Туран оказался бы к востоку от Сеистана; религиозный антагонизм между иранцами и туранцами в этом случае перешел бы из легенды в действительность, поскольку парфяне выступали в роли защитников зороастризма. Однако все эти вопросы не могут быть решены с помощью имен, этимологий и хитроумных гипотез. Необходимы новые археологические материалы и письменные памятники.

К концу своего правления (Юстин, XLII, 2, 7) Митридат II подчинил Великую Армению, где царем был некий Артавазд, видимо из той же династии, что и Артаксий (арм. Арташес),

---

Гератом и Сеистаном, чем казалось раньше. Географическое положение этих областей также способствовало установлению тесных контактов, тогда как поддерживать сообщение между Сеистаном и Индией было трудно. Ср.: A. Simonetta, An essay on the so-called «Indo-Greek» coinage,—«East and West», vol. VIII, 1957, стр. 50, где приводятся сведения о монетах Санабара. [См. также: В. М. Массон, Восточно-парфянский правитель Санабар,— «Труды ГИМ», вып. XXVI («Нумизматический сборник», ч. 2), М., 1957, стр. 32—42.]

[34] E. Herzfeld, Sakastan, стр. 116. Это предположение противоречит столь же умозрительной гипотезе о том, что и царь, и волхв Каспар связаны с Шизом (городище Тахт-и Сулейман в Иранском Азербайджане). Ср.: L. I. Ringbom, Graltempel und Paradies, Stockholm, 1951; его же, Paradisus Terrestris, Helsingfors, 1958.

утвержденный в качестве царя или сатрапа Антиохом III[35]. Митридат получил какую-то часть территории Армении и взял в качестве заложника юного царевича Тиграна, который позже стал Тиграном Великим, царем Армении. Вскоре Парфии пришлось противостоять Риму в борьбе за Армению, но в конце концов Аршакиды заняли армянский престол, и он оставался в руках Аршакидов даже после того, как в Иране пришла к власти новая династия — Сасанидов.

Парфия и Рим

До битвы при Каррах в 53 г. до н. э. римляне не считали Парфию главной силой на Востоке, но после этой битвы, согласно греческим и латинским авторам[36], мир был разделен между Римом и Парфией. Население крайних восточных владений Рима нередко видело в парфянах потенциальных освободителей от римского ига, тогда как подданные Парфянской державы, жившие на ее западных границах, часто питали надежды на помощь Рима. Период почти в три столетия —от битвы при Каррах до падения Парфии — насыщен войнами в Сирии, на Евфрате, в Месопотамии и в Армении. Военные действия шли с переменным успехом для обеих сторон. Парфянские войны Марка Антония, Октавиана, Тиберия, Нерона, Траяна и Септимия Севера довольно хорошо известны благодаря римским авторам. Эти войны привели к созданию римской пограничной линии в Сирии и строительству укрепленных постов, аналогичных крепостям на Рейне и Дунае. Буферные государства и мелкие владения в пределах этой пограничной зоны были превращены в провинции Римской империи. Но что происходило в Парфии?

После Митридата II в центре внимания парфян оказались Западный Иран и Месопотамия. Положение на восточных рубежах также постоянно беспокоило правителей Парфии, даже

---

[35] Об истории этих ранних правителей Великой (восточной) Армении, а также Малой (западной) Армении и Софены известно очень немного. Находка в районе озера Севан по крайней мере трех «верстовых» или межевых камней с арамейскими надписями показывает, что Артаксий (Арташес) был сыном Зариадра — *'rtḥšsy MLK BR ZY zrytr rwndkn.* См. И. М. Дьяконов, К. Б. Старкова, Надписи Артаксия (Арташеса I), царя Армении,— ВДИ, 1955, № 2, стр. 168; Г. Тирацян, Новонайденная надпись Арташеса I, царя Армении,— ВДИ, 1959, № 1, стр. 88—90.

[36] О том, что римляне до битвы при Каррах не считали парфян грозным противником и даже относились к ним с некоторым пренебрежением, убедительно свидетельствуют данные, приводимые в работе J. Dobiaš, Les premiers rapports des Romains avec les Parthes et l'occupation de la Syrie,— AO, t. 3, 1931, стр. 215—256. [См. также: K.-H. Ziegler, Die Beziehungen zwischen Rom und Partherreich. Ein Beitrag zur Geschichte des Völkerrechts, Wiesbaden, 1964.]

когда главная угроза надвигалась с запада. Слабость парфян заключалась в отсутствии централизации — многочисленные «вассальные» князьки только номинально признавали власть Аршакидов. Политическая карта Парфянской державы и соседних государств около рубежа н. э. очень показательна в этом отношении.

На территории Закавказья существовало царство Грузия, или Иберия (парф. *Wyršn*), со столицей в Мцхете, северо-западнее современного Тбилиси. В I в. н. э. (около 30—60 гг.) здесь правил весьма энергичный царь Фарасман (*Pharasmanes*)[37]. Грузины и аланы в большинстве своем дружелюбно относились к Риму и испытывали влияние римской культуры. В отдельные периоды они оказывались даже в номинальной зависимости от Рима, однако нет никаких данных о подчинении этих народов парфянам. Известны и другие закавказские княжества, но и они никогда не фигурируют в истории Парфии. Аланы, как сообщает Иосиф Флавий, совершали рейды по всему Кавказу, доходя на юге до владений парфян. О царствах Великая Армения и Мидия Атропатена уже упоминалось. Главным городом Великой Армении был Артаксата (Арташат), но при Тигране Великом столицу перенесли в Тигранакерт на верхнем Евфрате. Рим и Парфия постоянно боролись за господство в Армении; сами армяне, в отличие от грузин, были чаще всего настроены против римлян, особенно после 54 г. н. э., когда аршакидский царевич Тиридат основал здесь новую династию. Мидия Атропатена управлялась в парфянское время собственной династией. После того как Марк Антоний удалился из Мидии и Армении, царь Атропатены заключил с римлянами союз против своего парфянского сюзерена (Дион Кассий, XLIX, 33, 44). Римско-мидийское сотрудничество продолжалось и при Октавиане (там же, LI, 16).

Горная область к югу от озера Ван, называвшаяся Кордуэна, или Гордуэна (Бет-Карду сирийских источников), имела, по-видимому, собственных правителей, лишь номинально подчи-

---

[37] «Мцхета», Тбилиси, 1958, стр. 71. Знаменитым надписям из Армази (в том числе греко-арамейской билингве) посвящена обширная литература. См. обзорную статью (с библиографией): P. Grelot, Remarques sur le bilingue Grec-Araméen d'Armazi,— «Semitica», t. VIII, 1958, стр. 11 и сл. До сих пор остается не вполне ясным, составлены ли армазские надписи на испорченном арамейском языке (нарушения грамматических норм), или же они являются гетерографическими памятниками, в которых за арамейскими написаниями надо видеть древнегрузинский или какой-то иранский язык. Если учесть, что в Армении двумя столетиями раньше надписи составлялись на арамейском языке, то для I—II вв. н. э. следовало бы, скорее, ожидать гетерографическое письмо. Маловероятно, что население Мцхеты в столь позднее время пользовалось сразу тремя языками — греческим (в качестве *lingua franca*), арамейским и — как разговорным — своим родным языком.

нявшихся парфянскому царю. Царство Адиабена (Хадаййаб), на территории которого находился известный город Арбела, управлялось в I в. н. э. неким Изатом I; его дочь и внук, Изат II, были обращены в иудаизм (Иосиф Флавий, «Иудейские древности», XX, 17—37). Арбела считалась также местом погребения последних парфянских царей (Дион Кассий, LXXVIII, 1). Далее к северо-западу по Тигру лежали области Забдикена, Арзанена, Нисибин на реке Хабур, называвшийся по-сирийски Бет-Арбайа, Софена (совр. Диярбакыр), Эдесса или Осроена (совр. Урфа), управлявшаяся арабскими царями из династии Абгара. В I в. н. э. владения Абгаридов должны были включать большинство названных областей по Тигру, так как Плиний (VI, 31, 129) говорит, что арабские племена *orroei* и *adiabeni* граничат друг с другом. Если область, позднее называемая в сирийских источниках Бет-Нохадре, соответствует Адиабене (или западной ее части), то мы можем рассматривать титул *nahodar* «префект, управитель» как парфянское обозначение царя Адиабены[38].

В пустыне между Тигром и Евфратом находился укрепленный город Хатра, последовательно отразивший несколько попыток римлян захватить его. Ардашир I, первый сасанидский царь, также не сумел подчинить этот город. Хатра покорилась только Шапуру I, причем после завоевания город опустел. Как и в Эдессе, в Хатре правили арабы — племена пустыни заняли этот город в I в. до н. э.[39]. Из царей Хатры наиболее знаменит Санатрук, его имя долго жило в арабской традиции. Благополучие Хатры, как и Пальмиры, должно было основываться на транзитной торговле. Раскопки города обнаружили ценные памятники искусства, относящиеся к парфянскому периоду.

Область между Тигром и Иранским нагорьем к северо-востоку от Ктесифона называлась по-сирийски Бет-Гарме; ее центром был город, соответствующий современному Киркуку. Мы знаем о царе Киркука, который присоединился к Ардаширу, когда тот выступил против парфян, но других известий о царстве в области Бет-Гарма не сохранилось[40]. И. Маркварт связывал династию, правившую в Киркуке, с домом Изата в Адиабене, но это не более чем гипотеза[41].

Последняя столица парфян, которая, видимо, служила им

---

[38] Иначе J. Marquart, Ērānšahr, стр. 23. О парфянском титуле *naxwadar* см.: W. B. Henning, A new Parthian inscription,— JRAS, 1953, стр. 135—136; A. Maricq, Hatra de Sanatrouq,— «Syria», t. XXXII, 1956, стр. 278.

[39] A. Caquot, Nouvelles inscriptions araméennes de Hatra,— «Syria», t. XXIX, 1952, стр. 112.

[40] E. Sachau, Die Chronik von Arbela,— APAW, 1915, стр. 60.

[41] J. Marquart, Ēānšahr, стр. 22.

зимней резиденцией,— Ктесифон, расположенный на берегу Тигра, напротив Селевкии. Этот город после взятия его парфянами значительно разросся, так что не уступал Селевкии[42]. Вологез I построил новую столицу — Вологезакерт — дальше к северу по Тигру, но в качестве столицы этот город вряд ли пережил царствование его основателя. Земли, прилегающие к Ктесифону, находились, очевидно, под непосредственным управление маршакидского царя — нам неизвестны на этой территории какие-либо местные владетели.

Уже упоминалось владение Харакена, или Месена, в Южной Месопотамии. Оно занимало дельту Тигра и Евфрата, а иногда включало в себя и районы, лежащие к северу[43]. Можно предполагать, что здесь, как часто бывало в истории этой области, местные предводители сохраняли свое независимое существование. Восточнее, в Хузистане, находилось небольшое княжество Элимаида у подножий Загроса, по другую сторону от Суз — города, который управлялся сатрапом парфянского царя. Последовательность правлений царей Элимаиды и общее их число установить не удается, поскольку единственным источником являются монеты этих царей. Судя по надписям из Танг-и Сарвак, население Элимаиды говорило по-арамейски[44] (рис. 79, 80, 81).

В провинции Фарс правили фратараки (**frataraka*, князья), которые возводили себя к Ахеменидам: на монетах фратараков мы находим имена Дария и Артаксеркса[45]. Местная династия (или династии), как можно судить по монетам, царствовала в Фарсе примерно с середины III в. до н. э. и до времени возвышения Сасанидов. Эта династия сохраняла свои позиции и в период, когда сатрап Фарса Александр, брат Молона, поднял мятеж против Антиоха III, что должно указывать либо на совместное правление фратараков и селевкидских сатрапов, либо на разделение области между ними. Сомнительно, контролировали ли Селевкиды сколько-нибудь значительную часть Фарса, кроме нескольких городов и военных поселений. В любом случае,

---

[42] Селевкия была разрушена римлянами в 165 г. н. э., после чего Ктесифон стал главным городом парфян. Ср.: M. Streck, Seleucia und Ktesiphon, Leipzig, 1917, стр. 24.

[43] Названия Месена и Харакена рассматриваются в работе: U. Kahrstedt, Artabanos III und seine Erben, Bern, 1950, стр. 53.

[44] W. B. Henning, The Monuments and Inscriptions of Tang-i Sarvak,— AM, N. S., vol. II, 1952, стр. 177.

[45] Значение слова *prtrk'* (скорее титул, чем имя), читавшегося некоторыми исследователями как *prtdr'* «хранитель огня», остается неясным. Я отдаю предпочтение толкованию Ф. К. Андреаса, который сопоставлял это слово с древнеперсидским титулом *prtrk'* «управитель, наместник», засвидетельствованным в элефантинских папирусах. См.: W. Eilers, Iranische Beamtennamen, Leipzig, 1940 («Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes», Bd 25, Nr 5), стр. 119.

при парфянах эта провинция оставалась в руках местной династии, выпускавшей свои монеты. Часть Кермана, по-видимому, принадлежала Фарсу; на востоке и на юге независимые племена кочевали так же свободно, как на протяжении всей истории Гедросии, позднее известной под названием Белуджистан.

На севере Ирана, в Гиляне и Мазандеране, обстановка в этот период совершенно неизвестна, но опять-таки по аналогии с более поздним временем вероятно, что парфянские цари если и осуществляли контроль над областями к северу от гор Эльбурс, то лишь в минимальной степени. К востоку от Каспийского моря лежит Гиркания — область, непосредственно примыкавшая к родине парфян и очень рано завоеванная Аршакидами. В I в. н. э. послы Гиркании несколько раз прибывали в Рим. По мнению некоторых исследователей, это свидетельствует о том, что Гиркания снова стала самостоятельным царством [46]. Но, поскольку мы не знаем гирканских монет, как и других свидетельств независимости Гиркании, эта гипотеза кажется сомнительной. Ясно лишь, что сатрапы часто восставали в Парфянском государстве, так что отдельные провинции на длительное время могли выходить из-под власти Аршакидов. Восточный Иран в этот период был далек от контактов с греками и римлянами, оставившими нам описание Парфянского царства, и мы почти ничего не знаем об обстановке в этой части страны.

Несомненно, что I в. н. э. был очень тревожным для парфян (Тацит, XV, 1). Это был вместе с тем и период перемен. Нельзя считать эти перемены результатом иранской оппозиции проримской политике царя Вонона, благоволившего к Риму, или объяснять их восточноиранской (гирканской) реакцией на фил-

---

[46] U. Kahrstedt, Artabanos III, стр. 47, 83. Карштедт полагает, что до того как Артабан III стал парфянским царем, он был правителем «Великой Гиркании», простиравшейся якобы от Герата и Кермана до Персидского залива и Индийского океана. Не исключено, что такое предположение правильно, но все же это не более чем гипотеза. То же самое следует сказать и о дальнейших рассуждениях Карштедта (стр. 83) по поводу того, что Гиркания после 62 г. н. э. стала владением кушан и, таким образом, вышла из состава Парфянского царства. Столь же недоказанным остается и предположение о том, что Гондофар провозгласил свою независимость и вышел из-под контроля Парфии при преемниках Артабана III (стр. 47). У. Карштедт полагает, что Артабан III посадил своих родственников на троны Атропатены, Элимаиды и Персиды, но после смерти Артабана они лишились этих владений. Попытка В. Ф. Минорского связать сказание «Вис и Рамин» с гирканской династией не подкреплена надежным свидетельством (V. Minorsky. Vīs-u-Rāmīn, a Parthian romance (I),— BSOAS, vol. XI, pt 4, 1946, стр. 759—763). [Ср.: V. Minorsky, Iranica, London, 1964 (Publications of the University of Tehran, vol. 775), стр. 167—188.] События этого периода во многом неясны.

эллинство парфянских царей до Артабана III[47]. К числу очевидных перемен, происшедших на протяжении I в. н. э., относится появление при Вологезе I арамейско-парфянских легенд на монетах вместо греческих. Местные названия городов, по крайней мере в Восточном Иране, заменяют прежние греческие, например Мерв вместо Антиохии Маргианской[48]. Продолжался и процесс децентрализации, так что Плиний (VI, 112) имел право писать, что парфяне владеют восемнадцатью царствами, одиннадцать из которых именуются «верхними», а семь — «нижними». Именно двум последним столетиям владычества Аршакидов обязана позднейшая характеристика истории парфян как периода «царей племен».

Римляне трижды захватывали Ктесифон: при Траяне — в 116 г., при Марке Аврелии — около 164 г. и при Септимии Севере — в 198 г. Последнее столетие парфянского владычества было заполнено непрерывными войнами с Римом. Некогда могучее Парфянское царство оказалось на краю гибели, и нужен был лишь последний удар, восстание одного из владетелей или сатрапов, чтобы оно пало. Такой удар нанесли правители Парса, древней родины Ахеменидов.

Государственный строй и аппарат управления

Мы уже упоминали о царствах и сатрапиях, входивших в состав Парфянской державы. Степень зависимости их от центральной власти была различной — обстановка часто менялась, причем не последнюю роль здесь играла борьба за аршакидский престол. Парфянская держава многими учеными определялась как феодальная, а мелкие владетели и даже сатрапы рассматривались в качестве вассалов «великого царя». Эта терминология, заимствованная из западноевропейской истории, может ввести в заблуждение. Парны были кочевниками с кочевническими традициями власти. Они завоевали оседлые области, в которых сохранялись черты как ахеменидской системы управления, так и более поздней селевкидской. При первых Аршаки-

---

[47] М. Е. Массон («Новые данные по истории Парфии», стр. 49) предлагает относить период, который он именует «филэллинским» этапом истории Парфии, ко времени до 10 г. н. э., после чего начинается «антиэллинский» период. Такая датировка основывается преимущественно на результатах раскопок в Нисе, где более ранняя «греческая культура» ритонов и статуй сменяется «местной парфянской» культурой. Кажется более вероятным относить эти перемены ко времени правления Вологеза I (вторая половина I в. н. э.)

[48] М. Е. Массон, Новые данные по истории Парфии, стр. 50, где рассматриваются названия городов.

дах греческая культура и идеология продолжают господствовать, что вполне естественно. Кочевое племя, отнявшее власть у эллинистической монархии, в течение долгого времени — до Митридата I или даже до Митридата II — должно было ощущать ненадежность своего нового положения. Кочевнические традиции еще очень сильны при первых аршакидских царях. Но и позднее, когда государство вполне сложилось, внутренние кризисы и борьба на два фронта (с римлянами — на Западе, с кушанами — на Востоке) вели к ослаблению центральной власти и усилению родовой знати.

Можно не сомневаться, что парфяне заимствовали свои основные представления о царе и царском достоинстве у Селевкидов и Греко-Бактрии; раннеаршакидское государство в своей организации и идеологии должно было иметь много общего с селевкидской державой и другими эллинистическими царствами. Но существовал ряд черт, отличавших парфянского царя от эллинистического монарха. Уже отмечалось выше существование необычного порядка престолонаследия у индо-парфян. Мы не располагаем такими же сведениями для самих парфян, но, возможно, отголосок такого порядка наследования следует видеть во вступлении на престол Митридата I (брата и преемника Фраата I), а также в других, более поздних случаях, когда преемником царя оказывался его брат. Переход царской власти к самому старшему или наиболее влиятельному лицу в большой семье или в роде встречается в кочевнических государствах Центральной и Средней Азии. Именно здесь, а не в матриархате или в матрилинейном наследовании, как мне кажется, лежат истоки порядка престолонаследия, характерного для индо-парфян и, может быть, для Аршакидов [49]. Это не исключает, конечно, важной роли цариц в Парфянском государстве (как и во многих других монархиях), но нет никаких сведений о том, что матрилинейность в парфянской системе наследования престола имела решающее значение.

Нарастающая «феодализация» Парфянского царства проявляется в таких деталях, как распространение единообразного костюма воина и инсигний в период после Митридата II [50]. Действительно, после Митридата II, когда прямая линия царей, идущая от основателя династии, прекратилась, значение родовой знати с ее синедрионом или советом (Страбон, XI, 516) возросло в такой мере, что знать утверждала вступление на трон, а ино-

---

[49] Это предположение высказал И. Вольский (J. Wolski, Remarques sur les institutions des Arsacides,— «Eos», № 46, 1954, стр. 64—65). Вопрос о месте зятя в системе наследования власти в Сеистане (см.: E. Herzfeld, Sakastan) остается по меньшей мере неясным.

[50] M. I. Rostovtzeff, Dura and the problem of Parthian art, стр. 175.

гда даже назначала царя царей. Слабость центральной власти проявлялась и в том, что, по-видимому, не существовало фиксированного порядка престолонаследия, узаконенных норм, которые бы определяли выбор нового царя среди представителей династии. Переплетение традиций рода и родовой иерархии знати с административной системой, унаследованной от Ахеменидов и Селевкидов, наложило отпечаток и на титулатуру должностных лиц и правителей отдельных областей Парфянской державы. Во многих случаях, очевидно, одни и те же должности обозначались по-разному.

Когда парфяне завоевали земли Селевкидов, находившиеся под непосредственным управлением греков, они встретились с городами полисного типа и городами, которые выросли из военных колоний. Парфяне застали и старую, восходящую еще к Ахеменидам систему сатрапий, уже частично видоизмененную, а также селевкидские епархии и гипархии, видимо находившиеся в подчинении сатрапов. Многие из епархий территориально совпадали с сатрапиями. В первый период своего владычества парфяне проводили политику поощрения полисов и греческой культуры и, очевидно, сохраняли прежнюю селевкидскую систему администрации в тех районах, где она существовала. Мы знаем, например, о некоем Багазе, которого Митридат I назначил правителем Мидии (Юстин, XLI, 6, 7), а также о Гимере, правившем Месопотамией (там же, XLII, 1, 3). В греческой надписи Митридата II, высеченной на знаменитой Бехистунской скале, упомянут титул «сатрап сатрапов», созданный по аналогии с титулом «царь царей»[51]. Должность сатрапа, видимо, утратила свое прежнее значение правителя огромной территории, но титул «сатрап» продолжает часто встречаться в античных источниках[52]. Можно полагать, что одна из причин усиления знати кроется в пожалованиях великим царем уделов своим родным и приближенным, главным образом в областях, через которые проходил древний путь из Селевкии на Тигре в Бактрию и Арахосию. Со временем эти земли, составлявшие первоначально царский домен, стали мало чем отличаться от обла-

---

[51] E. Herzfeld, Am Tor von Asien, Berlin, 1920, стр. 39.

[52] Нужно соблюдать осторожность при истолковании греческих и латинских передач иранских титулов и званий не только потому, что в античных источниках нередко выступают термины, применявшиеся еще Геродотом и другими древними авторами и не соответствующие данному периоду,— трудно определить и систему парфянских званий и должностей. См. данные о должности сатрапа и ее различных обозначениях в работе: M. I. Rostovtzeff, C. B. Welles, A parchment contract of loan from Dura Europos on the Euphrates,— YCS, II, 1931, стр. 46, где убедительно показано, что сатрапия в Парфянском царстве уже не была обозначением обширной области, как это имело место при Ахеменидах.

стей, управлявшихся наместниками,— Армении, Адиабены и других. Смешению парфян с местной аристократией способствовали и брачные союзы.

Наряду с этим в парфянское время сохранились традиционные иранские представления об обществе и царской власти, пережившие Ахеменидов и Селевкидов. Легенда о семи знатных родах, которые возводят царя на престол, вновь появляется при Аршакидах, хотя маловероятно, что у парфян действительно было семь родов высшей знати. Мы знаем названия некоторых из этих родов и можем даже локализовать их основные владения, хотя, вероятно, каждый из таких родов имел земли в разных частях державы. Из арабских источников и случайных упоминаний античных авторов следует, что главная резиденция рода Каренов была в Нихавенде, в Мидии, рода Суренов — в Сеистане, рода Михранов — около Раги (Рей, близ Тегерана). Михраны связаны, вероятно, с родом Спандиада, который также относят к области Раги[53]. В источниках упоминаются и другие знатные фамилии, но о них известно очень мало. Таковы Спахпаты в Гургане (?), сменившие, очевидно, дом Гева, или род Зек в Атропатене, пришедший на смену местной династии в конце парфянского периода[54]. «Феодальные» князья, стоявшие во главе таких родов, имели собственные военные отряды — Плутарх (в биографии Красса) говорит о войске, которое возглавлял Сурен в битве при Каррах. Совет родовой знати решал многие важные дела, особенно в последний период существования Парфянского царства.

Согласно Плутарху и Юстину (XLI, 2, 5), парфяне делились на свободных, составлявших меньшинство, и рабов, или зависимых людей. Под свободными в этих источниках понимается верхушка, знати, *āzātān*, а также другие знатные роды и царские вельможи — «вазурги» (*vazurkān, RB'n*) среднеперсидских надписей. Можно предполагать, что «вазурги» занимали руководящее положение при дворе и в армии, имели особые титулы и права. В аршакидский период оформился сложный ритуал придворных церемоний, пышная титулатура и другие внешние черты «феодального» общества. Обилие титулов и званий затрудняет анализ структуры административного аппарата и бюрократической иерархии в Парфянском государстве. Следует также учитывать, что система управления Месопотамии сильно отличалась от условий, сложившихся, например, в Хорасане или в

---

[53] См. особенно: J. Marquart, Beiträge zur Geschichte und Sage von Eran,— ZDMG, Bd 49, 1895, стр. 635.

[54] E. Herzfeld, Sakastan, стр. 57—58, 68. Греческие и римские авторы нередко ошибочно принимали эти названия родов за титулы; так, например, у Прокопия Кесарийского (I, 13, 6 и II, 30, 7— Михран; I, 9, 24— Аспахпат).

какой-либо другой части державы; некоторые административные институты сохранили важное значение для одних областей, но исчезли в других. Ни у парфянского чиновничества, ни даже в титулах и званиях, которые носила знать, нельзя обнаружить твердо установленной системы. Если ограничиться только парфянской эпохой и не привлекать более поздние источники — сасанидские надписи, сочинения арабских и армянских авторов, то достоверных данных об административном устройстве, должностных лицах и званиях оказывается очень немного.

Раскопки города Дура-Эвропос на Евфрате (на территории современной Сирии, близ границ с Ираком) дали много сведений о жизни и системе управления этого важного стратегического центра римско-парфянской пограничной области. Город был основан Селевком I и в течение какого-то времени находился под властью парфян. В Дура-Эвропос открыты не только парфянские, но и греческие, латинские, арамейские и среднеперсидские надписи и документы. Греческих текстов больше всего; некоторые из них содержат ценные данные о парфянских должностях и званиях. Особый интерес для нас представляет пергамент X из Дура-Эвропос — долговой контракт, в котором упоминается несколько парфянских сановников и приводятся их титулатура, имена и почетные звания. Установить различия между этими тремя категориями обозначений лиц у иранцев весьма трудно — со времен Геродота и до наших дней иноземные наблюдатели часто путают их.

В долговом контракте из Дура-Эвропос упомянут в качестве кредитора некий «Фраат, евнух, аркапат» (*arkapatēs*), который принадлежал к числу «людей Манеса, сына Фраата, *batēsa,* из 'свободных', сборщика податей, стратега (*stratēgos*) Месопотамии и Парапотамии и архоса (*arkhos*) арабов»[55]. Сложная титулатура Фраата и Манеса свидетельствует о высоком положении этих сановников, а также о должностях и званиях, имевших, несомненно, параллели и в других областях Парфянского государства. Аркапат (*arkapatēs*) — звание или титул должностного лица; первоначально это слово означало, видимо, «вассальный владетель»[56]. Это звание носит Фраат, который

[55] The Excavations at Dura Europos. Final reports, vol. V, pt 1. The Parchments and Papyri, ed. C. B. Welles, New Haven, 1959, стр. 115.

[56] Этому слову посвящено много исследований, см.: W. B. Henning, Mitteliranisch, стр. 41; E. Herzfeld, Zoroaster and his World, I, стр. 128, прим. 22. Мои соображения по поводу этого слова, высказанные ранее (The Excavations at Dura Europos, vol. V, pt 1, стр. 111, прим. 15), нуждаются в поправках. По значению *ark/hark* вполне могло соответствовать аккадскому *ilku «corvée,* повинность», отсюда — возможно уже в ахеменидское время — **haraka-pati-,* букв. «владыка подати», обозначавшее, скорее всего, платящего земельный налог, а не государственного сборщика податей

находится в подчиненном положении по отношению к Манесу, также иранцу (сыну другого Фраата), который происходил, очевидно, из очень знатного рода. *Batēsa* должно означать нечто вроде «вельможи» и указывать на категорию, близкую к *āzāt*, — для последнего в тексте контракта имеется, однако, соответствующее слово, обозначающее «свободных людей». Могли ли эти два термина дополнять друг друга таким образом, что упомянутое в документе лицо относилось и к иранскому сословию *āzātān*, и к месопотамской группе *batēsa*[57]? Как бы то ни было, ясно, что Манес занимал должности сборщика податей и наместника Месопотамии и Парапотамии и был также правителем арабов. При подписании контракта присутствовал военачальник — командир гарнизона, который принадлежал к числу

(**hamārkar?;* ср.: The Assyrian Dictionary (University of Chicago), vol. VII, Chicago, 1960, стр. 180). Г. В. Бэйли (H. W. Bailey, Vijaya Sangrāma,— AM, NS, vol. VII, pt 1—2, 1959, стр. 18) предлагает, однако, возводить арабское *xarāǰ* к иранскому **hrāka-*.

После образования Парфянского царства звание аркапат могло приобрести более почетное значение и стало наименованием определенной общественной (или сословной) группы. Так, по-видимому, следует объяснять употребление этого слова в качестве титула в Пальмире и в сирийских житиях мучеников — ср., например, выражение «евнух, который по своему чину был *arzabed*» (O. Braun, Ausgewählte Akten persischer Märtyrer, Münich, 1915, стр. 5, 22), или сочетание «из дома *Argabet*» (J. Chabot, Synodicon Orientale, Paris, 1902, стр. 21). Некоторые вопросы остаются, однако, нерешенными: 1) форма *arz-* либо описка, либо результат смешения с семитским словом, имевшим значение «земля, почва» (но обычно в этом значении выступает *'rc*); 2) новоперсидское слово *arg* «крепость, цитадель», которое может быть истолковано либо как производное от среднеперсидского *harg* «повинность, работа» (в этом случае *arg* обозначало бы место, где жил *arkpat* «владетель»), либо, что менее вероятно, как восходящее к латинскому *arx*. В Пальмире, как и при дворе Сасанидов, *arkapatēs* мог занимать различные должности или выполнять разные функции. Не следует, однако, исключать и возможности совпадения разных по происхождению слов и званий в таких формах, как *arkapatēs, arzabed* и др. См. мою статью Some early Iranian titles,— «Oriens», vol. 15, 1962, стр. 352—354. О греческом *khoraghia* см.: P. Schwarz, «Der Islam», Bd 6, 1916, стр. 98.

[57] Термин *batēsa* обычно отождествляют с титулом *bitaxš* (последний некоторыми исследователями рассматривается как связанный по происхождению с новоперс. *pādišāh*). Ср.: M. I. Rostovtzeff, C. B. Welles, A parchment contract, стр. 52. В контракте из Дура-Эвропос *batēsa* выступает, вероятно, в качестве почетного звания, тогда как по данным иранских памятников *bitaxš* обозначал крупного сановника, нечто вроде «вице-короля» или «маркграфа». Быть может, *batēsa* следует толковать не как передачу иранского титула, а как семитское слово, модифицированное аккадское *paḫatu* (в Вавилонском Талмуде *pḥwt'* имеет значения «знатный, вельможа»). Встречается и форма *p't'*, однако сопоставление с ней слова *batēsa* представляется затруднительным прежде всего из-за окончания *-sa*. Арамейское *PḤT'* отмечено в парфянских документах из Нисы в значении «сатрап», однако это не исключает возможности иного развития форм и семантики этого слова на территории Месопотамии.

«чтимых друзей» и телохранителей (царя), то есть носил звание, известное уже с селевкидского времени.

Различия между званием и действительным положением сановника можно проследить для многих областей Парфянского царства. В надписи из Кал-и Джанггах, около Бирджанда (в Восточном Иране), некий Гари-Ардашир приказал выбить свое имя рядом с наскальным рельефом, изображающим человека (по всей вероятности, самого Гари-Ардашира), который голыми руками поражает льва[58]. В надписи он назван *nḥwdr* и *ḥštrp*, последнее — парфянская форма титула «сатрап», который в это время, видимо, прилагался к правителю городской округи (такой вывод следует из надписи Шапура I на «Ка‘бе Зороастра» в Накш-и Рустаме). Звание (или титул) *nohodar*, буквально «держащий первое место», представлено в армянском языке в форме *naxarar* — «феодальный предводитель», скорее почетное звание, чем титул[59]. Византийский историк Феофилакт Симокатта (I, 9) отмечал, что персы чаще употребляют почетные звания, чем имена собственные. Эта особенность, столь же характерная для парфянского периода, как и для более поздних времен, осложняет для нас понимание административной структуры Парфянской державы и ее иерархии.

Сатрапы должны были составлять основу парфянской администрации, хотя их положение изменилось по сравнению с ахеменидским периодом. Судя по документам из Нисы, марзбан (*marzbān*), буквально «охраняющий границу», «маркграф», стоял над сатрапом. Менее значительной фигурой, чем сатрап, был дизпат (*dyzpty*) — начальник укрепленного селения или крепости. Марзбан может быть синонимом для паткоспана (*patikōspān*), титула, засвидетельствованного для сасанидского периода[60]. Три звена управления — марзбан, сатрап, дизпат — существовали, по-видимому, прежде всего на территориях

---

[58] Фотографию и чтение надписи можно найти в статье: W. B. Henning, A new Parthian inscription. Как мне удалось выяснить у жителей селения Хусф и на месте, городище называется, скорее, *Kal-i Janggāh* («место сражения»), а не *-jangal* «заросли». Для имени Гари-Ардашир есть параллель в документах из Нисы — Гарифарн *(Gryprn)*.

[59] В противоположность Г. Виденгрену, который считает это слово и феодальным титулом, и названием должности (G. Widengren, Iranisch-semitische Kulturbegegnung in parthischer Zeit, Cologne, 1960, стр. 33, прим.).

[60] И. М. Дьяконов — В. А. Лившиц, Документы, стр. 18. Трехступенчатая система административного управления, засвидетельствованная в документах из Нисы, может восходить к селевкидскому делению на сатрапии, епархии и гипархии. В этом случае парфянская сатрапия соответствует селевкидской епархии. В северо-восточном Иране, на границе с кушанами, «марзбану» соответствовал «канаранг» (*kanārang*) — титул, возможно, кушанский по происхождению. (Ср.: W. B. Henning, Surkh-Kotal und Kaniska,— ZDMG, Bd 115, 1965, стр. 85—87.)

иранских областей Парфянского царства. В других частях державы административное устройство имело свои особенности. Для Закавказья мы часто встречаем термин, представленный в формах *bitaxš, pitiaxši, vitaxa,* арм. *bdeašx*; этот термин отождествляется с *batēsa* контракта из Дура-Эвропос[61]. Я склонен сопоставлять *bitaxš* с *nohodar,* «занимающим первое место», и толковать *bitaxš* как «(правитель?) второго места»[62]. Неясно, ограничивалось ли употребление этого титула северо-западной частью владений Парфии, но только в этих областях он засвидетельствован. Необходимо еще раз подчеркнуть, что обладатели этого титула занимали различные должности; попытки установить прямую связь между титулами и функциями сановников, носивших эти титулы, часто оказываются безрезультатными.

Военные черты, характерные для государственного устройства селевкидской державы, видимо усилились при парфянах, но любая попытка реконструировать иерархическую систему вассальной зависимости при Аршакидах может быть лишь предположительной из-за скудости источников и неясностей в терминологии. Сведения, относящиеся к парфянскому периоду, очень отрывочны, но мы встретим много пережитков парфянских институтов, когда будем рассматривать структуру сасанидской империи[63]. Значение городского самоуправления в греческих полисах западной части Парфянского государства постепенно уменьшалось, полисы оказывались в большей зависимости от царя и царских наместников, что отчетливо прослеживается по монетам.

Данные об экономическом строе Ирана в парфянское время пока еще очень скудны. Сопоставление с Римской империей, экономическая история которой хорошо известна благодаря множеству источников и исследований, весьма рискованно — различия между двумя державами были очень велики, так что можно привлекать для сравнения лишь некоторые факты. Известна порча римской монеты во II и еще сильнее в III в. н. э. Сходное явление, хотя и не столь отчетливо, может быть прослежено в парфянском чекане, особенно после Вологеза I. Тетрадрахма, распространенная в державе Селевкидов и в еще большей мере в Греко-Бактрийском царстве, уступила в I в. до

[61] См. выше, прим. 57 к этой главе.

[62] Ср.: H. S. N y b e r g, Inscriptions antiques en Géorgie,— «Eranos», t. 44, 1946, стр. 237, прим. 2, где предлагается возводить первую часть слова *bitaxš* к *bitiya-*<*dvitiya-* «второй». Связь с новоперс. *pādišah* маловероятна.

[63] В парфянское время в некоторых источниках встречается титул **pc'gryw* «царевич, наследник престола». См.: I. G e r s h e v i t c h, A Parthian title in the Hymn of the Soul,— JRAS, 1954, стр. 124—126; G. W i d e n g r e n, Iranisch-semitische Kulturbegegnung, стр. 29 (ссылки на источники и литературу).

н. э. свое место драхме. Цены, по-видимому, неуклонно росли; в последний период существования Парфянского царства состояние экономики было особенно тяжелым. Труд рабов, экономически невыгодный, продолжал использоваться, однако в целом можно говорить об упадке рабовладельческих отношений (как это характерно и для поздней Римской империи); одновременно росло значение закабаленных крестьян-общинников. Сведений о категориях рабов и формах рабовладения в парфянском Иране сохранилось очень немного, так что приходится привлекать более поздние, сасанидские источники. Можно полагать, что в парфянский период различались, по крайней мере, две категории рабов (известные из сасанидского судебника): рабы-военнопленные (*anšahrīk*, букв. «иноземный») и местные жители, которые сами продали себя или были обращены в рабство за долги (*bandak?*) [64]. Римский колонат и практика сдачи в аренду участков земли внутри больших поместий стали известны парфянам в последний период их владычества. Крупных рабовладельческих поместий типа римских латифундий в Парфянском царстве, как и в державе Сасанидов, было немного; такие поместья могли существовать, скорее, в Месопотамии, нежели в области Иранского нагорья. Плутарх («Красс», 21) сообщает, что подавляющее большинство парфянского войска Сурена составляли пелаты («клиенты, наемники») [65] — по-видимому, речь идет о какой-то категории зависимых людей. Роскошь аршакидского двора, содержание которого требовало огромных средств, как и дворов знати и мелких царьков, переход больших массивов земель в руки царских вельмож и сановников, наконец, изнурительные войны — все это вело к разорению крестьян-общинников.

Очень мало известно о налогах и податях в Парфянском государстве; по-видимому, система налогообложения различалась по областям. Более поздние источники, прежде всего Талмуд, позволяют составить представление о практике, сложившейся в Месопотамии парфянского времени. Здесь взимался поземельный налог — в Талмуде *ṭasqā* и подушная подать, *keraga,*— термин, который может быть сопоставлен с более поздним обозначением поземельного налога при арабах — *харāдж* [66]. В Месопота-

---

[64] А. Г. Периханян, К вопросу о рабовладении и землевладении в Иране парфянского времени,— ВДИ, 1952, № 4, стр. 15 и сл. Имеется ряд других работ советских авторов, в которых рассматривается вопрос о рабовладении, но многие их выводы недостаточно обоснованы фактическим материалом.

[65] Там же, стр. 21.

[66] Ю. А. Солодухо, Подати и повинности в Ираке в III—V вв. н. э.,— «Советское востоковедение», т. V, М.—Л., 1948, стр. 56, где можно найти разбор вопроса и библиографию. Термины, употребленные в Талмуде,

мии, как и в Палестине, лицо, платившее налог в определенном городе, считалось гражданином этого города (соответственно для селения — членом данной сельской общины) и было зарегистрировано в соответствующих фискальных учреждениях[67]. Если общинник оказывался не в состоянии вносить свою долю подати, то земельный участок, который он обрабатывал, должен был быть возвращен царю, так как теоретически царь считался верховным собственником всех земель. Общинник мог продать себя или свою семью в рабство тому, кто уплатит за него подати. Подушная подать не взималась со знати, воинов, жрецов и чиновников. Существовало много других поборов и повинностей, в том числе трудовая повинность на государственных работах, называемая в Талмуде *angārja*[68]. Известно о пошлинах на речной перевоз, на соль, на ввоз и на продажу рабов; перечень налогов и поборов можно было бы увеличить[69].

Много написано о парфянской армии, которую римляне знали хорошо. Регулярная армия была создана, видимо, при Митридате II, причем, в отличие от селевкидского войска, основной ударной силой стала конница. Парфянская кавалерия подразделялась на легкую, состоявшую главным образом из лучников, наводивших страх на римлян, и тяжело вооруженных всадников — *клибанариев*[70] с тяжелыми копьями и *катафрактариев* с луками. Источники иногда смешивают эти обозначения; так, в «Historia Augusti», 56, 5 говорится: *catafractarios quos illi (Persae) clibanarii vocant.* Весьма эффективной, особенно в первый период войн с Римом, была парфянская тактика нападений с последующими отходами с целью заманить неприятеля, которая сочеталась с использованием клибанариев (скорее для психо-

---

могут быть истолкованы по-разному, как это показал И. Хан (I. Hahn, Sassanidische und spätrömische Besteuerung,— AAASH, t. VII, 1959, особенно стр. 155). Ср.: J. Newman, The Agricultural Life of the Jews in Babylonia, London, 1932, стр. 161 и сл.: S. Kraus, Persia and Rome in the Talmud and Midrash, Jerusalem, 1948, стр. 269—274 (на иврите).

[67] Ю. А. Солодухо, Подати и повинности, стр. 64. Об этом свидетельствует пример Марии и Иосифа при царе Ироде. Часть налогов уплачивалась, наряду с деньгами, натурой.

[68] Ю. А. Солодухо, там же, стр. 69, где предполагается персидское происхождение слова *angārja*. Иранскую этимологию для этого слова найти нетрудно, но ср. прим. 85 к главе 3. О смешении терминов, обозначавших «гонцов» и «повинность, *corvée*» (если такое смешение действительно существовало), см.: S. Funk, Die Juden in Babylonien, Berlin, 1908, стр. 65.

[69] R. McDowell, Stamped and inscribed objects from Seleucia, Ann Arbor, 1935, стр. 172, 176, 179.

[70] Ф. Рундгрен (F. Rundgren, Iranische Lehnwörter im Lateinischen und Griechischen,— «Orientalia Suecana», vol. VI, 1957, стр. 50) возводит слово *clibanarius* к иран. *griv-pān* «защитный доспех», а не к лат. *clibanus* «печь (для хлеба)»; не исключено, что римские воины по созвучию со знакомым им словом по-своему этимологизировали термин.

логического воздействия, чем в качестве основной силы). Позднее — возможно, при Артабане III — более заметную роль в парфянском войске стали играть царские телохранители и наемники.

Значительное развитие получила в парфянский период торговля. Много парфянских монет, особенно первой половины I в. н. э., найдено на Волге, на Кавказе, в Восточном Туркестане и в других местах[71]. Открытие римлянами в I в. до н. э. муссонного течения облегчило торговлю пряностями и предметами роскоши, которые шли в Рим из Индии и стран Дальнего Востока. Для этого же времени в китайских источниках засвидетельствованы парфяно-китайские сухопутные контакты. Агрессивная династия Хань временами простирала свою власть на Восточный Туркестан, а купцы, конечно, проникали еще дальше. С упадком могущества ханьского Китая и Парфии во II в. н. э. посредничество в торговле и контроль над торговыми путями Запада с Востоком перешли к кушанам, ставшим преобладающей силой в Центральной Азии. Переселение в Мервский оазис примерно 10 тыс. римских пленников, захваченных парфянами в битве при Каррах (об этом сообщает Плутарх), дало повод для интересных гипотез о непосредственных контактах римлян с китайцами на территории Туркестана[72].

Литература и культура

Хотя мы не располагаем памятниками литературы парфян, которые относились бы к парфянской эпохе, можно все же составить некоторое представление о литературе при Аршакидах. Греческий язык в это время продолжал служить одним из официальных письменных языков — об этом свидетельствуют монеты, надписи и документы. Среди парфян, несомненно, было много образованных людей, знавших греческий. О том, что парфяне понимали и ценили греческую драму, известно не только из античных источников, но и по раскопкам театров античного типа, а также по находке формы для изготовления комедийных масок в Нисе[73]. В Месопотамии были в употреблении семитические языки. Как показывают документы из Нисы и Авромана, парфяне пользовались гетерографической письменностью, не только созданной на основе арамейского алфавита, но и содержащей

[71] Соответствующие данные см.: М. Е. Массон, Народы и области, стр. 33—35. Парфянские изделия обнаружены в Ольвии и в других районах Южной России, что свидетельствует о размахе торговли.

[72] H. H. Dubs, A military contact between Chinese and Romans in 36 B. C.,— «T'oung Pao», t. XXXVI, 1940, стр. 64—80.

[73] М. Е. Массон, «Известия АН Туркм. ССР», № 1, Ашхабад, 1951, стр. 93.

много арамейских написаний целых слов. Трудно ожидать, чтобы при таком малоудобном способе письма могла существовать обширная письменная литература; зато при дворах парфянских правителей и знати процветала устная поэзия.

Имеются данные о том, что именно парфяне придали иранскому эпосу ту форму, в которой он был записан при Сасанидах и дошел до Фирдоуси. Парфянские поэты-музыканты (*gōsān*) не только обогатили эпос, сообщив ему черты рыцарской героики, но и сохранили старые предания о кави Восточного Ирана, Каянидах эпоса — предках Виштаспы, покровителя Зороастра[74]. Эти баллады древнего Ирана, если можно так называть их, по содержанию были, скорее, светскими, чем религиозными,— нас не должно смущать, что позднее сохранению этих сказаний способствовали зороастрийские жрецы. В парфянское время в эпос проникает много новых мотивов, таких, как подвиги Геракла, о которых парфяне несомненно слышали от греческого населения и которые могли послужить прообразом героических деяний Рустама. Мы уже упоминали, что цикл сказаний о Рустаме был принесен в иранский эпос саками из Средней Азии. Менестрели парфянской эпохи в своих песнях о героях древнего Ирана сплетали воедино нити многих и различных по происхождению сюжетов.

Наличие каянидской, сакской и парфянской традиций позволило выдвинуть весьма убедительную теорию северо-восточного происхождения большинства циклов иранского эпоса[75]. Искусство менестрелей начало приходить в упадок, видимо, при Сасанидах; окончательное исчезновение такого рода поэзии происходит позднее и, вероятно, объясняется в первую очередь изменениями, которые пережило общество Ирана в результате арабского завоевания. На смену героическим песням пришли новые, более изощренные поэтические формы. Но при дворах парфянской знати искусство менестрелей процветало, и их сказания определяли литературные вкусы той эпохи.

О парфянском изобразительном искусстве нам приходилось уже упоминать в связи с сарматами и «звериным стилем». Прежняя характеристика парфянского искусства как деградировавшего греческого нуждается в пересмотре; несмотря на

---

[74] M. Boyce, Some remarks on the transmission of the Kayanian heroic cycle,— «Serta Cantabrigiensia», Wiesbaden, 1954, стр. 49—51; M. Boyce, The Parthian 'gōsān' and Iranian ministrel tradition,— JRAS, 1957, стр. 10—45 (автор дал превосходный очерк литературной жизни парфянского периода и убедительно доказал существование двойной — устной и письменной — иранской литературной традиции с древнейших времен и вплоть до арабского завоевания).

[75] M. Boyce, Zariadres and Zarēr,— BSOAS, vol, XVII, 1955, стр. 476.

кажущуюся преемственность, парфянское искусство отличается также и от сасанидского. Находки в Нисе показали, что греческое влияние ощущалось довольно сильно в раннеаршакидское время. Но, как и в других сферах, парфяне в последующий период вернулись к древнеиранским традициям и сюжетам — на первый план выдвигаются сцены охоты, сражений, пиров и жертвоприношений. Возрождение полихромного декора — особенность парфянского искусства «малых форм», как и искусства сарматов. В архитектуре преобладают эллинистические традиции, но приемы декоративного убранства и многие другие черты — восточные, причем, независимо от их происхождения, именно эти восточные черты составляют главные особенности памятников парфянского зодчества. К ним относятся купольные перекрытия на тромпах, важная роль, отводившаяся айвану, украшение фасадов зданий горельефными масками, а интерьеров — статуями. «Экспрессионизм» этого искусства уже отмечался раньше [76].

Кочевническое прошлое парфян ясно проступает в таких особенностях одеяния всадника, как шаровары, заправленные в сапоги с «гамашами»,— элементы костюма, широко распространившиеся по всему Ближнему Востоку в I—II вв. н. э.[77]. Структура общества, искусство, устная литература, сохранение родоплеменных традиций в политической организации, как мы ее знаем,— все это свидетельствует о своеобразном укладе жизни парфян, в котором господствовало воинское, героическое начало. Недаром само имя парфян — пахлаван (*pahlavān*) — получило в новоперсидском значение «герой, богатырь».

Судьбы зороастризма

О религии древних персов написано больше, чем о любой другой сфере их жизни, и это не случайно: до нас дошли письменные памятники — Авеста и религиозная среднеперсидская (пехлевийская) литература. О верованиях парфян мы знаем, к сожалению, гораздо меньше; сообщения источников кратки и нередко противоречивы. Принято считать, что религиозный син-

---

[76] См. примечания 45, 46, 112, 113 к главе 4. Сводчатые арки и купольные перекрытия были, видимо, принесены парфянами из Восточного Ирана в Месопотамию. Ср.: O. Reuther, Parthian architecture,— SPA, vol. I, London, 1938, стр. 427. [См. также: Г. А. Пугаченкова, Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма,— «Труды ЮТАКЭ», т. VI, М., 1958, стр. 68—69, 100, 104—117 и др.; Г. А. Кошеленко, Культура Парфии, особенно стр. 12—35, 78—88, 98—102 и указанную там литературу.]

[77] G. Widengren, Some remarks on riding costume among Iranian peoples in antiquity,— «Arctica», vol. XI, Uppsala, 1956, стр. 241 и сл.

кретизм, характерный для селевкидской эпохи, должен был сохраняться и при Аршакидах. Действительно, свидетельства античных авторов и надписи показывают, что в странах Ближнего Востока господствовали культы, основанные на отождествлении греческих божеств с их восточными «двойниками» и наделении их новыми мессианскими чертами. Что же происходило в это время в Иране и каковы были судьбы зороастризма?

Есть основания предполагать, что маги в разных областях Ирана поддерживали культы Ахура Мазды и (или) других древнеарийских богов, причем атрибуты этих культов существенно различались. Трудно представить, что в этот период существовала зороастрийская ортодоксия, но можно допустить некоторую общность форм поклонения божествам у иранцев, которую мы вправе назвать маздаяснийской религией (почитание Мазды). Сасаниды, очевидно, отрицали приверженность Аршакидов к маздаяснийской вере, однако та форма зороастризма, которая известна для сасанидского государства, должна была начать складываться уже при парфянах. Среднеперсидское энциклопедическое сочинение «Денкарт» говорит о возрождении праведной веры (зороастризма) только при Сасанидах, впервые после ее долгого забвения со времен Александра Великого. Но такое утверждение навеяно лишь общей негативной оценкой правления парфян, которая стала удобной, а потому и модной при Сасанидах.

Парфяне отличались большей веротерпимостью, чем Сасаниды; во всяком случае, мы не знаем о серьезных гонениях на иноверцев при парфянах. Положение, например, иудеев при парфянах было более безопасным, чем при Сасанидах. Из Талмуда (Baba Ḳamma, 117a) известно, что Ардашир I лишил иудеев права, которым они располагали ранее при парфянах,— самостоятельно вершить суд над единоверцами, совершившими особо опасные преступления. Различные религиозные общины на Ближнем Востоке жили обособленно и подчинялись своим духовным пастырям и много позднее, вплоть до системы «милет» в Оттоманской империи. В парфянское время число религиозных сект и культов должно было быть весьма значительным, но разобраться в них по имеющимся источникам — задача в высшей степени трудная. Вряд ли есть основания признавать существование в этот период некоей единой «религии иранцев», о которой упоминают античные авторы. Можно скорее говорить лишь о преобладании маздеистских культов, маздаяснийском «поветрии», сочетавшемся с веротерпимостью, то есть о ситуации, напоминающей несколько «религию римлян». При таком подходе следует в полной мере учитывать особенности, характерные для отдельных разновидностей культа Мазды, и даже

явные отклонения от него. Можно наметить различия между иранскими верованиями у индо-парфян, кушан, саков, согдийцев, собственно парфян, армян и иранизованного населения Понта, Каппадокии и Коммагены; особое место занимают синкретические культы Месопотамии и некоторых других районов. Но выдерживаем ли мы хронологическую перспективу, не смешиваем ли явления, возникшие в разные периоды и различные по ареалам? Так, рассматривая иранские элементы в кушанском пантеоне (известном нам прежде всего по монетам кушан), мы можем истолковать их как отражения соответствующих божеств древних арийцев, но многие из этих божеств присутствуют и в зороастрийском пантеоне. С другой стороны, практику выставления трупов (для очищения костей от мяса) или почитание огня считают специфически иранскими чертами. Когда, например, Бардесан говорит о кровнородственных браках в среде магов (*magousai*) Малой Азии, мы тотчас вспоминаем о сходном зороастрийском обычае, хотя такие браки известны и у Птолемеев, а истоки этого обычая можно искать и в других областях [78].

Маги чаще всего выступают в античных источниках как представители «религии персов» *par excellence,* и вполне естественно полагать, что их влияние было очень сильным. Ориген («Против Цельса», VI, 80, 693) пишет, что слово «магический» происходит от названия магов. Именно так — как кудесники и колдуны — маги были известны на Западе. В Иране они были жрецами, отправлявшими любые обряды (женитьба, похороны и т. п.) и служившими различным божествам, самыми важными из которых после Ахура Мазды, или Ормизда, были Митра и Анахита.

Здесь нет возможности останавливаться на многих религиозных обычаях, таких, например, как жертвенное заклание лошадей — несомненно, древний арийский обряд, о котором Тацит (VI, 37), Филострат («Жизнь Аполлония», I, 31) и другие авторы говорят как о парфянском обычае. Интересны некоторые пережитки вроде сохранения культа бога Ашшура в Месопотамии или арамейской надписи, упоминающей о «богине Нанай, царе» (мужской род!), причем соотношение между Нанай и Анахитой остается не вполне ясным [79]. Проблем много, и многие из них еще ждут своего решения.

Армянский историк, писавший при Ездигерде II в V в. н. э.,

[78] E u s e b i u s, Praeparatio Evangelica, VI, 10, 16. Лучшее исследование о магах Малой Азии — J. B i d e z, F. C u m o n t, Les mages hellénisés, t. I—II, Paris, 1938.

[79] J e n s e n [в кн.]: W. A n d r a e, Die Partherstadt Assur, Leipzig, 1933, стр. 89; W. A n d r a e, Das Wiederstandene Assur, Leipzig, 1938, стр. 180.

различает *пахлавик* и *парскаден,* что можно понимать соответственно как религии парфян и персов. Исследователи предлагают видеть здесь намек на существование северной (парфянской) и южной (персидской) школ магов или двух сект[80]. Такое объяснение кажется вполне убедительным, особенно если вспомнить, что теофорные имена в документах из Нисы — чисто зороастрийские. Эти имена, как и употребление в Нисе зороастрийского календаря, показывают, что жители Нисы были зороастрийцами[81]; такие имена, как *Михрбозан, Михрдатак, Михрфарн,* свидетельствуют о популярности Митры, бога солнца, на родине парфян. Особого внимания заслуживает упоминание в документах из Нисы поместья *'yzn nnystnkn* (*āyazan*, древнеперс. *āyadana-*) — «храм Нанай». Здесь можно видеть указание на то, что Нанай была отождествлена с Анахитой (последнее имя в документах не встречается). Документы из Нисы относятся в большинстве своем к I в. до н. э. По-видимому, к I в. н. э., к правлению аршакидского царя Вологеза I (около 51—80 гг.), следует отнести попытку «царя Валахша» собрать воедино разрозненные авестийские тексты, о чем говорится в «Денкарте». Зороастрийская традиция, отраженная в этом сообщении, кажется правдоподобной, если вспомнить, что «ориентализация» Парфянского государства приходится более всего на правление Вологеза I.

Археологические находки и краткие замечания в античных источниках позволяют заключить, что культ обожествленного царя, известный при Селевкидах, продолжал существовать — наряду с почитанием предков[82] — и в Парфянском царстве. Из сообщений Страбона, Плиния и других авторов следует, что многие религиозные предписания, изложенные в авестийском «Вендидате»,— правила очищения, запреты, заклинания — существовали уже в парфянское время. Как уже упоминалось, митраистские мистерии, хотя и отправлялись от иранского культа Митры, включали элементы, которые можно проследить в Месопотамии и в Малой Азии; их связи с почитанием дэвов или Ахримана убедительно показаны исследователями[83].

[80] Егише Вардапет, Patmut'iwn Vardananc, изд. Э. Тер-Минасяна, Ереван, 1957, стр .144; ср.: R. Zaehner, Zurvan. A Zoroastrian dilemma, Oxford, 1955, стр. 29. Соответствует ли это деление «северным мобедам» и «южным хербедам», которых обнаружил С. Викандер (S. Wikander, Feuerpriester in Kleinasien und Iran, Lund, 1946, стр. 140 и др.), определить по меньшей мере трудно.

[81] И. М. Дьяконов — В. А. Лившиц, Документы, стр. 24.

[82] Об этом свидетельствуют находки фрагментов статуй предков в Нисе, а также упоминания у Аммиана Марцеллина. Ср.: J. M. Unvala, Observations on the religion of the Parthians, Bombay, 1925, стр. 26.

[83] I. Gershevitch, The Avestan Hymn to Mithra, стр. 61—72 и литература в примечаниях.

Мы уже говорили о завоевании Бактрии кушанами, но будет нелишним привести здесь известный отрывок из «Хроники Младшей династии Хань», повествующий об этом событии:

«Первоначально, когда юечжи подверглись нападению хуннов, они переселились в Дахя и разделили страну между пятью *хи-хэу:* Хюми, Шуанми, Гуйшуан, Хисийе (*Pat-tun*) и Думи. По прошествии ста с небольшим лет Киоцзюкю, *хи-хэу* Гуйшуан, напал и покорил остальных четырех *хи-хэу*, стал независимым и взошел на трон. [Его] царство стало называться Гуйшуан-ван» [84].

Мы можем рассматривать это сообщение как достоверное и считать, что юечжи были объединены под властью племени кушан. Термин *хи-хэу* обычно рассматривается как китайский эквивалент титула *yavuga*, который встречается на монетах Кудзулы Кадфиза, первого крупного кушанского правителя, в легенде письмом кхароштхи. В свою очередь, *yavuga* отождествляется с ранним тюркским титулом *yabγu*. Однако, поскольку тюрки, видимо, заимствовали свою титулатуру от иранцев, можно предположить, что *yavuga* — термин иранский [85]. Гуйшуан явно соответствует названию племени кушан, имя их вождя Киоцзюкю (древнекит. **k'iəu dz'iəu k'iak)* передает имя Кудзулы Кадфиза, но его этимология совершенно неясна [86]. Находки

---

[84] Отрывок приводится по переводу К. Эноки, который заимствован из работы: A. K. N a r a i n, The Indo-Greeks, стр. 131. [Русский перевод этого отрывка (Н. Я. Б и ч у р и н, Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II, М.— Л., 1950. стр. 227): «Когда Дом Юечжы был уничтожен хуннами, то он переселился в Дахя, разделился на пять княжеских домов: Хюми, Шуанми, Гуйшуан, Хисийе и Думи. По прошествии с небольшим ста лет гуйшуанский князь Киоцзюкю покорил прочих четырех князей и объявил себя государем под названием гуйшуанского». Ср. также переводы этого места: E. G. P u l l e y b l a n k, Chinese Evidence for the Date of Kaniṣka,— PDK, стр. 247; E. Z ü r c h e r, The Yüeh-chih and Kaniṣka in the Chinese sources,— PDK, стр. 367.]

[85] Позднее сходный титул отмечен в среднеперсидском манихейском тексте в двух формах — с начальным *y* и с начальным *ž*- (F. W. K. M ü l l e r, Ein Doppelblatt aus einem manichäischen Hymnenbuch (Maḥrnâmag),— APAW, 1912, Berlin, 1913, стр. 11, стк. 77 и 93). Сопоставление с парфянским *ymg* «руководитель (манихейской общины)» кажется возможным, поскольку чередование *b/m* вполне обычно во многих языках. Вариантная форма этого же слова была представлена и в языке Бухары — *ǰamūk* «знатный, предводитель», см. мою статью *«Jamūk, Sogdian "pearl"?»* — JAOS, vol. 71, 1951, стр. 142. Дж. Клосон предположил алтайское происхождение титула *yabγu/yavgu*, реконструируя форму **davgu* (G. C l a u s o n, Turk, Mongol, Tungus,— AM, NS., vol. VIII, pt 1, 1960, стр. 115), но мне это объяснение кажется неприемлемым.

[86] Попытка найти иранскую этимологию была сделана в статье: H. W. B a i l e y, Irano-Indica III,— BSOAS, vol. XIII, 1950, стр. 397. Ср.: J. M a r q u a r t, Ērānšahr, стр. 209.

монет Кудзулы в областях, лежащих к северу от Гиндукуша, немногочисленны. Можно полагать, что он был всего лишь вождем кушан и совершал набеги на Индию. Преемником Кудзулы стал, возможно, некий кушанский правитель, известный своим обширным чеканом. На монетах этого правителя (их находят в большом количестве во многих районах) обозначен только его почетный титул — Сотер Мегас, имя отсутствует, даты правления этого безымянного царя остаются неизвестными. В правление Вимы Кадфиза, сына Кудзулы, вступившего на престол, очевидно, после «безымянного царя», кушанский чекан подвергся реформе — наряду с медной начался выпуск золотой монеты и был принят новый весовой стандарт. Вима (точная форма его имени неясна) совершил, очевидно, обширные завоевания в Индии. На севере владения кушан в это время простирались за Амударью, однако остается неизвестным, входила ли в их состав Согдиана и смогли ли кушаны потеснить на западе Аршакидов. Монетные находки на территории Средней Азии — недостаточно надежные свидетельства кушанской власти и границ их владений[87]. Примерная датировка правлений Кудзулы и Вимы второй половиной I в. н. э. как будто бы подтверждается тем, что чекан Кудзулы следовал раннеимперским римским монетам.

Могущество кушан достигает апогея при последующих кушанских царях — Канишке и Хувишке. Канишка хорошо известен в буддийской литературе как ревностный защитник и распространитель этой веры. Надписи Канишки и его преемников заставили исследователей потратить немало сил в поисках ответа на вопрос о дате Канишки. За последние шестьдесят лет состоялись два международных симпозиума, специально посвященных дате Канишки, но удовлетворительного решения проблемы до сих пор не найдено. Споры идут прежде всего по поводу надписей, датированных по эре Канишки. Часть исследователей утверждает, что эра Канишки представляет собой на самом деле так называемую сакскую эру (или «эру Шака», т. е. индийскую историческую эру) и в этом случае должна была начинаться в 78 г. н. э. Другие полагают, что Канишка имел свою собственную эру, не тождественную с «сакской эрой», и что даты его

---

[87] Б. Я. Ставиский, О северных границах Кушанского государства,— ВДИ, 1961, № 1, стр. 108—114. [См. также: Е. В. Зеймаль, Клад римских денариев из Таджикистана,— «Нумизматика и эпиграфика», вып. III, М., 1962, стр. 144—145; М. Е. Массон, К вопросу о северных границах государства «Великих Кушан»,— «Общественные науки в Узбекистане», 1968, № 8, стр. 14—25, а также библиографию вопроса: Б. Я. Ставиский, Б. И. Вайнберг, Н. Г. Горбунова, Э. А. Новгородова, Советская археология Средней Азии и кушанская проблема. Аннотированная библиография, М., 1958 (Международная конференция по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху), вып. 1, стр. 62—68.]

правления должны лежать в пределах 124—144 гг. Недавно открытые при раскопках Ток-калы хорезмийские надписи на оссуариях, которые по археологическим данным относятся к VIII—IX вв. н. э., содержат даты — от 658 до 753 года неизвестной эры. Эту эру также пытались отождествлять с «сакской», начинающейся в 78 г. н. э., и рассматривали хорезмийские датированные надписи в качестве доказательства применения эры Канишки (отождествляемой с «сакской») в Хорезме на протяжении очень длительного периода — почти восьми столетий (753-й год в надписи на оссуарии). Если бы эти выкладки оказались правильными, то следовало бы сделать вывод, что кушанское влияние в Средней Азии было очень сильным, а введенная ими система летосчисления оказалась почти такой же устойчивой, как и селевкидская эра в Западном Иране. Однако есть основания полагать, что в хорезмийских датированных надписях и в хорезмийских документах из архива дворца в Топрак-кале отражена не кушанская, а местная, хорезмийская эра[88]. Некоторые нумизматы отодвигают дату Канишки в III в. н. э.[89]. Нам придется еще коснуться этих вопросов в связи с историей Сасанидов и рассмотрением основных этапов их завоеваний на востоке Ирана.

Культура Кушанского государства вызывает гораздо меньше споров, чем его политическая история и хронология. По своему этническому составу держава кушан была не менее пестрой, чем Парфянское царство. О культурном синкретизме красноречиво свидетельствуют художественные изделия, найденные археологами в Беграме (Афганистан, к северу от Кабула). Гипсовые медальоны с греческими профилями, китайские лаки, индийская резная слоновая кость и египетские стеклянные сосуды — все это указывает на широкие связи кушан[90]. К сходным заключениям приводят и монеты, на которых наряду с такими грече-

---

[88] [См. также: W. B. Henning, The Choresmian Documents,— AM, NS., vol. XI, pt 1, 1965, стр. 168 и сл.; V. A. Livshits, The Khwarezmian calendar and the eras of Ancient Chorasmia,— AAASH, t. XVI, 1968, стр. 440—441.]

[89] [Ср.: R. Göbl. Dokumente zur Geschichte der iranischen Hunnen in Baktrien und Indien, Bd II, Wiesbaden, 1967, стр. 269—312; Е. В. Зеймаль, Проблема кушанской хронологии и монеты,— «Тезисы докладов на юбилейной научной сессии. Государственный Эрмитаж. 1764—1964 (секционные заседания)», Л., 1964, стр. 40—46; Е. В. Зеймаль, Начальная дата Канишки — 278 г. н. э.,— «Международная конференция по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху. Тезисы докладов и сообщений советских ученых», М., 1968, стр. 21—25. См. также: Е. В. Зеймаль, Кушанская хронология (материалы к проблеме), М., 1968.]

[90] J. Hackin, R. Hackin, J. Carl, P. Hamelin, Nouvelles recherches archéologiques à Bégram, ancienne Kapici (1938—1940),— MDAFA, t. XI, Paris, 1954.

скими и римскими божествами, как Геракл, Гефест или Серапис, изображались и иранские боги и богини — Митра, Ардохш, Атар и Веретрагна.

К ним прибавились и индийские божества — Шива (Вешо), Махасена и Будда. Кушанская империя обнаруживает здесь поразительное сходство с Римской, столь же открытой для различных культов и иноземных влияний. Особенностью кушанских эмиссий являются обильные (начиная с правления Вимы) выпуски золотых монет, основанные на римском золотом денарии весом около 8 *г*, и — в противоположность парфянам — полное отсутствие серебряных монет. Золотой чекан больше, чем что-либо другое, указывает на различие между кушанами и парфянами с их серебром — традиционной монетой степей, наиболее популярной у кочевников. Кушаны, очевидно, чувствовали себя наследниками греков в Бактрии; есть основания полагать, что Канишка впервые приспособил греческий алфавит для фиксации иранского языка, ставшего одним из официальных в Кушанском царстве. Оживленные торговые связи с Римской империей способствовали обмену не только товарами, но и идеями, искусством и культурой.

Правление Хувишки, преемника Канишки, было весьма продолжительным — об этом можно заключить по его разнообразному и обильному монетному чекану. Видимо, именно при этом царе была составлена бактрийская надпись в храмовом комплексе Сурх Котала, датированная 31 г. (от воцарения Канишки) и повествующая о восстановлении святилища [91]. Необходимо иметь в виду, что мы не знаем абсолютных дат правлений кушанских царей и порядка престолонаследия. Изображения и легенды на монетах дают основания для гипотез, иногда вполне резонных, но не более. Система косвенного наследования власти у кушан, сходная с индо-парфянской, еще более затрудняет изучение политической истории Кушанского царства [92].

Монеты царя Васудевы, преемника Хувишки, известны в значительном количестве. После Васудевы мы наблюдаем возврат к подражаниям греко-бактрийским эмиссиям. Можно ли считать, что огромная Кушанская империя, простиравшаяся от Матхуры в Индии до Окса и далее на север, захватывая часть Средней Азии, разделилась на две или даже на несколько частей? Очевидно, что владения кушан росли в тот период, когда их соседи были слабы. С возвышением Сасанидов в Персии, если не раньше, и Гуптов в Индии в начале IV в. приходит конец

[91] A. Maricq, La grande inscription de Kaniṣka, стр. 345 и сл.; W. B. Henning, The Bactrian Inscription, стр. 48.

[92] Ср.: A. L. Basham, The succession of the line of Kaniṣka,— BSOAS, vol. XX, 1957, стр. 77—88.

империи кушан — сохраняются лишь мелкие кушанские владетели. При Шапуре I кушаны были обложены данью, но вряд ли находились в полном подчинении у Сасанидов. Позднее Сасаниды имели своих наместников в Бактрии. Вопрос о кушанских владениях в Средней Азии не может быть решен без привлечения новых археологических данных и в особенности надписей; немногочисленные находки кушанских монет при раскопках С. П. Толстова в Хорезме могут указывать лишь на торговые связи. Судя по китайским источникам, а также по археологическим данным, кушаны осуществляли контроль над Кашгаром, Согдианой и Ферганской долиной, во всяком случае при Канишке. Как далеко простирались кушанские владения на западе, севере и востоке, установить трудно. Но слава кушан была столь громкой, а законность власти их династии в Восточном Иране и в Северо-Западной Индии казалась столь неоспоримой, что их наследники — эфталиты и цари Кабула из династии Шахи — вплоть до арабского завоевания возводили свои родословные к кушанам. Имя Канишки прославила буддийская традиция, а всю династию — гандхарское искусство. Кушаны не только укрепили связи Восточного Ирана с Центральной Азией и Китаем, но и внесли свой вклад в распространение культуры иранских народов на территории Северо-Западной Индии.

Традиции Персиды

При Селевкидах и парфянах Персида, родина Ахеменидов, сохраняла некоторые традиции древней империи. Рядом с высеченной в скале гробницей Дария I в Накш-и Рустаме видны остатки выветрившейся, сильно пострадавшей от времени надписи арамейским письмом, но на древнеперсидском языке — это явствует, во всяком случае, из двух слов *ḫšyty wzrk* «великий царь», сохранившихся в 20-й строке; чтение остальных фрагментов менее ясно. Если согласиться с исследователями, которые датируют эту надпись селевкидским временем, то перед нами уникальный и поразительный документ: в пору греческого владычества персы воскрешают память о своих славных царях[93]. Более надежны монетные серии, которые выпускались фратараками (**frataraka*), признававшими, очевидно, верховную власть Селевкидов (Страбон, XV, 736). Можно полагать, что титул **frataraka* в позднеахеменидское время, а затем и при Селевки-

[93] В. Б. Хеннинг (W. B. Henning, Mitteliranisch, стр. 24) прочел одно из слов как *slwk* = Seleucus. Однако, во-первых, такое чтение не является бесспорным и, во-вторых, даже если это написание действительно передает имя Селевк, то лицо, упомянутое в надписи, могло и не быть Селевком I.

дах обозначал наместника области. Заслуживают внимания особенности монетных эмиссий фратараков. Мне представляется, что лицевая сторона наиболее ранних из этих монет напоминает чеканы ахеменидских сатрапов. На реверсе нередко изображен правитель, совершающий поклонение перед неким сооружением, которое напоминает так называемую «Ка‘бу Зороастра» в Накш-и Рустаме. Над изображением правителя на некоторых монетах помещена ахеменидская крылатая фигура Ахура Мазды [94].

После завоевания Западного Ирана Аршакидами эти монеты изменяются под влиянием парфянского чекана и на них появляется титул *MLK'* — «царь». Было бы интересно установить, совпадает ли по времени принятие титула «царь» правителями Персиды с введением титула «царь царей» для великого парфянского царя, но монеты Персиды не могут быть точно датированы. Одновременно с введением титула «царь» на этих монетах арамейские легенды сменяются среднеперсидскими гетерографическими, как это явствует из слова *BRH* «сын» (по-арамейски это означало бы буквально «его сын»). Написание *BRH* встречается на монетах некоего *D'ryw*, Дария, сына Аутофрадата, относящихся, видимо, к I в. до н. э. Монеты правителей Персиды продолжали выпускаться вплоть до сасанидского времени. Известны три основные монетные серии; самые ранние из них датируются около 220 г. до н. э., но ни одна из монет не имеет греческой легенды [95] — еще одно свидетельство стойкости

[94] См. особенно монеты Аутофрадата; ср.: G. F. Hill, Catalogue of the Greek Coins of Arabia, Mesopotamia and Persia, London, 1922, и J. de Morgan, Manuel, стр. 279. Я не могу согласиться с утверждением С. Викандера (S. Wikander, Feuerpriester, стр. 16) о том, что **frataraka* в арамейских папирусах из Элефантины выступает как обозначение рядового должностного лица. Перс Видранг, носивший этот титул, занимал важный пост — он был сначала начальником гарнизона в Сиене (Асуан) и имел звание *hptḫpt'*, а затем получил повышение и стал **frataraka* в Йебе (Элефантине). Звание *hptḫpt'* может быть истолковано как сочетание семитского слова с иранским и имело, вероятно, значение «интендант» или «ведающий казначейством». Этимология **frataraka* остается не вполне ясной; в армянском *hratarak* имеет значение «глашатай» (в современном языке — «издатель»). О попытках этимологизации этого слова см.: Р. Ачарян, Hayerēn Armatakan Baraṛan, т. 4, Эреван, 1932, стр. 431. Как бы то ни было, памятниками засвидетельствован титул **frataraka;* форма **fratadāra* нигде не представлена (см. также прим. 45 к этой главе).

[95] Отнесение этих монет примерно к 280 г. до н. э. (E. T. Newell, The coinage of the Eastern Seleucid mints from Seleucus I to Antiochus III, New York, 1938, стр. 161) основывалось на кладе из Персеполя, который состоит из одной монеты Селевка I и девяти местных монет Багдата, Вахубарза и Аутофрадата. Однако, поскольку клад очень небольшой, заключения о дате делать нельзя. Недавно Р. Штиль (в кн.: F. Altheim, Geschichte der Hunnen, Bd I, Berlin, 1959, стр. 379) убедительно отождествила имя *Oborzos* у Полиена (VII, 70) с *wḫwbrz* на монетах. Штиль устанавливает связь меж-

ахеменидских традиций в Персиде. О том же говорят и имена правителей, прежде всего такие, как Дарий и Артаксеркс.

Других сведений о Персиде досасанидского периода почти не сохранилось. Страбон (XV, 736) пишет: «Персы, правда, образовали собственное государство, но цари их подвластны другим царям: прежде — македонским, а теперь — парфянским». Плиний (VI, 152) сообщает, что Нумений, правитель Месены, назначенный Антиохом (IV?), выиграл битву с персами: сначала он двинул против них флот, а затем пустил по побережью Персидского залива конницу. Лукиан («Macrobius», гл. 15) приводит следующий отрывок из не дошедшего до нас сочинения Исидора Хараксского: «Артаксеркс, другой царь персов, который правил при жизни родителей Исидора из Харакса, автора этого рассказа, прожил девяносто три года и был предательски убит в результате заговора его брата Гочихра». К сожалению, этот Артаксеркс не может быть надежно отождествлен ни с одним из правителей, выпускавших монеты Персиды.

Религия была предметом особых забот владетелей Персиды. На наиболее поздних их монетах присутствует изображение алтаря огня, а легенда на первой серии монет гласит: *prtrk' zy 'lhy'* «правитель [милостью?] богов» (скорее так, чем «божественный *frataraka*»), что, видимо, указывает на освященность власти религией. Можно пойти дальше и считать правителей Парса династией зороастрийских жрецов-царей. Такие гипотезы кажутся соблазнительными, но до появления новых данных лучше к ним не прибегать.

Многими источниками засвидетельствовано длительное — от ахеменидского царя Артаксеркса II до Сасанида Ардашира — существование близ Персеполя храма или святилища Анахиты[96]. Культ этой богини пользовался особой популярностью в

ду чеканами независимых правителей Персиды (**frataraka*, так скорее, чем *fratadāra* у Штиль) и Элимаиды и относит начало самостоятельности Персиды примерно к 187 г. до н. э.; около 147 г. до н. э., как показывают монеты, парфяне положили конец независимости династии, распространив свою власть как на Персиду, так и на Элимаиду. Такая реконструкция кажется возможной, но отнюдь не доказанной. Предполагаемое Р. Штиль чтение последней части монетной легенды — *pr(s) br(t')* «крепость Персиды» = Персеполь (или, скорее, Истахр) — не может быть принято. [Отождествление имени *Oborzos* у Полиена с *wḥwbrz* на монетах было предложено уже давно. См., например: G. F. Hill, Catalogue, стр. CLXVII.]

[96] Данные источников обстоятельно собраны: M. L. Chaumont, Le culte d'Anāhitā à Stakhr,— «Revue de l'histoire des religions», Avril-Juin, 1958, стр. 154—175. [Ср.: L. Trümpelmann, A. Demandt, Ein Altar der Anāhītā,— AMI, N. F., Bd 2, 1969, стр. 139—146; К. В. Тревер, К вопросу о храмах богини Анахиты в сасанидском Иране,— «Труды Государственного Эрмитажа», т. X (Культура и искусство народов Востока, 7), Л., 1969, стр. 48—54.]

Персиде, наряду с культами Ахура Мазды и Митры. Мусульманские авторы сообщают, что храм Анахиты в Истахре, близ Персеполя, был на попечении некоего Сасана в период, когда в Персиде (Фарсе) правил царь по имени Гочихр из рода Базрангидов [97]. Если это предание достоверно, то Гочихр должен быть одним из правителей, которые выпускали монеты в Персиде; однако до сих пор чекана Гочихра среди этих серий не обнаружено. Гочихр — обычное иранское имя, хорошо этимологизируемое, так что упоминание его в источниках не более неожиданно, чем появление имени Сасан на индо-парфянских монетах [98]. Предание далее говорит, что Сасан женился на дочери Гочихра, а Папак, сын Сасана, восстал против Гочихра и убил его. Так было положено начало династии Сасанидов.

Возвышение Ардашира окутано легендой, очень схожей, но еще более фантастической, чем легенды о Кире и первом аршакидском царе. Весьма возможно, что при Ардашире парфянские — или, скорее, восточноиранские — эпические сказания, задолго до этого проникшие в Персиду, были известны менестрелям так же хорошо, как и местные сказания. Жрецы Персиды старались примирить между собой различные культы и обряды — так готовилась почва для будущей зороастрийской церкви сасанидского государства. После того как власть Сасанидов утвердилась, возникла необходимость широко прокламировать легитимизм, законность династии; так родилась версия о Сасанидах как прямых потомках ахеменидских царей, правителей великой империи седой древности. Жрецы, которые умели писать, были заняты делами веры, так что легендарную историю

---

[97] Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden. Aus der arapersane d'Abou-'Ali Mo'hammed Bel'ami, d'après les manuscrits de Paris, Ergänzungen versehn von Th. Nöldeke, Leyden, 1879, стр. 4; Chronique de Abou-Djafar-Mo'hammed-ben-Djarir-ben-Jezid Tabari, traduite sur la version persane d'Abou-'Ali Mo'hammed Bel'ami, d'après les manuscrits de Paris, de Gotha, de Londres, et de Canterbury par H. Zotenberg, t. II, Paris, 1869, стр. 67.

Мнение С. Викандера (S. Wikander, Der Arische Männerbund, Lund, 1938, стр. 105), что **vazrang* представляет собой титул с тем же самым окончанием, что и *kanārang* (см. прим. 60 к этой главе) — «хранитель границы», неубедительно, поскольку тогда мы должны понимать этот титул как «держатель *(или* хранитель) *vaz'a*», что не дает смысла. Личное имя, вроде *Wydrng* в арамейских документах из Элефантины,— более правдоподобное сопоставление. Следует попутно напомнить, что курдское племя Рам-Базинджан в Фарсе считает себя происходящим от Базранга.

[98] Ср.: A. Simonetta, An essay on the so-called «Indo-Greek» coinage,— «East and West», VIII, 1957, стр. 49; последние буквы в монетной легенде не совсем ясны: *sasou(?)* — в греческой, *sasasa(?)* в легенде кхароштхи. Попытка Э. Херцфельда объяснить это имя как военный титул *sastar* неубедительна (E. Herzfeld, AMI, Bd VIII, 1936, стр. 23, прим. 3).

происхождения новой династии пришлось слагать менестрелям Персиды. Им предстояло ввести в эпос сказания о возвышении Сасанидов — задача не особенно трудная, поскольку и досасанидская история Ирана была запечатлена в героическом эпосе, а не в документах и хрониках. Историзм появляется в Иране только после Ардашира, проникая даже в эпос. Это знамение времени — сама жизнь иранцев становится более прозаичной и упорядоченной. Многие черты рыцарской героической культуры Парфянского царства продолжают сохраняться, но это не может скрыть от нас главного, что определяет новую эпоху: представление о единстве нации. В этом переплетении старого и нового проявилась поразительная преемственность иранских традиций.

НАСЛЕДНИКИ АХЕМЕНИДОВ

Ардашир и исторический цикл

Для персов подлинная история начинается с династии Сасанидов. Все, что произошло до воцарения Ардашира, помнили смутно — героический век, почти легендарный. Но это не означает, что для сасанидского периода мы полностью избавлены от мифов, что все известно и все — правда. И для этого времени, гораздо лучше освещенного источниками, многое остается неясным, и нередко трудно отделить реальные события, то, что происходило в действительности, от вымысла, от того, что, по мнению людей, должно было происходить. Предание о возникновении династии Сасанидов, подобно легендам о Кире и Аршаке, следует эпическим образцам.

В среднеперсидском сочинении «Карнамак-и Ардашир» («Книга деяний Ардашира») рассказывается, что Сасан был пастухом царя Папака, правившего в городе Истахре близ Персеполя. Сасан происходил от Ахеменидов, но хранил это втайне до тех пор, пока Папак не увидел сон, предсказывавший, что сын Сасана будет править миром. Тогда Папак отдал свою дочь в жены Сасану, и от этого брака родился Ардашир. Этот рассказ повторен Фирдоуси в «Шах-наме» и, очевидно, считался заслуживающим доверия. Агафий («История», II, 27), живший в VI в., приводит несколько измененную версию этого же рассказа. Папак был, согласно Агафию, звездочетом, а Сасан — воином, остановившимся в его доме. Распознав в Сасане признаки величия, Папак свел его со своей женой, в результате чего родился Ардашир. Много позже, когда Ардашир был царем, спор между двумя старцами удалось уладить таким образом, что Ардашир стал именоваться сыном Папака, но происходящим из семени Сасана.

По другой традиции, сохраненной Ибн ал-Асиром (I, 272) [1], Евтихием (л. 65б) [2] и другими авторами, Сасан был мелким правителем в Парсе, Папак — его сыном, а Ардашир — внуком. Такая генеалогия принята в настоящее время большинством исследователей, особенно после открытия знаменитой трехъязычной надписи Шапура I на «Ка'бе Зороастра»; по своему значе-

[1] Ibn-el-Athiri, Chronicon quod perfectissimum inscribitur, ed. C. J. Tornberg, vol. I—XIV, Upsaliae et Lugduni Batavorum, 1851—1876.

[2] Eutychii Patriarchae Alexandrini, Annales. Pars prior, ed. L. Cheikho, Beryti [—Paris], 1906 (Corpus scriptorum christianorum orientalium, Scriptores arabici, ser. III, t. VI).

нию эта надпись не уступает Бехистунской надписи Дария I[3]. В надписи на «Ка'бе Зороастра» (мы будем ее в дальнейшем обозначать KZ) Сасан, однако, носит лишь титул «владетель» (*MR'H̤Y*, в парфянской версии *ḥwtwy*) и выступает, очевидно, в качестве предка, без уточнений степени родства. Папак в KZ, как и в других надписях, определенно назван дедом Шапура I. В KZ приведено и имя матери Папака — Денак, но не указано, была ли она женой Сасана, равно как и Сасан нигде не назван дедом Ардашира. Таким образом, даже надписи не позволяют точно установить степень родства между Сасаном и Папаком.

В сирийской хронике Арбелы сообщается, что при Вологезе IV (около 191—207 гг.) парфяне сражались с персами; далее в этом же источнике говорится: «В прежние времена персы пытались свергнуть парфян; много раз они бросались в бой, но терпели поражение»[4]. В хронике также говорится, что позднее персы и мидяне заключили союз с царями Адиабены и Киркука и в результате смогли сокрушить парфян. Год и обстоятельства поражения и гибели Артабана V, противника Ардашира, неясны; обычно приводится 224 или 226 г. Однако монеты последних аршакидских царей путают карты: судя по этим монетам, после длительного совместного правления Вологеза V (207—227?) и Артабана V (213—224?) следовало совместное правление Вологеза V с Артаваздом, сыном Артабана V, царствовавшим только один год (226—227)[5]. Сопротивление Аршакидов не прекратилось со смертью Артабана V, а потому можно предполагать, что монеты последних Аршакидов продолжали чеканиться от имени Артабана V даже после победы над ним Ардашира. Это событие, на основе сопоставления источников, может быть датировано, скорее всего, апрелем 224 г.

Титулы, приводимые в надписях сасанидских царей, позволяют проследить процесс расширения их государства. Как уже отмечалось, Сасан упоминается только как «владетель», но Папак уже носит титул «царь», Ардашир — «царь царей Ирана», а Шапур — «царь царей Ирана и не-Ирана». Примером того, как легко сделать неправильные выводы при толковании надписей, служит употребление в KZ слова *bgy*, буквально «бог», при упоминании Папака, тогда как Ардашир и Шапур в этой над-

---

[3] Эта надпись содержит три версии — греческую, парфянскую и среднеперсидскую. Последний перевод надписи принадлежит покойному А. Марику — A. Maricq, Res gestae Divi Saporis,— «Syria», t. XXXV, 1958, стр. 295—360 (приведена библиография). Иноземные авторы, писавшие о Сасанидах, обычно очень враждебны к ним, в отличие от Геродота и его современников, для которых древние персы были просто чужеземцами.

[4] E. Sachau, Die Chronik von Arbela, стр. 56, 60.

[5] B. Simonetta, Vologese V, Artabano V e Artavasde: una revisione di fatti e di ipotesi,— «Numismatica», t. XIX, 1953, стр. 1—4.

писи наделены эпитетами «поклоняющийся Мазде, бог». Это различие могло бы привести к предположению, что Папак придерживался иной веры или не был столь ревностным маздаяснийцем, как его сын и внук. Однако формула, включающая в себя только *bgy*, встречается и в более поздних надписях из Так-и Бустана, так что опущение слова *mzdysn* «поклоняющийся Мазде» при имени Папака в KZ не дает права на далеко идущие заключения. Выражение «род (или «происхождение») которого от богов» должно объясняться как сохранение селевкидской, а может быть, даже и ахеменидской формулы; термин *bgy* «бог» в приложении к правителю в придворном протоколе того времени соответствовал, очевидно, выражению «ваше величество».

Для установления даты смены династии в Парсе мы, к счастью, располагаем надписью на вотивной колонне из Бишапура, составленной на парфянском и среднеперсидском языках. Текст ее гласит: «В месяце фравардин года 58, сорок лет огня Ардашира, двадцать четыре года огня Шапура, [а этот огонь] — царь огней»[6]. На оборотной стороне сасанидских монет вплоть до правления Шапура II мы имеем арамейское (гетерографическое) обозначение *NWR' ZY* «огонь (такого-то)»; позднее это же обозначение пишется по-ирански (*'twry*) — вплоть до Ездигерда II (439—457), после которого такая надпись на монетах больше не встречается. Каждый царь имел свой огонь, зажигавшийся в начале его царствования; этот огонь поддерживался в переносном алтаре (вроде тех, что изображены на монетах), о чем сообщают армянский автор Себеос, Аммиан Марцеллин и другие источники. Огонь Шапура в надписи из Бишапура назван «царем огней», очевидно потому, что он был отождествлен с «огнем Гушнаспа» воителей; последний позднее носил название «победоносный царь огней» (*Карнамак,* X, 16 — текст не вполне ясен). Не исключено, однако, что «царем огней» именовали просто огонь правящего царя[7]. Всту-

[6] R. Ghirshman, Inscription du monument de Chapour I-er à Chapour,— «Revue des Arts Asiatiques», t. X, 1937, стр. 123; немецкий перевод — O. Hansen, Epigraphische Studien,—ZDMG, Bd 92, 1938, стр. 441—442. Дата этой надписи должна приходиться на 263 или 266 г. Первый год Ардашира начинался в конце 223 или 226 г.; первый год сасанидской эры (первая из дат, упомянутых в этой надписи) — 205 либо 208 г., когда Папак пришел к власти или поднял восстание против владычества парфян (см. прим. 8 к этой главе). Следует заметить, что Аршакиды также, по-видимому, имели свои царские огни — об этом свидетельствует одна печать из Нисы.

[7] Примечательно, что каждый из огней Варахрана (Бахрама), согласно среднеперсидскому «Бундахишну», основывался «правителем» (*dahyupat,* см.: The Bûndahishn, ed. by the late E. T. D. Anklesaria, Bombay, 1908, стр. 127—128). Из этого, однако, не вытекает, что каждый правитель обязательно учреждал свой собственный огонь. Ср: S. Wikander, Feuerpriester, стр. 14, 157.

пление на престол и коронация на древнем Востоке обычно были разделены во времени. Даты этих событий ни для Ардашира, ни для Шапура точно неизвестны. В Бишапурской надписи представлены три даты: начала сасанидской эры, вступления на престол Ардашира и вступления на престол Шапура. Большие споры вызвали даты воцарения и коронации Шапура; первый год его правления начинался, скорее всего, в конце 239 г. или в 241 г.[8]. Упоминавшиеся выше монеты Артабана V и Вологеза могут указывать на 241 г., но вряд ли им следует придавать решающее значение[9].

Если Папак действительно являлся главой храма Анахиты в Истахре до того, как он стал царем, то позднее он и в особенности его сын Ардашир были поглощены совсем иными делами, хотя и тот, и другой могли сохранять сан «главы храма». Двор Папака был невелик; наиболее значительные фигуры этого двора перечислены в надписи KZ с указанием их имен и титулов, причем только один титул — «мажордом» (*'dnyk*) лишен религиозной окраски; это позволяет считать, что Папаку принадлежало небольшое владение, не требовавшее громоздкого аппарата управления. После того как Ардашир становится «царем царей Ирана», преемником парфянского могущества, положение меняется.

Надпись KZ показывает, что Ардашир унаследовал феодальную иерархию Аршакидов. Список придворных Ардашира составлен в соответствии с определенным протоколом. В начале списка мы находим четырех могущественных царей Восточного Ирана, три из которых по воле случая носят то же имя, что и сам царь царей. Первым в списке стоит царь Хорасана, «верхней страны» — родины поверженных парфян. Следующим назван Ардашир, царь Мерва. Можно, казалось бы, предполагать, что Ардашир назначал прежде всего своих родственников или ближайших друзей управлять областями только что созданной державы, особенно областями Восточного Ирана. Однако нам неизвестно, состояли ли в родстве с Сасанидами цари, открывающие список двора. После них в списке упомянуты цари Сеистана и Кермана, оба они носят имя Ардашир. Второй из них, согласно Табари, был сыном царя царей. По-видимому, «царства», которые входили ранее в состав Парфянского госу-

---

[8] W. B. Henning, The dates of Mani's life,— AM, NS., vol. VI, pt 1, 1957, стр. 119.

[9] A. Maricq, Res Gestae, стр. 344—348. А. Марик дает здесь хороший обзор различных мнений и доводов, однако его вывод о том, что поздние даты более правдоподобны, чем ранние, не кажется убедительным. Ситуация напоминает дискуссию о дате Канишки — в обоих случаях для решения необходимы новые источники.

дарства и были покорены Ардаширом в результате военных походов, передавались приближенным царя царей. Иной была, очевидно, судьба «царств», сдавшихся на милость сасанидского монарха,— их правители остались в своих владениях на правах вассалов.

В надписи упоминаются три царицы: видимо, мать царя, бабка и сестра царя — «царица цариц»[10]. Затем следуют питиахш (*btḫšy*) Ардашир и хилиарх (*ḫz'rwpt*) Папак. Судя по их именам и высоким титулам, оба они, очевидно, должны быть членами сасанидского рода. Первый из них, по всей вероятности, был чем-то вроде помощника царя. Сходный титул — *pitiaxši* — в более ранний период известен для Грузии, где он прилагался к очень крупному сановнику, уступавшему по значению только самому царю[11]. При первых Сасанидах роль питиахша, очевидно, уменьшилась; руководство гражданскими и военными делами империи было поделено между питиахшем и хилиархом.

Следующее место в списке двора Ардашира занимают главы крупных феодальных парфянских родов, причем первым назван новый, не известный ранее род Вараза. Этот род происходил, вероятно, из Северного Ирана — имя Вараз часто упоминается в связи с Арменией или Азербайджаном[12]. Вторым среди родовой знати назван представитель знаменитого дома Суренов, третьим — владетель Андегана (или Индегана), также феодального удела[13]. Далее упомянуты два представителя хорошо из-

---

[10] При Ардашире «царицей цариц» была, по-видимому, его сестра (родная или сводная) Денак. У Шапура не было сестер и при нем «царицей цариц» стала его дочь Адур-Анахит. Этот обычай у Сасанидов мог возникнуть из сочетания эллинистической (лучше всего известна у Птолемеев) традиции царских браков между братьями и сестрами и практики кровнородственных союзов, которые поощрялись зороастрийской религией.

[11] См. прим. 57, 62 к главе 5. Хорошую сводку данных о титуле **bitaxš* можно найти у B. Metzger, A Greek and Aramaic inscription discovered at Armazi,— JNES, vol XV, 1956, стр 21 (приведена библиография). Следует также учесть толкование, предложенное А. Пальяро (см. прим. 84 к главе 3, а также выше, стр. 144, 266), согласно которому этот титул происходит от ахеменидской должности «око царя». Выдвигались и другие этимологии; попытки интерпретации этого титула как «второй (после царя)» вызывают сомнения.

[12] См. имена собственные, приведенные у: F. Justi, Iranisches Namenbuch, Marburg, 1895, стр. 349. В последний период правления Сасанидов имя *Varaz*, означающее «вепрь», часто встречается в Восточном Иране, где оно может относиться к ветви того же рода, связанной с эфталитами. Я не убежден, что все сложные имена с компонентом *varaz*, которые приводит А. Кристенсен (A. Christensen, L'Iran sous les Sassanides, 2-me éd., Copenhague, 1944, стр. 410), являются почетными званиями.

[13] Род Андеган также хорошо известен (F. Justi, Iranisches Namenbuch, стр. 16), хотя мы не знаем, где находился первоначальный центр владений этого рода. Выражение «владетель *Andīgān*» может привести к заключе-

вестного рода Каренов, за ними следует имя, встречающееся в надписи еще раз,— Апурсам, носящий почетный эпитет «слава Ардашира». Владетель области, примыкающей к горе Демавенд, и представитель рода Спахпатов заключают перечень родов[14].

Глава писцов, начальник арсенала и другие должностные лица, а также вельможи, титулы и звания которых не названы, дополняют список придворных Ардашира. В надписи сообщается, что в их честь совершались жертвоприношения перед алтарями огня, установленными Шапуром I в Накш-и Рустаме[15]. В целом двор Ардашира показывает, что процесс централизации державы не завершился, а система административного управления еще не была упорядочена — черты, характерные и для Парфянского царства. Ардашир осваивал наследие парфян и сохранял их институты. Ранние монеты Ардашира следуют чекану Митридата II, но происхождение разнообразных корон, которые, судя, по монетам, носили первые сасанидские цари, остается неясным[16]. При исследованиях раннесасанидской иконографии, как в других случаях, следует удерживаться от соблазна наделять культовым или религиозным значением каждый элемент изобразительного искусства, да и вообще древнего искусства. Связи искусства с религиозными верованиями для древности несомненны, но их роль и значение нельзя преувеличивать.

нию, что *Andīgān* было названием племени, которое располагалось на побережье Персидского залива (см.: W. B. Henning, A farewell to the Khagan of the Aq-Aqatārān,— BSOAS, vol. XIV, 1952, стр. 510). Название этого рода упоминается, по-видимому, и в других источниках, например, *Hnduk* у Мосеса Дасхуранци (C. Dowsett, The history of the Caucasian Albanians, London, 1961, стр. 92, где приведены варианты написаний этого названия). Ср. также *Beth Hendoye* в «Житиях персидских мучеников» (O. Braun, Ausgewählte Akten persischer Märtyrer, München, 1915, стр. 275).

[14] Апурсам был, вероятно, уважаемым наставником или советником юного Ардашира, но не первым министром, как мы знаем эту должность позднее. О. Клима предложил понимать почетный эпитет, который носит Апурсам в KZ, как «друг (Ардашира)», сопоставляя его с «друзьями царя» эллинистического периода (O. Klima, Iranische Miszellen,— AO, t. 26, 1958, стр. 610). Такое толкование кажется возможным. О роде Спахпатов (или Аспахпатов) см.: J. Marquart, Ērānšahr, стр. 71—72; о владетелях Демавенда см.: W. Eilers, Der Name Demawend, I,— AO, t. 22, 1954, стр. 268.

[15] Неясным остается титул *m'dknpt*, «глава *maygan*» — «дворецкий» или «главный эконом», как полагает Марик (Res Gestae, стр. 324—325, прим. 10). Я предлагал ранее понимать этот титул как «начальник бессмертных», то есть «начальник гвардейцев (царских телохранителей)», но все это не более чем гипотезы. Не связан ли этот титул с *maipet* армянских источников (последний вряд ли «владетель Мидии»)?

[16] Р. Гёбль (R. Göbl, Investitur im sasanidischen Iran,— WZKM, Bd 56, 1960, стр. 37 и сл.) связывает сасанидскую корону в виде головы орла с культом Анахиты; другие считают такой головной убор характерным для царевича-наследника.

Позднесасанидская традиция, сохраненная главным образом арабскими источниками, относит создание почти всех институтов сасанидской церкви и государства ко времени Ардашира. В этой традиции Ардашир выступает как правитель, который возродил и восстановил как древнеперсидскую империю со всеми ее учреждениями, так и религию Зороастра, находившуюся в забвении при эллинистических царях и парфянах. Апурсам, приближенный Ардашира, был, согласно традиции, первым министром (*vuzurg framadar*), а Тансар — первым главным мобедом (возможно, это неверная передача имени Тосар, которое встречается в составе патронима в стк. 59 среднеперсидской версии KZ: *Mtrky ZY twsk'n*). Стремление поздних Сасанидов приписать древнее происхождение многим учреждениям объясняется, видимо, тем, что они хотели придать больший вес новым установлениям, объявляя их далеко не новыми, а ведущими начало от основания империи и лишь на время забытыми. Возрождение древности при Хосрове I хорошо известно; именно в правление Хосрова с именем Ардашира связывали основание всех сасанидских институтов. Арабский автор Мас'уди приписывает Ардаширу не только введение некоторых должностей, но и разделение общества на сословия, что совершенно невероятно [17].

По надписи KZ мы можем также судить о границах державы Ардашира. Основываясь на мусульманских и других источниках, ученые предполагали, что Ардашир восстановил на востоке пределы ахеменидской империи, включая Пенджаб, и добился успеха и на западе, потеснив римлян. Однако те же источники сообщают, что Ардаширу пришлось много воевать для упрочения своей власти, особенно в Армении, где сопротивление было особенно сильным. В надписях Ардашир именуется «царем царей Ирана», а не «царем царей Ирана и не-Ирана»; отсюда следует, что границы его державы почти не выходили за пределы Эраншахра, который, конечно, включал Месопотамию, но никак не Армению (это показывает надпись из Пайкули, стк. 8). Кушанское царство на востоке также вряд ли вошло в число владений Ардашира. Этот вывод противоречит на первый взгляд сообщению Табари, согласно которому цари кушан, Турана и Мекрана после побед Ардашира на востоке явились к нему и выразили свою покорность [18]. Очевидно, что при Ардашире они находились на положении вассалов. Лишь при Шапуре I цар-

---

[17] Maçoudi, Les Prairies d'or. Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille, t. II, Paris, 1873, стр. 153.

[18] Табари, пер. Нёльдеке (см. прим. 97 к главе 5), стр. 17. [Ср.: В. Г. Луконин, Завоевания Сасанидов на Востоке и проблема кушанской абсолютной хронологии,— ВДИ, 1969, № 2, стр. 20—44.]

ство кушан и другие области были действительно включены в состав сасанидской империи, хотя о войнах, которые вел Шапур на востоке, источники говорят очень мало. Власть Ардашира на востоке была непрочной; он одержал несколько побед над союзниками Аршакидов, но подлинные завоевания произошли лишь при его преемниках.

Завоевания Шапура

Сасанидские цари поощряли развитие городов — черта, не свойственная их предшественникам Аршакидам. Два первых властителя из дома Сасана были наиболее активными градостроителями, и большинство городов, носивших царские имена (см. карту), основаны или переименованы Ардаширом и Шапуром. Смешение древних местных, эллинистических и сасанидских названий городов нередко затрудняет их идентификацию.

Соседи персов склонны были поначалу считать, что смена династии в Иране не затрагивает их интересов, но Сасаниды скоро сумели показать и римлянам, и кушанам, что новое государство стремится к захватам и что войны неизбежны. В последнее столетие правления парфян римляне одержали немало побед над Ираном, но уже при Ардашире наметился перелом, а завоевания Шапура I определенно изменили соотношение сил в пользу Ирана. Мы много знаем о войнах Шапура с Римом; это были блестящие кампании. Надпись Шапура на «Ка‘бе Зороастра» — важнейший исторический документ и одновременно гимн в честь побед над Римом. Некоторые исследователи, принимая на веру каждое слово этой надписи, относящееся к битвам с римлянами, отрицают все другие завоевания Шапура, поскольку они в этой надписи не упомянуты. Однако в другой надписи на той же «Ка‘бе Зороастра», которая была высечена по распоряжению Картира, важного религиозного деятеля, говорится о походах в Закавказье. Завоевания в Восточном Иране раздвинули границы империи Шапура вплоть до Индии, хотя и не исключено, что часть этих завоеваний приходится на конец царствования Ардашира.

Надпись Шапура на «Ка‘бе Зороастра» сообщает о трех походах против римлян. Первый из них — в начале его царствования, когда Гордиан выступил против Шапура, но потерпел поражение и погиб. Римским императором стал Филипп Араб, заключивший мир с Шапуром. Вторая кампания окончилась разгромом шестидесятитысячной римской армии, после чего персы опустошили Сирию и Каппадокию, захватили Антиохию на Оронте и много других городов. В ходе третьей войны был раз-

бит и взят в плен император Валериан; Шапур снова вторгся в Сирию и в восточную часть Анатолии. Другие источники сообщают, что во время третьей войны царь Пальмиры Оденат атаковал и разбил персов, захватив значительную часть их добычи — персы находились уже на пути домой. Первая и третья войны Шапура могут быть датированы 243—244 и 259—260 гг.; ход этих войн освещен не только в KZ, но и в других источниках. Проблемы датировки второй кампании возникли в связи с раскопками в Дура-Эвропос. Как показывают данные раскопок, эта пограничная крепость римлян на Евфрате была захвачена в 253 г. персами, которые удерживали ее в течение нескольких месяцев. Вторично город попал в руки персов в 256 г., когда Шапур атаковал, а затем уничтожил город. Возник вопрос, какая из этих дат относится ко второй войне Шапура? Под походом на Ближнем Востоке с давних времен понимали военную кампанию, длящуюся не более одного года. Может показаться, что вторая война Шапура растянулась на несколько лет, включая годы 253 и 256,— так я и предположил в одной своей работе [19]. Однако более тщательное изучение всех данных убедило меня, что такое предположение маловероятно и что 256 г.— дата второй войны. В 253 г. персы произвели лишь набег на Дура-Эвропос, не упомянутый в надписи KZ.

Пленение Валериана было беспрецедентным событием, и Шапур позаботился о том, чтобы оповестить мир — об этом событии сообщают его надпись и наскальные рельефы в Бишапуре и Накш-и Рустаме. Эти рельефы вызвали много споров, но кажется весьма вероятным, что они являются своеобразной иллюстрацией к надписи KZ, так что три римлянина, изображенные на рельефе в Бишапуре, это три римских императора: Гордиан, Филипп и Валериан [20]. Среди пленных, захваченных Шапуром в войнах с римлянами, было много ремесленников. В Антиохии в плен попал епископ, которого Шапур вместе с его паствой переселил в Хузистан. Город Гундешапур («лучшая Антиохия Шапура») был заселен пленными-римлянами, а плотина Кесаря в Шуштере — создание их рук. Пленных также поселили в Парсе, Парфии, Хузистане и в других местах (по свидетельству KZ, стк. 16 парфянской версии), и они, по всей вероятности, составляли ядро сложившихся позднее в Иране христианских общин.

Укрепленный город Хатра, не раз отражавший атаки римлян, был вынужден сдаться Шапуру, очевидно во время его

[19] «Bibliotheca Orientalis», Jahrg. 8, 1951, стр. 103—106 (приведена библиография). Сводку сообщений источников о взятии персами Антиохии см.: G. Downey, A history of Antioch, Princeton, 1961, стр. 587—595.

[20] B. C. Makdermot, Roman Emperors in the Sassanian Reliefs,— «Journal of the Roman Studies», vol. XLIV, pt 1—2, 1954, стр. 76—80.

второй кампании. Завоеваниями Шапура можно объяснять разрушение и запустение таких городов, как Хатра, Ашшур, Дура-Эвропос, а также ряда других, что неизбежно должно было изменить облик областей на римско-иранской границе и в конечном счете нарушить некоторые торговые пути. Немало способствовали этому и сами римляне, когда в 272 г. император Аврелиан захватил и разрушил Пальмиру, в которой правила царица Зенобия. Начиная с этого времени Рим (позднее — Византия) и Сасаниды поддерживают систему пограничных буферных государств и владений [21].

Шапур одерживал победы не только над римлянами, но и на севере, в Закавказье, и, вероятно, на востоке. Согласно KZ, сасанидская держава включала «Туран, Макуран, Парадан, Индию и Кушаншахр вплоть до Пешкабура и до Каша, Согда и Чача». Это место в надписи привлекло внимание нескольких ученых. Мне кажется, что его следует понимать таким образом, что первоначально к империи был присоединен Туран, включавший почти всю область Келат в современном Пакистане. Возможно, что существует какая-то связь между Тураном, упомянутым в надписи, и Тураном — традиционным врагом Ирана в эпосе. Сейчас, когда мы знаем, что многие эпические циклы происходят из соседнего с Тураном Сеистана, такого рода предположение кажется вероятным. Не исключена также возможность, что царство Туран было создано выходцами из Средней Азии. Далее в надписи упомянут Макуран, который легко идентифицируется. Затем идет Парадан, его локализация остается проблемой, поскольку в источниках нет точных данных об этой области. Мне кажется, что Парадан мог находиться либо в Арахосии, либо в устье Индра, но не в Гедросии [22]. Под

[21] Римская линия пограничных укреплений в Сирийской пустыне хорошо известна. Гораздо меньше сведений о сасанидских крепостях и сторожевых постах на границе с Римом. Ср.: H. S. Nyberg, Die sassanidische Westgrenze und ihre Verteidigung,— «Studia Bernhardo Karlgren Dedicata», Stockholm, 1959, стр. 316—326.

[22] Насколько известно, последняя попытка локализовать Парадан принадлежит Э. Херцфельду (E. Herzfeld, Paikuli. The monument and inscriptions of the early history of Sassanian Empire, vol. I, Berlin, 1924, стр. 230), который проанализировал все прежние попытки идентификации этой области и пришел к выводу, что Парадан (греч. *Paradēnē*) следует локализовать в районе Сурата, к северу от Бомбея. Этот вывод вызывает сомнения — вряд ли в надписи речь может идти о Сурате, находящемся так далеко на востоке. Помимо упоминания Парадены в Гедросии у Птолемея, известна область Паразена на реке Гильменд (см.: K. Miller, Itineraria Romana, Stuttgart, 1916, стр. 787; Ravennas Anonymous Cosmographia, transl. by J. Schnetz, Uppsala, 1951, стр. 24), а также Парайтакена — обычное во многих источниках название бассейна Гильменда. Известен далее город Парти в Синде, упомянутый у Козьмы Индикоплава (ed. E. O. Winstedt, Cambridge,

Индией или Хиндустаном обычно понимается долина реки Инд, но я подозреваю, что в надписи речь идет только о районе по верхнему течению этой реки, к северу от современного Суккура в Пенджабе. Когда этот район оказался в подчинении Сасанидов, точно неизвестно.

Кушанская империя в это время уже пережила пору своего расцвета и, по мнению некоторых нумизматов, была расколота по крайней мере на две части — Бактрийское и Индийское царства. Соблазнительно предположение, что в надписи Шапура, где даются границы империи, речь идет лишь о рубежах северного Кушанского царства, которое, потерпев поражение, подпало под власть Шапура. Ведь нет данных о том, что сасанидские войска действительно достигали пределов Пешавара, Кашгара, Согдианы и Чача (Ташкента). До сих пор нельзя считать доказанным, что Пешкабур в надписи действительно соответствует современному Пешавару; ясно, что в любом случае речь идет об области или княжестве, а не о городе. Эта область могла либо ограничиваться Пешаварской равниной к востоку от современного Хайберского прохода, либо, что более вероятно, в нее входили все долины древней Гандхары, в том числе и район современного Джалалабада. Кашгар несомненно означает царство, которое могло простираться и на Западный Туркестан, и на районы к северу от Амударьи; не исключено, однако, что надпись имеет в виду действительные или мнимые пределы Кушанского царства до его границ с Кашгаром, понимая под последним сравнительно небольшое владение в Восточном Туркестане. Я склоняюсь в пользу именно такой точки зрения, поскольку Согдиана и Чач были государствами, основное ядро которых составляли соответственно Зеравшанская и Ферганская долины. Иными словами, теоретически, если не в действительности, в пределы Кушаншахра должны были входить часть горного Памира и современного Таджикистана. Скудные археологические материалы и сведения китайских источников не противоречат такому мнению.

Итак, на северо-востоке Ардашир и Шапур (или только Шапур) добились подчинения Кушанского государства. Самым удачным решением вопроса было бы отнести первое поражение и подчинение кушан ко времени Ардашира, а включение Кушаншахра в состав сасанидской империи датировать правлением Шапура. По всей вероятности, Мервский оазис при Шапуре,

---

1909, стр. 322). Я не думаю, что вся Арахосия входила в состав Кушаншахра, районы нижнего Инда также не были под властью кушан, однако все эти территории, вероятно, были завоеваны Сасанидами. Необходимо учитывать, что имеющиеся данные не противоречат любому из предложенных отождествлений Парадана, хотя ни одно из них нельзя считать доказанным.

как и позже, был военным форпостом Сасанидов на востоке, и все, что лежало за ним, относилось уже к «не-Ирану». Раскопки Каписы (городище Беграм), к северу от Кабула, не дали окончательного ответа на вопрос о том, к какому времени следует отнести разрушение этого города. Некоторые данные указывают, что это, по-видимому, произошло еще до Шапура. Основным источником для суждения о восточных пределах империи Шапура остаются надписи. Из надписи KZ явствует, что бо́льшая часть Закавказья входила в состав сасанидской державы при Шапуре. Надпись Картира на той же «Ка'бе Зороастра» сообщает (стк. 12), что «страну Армению, Грузию, Албанию и Баласаган, вплоть до Албанских Ворот, Шапур, царь царей, со своими конями и людьми разграбил, сжег и опустошил»[23]. Это показывает, что Шапур не унаследовал эти земли от отца, а завоевал их сам. Примечательно, что для Картира все эти земли относятся к «не-Ирану» (*Anērān*). Шапур, таким образом, восстановил границы ахеменидской империи, и персы вновь стали господствовать над народами «не-Ирана». Однако Шапур, в отличие от Дария I, не был великим реформатором и организатором — почти во всем он шел по пути, проложенному парфянами, предшественниками Сасанидов. Главным новшеством явилось создание государственной церкви, о которой нам предстоит еще сказать ниже.

Список вельмож двора Шапура в надписи KZ гораздо более обширен и пестр, чем список придворных его отца. По данным этой надписи и по другим эпиграфическим памятникам можно составить представление о придворном протоколе и основных слоях сасанидской знати. В двуязычной (парфянской и среднеперсидской) надписи из Хаджиабада Шапур рассказывает о том, как он выпустил стрелу из лука в присутствии владетелей (*šahrdār*, то есть царей стран, входивших в состав сасанидской империи), принцев (*BR BYT'* или *vispuhr*), великих вельмож (*vazurkān*) и малых вельмож (*āzātān*). В надписи Нарсе из Пайкули упоминаются «персидские и парфянские принцы, великие и малые вельможи», что указывает на особое положение, которое занимала в державе не только персидская, но и

[23] В этом переводе нуждаются в пояснениях четыре названия: Грузия, Албания, Баласаган и Албанские Ворота. Для первого в надписи выступает *wlwč'n* (Варучан) — Иберия, которая могла включать в себя не все районы современной Грузии. Албания представлена в этой надписи в написании *'l'ny*, хотя речь идет не об аланах; точно так же «Ворота Албанов», т. е. Дербентский проход, не следует смешивать с «Воротами Аланов» — Дарьялом, хотя написание (*'l'n'n BB'*) может привести к такой путанице (см.: M. L. Chaumont, L'inscription de Kartīr à la «Ka'bah de Zoroastre»,— JA, t. CCXLVIII, 1960, стр. 361). Название Баласаган прилагалось к побережью Каспийского моря к югу от Дербента, включая Муганскую степь.

парфянская знать (вспомним о привилегиях мидян и персов в государстве Ахеменидов). При дворе Шапура, как и при дворе Ардашира, еще не вполне сложилась иерархия высшего чиновничества, столь характерная позже для сасанидской империи; не было, например, должностей первого министра и главы жрецов. Функции большинства должностных лиц, перечисленных в надписи, нам неизвестны; некоторые особенности списка KZ позволяют заключить, что сасанидский двор при Шапуре мало чем отличался от аршакидского двора. Несколько неожиданно присутствие в этом списке семи сатрапов (наиболее позднее упоминание этого титула в источниках), стоявших во главе областей или городов, по названиям которых именовались области. Сатрапии подчинялись непосредственно царю и центральной власти, а потому существовали только в Западном Иране. Области делились на территориальные округа, но, очевидно, не было единой системы административного устройства, обязательной для всей империи.

Хотя и принято считать, что при Сасанидах в наибольшей мере проявилась иранская реакция на эллинизм, тем не менее при Шапуре в Иране — в последний раз — пользовались греческим языком для царских надписей; покровительство Шапура греческим философам и ученым отражено в позднейших персидских сочинениях. Мозаики Бишапура, нового города Шапура в Фарсе, в которых сильно сказывается западное влияние, нельзя считать творениями одних только римских художников и ремесленников, попавших в число военнопленных[24]. Можно предположить, что при Шапуре влияние греческой культуры в Иране вновь оживает, но его возрождение было очень кратковременным и не пережило Шапура.

По мере расширения империи увеличивался ее бюрократический аппарат, но и здесь можно наблюдать преемственность древних традиций. Из нескольких источников известно, что царские печати не рассматривались как личные и использовались разными должностными лицами, как это было и прежде. Как и в селевкидское время, на официальных сасанидских печатях мы не находим изображений — только надписи или монограммы. Изображения божеств, портреты людей или фигуры животных помещались лишь на личных печатях. Официальная печать служила, очевидно, важной прерогативой должности. Позднее на печатях появляются изображения жрецов — мобедов и других представителей зороастрийского духовенства, а также светских

[24] R. Ghirshman, Bîchâpour, vol. II. Les mosaiques sassanides, Paris, 1965 (Musée de Louvre, Département des antiquites orientale. Série archéologique, t. VII).

чиновников. Печатями пользовались для всевозможных сделок и религиозных постановлений — всюду, где требовалось удостоверить подлинность документа или скрепление его подписями. Печати и их оттиски дают ценные сведения о географической номенклатуре и должностях сасанидской державы[25]. Наряду с печатями следует упомянуть инсигнии — гербы или эмблемы, которые носили представители знатных родов в качестве знаков отличия. Многие из них представляют собой стилизованные монограммы или аббревиатуры, но в целом сасанидская геральдика — особая и сложная тема, до сих пор еще малоизученная. Инсигнии встречаются уже в парфянское время; весьма интересно сопоставление эмблем или гербов на головных уборах кушанской знати в скульптурных изображениях из Матхуры со знаками на кулахах вельмож из свиты Шапура, которые представлены в скальных рельефах Накш-и Раджаба, близ Персеполя (рис. 115). Появление в Иране все новых титулов и почетных званий, столь характерное для истории сасанидской державы, может быть отмечено и позднее, вплоть до XII в. Византийские авторы, как и позднейшие европейские путешественники, постоянно путали иранские имена собственные с обозначениями должностей, титулами и почетными званиями[26].

Структура иранского общества при первых Сасанидах, по всей вероятности, была унаследована от Аршакидов. Деление на сословия, социальные и профессиональные группы свойственно многим обществам Ближнего Востока, так что индийские касты и сословия иранцев-зороастрийцев не являются исключениями. Страбон (XI, 501) говорит о четырех «разрядах» людей в Иберии (Грузии): высшая знать, жрецы, воины и простой народ, причем отмечает, что «имущество у них общее в роде, заведует и хранит каждое имущество старший». Когда зороастрийская церковь твердо упрочилась в Иране, она постаралась оформить и закрепить сословное деление общества в соответствии с установлениями веры. Известно, что позднее общество сасанидского Ирана делилось на четыре сословия — жрецы, воины, писцы и простой народ; это деление неоднократно рассматривалось исследователями[27]. Большая семья (патронимия) и до настоящего времени сохраняет в Иране свое значение как носительница многих правовых институтов. В сасанидском Иране, несмотря на тенденцию к усилению централизации и возраста-

---

[25] См.: R. N. Frye, Die Legenden auf sassanidischen Siegelabdrücken,— WZKM, Bd 56, 1960, стр. 32—35.

[26] Например, у Прокопия Кесарийского («О персидской войне», I, 13, 16) титул *pityaxes* фигурирует как имя собственное, а *miranes* (и. е. Михран) — как титул. Такого рода путаница обычна и для других авторов.

[27] Например, A. Christensen, L'Iran, стр. 98.

нию роли государственной власти, отличающей державу Сасанидов от Парфянского царства, большая семья продолжала выступать в качестве основной ячейки общества[28].

Известно, что Шапур был либерален в религиозной политике; во всяком случае, его веротерпимость составляет разительный контраст с политикой его преемников. Примечательно, что преемник Шапура — Хормизд Ардашир и другой его сын, будущий царь царей Нарсе, упомянуты среди тех членов царской семьи, для которых Шапуром были установлены особые огни, тогда как еще один сын Шапура — Варахран, царь Гиляна, не удостоился такой чести. Право Хормизда Ардашира (Хормизда I) на престол никем не оспаривалось, и он продолжал политику Шапура. Хормизд правил недолго. Его преемником стал Варахран, известный в мусульманской традиции как Бахрам. При Варахране происходят перемены в религиозной политике (о них пойдет речь ниже), как, вероятно, и в других областях жизни страны. К сожалению, источники сообщают очень мало об этом периоде сасанидской истории, а мусульманская традиция не содержит и намека на важные перемены и трудности, с которыми встретился Варахран. Ему наследовал его сын, носивший то же имя (Варахран II) и царствовавший в течение 17 лет, после чего на трон вступил Варахран III, сын Варахрана II.

С этого момента начинается полоса междоусобиц. Нарсе, сын Шапура, уже давно достигший зрелого возраста, восстал и захватил трон. Среди акций Нарсе особо должна быть отмечена одна: он уничтожил в Бишапурской надписи на рельефе имя Варахрана I, заменив его своим именем[29]. И это, и терпимость Нарсе к манихейству, в чем он следовал своему отцу, косвенно указывают на какие-то перемены в политике, происшедшие в правление Варахранов. При Нарсе римляне вернули себе утраченный престиж и часть земель, так что дальнейшие отношения их с Сасанидами строятся на основе равновесия сил. Сасанидская держава была теперь больше занята внутренними делами, чем внешними. Взаимоотношения крупных феодальных владетелей и царя царей оставались сложными, но некий *modus vivendi* был достигнут: знать признала свою вассальную зависимость от дома Сасана.

---

[28] [См.: А. Г. Периханян, Агнатические группы в древнем Иране,— ВДИ, 1968, № 3, стр. 28—53.]

[29] E. Herzfeld, Paikuli, vol. II, стр. 120. Имя Нарсе, как можно заметить при внимательном изучении надписи, было выбито вместо имени Варахран; головной убор в изображении на рельефе характерен для Варахрана I. Фотографию рельефа см.: F. Sarre, E. Herzfeld, Iranische Felsreliefs, Berlin, 1910, табл. 41.

Становление государственной церкви при первых сасанидских царях связано с именем Картира. Это имя оставалось неизвестным истории до открытия надписей Картира, составленных на среднеперсидском языке. Одна из них высечена под среднеперсидской версией надписи Шапура на «Ка'бе Зороастра»; другая — на скале в Накш-и Рустаме, напротив «Ка'бы Зороастра», рядом с рельефом, изображающим триумф Шапура над римским императором; третья — в Накш-и Раджабе, четвертая — на горном склоне в местности Сар-Мешхед, к югу от Казеруна. Рядом с надписью в Накш-и Раджабе имеется изображение, вероятно самого Картира, в почтительной позе — палец вытянут вперед. На рельефе в Сар-Мешхеде Варахран II убивает льва, защищая свою царицу, а за нею, по всей вероятности, изображен Картир. По содержанию все надписи Картира довольно сходны. Сармешхедская и накширустамская — более пространные, а накшираджабская является своего рода духовным завещанием Картира, его исповедью веры. К сожалению, и накширустамская, и сармешхедская надписи сильно пострадали в результате выветривания, так что целые куски их не поддаются чтению. Тем не менее рассказ о Картире, содержащийся в надписях, открывает перед нами интереснейшую страницу ранней истории сасанидской державы — становление ортодоксального зороастризма и государственной церкви.

Прежде чем обратиться к Картиру, необходимо вспомнить, что мусульманские и среднеперсидские сочинения называют верховного жреца — «мобеда мобедов» (*mobadān mobad*), действовавшего при Ардашире. Это некий Тансар, имя, которое, как мы отметили выше, должно, вероятно, читаться Тосар (*Twsr* вместо *Tnsr*). Некоторые источники сообщают, что он носил титул *хербед* (*hērbad*) «жрец-наставник»[30]. Нет ясных указаний на то, что Тосар должен быть отождествлен с Картиром, однако

[30] Вопрос о функциях хербеда до сих пор не может считаться решенным. Ср.: S. Wikander, Feuerpriester, где этот вопрос рассматривается очень подробно. По-видимому, в сасанидской державе *мобед* было общим названием всех зороастрийских жрецов, так что его первоначальное значение («глава магов») стерлось, а слово *маг* (*moγ*) превратилось в конце концов в обозначение любого зороастрийца (ср. согдийское *mwg'nch dynh* «религия магов»). Слово *хербед* имело, вероятно, более узкое и специальное значение, нежели *мобед;* титул *hērbadān hērbad* («хербед хербедов»), который мы встречаем позднее, был, очевидно, только почетным званием; см.: M. L. Chaumont, Recherches sur le clergé zoroastrien: Le herbad,— «Revue de l'histoire des religions», t. 158, 1960, стр. 161—179. Мне не удалось найти свидетельств соперничества между мобедами и хербедами, которые бы отражали борьбу ортодоксального дуализма с зерванитским монизмом в сасанидское время.

деятельность Тосара, в том числе составление новой редакции Авесты, о которой сообщает «Денкарт»[31], должна, видимо, свидетельствовать о возможности такой идентификации[32]. Надписям следует доверять больше, чем литературным источникам, а надписи говорят только о Картире; лицо, носившее имя Тосар, могло действовать при Ардашире, еще до того, как на сцене появился Картир. В некоторых источниках главный мобед при Ардашире назван именем *gāhir* или *māhir* (Табари, I, 816; «Муджмал ат-тавāрӣх̮»), что можно читать как Картир, но это не более, чем конъектура. Картир должен считаться подлинным основателем зороастрийской государственной церкви при первых Сасанидах.

Наиболее пространная надпись Картира — в Накш-и Рустаме — содержит 81 строку. Она почти идентична надписи в Сар-Мешхеде, насчитывающей 59 строк, причем 25 строк этой надписи почти совпадают (расхождения очень незначительны) с надписью Картира на «Ка'бе Зороастра», а стк. 53 и далее, до конца, являются, в сущности, дословной копией надписи в Накш-и Раджабе[33]. В центральной части сармешхедской надписи Картир (*ḥnglpy*, как он себя называет) приводит своеобразную *apologia pro vita sua*. В предшествующих строках, сохранившихся очень плохо, излагались весьма интересные религиозные проблемы, но их понимание затруднено лакунами[34].

---

[31] D. M. Madan, The complete text of the Pahlavi Dinkard, vol. I, Bombay, 1911, стр. 411—412 (книга III). [См. транскрипцию и переводы этого текста: H. W. Bailey, Zoroastrian Problems in the Ninth-Century Books, Oxford, 1943, стр. 218—219; R. C. Zaehner, Zurvan, a Zoroastrian dilemma, Oxford, 1955, стр. 7—9; 31—32. Имя *Tnsr* выступает в книге VII «Денкарта», см.: D. M. Madan, The complete text, vol. II, Bombay, 1911, стр. 651—652.]

[32] [Ср., однако, иной вывод у M. Boyce, The Letter of Tansar, Roma, 1968 (Istituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente. Serie Orientale, Roma, vol. XXXVIII), стр. 5—11.]

[33] Часть стк. 16 и 17 сармешхедской надписи (SM) дополняет текст надписи Картира на «Ка'бе Зороастра» (KKZ); они связаны по смыслу с концом стк. 11 и началом стк. 12 KKZ. В этом месте в KKZ говорится только об огнях и магах, которые Картир поместил в областях «не-Ирана». Надпись SM добавляет (конец стк. 16): *ḤWYTNd 'twry* [*Wspḥ*]*' h Wlgy Wklm'n W* (лакуна, примерно 30 знаков) *pr'č 'L pškpwly ptyḥwy* (лакуна, примерно 14 знаков) ['] *nyr'n štr*[*y*] *'twry*. Речь идет, по-видимому, об огнях, учрежденных в пределах Ирана — в Исфахане, Раге (Рей), Кермане и т. д., включая и Пешкабур, упомянутый в KZ Шапура I. Написание *lgy* для Раги (Рей) необычно. [Ср.: Ph. Gignoux, L'inscription de Kartir à Sar Mašhad,— JA, t. CCLVI, 1969, стр. 387—418, особенно стр. 396.]

[34] Например, в стк. 29 мы читаем: *MNW 'lt'y 'LH ZK NPŠH dyny 'L wḥyšty* [*'ZLWN*] *W MNW dlwndy 'LHč ZK NPŠH dyn 'L dwšḥwy* «Тот, кто праведник, его духовная сущность (авест. *daēnā*) пойдет в рай, а тот, кто грешник, его духовная сущность (пойдет) в ад». [Ср.: В. Г. Луконин, Культура сасанидской Ирана. Иран в III—V вв. Очерки по истории культуры, М., 1969 (Культура народов Востока. Материалы и исследования),

Далее Картир рассказывает (в третьем лице) о путешествии, предпринятом им вместе со многими вельможами в Хорасан (стк. 39), о женщине, как-то связанной с Картиром (*krtyr hnglpy* — стк. 42, 44 и др.), о переходе через мост (*pwlsy*) и о многих других событиях[35]. Картир стремится уверить потомков, что он впервые возвысился при Шапуре, когда был хербедом и мобедом, что, между прочим, свидетельствует о существовании разных категорий жречества уже в раннем зороастризме[36]. При царе Хормизде ему был присвоен титул «мобед Ахура Мазды», и, вероятно, Картир первым носил этот титул (позднее этот титул встречается неоднократно). В правление Варахрана II Картир входит в число высшей знати, став главой религии, верховным судьей державы и попечителем царского огня в Истахре, в имперском святилище Анахиты. Причины такого возвышения в какой-то мере раскрыты в почетном звании «спаситель души Варахрана», пожалованном Картиру Варахраном II. Картир выступал в роли духовного наставника царя, титулы и высокое положение были наградой за это. Он назван «владыкой» в самом конце накшираджабской надписи и считает необходимым отметить свое возвышение и вхождение в число знати. Эти данные позволяют предположить, что аристократия в этот период в полной мере сохраняла свое могущество и значение. Картир, видимо, играл в державе очень важную роль — не только в религиозных делах, но и во внутренней и внешней политике.

Особенно большое значение имела деятельность Картира за пределами Иранского нагорья; он старался насаждать храмы

стр. 89; Ph. Gignoux, L'inscription, стр. 400, 417—418.] В стк. 31, где Картир повествует о том, что многие маги пришли из Фарса, Сеистана и из других областей, можно заметить параллель к традиции, согласно которой Тосар созвал отовсюду религиозных руководителей, чтобы собрать разрозненные тексты Авесты и создать канон.

[35] [Э. Херцфельд еще в 1935 г. заметил, что в Сармешхедской надписи излагается видение Картира — рассказ о его путешествии в загробный мир и о воздаянии, которое получает человек на небе и в преисподней (сходный эсхатологический сюжет содержится в среднеперс. *Ardāy Virāz-nāmag*, «Книге об Ардавиразе»), см.: E. Herzfeld, Archaeological History of Iran, London, 1935, стр. 100—102. Это наблюдение Херцфельда получило подтверждение в работе Ф. Жиньо, содержащей опыт чтения и перевода фрагментов наиболее трудной части Сармешхедской надписи — стк. 29—52 (эсхатология). См.: Ph. Gignoux, L'inscription de Kartir á Sar Mašhad, стр. 389, 399—418.]

[36] Я не знаю, может ли это подкрепить гипотезу С. Викандера (S. Wikander, Feuerpriester) о том, что мобеды были жрецами Северного Ирана с центром в Шизе (Ганзаке), а хербеды — жрецами Анахиты в Южном Иране, с центром в Истахре. Какое-то различие между северным и южным (или между парфянским и персидским) религиозными толками могло существовать, но оно, очевидно, не было столь значительным и четким, как это полагает Викандер.

огня и зороастрийскую ортодоксальность среди эллинизованных магов и обращать в праведную веру тех язычников, которые придерживались обрядов и верований, лишь сходных с зороастрийскими. Иными словами, Картир выступал и в качестве миссионера[37].

В то же время он твердо боролся против иноземных религий и ересей на территории самого Ирана; может быть, именно поэтому мы не находим в Иране следов той формы митраизма, которая известна для Римской империи. Картир (KKZ 9—10) особенно жестоко расправлялся с иудеями, буддистами, индуистами, назореями (арамееязычные христиане), некими *mktk* (протомандеи или представители какой-то месопотамской религии) и манихеями, разрушая их центры и осуждая их на изгнание или смерть[38]. Гонения на иноверцев происходили и до Картира — армянские и сирийские источники повествуют о рвении, с которым Ардашир основывал храмы огня и разрушал языческие капища, особенно в Армении. Картир создал воинствующую зороастрийскую ортодоксальность и государственную церковь, прежде всего организацию магов. На еретиков обрушились гонения; в разных областях державы было основано

[37] См.: J. de Menasce, La conquête de l'iranisme et la récupération des mages hellénisés,— «Annuaire de l'École pratique des Hautes Études», Paris, 1956; стр. 3—12. О том, что маги были в Византийской империи во времена Юстиниана, известно из сообщения Менандра Протектора о договоре между византийцами и персами. Согласно этому договору, греки обязывались не принуждать переходить в христианство зороастрийцев, живших на территории Византии.

[38] В тексте (KKZ, стк. 9—10; SM, стк. 14): *yḫwdy W šmny W blmny W n'čl'y W klstyd'n W mktky W zndyky.* Истолкование почти всех этих слов связано с некоторыми трудностями, однако ясно, что они обозначают представителей религий, которые были распространены «в стране» (*BYN štry*), то есть вообще в областях, подвластных Сасанидам, а не только на территории собственно Ирана. Можно отметить, что *n'čl'y* и *klstyd'n* составляют в этом перечне такую же пару, как *mktk* и *zndyk* или *šmn* и *blmn*. Вероятно, *n'čl'y* является обозначением арамееязычных христиан. [О значениях *n'čl'y* и *klstyd'n* см. также: P. J. de Menasce, Skand-Gumānīk Vičār, Fribourg, 1945, стр. 206—209; G. Wiessner, Zur Märtyrerüberlieferung aus Christenverfolgung Schapurs II, Göttingen, 1967, стр. 70—71, прим. 10.] О различиях между назореями (*nazorean*) и назареями (*nazarean*) см.: C. Clemen, Religionsgeschichtliche Erklärung des neuen Testaments, Giessen, 1924, стр. 202. Слово «зиндик» обычно прилагалось к манихеям, но зороастрийцы так именовали и всех еретиков; мусульмане заимствовали это обозначение и употребляли его еще более широко. *Mktk* должно относиться к какой-то религии или секте в Месопотамии; быть может, это обозначение мандеев. Сходный перечень религий, с которыми боролось христианство в Месопотамии, можно найти в «Житии Мар Симона» (P. Bedjan, Acta martyrum et sanctorum, vol. II, Paris, 1891, стр. 150; Liber graduum. E codicibus syriacis... edidit, præfatus est dr. M. Kmosko, Parisiis, 1928, стр. 824; немецкий перевод — O. Braun, Ausgewählte Akten, стр. 19).

много огней Варахрана. Эти храмы огня стали центрами вероучения и соблюдения обрядов в империи Сасанидов. Реформы Картира произвели большое впечатление на современников (KKZ, стк. 14), они затронули многие стороны жизни Ирана, включая и обычай кровнородственных браков — особенность зороастрийцев, неприятно поражавшая иноземцев. Картир положил начало могуществу духовенства, ставшего грозным соперником светской аристократии; в некоторые периоды зороастрийское духовенство оказывалось более сильным, чем знать [39].

Религиозный фанатизм, характерный для времени Варахрана II, прекратился при Нарсе (293—302), который поднял мятеж против юного царя Варахрана III, названного в надписи из Пайкули «царем саков», и захватил власть в Северном Иране. Нарсе пошел на Ктесифон, был встречен своими сторонниками в местности Пайкули (к северу от современного Ханикина) и провозглашен здесь царем царей, в память о чем была воздвигнута надпись. В стк. 16 надписи из Пайкули встречается имя «Картир, мобед Ахура Мазды», но лакуна в надписи не позволяет установить, принадлежал ли он к противникам или к сторонникам Нарсе. К моменту составления надписи Нарсе Картир достиг глубокой старости и должен был вскоре либо умереть, либо удалиться от дел. Нарсе не уничтожил надписей Картира, нет никаких сведений о конфликте между ними, поэтому можно полагать, что Нарсе, упоминающий в своей надписи (стк. 9) «Ахура Мазду и всех богов и Анахиту, называемую госпожой», не пытался разрушить созданное Картиром. Терпимость Нарсе по отношению к манихеям хорошо известна, но не исключено, что преследования манихеев прекратились уже в самом конце царствования Варахрана II [40]. Для того чтобы представить религиозную политику Нарсе как полную перемену прежнего курса, как победу хербедов над мобедами или Анахиты над Ахура Маздой, данных явно недостаточно. Скорее, эта перемена представляется одним из послаблений в отношении к иноверцам, за которым ожидались и другие.

Вопрос о ересях внутри зороастрийской религии осложняется тем, что дошедшие до нас среднеперсидские сочинения были составлены (или отредактированы) после распространения в Иране ислама. В этот период небольшие религиозные общины зороастрийцев были больше озабочены сохранением чистоты веры, чем во времена Сасанидов, когда религия поддерживалась государством. Мне кажется, что при Сасанидах ортопрак-

---

[39] О возвышении магов см.: Агафий, IV, 25 (Agathiae Historiarum libri, ed. B. G. Niebuhr, Bonn, 1828, стр. 261—262).

[40] W. Seston, Le roi Sassanide Narsès, les Arabs et le manichéisme, «Melanges syriens offerts à M. R. Dussand», Paris, 1939, стр. 229.

сии, соблюдению религиозных предписаний в повседневной жизни, придавалось гораздо большее значение, чем ортодоксии, собственно догматам веры. В этом смысле зерванизм — религиозная концепция бесконечного времени (Зрван) — не был в такой же степени ересью, как маздакизм, покушавшийся на ритуал и организацию общества и церкви. Но в первый период существования державы, главными еретиками были *зандики,* как называли тогда манихеев.

Точные годы жизни Мани не установлены; их определение зависит от даты вступления на престол Шапура, по поводу которой также идут споры. Мани был убит либо в последний год правления Варахрана I (274 г.), либо в первые годы царствования его преемника (до 277 г.). Манихейство нередко характеризуют как проявление религиозного универсализма или синкретизма и сопоставляют его в этом отношении с бехаизмом новейшего времени. Возможно, в манихействе иранские религиозные дуалистические тенденции были выражены не столь отчетливо, как в официальном сасанидском зороастризме, но синкретические, «космополитические» черты манихейства нашли большое число сторонников в Иране. Мы не будем здесь подробно останавливаться на религиозно-философском учении манихеев, которое сейчас известно намного лучше, чем до открытия подлинных манихейских сочинений на коптском, парфянском, согдийском и других языках. В Иране манихеи испытали ту же участь, что и в христианском мире: и там, и здесь их неизменно считали главными еретиками и, соответственно, подвергали жестоким гонениям. После прихода к власти Нарсе манихейские общины, однако, продолжали существовать в Иране, особенно в Восточном Иране, а позже, как известно, манихейские миссионеры достигли Китая.

Манихейство оказало влияние на многие религиозные течения, но наиболее сильно оно сказалось в социальном движении конца V в., возглавлявшемся Маздаком. Это движение привлекло внимание многих исследователей[41]. Настороженное отношение царя к знати и ее могуществу сыграло важную роль в той поддержке, которую Маздак получил от Кавада. Маздакиты проповедовали идеи равенства и призывали к разделу имущества, включая жен и наложниц. Эти призывы нашли отклик у бедняков, и восстание стало массовым, но в сообщениях источников об этих событиях много неясностей и противоречий. Маз-

---

[41] O. Klima, Mazdak. Geschichte einer sozialen Bewegung im sassanidischen Persien, Praha, 1957; F. Altheim, Ein asiatischer Staat, Wiesbaden, 1954, стр. 189 и сл. Движению Маздака посвящено несколько работ советских исследователей. [См.: М. М. Дьяконов, Очерк истории древнего Ирана, М., 1961, стр. 304—309 и стр. 410—411, где приведена литература.]

дакитов ожидала та же участь, что и манихеев, разгромленных Картиром и царем Варахраном. Преследования и массовое истребление маздакитов начались около 528 г., в конце второго правления Кавада. Главным инициатором расправы был наследный принц Хосров Аноширван. Казнь руководителей движения не означала конца маздакизма как учения, но заставила уйти его приверженцев в подполье. Преследования продолжались, и с этого времени любого социального или религиозного реформатора его противники обычно обличали как маздакита. Так было и в исламское время, когда многие выступления иранских народов против халифата или владычества арабов считались маздакитскими движениями. Движение Маздака нашло отражение и в таком сравнительно позднем сочинении, как «Сиасат-наме» Низам ал-Мулка.

Уже с самого начала сасанидской эпохи мы оказываемся в совершенно новом религиозном мире. Культы древнемесопотамских богов ушли в небытие, на их месте оказались — рядом с христианством, иудаизмом и зороастризмом — новые гностические и ритуалистские секты. Широкое распространение получили также мистические верования и обряды, и для большинства греческих и римских авторов персы были главными знатоками магии. Для античных писателей зороастризм был символом таинственных восточных культов. Деятельность Картира и его последователей, которые заложили основы зороастрийской ортодоксальности, противостоявшей мистицизму и почитанию демонов, во многом схожа с тем, что совершили христианские ортодоксы в империи кесарей.

Представление о божественном откровении и о записи этого откровения в книгах носилось в воздухе, а христиане были, конечно, самыми активными проповедниками идеи «Священного Писания». Не исключено, что именно по примеру христианства зороастрийская церковь свела воедино и канонизировала тексты Авесты. Зороастрийское предание гласит, что разрозненные отрывки Авесты были собраны и, видимо, записаны первый раз во времена Аршакидов, а затем еще раз при Шапуре I. Раннесасанидская письменная Авеста, если она действительно существовала, служила лишь для напоминания — в жреческой практике тексты Авесты заучивали наизусть, как это обычно для Востока. Когда в начале V в. был изобретен армянский алфавит, он предназначался в первую очередь для распространения христианской религии. Некоторые полагают, что и авестийский алфавит был введен примерно в это же время, возможно как предшественник или, напротив, как подражание армянскому алфавиту, хотя по своей фонетической законченности авестийский алфавит больше напоминает индийское письмо деванагари.

Создание авестийского алфавита диктовалось исключительно нуждами религии, и этот алфавит, насколько известно, употреблялся только для записи зороастрийских религиозных текстов. Можно только пожалеть, что он не пришел на смену несовершеннному пехлевийскому письму, которое очень плохо передавало фонетический состав среднеперсидского языка. Необходимо иметь в виду, что мы не знаем не только древних рукописей Авесты, но и таких, которые были бы старше XIII или XIV века. Тем не менее о существовании письменной Авесты в сасанидское время (несмотря на преобладающую роль устной традиции) можно говорить сейчас достаточно уверенно.

Из сообщений христианских авторов, писавших на сирийском и армянском языках, делали вывод, что первоначально Сасаниды придерживались зерванизма — зороастрийской ереси, которая, уже после арабского завоевания, исчезла, уступив ортодоксальному течению. Я считаю (и пытался это показать в специальной статье), что зерванизм не был вполне оформившейся ересью со своими доктринами, обрядами и организацией, отделенной от чисто зороастрийского толка, а, скорее, представлял собой движение, которое можно сопоставить с му'тазилитским течением времен ислама[42]. Мы знаем о двух основных особенностях зерванизма — представлении о бесконечном времени (вечность и т. д.) и мифе о рождении Ормизда (Ахура Мазды) и Ахримана от их отца Зрвана. Представление о времени как божественной силе распространено очень широко и само по себе не могло послужить основой для возникновения самостоятельной секты. Миф о прародителе Зрване может рассматриваться как иранская параллель легенды о Хроносе в греческой мифологии. Этот миф также, по моему мнению, не мог привести к созданию особой секты. Не вызывает сомнений, что миф о прародителе Зрване был распространен в сасанидское время и среди «правоверных» зороастрийцев. Только после мусульманского завоевания, когда зороастрийцы особенно тесно объединились в общины, зерванистские элементы были изгнаны из новой «праведной веры», соединившей ортопраксию с ортодоксией. В сасанидское время зороастрийским еретиком, либо даже христианином или манихеем, считался, скорее, тот, кто отступал от ортопраксии, от ритуальных предписаний зороастризма, тогда как после прихода ислама еретиком был прежде всего тот, кто порывал с догматами веры. Так, например, зороастриец Абалиш (или 'Абдаллах?), прослывший еретиком в IX в., при халифе

---

[42] R. N. Frye, Zurvanism again,— «Harvard Theological Review», vol. 52, 1959, стр. 63—73; его же, Die Wiedergeburt Persiens um die Jahrtausendwende,— «Der Wiedergeburt Persiens, um die Jahrtausendwende,—«Der Islam», Bd 35, 1959. стр. 50.

ал-Ма'муне, разделял, возможно, учение манихеев[43]. В споре Абалиша с правоверными зороастрийцами халиф встал на сторону последних — любая ересь, имевшая социальную направленность, представляла опасность для арабских правителей.

Из житий христианских мучеников хорошо известно о несторианских общинах в сасанидской державе. Консолидация и развитие зороастрийской церкви в Иране шли параллельно росту христианской церкви и манихейских общин. Приток военнопленных христиан в Иран в результате походов Шапура I и Шапура II дал сильный толчок распространению христианства, но, естественно, религия эта пользовалась наибольшей популярностью среди семитского населения Месопотамии. Первое крупное гонение на христиан произошло при Шапуре II; оно началось около 339 г. и было вызвано политическими мотивами, прежде всего тем, что Константин сделал христианство религией Римской империи. Позднее бывали периоды терпимости, снова сменявшиеся гонениями, но после отделения несторианского толка от остального христианства в конце V в. положение христиан в Иране заметно улучшилось. Несториане избирали католикоса, имевшего резиденцию в Ктесифоне, и синод, собиравшийся для решения проблем церкви. Размещение несторианских епископств дает много полезного для изучения исторической географии Ирана, поскольку церковь обычно учитывала административное деление державы Сасанидов.

Христианизация Армении и Закавказья в IV в. послужила причиной столкновений между Арменией и Сасанидами гораздо в большей степени, чем борьба между римлянами и персами за влияние в этих областях. На востоке Ирана миссионеры старались обратить в христианство эфталитов и согдийцев, так что в последний период существования сасанидской державы повсюду прослеживается усиление влияния христианства. Общая картина религиозной жизни Ирана была, однако, более сложной, чем об этом можно судить по отрывочным сообщениям источников. Число различных религий и толков увеличивалось благодаря неоднородности самого зороастризма, различным течениям внутри него, о которых мы знаем очень мало.

Величие былого Ирана

Если спросить перса, кто построил старинную мечеть или какое-нибудь другое мусульманское сооружение, он, скорее всего, ответит, что строителем был сефевидский властитель шах

[43] См.: J. Tavadia. Die mittelpersische Sprache und Literatur der Zarathustrier, Leipzig, 1956, стр. 53 (ссылки на источники и литература). Ж. де Менаш считает, что настоящее имя этого лица — 'Абдаллах (J. de Menasce, La conquête de l'iranisme).

'Аббас, украсивший зданиями Исфахан. Если же памятник явно доисламский, то последует другой ответ: его построил Хосров Аноширван, «Хосров с бессмертной душой», сасанидский вариант шаха 'Аббаса. Имя Хосров (в арабской передаче Кисра), как и имя Цезарь, стало для арабов обозначением сасанидских царей и одновременно синонимом великолепия и славы. Но Хосров правил Ираном меньше, чем за сто лет до арабского нашествия, и, как это нередко бывает, первые признаки упадка можно заметить уже в его правление, время наибольшего могущества сасанидской державы.

При преемниках Шапура I позиции Ирана заметно пошатнулись. При Варахране II римляне возвратили себе утраченные ранее земли в Северной Месопотамии и контроль над Арменией. При Нарсе дела шли не лучше, и ему пришлось сделать императору Галерию новые уступки. После этого, казалось, римляне снова заняли то господствующее положение, которое было у них во времена Парфянского царства. При Шапуре II, правление которого было необычайно продолжительным (он сидел на престоле 70 лет), Сасаниды перешли к наступательным действиям не только на западе, но и на востоке, где Кушанское царство и другие области, видимо, отложились от Ирана, пока Шапур был малолетним. В целом внешняя политика Шапура II оказалась успешной; он возвратил персам и потерянные земли, и утраченный престиж. Он следовал примеру Шапура I и селил пленных римлян в различных провинциях державы, как об этом сообщает Аммиан Марцеллин (XX, 6, 7) — важный источник по истории правления Шапура II и его войн с Римом.

После Шапура II его нерешительные преемники вынуждены были пойти на уступки знати, увеличившей свою силу и влияние. Интересно отметить (хотя прямую связь здесь, быть может, трудно усмотреть), что как только происходит усиление феодальных владетелей за счет ослабления царской власти, создаются или получают популярность героические (эпические) сказания о царях — известны, например, сказания о Варахране V, или Бахраме Гуре (421—439), прославленном охотой на онагров[44]. Можно подозревать, что именно в правления слабых сасанидских монархов возникают пышные и многочисленные звания и чины. Новому усилению власти аристократии сопутствовали столкновения между враждующими группами феодальных владетелей, в результате которых царский трон пере-

---

[44] Заслуживает внимания толкование прозвища *gōr* не как «онагр», а как результат искажения слова *gul*<*qula*~*vula* — центральноазиатского титула «царь», см.: O. Hansen, Tocharische-iranische Beziehungen,— ZDMG, Bd 94, 1940, стр. 162.

ходил от одного представителя династии к другому. Так было, в частности, с коронацией Варахрана V (421 г.) и Пероза (459 г.).

В V в. на северо-востоке Ирана появился новый грозный противник, выступивший в роли преемника кушан. Это были эфталиты, новая волна выходцев из Средней Азии. Их миграция связана с изменением обстановки в центральноазиатских и среднеазиатских степях, которое правильнее всего определить как усиление роли народов, говоривших на алтайских языках, или движение гуннов. Если I тысячелетие до н. э. рассматривалось античными авторами как период скифского преобладания в степях Средней Азии, то первая половина I тысячелетия н. э. была временем гуннов, а вторая половина и более позднее время — периодом господства тюрок и монголов. Конечно, название «скифы» продолжало употребляться античными авторами для обозначения различных степных народов и после начала нашей эры, точно так же, как некоторые византийские авторы называли гуннами турок-османов. Названия «скифы», «гунны» и «тюрки» служили главными обозначениями обитателей степей в западных источниках, включая и ближневосточные; китайцы пользовались другими названиями. Совершенно очевидно, что далеко не все народы, обитавшие в Центральной и Средней Азии или пришедшие из этих областей на Ближний Восток и в Восточную Европу, были гуннами. Когда западные и ближневосточные источники называют какое-то племя гуннским, то на самом деле это означает лишь, что оно пришло откуда-то с обширных просторов центральноазиатских степей. Слово «гунн» доставило ученым немало забот, как, впрочем, и остальные проблемы истории гуннов, но здесь не место разбирать такие вопросы, как, например, проблема отождествления сюнну китайских источников с гуннами и хуннами, упоминаемыми в западных, ближневосточных и индийских источниках [45].

Упоминание гуннов встречается, по-видимому, уже в «Географии» Птолемея (III, 5, 10), где гуннами названо некое племя

---

[45] Мне кажется, что слово *hun*, независимо от его происхождения, очень рано стало собирательным обозначением свирепого или страшного для соседей народа. В словаре Асади Туси «Лугат-и Фурс» (изд. ʽАббаса Икбаля, Тегеран, 1941, стр. 367) слово *hun*, которое может быть тем же самым этническим наименованием, объясняется как «враг». О названии *hun* см. работы О. Менчен-Хелфена, авторитетного исследователя истории гуннов, в том числе: O. Maenchen-Helfen, Huns and Hsiung-nu,— «Byzantion», t. XVII, 1944, стр. 222—243; Pseudo Huns,— CAJ, vol. I, 1955, стр. 101, а также: W. Samolin, Hsiung-nu, Hun, Turk,— CAJ, vol. III, 1957, стр. 143—150; F. Altheim, Geschichte der Hunnen, Bd I—V, Berlin, 1959—1963. Об этимологии названия см.: O. Pritsak, Xun,— CAJ, vol. V, 1959, стр. 27—35.

в Южной России. Однако не удается найти никаких других сведений о гуннах на Ближнем Востоке и в Южной России вплоть до IV в. н. э. Прибавление этнонима «гунн» к названию кидаритов у Приска Понтийского может служить, видимо, примером употребления термина, ставшего общеизвестным в V в., в рассказе о более ранних событиях. Никаких доказательств того, что кидариты говорили на языке алтайской группы, не существует. Вероятно, слово Кидара было именем царя, так как оно встречается на монетах; но не может быть подтверждено никакими свидетельствами утверждение, что Кидара был предводителем новой центральноазиатской кочевой орды, завоевавшей Кушанское царство. Было сделано несколько попыток установить дату правления Кидары, но все они кажутся неубедительными; можно лишь предполагать, что Кидара царствовал в IV в.

Другой восточноиранский или среднеазиатский этноним указывает, очевидно, на переселение или завоевание с севера. В античных источниках эти пришельцы именуются хионитами. Под 359 г. царь хионитов Грумбат упомянут Аммианом Марцеллином (XIX, 1, 10) как союзник Шапура II, войско которого было под стенами Амиды. Принято считать, что хиониты (на монетах это название выступает в написании OIONO = хион = хун) [46] были завоевателями Восточного Ирана, пришедшими из Средней Азии и связанными с хунами индийских источников, а также с более поздними эфталитами. К сожалению, мы не располагаем источниками по истории Восточного Ирана для этого периода; многочисленные и разнообразные монеты еще не были должным образом классифицированы, и задача эта чрезвычайно сложная.

По монетам некоторых кушано-сасанидских наместников можно заключить, что персы по меньшей мере были правителями части кушанских владений на протяжении почти всего царствования Шапура II. Видимо, в конце IV или в начале V в. Кидара выступает в качестве независимого владетеля в южной части кушанских земель [47]. Хиониты, вероятно, переместились в северные кушанские владения (к северу от Амударьи) за не-

---

[46] [См., однако: R. G ö b l, Dokumente zur Geschichte der iranischen Hunnen in Baktrien und Indien, Bd I—IV, Wiesbaden, 1967; H. H u m b a c h, Baktrische Sprachdenkmäler, Teil I, Wiesbaden, 1966, особенно стр. 28—31 и 54—57.]

[47] См.: M. F. C. M a r t i n, Coins of Kidāra and the Little Kushans,— JRASB, vol. III, 1937, pt 2 (Numismatic Supplement, № 47), стр. 23—50; A. D. H. B i v a r, The Kushano-Sassanian coin series,—JNSI, vol. XVIII, 1956, стр. 13—36, где можно найти ссылки на более ранние работы. [См., однако, также: В. Г. Л у к о н и н, Кушано-сасанидские монеты,— ЭВ, вып. XVIII, 1967, стр. 16—33; R. G ö b l, Dokumente, Bd I, стр. 15—37; Bd II, стр. 315 и сл.]

сколько лет до появления Кидары, могущество которого опиралось на области к югу от Гиндукуша — его монеты снабжены легендами на брахми. Такое разделение областей на северные и южные, с границей по горному хребту, имело важное значение. Хиониты заняли кушанские владения, так что хионитские правители появились в Бамиане, Забулистане и в других районах; монеты этих правителей плохо поддаются классификации [48]. Источники не проводят четких различий между кидаритами, хионитами и эфталитами, что, возможно, отражает действительное смешение народов и правителей. Следует все же иметь в виду, что хиониты выступили на сцену раньше, чем эфталиты.

Трудно определить этнический состав хионитов и эфталитов, но нет никаких сведений о том, что хиониты отличались по этносу от эфталитов. Скорее есть данные, что эфталиты так же соотносились с хионитами, как кушаны с юечжами; иными словами, эфталиты могли быть ведущим племенем или родом среди хионитов. Можно предполагать присутствие алтайского, то есть гуннского, элемента среди хионитов и эфталитов, но больше оснований считать их иранцами. Не исключено, что первые их правители были гуннами, но в Средней Азии в этот период обитало много иранских народов, а население Восточного Ирана, в котором осели эфталиты, также было иранским. Мы вправе поэтому рассматривать эфталитскую державу Восточного Ирана и Северо-Западной Индии как преимущественно иранскую. Зороастрийские и манихейские миссионеры в Средней Азии должны были распространять среди местного населения элементы западноиранской культуры. Ко времени арабского завоевания в среде эфталитов возросло значение тюрок, но это произошло после того, как сами тюрки появились на Ближнем Востоке [49]. Можно,

[48] Попытку предварительной классификации хионитских монет можно найти в работе: R. G ö b l, Neue Zuteilungen zur Münzprägung der Chioniten,— «Palaeologia», vol. IV, Osaka, 1955, стр. 274—279. Эфталитские монеты изучал Р. Гиршман (R. G h i r s h m a n, Les Chionites-Hephthalites, Le Caire, 1948 (MDAFA, t. XIII), однако я не могу принять многие его выводы. В VII (?) в. в районе современных Кухистана — Кабула — Газни правил некий царь *(MLK' Napki*. Этот правитель известен по многочисленным чеканам, однако ряд вопросов остается неясным, в том числе и форма его имени на монетах — мне кажется более чем сомнительным чтение *Napki*, хотя я не могу пока предложить другое. Следует надеяться, что новые находки монет и новые исследования изменят наши нынешние представления об этом периоде. [См.: R. G ö b l, Dokumente, Bd I—IV; H. H u m b a c h, Baktrische Sprachdenkmäler, Theil I. Вместо *Napki* теперь предложено чтение *Nspk*, см.: G ö b l, Dokumente, Bd I, стр. 134 и сл.; Bd II, стр. 71—89.]

[49] См.: K. E n o k i. On the nationality of the Hephthalites,— «Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko», Tokyo, 1959, № 18, стр. 1—58, где приведены данные источников и рассмотрены другие гипотезы. Я не могу согласиться с выводами К. Эноки о том, что родиной эфталитов был Бадахшан. Название «эфталит» и Ахшундар, имя эфталитского царя, могут быть

конечно, опираясь на гипотетические этимологии одного или двух слов, пытаться реконструировать этническую и политическую историю целых народов, однако отсутствие не только данных письменных источников, но и достоверной традиции о прошлом Средней Азии и Восточного Ирана делает любую реконструкцию такого рода чисто умозрительной.

Во второй половине V в. эфталиты нанесли персам несколько поражений; царь Пероз в 484 г. погиб в битве с эфталитами. После его смерти знать вновь усилилась, что нашло отражение и в быстрой смене царей. Кавад I сумел удержаться на престоле только с помощью эфталитов. Это было время упадка державы, когда восточные соседи оказывали влияние даже на внутренние дела государства.

О маздакитском движении мы уже упоминали. Теперь нам предстоит рассмотреть грандиозные перемены, наступившие в Иране при Хосрове I, который, по представлениям персов, был величайшим из доисламских правителей Ирана.

Налоговая реформа Хосрова, коренным образом изменившая существовавшую в Иране практику взимания податей, была предметом многих исследований. Ф. Альтхейм убедительно показал, что образцом для новой налоговой системы, введенной при Хосрове, послужила система, действовавшая в Восточной Римской империи и созданная, в свою очередь, реформами Диоклетиана[50]. Хосров не мог не учитывать изменений, которые произошли в результате маздакитского движения. Необходимо было установить новые принципы налогового обложения. Трудно, однако, судить, какова была старая система, действовавшая до реформы Хосрова,— все, что сообщается позднейшими авторами о сасанидской эпохе, относится ко времени после Хосрова. Можно предполагать, что Хосров стремился к устойчивости податной системы, а потому при взимании налога, прежде всего земельного, были установлены твердые ставки в денежном выражении. Такая система имела явные преимущества перед

разъяснены как иранские; вряд ли заслуживает доверия тюркская этимология имени Ахшундар, приведенная у Махмуда Кашгарского (I, 106, 3): *axsung er*. Имя другого эфталитского царя, Варз, следует, видимо, читать как Вараз, поскольку такое имя в период арабского завоевания часто встречается у эфталитских князьков, владения которых примыкали к границам сасанидского Ирана в областях Мерва и Мерверуда. Можно вспомнить и сасанидский феодальный род Варазов, имя которого византийские авторы нередко принимали за титул. Проблемы истории тюркских племен и народов, таких, как авары, хазары и другие, выходят за рамки этой книги.

[50] Я следую, в основном, выводам, сделанным в работах: A. Christensen, L'Iran, стр. 363—440; F. Altheim, Ein asiatischer Staat, стр. 129—255; ср. также: F. Altheim, Geschichte der Hunnen, Bd II, стр. 182—191 (приведена библиография).

действовавшей ранее, при которой налог взимался в виде доли урожая и общая сумма поступлений в казну каждый год колебалась в зависимости от урожайности и других факторов. Был проведен обмер земель и составлены кадастровые списки, причем учитывались не только земельные фонды, но и количество финиковых пальм и оливковых деревьев. Земельный налог в позднеримской империи основывался на земельной единице *iugum* (площадь одновременной вспашки парной запряжкой), но размер обложения определялся с помощью *indictio* — налоговых «ставок», различавшихся в зависимости от категории земли. Эти принципы налогообложения нашли отражение в новой податной системе сасанидского Ирана, хотя существовали и некоторые различия, которые мы не имеем возможности рассматривать в данной книге. Взимание подушной подати, подобной *capitatio* у римлян, при Хосрове производилось по податной шкале, в зависимости от категории налогоплательщика. Как и в Римской империи, в Иране от подушной подати были освобождены лица, находившиеся на государственной службе; в Иране, кроме того, подушная подать не взималась с жрецов, воинов и высшей знати. Некоторые детали налоговой реформы вызывают споры среди исследователей, но в основных чертах она ясна: Хосров добивался устойчивости и твердых поступлений в государственную казну.

Из Талмуда известно, что некоторые особенности старой практики взимания налогов еще сохранялись при Хосрове. Если кто-нибудь не мог уплатить земельный налог, обрабатываемый им участок переходил к тому, кто вносил установленную сумму налога. Уплатив земельный налог за того, кто не мог платить сам, можно было приобрести этого должника в качестве зависимого или раба. Согласно одному источнику («Nedarim», 62b), если иудей объявлял себя зороастрийцем, он мог избежать подушной подати. Речь идет, по-видимому, об особом налоге (или более тяжелой подушной подати), которым облагались иудеи, христиане и другие религиозные меньшинства. Христианский епископ и главы иудейских общин собирали налоги со своей паствы; эта практика сохраняется и во времена ислама. Сасанидская система обложения стала основой хорошо известной (в некоторых отношениях иной и более сложной) налоговой системы халифата — *хараджа* и *джизьи*.

Наряду с налоговой и финансовой реформами, при Хосрове произошли серьезные перемены в структуре общества и государственного аппарата, но и здесь многие детали ускользают от нас или могут быть истолкованы по-разному. Некоторые из этих нововведений могли быть делом и предшественников Хосрова, но именно после него они становятся характерными осо-

бенностями сасанидского Ирана. Пожалуй, самая важная из этих черт — рост мелкой аристократии, или дихканства (*дихкан*, буквально «владетель селения»), как называли арабы этот костяк персидской областной и местной администрации. Дихканство к концу сасанидской державы действительно владело и правило страной. Таким своим положением мелкая аристократия, по всей видимости, была обязана царю, и она служила хорошим противовесом крупным родам знати, постепенно терявшим свое значение. Стремясь к созданию устойчивой структуры общества, Хосров мог найти опору в освященном религией делении общества на четыре сословия или касты, которое возникло еще на заре иранской истории, но именно ко времени Хосрова полностью оформилось.

В мусульманских сочинениях, таких, как «Китāб ал-тāдж» Джахиза, содержатся, наряду с ценными и достоверными данными, бесчисленные анекдоты о деятельности Хосрова I. Источники совпадают в своей оценке сасанидской державы после Хосрова —прочное здание, лестница иерархии и над всеми — царь царей. Государственный корабль был хорошо оснащен, книги с описаниями церемониала, наставления принцам и другие сочинения определяли обязанности царя по отношению к своим подданным и подданных по отношению к царю. На это время должна приходиться активная разработка и фиксация правил поведения, прав и обязанностей разных сословий. Звания *мобедан мобед* (глава духовенства), *дабиран дабир* (глава писцов) и другие, образованные в подражание титулу «царь царей», свидетельствуют об устройстве общества по царским и религиозным предначертаниям. Привлекательная на первый взгляд картина жизни позднесасанидского государства имеет и оборотную сторону. В обществе, которое, казалось бы, достигло социальной и духовной стабильности в религии, сословной структуре и общей культуре, уже вызревали зерна упадка, порожденного застоем.

Правление Хосрова было и временем завоеваний. В 540 г. персам удалось сравнительно легко захватить Антиохию на Оронте. На востоке могущество эфталитов было сокрушено совместными ударами персов и тюрок около 558 г., когда Западный Тюркский каганат и Иран, покончив с владычеством эфталитов, заменили его (во всяком случае, номинально) господством тюрок к северу от Амударьи и установлением власти Сасанидов над многочисленными мелкими княжествами эфталитов к югу от этой реки. Хосров, так же как и Шапур I и Шапур II, систематически поселял в различных частях Ирана военнопленных; этой испытанной практике следовали в более близкое к нам время шах ‘Аббас и Реза-шах. При Хосрове был предпринят и неожиданный на первый взгляд, но очень важный для Саса-

нидов захват Йемена (отзвук этого события можно найти в Коране). Рубежи державы при Хосрове защищались сетью пограничных крепостей — в Сирийской пустыне, в районе Дербента на Кавказе и на восточном побережье Каспийского моря, в степях Гургана. Введение института четырех *спахбадов* (полководцев), соответственно четырем странам света, также приписывается Хосрову. Одновременно в этот поздний период сасанидской истории растет и значение *марзбанов,* «хранителей границ». Уже упоминалось о новых городах, построенных при Хосрове. Один из городов, возведенный с помощью пленных византийцев близ Ктесифона, назывался буквально «Лучшая Антиохия Хосрова», подобно «Лучшей Антиохии Шапура» (Гундешапур). Дикий вепрь на печати Хосрова был очень распространенным символом в сасанидском искусстве (рис. 109, 111). Новая организация административного управления при Хосрове, ознаменовавшаяся созданием системы диванов, многими мусульманскими авторами рассматривается как прообраз диванов при ʿАббасидах, хотя прямую преемственность в этой области доказать трудно.

О Хосрове Аноширване написано так много, что можно, не останавливаясь на спорных вопросах, отослать читателя к исследованиям, посвященным его правлению[51]. Налоговая и административная реформа Хосрова имела большее значение, чем расширение границ державы. Главным результатом этих реформ был упадок могущества высшей знати и владетельных князей и усиление чиновничества. Реорганизации подверглась также армия, которая отныне была теснее связана с центральной властью, чем с местными военачальниками и князьями. Хосрову приписывают проведение и многих других реформ, однако для нас представляют интерес детали, значение которых не всегда в достаточной мере оценивается.

Известно, что имена героев иранского эпоса в конце V и в начале VI в. становятся популярными среди членов царского рода, а также, вероятно, среди знати, хотя о последней до нас дошло немного сведений[52]. Об усилившемся интересе к старине свидетельствует и появление на монетах Пероза и Кавада древнего титула в его среднеперсидской форме *kay* (пишется *kdy*)[53]. Можно полагать, что сказания и легенды древнего Ирана при

---

[51] Общий очерк его царствования см.: A. Christensen, L'Iran, стр. 363—440. О пограничных укреплениях см.: H. S. Nyberg, Die sassanidische Westgrenze; J. H. Kramers, The military colonization of the Caucasus and Armenia under the Sassanids,— BSOAS, vol. VIII, 1936, стр. 613—618.

[52] Такие имена, как Кавад, Джамасп, Кавус и Хосров, отмечены Т. Нёльдеке в его переводе Табари (Geschichte der Perser, стр. 147).

[53] Титул *kay* получил распространение и за пределами державы Сасанидов, о чем свидетельствуют, согласно В. Б. Хеннингу (W. B. Henning, Mitteliranisch, стр. 27, 53), монеты из Средней Азии.

Хосрове I были собраны воедино и что иранский героический эпос, как мы его знаем по «Шах-наме» Фирдоуси, имел в это время почти такой же вид, как и позднее. Не исключены (хотя и не могут быть доказаны) значительные переделки эпоса в этот период, например, включение в сказание о Кей-Хосрове событий из жизни Хосрова Аноширвана. Некоторые исследователи склонны относить ко времени Хосрова учреждение многих высших должностей и званий державы, в том числе должности *мобедан мобеда;* однако приписывание всех нововведений такого рода одному только Хосрову вряд ли справедливо. Утверждают, что Хосров установил новую иерархию храмов огня и ввел огонь Гушнаспа, связанный с коронацией Хосрова в Шизе (Ганзаке); это возможно, но не доказано [54].

С именем Хосрова связано также возрождение науки, сопровождавшееся греческим и индийским влиянием. У Агафия (II, 30) есть известный отрывок, повествующий о греческих философах (видимо, неоплатониках), прибывших ко двору царя царей в 539 г., после закрытия академии в Афинах, и хорошо принятых персами. Вопрос о развитии науки при Сасанидах не разработан в деталях. Некоторые исследователи приписывают персидское происхождение многому из того, что составляет достояние позднейшей мусульманской науки; другие, напротив, отрицают существование сколько-нибудь значительной пехлевийской научной литературы. Мы знаем о Бурзое, знаменитом лекаре Хосрова, который, согласно принятой версии, был послан царем царей в Индию и привез оттуда шахматы и много санскритских книг, таких, как басни Бидпая и труды по медицине, которые Бурзой перевел на среднеперсидский язык. Другие персидские ученые известны только по позднейшим ссылкам. Многие арабские и новоперсидские труды по астрономии, в том числе таблицы звезд (особенно «Зидж-и шахрияр»), указывают на сасанидские прототипы. Можно подозревать, что большая среднеперсидская светская литература оказалась уничтоженной из-за того, что мобеды не заботились о ее сохранении, а мужей науки и литературы больше устраивал арабский язык, чем среднеперсидский с его трудной системой письма.

Несомненно, однако, что многие и различные по своему характеру научные труды были переведены с греческого на пехлеви, а позднее с пехлеви на арабский, что свидетельствует о научной жизни при Сасанидах [55]. Эта ученость была, скорее, ком-

---

[54] S. Wikander, Feuerpriester, стр. 151—152.

[55] C. A. Nallino, Tracce di opere greche giunte agli Arabi per trafila Pehlevica,— «A Volume of Oriental Studies presented to E. G. Browne», Cambridge, 1922, стр. 345—363. В «Фихристе» ан-Надима есть перечень пехлевийских книг, которые были переведены на арабский язык.

пилятивной, чем творческой; литературное возрождение во времена Хосрова проявилось не столько в создании нового, сколько в записи и канонизации легенд и сказаний, входящих в иранский эпос. К этому периоду исследователи относят письмо Тансара (или Тосара), который упоминался уже выше, «Книгу деяний Ардашира» и другие произведения пехлевийской литературы [56]. Некоторые утверждают также, что авестийский алфавит был создан только при Хосрове. Позднейшие редакции как эпической, так и религиозной литературы затрудняют определение первоначальной записи, но нельзя отрицать активную литературную деятельность при Хосрове.

Сасанидское искусство по праву характеризуют как вершину тысячелетнего развития искусства Ирана. В позднесасанидском искусстве можно видеть греческие и римские элементы, древневосточные архаичные мотивы и чисто иранские темы, например сцены инвеституры царя, сидящего на коне. Непродолжительное оживление греческого влияния при Шапуре I вряд ли нарушило преемственность развития иранского искусства — от парфянской эпохи и Ардашира до Хосрова. Резьба по штуку и алебастру в сасанидском искусстве, как и в позднегандхарском, достигла очень высокой выразительности. Широкое распространение монограмм, символов и сложных узоров характерно для позднесасанидского искусства, как и для раннемусульманского (рис. 113—117). В раннесасанидском искусстве можно заметить стремление к реалистичности изображения, тогда как в самом конце сасанидской эпохи побеждают стилизация и геометрическая изобразительность. Антропоморфные изображения Ахура Мазды, являвшиеся, возможно, пережитком «мессианского этапа» в религиях Ближнего Востока, не встречаются в искусстве последнего периода сасанидской державы. Древние мотивы — сцены охоты, инвеституры царя или битвы всадников — представлены на скальных рельефах и на замечательных серебряных блюдах, причем черты сасанидского искусства в них легко распознаются и не могут быть спутаны ни с чем другим. Этот сасанидский стереотип в искусстве можно считать еще одним свидетельством «замораживания» культуры и общества. Дошедшие до нас памятники архитектуры, скульптуры, торевтики, гончарного и шелкоткацкого ремесла сасанидской эпохи — убедительные доказательства величия и богатства иранской культуры.

Сасанидская держава в конце правления Хосрова казалась

---

[56] T. Nöldeke, Das iranische Nationalepos, 2. Aufl., Berlin — Leipzig, 1920, разделы 6 и 7; В. В. Бартольд, К истории персидского эпоса,— ЗВОРАО, т. XII, 1915, стр. 257—282.

сильнее, чем когда-либо, но, несмотря на изменения и реформы, этот век был не только временем нововведений. Скорее, этот период может быть охарактеризован как время подведения итогов, собирания и письменной фиксации — прошлое становилось важным оправданием для действий государства и церкви. Это прошлое, возрождавшееся в эпических сказаниях, традициях и обычаях, было, однако, героическим прошлым знатных родов и княжеских дружин, но не централизованного бюрократического государства, которое стремился создать Хосров. Не напоминали ли его преемники Дон-Кихота, когда они заботились о традициях прошлого в то время, как народ был готов уже принять новое пророчество Мухаммада? Знатные роды сохраняли героические традиции Ирана; эти традиции пережили атаки ислама, когда сасанидская держава оказалась повергнутой. Местный сепаратизм и неистовый индивидуализм были и несчастьем, и славой Ирана на протяжении всей его истории. Пройдя через победы и поражения, культура и весь уклад жизни сплотили население страны больше, чем политические институты или даже религия, хотя и они тоже оказались включенными в наследие Персии.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ЗАВОЕВАНИЕ ПЕРСАМИ ИСЛАМА

Крушение старых порядков

После Хосрова Аноширвана сасанидское общество еще более восторгалось героическим прошлым, с его традициями и символикой; но этот старый мир был уже опрокинут восстанием Маздака и реформами самого Хосрова [1]. Это не означает, однако, что города, например, стали развиваться в ущерб феодальной сельской округе. Наоборот, после реформ Хосрова дихканы строят по всей империи небольшие замки — центры поместий, но совсем не такие, как былые дворцы царьков и крупной аристократии. Более того, в последние годы правления Сасанидов нет никаких признаков роста городов — тяжелое экономическое положение и постоянные войны не способствовали градостроительству и торговле. Иран, пережив при Хосрове I и Хосрове II период укрепления и централизации государства, накануне падения державы Сасанидов вновь оказался раздробленным, так что, когда Ездигерд III, последний царь царей, потерпел поражение, не нашлось ни крупных феодалов, ни феодального войска, которые могли бы противостоять арабам. Очень может быть, что каждый дихкан ощущал себя Рустамом, а то и парфянским Суреном или Кареном, но эти идеалы прошлого уже не были реальностью. Попытаемся охарактеризовать обстановку и уклад жизни в последний век существования державы Сасанидов.

Значительное увеличение числа монет, обращавшихся при Хосрове I и особенно при Хосрове II, шло параллельно с ростом налогов. Золотые монеты были редки — главным образом праздничные и коммеморативные выпуски, следовавшие весовому стандарту римских ауреусов, но не приведенные в соответствие с господствующей в Персии весовой системой для серебра. Сасанидская драхма имела специфическую форму; эта плоская тонкая монета стала, особенно после Хосрова I, единственным типом серебряного чекана [2]. Упорядочение эмиссий путем обо-

---

[1] Подлинные события и для этого периода в источниках нередко трудно отделить от легенд; мессианистские и апокалиптические черты позднесасанидской литературы рассматривались исследователями, см. последнюю работу в этой области: K. Czeglédy, Bahrām Chōbīn and the Persian apocalyptic literature,— AOASH, t. 8, 1958, стр. 21—43.

[2] Позднее эти монеты известны как дирхемы. Происхождение греческого слова *drakhme* не вполне ясно; возможно, что первоначальное его значение — «горсть». Вес сасанидской драхмы составлял от 3,65 до 3,94 *г*. Медные монеты следовали серебряному стандарту.

значения дат и монетных дворов показывает, что государство усиливало контроль над чеканом, сделав его гораздо более действенным, чем это было при первых Сасанидах. Сокращение выпуска медной монеты и рост серебряного чекана после Хосрова I свидетельствует о стремлении к централизации экономики и ограничению местной автономии; эта тенденция продолжала действовать и после того, как обозначился политический кризис центральной власти. Однако ни централизация экономики, ни высокий уровень развития торговли и банковского дела (мы знаем о существовании в этот период векселей, чеков и аккредитивов) не позволяют сделать вывод об экономическом процветании позднесасанидской империи. Частые войны и захваты новых территорий порой приносили значительные поступления в государственную казну — военная добыча служила в древности важным источником доходов. Но войны требовали огромных расходов, истощавших страну, и это особенно сказалось в конце правления Сасанидов. У нас нет надежных данных, чтобы определить уровень развития экономики державы в последнее столетие ее существования и сопоставить его с предшествующими периодами. Несомненно, что экономика Византийской империи после Юстиниана была гораздо более прочной, чем экономика позднесасанидского государства. Роскошь и блеск двора Хосрова II Апарвеза поразили византийцев, когда они при императоре Ираклии захватили и разграбили дворец царя царей; у более поздних мусульманских авторов также приводится много рассказов о сказочных богатствах последних Сасанидов[3], но по этим анекдотам нельзя судить о положении страны. Рост налогов и частые войны, особенно при Хосрове II, подрывали благосостояние купцов и разоряли крестьян. Обнищание народа и сосредоточение огромных богатств в руках царской династии и знати — такова картина этого периода.

После смерти Хосрова II, в последние десятилетия державы, обнаруживается упадок центральной власти. Престолом распоряжается знать, прежде всего крупные военачальники. Оказалось, что реформы, проведенные при Хосрове I, в конечном счете привели к ослаблению власти самого царя. Если раньше знатные роды соперничали между собой, что создавало извест-

[3] См. данные источников у: A. Christensen, L'Iran, стр. 453—455; 464—469. Пехлевийское сочинение «Царь Хосров и его паж» (The Pahlavi text «King Husrav and his boy», publ. by J. M. Unvala, Paris, 1917) рассказывает об успехах пажа при дворе Хосрова II (паж происходил из округа *Ērān Vinārd Kavād*, букв. «Кавад привел в порядок Иран», к северу от Исфахана). Здесь подробно описаны качества, которые украшают знатного юношу, получившего хорошее воспитание, но для историка не менее важны и другие свидетельства изысканности нравов и богатства знати, содержащиеся в этом сочинении.

ное равновесие сил в борьбе царя со знатью, то теперь царю противостояли высшее чиновничество и военная аристократия, посягавшие на трон. Некоторые высшие должности в государственном аппарате были заняты духовенством, хотя, как правило, в канцеляриях служили писцы, а не мобеды или другие лица, имевшие духовный сан[4]. В целом сасанидской державой накануне арабского завоевания правил не столько сам царь, сколько военачальники, верхушка духовенства и крупные чиновники, опиравшиеся, в свою очередь, на дихкан, писцов и, конечно, на войско.

В этот период можно заметить более строгое соблюдение сословного (или кастового) деления общества, освященного религией. Особое сословие составляли жрецы; остальные персы были расписаны по другим сословиям — в строгом соответствии с традиционным, идущим от религиозных установлений делением общества на жрецов, воинов, писцов и простой народ. Христиане и последователи других религий составляли особые группы, как и в позднейшей системе «милет» Оттоманской империи[5]. Такое членение общества несомненно создавало известную устойчивость и в то же время препятствовало установлению тесных контактов между представителями разных сословий и общей гражданской ответственности подданных державы перед царем или перед членами других «каст». Эта разобщенность ослабляла Иран; она помогла арабам сокрушить державу Сасанидов.

О судьбах зороастрийской религии и церкви в позднесасанидском государстве написано много. Большинство исследований в этой области опирается на несомненно правильные гипотезы, но данные источников, к сожалению, скудны и могут быть истолкованы по-разному. Некоторые ученые выдвинули тезис о господстве северных мобедов, придерживавшихся зерванизма, и о их победе над хербедами — ортодоксальными зороастрийцами — уже в первый период правления Сасанидов. Должен при-

---

[4] Так, например, в сирийском житии мученика Мар Абы упомянут некий Кардаг, носивший титул *anibad*, «глава церемониала», один из духовных зороастрийских вельмож при Ездигерде I. Известны и другие князья церкви, занимавшие важные посты в административном аппарате, хотя сведений такого рода немного. Гражданские чиновники, в том числе сборщики податей и писцы, составляли особое сословие или касту. См.: M. Sprengling, From Persian to Arabic,— AJSL, vol. LVI, 1939, стр. 190, 196.

[5] Сведения об иерархии зороастрийских жрецов и христианского духовенства сасанидского Ирана можно найти, например, в житии Мар Абы, см.: O. Braun, Ausgewählte Akten, стр. 212, 231. Деление общества на четыре сословия хорошо известно по Мас'уди и другим мусульманским авторам; ср.: E. Benveniste, Les classes sociales dans la tradition avestique,— JA, t. CCXXI, 1932, стр. 117.

знаться, что я не вижу оснований для такого вывода[6]. Зороастрийская церковь при последних Сасанидах более всего заботилась о соблюдении ритуала и религиозных предписаний, однако она, очевидно, не могла не считаться с влиянием гностических учений, прежде всего зерванизма. Зерванизм вполне соответствовал пессимистической философии этой эпохи. Весьма вероятно, что в сасанидском зороастризме существовали секты, но в державе, где государство и церковь шли рука об руку, секты или ереси определялись прежде всего с точки зрения нарушения ортопраксии, следования установленному ритуалу,— отход от догм вероучения мог быть и не замечен.

О роли, которая придавалась ритуалу, можно судить по многим источникам, в том числе по житиям христианских мучеников. Известно много случаев, когда зороастрийцы заставляли пленных христиан есть свежее мясо вместо жертвенного или совершать обряд почитания солнца, после чего их освобождали. Прокопий Кесарийский («О персидской войне», II, 28, 25) сообщает, что персы очень строги в соблюдении обычаев повседневной жизни; он же (I, 11, 35), как и другие авторы, приводит известия о том, что погребальные обряды персов, ранее различавшиеся, свелись теперь к выставлению трупа, после чего очищенные от плоти кости складывались в астоданы (оссуарии), которые погребались[7]. Сообщения такого рода свидетельствуют о большом значении, придававшемся ортопраксии в сасанидском Иране. Однако, если обратиться к вероучению, к религиозной теории позднего зороастризма, то столь твердых установлений мы не встретим.

Сообщения мусульманских авторов о зороастрийских сектах в Иране в период после арабского завоевания позволяют пред-

---

[6] Ср.: G. Widengren, Stand und Aufgaben der iranischen Religionsgeschichte,— «Numen», Bd II, 1956, стр. 144.

[7] Спорным остается вопрос о том, насколько строго были регламентированы погребальные обряды в зороастризме. Я полагаю (это, конечно, не более чем гипотеза), что выставление трупов на съедение хищным зверям и птицам и последующее помещение костей в оссуарии — обычай, который пришел из Средней Азии, был воспринят мобедами Ирана и превращен в религиозную норму. Более ранние, досасанидские типы погребений известны для Месопотамии и Западного Ирана. О правомерности такой гипотезы свидетельствуют не только сообщения письменных источников, но и археологические данные — в Средней Азии обнаружено намного больше оссуариев, чем на территории Иранского плато, причем они относятся и к более раннему времени. Отчеты об археологических работах в Средней Азии содержат, как правило, сведения о находках оссуариев. Судя по сообщениям Геродота и других авторов, практика выставления трупов была известна магам уже в глубокой древности — так поступали маги в Мидии. Однако в целом предстоит еще выяснить связи погребальных обрядов магов Западного Ирана и населения Средней Азии.

положить, что такие секты существовали и в сасанидское время. Но различия между этими «сектами» — чисто философские или «космологические». Так, Шахристани, писавший в XII в., говорит о секте зерванитов, которые считали Ормизда и Ахримана сыновьями Зрвана, «бесконечного времени», тогда как «маздеисты» придерживались строгого дуализма и не считали, что Ормизд и Ахриман — единоутробные братья. Проблема происхождения злого начала, Ахримана, несомненно вызывала споры в сасанидском зороастризме, как и в других религиях; насколько известно, нет сект, которые различались бы концепцией происхождения зла и противостояли в этом отношении друг другу. Следует, по-видимому, говорить не о сложившихся сектах, а о разных школах мобедов и схоластических спорах между ними; но единственное достоверное разделение зороастрийской церкви выражалось в существовании северной (парфянской) и южной (сасанидской) школ или течений[8].

Народные поверья, равно как и представления, сформировавшиеся еще в странах древнего Востока, сохранялись среди зороастрийцев и в сасанидскую эпоху. Большим авторитетом пользовалась астрология; простой народ верил в магию и демонологию. Такого рода верования дожили в Персии вплоть до настоящего времени, что отмечено многими исследователями[9]. Труднее проследить, каковы были судьбы религиозно-философских учений — гностических, теософических, докетических, мессианистских и других течений. Они, несомненно, существовали в сасанидском Иране, многие из них продолжали сохраняться во времена ислама, но течения такого рода находят себе приют в разных религиях, так что трудно нередко установить, имеем ли мы дело с зороастрийским влиянием на ислам или с параллель-

---

[8] См. дискуссию по этому поводу: M. Molé, Le problème zurvanite,— JA, t. CCXLVII, 1959, стр. 431—469; R. N. Frye, Zurvanism again, стр. 63—73 (здесь же ссылки на другие работы).

[9] Современные обряды, связанные с празднованием Ноуруза (Нового года), такие, как почитание огня, и многие другие народные обычаи и поверья восходят к доисламскому периоду. Они могут свидетельствовать о влиянии, которое оказывала зороастрийская религия на повседневный быт иранцев не только при Сасанидах, но и в более позднее время. Обширная мессианистская и апокалиптическая литература на пехлеви, а затем и на новоперсидском языке указывает на популярность мессианства в конце сасанидской эпохи. Одним из наиболее известных героев-спасителей был Вахрам-и Варджаванд, легендарный прототип Бахрама Чубина, прославившийся своими рыцарскими подвигами. Сходное явление — отождествление народных героев с божьими посланниками — мы находим и позже, во времена ислама; достаточно упомянуть о наиболее знаменитом из них — Абу Муслиме, герое многих сказаний и апокалиптических произведений. Можно надеяться, что найдется ученый, который напишет детальное исследование о «посланниках божьих» в истории Ирана, начиная с древнейших времен.

ным развитием. Мы не можем рассматривать здесь связи мистицизма или зороастрийской теософии с более поздним мусульманским суфизмом или философией *ишрāкū* Сухраварди и его школы. В работах А. Корбэна показано, что отзвуки идей и символики позднего зороастризма присутствуют в сочинениях некоторых мусульманских авторов[10]. В зороастрийской ангелологии А. Корбэн находит аналогии исламским представлениям. Поразительное сходство обнаруживается и в представлениях о спасителе в зороастризме и в исламе (особенно в шиитском исламе)[11]. Все это может быть предметом особой книги — о зороастрийской религии. Несомненно, что на поздний зороастризм наложила отпечаток схоластическая философия, возможно и мистицизм, которые отнюдь не являются творениями ислама.

Среди зороастрийских обрядов сасанидского Ирана более всего привлекало внимание иноземцев поклонение огню — целая сеть алтарей огня в державе. *Атешкаде*, храмы огня, поражали и мусульманских авторов, отметивших большое число этих храмов на территории всей Персии. Некоторые из них представляли собой очень простые сооружения — по существу, купол на четырех столбообразных стенках (*чахāр тāк*); другие — и таких было немало — отличались внушительными размерами. Пожертвования на храм огня считались, как и у современных парсов, актом благочестия, и многие храмы носили имена жертвователей. Храмы огня владели обширными землями и другим имуществом, но арабам должна была более всего бросаться в глаза простота их убранства, контрастирующая с позолотой и великолепием христианских церквей.

Начиная с ахеменидских времен поклонение огню совершалось обычно либо под открытым небом, на вершине холма или на платформе, либо в закрытом помещении храма; *чахāр тāк* сасанидской эпохи был, видимо, своеобразным компромиссом. Ритуал и обряды зороастрийской государственной церкви отличались строгой регламентацией, что обусловило и шаблон в храмовой архитектуре[12]. Тем не менее сеть храмов огня была наиболее примечательной особенностью церкви; источники могут

---

[10] См. особенно: H. Corbin, Les motifs zoroastriens dans la philosophie de Sohrawardi Chaykh-al Echraq. Téhéran. 1946; Le temps cyclique dans le mazdéisme et dans l'ismaélisme,— «Eranos-Jahrbuch», t. XX, Zürich, 1952, стр. 149—217.

[11] H. Corbin, Terre céleste et Corps de Résurrection de l'Iran mazdéen à l'Iran Shī'ite, Paris, 1961, стр. 15.

[12] K. Erdmann, Das iranische Feuerheiligtum, Leipzig, 1941, стр. 32, 62. [Ср. также: K. Schippmann, Die Entwicklung der iranischen Feuerheiligtums,— ZDMG, Supplement I: XVII. Deutscher Orientalistentag, Vorträge, Teil 3, Wiesbaden, 1969, стр. 1021—1031; G. Gropp, Die Funktion des Feuertempels der Zoroastrier,— AMI, N. F., Bd 2, Berlin, 1969, стр. 139—146.]

показать, что эта сеть имела иерархическую структуру, подобную иерархии духовенства и чиновничества. Мы уже отмечали, что каждый царь имел свой огонь; кроме того, существовало по крайней мере три великих огня, связанных с тремя сословиями или кастами, известными уже в глубокой древности — огонь *Фарнбаг* для жрецов, огонь *Гушнасп* для воинов и огонь *Бурзен Михр* для крестьян и простого народа. Нет упоминаний о специальном огне для сословия писцов, то есть чиновников, лекарей, поэтов и т. д.; не исключено, что строгое распределение огней по сословиям существовало лишь в теории, но не имело практического значения для обрядов, ритуала почитания и попечительства над разными огнями, равно как и для облика храмов и других сооружений. Огни Варахрана (Бахрама) были наиболее распространенными и составляли основу сети храмов огня; они соответствовали, очевидно, главным огням провинций державы. Ниже их в иерархии огней шли огни городов, затем огни деревень и, наконец, огни каждого отдельного дома. Существовал строго установленный ритуал обновления, через определенное время, всех огней: домашний огонь вновь зажигался от городского, последний — от огня Бахрама; эти правила, как и обряды очищения, должны были соблюдаться зороастрийцами неукоснительно[13]. Многочисленные ограничения и запреты позднесасанидского зороастризма, известные из пехлевийских книг, рисуют нам религию, которая гораздо больше была озабочена обрядами и ритуалом, чем вероучением,— чисто внешнее единство культа, сходное в этом отношении с регламентацией кастового общества Индии или мандаринства в Китае.

К концу правления Сасанидов зороастрийская церковь вынуждена была сама отстаивать свое существование — государство, с которым она была так тесно связана, пришло в упадок. Не только внутренние причины ослабляли религию; на нее наступали и внешние силы. Манихейство, так и не задушенное окончательно мобедами, получило новых приверженцев, особенно в Средней Азии. Еще более внушительным было распространение христианства. Несторианская церковь имела епископства по всей стране, и источники полны рассказов о персах, которые занимали видное положение, но перешли в христианство и даже приняли мучения за новую веру. В последнее столетие правления Сасанидов заметен рост монофизитского христианства, в основном за счет несторианства. В целом христианство в Иране усилилось настолько, что могло бы, как считают некоторые, прийти на смену зороастризму, и лишь арабское завоевание помешало этому. Положение государственной церкви Персии в

[13] K. Erdmann, Das iranische Feuerheiligtum, стр. 43.

конце сасанидской эпохи было далеко не столь прочным, как несколькими столетиями раньше. Быстрые победы арабов могут показаться неожиданными, но с точки зрения религиозной успех ислама не выглядит столь поразительным, как об этом иногда пишут.

Сасанидская империя не смогла оказать серьезного сопротивления арабам прежде всего потому, что она была подорвана внутренними распрями, неудачными войнами с Византией и кризисом экономики и системы управления. Трудности начались уже при Хосрове II и неизмеримо возросли после его гибели. Хосров II Апарвез вступил на престол в 590 или 591 г. с помощью византийских отрядов, посланных императором Маврикием, чтобы поддержать Хосрова против узурпатора Бахрама Чубина; последнему, несколько неожиданно, уделено много внимания в персидском фольклоре и даже в мессианистской эсхатологии. Прошло 12 лет, и смерть Маврикия от руки Фоки дала возможность Хосрову начать военные действия против Византии. Сопротивление Византийской империи было ослаблено внутренними распрями, и сасанидские войска довольно быстро захватили Антиохию, Иерусалим и, наконец, Александрию — персы снова восстановили границы империи Ахеменидов. Когда персидские отряды появились под Константинополем, казалось, что Иран должен повергнуть своего давнего врага. Но очень скоро роли переменились.

Новый византийский император Ираклий проплыл с войском по Черному морю на восток, и пока персидская армия находилась на азиатском берегу Босфора, высадился на Кавказском побережье, прошел по Армении и Азербайджану и ударил в самое сердце державы Сасанидов. Этот удивительный военный поход неоднократно исследовался учеными, но подробности продвижения Ираклия остаются неясными [14]. Он захватил Ганзак (Шиз), важный религиозный центр в Азербайджане; персы были разгромлены. В 628 г. Ираклий овладел резиденцией царя царей в Дастагирде, около Ктесифона, но Хосров все еще отказывался от заключения мира. Персидские военачальники восстали, Хосров был схвачен и убит в тюрьме. Его сын и преемник Кавад II сидел на троне только шесть месяцев и умер — не то от яда, не то от болезни.

Теперь цари царей менялись по нескольку раз в год. В их числе были и полководец, захвативший Иерусалим,— Шахрвараз, «вепрь государства», убитый после нескольких месяцев царствования, и две принцессы — Боран и Азармидухт. После не-

[14] См.: V. Minorsky, Roman and Byzantine campaigns in Atropatene,— BSOAS, vol. XI, 1945, стр. 248 (с литературой).

скольких лет междоусобных войн и многочисленных убийств знатью был возведен на трон последний Сасанид. Юный принц, внук Хосрова II, Ездигерд III во многом напоминал последнего Ахеменида; если бы он располагал бо́льшим временем, он мог бы, возможно, спасти Персию от нашествия арабов. Но было поздно: арабы, уже объединившиеся под знаменем ислама, готовились начать завоевание сасанидской и Византийской империй.

Ислам против Ирана

Арабы Аравийского полуострова установили связь с Месопотамией и Египтом очень давно — более чем за тысячелетие до Мухаммада. Высокоразвитая и процветающая цивилизация Южной Аравии погибла ко времени Александра Македонского. О Южной Аравии, несмотря на надписи и археологические памятники, известно немногое; но еще меньше мы знаем о Северной Аравии до возвышения набатеев, которые, распространившись в эллинистическую эпоху на север, поселились в Трансиордании и Северной Аравии и захватили в свои руки торговлю между Аравией и Восточным Средиземноморьем. Набатеи были оседлым народом и оставили много превосходных памятников, в том числе и город из красного камня — Петра, посещаемый туристами в наши дни. Государство набатеев процветало и в римский период; их купцы заходили далеко на запад. Около 106 г. Траян уничтожил Набатейское царство. Такую же роль, как набатеи на севере, в Южной Аравии играли химьяриты, но после падения Набатейского царства торговля заглохла; в Аравии стали господствовать бедуины. Города опустели или пришли в упадок, так что период IV—VII вв.— мрачное время в Аравии.

В области «Серпа Плодородия» арабы проникли еще до н. э. В Эдессе ими было основано царство, которым вплоть до возвышения Сасанидов правили арабские государи из династии Абгаров. Арабские княжества существовали также в Хатре, в Пальмире и в других местах. Но самыми известными из арабских владений были царство Гассанидов в Сирийской пустыне, зависевшее от Византийской империи, и царство Лахмидов, со столицей в ал-Хире на Евфрате. Эти царства были созданы арабскими оседлыми племенами. В государстве Гассанидов широкое распространение получило монофизитское христианство; Лахмиды в большинстве были последователями несторианства. Эти два буферных государства в течение долгого времени хорошо служили Византийской и сасанидской империям. В начале VII в. Хосров II свергнул лахмидского царя Ну'мана (602 г.) и положил конец династии; Гассаниды также пали во время персид-

ского нашествия при Хосрове II[15]. Войны между Гассанидами и Лахмидами известны не только по византийским источникам, но и из арабской поэзии. Столкновения бывали часто яростными и жестокими. Ликвидация буферных царств открыла путь для прямых нападений бедуинов Аравии на Византию и Иран.

Первое представление о силе объединенных арабских племен персы получили около 611 г. в битве при Зу-Каре (между позднейшими Куфой и Васитом), в которой сасанидское войско было полностью разгромлено бедуинами. Арабские поэты воспели эту победу во многих стихах. Отныне кочевники арабы, объединенные новым религиозным рвением, стали непобедимыми. Ход последующих событий хорошо известен; драматическая внезапность восхождения ислама на небосвод истории поразительна. Достаточно только перечислить даты и сражения, чтобы показать темпы арабского завоевания. Город ал-Хира сдался воинам ислама в 633 г., но только после того, как Сирия была повержена арабами, главные силы бедуинов обрушились на Иран. В мае 637 г. сасанидская армия была уничтожена, а персидский главнокомандующий Рустам погиб в битве при Кадисии. Вскоре арабы захватили Ктесифон. Второе столкновение — при Джалуле, в конце того же года,— также закончилось разгромом персов, и Ирак (равнинная часть) покорился новым завоевателям. В 642 г. битва при Нихавенде окончательно решила судьбу Сасанидов — арабы были в центре Эраншахра. В следующем году пал Хамадан, и победители превратили его в базу для последующих походов на север — в Азербайджан, на юг — в Исфахан и на юго-восток — в Керман. Мусульманские армии не остановились в пустынях Центрального Ирана и продвигались далее на восток, в Хорасан. Создание Омейядского халифата и история ислама остаются за рамками нашей книги, но перемены, которые произошли в Персии после арабского завоевания, составляют часть истории древнего наследия этой страны, и мы должны рассмотреть их.

Ездигерд, подобно тому как это сделал тысячелетием раньше последний Дарий, бежал от завоевателей в Хорасан и, как и Дарий, был умерщвлен своими сторонниками. Это произошло в Мерве в 651 г. С его смертью сасанидская держава лишилась центральной власти; местные князья и наместники оказались перед лицом арабских завоевателей. В мусульманских источниках сообщается о принятии ислама многими дихканами и другими предводителями персов, но массовое обращение в ис-

[15] G. Rothstein, Die Dynastie der Lahmiden in al-Hira, Berlin, 1899, стр. 119. Лахмидский царь Амр впервые упоминается в надписи из Пайкули времени Нарсе. См. также: T. Nöldeke, Die ghassanischen Fürsten aus dem Hause Gafna's, Berlin, 1887.

лам началось гораздо позже — в период завоевания еще не существовало причин для перехода в новую веру. Арабы вначале заключали договоры с каждым захваченным городом или округом, управлявшимися городскими старейшинами или феодальным владетелем; главным для завоевателей было не обращение в ислам, а военная добыча. Исчезновение верхушки государственной и духовной иерархии создало вакуум, заполнявшийся арабскими завоевателями очень медленно. Переход управления от персов к арабам происходил постепенно и не сопровождался поначалу большими реформами. Вместо Ктесифона официальной столицей стала Медина, затем — Дамаск, но Персия управлялась местными чиновниками, как это было при Сасанидах. Арабы сохранили некоторые институты сасанидской бюрократии, но атрибуты верховной имперской власти были уничтожены. То, что уцелело в системе государственного устройства и административного деления, стало достоянием халифата, но это произошло только при ʿАббасидах, через столетие после завоевания арабами Ирана. В период правления Омейядов (около 660—750 гг.) в Иране можно заметить весьма характерную особенность — упрочение авторитета местных властей и, соответственно, ослабление связей между отдельными областями. Однако со временем для персов становилась все более очевидной необходимость сотрудничества с завоевателями, это стимулировало обращение в ислам в первую очередь дихканов, которые принимали новую веру главным образом из политических соображений.

Система взимания налогов на местах и структура иранского общества оставались в основном прежними. Изменилась обстановка в городах, где завоеватели разместили свои гарнизоны, так что воины-чужеземцы влились в состав городского населения. Главные перемены произошли позднее, когда арабы начали создавать новую организацию власти на имперской основе и реформировали систему административного управления и делопроизводства. Но пока этого не произошло, писцы и местные чиновники трудились так же, как они делали это при Сасанидах,— они составляли документы и вручали собранные налоги новым правителям.

В 696 г. халиф ʿАбд ал-Малик счел недопустимым, чтобы делопроизводство велось на греческом языке и на пехлеви. В следующем году арабский был введен в качестве языка канцелярии повсюду, кроме Хорасана, где это произошло лишь около 741 г. Писцы не имели оснований радоваться этой реформе, но большинство из них сумело, очевидно, довольно хорошо приспособиться к новым условиям; из них и вышли люди, занимавшиеся переводами с греческого, сирийского и пехлеви на арабский.

Роль персов в истории арабской литературы и особенно в филологии и грамматике слишком хорошо известна, чтобы ее описывать еще раз. Наиболее ранние арабские грамматики были составлены персами, например Сибавейхом. Указом 741 г. предписывалось не только вести делопроизводство в Хорасане на арабском языке, но и допускать к работе в канцелярии только мусульман — еще одна мера, послужившая причиной переходов в ислам[16]. Классический арабский стал *lingua franca*, а также языком новой религии. Персы поступали так же, как и раньше, когда они усваивали греческий и арамейский языки. Отныне тот, кто учился читать и писать, изучал арабский, а пехлеви оставался языком только зороастрийского жречества. Персы, конечно, продолжали говорить по-персидски, но многие из них владели и арабским языком. При последних Сасанидах среднеперсидский *койне* не только распространился по всей территории государства, но стал известен и за пределами империи, в Средней Азии и в нынешнем Афганистане. Арабские завоеватели в сношениях со своими иранскими подданными пользовались этим койне наряду с арабским языком. Мне представляется, что арабы сами способствовали продвижению персидского языка на восток, что вело к вытеснению местных языков (например, согдийского) и диалектов. В распространении персидского языка на территории Средней Азии известную роль должны были играть и беженцы из Ирана. Этот койне был, несомненно, прямым предком новоперсидского языка, о котором речь пойдет ниже.

После арабского завоевания и внедрения ислама в Иране сохранилось не только деление общества на четыре сословия (как это известно из источников, например из «Аҳла̄қ-и На̄ҫирӣ» Насир ад-Дина Туси); структура городов также осталась в основном прежней, с отдельными кварталами христианских, иудейских и других общин. Роли, однако переменились; власть перешла к мусульманам, и зороастрийцам пришлось селиться в «гетто». Примечательно, что с приходом ислама составление и переписка пехлевийских книг и другая деятельность зороастрийского жречества проходили больше в сельских местностях, чем в городах[17]. Это совпадает с общим ростом сельской автономии в Иране раннемусульманского периода, когда децентрализация стала особенно заметной.

При исламе не только продолжала действовать налоговая система сасанидского Ирана, но и прежняя сасанидская монета

---

[16] Подробности и сведения источников см.: M. Sprengling, From Persian to Arabic, стр. 214.

[17] J. Tavadia, Zur Pflege des iranischen Schrifttums,— ZDMG, Bd 98, 1944, стр. 337.

чеканилась арабскими наместниками халифа — появились лишь арабские надписи рядом с изображениями алтаря огня. Но и позднее, когда стали выпускаться мусульманские монеты и была установлена новая система налогов, они во многом продолжали следовать сасанидским образцам. Если можно спорить о том, являются ли слова *везир* («министр») и *диван* («канцелярия») персидскими по происхождению, то сами эти институты были — во всяком случае, при ʿАббасидах — сасанидскими по духу. Да и где в другом месте могли халифы найти образцы для структуры и церемониала их дворов? Арабы завоевали некоторые области Византийской империи, но в Иране они стали хозяевами всей державы, со всеми ее имперскими традициями. Соединение государства и церкви, отнюдь не отвергаемое в исламе, имело превосходный образец в сасанидской державе; развернутое изложение этой идеи содержится в новоперсидских «Книгах советов» (*Андарз-нāме*), восходящих к сасанидским сочинениям. Перечень сасанидских влияний на всех этапах развития мусульманской культуры и цивилизации слишком длинен, чтобы можно было привести его здесь.

Многие дихканы стали мусульманами, но именно они сохраняли старые традиции и эпическую литературу Ирана. Они были покровителями искусства и устной поэзии, и обычаи их оставались персидскими. Дихканы удержали свои позиции и положение в обществе, так что ислам не лег на них тяжким грузом. В период Омейядского халифата персы-мусульмане считались клиентами (*мавāлӣ*) арабских родов и племен. ʿАббасидское движение покончило не только с господством арабских племен, но и с разделением мусульман на арабов и их клиентов. Нет необходимости повторять ставшее шаблонным противопоставление арабского царства Омейядов персидской державе ʿАббасидов. ʿАббасиды не решили проблем, которые нес в себе «арабский» ислам, но при них созрели условия для больших перемен в мусульманской культуре; эти перемены превратили ислам в нечто большее, чем только арабская религия и арабский образ жизни. В то время, когда ислам становился международной религией и культурой, персы шлифовали свой язык, подготовляя его к роли языка письменной литературы, и обогащали традиции мусульманской культуры. Случилось так, что персы сыграли ведущую роль и в расширении основ мусульманской культуры, и в новоперсидском Ренессансе.

При ʿАббасидах существовало литературное (в широком смысле) движение, именуемое *шуʿубийя* — «националистическое» течение. Существует несколько мнений относительно характера *шуʿубийи*. Одни считают, что это было чисто литературное течение, а не широкое народное движение; по мнению

других исследователей, *шу'убийя* имела большое значение для всего общества, она должна была решить судьбы всей мусульманской культуры[18]. Мне кажется, что при решении этой проблемы мы должны отказаться от некоторых ошибочных утверждений. Так, широко распространено мнение, что поэты-«филоперсы» пытались разрушить здание ислама, вводя в мусульманскую культуру идеи, традиции и обычаи иранской цивилизации или насыщая персидскими словами арабский язык. Во времена 'Аббасидов вопрос стоял иначе: не ислам или Иран, а скорее персизованный, космополитический ислам или узкоарабский ислам. «Филоперсы», боровшиеся за обогащение и расширение ислама, понимали знамение времени, они шли в авангарде и видели будущее, тогда как те, кто отстаивал чистоту арабского ислама, защищали провинциальную ограниченность мусульманской культуры и тем самым не понимали ни духа ислама, ни предначертанной ему судьбы. Х. А. Р. Гибб тонко заметил, что на карту была поставлена способность мусульманского общества при 'Аббасидах «стать новым воплощением древней персо-арамейской культуры, в котором растворятся арабские и исламские начала, или же создать культуру, в которой персо-арамейский вклад окажется подчиненным арабской традиции и духу ислама»[19]. Для Персии такой дилеммы не существовало, для нее выбор первого пути был очевиден, но для тех областей халифата, где население говорило на арабском языке, предпочтение отдавалось второму пути.

Признаком разделения мусульманского мира на эти два лагеря, как мне кажется, был подъем новоперсидского языка в X в. и упадок классического арабского примерно в это же время. Арабский разговорный язык отдалился от классического настолько, что даже ученые-грамматики не говорили на классическом языке, а простой народ давно пользовался диалектами[20]. Так созревали условия для становления новоперсидской литературы.

Но прежде чем обратиться к новоперсидскому Ренессансу, полезно рассмотреть некоторые этнические и религиозные проблемы омейядского и раннеаббасидского периодов.

---

[18] О первой точке зрения см.: B. Spuler, Die Selbstbehauptung des iranischen Volkstums im frühen Islam,— «Die Welt als Geschichte», Bd X, 1950, стр. 189; I. Goldziher, Mohammedanische Studien, I, Halle, 1889, стр. 155. О второй концепции см.: H. A. R. Gibb, The social significance of the Shu'ubīyya,— «Studia Orientalia Ioanni Pedersen», Copenhagen, 1954, стр. 105—114.

[19] H. A. R. Gibb, The social significance, стр. 108.

[20] См. об этом: J. Fück, Arabiya, Berlin, 1950, стр. 78.

Арабы называли Среднюю Азию *mā warā'l-nahr* — «то, что за рекой» (Амударьей). Это отражает сасанидскую традицию — Мерв был военным форпостом на границах Сасанидов и остался таким для арабов. Среднеазиатские области не находились под властью персов, они управлялись многочисленными местными князьями. Некоторые владения, располагавшиеся на территории современного Афганистана, выплачивали, по-видимому, дань сасанидским монархам. Самым значительным народом, жившим «за рекой», были согдийцы, установившие торговые связи с Китаем по крайней мере за пятьсот лет до арабского завоевания. Крупнейшим городом Согда был Самарканд; согдийские купцы и колонисты проникали далеко за пределы своей родины — мы находим их и в Монголии, и в Мерве[21]. Из сообщений Менандра Протектора известно, что согдийцы входили в состав посольств, которые тюрки отправляли в Византию, и что согдийцы славились своей предприимчивостью в торговле. О их роли в распространении иранской культуры среди тюрок свидетельствуют согдийские слова в древнетюркском языке, манихейство, которое принесли кочевникам согдийцы, и другие факты.

Согдийские документы и археологические данные подтверждают сведения арабских авторов о политической раздробленности Средней Азии[22]. В среднеазиатских городах-государствах сохранялись дворы и образ жизни, во многом напоминающие век иранского эпоса,— своеобразный расцвет рыцарства. В Армении героическая традиция *гусанов* (менестрелей) была почти уничтожена христианством, в Иране исчезновению сказителей эпоса способствовала государственная сасанидская церковь. Но в Средней Азии во владениях мелких князьков продолжало существовать, если не процветать, феодальное рыцарское общество. Восточный Иран стал прибежищем древних традиций, давших почву Фирдоуси и его «Шах-наме».

[21] О согдийских колониях на Дальнем Востоке см.: E. G. Pulleyblank, A Sogdian colony in Inner Mongolia,— «T'oung Pao», t. XLI, 1953, стр. 317—356. О согдийцах в Мерве известно по согдийским надписям на черепках, обнаруженных при раскопках Гяур-калы (наряду с арабскими и среднеперсидскими).

[22] О важных согдийских документах с горы Муг см.: «Согдийский сборник», Л., 1934, а также серию «Согдийские документы с горы Муг»: вып. I, А. А. Фрейман, Описание, публикации и исследование документов с горы Муг, М., 1962; вып. II, Юридические документы и письма. Чтение, перевод и комментарий В. А. Лившица, М., 1962; вып. III, Хозяйственные документы. Чтение, перевод и комментарии М. Н. Боголюбова и О. И. Смирновой, М., 1963. Отчеты об археологических работах содержатся в МИА, № 15, 37, 66 и 124, а также в других изданиях (в том числе два замечательных тома посвящены живописи и скульптуре Пенджикента).

Арабы, завоевывая эти мелкие владения в Средней Азии, руководствовались принципом «разделяй и властвуй». Они искусно использовали соперничество и междоусобную борьбу местных правителей и приложили немало сил, чтобы ослабить союз тюрок с согдийцами. В армии Кутейбы ибн Муслима, знаменитого арабского полководца (умер в 715 г.), было много персов-клиентов, осевших вместе с арабами в Бухаре, Самарканде и других городах. Эти принявшие ислам персы, как и персы-немусульмане, которые после крушения сасанидской державы искали спасения от арабов в Средней Азии, составили значительный слой персоязычного населения в среднеазиатских городах; за два столетия новоперсидский язык в этих городах вытеснил согдийские диалекты [23]. В Хорезме, согласно ал-Бируни, Кутейба уничтожил людей, знавших древний хорезмийский язык, литературу и предания. Сообщения ал-Бируни, хорезмийца по происхождению, могут быть уточнены благодаря 140 документам на коже и дереве, которые найдены С. П. Толстовым; хорезмийское письмо этих документов различно по степени курсивности — на фрагментах кож представлен развитой курсив, тогда как на деревянных дощечках начертания букв кажутся более архаичными [24]. Хорезмийцы и до и после прихода ислама играли такую же роль в торговле с Южной Россией и бассейном Волги, как согдийцы в торговле с Китаем.

Эфталитские князья к югу от Амударьи также ощутили гнет арабского владычества. Древний Балх (или — на какое-то время — соседний с ним город Барукан) стал центром арабской военной власти в этой области. В результате арабского завоевания эфталиты в районах к северу от Гиндукуша оказались тесно связанными с согдийцами, а к югу от Гиндукуша — с Сеистаном. Горная область в центре Афганистана в рассматриваемый период была индийской по культуре и, видимо, по преобладающему этносу; она славилась буддийскими святынями Бамиана, а правители Кабула (индийская династия Шахи) возводили свой род к кушанам. Эфталиты на севере также следовали кушанским традициям. Они продолжали употреблять греческий алфавит, приспособленный к иранскому языку Бактрии еще, по-видимому, в правление Канишки. Эфталиты сохра-

---

[23] О деятельности сасанидских принцев и других предводителей персов, бежавших в Среднюю Азию, сообщают мусульманские источники. Ср. упоминание некоего персидского военачальника в согдийском документе А-14 с горы Муг (см.: «Согдийские документы с горы Муг», вып. II, стр. 88—89).

[24] С. П. Толстов, Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг.,— ТХЭ, т. II, М., 1958, стр. 207—212. Найдено также значительное число интересных хорезмийских монет. Я не разделяю, однако, теории Толстова *ad majorem gloriam Chorasmianorum.*

нили от своих предшественников кушан многое и в административном устройстве, и в титулатуре, и в придворном ритуале. Титул *kanārang* «страж границы», кушанский по происхождению, был воспринят и эфталитами, и Сасанидами. В период арабского завоевания известен канаранг Туса; у арабских географов встречаются и другие местные названия правителей и должностных лиц. Арабы заключали соглашения с местными купцами и торговыми агентами и сами принимали участие в торговых и других деловых операциях; многие события, происшедшие в Хорасане и в Средней Азии при последних Омейядах и в раннеаббасидский период, можно понять, скорее, как результат столкновений экономических интересов, а не как соперничество между представителями разных арабских племен в гарнизонных отрядах. ʽАббасидское восстание было не только политическим и религиозным движением; оно преследовало и экономические цели. Многие сторонники Абу Муслима — и из числа местных жителей, и из арабов — примкнули к нему не только по политическим мотивам, но и из-за недовольства экономической политикой Омейядов. Торговля между Ближним Востоком и Китаем имела большое значение для многочисленных согдийских и эфталитских купцов, и от халифата ждали содействия и поддержки этой торговле. Мы не можем здесь детально рассмотреть многие стороны истории халифата; надо надеяться, что экономика и хозяйственная жизнь, которым ученые уделяли мало внимания, станут предметом дальнейших исследований.

Из источников известно, что существовало серьезное противодействие арабской власти. Мы знаем о многих восстаниях, но они были разрозненными и сводились обычно к истреблению арабских гарнизонов в отдельных городах или к их изгнанию. Вторжения тюргешей, преемников Западного Тюркского каганата в Средней Азии, и коалиции местных князей создавали большие осложнения для войск халифата, но о религиозных или массовых народных движениях в Средней Азии при первых халифах и при Омейядах почти ничего неизвестно. Местные владетели шли на службу к завоевателям, арабское владычество не казалось им страшным, хотя и известны случаи притеснения местных жителей арабскими наместниками[25]. Средняя Азия была окраиной мусульманского мира, так что здесь могли найти убежище все, кто восставал против политики халифов,— и иранцы, и арабы.

Успех ʽаббасидского переворота вызвал ряд народных ре-

---

[25] См., например: «Та'рӣх̮-и Сӣстāн», изд. М. Бехара, Тегеран, 1314/1935, стр. 92. Непосредственно перед этим автор рассказывает о том, что много зороастрийцев было обращено в ислам благодаря ревностным действиям арабского наместника.

лигиозных движений в Хорасане и в Средней Азии, столь же опасных для ислама и государства, как и для ортодоксальной зороастрийской общины, которая к этому времени успела нормализовать свои отношения с арабской администрацией. Первое из таких движений, возникшее в восточном Хорасане около 746 г., возглавил Бихафрид; он провозгласил себя новым зороастрийским пророком, но проповедовал отказ от многих обычаев и обрядов зороастризма, таких, как кровнородственные браки и чтение молитв[26]. Зороастрийская религиозная верхушка убедила Абу Муслима, ʿаббасидского лидера в Хорасане, убить Бихафрида, что он и сделал около 749 г. Хотя последователи Бихафрида приняли, видимо, некоторые мусульманские обычаи, их ненавидели и мусульмане, и правоверные зороастрийцы. Тем не менее приверженцев этого движения можно найти и много лет спустя после гибели Бихафрида.

Другая фигура такого рода — Сунбад, сторонник Абу Муслима, выступивший после его смерти в Хорасане. Сунбад, по-видимому, провозгласил Абу Муслима тайным мессией, но точно определить, в чем состояла его религиозная проповедь, мы не можем. Сунбад был убит вскоре после того, как поднял мятеж. В Средней Азии разразилось новое восстание, во главе которого встал Исхак, по прозвищу «тюрк», также проповедовавший веру в Абу Муслима; Исхак погиб около 758 г. Его дело и дело Бихафрида продолжил в районе Герата и в восточном Хорасане ересиарх Устадсис; он был захвачен воинами халифа и казнен в 768 г. Затем последовало самое значительное из религиозных движений — восстание Муканны, происходившего из окрестностей Мерва. Согласно его учению, божественный дух переселяется от одного пророка к другому, так что после Абу Муслима этот дух воплотился в самом Муканне. Это движение имело большой успех в Средней Азии, оно продолжалось и после гибели Муканны (около 785 г.). Некоторые авторы рассматривают восстание Муканны как новое проявление маздакизма.

Известно и о других религиозных выступлениях; примечательно, что все они происходили в Хорасане или в Мавераннахре; в Фарсе и в других областях Западного Ирана, как можно судить по источникам, таких движений не было. Восточный Иран и Средняя Азия были гораздо больше предрасположены к недовольству и ересям, чем Западный Иран; прежние владения эфталитов и согдийцев не обладали таким религиозным единством, какое дала сасанидскому Ирану государственная цер-

---

[26] Сводку данных источников об этих «ересях» и библиографию можно найти в работе: G. H. Sadighi, Les mouvements religieux iraniens au IIe et au IIIe siècle de l'hégire, Paris, 1938, стр. 111—286.

ковь. Утверждение о том, что еретические секты внутри ислама также были более распространены на восточной окраине халифата, чем в западной его части, остается недоказанным, но, судя по отрывочным и недостаточно ясным свидетельствам, вполне вероятным. Можно заключить, что религиозная обстановка в Восточном Иране и в Средней Азии вполне соответствовала политической раздробленности этих областей и местному сепаратизму; здесь существовал не только зороастризм (в различных локальных разновидностях), но и манихейство, несторианское христианство, буддизм, местные культы предков, а также культ божества-героя Сиявуша, культ каких-то местных богинь и другие [27]. Политическая обстановка определялась здесь в первую очередь стремлением к сохранению независимых мелких владений и наличием бóльших, чем в Западном Иране, прав у городов. Иным было положение в Фарсе.

Ортодоксия в Фарсе

Согласно Якуту, географу XIII в., Фарс в 'аббасидское время разделялся на пять *останов* (округов), каждый из которых состоял из *рустаков*. Рустак подразделялся на *тассуджи*, последние включали в себя несколько деревень [28]. Это деление отражает сасанидскую административную систему и принципы ее организации, оно напоминает и об иерархической сети храмов огня. Из мусульманских источников известно, что Истахр в Фарсе, один из двух главных зороастрийских центров Ирана при Сасанидах (вторым был Шиз в Азербайджане), продолжал процветать и во время ислама. Число зороастрийцев постепенно сокращалось, распадалась и сеть храмов огня, но Фарс оставался преимущественно зороастрийским вплоть до X в.; значительное число зороастрийцев жило здесь даже в период завоеваний тюрок-сельджуков в XI в.

В жизнеописании шейха Абу Исхака Ибрахима ибн Шахрияра ал-Казеруни (умер в 1034 г.), знаменитого основателя суфийского или дервишского ордена, содержится подробное описание столкновений между мусульманами и зороастрийцами в городе

---

[27] Политическая и религиозная обстановка в Средней Азии накануне арабского завоевания хорошо охарактеризована (со ссылками на источники) в кн.: А. Джалилов, Согд накануне арабского нашествия, Сталинабад, 1960 (см. особенно стр. 73—81).

[28] Yacut's geographisches Wörterbuch aus den Handschriften zu Berlin, St. Petersburg, Paris, London und Oxford... hrsg. von F. Wüstenfeld, Bd I, Leipzig, 1866, стр. 40. Мы не касаемся здесь этимологии и истории этих терминов.

Казеруне. Шейху удалось обратить в ислам многих жителей Казеруна; но из этого сочинения, как и из других мусульманских источников, можно заключить, что позиции зороастризма оставались прочными[29]. Показателен в этом отношении следующий факт. Наместником в Казеруне при династии Буидов, владевшей в это время Фарсом, был зороастриец по имени Хоршид. Он пользовался столь большим авторитетом у буидского правителя в Ширазе, что тот вызвал шейха Казеруни к себе и отчитал его за излишнее рвение в обращении зороастрийцев в ислам[30].

Мусульмане и зороастрийцы составляли две основные религиозные общины Фарса; христиан и иудеев насчитывалось в этой области очень немного. Среди мусульман, наряду с суннитами, были также шииты и суфии; зороастрийская община оставалась сравнительно прочной и придерживалась ортодоксального вероучения. Ее главная деятельность, как она отражена источниками, заключалась не в борьбе с ересями (хотя таковые были), а в духовном возрождении зороастризма[31]. В IX — начале X в., накануне быстрого упадка зороастризма, переселений зороастрийцев в Индию и массовых обращений в ислам, были созданы многие пехлевийские сочинения, в том числе такие, как «Денкарт» и «Бундахишн». В чем причина этой вспышки зороастрийского возрождения?

Можно, во-первых, полагать, что обстановка, сложившаяся в это время, не только не препятствовала литературной активности зороастрийцев, но и способствовала ей. Мутазилиты, эти вольнодумцы ислама, многие из которых были персами, создали атмосферу свободной дискуссии и усилили интерес к философским и теологическим вопросам. Мусульманская литература этого периода весьма обширна, интерес к другим религиям был значительным; в целом это время религиозных поисков и богословских споров. Во-вторых, зороастрийцы, чувствуя, что время работает против них, перешли от военной защиты против ислама и арабов к защите духовной. Об этом можно судить по большому числу апологетических сочинений, написанных в это время, таких, как «Шканд-Гуманик Вичар» или «Денкарт».

---

[29] Die Vita des Scheich Abū Isḥāq al Kāzarūnī, in der persischen Bearbeitung von Mahmud b. 'Utman, hrsg. und eingeleit, von F. Meier, Leipzig, 1948 (Bibliotheca Islamica, Bd 14), стр. 30, 197.

[30] Там же, стр. 117—121.

[31] О религиозном споре, который произошел при дворе халифа ал-Ма'муна между зороастрийцем-еретиком Абалишем и его оппонентами — видными представителями мусульман, христиан, иудеев и правоверных зороастрийцев, см.: A. Barthelemy, Gujastak Abalich, Paris, 1887. Пехлевийский «Денкарт» полон нападок на еретиков (*ašamōg*); см. также прим. 43 к главе 6.

Можно подозревать, что зороастрийская община шла тем же путем, что и ислам, в истории которого период свободомыслия, обязанный более всего му'тазилитам, сменился ортодоксальной реакцией суннизма ханбали, теологически подготовленной ал-Аш'ари (умер в 936 г.). Но доказать параллельность судеб зороастризма и ислама в это время трудно; ясно лишь, что литературное возрождение IX в. в зороастризме сменилось безраздельным господством рутинной ортодоксии. В-третьих, зороастрийская церковь даже в сасанидскую эпоху должна была полагаться больше на устную традицию со всеми колебаниями и отклонениями, свойственными такой традиции, чем на письменный канон и трактаты, комментирующие догматы веры. В IX в. потребность в таких сочинениях стала особенно острой.

Список переводов пехлевийских книг на арабский язык, сохранившийся в «Фихристе» ан-Надима и у других авторов, содержит много заглавий этико-дидактических, научных трудов и «княжеских зерцал», но мы не находим чисто религиозных трактатов. Причины такого отбора ясны, но тем не менее хотелось бы знать, существовало ли большое количество и религиозных сочинений, которые могли бы быть переведены на арабский. Письменный канон и комментаторская литература, видимо, никогда не были столь важны для высшего духовенства в древнем Иране, как это предполагается. Но в новых условиях господства ислама, когда почиталось записанное слово божье, следовало попытаться противопоставить что-то обширной мусульманской богословской литературе; так можно объяснить зороастрийский Ренессанс IX в. Все пехлевийские сочинения этого времени были написаны, видимо, мобедами. Для арабов наибольший интерес представляли произведения светской пехлевийской литературы.

Географ Истахри, писавший в X в., сообщает (137, стк. 16), что в области Фарс пользуются тремя языками. Первый из них — персидский, *фарси*, на котором говорят все и который все понимают, хотя в нем есть и диалектные различия. Второй язык — *пехлеви*, на котором составлены записи древних персов, а также и зороастрийские книги, существовавшие во времена Истахри; этот язык для простого народа непонятен, его нужно объяснять. Последний — арабский, на котором ведут переписку правители и государственная канцелярия, но некоторые простые люди тоже употребляют этот язык. Мне кажется, что этот отрывок описывает не только языковую обстановку в Фарсе, но также и социальное и культурное расслоение. Все могут говорить по-персидски, но зороастрийцы в своей среде пользуются старым письменным языком — пехлеви, а мусульмане — арабским. Некоторые персы-мусульмане хорошо владели араб-

ским языком, но после того как в арабоязычных областях ʿАббасидского халифата классический арабский пришел в упадок, уступив свои позиции арабским диалектам, число таких персов значительно уменьшилось. Положение в Фарсе было во многом таким же, как и в других областях Ирана, хотя на остальных территориях халифата арабский служил, конечно, и государственным языком, языком образования и науки, а также *lingua franca*.

За два столетия правления ʿАббасидов в Иране арабский полностью заменил пехлеви в науке и образовании, так что в конечном счете пехлеви остался только уделом мобедов; после того как светская литература была переведена с пехлеви на арабский, среднеперсидские подлинники потеряли свое значение и были утрачены. Даже проперсидские шуʿубитские поэты писали по-арабски, хотя и обрушивались в своих стихах на арабов. Господство арабского языка являлось, видимо, для мыслящих персов серьезным стимулом к тому, чтобы принять ислам — дань времени.

Суфизм, шиитство и другие мусульманские течения, обогатив и расширив ислам, стали прибежищем для тех персов, которые не хотели и не могли больше следовать бесплодной зороастрийской ортодоксии. Когда персидские правители Дейлема, одной из прикаспийских областей, только недавно принявшие шиитский ислам, вырвали Западный Иран из-под власти халифов и даже захватили в 945 г. Багдад, столицу халифата, с зороастрийским Ираном было покончено. Иранская династия Буидов поддерживала ислам и арабский язык, уже ставшие вненациональными; зороастрийская персидская культура отступила в «гетто». Шиитская династия Буидов должна была проявлять относительную терпимость к другим верованиям, так как сохранялись и суннитские халифы, и чиновники-сунниты. Уже упоминался зороастриец, правивший Казеруном; некоторые другие должности при Буидах также занимали зороастрийцы. Буиды больше интересовались арабскими преданиями о роде Али и общемусульманской культурой — реальностью дней, нежели былым величием Ирана. Но им был не чужд и интерес к памятникам прошлого; так, буидский правитель ʿАдуд ад-Даула оставил надпись, вырезанную по-арабски в 955 г. в Персеполе, которая повествует о посещении им развалин и о том, что Марасфанд, мобед Казеруна, перевел ему пехлевийские надписи периода Шапура II [32].

[32] Фотографии двух таких куфических надписей из Персеполя можно найти в книге: E. F. Schmidt, Persepolis, I, Chicago, 1953. Фотография третьей надписи впервые публикуется в этой книге (рис. 63); текст ее был издан уже ранее, см. «Répertoire chronologique d'epigraphie arabe», ed. par

Настало время новоперсидского возрождения; оно началось на востоке раньше, чем в Западном Иране, и это было не случайно: по словам географа Макдиси (440, стк. 2), на востоке уважали ученых, а в Фарсе — секретарей и писцов.

Новоперсидский Ренессанс

Для некоторых цивилизаций язык является более важным средством продолжения и сохранения культуры, чем религия или общественные институты. Мне кажется, это справедливо и для Ирана: преемственность от среднеперсидского к новоперсидскому неоспорима, хотя различия между этими языками значительны. Наиболее заметна разница в словаре. Новоперсидский вобрал в себя огромное количество арабской лексики, и это в немалой степени содействовало превращению его в один из наиболее выразительных языков мира и созданию новоперсидской литературы, с которой не может сравниться пехлевийская литература. Именно арабский язык обогатил новоперсидский и тем самым способствовал расцвету его литературы, особенно поэзии, в средние века. Новоперсидский стал выражением новой традиции, созданной персами-мусульманами, которые в совершенстве овладели арабским стихосложением, но сохранили привязанность к своему родному языку. Новоперсидский литературный язык, пользующийся арабским письмом, сложился в IX в. в Восточном Иране и достиг расцвета в Бухаре, столице Саманидов. Как это могло произойти?

Многие авторы, писавшие в период после арабского завоевания, сообщают, что общий разговорный язык сасанидского двора и сасанидской администрации в областных центрах назывался *дари*, «придворный язык». Этот язык, с его несовершенной пехлевийской письменностью, был заменен арабским, но продолжал сохраняться, в потерявшей смысл письменной форме, мобедами в качестве сакрального письменного языка; современные исследователи именуют его книжным пехлеви. На всей территории Ирана говорили — но не писали — на различных иранских диалектах; убедительные примеры этого приведены географом Макдиси[33]. Но чистым, унифицированным

G. Wiet, t. IV, Paris, 1933, стр. 135, № 1475. Чтение последней строки следует исправить: *wa Marāsfand al-mūbad al-Kāzarūnī.*

Примечательно, что первое большое переселение зороастрийцев в Индию произошло около 936 г., но спустя более 40 лет, в 979 г. в Ширазе вспыхнуло зороастрийское восстание, подавленное Буидами. См.: J. Tavadia, Zur Pflege, стр. 304, 331.

[33] Descriptio imperii moslemici auctore Schamso'd-dîn Abû Abdollâh Mohammed ibn Ahmed ibn abî Bekr al-Bannâ al-Basschârî al-Mokaddasi. Ed. M. J. de Goeje, Lugduni Batavorum, 1877, стр. 334—336, 369, 398.

персидским языком, на котором говорили высшие слои и городское население, был дари. Таким образом, дари, собственно, не язык или диалект, а особый стиль персидской речи. Дари перешагнул даже прежние пределы сасанидской державы и распространился в Средней Азии; этот процесс начался еще в доисламскую эпоху, благодаря престижу Сасанидов и персидским купцам, которые селились в городах Средней Азии, например в Бухаре, и сохраняли свой язык; согдийские купцы, совершая сделки во владениях Сасанидов, пользовались не родным согдийским, а персидским. Сасанидские отряды, стоявшие на границах, также способствовали распространению персидского языка.

После арабского нашествия многие персы бежали в Среднюю Азию; но еще более важную роль в распространении персидского языка сыграли персы-клиенты, сопровождавшие арабские отряды во время завоеваний. Несомненно, и сами арабы использовали персидский как язык общения с согдийскими, эфталитскими и другими среднеазиатскими князьками. После установления арабского владычества согдийский и другие языки и диалекты Средней Азии уступили свое место персидскому, хотя и оставались еще разговорными языками в сельской местности; в Иране местные диалекты сохраняются вплоть до наших дней. Вытеснение персидским языком местных диалектов должно было идти особенно активно в раздробленных эфталитских владениях. Балх и Бухара, крупные торговые и культурные центры, славились чистотой персидской речи, как, впрочем, и арабской (Макдиси, 32, стк. 8). Изложенное выше, как мне кажется, может объяснить причины распространения персидского языка на территории Средней Азии и современного Афганистана; на базе этого языка сформировались языки таджикский и афгано-персидский.

Возвращаясь к подъему новоперсидской литературы на арабской графике, мы можем выдвинуть некоторые соображения о начале этого процесса. Мы не затрагиваем здесь вопроса о среднеперсидском стихосложении; до сих пор не вполне ясно, было ли оно силлабическим или тоническим [34]. Когда складывалась новоперсидская поэзия, старая система сочеталась в ней с арабской квантитативной просодией. Результатом явилось поразительное совершенство поэтических размеров и форм; один

---

[34] О силлабическом стихе см.: E. Benveniste, Le mémorial de Zarēr, poème pehlevi mazdéen,— JA, t. CCXX, 1932, стр. 245—293; C. Rempis, Die ältesten Dichtungen in Neupersisch,— ZDMG, Bd 101, 1951, стр. 220—248. О тоническом принципе см.: W. B. Henning, A Pahlavi poem,— BSOAS, vol. XIII, 1950, стр. 641—648 [См. также: S. Shaked, Specimens of Middle Persian Verse,— «W. B. Henning Memorial Volume», London, 1970, стр. 395—405.]

из самых ранних и лучших образцов представляет «Шах-наме» Фирдоуси, написанная размером *мутакариб*. Определить время, когда началась «арабизация персидской поэзии», можно только по дошедшим до нас ранним стихотворным отрывкам.

Между 850 и 900 гг. в стихах Мухаммад-и Васифа, Бассам-и Курда и Хусайн-и Хариджи мы уже находим смешение персидских и арабских черт поэзии. До этого времени, как можно судить по нескольким строкам из стихотворения Абу Хафс-и Сугди, представлены только среднеперсидские поэтические формы. Таким образом, создание новоперсидской поэзии приходится, очевидно, на период правления в Хорасане династии Тахиридов (около 821—873 гг.). Неясно, можно ли верить более поздним источникам, сообщающим, что Аббас-и Мерви написал на новоперсидском языке касыду в честь прибытия в Мерв в 809 г. халифа Ма'муна и что «до него никто не слагал таких стихов»[35]. С введением персидских слов в арабские стихи могли быть сделаны первые шаги по пути создания письменного новоперсидского языка; позже утвердилась мысль о том, что можно арабским алфавитом писать целые персидские тексты. Известно, что Тахириды при своем дворе в Нишапуре поощряли употребление арабского языка; последний представитель этой династии славился прекрасным арабским слогом[36]. Но Тахириды были независимыми иранскими правителями, хотя несомненно и подчинялись халифату, и при их дворе говорили на персидском языке, еще не подвергшемся влиянию арабской лексики. Династия Саффаридов в Сеистане, возвысившаяся из низов, покровительствовала развитию литературы на новоперсидском языке; основатель этой династии Я'куб не знал арабского и, согласно преданию, он требовал, чтобы стихи слагались не на арабском, а на том языке, который он понимал[37]. В любом случае первые записи персидского языка арабским алфавитом должны быть отнесены к середине IX в., но расцвет новоперсидской литературы происходит только при Саманидах.

Саманиды происходили от знатного иранского рода, вышедшего из района Термеза; они считали себя потомками сасанидского полководца Бахрама Чубина[38]. Саманиды придерживались обычаев дихкан, с их любовью к эпическим сказаниям, исполнявшимся менестрелями, и к искусству доисламской эпо-

---

[35] C. Rempis, Die ältesten Dichtungen, стр. 221 и сл., где можно найти сведения о ранних новоперсидских поэтах.

[36] Об этом см.: R. N. Frye, Die Wiedergeburt Persiens, стр. 47.

[37] См. ссылки на источники у: W. B. Henning, Mitteliranisch, стр. 87.

[38] А. А. Семенов, К вопросу о происхождении Саманидов,— «Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР», т. XXVII, Сталинабад, 1954, стр. 3—11.

хи. Усиление могущества Саманидов в Средней Азии было связано с упадком центральной власти халифата. В этот же период увеличилось значение феодального землевладения в Восточном Иране.

Поэты и все, кто занимался литературной деятельностью, нашли в Саманидах, правивших Средней Азией и Восточным Ираном с 892 (приход к власти Исма'ила, подлинного основателя царства) по 999 г., замечательных покровителей. При саманидском дворе в Бухаре слагали по-персидски свои стихи Рудаки и Дакики. Возрождение началось. Примечательно, однако, что наиболее ранние памятники персидской прозы являются переводами арабских трудов, например персидский перевод «Истории» Табари или его *тафсира* (комментарий) к Корану. Новоперсидский Ренессанс опирался на ислам; старый порядок был мертв, и даже движение шу'убийи устарело. Арабские прозаические сочинения переводились на персидский, поскольку, как выразился один из переводчиков, люди слишком ленивы, чтобы читать по-арабски. В новоперсидском литературном возрождении не содержалось протеста ни против ислама, ни против арабского языка. Быть может, следует говорить не о Возрождении, а о Рождении: создавалась новая мусульманская персидская культура. Зороастрийские элементы в стихах персидских поэтов отражали только моду этого времени; они не могут считаться выражением подлинных зороастрийских представлений или верований. Тоска по прошлому давала себя знать, особенно в поэзии, где такого рода настроения нередки, но возврата к прошлому уже не могло быть.

Новоперсидский стал теперь, наряду с арабским, языком ислама, да и сам ислам намного перерос свою арабскую основу, превратившись в многонациональную и многоязычную культуру и религию. Иран сыграл ведущую роль в этой метаморфозе. Можно полагать, что ислам должен был измениться еще до принятия его персами, но иранская цивилизация сыграла такую же роль в развитии мусульманской культуры, как греческая цивилизация в сложении христианства и его культуры.

Отныне мусульманская Персия вступила на славный путь, отмеченный именами Хафиза, Са'ди, Омара Хайама и многих, многих других поэтов и художников. Но за литературой и искусством, которые известны теперь всему миру, стоит замечательное наследие прошлого, преемственность которого ощущается, хотя и не всегда отчетливо, в культуре современного Ирана. Это наследие будет жить в веках.

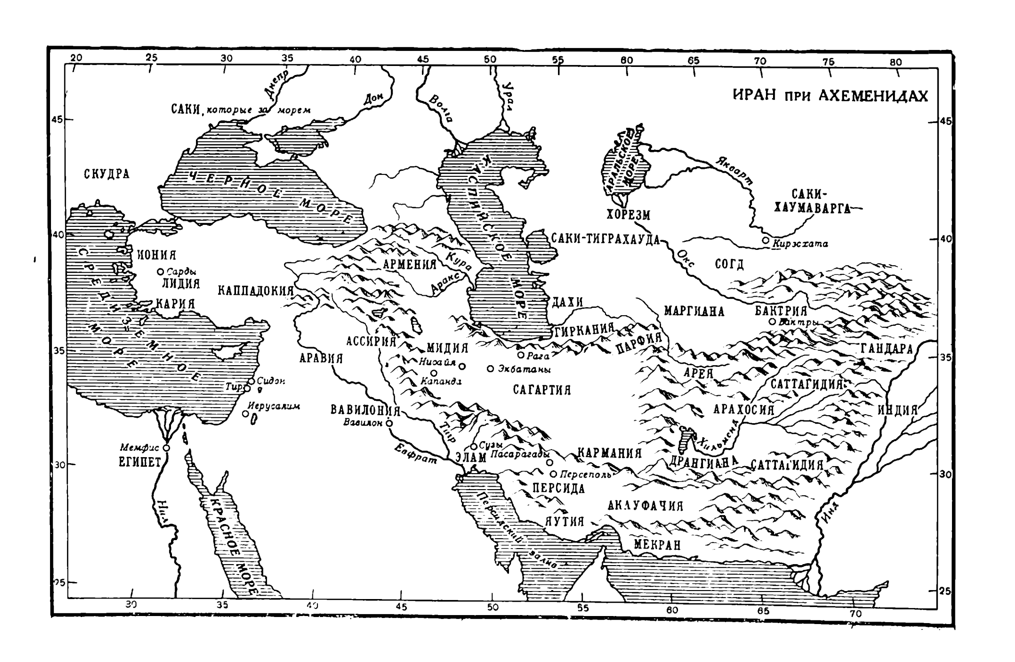
ПРИМЕЧАНИЯ К КАРТАМ

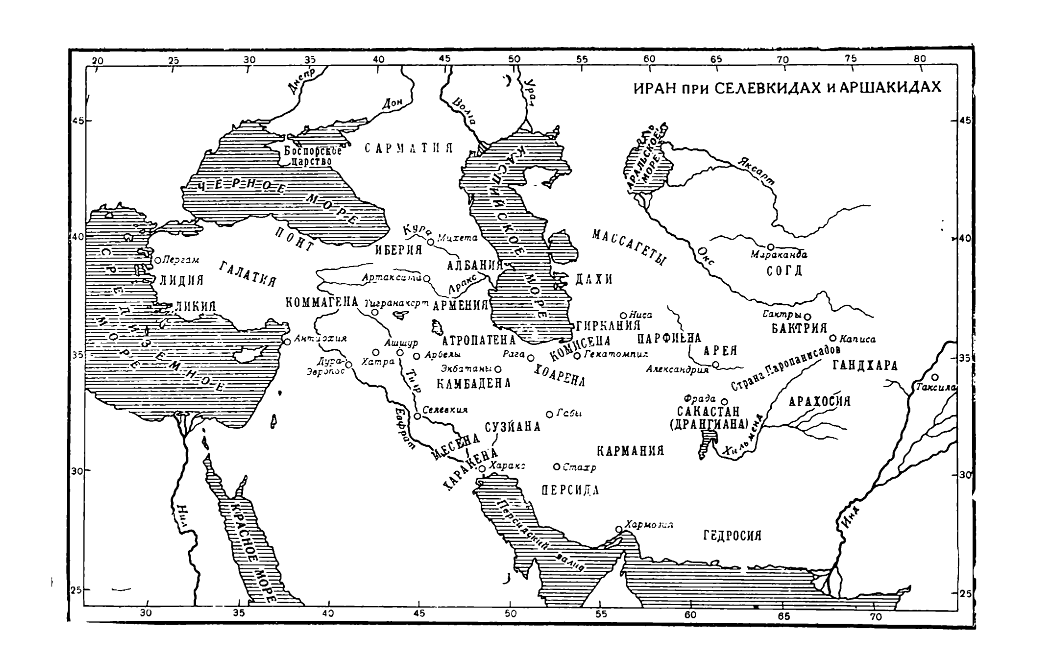
Написания названий на картах в некоторых случаях несколько отличаются от упрощенных форм, принятых в тексте книги. К карте I: локализация областей Саттагидия и Акауфачия до сих пор вызывает споры. К карте III: неясно точное местоположение сатрапий Годман и Ринд и округа Андекан. К карте IV: список городов позднесасанидского государства, помеченных на карте цифрами:

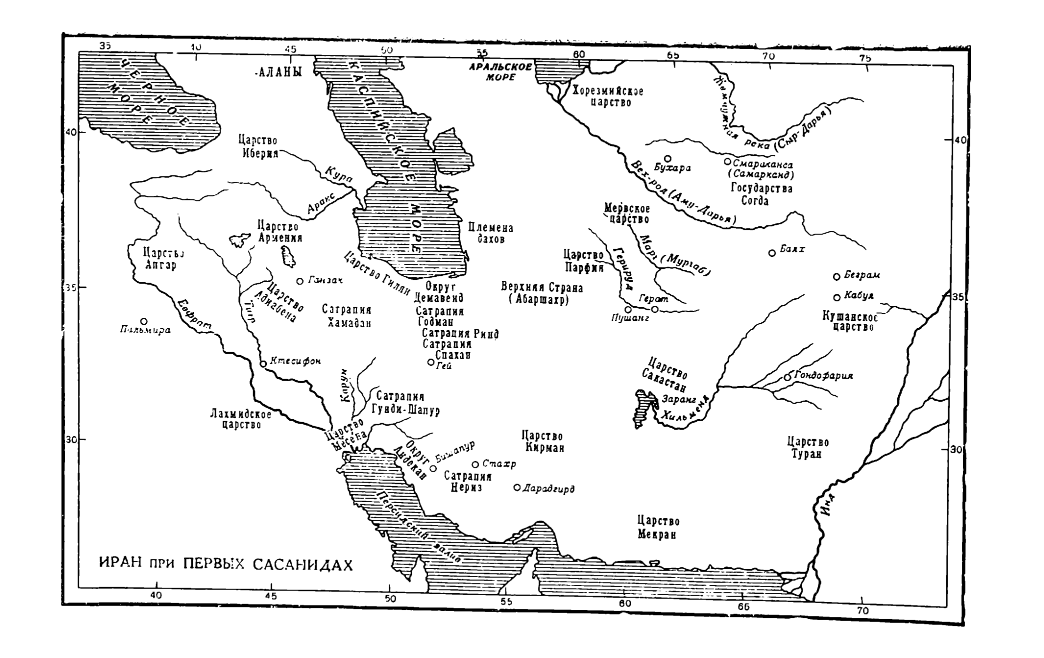
1. Ардашир-хварре или Гор (Фирузабад)
2. Астарабад-Ардашир (другие названия: Вахиштабад-Ардашир, Карха-да-Мешан — «Карха Месены»)
3. Абар-Кавад (Аваз-Кавад, Изад-Кавад или Нехаргур, около Ахваза)
4. Иран-асан-кард-Кавад (Карха-да-Редан, Эйван-и Карха).
5. Иран-хварре-Шапур (Сузы при Шапуре II)
6. Иран-хварре-Хусрав (около Ктесифона?)
7. Иран-шад-Кавад (около Ханикина)
8. Иран-винард-Кавад (Кум)
9. Дастагирд-и Хусрав или Дастагирд-и Малик (Эски Багдад)
10. Хормизд-Ардашир (Ахваз)
11. Кавад-хварре (к югу от Гора, Карезин?)
12. Карха-да-Пероз (к северу от Самарры)
13. Хусрав-шад-Хормизд (Урук?)
14. Нев-Хормизд-Ардашир или Нармешир (в Кирмане, к востоку от Бама?)
15. Нев-Шапур или Абар-шахр (Нишапур)
16. Нод-Ардашир (около Арбелы)
17. Панйат или Паса-Ардашир (Хатт или ал-Катиф).
18. Пероз-Кавад (Барда, в армянском — Перозапат).
19. Пероз-Шапур или Файшабур (ал-Анбар)
20. Рам-Ардашир или Рамишн-Ардашир (Таввадж?)
21. Рам-Хормизд или Рам-Хормизд-Ардашир (Рамуз в Хузистане)
22. Вам-Кавад, другое название — Вех-амид-Кавад (Арраджан)
23. Рам-Пероз (около Рея)
24. Рев-Ардашир (Ришахр в Хузистане или ал-Румийя).
25. Рошан-Кавад или Рошан-Хусрав, Хусрав-рошан-Кавад (Зенгабад на р. Дияла).
26. Рошан-Пероз (в иракском округе Кашкар)
27. Шапур-Хваст (к югу от Хурремабада в Хузистане?)
28. Шад-Шапур или Рема (ʻУбулла, Оболла вблизи Басры)
29. Шахр-рам-Пероз (около Абиверда)

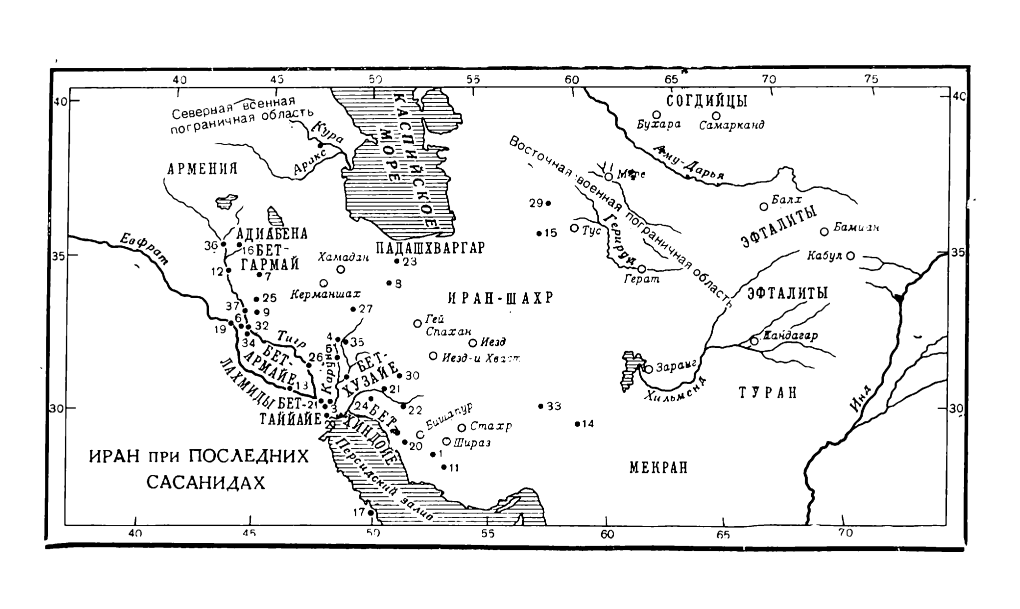
30. Вахншт-Хормизд (вблизи Маламира в Хузистане)
31. Вахуман-Ардашир (около Басры)
32. Вех-Ардашир (Селевкия на Тигре)
33. Вех-Ардашир или Бардашир (Бардасир, на месте нынешнего Кермана)
34. Вех-Антиок-Хусрав или Румаган, Румиян (около Ктесифона)
35. Вех-Антиок-Шапур или Гунди-Шапур
36. Вех-Хормизд-Кавад (Мосул), тот же город, что и Вех-Кавад на Тигре?
37. Вузург-Шапур (ʻУкбара)

Среди других городов упомянем Кам-Пероз, между Казеруном и Фируз-абадом, и Михраган-Катак в Мидии, между Хамаданом и Хульваном.

ИРАН при АХЕМЕНИДАХ
САКИ, которые за морем
Днепр
Дон
Волга
Урал
СКУДРА
ЧЕРНОЕ МОРЕ
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
АРАЛЬСКОЕ МОРЕ
Яксарт
САКИ-ХАУМАВАРГА
ХОРЕЗМ
САКИ-ТИГРАХАУДА
Кирэхата
Окс
СОГД
ИОНИЯ
Сарды
ЛИДИЯ
КАРИЯ
СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ
КАППАДОКИЯ
АРМЕНИЯ
Кура
Аракс
ДАХИ
МАРГИАНА
БАКТРИЯ
Бактры
ГИРКАНИЯ
ПАРФИЯ
АССИРИЯ
МИДИЯ
Рага
ГАНДАРА
АРАВИЯ
Нисайя
Экбатаны
Капанда
АРЕЯ
САГАРТИЯ
САТТАГИДИЯ
Сидон
Тир
Иерусалим
ВАВИЛОНИЯ
Вавилон
АРАХОСИЯ
ИНДИЯ
Тигр
Хильменд
Мемфис
ЕГИПЕТ
Сузы
Пасаргады
ЭЛАМ
Евфрат
КАРМАНИЯ
ДРАНГИАНА
САТТАГИДИЯ
Персеполь
ПЕРСИДА
Нил
АКАУФАЧИЯ
КРАСНОЕ МОРЕ
Персидский залив
ЯУТИЯ
Инд
МЕКРАН
20
25
30
35
40
45
50
55
60
65
70
75
80

ИРАН при СЕЛЕВКИДАХ и АРШАКИДАХ
Днепр
Дон
Волга
Урал
Яксарт
Окс
Кура
Аракс
Тигр
Евфрат
Нил
Инд
Хильменд
САРМАТИЯ
Боспорское царство
ЧЕРНОЕ МОРЕ
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
АРАЛЬСКОЕ МОРЕ
СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ
КРАСНОЕ МОРЕ
Персидский залив
ПОНТ
ГАЛАТИЯ
ЛИДИЯ
ЛИКИЯ
Пергам
ИБЕРИЯ
Мцхета
АЛБАНИЯ
Артаксата
АРМЕНИЯ
Тигранакерт
КОММАГЕНА
Антиохия
Дура-Эвропос
Хатра
Ашшур
Арбелы
АТРОПАТЕНА
Экбатаны
КАМБАДЕНА
Селевкия
МЕСЕНА
ХАРАКЕНА
Харакс
СУЗИАНА
Габы
ПЕРСИДА
Стахр
Рага
ХОАРЕНА
КОМИСЕНА
Гекатомпил
ГИРКАНИЯ
Ниса
ДАХИ
МАССАГЕТЫ
ПАРФИЕНА
АРЕЯ
Александрия
Мараканда
СОГД
Бактры
БАКТРИЯ
Каписа
Страна Паропанисадов
ГАНДХАРА
Таксила
АРАХОСИЯ
Фрада
САКАСТАН (ДРАНГИАНА)
КАРМАНИЯ
Хармозия
ГЕДРОСИЯ

ЧЕРНОЕ МОРЕ
АЛАНЫ
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
АРАЛЬСКОЕ МОРЕ
Хорезмийское царство
Жемчужная река (Сыр-Дарья)
Царство Иберия
Кура
Аракс
Бухара
Смариканса (Самарканд)
Государства Согда
Вех-род (Аму-Дарья)
Мервское царство
Племена дахов
Царство Армения
Царство Апгар
Царство Парфия
Мар (Мургаб)
Балх
Гируд
Царство Гилян
Ганзак
Царство Адиабена
Тигр
Евфрат
Пальмира
Сатрапия Хамадан
Округ Демавенд
Сатрапия Годман
Сатрапия Ринд
Сатрапия Спахан
Гей
Верхняя Страна (Абаршахр)
Герат
Пушанг
Беграм
Кабул
Кушанское царство
Ктесифон
Карун
Сатрапия Гунди-Шапур
Лахмидское царство
Царство Месена
Округ Ардекан
Бишапур
Стахр
Сатрапия Нериз
Дарабгирд
Царство Кирман
Царство Сакастан
Заранг
Хильменд
Гондофария
Царство Туран
Инд
Персидский залив
Царство Мекран
ИРАН ПРИ ПЕРВЫХ САСАНИДАХ

ИРАН при ПОСЛЕДНИХ САСАНИДАХ
Северная военная пограничная область
Кура
Аракс
АРМЕНИЯ
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
Евфрат
АДИАБЕНА
БЕТ-ГАРМАЙ
Хамадан
Керманшах
ПАДАШХВАРГАР
ИРАН-ШАХР
Тигр
БЕТ-АРМАЙЕ
ЛАХМИДЫ
БЕТ-ТАЙЙАЙЕ
Карун
БЕТ-ХУЗАЙЕ
БЕТ-ХИНДОЙЕ
Персидский залив
Гей
Спахан
Иезд
Иезд-и Хваст
Бишапур
Стахр
Шираз
Восточная военная пограничная область
СОГДИЙЦЫ
Бухара
Самарканд
Аму-Дарья
Тус
Герируд
Герат
Балх
ЭФТАЛИТЫ
Бамиан
Кабул
Кандагар
Заранг
Хильменд
ТУРАН
МЕКРАН
Инд

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ — «Вестник древней истории», М.

ГИМ — Государственный исторический музей.

ЗВОРАО — «Записки Восточного отделения (Имп.) Русского археологического общества», СПб., Пг.

КСИНА — «Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР», М.

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.

СА — «Советская археология», М.

СВ — «Советское востоковедение», М.

ТИИАЭ АН ТаджССР — «Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Таджикской ССР», Сталинабад, Душанбе.

УЗИВАН — «Ученые записки Института востоковедения АН СССР», М.—Л., М.

ХАЭ — Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция.

ЭВ — «Эпиграфика Востока», М.— Л., М.

ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция.

AA — «Archäologischer Anzeiger, Beiblatt zum Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts», Berlin.

AAASH — «Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae», Budapest.

AJSL — «American Journal of Semitic languages and literatures», Chicago.

AKGWG — «Abhandlungen der königl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen», Philologisch-historische Klasse.

AL — «Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae», Budapest.

AM — «Asia Major, a British journal of Far Eastern studies», New Series, London.

AMI — «Archaeologische Mitteilungen aus Iran», Berlin.

AOASH — «Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae», Budapest.

AO — «Archiv Orientální», Praha.

APAW — «Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften», Philologisch-historische Klasse, Berlin.

BGA — Bibliotheca geographorum arabicorum. Edidit M. J. de Goeje, pars I—VIII, Lugduni Batavorum.

BSLP — «Bulletin de la Société de linguistique de Paris».

BSO(A)S — «Bulletin of the School of Oriental (and African) Studies. London Institution (University of London)».

CAJ — «Central Asiatic journal», The Hague — Wiesbaden.

FHG — «*Fragmenta historicorum graecorum*. Auxerunt, notis et prolegomenis illustrarunt, indice plenissimo instruxerunt C. et Th. Mülleri, vol. I—V, Parisiis, 1841—1884.

GIPh — «Grundriss der iranischen Philologie». Hrsg. von W. Geiger und E. Kuhn, Strassburg, Bd I, 1 Abt., 1895—1901; 2 Abt., 1898—1901; Bd II, 1898—1904.

GMS — «E. J. W. Gibb Memorial» Series.

IIJ — «Indo-Iranian Journal», The Hague — Leiden.

JA — «Journal asiatique», Paris.

JAOS — «Journal of the American Oriental Society», New Haven.

JNES — «Journal of Near Eastern Studies», Chicago.

JNSI — «Journal of the Numismatic Society of India», Bombay.

JRAS — «Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland», London.

JRASB — «Journal of the Royal Asiatic Society of Bengal», Calcutta.

MDAFA — «Mémoires de la Délégation archéologique française en Afghanistan», Paris, Le Caire.

MSLP — «Mémoires de la Société de linguistique de Paris».

MSS — «Münchener Studien zur Sprachwissenschaft».

N. F. — Neue Folge.

NGWG — «Nachrichten von der königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen», philologisch-historische Klasse, Berlin.

NS — New Series.

PDK — Papers on the date of Kaniṣka submitted to the Conference on the date of Kaniṣka, London, 20—22 April, 1960, ed. by A. L. Basham, Leiden, 1968. (Australian National University Centre of Oriental Studies. Oriental Monograph Series, vol. IV).

PW — «Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung... hrsg. von G. Wissowa...», Stuttgart.

RO — «Rocznik Orientalistyczny», Lwów, Kraków.

SBAW München — «Sitzungsberichte der philosophisch-philologischen und der historischen Classe der königl. Bayerischen Akademie der Wissenschaften zu München».

SBAW Wien — «Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Classe der kais. Akademie der Wissenschaften», Wien.

 SPA — A Survey of Persian Art from prehistoric times to the pre-

sent. A. U. Pope (editor), P. A. Ackermann (assistant editor), Vol. I—IV, London and New York, 1938—1939.

TPS — «Transactions of the Philological Society», London — Hertford.

WZKM — «Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes».

YCS — «Yale Classical studies», New Haven.

ZA — «Zeitschrift für Assyriologie und verwandte Gebiete», Strassburg.

ZDMG — «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», Leipzig, Wiesbaden.

ZII — «Zeitschrift für Indologie und Iranistik», Leipzig.

БИБЛИОГРАФИЯ

Подробную библиографию работ, посвященных зороастризму, читатель найдет в книге: R. C. Zaehner, The Dawn and Twilight of Zoroastrianism, London, 1961, стр. 339—348. Чтобы не повторять соответствующие данные, из библиографического обзора, приводимого ниже и содержащего перечень литературы к отдельным главам нашей книги, исключены исследования по зороастризму *. Этот обзор включает в себя главным образом работы обобщающего характера; упомянутые в примечаниях исследования, посвященные отдельным специальным вопросам, в обзоре, как правило, не повторяются. «Очерк истории древнего Ирана» М. М. Дьяконова (М., 1961) и «Иран при первых Ахеменидах» М. А. Дандамаева (М., 1963) стали известны автору уже после завершения работы над данной книгой.

К главе 1

Большинство обобщающих работ, посвященных Персии, содержит сведения о ландшафте страны и ее населении, однако сводного исследования по физической и этнической географии страны до сих пор нет. Лучшим географическим справочником, хотя, к сожалению, не лишенным ошибок, является десятитомный персидский *Фарханг-и джуграфийā-йи Йрāн (āбāдūхā)*, изданный генералом ʻАлӣ Размāрā (Тегеран, 1940—1951). Из обобщающих работ по физической, экономической и политической географии страны лучшим, по-видимому, следует считать трехтомный персидский труд: Масʻуд Кейхāн, *Джуг̣рāфийā-йи муфаṣṣал-и Йрāн* (Тегеран, 1931—1932). Географические описания Ирана в сочинениях мусульманских авторов исследованы у G. Le Strange, The Lands of the Eastern Caliphate. Mesopotamia, Persia, and Central Asia from the Moslem conquest to the time of Timur, Cambridge, 1905; 2-е изд.— Cambridge, 1930, и у P. Schwarz, Iran im Mittelalter nach den arabischen Geographen (Teil I—IX, Leipzig — Zwickau, Stuttgart — Berlin, 1896—1936); обе эти работы полезны и как сводки данных по географии сасанидского Ирана **. Последнему вопросу специально посвящено исследова-

---

* [См. также: J. Duchesne-Guillemin, La religion de l'Iran ancien, Paris, 1962 («Mana». Introduction à l'histoire des religions. Tome premier: Les anciennes religions orientales, III); M. Molé, Culte, mythe et cosmologie dans l'Iran ancien. Le problème zoroastrien et la tradition mazdéenne, Paris, 1963 (Annales du Musée Guimet. Bibliothèque d'études, t. LXIX); G. Widengren, Die Religionen Irans, Stuttgart, 1965 (Die Religionen der Menschheit, hrsg. von Chr. M. Schröder, Bd 14) и указанную в этих работах литературу.]

** [См. также: В. В. Бартольд, Историко-географический обзор Ирана, СПб., 1903 (2-е, дополненное издание — В. В. Бартольд, Сочинения,

ние: J. Markwart, A catalogue of the provincial capitals of Ērānshahr (Pahlavi text, version and commentary), ed. by. G. Messina, Roma, 1931 (Analecta Orientalia, 3), содержащее комментированный перевод среднеперсидского текста. Работой сходного типа, но основанной на данных одного армянского географа, является книга того же автора: J. Marquart, Ērānšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i, Berlin, 1901 (AKGWG, N. F., Bd III, № 2).

Этнография Ирана в обобщающих работах представлена недостаточно полно. Наиболее обширным исследованием народов Ирана и Афганистана следует считать соответствующие разделы в книге: «Народы Передней Азии». Под редакцией Н. А. Кислякова и А. И. Першица, М., 1957 (Народы мира. Этнографические очерки под общей редакцией С. П. Толстова), стр. 53—308.

Данные о литературе, посвященной стране и ее населению, см. также в библиографии к моей книге: Iran, London, 1960, стр. 108—109 *.

К главе 2

Фундаментальным трудом по индоевропейскому языкознанию остается пятитомная сравнительная грамматика К. Бругмана и Б. Дельбрюка (K. Brugmann und B. Delbrück, Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen, Bd I—V), написанная много лет тому назад, выдержавшая несколько немецких изданий и переведенная на французский язык **. Многое в этой работе нуждается сейчас, несомненно, в пересмотре, однако до сих пор не создано обобщающего труда, который смог бы заменить ее. Сравнительный (этимологический) словарь всех индоевропейских языков был составлен А. Вальде и издан Ю. Покорным: A. Walde, Verglei-

---

т. VII, М., 1971); Ḥudūd al- 'Ālam. 'The Regions of the World'. A Persian Geography 372 A. H.—982 A. D. Transl, and explained by V. Minorsky, London, 1937 (GMS NS., XI).]

* [Ср. библиографию в работе: В. В. Бартольд, Историко-географический обзор Ирана (В. В. Бартольд, Сочинения, т. VII, М., 1971, стр. 29—225). О литературе на русском языке см. также: «Библиография Ирана. Литература на русском языке (1917—1965 гг.)». Составитель А. К. Сверчевская, под редакцией Н. А. Кузнецовой, М., 1967, стр. 35—48; «Библиография Афганистана. Литература на русском языке». Составитель Т. Н. Кухтина, М., 1965, стр. 25—50.]

** [На французский язык переведена более краткая работа К. Бругмана по сравнительной грамматике индоевропейских языков: K. Brugmann, Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen, Strassburg, 1902—1904. Французский перевод: K. Brugmann, Abrégé de grammaire comparée, Paris, 1905.]

chendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen, hrsg. von J. Pokorny, Bd I—II, Berlin, 1927—1932. Этот словарь позднее подвергся переработке: J. Pokorny, Indogermanisches etymologisches Wörterbuch (Bern — Wien, 1951—1959); разумеется, многие этимологии, предложенные в словаре, оспариваются исследователями. Мы не имеем возможности перечислять очень важные исследования по индоевропейскому сравнительному языкознанию, принадлежащие А. Мейе, Э. Бенвенисту, Е. Куриловичу и многим другим ученым; подробную библиографию читатель может найти в таких журналах, как «Kratylos», «Indogermanisches Jahrbuch» и «Linguistic Bibliography» *. Хороший обзор работ о индоевропейском праязыке, прародине и культуре древнейших индоевропейцев содержится в статье: A. Scherer, Indogermanische Altertumskunde (seit 1940),— «Kratylos», vol. I, 1956.

Индоевропейцам на древнем Ближнем Востоке посвящено много исследований. Современное состояние этой проблемы хорошо изложено в докладе P. Thieme, The 'Aryan' gods of the Mitanni treaties, опубликованном в 1960 г. (JAOS, vol. 80, № 4, 1960, стр. 301—317), но я смог ознакомиться с ним уже после завершения работы над книгой **.

К обширной библиографии исследований о Зороастре, приведенной в работе R. C. Zaehner, The Dawn and Twilight of Zoroastrianism (см. выше), следует добавить книгу: W. Hinz, Zarathustra, Stuttgart, 1961, содержащую новый перевод Гат ***.

Эпической литературе домусульманского Ирана и восточноиранским сказаниям посвящено много исследований. Хороший обзор древнеиранской литературы можно найти в работе: I. Gershevitch, Old Iranian Literature («Handbuch der Orientalistik», 1. Abt.: Der Nahe und der Mittlere Osten, hrsg. von B. Spuler, Bd IV: Iranistik, 2. Abschn.: Literatur, Lief. 1, Leiden — Köln, 1968, стр. 1—30). Краткая сводка основных данных содержится в

---

* [См. также библиографические указания в книгах: А. Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. Перевод Д. Кудрявского, переработанный и дополненный по седьмому французскому изданию А. Сухотиным. Под редакцией и с примечаниями Р. Шор, М.—Л., 1938, стр. 472—487; А. В. Десницкая, Вопросы изучения родства индоевропейских языков, М.—Л., 1955 (библиография в примечаниях); В. И. Абаев, Б. В. Горнунг, М. М. Гухман и П. С. Кузнецов, Вопросы методики сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков, М., 1956, стр. 308—319.]

** [См. также M. Mayrhofer, Die Indo-Arier im alten Vorderasien, Wiesbaden, 1960; A. Kammenhuber, Die Arier im Vorderen Orient, Heidelberg, 1968 (Indogermanische Bibliothek. Dritte Reihe: Untersuchungen); по истории иранских племен в IX—VIII вв. до н. э. см.: Э. А. Грантовский, Ранняя история иранских племен Передней Азии, М., 1970.]

*** [См. также работы, указанные в примечании к стр. 350, и I. Gershevitch, Zoroaster's own contribution,— JNES, vol. XXIII, 1964, стр. 12—38.]

статье: I. Gershevitch, Iranian Literature,— «Literatures of the East», ed. by E. B. Ceadel, London, 1953 *. Классическим исследованием «Шах-наме» Фирдоуси остается Th. Nöldeke, Das iranische Nationalepos (GIPh, Bd II, стр. 130—211; 2. Aufl., Berlin — Leipzig, 1920). Дополнением к нему может служить небольшая по объему книга A. Christensen, Les Gestes des Rois dans les traditions de l'Iran antique, Paris, 1936 (Université de Paris. Conférences Ratanbai Katrak, III) **. Основные сведения о памятниках пехлевийской (книжной среднеперсидской) литературы приведены в книге: J. C. Tavadia, Die mittelpersische Sprache und Literatur der Zarathustrier, Leipzig, 1956 (Iranische Texte und Hilfsbücher, hrsg. von H. F. J. Junker, Nr. 2) ***.

Работа J. Junge, Saka-Studien. Der Ferne Nordosten im Weltbild der Antike, Leipzig, 1939 («Klio», Beiheft XLI, N. F., H. 28) содержит полезный обзор древнего Северо-Восточного Ирана, но далеко не все выводы автора можно считать доказанными. Большой материал собран в обширных, хотя и устаревших ныне исследованиях: F. Spiegel, Erânische Altertumskunde, Bd I—III, Leipzig, 1871—1878; W. Geiger, Ostīrānische Kultur im Alterthum, Erlangen, 1882.

Структуре общества Авесты посвящена статья: E. Benveniste, Les classes sociales dans la tradition avestique,— JA, t. CCXXI, fasc. 1, 1932, стр. 117—134. Книга A. A. Mazahéri, La famille iranienne aux temps anté-islamique (Paris, 1938) содержит богатый материал, но ею нужно пользоваться с осторожностью. Советским ученым принадлежит много интересных исследований, посвященных древнеиранскому классовому обществу и рабовладению, см., в частности, несколько докладов на эти темы, прочитанных на XXV Международном конгрессе востоковедов (Москва, 1960) и опубликованных в виде отдельных брошюр, а также в «Трудах» конгресса. Среди них особенно важны: Э. А. Грантовский, Индо-иранские касты у ски-

---

* [См. также: И. С. Брагинский, Из истории таджикской народной поэзии. Элементы народно-поэтического творчества в памятниках древней и средневековой письменности, М., 1956; В. Б. Никитина, Древнеиранская литература,— «Литература Древнего Востока», М., 1962, стр. 95—210; O. Klima, Dějiny avestské, staroperské a středoperské literatury,— «Dějiny perské a tádžické literatury, za redakce J. Rypky», druhé vydání, Praha, 1963, стр. 1—53.]

** [См. также: З̱. Ҫафā, *Х̱амāсе-сарāйū дар Ӣрāн,* Тегеран, 1946; М.-Н. Османов, Своды иранского героического эпоса («Худай-наме» и «Шах-наме») как источники «Шах-наме» Фирдоуси,— УЗИВАН, XIX, 1958, стр. 153—189.]

*** [См. также: M. Boyce, Middle Persian Literature,— «Handbuch der Orientalistik», 1. Abt., Bd IV, 2. Abschn., Lief. 1, Leiden—Köln, 1968, стр. 31—66 (указаны последние издания текстов).]

фов; М. А. Дандамаев, Чужеземные рабы в хозяйствах ахеменидских царей и их вельмож; В. О. Тюрин, Некоторые новые наблюдения над эламскими хозяйственными документами из Персеполя *.

К главе 3

Несмотря на многолетние раскопки французских археологов в Сузах, эламиты все еще остаются загадочным народом. Для истории Элама большое значение должны иметь исследования эламских памятников — ранних текстов из района Суз, а также и более поздних документов, найденных в Персеполе. Тексты из Суз публикуются в трудах Французской археологической миссии в Сузах. Эламские таблички из персепольской сокровищницы изданы: G. G. Cameron, Persepolis Treasury Tablets, Chicago, 1948 («Oriental Institute Publications», vol. 65) **; таблички, обнаруженные при раскопках крепостной стены Персеполя, публикует R. T. Hallock в «Journal of Near Eastern Studies» ***. До завершения полной публикации и исследования этих текстов сохраняет свое значение очерк истории Элама в книге: G. G. Cameron, History of Early Iran, Chicago, 1936 ****.

Среди многочисленных работ, посвященных истории Ассирии и Вавилона, отметим удобные для пользования очерки: H. Schmökel, Geschichte des alten Vorderasien («Handbuch der Orientalistik», 1. Abt., Bd II: Keilschriftforschung und alte Geschichte Vorderasiens, 3. Abschn., Leiden, 1957) и R. Borger, Einleitung in die assyrischen Königsinschriften («Handbuch der Orientalistik», 1. Abt., Ergänzungsband 5: Keilschrifturkunden, 1. Abschn., Leiden — Köln, 1961). Книга Б. Б. Пиотровского «Ванское царство» (М., 1959) является, по моему мнению, лучшей сводной работой по истории Урарту; наиболее полное собрание урартских текстов представлено у: Г. А. Меликишвили, Урартские клинообразные надписи, 2-е изд., М., 1960 *****. О мидянах книга И. М. Дьяконова «История Мидии» (М.—Л., 1956) лучше, чем «История

* [О структуре общества древних иранцев в доахеменидский период см. также: И. М. Дьяконов, История Мидии. От древнейших времен до конца IV в. до н. э., М.—Л., 1956, стр. 175—193, 323—366; «История таджикского народа». Том I: с древнейших времен до V века н. э. Под ред. Б. Г. Гафурова и Б. А. Литвинского, М., 1963, стр. 139—168, 504—514; А. Г. Периханян, Агнатические группы в древнем Иране,— ВДИ, 1968, № 3, стр. 28—53.]

** [См. также статьи: G. G. Cameron: Persepolis Treasury Tablets old and new,— JNES, vol. XVII, 1958, стр. 161—176; New Tablets from the Persepolis Treasury,— JNES, vol. XXIV, 1965, стр. 167—192.]

*** [См.: R. T. Hallock, Persepolis Fortification Tablets, Chicago, 1969.]

**** [Французский перевод: G. G. Cameron, Histoire de l'Iran antique, Paris, 1937. По истории Элама см. также: W. Hinz, Das Reich Elam, Stuttgart, 1964; Ю. Б. Юсифов, Элам. Социально-экономическая история, М., 1968.]

***** [См. также: И. М. Дьяконов, Урартские письма и документы, М.— Л., 1963.]

Мидии» И. Алиева (Баку, 1960), хотя и в последней можно найти немало полезного. Особое значение имеет отчет о раскопках Тахт-и Сулейман: H. H. von der Osten und R. Naumann, Takht-i-Suleiman. Vorläufiger Bericht uber die Ausgrabungen 1959, Berlin, 1961 (Teheranen Forschungen, hrsg. vom Deutschen Archäologischen Institut. Abteilung Teheran. Bd I) *. Публикация результатов раскопок, которые ведет в Хасанлу экспедиция Пенсильванского Университета, должна многое прояснить в истории и культуре маннеев **. В связи с дискуссией по поводу некоторых спорных вопросов истории Мидии следует попутно отметить, что R. Labat в статье «Kaštariti, Phraorte et les débuts de l'histoire mède» (JA, t. CCXLIX, 1961, fasc. 1, стр. 1—12) подвергает сомнению правомерность отождествления Фраорта с Каштариту, тогда как E. Cavaignac в статье «A propos du debut de l'histoire des Medes», опубликованной в следующем выпуске того же журнала (JA, t. CCXLIX, 1961, fasc. 2, стр. 153—162), считает, что нет достаточных оснований отказываться от этого отождествления (так полагаю и я).

О магах наиболее важны: G. Messina, Der Ursprung der Magier und die zarathustrische Religion (Roma, 1930) и уточняющее эту работу исследование: E. Benveniste, Les Mages dans l'ancien Iran (Paris, 1938). Этимология слова «маг» (*magu-*) до сих пор не может считаться установленной и вряд ли объяснима на почве индоевропейского ***.

Структура и система управления ахеменидской державы рассмотрены в работе: M. Ehtécham, L'Iran sous les Achéménides, Fribourg, 1946. Новое издание и перевод древнеперсидских клинообразных надписей подготавливает в настоящее время E. Benveniste для серии «Corpus inscriptionum iranicarum». До тех пор пока эта работа не будет опубликована, сохраняет свое

* [См. также: R. Naumann, W. Kleiss, C. Nylander, L. Gezelius, Takth-i-Suleiman und Zendan-i-Suleiman. Vorläufiger Bericht über die Grabungen im Jahre 1962,— AA, 1964, H. 1, стр. 1—76; R. Naumann, D. Huff, W. Kleiss, R. M. Boehmer, H. Wiegartz, Takht-i-Suleiman und Zendan-i-Suleiman. Vorläufiger Bericht über die Ausgrabungen in den Jahren 1963 und 1964,— AA, 1965, H. 4, стр. 619—799; R. M. Boehmer, Forschungen am Zendan-i-Suleiman in Persisch-Aserbeidschan,— AA, 1967, H. 4, стр. 573—584, D. Huff, Takht-i-Suleiman,— «Iran», vol. VII, London, 1969, стр. 192—193.]

** [См.: R. H. Dyson, Hasanlu and Early Iran,— «Archaeology», vol. 13, pt 2, 1960, стр. 118—129; T. Cuyler Young, A comparative ceramic chronology for Western Iran, 1500—500 B. C.,— «Iran», vol. III, London, 1965, стр. 53—85; R. H. Dyson, Problems on Protohistoric Iran as seen from Hasanlu,— JNES, vol. XXIV, 1965, № 3, стр. 193—217; R. H. Dyson, The Archaeological Evidence of the second millennium B. C. on the Persian Plateau,— «The Cambridge Ancient History», Revised edition, vol. II, ch. XVI, Cambridge, 1968.]

*** [Ср.: M. Mayrhofer, Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen, Bd II, Heidelberg, 1963, стр. 545—546.]

значение книга: R. G. Kent, Old Persian. Grammar. Texts. Lexicon. New Haven, 1950 (American Oriental Series, vol. 33; 2nd ed.— 1953). Некоторые добавления к этой работе (несколько новых восстановлений, а также анализ древнеперсидской лексики, засвидетельствованной в арамейском) содержится в глоссарии, который составил M. Mayrhofer, см.: W. Brandenstein, Antiguo Persa. Gramatica, inscripciones... con un lexico etimologico por M. Mayrhofer, Madrid, 1958 *. Для анализа древнеиранских титулов, засвидетельствованных в клинописных текстах (прежде всего в аккадских), важна книга: W. Eilers, Iranische Beamtennamen in der keilschriftlichen Überlieferung, Teil I, Leipzig, 1940 («Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes», Bd 25, № 5) **. Очень важны для изучения истории ахеменидской державы раскопки Персеполя, проводившиеся под руководством Э. Шмидта (Чикагский университет). Результаты этих работ публикуются, два тома уже изданы: E. F. Schmidt, Persepolis, I. Structures. Reliefs. Inscriptions, Chicago, 1953 (Oriental Institute Publications, vol. 68); Persepolis. II, Contents of the Treasury and Other Discoveries, Chicago, 1957 (Oriental Institute Publications, vol. 69) ***.

Попутно отмечу, что Платон (Leg., III, 694—695), говоря о государственном управлении при Ахеменидах, излагает, по-видимому, распространенную версию о смерти Камбиза и последующих событиях, согласно которой евнух (Смердис) и мидяне захватили власть у персов, но Дарий победил их и восстановил персидскую державу ****.

* [См. также: W. Brandenstein, M. Mayrhofer, Handbuch des Altpersischen, Wiesbaden, 1964. Исследования по древнеперсидским надписям, опубликованные после 1964 г., указаны в статье: M. Mayrhofer, Das Altpersische seit 1964,— «W. B. Henning Memorial Volume», London, 1970, стр. 276—298.]

** [См. также: E. Benveniste, Titres et noms propres en iranien ancien, Paris, 1966 (Travaux de l'Institut d'études iraniennes de l'Université de Paris, 1).]

*** [О раскопках в Персеполе и продолжающейся дискуссии по поводу характера этого ахеменидского города см.: W. Lentz, W. Schlosser, Persepolis — ein Beitrag zur Funktionsbestimmung,—ZDMG, Supplement I: XVII. Deutscher Orientalistentag, Vorträge, Teil 3, Wiesbaden, 1969, стр. 957—983 (библиография — стр. 978—981).]

**** [Из числа новых работ по истории государства Ахеменидов, опубликованных в последние годы, отметим следующие: E. Herzfeld, The Persian Empire. Studies in Geography and Ethnography of the Ancient Near East, Wiesbaden, 1968 (исследование по этнографии и исторической географии с учетом данных Авесты и других иранских текстов, клинописных, античных и раннемусульманских источников); G. Walser, Die Völkerschaften auf den Reliefs von Persepolis, Berlin, 1966 (детальный анализ скульптурных изображений представителей народов ахеменидской державы на персепольских рельефах); Fischer Weltgeschichte. Bd 5. Griechen und Perser, Frankfurt am Main, 1965 (обстоятельный обзор греко-персидских отношений; история

Изменения в идеологии и политической жизни стран Ближнего Востока, вызванные последствиями завоеваний Александра Македонского, рассмотрены в недавней, рассчитанной не только на специалистов книге: S. K. Eddy, The King is dead. Studies in Near Eastern resistance to Hellenism (Lincoln, Nebraska, 1961). Образцовыми по истории Селевкидов остаются труды, которые цитируются в примечаниях к этой главе: E. Bevan, The House of Seleucus, vol. I—II, London, 1902; A. Bouché-Leclercq, Histoire des Séleucides, Paris, 1913; E. Bikerman, Les institutions des Séleucides, Paris, 1938 (Bibliothèque archéologique et historique, t. XXVI). Общие работы по эллинизму В. В. Тарна (W. W. Tarn, Hellenistic military and naval developments, Cambridge, 1930; Hellenistic Civilisation, London, 1941, 3rd ed.— London, 1952 *; The Greeks in Bactria and India, Cambridge, 1938, 2nd ed.— 1951), М. И. Ростовцева (M. Rostovtzeff, The Social and Economic History of the Hellenistic World, vol. I—III, Oxford, 1941, 2nd ed.—1953), П. Жуге (P. Jouguet, L'imperialisme macédonien et l'hellénisation de l'Orient, Paris, 1926) и Эдуарда Мейера (Ed. Meyer, Die Blüte und Niedergang des Hellenismus in Asien, Berlin, 1925) хорошо известны, они остаются полезными для характеристики всего Ближнего Востока в эллинистический период **. Франц Альтхейм, очень плодовитый автор, посвятил несколько интересных работ этому периоду.

Египта, Сирии и Месопотамии в ахеменидское время); «Ancient Mesopotamia. Socio-Economic History», Moscow, 1969 (разделы, посвященные истории, экономике и праву Вавилонии ахеменидского и селевкидского периодов). Очерк культуры Вавилонии при Ахеменидах, Аршакидах и Селевкидах: H. Klengel, Babylon zur Zeit der Perser, Griechen und Parther,— «Staatliche Museen zu Berlin. Forschungen und Berichte», Bd 5, 1962, стр. 40—53. Очерк истории египетского общества при Ахеменидах (с подробной библиографией): E. Bresciani, La satrapia d'Egitto,— «Studi Classica e Orientali», vol. VII, 1958, стр. 132—188. О народах Средней Азии, Северного Причерноморья и Закавказья при Ахеменидах см.: В. В. Струве, Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии, Л., 1968. О памятниках искусства и архитектуры ахеменидской державы см.: R. Ghirshman, Perse. Proto-iraniens, Mèdes, Achéménides, Paris, 1963; E. Porada, Ancient Iran. The art of pre-islamic times, London, 1965.]

* [Русский перевод: В. Тарн, Эллинистическая цивилизация, М., 1949.]

** [Об эллинизме см. также: A. H. M. Jones, The Greek city from Alexander to Justinian, Oxford, 1940; G. Glotz, P. Roussel, R. Cohen, Alexandre et l'hellénisation du monde antique, Paris, 1945; T. Zawadzki, Z zagadnien struktury agrarno-spolecznej krajów maloazjatyckich w epoce hellenizmu, Poznań, 1952 (Труды Исторической комиссии Познанского товарищества друзей науки, т. XVI, № 3); А. Б. Ранович, Эллинизм и его историческая роль, М.—Л., 1950; J. M. Cook, The Greeks in the East, Lon-

«Внешний Иран» изучался многими учеными. Число публикаций трудов советских исследователей, посвященных грекам Южной России и их соседям, стремительно растет, так что здесь нет возможности дать их перечень *. Среди последних работ в этой области на западноевропейских языках следует отметить: о Южной России — M. Gimbutas, The prehistory of Eastern Europe, vol. I—II, Cambridge, Massachusetts, 1956—1962; о скифском искусстве — популярную книгу T. T. Rice, The Scythians, London, 1957. Археологии степей Востока и горного Алтая посвящено интересное исследование: K. Jettmar, The Altai before the Turks,— «Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities», № 23, Stockholm, 1951, стр. 135—223 **.

Правители Греко-Бактрии известны прежде всего по их монетам, так что каталоги собраний этих монет являются полезными источниками: каталог коллекции Британского музея — P. Gardner, The Coins of the Greek and Scythic Kings of Bactria and India, London, 1886; Калькуттского музея — V. A. Smith, Catalogue of Coins in the Indian Museum, Calcutta, vol. I, Oxford, 1906; Пенджабского музея (Лахор) — R. B. Whitehead, Catalogue of Coins in the Panjab Museum, Lahore, vol. I: Indo-Greek Coins, Oxford, 1914 ***. Можно пользоваться, хотя и с осторожностью, общим обзором монет домусульманского Ближнего Востока, составленным Ж. де Морганом (J. de Morgan, Manuel de numismatique orientale de l'antiquité et du moyen-âge, t. I, Paris, 1923—1936).

По кушанскому искусству хорошей сводкой является книга: J. M. Rosenfield, The Dynastic Arts of the Kushans (Berkley and Los Angeles, 1967), в которой суммированы и основные сведения о культуре и цивилизации Кушанского царства ****.

---

don, 1962; A. J. Toynbee Hellenism. The history of a civilization, London, 1959; C. Schneider, Kulturgeschichte des Hellenismus. Bd I—II, München, 1967.]

*[Библиографию работ, опубликованных до 1962 г., см.: А. И. Воронков, Древняя Греция и Древний Рим. Библиографический указатель изданий, вышедших в СССР (1895—1959 гг.), М., 1961, стр. 53—58, 277—296, 307, 437, 457—462, 469—470; Советская археологическая литература. Библиография 1958—1962, Л., 1969, стр. 127—139.]

** [См. также: K. Jettmar, Mittelasien und Sibirien in vortürkischer Zeit,— «Handbuch der Orientalistik», 1, Abt., V. Bd: Altaistik, 5. Abschn.: Geschichte Mittelasien, Leiden — Köln, 1966, стр. 1—105 (библиография работ на русском языке — стр. 91—100, на западноевропейских языках — стр. 100—105).]

*** [См. также: A. N. Lahiri, Corpus of Indo-Greek Coins, Calcutta, 1965.]

**** [О памятниках кушанского искусства см. также: Г. А. Пугаченкова, Халчаян. К проблеме художественной культуры Северной Бактрии, Ташкент, 1966. Вопросы истории, культуры и искусства кушан в последние годы разрабатывались многими исследователями и были предметом обсуждения на

О парфянах и сейчас известно весьма немногое, так что сводные работы, посвященные истории Парфянского царства, в том числе лучшая из них — книга: N. C. Debevoise, A Political history of Parthia (Chicago, 1938), далеки от совершенства. Войны Рима с Парфией служили предметом многих исследований, но события, происходившие в самом Парфянском царстве, в этих работах освещаются очень скупо *. Для реконструкции истории родины парфян большое значение имеют материалы, открытые в результате раскопок советских археологов на городищах Нисы. Раскопки Дура-Эвропос, Хатры и Ашшура в Месопотамии, на западной окраине Парфянского царства, важны и для истории самих парфян, поскольку эти раскопки позволяют составить представление о жизни и быте подданных и союзников Аршакидов **.

Лучший обзор парфянских и среднеперсидских надписей, содержащий также анализ лингвистических данных, можно найти в работе: W. B. Henning, Mitteliranisch,— «Handbuch der Orientalistik», I. Abt., IV. Bd: Iranistik, I. Abschn.: Linguistik, Leiden — Köln, 1958, стр. 20—130 ***. Из каталогов

двух международных конференциях: в Лондоне (апрель 1960 г.; см.: Papers of the date of Kaniṣka, ed. by A. L. Basham, Leiden, 1968), и в Душанбе (сентябрь 1968 г.; полная публикация материалов этой конференции подготавливается). Библиографию работ советских ученых см.: Б. Я. Ставиский, Б. И. Вайнберг, Н. Г. Горбунова, Э. А. Новгородова, Советская археология Средней Азии и кушанская проблема, 1—2, М., 1968.]

* [По истории Парфии см. также: М. Е. Массон, Народы и области южной части Туркменистана в составе Парфянского государства,— «Труды ЮТАКЭ», т. V, Ашхабад, 1955, стр. 7—70; М. М. Дьяконов, Очерк истории древнего Ирана, М., 1961, стр. 179—253, 387—396; А. Г. Бокщанин, Парфия и Рим, ч. I: Возникновение системы политического дуализма в Передней Азии, М., 1960; ч. II: Система политического дуализма в Передней Азии, М., 1966; K.-H. Ziegler, Die Beziehungen zwischen Rom und dem Partherreich, Wiesbaden, 1964; M. A. R. Colledge, The Parthians, New York, 1967 («Ancient Peoples and Places», vol. 29).]

** [О культуре и искусстве Парфянского царства см. также: R. Ghirshman, Iran. Parthes et Sassanides, Paris, 1962; Г. А. Кошеленко, Культура Парфии, М., 1966; W. G. Lukonin, Persien II, Genf., 1967, и указанную в этих работах литературу.]

*** [В последние годы открыто и опубликовано еще несколько среднеперсидских надписей. Наиболее важные работы о них см.: J. P. de Menasce, L'inscription funéraire pehlevie d'Istanbul,— «Iranica Antiqua», vol. VII, 1967, стр. 59—76; H. S. Nyberg, L'inscription pehlevie d'Istanbul,— «Byzantion», t. 38, 1968, стр. 112—122; J. Harmatta, Byzantino-Iranica,—AAASH, t. XVII, fasc. 1—2, 1969, стр. 255—276; G. Gropp, Die sasanidische Inschrift von Mishkinshahr,— AMI, N. F., Bd 1, Berlin, 1968, стр. 149—158; H. S. Nyberg, The Pahlavi inscription at Mishkīn,— BSOAS, vol. XXXIII, pt 1, 1970,

парфянских монет лучшим, по-видимому, следует считать: Sammlung Petrowicz. Arsakiden Münzen, Vienna, 1904. Описание монет мелких династов — G. F. Hill, Catalogue of the Greek Coins of Arabia, Mesopotamia, and Persia, London, 1922.

К главе 6

Основным трудом о сасанидском Иране остается: A. Christensen, L'Iran sous les Sasanides, 2. éd., Copenhagen, 1944; его дополняют многочисленные работы того же автора, посвященные отдельным проблемам *. Перевод соответствующих разделов хроники ат-Табарӣ, опубликованный Т. Нёльдеке в 1879 г. (Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden. Aus der arabischen Chronik des Tabari übers., und mit ausführlicher Erläuterungen und Ergänzungen versehn von Th. Nöldeke, Leyden, 1879), также остается классическим трудом в этой области. Обзор сасанидского искусства содержит книга: K. Erdmann, Die Kunst Irans zur Zeit der Sasaniden, Berlin, 1943. Сводку данных об археологии домусульманского Ирана можно найти в полезном справочнике: L. Vanden Berghe, Archéologie de l'Irān ancien, Leiden, 1959 (2. éd.—1966), где приведены сведения о городищах и других памятниках **.

Лучший, по моему мнению, очерк истории манихейства содержит книга H.-Ch. Puech, Le manichéisme, Paris, 1949 (Musée Guimet. Bibliothéque de diffusion, t. LVI) ***. Основная литература о сасанидском зороастризме указана в работах: R. C. Zaehner, Zurvan. A Zoroastrian Dilemma, Oxford, 1955, стр. 455—458; The Dawn and Twilight of Zoroastrianism, London, 1961, стр. 339—348 ****.

стр. 144—153; R. N. Frye, Funerary inscriptions in Pahlavi from Fars,— «W. B. Henning Memorial Volume», London, 1970, стр. 152—156; В. Г. Луконин, Среднеперсидские надписи из Кара-тепе,— «Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе», М., 1969, стр. 40—46.]

* [Библиографию работ А. Кристенсена см.: K. Barr, Arthur Christensen,— «Oversight over Det. Kgl. Danske Videnskabernes Selskabs. Virksomhed 1945—46», København, 1946, стр. 19—37.]

** [По истории, культуре и искусству сасанидского Ирана см. еще работы: Н. В. Пигулевская, Византия и Иран на рубеже VI и VII веков, М.—Л., 1946; ее же, Города Ирана в раннем средневековье, М.—Л., 1956, а также: М. М. Дьяконов, Очерк истории древнего Ирана, М., 1961, стр. 255—336, 397—415; В. Г. Луконин, Иран в эпоху первых Сасанидов, Л., 1961; его же, Культура сасанидского Ирана, М., 1969, и литературу, указанную выше, стр. 363, прим. **.].

*** [См. также: G. Widengren, Mani und der Manichäismus, Stuttgart, 1961 (Urban-Bücher. Die wissenschaftliche Taschenbuchreihe hrsg. von Fr. Ernst, 57).]

 **** [Ср. выше, стр. 354, прим. *.].

К главе 7

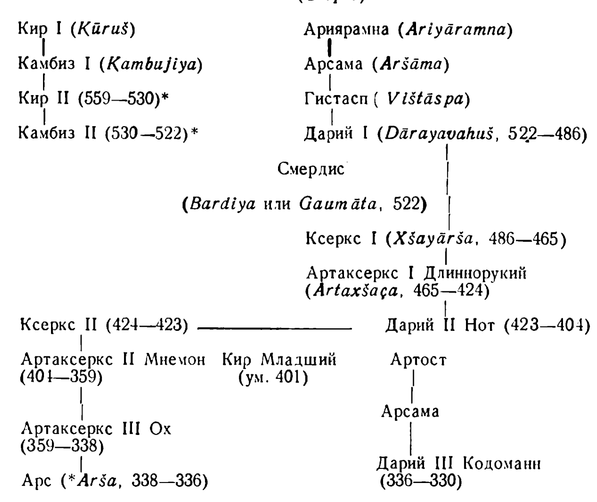
Основным справочником по Ирану в раннеисламское время, содержащим весьма обширную библиографию, может служить книга: B. Spuler, Iran in früh-islamischer Zeit. Politik, Kultur, Verwaltung und öffentliches Leben zwischen der arabischen und der seldschukischen Eroberung. 633 bis 1055, Wiesbaden, 1952 (Akademie der Wissenschaften und der Literatur, Mainz. Veröffentlichungen der Orientalischen Komission, Bd II). Полезным и в настоящее время остается обзор персидско-арабских взаимовлияний, особенно в литературе, содержащийся у E. G. Browne, A Literary History of Persia, vol. I, From the Earliest Times until Firdawsí Cambridge, 1902. Анализ различных ересей и сект в Иране в раннеисламский период можно найти в книге: G. H. Sadighi, Les mouvements religieux iraniens au IIe et au IIIe siècle de l'hégire, Paris, 1938.

О литературной деятельности зороастрийцев в IX в. см.: H. W. Bailey, Zoroastrian Problems in the Ninth-Century Books, Oxford, 1943, где главное внимание уделено филологическим проблемам, и J. P. de Menasce, Škand-Gumānīk Vičār. Texte pazand-pehlevi transcrit, traduit et commenté, Fribourg, 1945— издание и перевод апологетического текста, а также анализ религиозных проблем.

Из числа журналов, в которых публикуются исследования по темам, затронутым в нашей книге, отметим следующие, издаваемые различными востоковедными и историческими обществами и институтами: «Bulletin of the School of Oriental and African Studies» (University of London); «Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland» (London); «Вестник древней истории» (Москва); «Indo-Iranian Journal» (Hague); «Iranica Antiqua» (Leiden); «Iran. Journal of the British Institute of Persian Studies» (London); «Journal asiatique» (Paris); «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft» (Leipzig — Wiesbaden). Важна также довольно многочисленная периодика по искусству Востока и журналы по лингвистике и филологии.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

ГЕНЕАЛОГИЯ АХЕМЕНИДОВ[1]

[1] По Р. Кенту (R. Kent, Old Perslan, стр. 158), с уточнением дат.

[2] Введение в родословную Кира I в качестве его деда и отца еще одного Теиспа и еще одного Кира может показаться необходимым с точка зрения хронологии, однако свидетельств о их существовании нет, ср. Cavaignac. JA, t. CCXXXIX, 1951, стр. 364.

* Называние ребенка именем деда известно и у других индоевропейских народов.

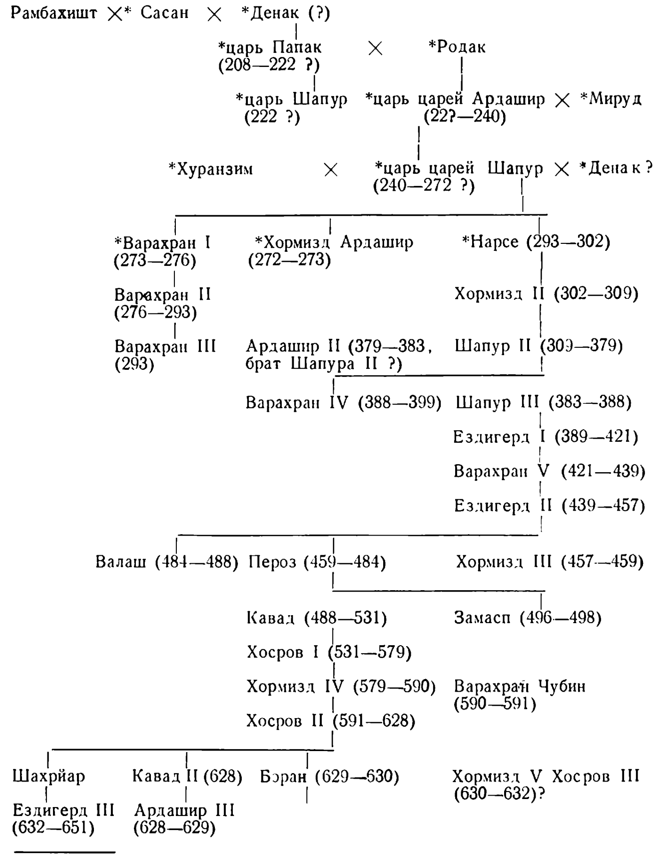
ПРИЛОЖЕНИЕ 2

ПРИМЕРНАЯ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА АРШАКИДСКИХ ЦАРЕЙ*

Арсак I (*'ršk*, 247—?)	— — — —	Тиридат (*tyrydt*, ок. ?—211 до н. э.)
		Артабан I (*'rtbnw*, ок. 211—191)
		Фрияпатий (*prypt*, ок. 191—176)
Митридат I (*mtrdt*, ок. 171—138)	— — — —	Фраат I (*prdh* или *prdty*, ок. 176—171)
Фраат II (ок. 138—128)	— — — — ?	Синатрук (*sntrwk*, ок. 80—69)
Готарз I (*gwtrz*, ок. 91—87?)		
Ород I (*wrwd*, ок. ?—77)		
Артабан II (ок. 128—123)		Фраат III (ок. 69—57)
Митридат II (ок. 123—87)		
Ород II (ок. 57— 37)	— — — — ?	Митридат III (ок. 57—55)
Тиридат II (ок. 30—25)		
Фраат IV (ок. 38—2)		
Фраатак (*prdtk*, ок. 2 до н. э.—4 н. э.)	— — — —	Вонон I (*whwnm* ?, ок. 7—12)
Ород III (ок. 4—7)		
Артабан III (ок. 12—38)		Тиридат III (ок. 36)
Вардан (*wrt'n*, ок. 39—47)	— — — — ?	Готарз II (ок. 38—51)
Вонон II (ок. 51)		
Вологез I (*wlgš*, ок. 51—80)		Пакор (*pkwr* ?, ок. 79—115)
		Ороз (ок. 109—128)
Артабан IV (ок. 80—81)		
Вологез II (ок. 105—147)		Митридат IV (ок. 128—147?)
Вологез III (ок. 148—192)		
Вологез IV (ок. 191—207)		
Вологез V (ок. 207—227?)	— — — —	Артабан V (ок. 213—224)
		Артавазд (*'rtwzd*, ок. 226—227?)

* Вертикальные сплошные линии обозначают наследование от отца к сыну, горизонтальные пунктирные соединяют имена родных или сводных братьев.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3
ДИНАСТИЯ САСАНИДОВ[1]

[1] Звездочка перед именем указывает на то, что данное лицо засвидетельствовано в надписи Шапура I на "Ка'бе Зороастра" (ŠKZ). Знак × указывает на супругов. Родак можно, вероятно, сопоставить с именем *Рӯдӣāб* в "Шахнаме" Фирдоуси (калькуттское изд., I, 1365), где *Рӯдӣāб* выступает как патроним Папака. Не исключено, однако, что *Рӯдӣāб* употреблено здесь как имя нарицательное в значении "опечаленный, расстроенный".

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН *

---

* В указатель не вошли: имена большинства мифических и литературных персонажей; имена, выступающие только в генеалогических таблицах (приложения 1—3) и в библиографическом обзоре. Во всех указателях выделены курсивом номера страниц, на которых данное слово встречается только в примечаниях.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ, ТОПОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ *

* В указатель не вошли названия, имеющиеся на приложенных картах, но не выступающие в тексте, а также содержащиеся только в подписях под рисунками. Не включены также названия, приведенные только в латинской транскрипции.

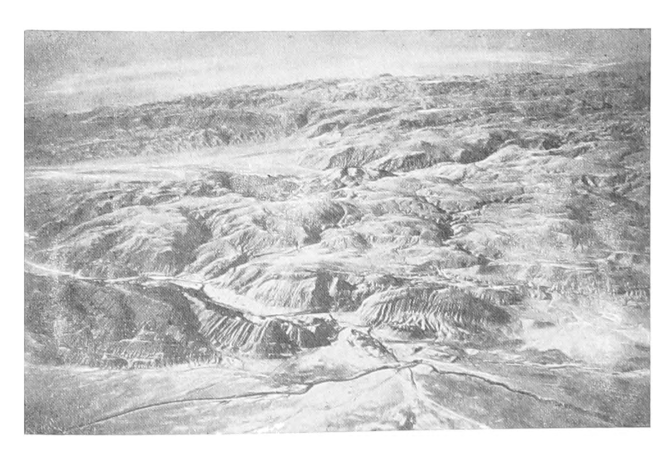
25*

ИЛЛЮСТРАЦИИ

ИРАН: СТРАНА

1. Деште Кевир — солончаковая пустыня, разделяющая Иран на две части — восточную и западную. По ее северной оконечности тянулся торговый путь, шедший из равнин Месопотамии, где реки Тигр и Евфрат сходятся у современного Багдада

2. Каспийские ворота, отделяющие Восточную Мидию от верхних областей Парфии. Вдали — пустыня Деште Кевир

3. Так называемый «Вал Александра». Эти стены и укрепления отгораживали Иран от туркменских степей. Начинаясь от Каспийского моря, оборонительная система тянулась на 106 миль. Ее сооружение, видимо, относится к сасанидскому времени

4. Тахт-и Сулейман — древний Ганзак (Шиз) в Южном Азербайджане. Судя по последним археологическим изысканиям, эта местность считалась священной уже в мидийское или даже в предмидийское время. При Сасанидах Тахт-и Сулейман становится династийной и религиозной святыней

5. Зиндан-и Сулейман — вулканическое образование близ Тахт-и Сулейман. У подножия горы была открыта платформа-стена мидийского или предмидийского периода

6. Гур (Фирузабад) — круглый город первого сасанидского **царя Ардашира**

7. Кут-и Гапу — нераскопанное парфянское городище к северу от Суз. Этот обнесенный стеной город относится, видимо, ко II или III в. и, может быть, соответствует городу Айван-и Карха

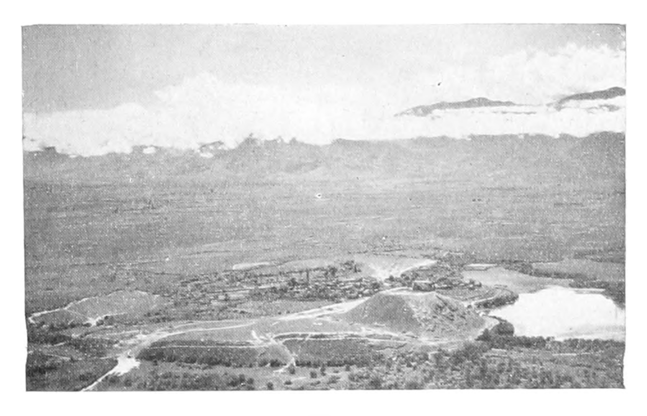

8. Остатки храма селевкидского периода в Кангаваре (Мидия)

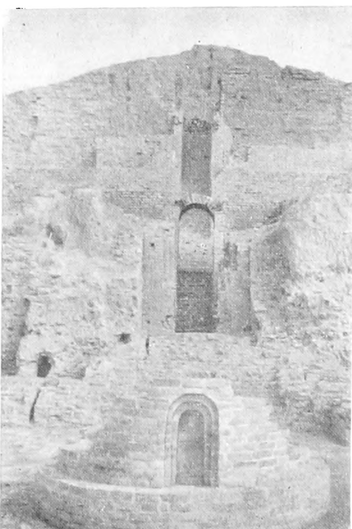

9. Так-и Бустан, близ Керманшаха. В этом гроте на сасанидских рельефах можно видеть всадников в доспехах — предшественников европейских рыцарей позднейшего времени

ПРЕДАХЕМЕНИДСКОЕ ВРЕМЯ — «ЭПОХА КЕРАМИКИ»

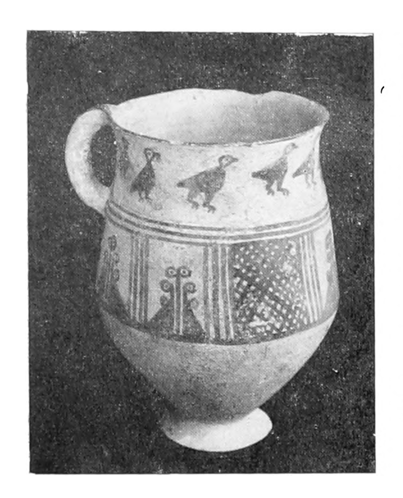
10. Туранг-тепе — древнее городище в долине Гургана. За этими холмами лежала земля кочевников

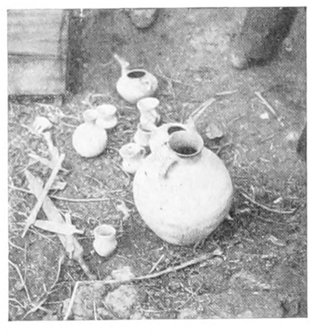

11. Эламский зиккурат Дур-Унташи в Чога-Замбиле (около Суз). В древности, еще до прихода иранцев, эламские племена господствовали на равнинах Хузистана, а их культура распространялась далеко на восток, на территорию Иранского нагорья

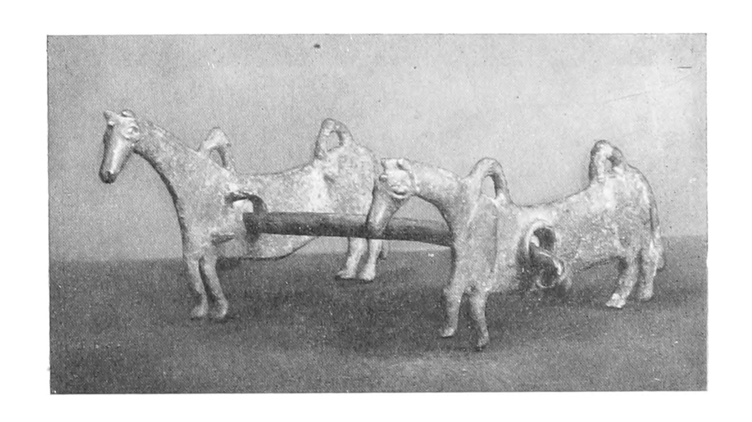
12. Красноглиняный ритон или светильник (?) из Калар-Дашт в Мазандеране (высота 23 *см*)

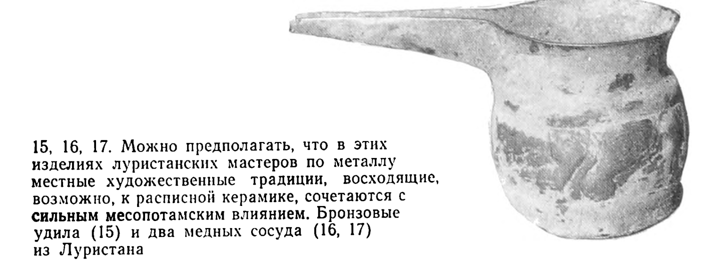

14. Сосуды и кинжалы из погребений в Хурвине (западнее Тегерана)

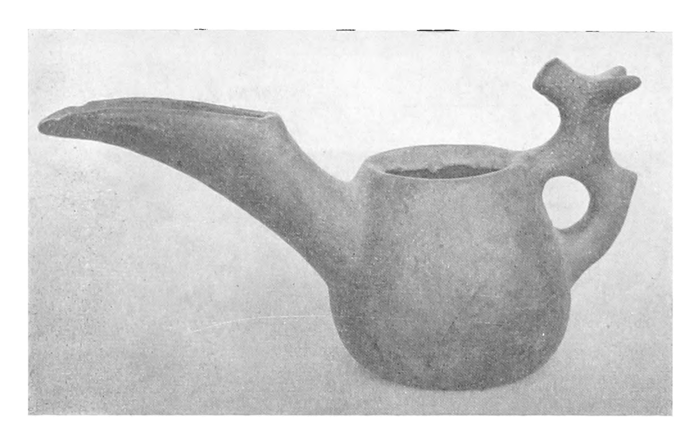
13. Расписная кружка из Тепе-Гиян

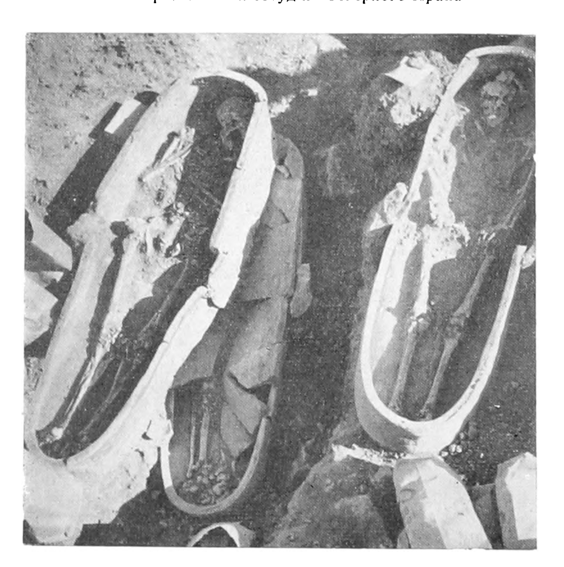

15, 16, 17. Можно предполагать, что в этих изделиях луристанских мастеров по металлу местные художественные традиции, восходящие, возможно, к расписной керамике, сочетаются с **сильным месопотамским** влиянием. Бронзовые удила (15) и два медных сосуда (16, 17) из Луристана

18. Сероглиняный сосуд из Северного Ирана

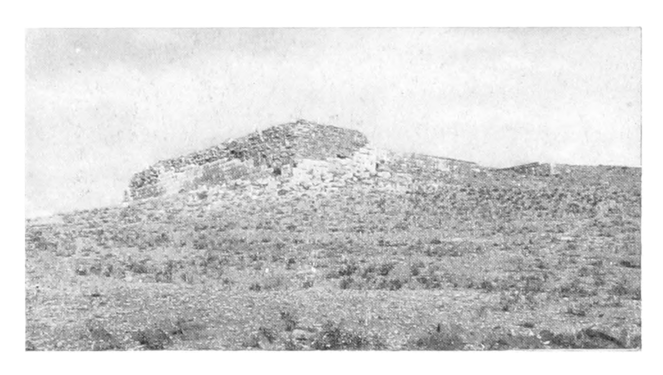

19. Погребения позднеахеменидского (?) периода — «Могильник у родника» близ Персеполя

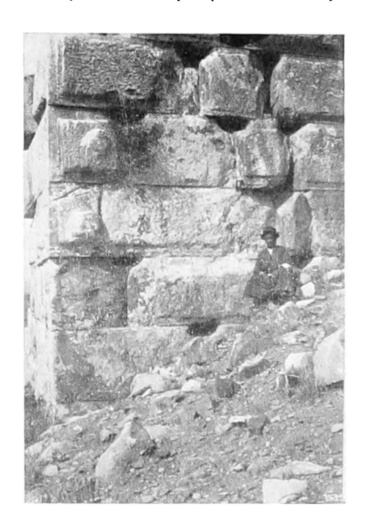

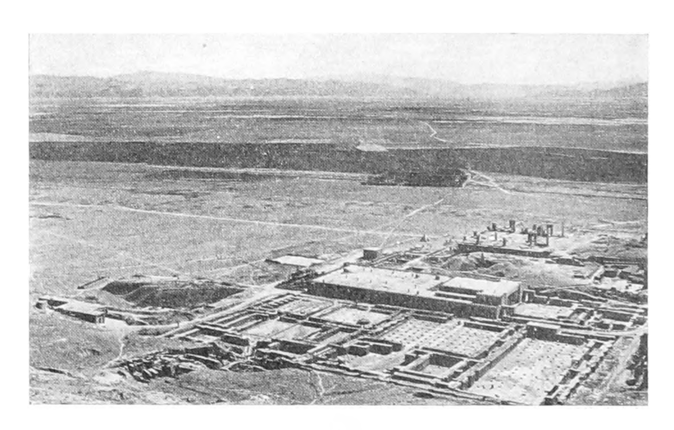
20. Золотая пластина из Хамадана или Зивийе (?); хранится в Тегеранском музее. Из клада золотых, серебряных, бронзовых и костяных изделий, найденного крестьянами вскоре после второй мировой войны. В этой пластине сочетаются «скифский» и ассирийский местные стили

ВЕЛИЧИЕ АХЕМЕНИДОВ

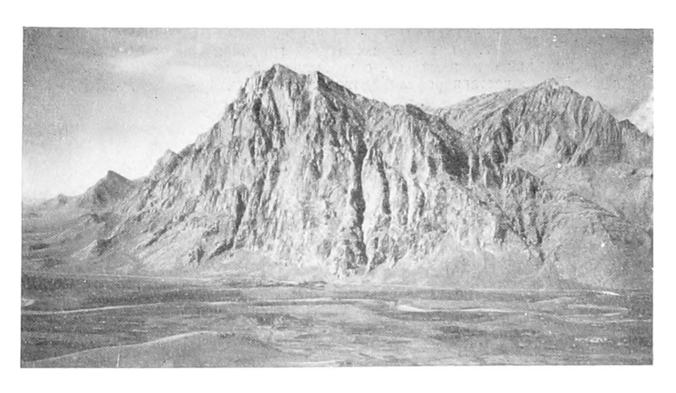

21, 22. Терраса в Пасаргадах. Эта большая терраса, сложенная из огромных, тщательно обтесанных камней, очень похожа на такое же сооружение в местности, называемой Масджид-и Сулейман (район современных нефтепромыслов в Хузистане)

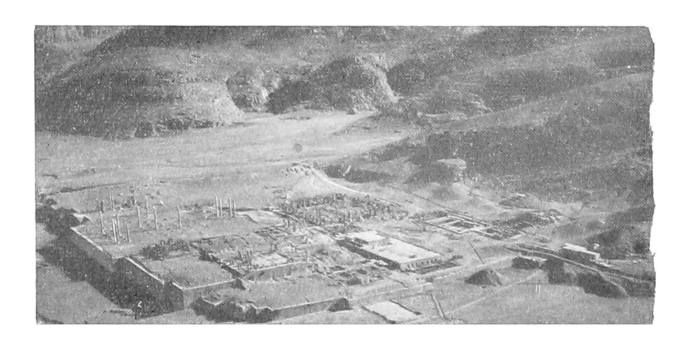

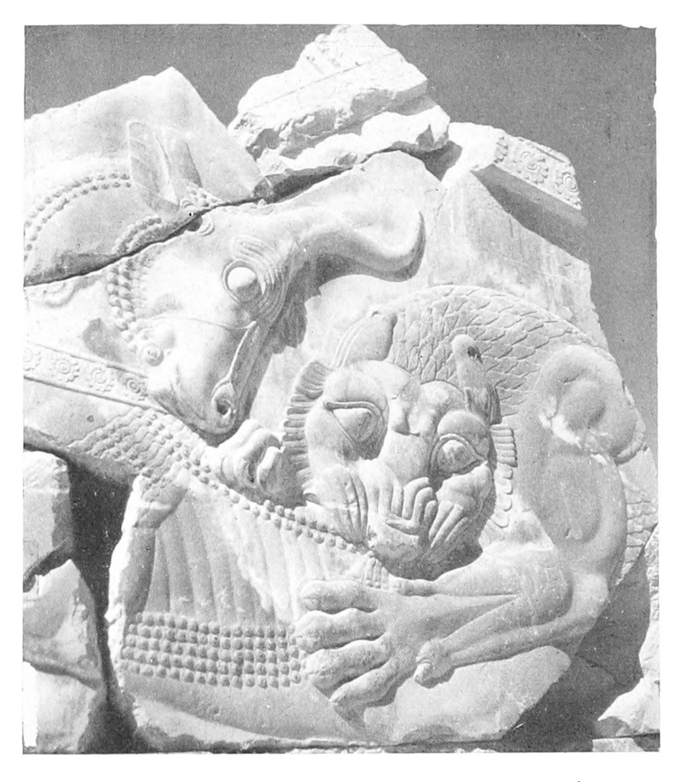
23. Терраса в Персеполе. Дарий I соорудил огромную террасу, на которой стоял дворец, употребив камень, добывавшийся в окрестных горах

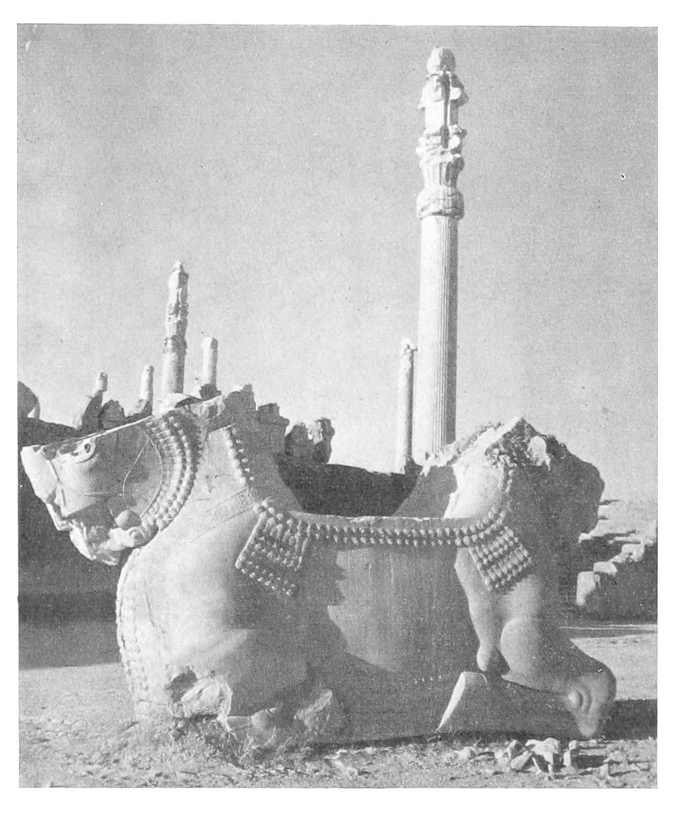
24. Бехистун. Высоко над дорогой, ведущей и сегодня из долин Месопотамии в Хамадан, на скале высечены надписи, которые рассказывают о событиях, связанных с вступлением Дария на престол

25, 26. Персеполь на заре. Дарий возвел свою новую столицу в плодородной долине, остававшейся необитаемой с конца каменного века. В 330 г. до н. э. Александр разграбил и сжег Персеполь, и с тех пор никто не пытался его восстановить; американские археологи частично реставрировали здание гарема (внизу — вид на Персеполь с воздуха)

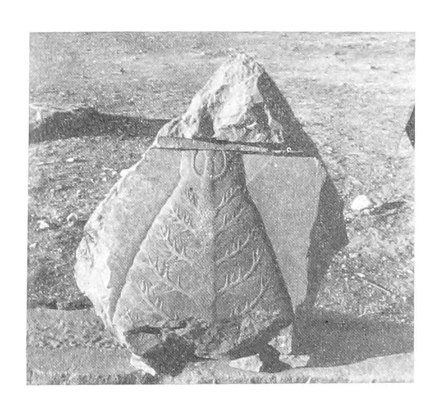

27. Персеполь. Рельеф с изображением льва, убивающего быка. Эта сцена отражает какие-то космогонические представления или символизирует могущество царя

28. Персеполь. Упавшая капитель. Греческое влияние сказывается в канелированных стволах колонн и в отделке баз, но массивные капители, заканчивающиеся двумя протомами быков, свидетельствуют об архитектурных приемах, характерных для Ассирии и Армении

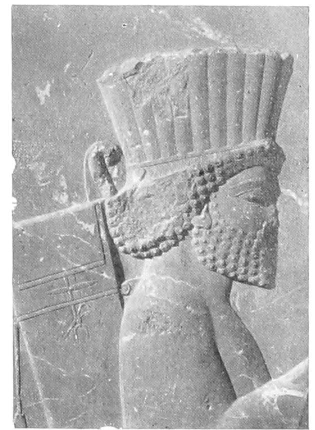

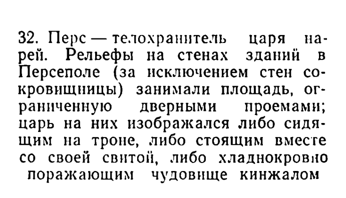
29. Изображение дерева на рельефе из Персеполя

30. Символ «великого бога» Ахура Мазды, употреблявшийся ахеменидскими царями. Это особенно хорошо сохранившееся изображение — из дворца Дария в Персеполе

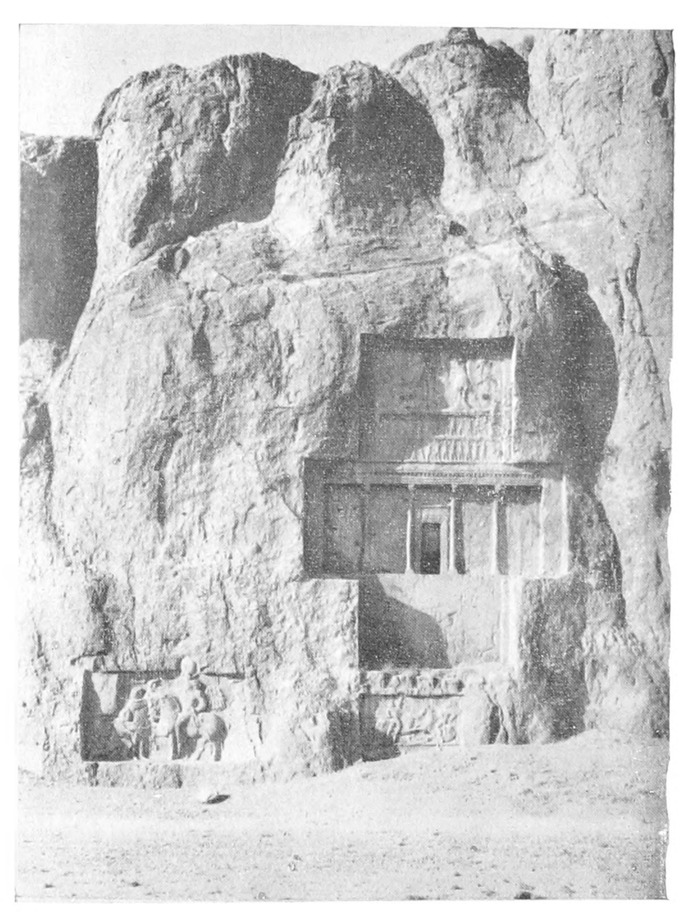

31. Знатный мидянин в почтительной позе перед царем царей (резная панель из портика сокровищницы Персеполя)

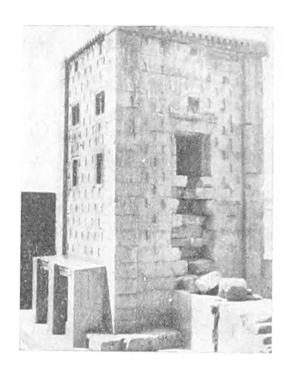

32. Перс — телохранитель царя царей. Рельефы на стенах зданий в Персеполе (за исключением стен сокровищницы) занимали площадь, ограниченную дверными проемами; царь на них изображался либо сидящим на троне, либо стоящим вместе со своей свитой, либо хладнокровно поражающим чудовище кинжалом

33. Гробница Дария I близ Персеполя. Внизу — рельефы более позднего времени

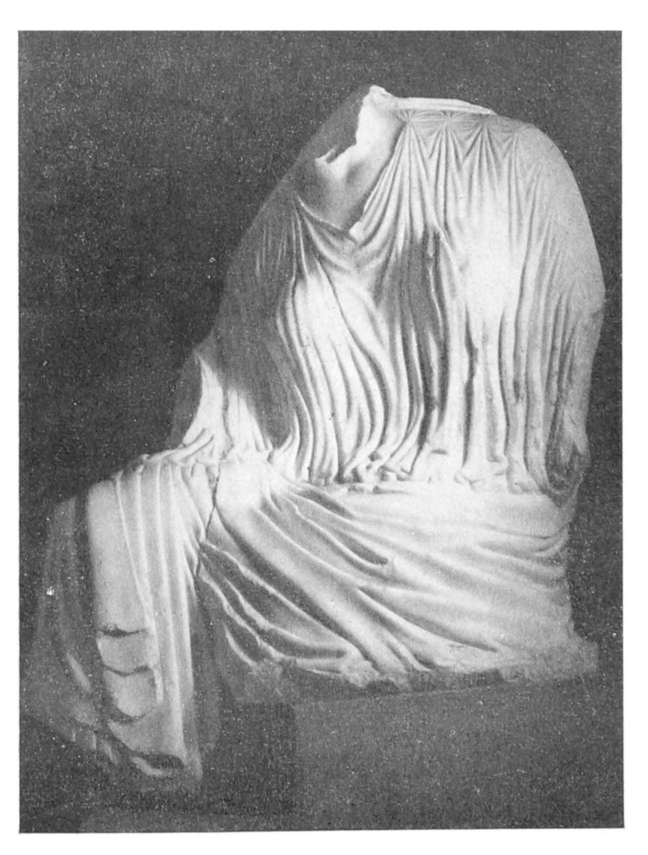

34. «Ка'ба Зороастра» в Накш-и Рустаме. Нет никаких доказательств, что это сооружение, находящееся напротив царских гробниц—*āyadana* (место поклонения)

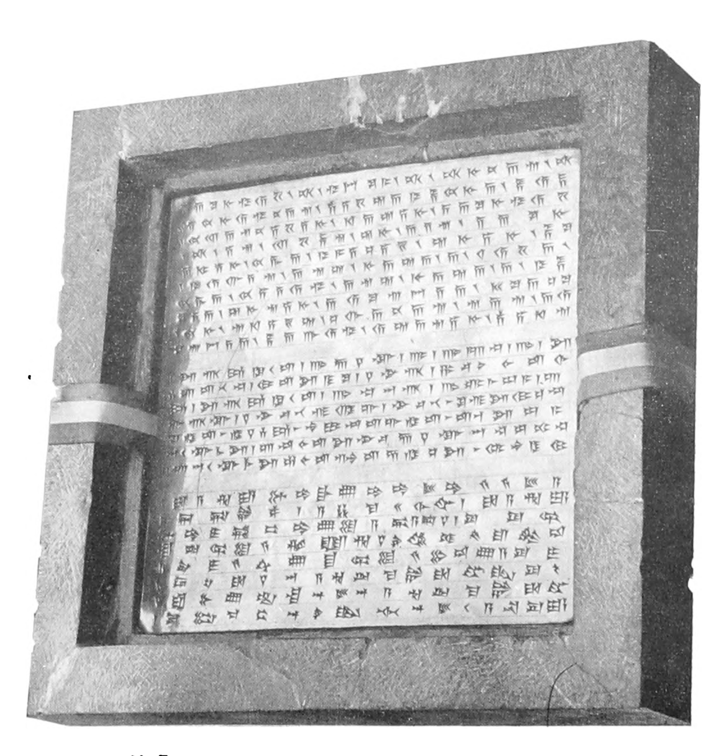
35. Голова перса. Скульптура из обожженной глины. Персеполь

36. Сузы (вид с воздуха). У греков и в «Ветхом Завете» Сузы — столица Ахеменидов; находки изделий, стекавшихся сюда из всех областей империи, указывают на смешение культур в державе Ахеменидов

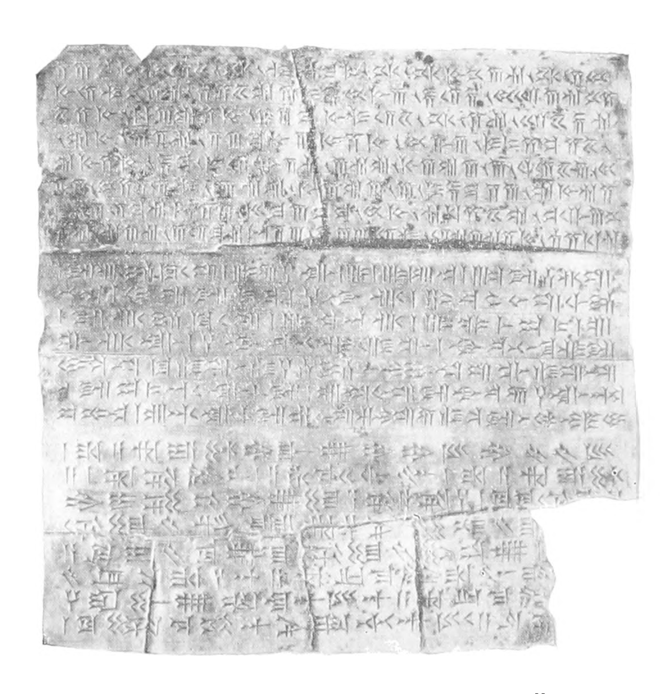

37. Мраморная статуя ахеменидского (?) времени. Персеполь

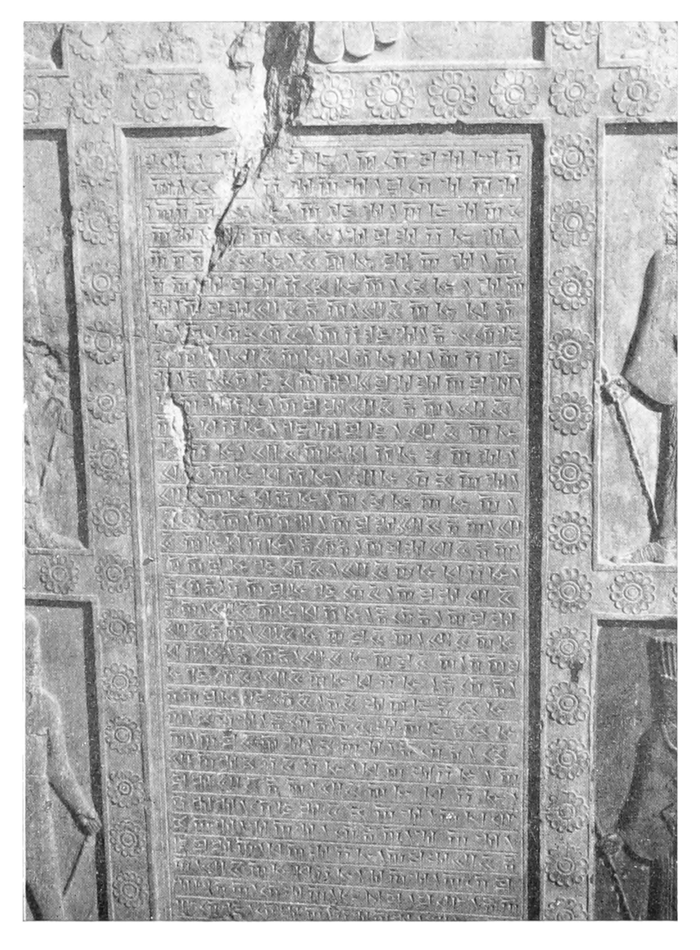
ПИСЬМЕНА И НАДПИСИ

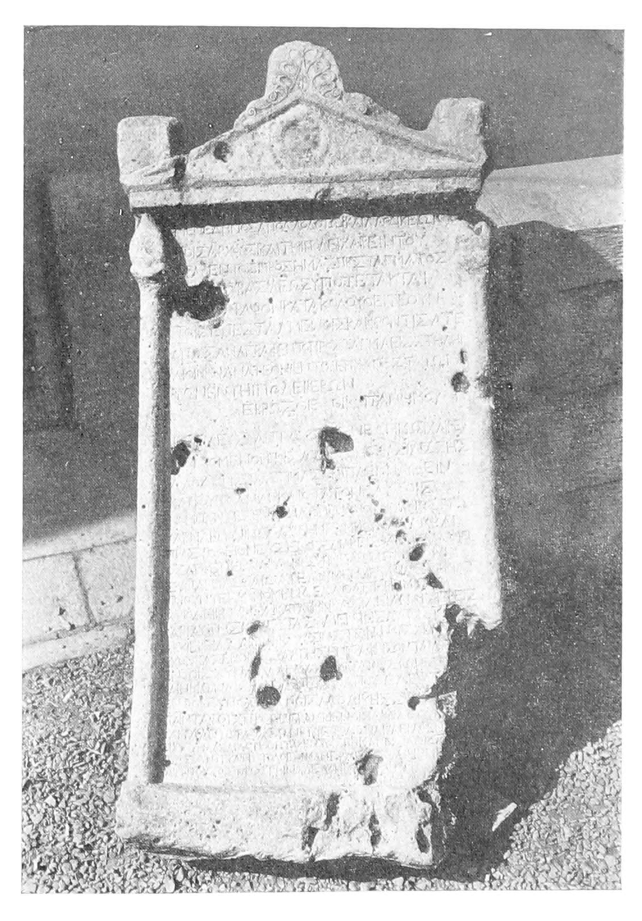
38. Трехъязычная золотая закладная пластина Дария из Персеполя. Надпись выполнена клинописью и составлена на древнеперсидском, вавилонском и эламском языках

39. Трехъязычная золотая закладная пластина Дария из Хамадана. Многие ученые считают, что древнеперсидская клинопись была изобретена при Дарии для составления царских надписей

40. Древнеперсидская надпись из Персеполя царя Артаксеркса III, при котором ахеменидская империя обрела новые силы и вернула себе прежнее могущество

41. Греческая надпись из Нихавенда. Селевкиды контролировали основные торговые пути в Иране, но не более

42. Сасанидская, парфянская и греческая надписи на коне Ахура Мазды (на рельефе в Накш-и Рустаме) — божества, изображавшегося в сасанидское время в антропоморфном виде

43. Парфянское граффити из Кал-и Джанггах (близ Бирджанда). Начертанное на скале имя Гари-Ардашир, по-видимому, принадлежало изображенному здесь парфянину, поражающему голыми руками льва. Вероятно, Гари-Ардашир был правителем городской округи

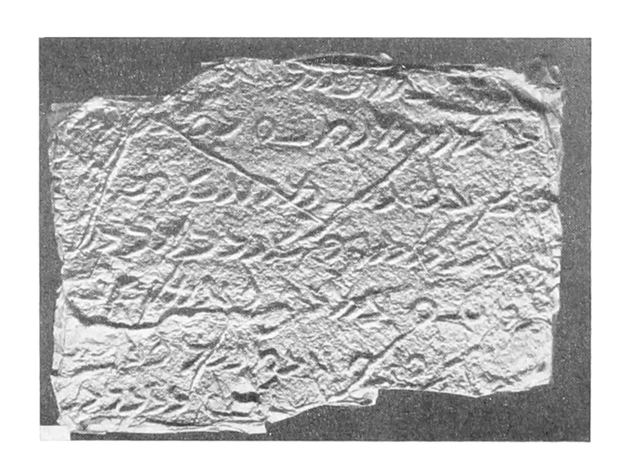

44. Сасанидская гемма с зеркальной надписью «Бафрак, магупат Месены (*myšwn*)». Печать изготовлена из сердолика; размеры — 4×3,3 *см*.

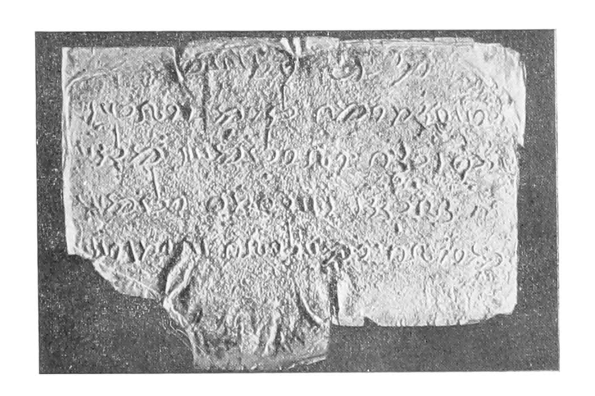

45. Арамейская надпись чернилами на зеленом камне из Персеполя

46. Оттиски ахеменидских печатей с арамейскими надписями из Персеполя

47, 48. Нам повезло, что сохранилась надпись на парфянском и сасанидском среднеперсидском языках, содержащая списки царей и придворный «протокол». На блоке парфянской надписи из Пайкули (47) упоминается лахмидский царь 'Амр, на блоке среднеперсидской сасанидской надписи из Пайкули (48) — различные владетели

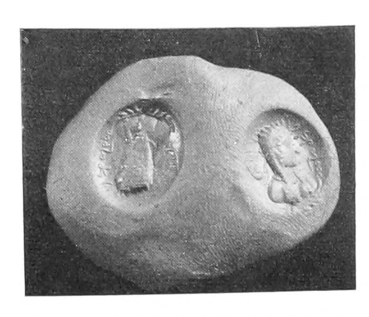

49. Гемма с парфянской надписью: **tyryš** 'hmrkr— «Тирич счетовод»

50. Арамейская надпись на крышке курильницы из Ашшура

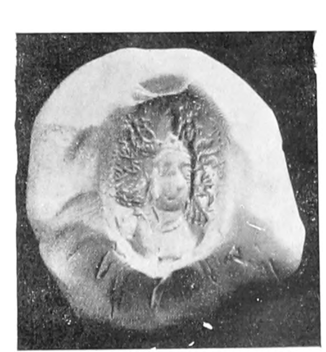

51. Оттиск печати эфталитской царевны с надписью (?)

52. Сасанидская печать «Вахудена-Шахпухра, анбаркпата Ирана»

53. Верхняя часть котла (?). серебро. Дорога на Чалус

54. Оттиск печати эфталитской царевны (?). Надпись на оттиске различима не полностью.

55. Оттиск печати эфталитского князя с надписью dexono (?).

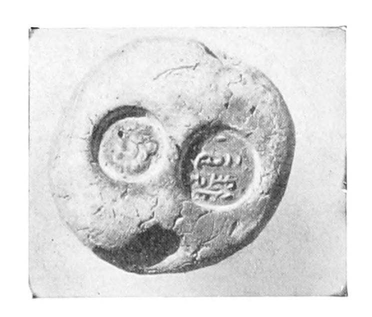
56. Печать писца (*dpywr*) по имени *m'rsḥyāy* (слепок)

57. Сасанидская печать (слепок) с надписью *āturpat;* изображения Пегаса — распространенный сюжет на сасанидских геммах

58. Оттиск эфталитской (или кушанской печати с изображением вепря и надписью *margakou* (?)

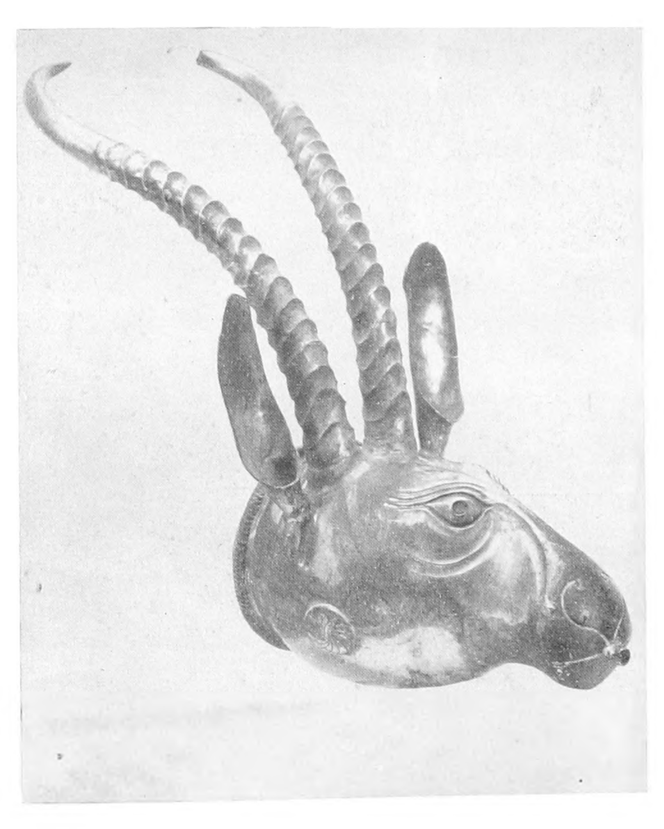
59. Сасанидская булла с надписью *kwlt mgwh*

60. Сасанидские буллы из Каср-и Абу Наср (район Шираза). На буллах читаются названия: (в центре) *šur'čy* («Шираз») и *'rtḥštr GDH* («Ардашир-хварра», соответствует Фирузабаду).

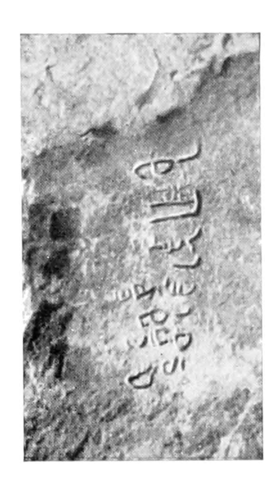
61. Личная печать с надписью *ḥwmy 'pst'n 'Lyzd'n*

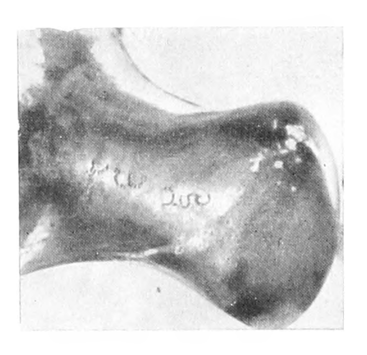
62. Сасанидский серебряный водолей в виде головы горного козла. Вес 860,71 *г.*

63. Надпись-граффити позднепехлевийским письмом из района Персеполя. Таким же письмом написаны среднеперсидские литературные памятники зороастрийцев, преимущественно — религиозные

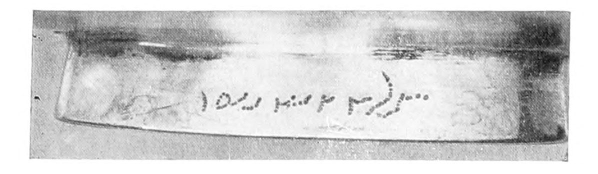

64. Надпись поздним пехлеви (над источником к югу от Персеполя)

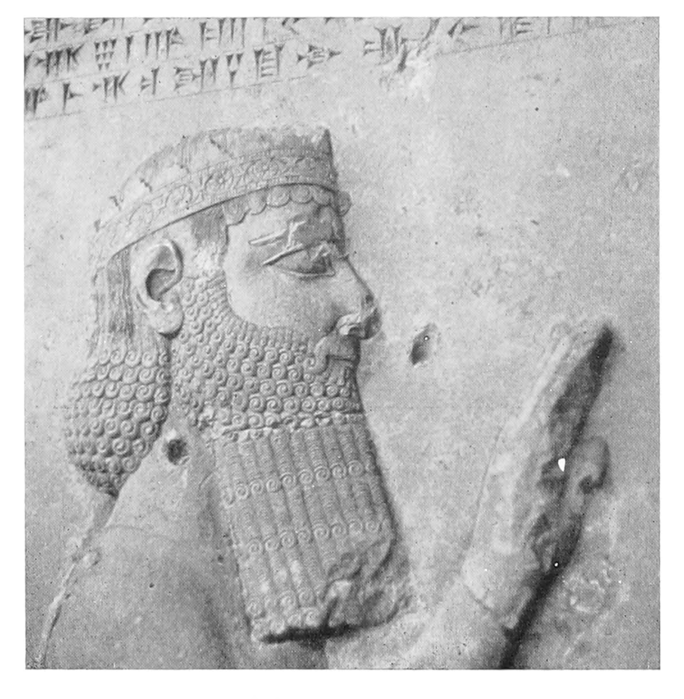
65. Надпись на тыльной стороне серебряного козла-водолея (см. рис. 62), в котором указан вес предмета

66. Арабская куфическая надпись из Персеполя

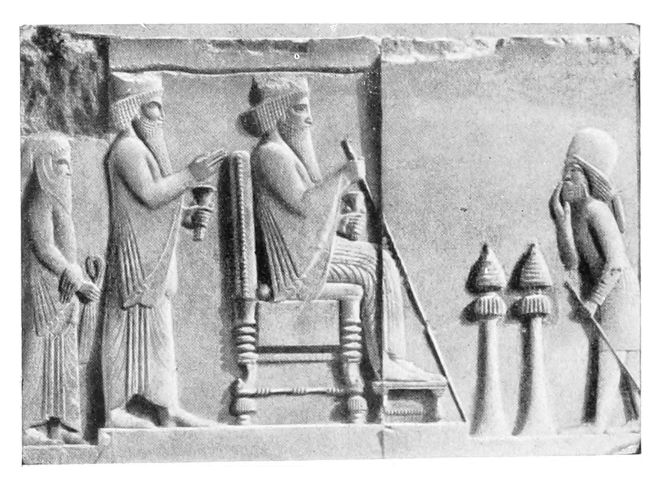

67. Надпись на поддоне серебряного сосуда (вес 770,36 *г.*) принадлежавшего Шапуру II, необычно длительное правление которого продолжалось семьдесят лет. Шапур II с успехом возвратил персам их былые владения и престиж

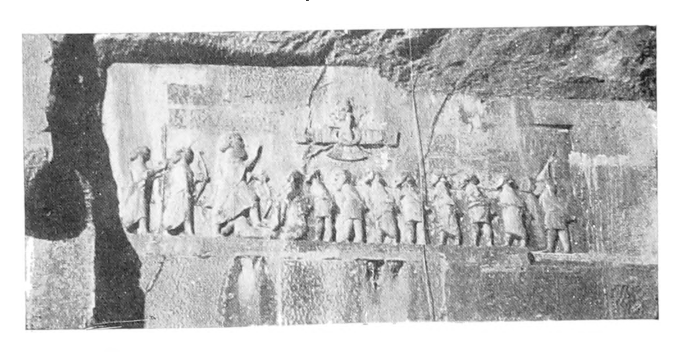
ПРАВИТЕЛИ, ГЕРОИ, БОГИ

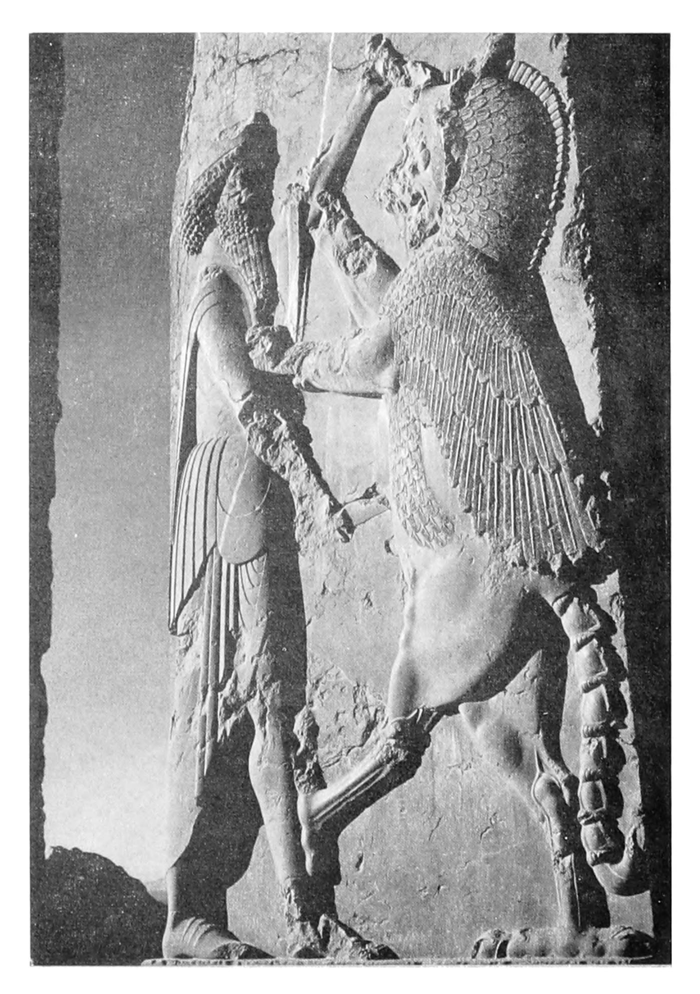
68. Голова Дария на рельефе в Бехистуне

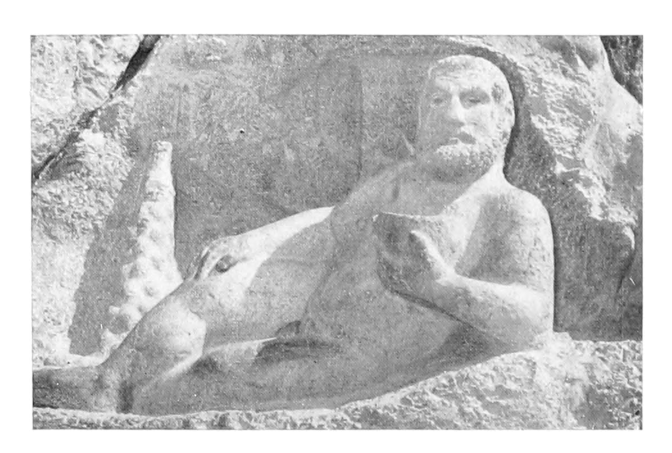
69. Персеполь. Царь Дарий, сидящий на троне, держит скипетр и лотос, символизирующие царственность; за ним стоит его сын и наследник Ксеркс. Они принимают высокопоставленного придворного сановника, курильницы с благовониями наполняют воздух ароматом

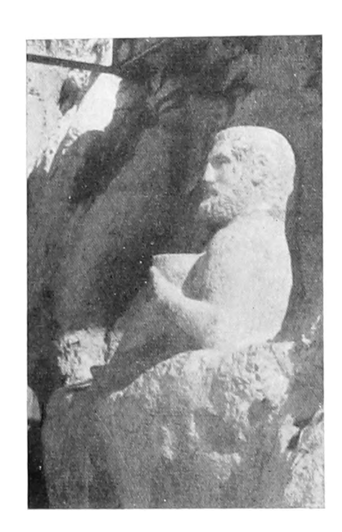
70. Рельеф в Бехистуне, изображающий Дария и усмиренных им правителей. Побежденные цари выражают свою покорность Дарию, перед ним (сверху) — Ахура Мазда, помощи которого Дарий приписывал свою победу

71. Дарий поражает крылатого льва. Персеполь

72, 73. Культ Геракла был широко распространен в селевидских владениях, как об этом свидетельствуют многочисленные находки его статуй. Одна из таких статуй — в Бехистуне (вид спереди и сбоку)

74. Статуя Геракла. Тегеранский музей

75. Раннесасанидские медные монеты (найдены при раскопках в Фарсе)

76. Парфянские монеты царя Фраатака и его матери Музы

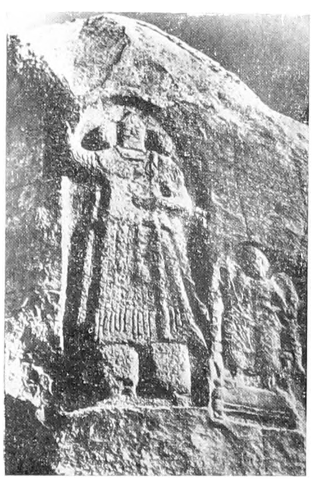

77. Оттиск печати с изображением согдийского вельможи. Согдийцы населяли оазисы Бухары, Самарканда и, вероятно, часть богатой Ферганской долины, а также сопредельные районы. Благодаря письменным памятникам на согдийском языке о согдийцах известно больше, чем об их соседях

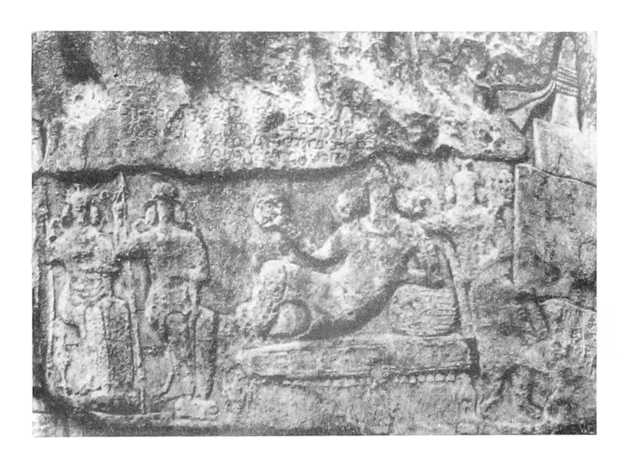

78. Бронзовая голова статуи парфянского вельможи (в натуральную величину), найденная в Шами (близ Маламира). Эта статуя свидетельствует о широкой популярности того, что можно назвать культом обожествленного после смерти царя

79. Рельеф на скале в Танг-и Сарвак. Надписи показывают, что население говорило на арамейском языке

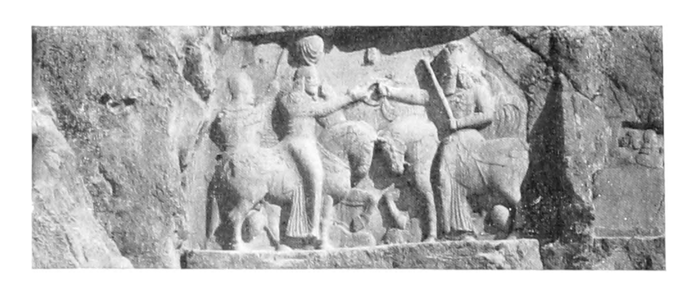
80. Царь. Деталь рельефа, изображенного на рис. 79

81. Другая сторона скалы в Танг-и Сарвак

82. Везир царя Нарсе. Рельеф в Накш-и Рустаме

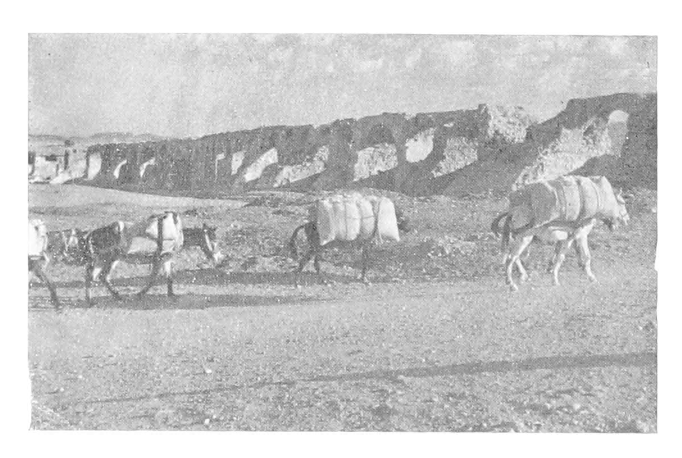
83. Наскальный рельеф в Накш-и Рустаме. Основатель сасанидской державы — Ардашир I показан в сцене инвеституры перед богом Ахура Маздой, изображенным в облике человека. Сасаниды воскресили зороастризм после долгого упадка, в котором он пребывал

84. Плененный римский император Валериан преклоняет колени перед Шапуром I

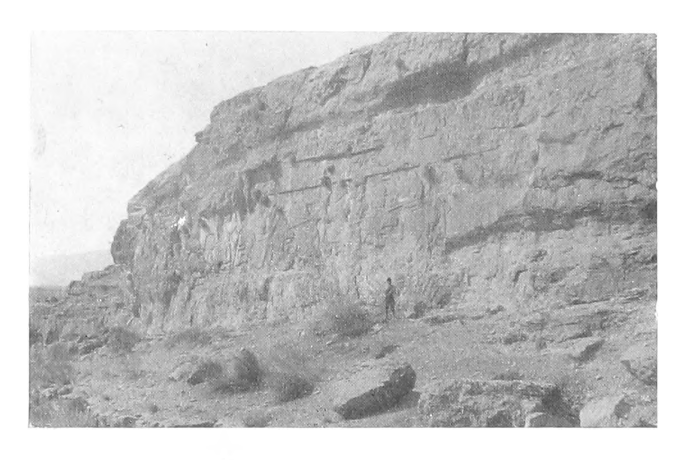
85. Рельеф в Накш-и Рустаме. Голова Шапура I. Шапур известен еще и тем, что при нем в зороастрийскую духовную литературу было введено много новых представлений; он же покровительствовал пророку Мани — основателю манихейской религии

86. Голова статуи Шапура I из Бишапура

87. Мост Валериана в Шуштере

88. Фирузабадский рельеф, изображающий победу Ардашира над Артабаном

89. Позднепарфянское или раннесасанидское серебряное блюдо

90. Изображение Ардашира II на рельефе в Так-и Бустане

91. Серебряное сасанидское блюдо (вес 834,6 *г*) с изображением из Амударьинского клада

92. Серебряное позолоченное изображение Солнца, найденное в Сарпул-Зохабе (Луристан) (диаметр 10,7 см, вес 21 *г*).

93. Буидский царь на золотом медальоне сасанидского типа (вес 28,99 *г*).

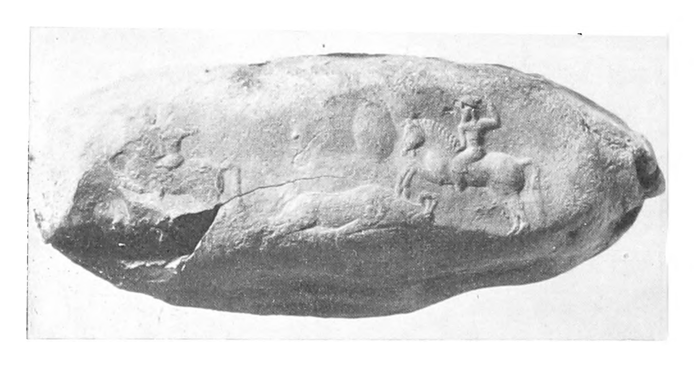
94. Митридат Каллиник, отец Антиоха Коммагенского, и Геракл. Рельеф найден на третьей платформе Арсамейского святилища в Нимфее

ОХОТА И КОНИ

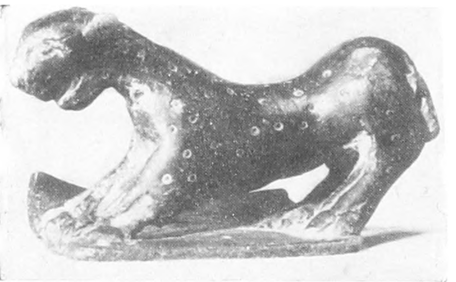
95. Ассирийская охота на львов

96. Цилиндрическая печать с изображением охотящегося Дария

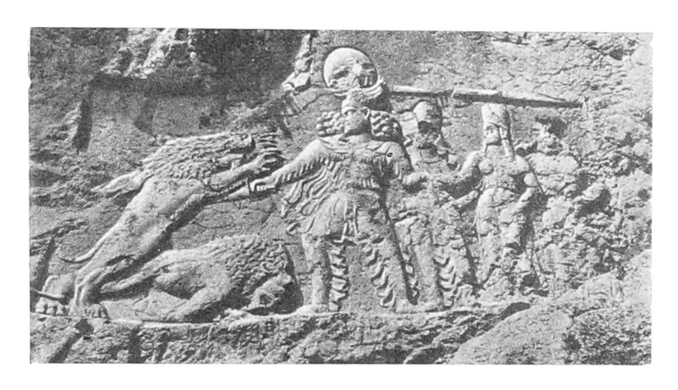
97. Оттиск печати из Персеполя с изображением охоты

98. Леопард. Парфянская статуэтка (8,3 *см* × 4,9 *см*)

99. Парфянский всадник

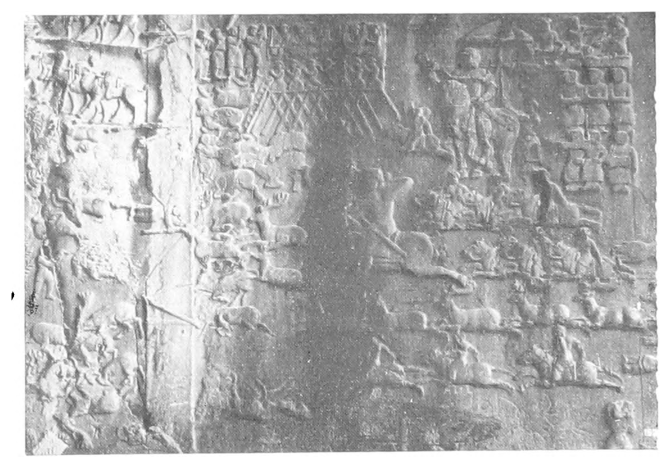

100. Варахран II, поражающий львов. Рельеф в Сар-и Мешхед

101. Охотящийся Митра. Фреска из Дура-Эвропос

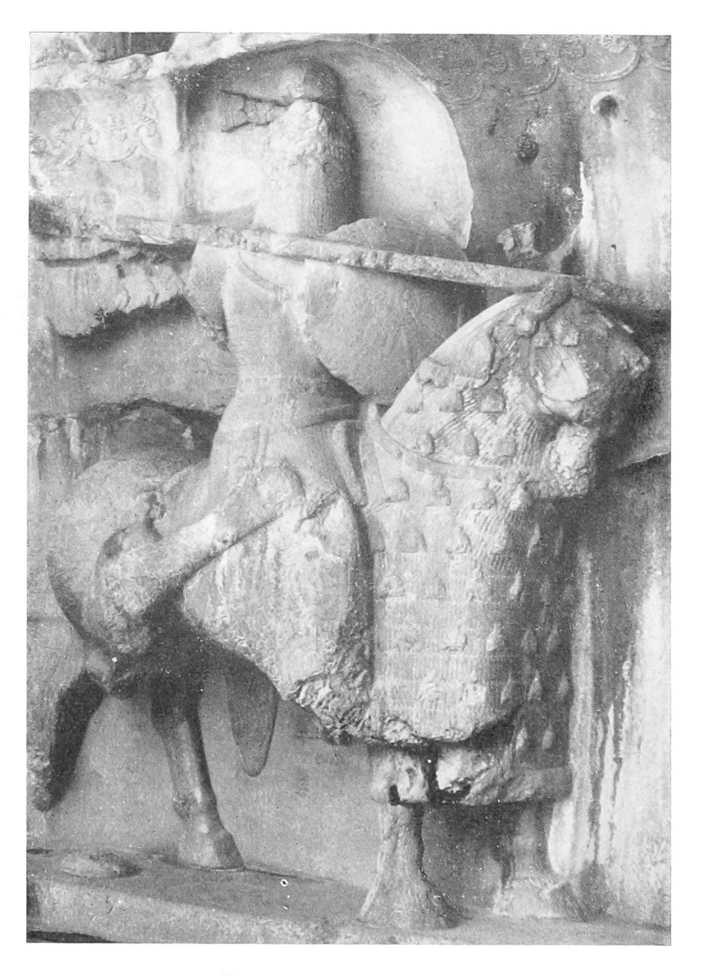

102. Серебряное блюдо (диаметр 24 *см*) с изображением царя Пероза, охотящегося на вепрей

103, 104. Две охотничьи сцены из Так-и Бустана

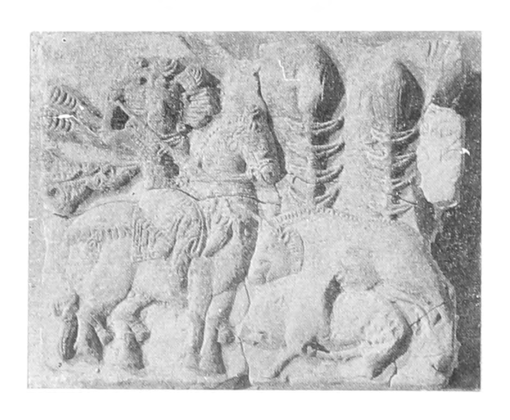

105. Сасанидский рельеф из Так-и Бустана. Фигура всадника

СИМВОЛЫ И СЮЖЕТЫ — ВЕПРЬ

106, 107. Сасанидская штуковая панель, на которой изображен всадник, поражающий копьем вепря, и (107) та же сцена на панели из окрестностей Тегерана (деталь, см. рис. 108)

108. Целая штуковая панель со сценой охоты на вепрей

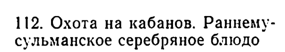
109. Голова кабана на сасанидском шелке из Астаны

110. «Бычий» головной убор на монетах так называемого *«Напки Малка»*

111. Дикий кабан — символ, очень широко распространенный в сасанидском искусстве. Эта голова вепря — часть штукового фриза (диаметр 37,5 *см*)

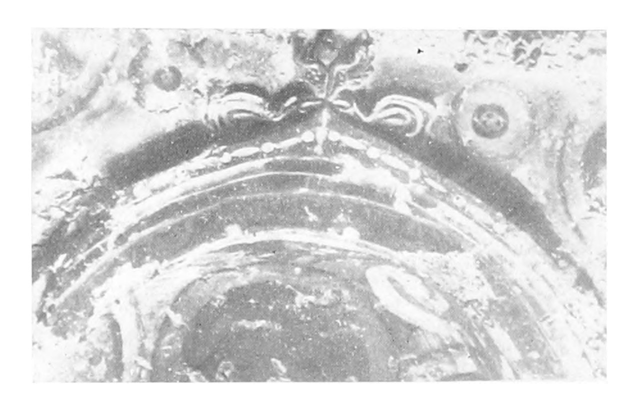

112. Охота на кабанов. Раннемусульманское серебряное блюдо

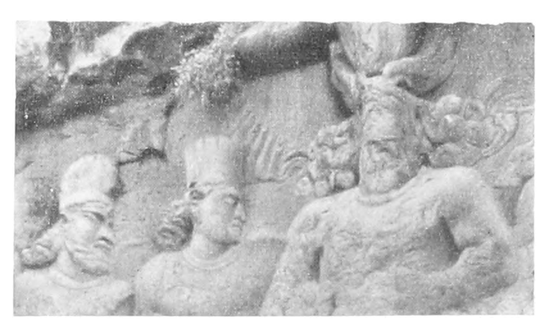

113, 114. Для позднесасанидского искусства характерно широкое распространение монограмм, символов и сложных узоров. Сасанидская монограмма в штуке (113) и типично сасанидский символ на карнизе из зала собраний в Бамиане (114)

115, 116, 117. Сасанидские монограммы или эмблемы на головных уборах вельмож в Накш-и Раджабе (115); вельможи с эмблемами на головных уборах приветствуют традиционными жестами Варахрана II на рельефе в Накш-и Рустаме (116); подобная же сцена из Накш-и Бахрама (117)

118. Скульптурная голова из кушанского святилища в Мате с монограммой брахми, раскрываемой как *náyasa* (высота 37,5 *см*)

119. Бактрийское (?) блюдо из серебряного сплава (вес 867 *г*)
с изображением геральдического орла

ИРАН И ЛОЗА

120. Ритон из Луристана

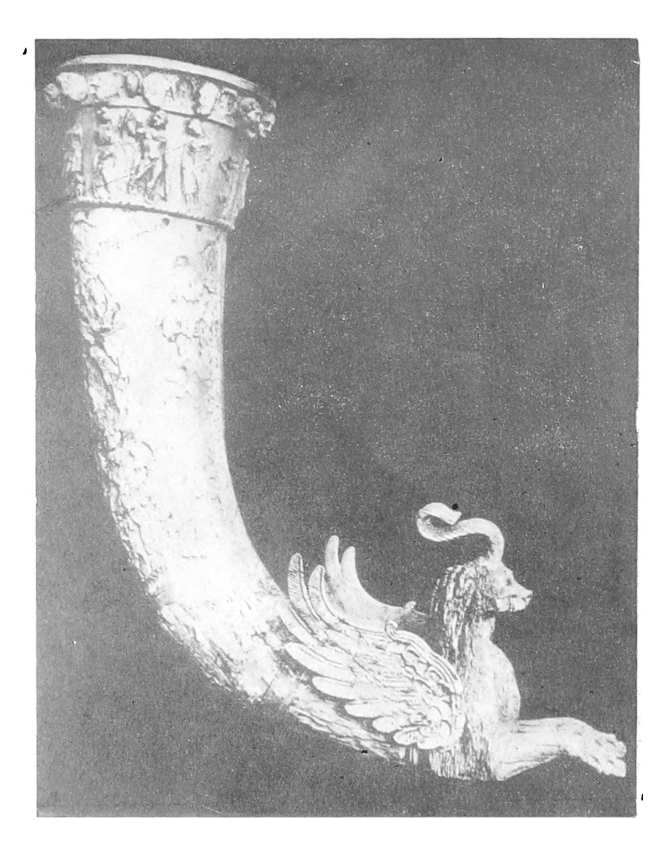
121. Серебряный ритон
из Амударьинского клада

122. Чаша для питья из Зивийе

123. Золотой ритон (ахеменидский период)

124. Большой квадратный зал парфянской Нисы хранил клад ритонов из слоновой кости с поясами сцен из греческой мифологии, расположенными по кругу. Эти ритоны — красноречивое свидетельство расцвета эллинистического искусства в Восточном Иране.

125. Позднесасанидское блюдо (серебро, вес 629 *г*)

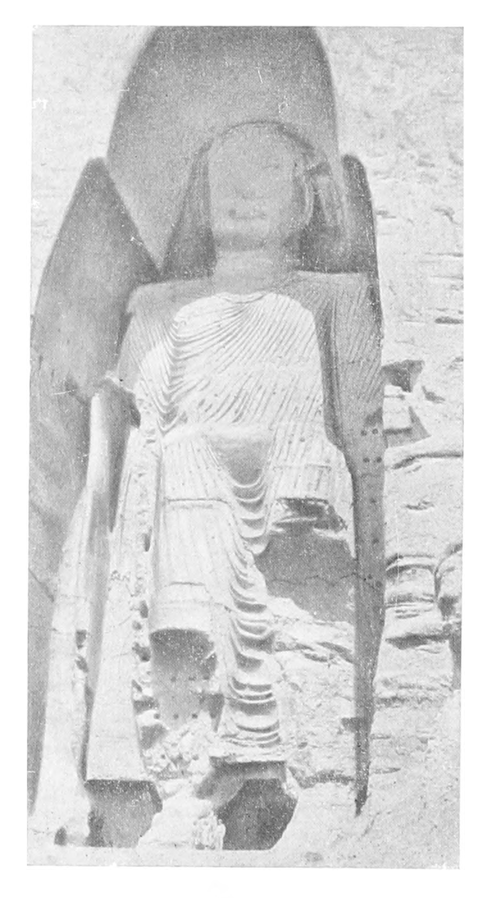

126. Сцена возлияния. Миниатюра послеильханского периода

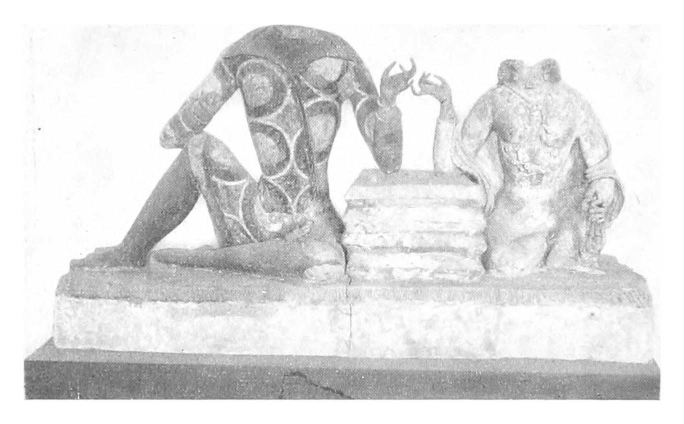
127. Миниатюра из книги об «автоматах» ал-Джазари, изображающая чашу для вина с механизмом.

ВОСТОК

128. Большой Будда в Бамиане

129, 130. Развалины парфянского (?) города Кух-и Хваджа в Сеистане (129) и руины в Сеистане, занесенные песком (130)

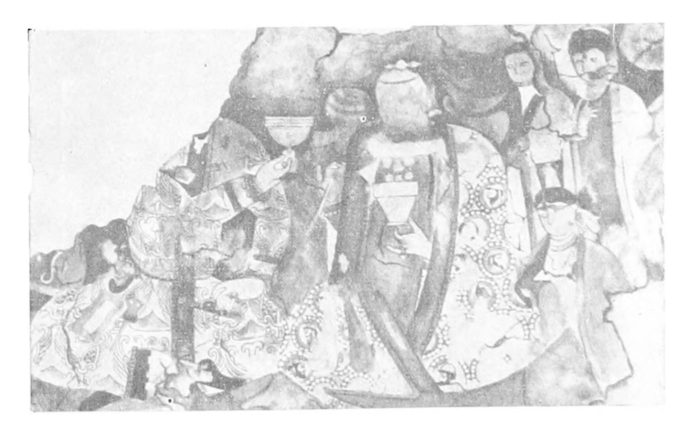

131 Сидящие царевич с супругой. Фундукистан (Афганистан)

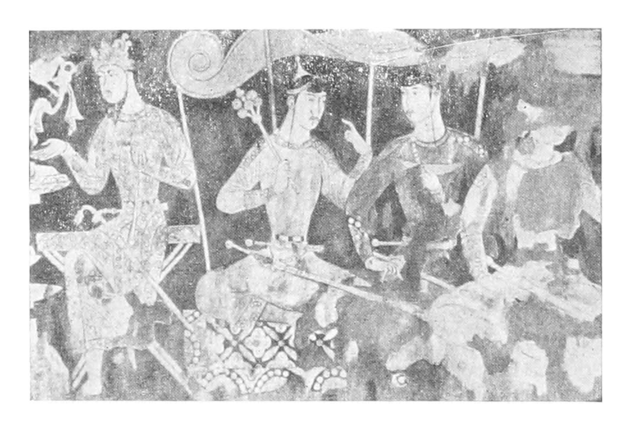

132. Монета «царя Напки (?)»

133. Воины из Кызыла (Восточный Туркестан)

134. Стенная роспись из Балалык-тепе (близ Термеза)

135. Знатные согдийцы. Стенная роспись из Пенджикента.

136. Чаша из Нишапура мусульманского времени с сасанидскими мотивами (диаметр 12 *см*).

СПИСОК ОПЕЧАТОК

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
25	22 св.	страну	сторону
56	18 св.	вест.	авест.
68	25 св.	*ksatra*	*kṣatra*
73	10 св.	*Suγδda*	*Suγda*
82	19 св.	«поселение»,	«поселение»
83	16 св.	**gṝda*	**gṛda*
120	15 сн.	**pasārkagrlš*	**pasārkadrlš*
138	11 св.	*Xšayāšan*	*Xšayāršan*
138	16 св.	*xçaϑra*	*xšaϑra*
145	15 сн.	Вместо этой строки читать:	*egirtu* «письмо» и к древнеир. *hangaṛ*. Поскольку это слово представлено в
178	1 сн.	1948,	1948, стр. 433.
258	2 св.	свои монеты.	свою монету.
262	17—16 сн.	верхушка,	верхушка
282	19 сн.	Вместо этой строки читать:	bischen Chronik des Tabari übersetzt und mit ausführlichen Erläuterungen und
293	19 сн.	Индра	Инда
300	13 сн.	[*Wspḥ*]'*h*	[*Wspḥ*] '*n*
311	13 сн.	(*MLK*'	(*MLK*')
345	19 св.	Карезин?	Казерун?
356	2 сн.	350	354
Рис. 12, подпись	2 св.	высота	длина
Рис. 20, подпись	1—2 сн.	«скифский» и ассирийский местные стили	«скифский», ассирийский и местный стили
Рис. 25, 26 подпись	2 св.	оставшейся необитаемой	обитаемой
Рис. 51, подпись	1 сн.	с надписью(?)	с надписью ihrazaha(?)
Рис. 60, подпись	2 св.	*šur'čy*	*šyr'čy*
Рис. 91, подпись	1 сн.	из Амударьинского клада	лунного божества (?).

Зак. 810

ОГЛАВЛЕНИЕ

Ричард Фрай

Наследие Ирана

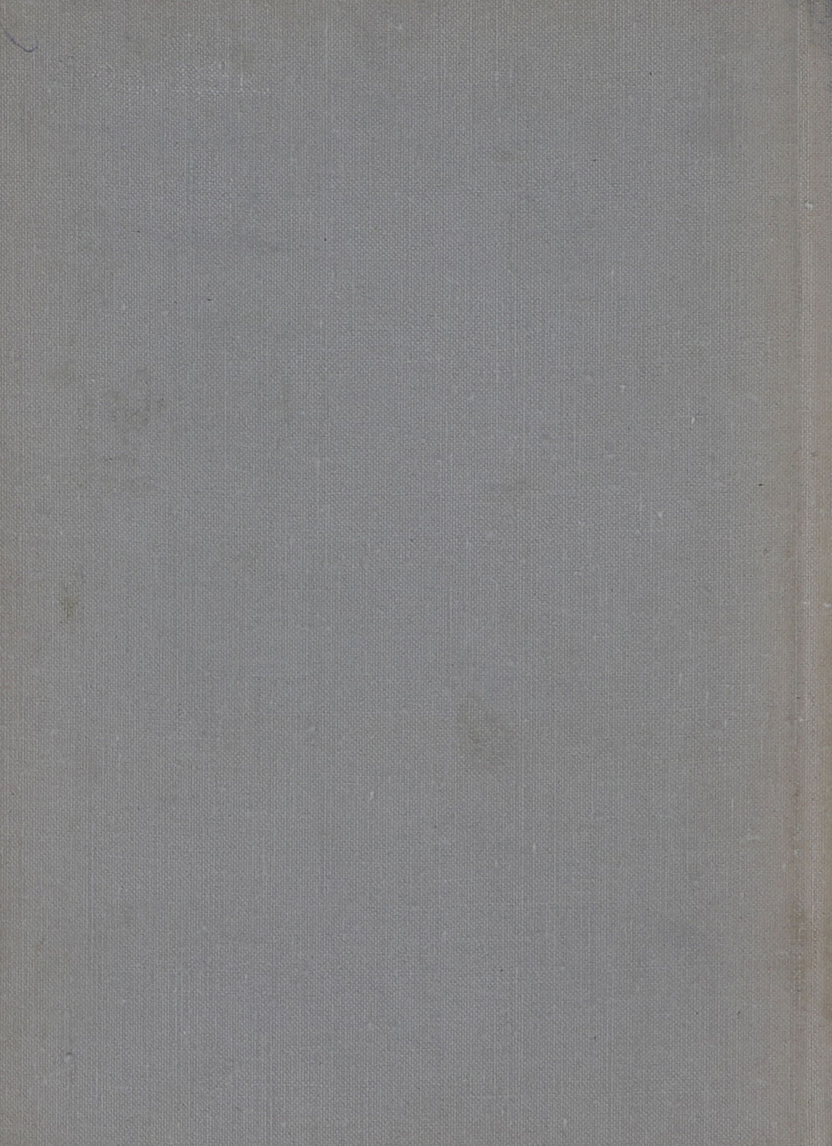
Утверждено к печати
Редколлегией серии
«Культура народов Востока»

Редактор *Н. Б. Кондырева*
Младший редактор *Р. Г. Канторович*
Художник *Э. Л. Эрман*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *М. М. Фридкина*
Корректор *Н. Б. Осягина*

Сдано в набор 25/VIII 1971 г. Подписано к печати 23/III 1972 г.
Формат 60 × 84¹/₁₆. Печ. л. 29,25. Усл. печ. л. 27,2. Уч.-изд. л. 30,34
Тираж 6700 экз. Изд. № 2703. Заказ № 920. Цена 2 р. 25 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука». Москва, К-45, Б. Кисельный пер., 4

Цена 2 р. 25 к.